РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **доктор исторических наук Г.Н. Ульянова**

Ответственный секретарь **В.В. Введенский**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2023. № 5 (31)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–8

From the Editor 9–10

История промышленности: тенденции общероссийского и регионального развития

Г.Н. Ульянова Статистика промышленности в Российской империи в 1800–1860 годы: общероссийские данные, структура по отраслям и регионам, тенденции развития в дореформенный период 11–36

Е.Г. Неклюдов. Купеческие роды в составе уральских заводчиков первой половины XIX века: особенности владения и управления 37–55

Е.В. Пчелов. Городская геральдика Российской империи как источник по истории металлургической промышленности и кузнечного ремесла: 1720-е годы – первая половина XIX века 56–70

Кожевенная и салотопенная отрасли: производство и торговля

С.М. Ледров. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX веков (по материалам Российского государственного архива древних актов) 71–83

М.К. Акользина. Кожевенное производство в Тамбовской губернии в XIX веке (по материалам Государственного архива Тамбовской области и Российского государственного архива древних актов) 84–100

В.П. Микитюк. Роль екатеринбургского купечества в развитии межрегиональной торговли салом в конце XVIII – XIX веке 101–108

История отдельных предприятий и предпринимательская стратегия их владельцев

М.Н. Барышников. Фарфоровое производство в России: эволюция семейного дела Корниловых в XIX – начале XX века 109–119

В.М. Марасанова. Виктор Рагозин, Дмитрий Менделеев, братья Нобели и становление нефтехимического производства в Ярославской губернии в 1870–1910-е годы 120–130

Т.В. Юденкова. Московские купцы и меценаты Павел и Сергей Третьяковы: фабричная и торговая деятельность в Москве и Костроме в 1860–1880-е годы 131–146

Б.Н. Латыпов. История Златоустовского (Косотурского) чугуноплавильного и железоделательного завода Уфимской губернии в начале XX века: экономическое положение 147–158

Столичное измерение бизнеса: Петербург и Москва

А.В. Келлер. «Принадлежащее мне булочное заведение – заведение чисто ремесленное (цеховое)»: трансформация технологических укладов и традиционное хлебобулочное производство российских столиц в XIX веке – от булочной к промышленной пекарне? 159–172

Е.В. Кардаш. Похоронный бизнес в Санкт-Петербурге в 1800–1860-е годы: от пушкинского «Гробовщика» к историческим реалиям 173–190

■ **Вдоль Волжской водной артерии: промышленность и торговля**

Н.В. Обнорская. Эволюция предпринимательской деятельности ярославских купцов в сфере производства и сбыта тканей в конце XVIII – начале XX века 191–199

Н.А. Кореева. Купеческое судоходство по Волге и Каме в первой половине XIX века: проблемы доставки и обеспечения сохранности транспортируемых товаров 200–214

Е.А. Запевалова. Промышленные предприятия Нижегородской губернии в собственности и управлении женщин в 1890-е годы 215–229

■ **Предприниматели в период модернизации рубежа XIX-XX веков**

И.В. Маслова. Загородные имения как новая стратегия предпринимательской деятельности российского регионального купечества во второй половине XIX – начале XX века (на примере купеческой династии Стахеевых) 230–240

С.В. Аброськин. Коммерческая реклама на страницах периодических изданий Томской губернии (1896–1913 годы) 241–250

■ **Судьбы предпринимателей**

В.П. Шахеров. Судьба иркутского купца Ивана Бечевина в контексте взаимоотношения власти и сибирского предпринимательства середины XVIII века 251–261

Е.А. Кашапова. Предпринимательская деятельность П.П. Батолина (1878–1939) в эмиграции в 1918–1925 годах 262–266

■ **Мир книги**

В.В. Гермизеева. Храня прошлое во имя будущего: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» 276–586

CONTENTS

From the Editor (*in Rus.)* 7–8

From the Editor 9–10

■ **Industrial History: Trends of All-Russian and Regional Development**

G.N. Ulianova. The Industrial Statistics of the Russian Empire from 1800 to 1860: Common Data, Regional and Branch Structure, Development Trends in the Pre-Reform Period 11–36

E.G. Neklyudov. Merchant Families as Part of the Ural Factory Owners in the First Half of the 19th Century: Features of Ownership and Management 37–55

E.V. Pchelov. City Heraldry of the Russian Empire as a Source on the History of the Metallurgical Industry and Blacksmithing: 1720s – the First Half of the 19th Century 56–70

■ **Leather and Fat-Rendering Industries: Production and Trade**

S.M. Ledrov. The Leather Industry of the Nizhny Novgorod Province at the Turn of the 18th–19th Centuries (According to the Materials of the Russian State Archive of Ancient Acts) 71–83

M.K. Akol'zina. Leather Production in the Tambov Province in the Nineteenth Century (According to the Materials of the State Archive of the Tambov Region and the State Archive of Ancient Acts) 84–100

V.P. Mikityuk. The Role of Yekaterinburg Merchant Class in the Development of Interregional Trade in Lard the End of 18th – 19th Centuries 101–108

■ **The History of Enterprises and the Entrepreneurial Strategy of Their Owners**

M.N. Baryshnikov. Porcelain Production in Russia: The Evolution of the Kornilov Family Business in the 19th – Early 20th Century 109–119

V.M. Marasanova. Viktor Ragozin, Dmitry Mendeleev, Nobel Brothers and the Development of Petrochemical Production in the Yaroslavl Province in the 1870s–1910s 120–130

T.V. Yudenkova. Moscow Merchants and Patrons Pavel and Sergey Tretyakov: Factory and Trade Activities in Moscow and Kostroma in the 1860–1880s 131–146

B.N. Latypov. History of the Zlatoust (Kosotursky) Cast Iron Smelter and Iron Making Factory of Ufa Province at the Beginning of the 20th Century: Economic Situation 147–158

■ **The Metropolitan Dimension of Business: St. Petersburg and Moscow**

A.V. Keller. "The Bakery Belonging to me is a Purely Craft (Corporation) Establishment": The Transformation of Technological Ways and Traditional Bread Production of Russian Capitals in 19th Century – from Bakery to Industrial Production? 159–172

E.V. Kardash. Funeral Business in St. Petersburg in the 1800s–1860s: From Pushkin's "Coffin Maker" to Historical Realities 173–190

■ **Along the Volga Waterway: Iindustry and Trade**

N.V. Obnorskaya. The Evolution of the Entrepreneurial Activity of Yaroslavl Merchants in the Field of Production and Sale of Fabrics in the Late 18th – Early 20th Centuries 191–199

N.A. Koreeva. Merchant Shipping along the Kama and Volga in the First Half of the 19th Century: Problems of Delivery and Safety of Transported Goods 200–214

E.A. Zapevalova. Industrial Enterprises in Women's Ownership and Management in the Nizhnii Novgorod Province in the 1890s 215–229

■ **Entrepreneurs in the Period of Modernization of the Turn of the 19th–20th Centuries**

I.V. Maslova. Country Estates as a New Business Strategy for Russian Regional Merchants in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (On the Example of the Stakheev Merchant Dynasty) 230–240

S.V. Abroskin. Commercial Advertising on the Pages of Periodicals of Tomsk Province (1896–1913) 241–250

■ **The Entrepreneurs Destinies**

V.P. Shakherov. The Fate of the Irkutsk Merchant Ivan Bechevin in the Context of the Relationship Between Government and Siberian Entrepreneurship in the Middle of the 18th Century 251–261

E.A. Kashapova. The Entrepreneurial Activity of P.P. Batolin (1878–1939) in Exile in 1918–1925 262–266

■ **The Entrepreneurs Destinies**

V.V. Germizeeva. Keeping the Past for the Sake of the Future: Review of the Monograph by D.I. Petin "The History of the Batyushkin's Family in Omsk" 276–286

2023 · № 5 (31)

Тема номера:

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ОТ РЕДАКТОРА

Изучение истории промышленности и торговли в Российской империи в последнее тридцатилетие вышло на новый виток развития.

Современные исследователи фабрично-заводского производства в России ориентируются на вдохновляющие труды предшественников в лице авторов, начинавших работу еще в XIX в.: М.И. Туган-Барановского (автора труда «Русская фабрика в прошлом и настоящем»), Е.М. Дементьева (автора книги «Фабрика, что она дает населению и что отнимает у него»), Ю.Э. Янсона (автора «Сравнительной статистики России и западноевропейских государств»), а также В.П. Безобразова, И.М. Кулишера и ряда других выдающихся ученых.

Советские историки и экономисты П.Г. Любомиров, В.К. Яцунский, К.А. Пажитнов, Р.С. Лившиц, М.К. Рожкова, И.В. Мешалин, А.С. Нифонтов, Б.В. Ананьич, Н.С. Киняпина, Ю.Я. Рыбаков, Ю.И. Кирьянов, а также наши современники Л.И. Бородкин, И.М. Пушкарева, Д.В. Гаврилов, К.М. Юрчук, А.М. Соловьева, В.И. Бовыкин, Ю.А. Петров, В.Н. Захаров, Н.В. Козлова и другие изучали и изучают разные стороны экономического развития страны в период до 1917 г.

Ныне как в российской, так и в мировой историографии наблюдается значительное расширение проблематики. В истории промышленности мы изучаем не только положение фабричных рабочих, но также делаем акцент на истории оборудования, сырья и производимых товаров. Исследование эволюции торговли приводит к анализу эволюции технологии производства текстиля и металла, кожи и мыла, фарфора и химической продукции.

Такой поворот в проблематике связан со значительным интересом современных людей к истории материального мира людей прошлого, их социальной истории, тесно увязанной с экономическим пейзажем эпохи XIX в. Изучаемое столетие было временем мировой промышленной революции и созревания новых стандартов потребления, вызванных небывалым до того времени производством массовой продукции и развитием путей сообщения, прежде всего железных дорог и водных путей.

Поэтому большим желанием авторов нашего номера журнала было познакомить читателя с новыми темами и представить результаты своих архивных открытий.

Среди 20 авторов номера – историки из всех российских регионов. Это коллеги из Сибири (Иркутск, Омск, Томск), Поволжья (Казань, Ярославль, Нижний Новгород), из Прикамья и с Урала (Екатеринбург, Елабуга, Уфа), из Москвы, Петербурга и Тамбова.

В разделе «История промышленности: тенденции общероссийского и регионального развития» представлен ряд исследований. Это обобщающая статья Г.Н. Ульяновой о статистике промышленности в Российской империи в период 1800–1860 гг. (анализ статистических данных позволяет определить структуру производства по отраслям и регионам) и новаторская работа Е.Г. Неклюдова о значении купечества в составе уральских заводчиков первой половины XIX в., купеческих стратегиях владения и управления. Особый интерес в статье Е.В. Пчелова представляет привлечение геральдического материала в качестве перспективного источника для изучения истории металлургии и кузнечного промысла.

Достаточно новым направлением в современной мировой историографии становится изучение важных в XIX в. отраслей промышленности – кожевенной и салотопенной. Они объединены во второй рубрике журнала «Кожевенная и салотопенная отрасли: производство и торговля» по признаку классификации XIX в. – переработка

животных продуктов. Россия в XIX в. входила в число ведущих мировых производителей кожи вместе с Англией, Германией и Францией, а также была крупным экспортером сала в Европу. В статьях С.М. Ледрова и М.К. Акользиной на архивных документах представлено, как развивалось кожевенное производство в Нижегородской и Тамбовской губерниях, а В.П. Микитюк показал, что уральское купечество играло большую роль в межрегиональной торговле салом (которое из Сибири и степных районов могло доходить до Петербурга и далее на экспорт).

Важное значение имеют микроисторические исследования по изучению отдельных предприятий. В разделе «История отдельных предприятий и предпринимательская стратегия их владельцев» представлен блок из четырех статей, раскрывающих историю главным образом семейных фирм, владевших ведущими российскими предприятиями. М.Н. Барышников посвятил свое исследование фарфоровому производству петербургских промышленников Корниловых; В.М. Марасанова – становлению нефтехимического производства в Ярославской губернии (при участии В. Рагозина, Д. Менделеева и братьев Нобелей); Т.В. Юденкова – начальному этапу действий устроенной в Костроме льноткацкой фабрики московских купцов Третьяковых; Б.Н. Латыпов – производству железа и чугуна на Златоустовском заводе в Уфимской губернии.

Два следующих раздела сформированы по региональному принципу.

В рубрику «Столичное измерение бизнеса: Петербург и Москва» включены две новаторские статьи, рассматривающие сферы бизнеса, прежде не исследованные на российском материале. А.В. Келлер рассмотрел самоорганизацию и профессиональные стандарты в среде петербургских и московских булочников (купцов и ремесленников), чья деятельность была строго регламентирована. Е.В. Кардаш представила работу междисциплинарного характера – на стыке истории и филологии, сопоставив литературные произведения и исторические реалии, касающиеся похоронного бизнеса в Санкт-Петербурге.

Три статьи в разделе «Вдоль Волжской водной артерии: промышленность и торговля» освещают новые интересные сюжеты – текстильное производство и торговлю ярославских купцов (статья Н.В. Обнорской), организацию купеческого судоходства в Камско-Волжском водном бассейне (статья Н.А. Кореевой), деятельность женщин-владелиц в промышленности Нижегородской губернии (статья Е.А. Запеваловой).

На рубеже XIX–XX вв. в истории предпринимательства возникают новые явления. Им посвящены статьи в разделе «Предприниматели в период модернизации рубежа XIX–XX веков». Развитие прибыльных предприятий в загородных имениях Стахеевых рассмотрено в статье И.В. Масловой. В работе С.В. Аброськина проанализирована коммерческая реклама в прессе Томской губернии.

Статьи в разделе «Судьбы предпринимателей» раскрывают биографии двух видных деятелей своего времени – иркутского купца Ивана Бечевина (статья В.П. Шахерова) и елабужского коммерсанта П.П. Батолина (статья Е.А. Кашаповой).

Завершает номер размещенная в разделе «Мир книги» рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» – книгу о 150-летней саге купеческой семьи на протяжении XIX–XX вв. подробно анализирует В.В. Гермизеева.

Выпускающий редактор:
доктор исторических наук
Галина Николаевна Ульянова

Выпускающий редактор **доктор исторических наук Г.А. Ульянова**
Ответственный секретарь **В.В. Введенский**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

2023 · No. 5 (31)

The Theme of the Issue:

TRADE AND INDUSTRY IN RUSSIA IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY

FROM THE EDITOR

The study of the history of industry and trade in the Russian Empire has entered a new stage of development in the last thirty years.

Contemporary researchers of industrial history of Russia are guided by the inspiring works of their predecessors who began their investigations in the 19th century such as M.I. Tugan–Baranovsky's "The Russian Factory in the Past and Present", E.M. Dementiev's "The Factory: What it Gives the Population and What it Takes From it", Y.E. Yanson's "Comparative Statistics of Russia and Western European States", as well as V.P. Bezobrazov, I.M. Kulisher and a number of other outstanding academicians.

Soviet historians and economists including P.G. Lyubomirov, V.K. Yatsunsky, K.A. Pazhitnov, R.S. Livshits, M.K. Rozhkova, I.V. Meshalin, A.S. Nifontov, B.V. Anan'ich, N.S. Kinyapina, Yu.Ya. Rybakov, Yu.I. Kiryanov, as well as our contemporaries L.I. Borodkin, I.M. Pushkareva, D.V. Gavrilov, K.M. Yurchuk, A.M. Solovyova, V.I. Bovykin, Yu.A. Petrov, V.N. Zakharov, N.V. Kozlova and others studied and are studying different aspects of the economic development of Russia in the period before 1917.

Nowadays, we can state a significant extension of research area both in Russian and in world historiography. In the history of industry, we study not only the labor history or history of factory workers, but also focus on the history of technical equipment, raw materials and manufactured goods. The study of the evolution of trade leads to the analysis of the evolution of the technology of production of textiles and metal, leather and soap, porcelain and chemical products.

Such a turn in the exploration is associated with a significant interest of our contemporaries in the social and cultural history of the materials and materiality of the past, which linked with the economic landscape of the 19th century era. The century under consideration was the time of the world industrial revolution and the maturation of new consumption standards caused by the unprecedented mass production and development of communication routes, primarily railways and water transportation.

Therefore, the great desire of the authors of our issue is to introduce the reader to new topics and present the results of our archival findings.

Among twenty authors of this issue are historians from all Russian regions, such as colleagues from Siberia (Irkutsk, Omsk, Tomsk), the Volga region (Kazan, Yaroslavl', Nizhnii Novgorod), from the Kama Region and the Urals (Yekaterinburg, Yelabuga, Ufa), from Moscow, St. Petersburg and Tambov.

A number of studies are presented in the section "Industrial History: Trends of All-Russian and Regional Development". Here you can find a summary article by G.N. Ulyanova on industrial statistics in the Russian Empire in the period of 1800 to 1860 (analysis of statistical data allows us to determine the structure of production by industry and region), and the innovative work of E.G. Neklyudov on the importance of merchants in the corpus of Ural plant-owners in the first half of the XIX century, the peculiarities of merchant ownership and management strategies. In the article by E.V. Pchelov the usage of heraldic material as a promising source for studying the history of metallurgy and blacksmith is in a great interest.

A fairly new field in modern world historiography is the study of important industries in the 19th century as leather and fat processing. They are combined in the second section titled "Leather and Fat-Rendering Industries: Production and Trade" and based on the classification of the 19th century as "processing of animal products". Russia in the 19th century was one of the world's leading leather producers, along with England, Germany and France, and was also a major exporter of fat to Europe. In the articles by S.M. Ledrov and M.K. Akol'zina, based on archival documents, it shows the leather industry development in the Nizhnii Novgorod and Tambov provinces; and V.P. Mikityuk showed that the Ural merchants played a major role in the interregional trade in tallow (which from Siberia and steppe regions could reach St. Petersburg and export to Europe).

Microhistoric studies of enterprises are of great importance. The section titled "The History of Enterprises and the Entrepreneurial Strategy of Their Owners" presents a block of four articles revealing the history, mainly, of family firms that owned leading Russian enterprises. M.N. Baryshnikov devoted his research to the porcelain production of St. Petersburg industrialists Kornilov; V.M. Marasanova – the formation of petrochemical production in the Yaroslavl province (with the participation of V. Ragozin, D. Mendeleev and the Nobel brothers); T.V. Yudenkova – the initial 30-years-stage of the activity of the flax-weaving mill. owned by the Moscow merchants Tretyakov in Kostroma; B.N. Latypov – the production of iron and cast iron at the Zlatoust plant in the Ufa province.

The next two sections are determined according to the regional principle.

The block titled "The Metropolitan Dimension of Business: St. Petersburg and Moscow" presents two innovative articles, considering business areas that have not been previously studied on Russian material. A.V. Keller examined self-organization and professional standards among St. Petersburg and Moscow bakers (merchants and artisans), whose activities were strictly regulated. E.V. Kardash presented a work of an interdisciplinary nature, at the intersection of history and philology, comparing fiction (literary) works and historical realities concerning the funeral business in St. Petersburg.

Three articles in the section "Along the Volga Waterway: Iindustry and Trade" cover new interesting subjects as textile production and trade of Yaroslavl merchants (article by N.V. Obnorskaya); the organization of merchant shipping in the Kama-Volga water basin (article by N.A. Koreeva); the activities of female entrepreneurs in the industry of the Nizhny Novgorod province (article by E.A. Zapevalova).

At the turn of the 19th–20th centuries new phenomena were emerging in the history of entrepreneurship. Two articles consider this issues in the section "Entrepreneurs in the Period of Modernization of the Turn of the 19th–20th Centuries". The development of profitable enterprises in the country estates of the Stakheevs is examined in the article by I.V. Maslova. In the work of S.V. Abros'kin, commercial advertising in the press of the Tomsk province is analyzed.

Two articles in the section "The Entrepreneurs Destinies" reveal the biographies of two prominent persons of their time: the Irkutsk merchant Ivan Bechevin (article by V.P. Shakherov) and the Yelabuga entrepreneur P.P. Batolin (article by E.A. Kashapova).

At the final part of the issue, the "World of the Book" section, there is a review by V.V. Germizeeva on D.I. Petin's monograph "The History of Batyushkin Family in Omsk", a book containing the 150–year-old saga of a local merchant family during the 19th–20th centuries.

Executive editor:
Doctor of Historical Sciences
Galina Nikolaevna Ulianova

Г.Н. Ульянова*

СТАТИСТИКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1800–1860 ГОДЫ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ДАННЫЕ, СТРУКТУРА ПО ОТРАСЛЯМ И РЕГИОНАМ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-1
УДК 338.26:31:33"1800/1860"

Выходные данные для цитирования:
Ульянова Г.Н. Статистика промышленности в Российской империи в 1800–1860 годы: общероссийские данные, структура по отраслям и регионам, тенденции развития в дореформенный период // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 11–36. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-01.pdf

G.N. Ulianova*

THE INDUSTRIAL STATISTICS OF THE RUSSIAN EMPIRE FROM 1800 TO 1860: COMMON DATA, REGIONAL AND BRANCH STRUCTURE, DEVELOPMENT TRENDS IN THE PRE-REFORM PERIOD

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-1

How to cite:
Ulianova G.N. The Industrial Statistics of the Russian Empire from 1800 to 1860: Common Data, Regional and Branch Structure, Development Trends in the Pre-Reform Period // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 11–36. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-01.pdf]

Abstract. This article focuses on the issue of the industrial statistics of the Russian Empire from 1800 to 1860 that remains relatively unexplored due to incomplete primary and secondary statistical data. The essay chronologically covered a long period of six pre-reform decades, characterized with development of all branches of industry (with the dominance of textile branch) and the beginning of industrial revolution. The article is based on various archival and published sources, primarily on the materials of industrial and trade statistics, as well as analytical reviews published by the Ministry of Finance and partially presented as articles in the 'Journal of Manufacturing and Trade', and the all-Russian and regional industrial exhibitions surveys. Particular attention is given to the representation of large and significant enterprises to illustrate the development trends.

Keywords: entrepreneurship, industry, statistics, merchants, nobility, textile factories, Imperial Russia, Moscow, St. Petersburg, Ural, Siberia.

The article has been received by the editor on 01.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье освещен вопрос статистики промышленности в Российской империи в период 1800–1860-х гг., который пока изучен недостаточно по причине неполноты как первичных, так и вторичных статистических данных. Хронологически исследование охватывает длительный период шести предреформенных десятилетий, когда развивались все отрасли промышленности (при доминировании текстильной) и начиналась промышленная революция. Статья написана на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, прежде всего на материалах промышленной и торговой статистики; были использованы аналитические обзоры, изданные Министерством финансов, а также опубликованные в виде статей в «Журнале мануфактур и торговли»,

* **Галина Николаевна Ульянова,** доктор исторических наук, Институт российской истории Российской Академии наук, Москва, Россия, e-mail: galina.ulianova@gmail.com
Galina Nikolaevna Ulianova, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: galina.ulianova@gmail.com

и обозрения общероссийских и региональных мануфактурных выставок. Особое внимание уделено историям крупных и значимых предприятий, что дало возможность проиллюстрировать тенденции развития промышленности в изучаемый период.

Ключевые слова: предпринимательство, промышленность, статистика, купечество, дворянство, текстильные фабрики, Российская империя, Москва, Санкт-Петербург, Урал, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023 г.

В период 1800–1850-х гг. развитие промышленности в Российской империи шло в русле общемирового течения, хотя и с запозданием по отношению к ведущим европейским странам. Создавались крупные и мелкие предприятия, производившие товары массового спроса, прежде всего текстиль и металлоизделия, кожевенную продукцию. Во второй четверти XIX в. наблюдались признаки промышленной революции, что характеризовалось внедрением паровых машин и механических станков.

В 1799 г. в Российской империи было 2 094 промышленных предприятия, где трудилось 81 747 рабочих[1]. В 1814 г., согласно опубликованной Министерством финансов «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», насчитывалось 3 731 промышленное предприятие[2]. В 1839 г., по данным отчета Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, «находилось во всей Империи в действии фабрик и заводов 6 855», при них было мастеровых и рабочих 412 931 чел.[3] В 1854 г. в стране было 9 751 предприятие со 461,4 тыс. рабочих – было выработано продукции на 152 млн руб.[4] Приведенные цифры отражают мощный рост промышленных сил в эту эпоху.

При этом по объему производства и числу рабочих преобладали текстильные отрасли – суконная, шелковая, хлопчатобумажная, полотняная. Согласно выводам В.К. Яцунского, производившего подсчеты по первичным данным, собранным И.В. Мешалиным и А.Г. Рашиным, «по числу рабочих удельный вес текстильных мануфактур … составлял: в 1799 г. – 90 %, в 1804 г. – 74 % и в 1835 г. – 79 %»[5].

Рост промышленности проходил в условиях крепостного права. Поэтому при изучении истории промышленности до 1861 г. следует выделять во владении фабриками и заводами два типа, условно обозначив их как «дворянский» и «купеческий».

В дворянском хозяйственном комплексе, ядром которого была сельская усадьба, промышленные предприятия являлись одним из элементов инфраструктуры. Доходы от промышленных предприятий могли в некоторой степени компенсировать низкую товарность сельскохозяйственного производства, особенно в неурожайные годы.

В купеческом хозяйстве фабрика или лавка (а лавка чаще была вторым, завершающим компонентом, обеспечивающим гарантированное получение дохода от производственной деятельности) становились главным источником доходов купеческой семьи.

Наблюдалась отраслевая дифференциация между промышленным производством, находившимся в руках дворян и купцов.

По нашим подсчетам, сделанным, главным образом, по сводам «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы» и «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года»[6] и некоторым региональным справочникам, дворяне-владельцы в 1810–

[1] *Яцунский В.Е.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 121.

[2] См.: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816.

[3] Извлечение из Отчета Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1839 год // Журнал мануфактур и торговли. 1840. № 4. С. 13.

[4] *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 92.

[5] *Яцунский В.Е.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. … С. 126.

[6] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы…; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. СПб., 1833.

1840-е гг. преобладали в суконной (до 90–93 % владельцев), металлообрабатывающей (80–85 %), стекольной и хрустальной (80 %), писчебумажной (80 %), сахарной (100 %) отраслях, а также в производстве поташа (80 %) и селитры (100 %). Предприятия находились в сельской местности, использовали денежные и человеческие ресурсы, приобретенные в собственность богатыми дворянскими династиями за несколько поколений.

Купцы доминировали в хлопчатобумажной (50–60 %) и шелковой (70–75 %), мыловаренной-салотопенной-свечной-воскобойной (65–70 %), кожевенной (50–55 %), канатной (90–95 %) отраслях. 80 % купеческих предприятий находились в городах, около 20 % в сельской местности – в крупных фабричных селениях. На купеческих предприятиях использовался труд вольнонаемных рабочих.

К «купеческому» типу тяготели предприятия собственников-мещан, игравших заметную роль в кожевенной (30–35 %) и мыловаренной-салотопенной-свечной-воскобойной (20–25 %) отраслях. В этой сфере большинство предприятий представляли собой мастерские с 5–15 рабочими. Товар (дубленые шкуры, шорный товар, свечи, мыло, перетопленное сало) был востребован в любое время года и такие предприятия были широко распространены по всей территории страны – от губернских до уездных городов.

Эпоха 1800-х–1850-х гг. была временем начального развития массового крупного производства, формирования рабочих как группы населения, вначале незначительной, а к середине столетия уже многочисленной.

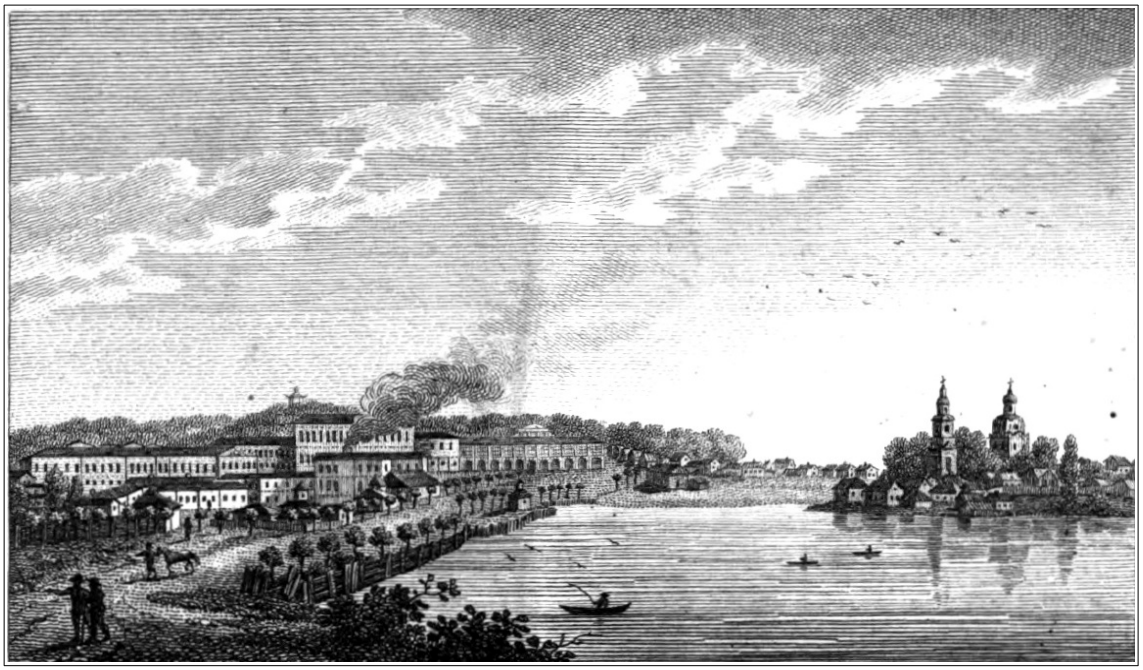

Рис. 1. Чугуноплавильный и железоделательный завод Баташёвых, затем Шепелевых, в Выксе Нижегородской губернии. Гравюра из книги «Заводы, бывшие И.Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву и его детям» (1826)

Статистика промышленного предпринимательства в 1800–1850-х годах: общие данные. В течение последних 170 лет в науке сделан ряд попыток аккумуляции и анализа статистических данных по истории промышленного развития в дореформенный период, но пока окончательных релевантных данных не существует[7]. В силу неполноты источников эти данные в трудах разных исследователей могут различаться.

Наиболее ранние полные статистические сведения о фабриках и заводах относятся к 1814 г. и опубликованы Министерством финансов в «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», в которой показано наличие в Российской империи 3 731 промышленного предприятия[8]. Сводные данные о количестве предприятий по отраслям представлены в табл. 1.

[7] Причины неполноты данных и сопоставление разных источников на достоверность представлены в книге: *Рыбаков Ю.Я.* Промышленная статистика России XIX в. М., 1976.

Таблица 1

Количество предприятий по отраслям промышленности. 1814 г.

Отрасль	Всего предприятий
Кожевенная	1 530
Суконная (шерстяная)	235
Полотняная	215
Мыловаренная, салотопенная, свечная, воскобойная	379
Стекольная и хрустальная	155
Бумажная	79
Хлопчатобумажная	423
Железных и стальных изделий	75
Шелковая	158
Канатная	102
Поташная	31
Фарфоровая и фаянсовая	30
Медная и пуговичная	59
Шляпная	41
Лакировальная	5
Сахарная	51
Производство красок	27
Производство купороса, серы	22
Всего	3 731

Источник: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816.

Согласно подсчетам, около 50 % владельцев были дворянами, 35–38 % (в разных отраслях) принадлежали к купечеству, 10–12 % – к мещанству, 2–3 % – к крестьянству, казачеству и изредка происходили из солдаток (солдатским женам разрешалось заниматься предпринимательством).

Наиболее развитой в промышленном отношении была Московская губерния, где находилось 539 предприятий, в том числе 134 шелковых, 106 хлопчатобумажных, 101 кожевенное. Следом шли Владимирская губерния – 343 предприятия (включая 169 хлопчатобумажных, 89 полотняных, 22 стекольных и хрустальных), Нижегородская губерния – 303 предприятия (из них 203 кожевенных), Саратовская губерния – 236 предприятий (из них 130 кожевенных), Петербургская губерния – 169 предприятий (включая 33 кожевенных, 24 сахарных, 17 салотопенных и мыловаренных, а также 17 стекольных и хрустальных)[9].

Перейдем **к статистике 1830–1840-х гг.** Для характеристики этого периода обычно используются сведения из немногочисленных опубликованных источников, к которым принадлежит общероссийский свод «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года», а также «Атлас промышленности Московской губернии»[10]. Структура промышленности в 1832 г. представлена в табл. 2.

[8] См.: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… Этот источник уязвим тем, что в итоговой таблице число предприятий показано несколько большим, чем в тексте таблиц по отраслям.

[9] Подсчитано по изд.: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы…

[10] Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года…; *Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845.

Таблица 2

Структура промышленности Российской империи в 1832 г.

Отрасль	Всего предприятий
Текстильная *В том числе:*	1 453
Хлопчатобумажная всего: *В том числе:* бумаготкацкая бумагопрядильная красильная и набивная	868 571 18 279
Суконная (шерстяная)	424
Шелковая	139
Льняная и пеньковая	22
Кожевенная	1 463
Мыловаренная, салотопенная, свечная, воскобойная	1 078
Металлических изделий (железо, сталь, медь)	300
Стекольная и хрустальная	182
Писчебумажная	118
Поташная	209
Производство селитры	89
Канатная	85
Химическая	55
Сахарная	56
Табачная	49
Производство уксуса	18
Производство косметики (помадные)	6
Производство красок	35
Позументная	18
Шляпная	83
Фарфоровая и фаянсовая; производство клеенки, лакированных изделий, сургуча, табакерок	52
Всего	5 349

Подсчитано по: Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. СПб., 1833.

Статистика 1850-х гг. Статистика промышленности в конце дореформенного периода, т.е. в 1850-е гг., представлена главным образом в «Очерке мануфактурно-промышленных сил Европейской России» П.В. Крюкова, содержащем официальные данные за 1850 г., и в «Статистических таблицах Российской Империи за 1856 год», изданных по распоряжению министра внутренних дел. С добавлением прочих немногочисленных архивных и опубликованных источников она была тщательно проанализирована по отраслям в труде В.К. Яцунского[11].

[11] См.: *Яцунский В.Е.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. … С. 172–220.

Аграрно ориентированная экономика соответствовала невысокому уровню урбанизации – в городах в 1850 г. жили 4,8 млн чел. (7,3 % всего населения)[12] и в 1858 г. – 5,6 млн чел. (9,4 %)[13]. Около половины промышленных предприятий находилось в помещичьих имениях – основной хозяйственной единице экономики страны. В руках земельной аристократии в первой половине XIX в. было около 29 % территории Европейской России[14].

Начавшаяся эпоха промышленной революции показала значительное отставание России от Европы в объеме промышленного производства, его отраслевом разнообразии, механизации предприятий. Эта ситуация хорошо осознавалась правительственными кругами, образованной частью общества, обсуждалась в газетах и журналах. Профессор-статистик Академии Генерального штаба А. Макшеев писал: «Заводская промышленность в России развита весьма слабо, так что мы отпускаем за границу самое ничтожное количество изделий (средним числом около 6 % всего отпуска), и то преимущественно в Азию, тогда как из-за границы получаем обработанных товаров довольно много (около 20 % всего привоза). Между тем развитие заводской промышленности есть одно из существенных условий благосостояния, следовательно, и силы государства»[15].

В области промышленности эпоха 1850-х – начала 1860-х гг. характеризовалась ***неравномерностью регионального развития*** предпринимательства, сосредоточением промышленности в столицах. Концентрация фабрик и заводов в Петербурге и Москве, наивысшая численность рабочих в этих мегаполисах коррелировали с показателями урбанизации. По статистике, собранной Центральным статистическим комитетом, в 1858 г. наивысший уровень урбанизации из 49 губерний отмечался в столичных губерниях – Санкт-Петербургской (55,9 % населения жили в городах) и Московской (28,1 % населения жили в городах)[16].

В 1856 г. в Империи было только три города с населением свыше 100 000 чел.: Санкт-Петербург – с 490 808 чел., Москва – 368 765 чел. и Одесса – 191 320 чел.[17] Следует отметить, что Санкт-Петербург и Одесса были крупнейшими пунктами морской торговли на Балтийском и Черном морях, а к Москве, лежавшей в центре европейской части России, сходились торговые пути из всех внутренних губерний.

Две столичные губернии – Московская и Санкт-Петербургская – лидировали по стоимости произведенной в них продукции. В 1856 г. стоимость промышленной продукции в этих двух губерниях совокупно составила 76,7 млн руб., или 34,2 % от всего объема промышленного производства в стране (224,3 млн руб.)[18]. В последующие восемь лет, с 1856 по 1864 г., роль двух губерний в объеме производства повысилась до 45,2 %[19].

По количеству предприятий статистических данных за 1856 г. нет, но в 1850 г. (по данным Крюкова) в Московской губернии было 1 212 предприятий, в Петербургской губернии – 400, в то время как в остальных губерниях (кроме Владимирской губернии с 509 предприятиями) число фабрик и заводов не превышало 385 (и в большинстве случаев это были небольшие предприятия, объем производства также был незначительным)[20].

---

[12] *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Т. 3. Кн. 3. С. 607.

[13] Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 182–183, 187. (Даны сведения по 49 губерниям Европейской России, где жило почти 90 % всего населения. – *Г. У.*)

[14] Данные на 1858 г., более ранних нет. См.: *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 238.

[15] *Макшеев А.* Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1867. С. 189.

[16] Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 182–183.

[17] Там же. С. 222.

[18] Там же. С. 275.

[19] Есть данные за более поздний период. В 1864 г. в Московской губернии было 1 036 предприятий с 73 480 рабочими, продукции произведено на 65,3 млн руб., в Петербургской губернии соответственно – 536 предприятий, 39 355 рабочих, 60,6 млн руб. Подсчитано по данным Министерства финансов: Сведения о фабриках и заводах, действовавших в 1864 году. СПб., 1866. С. 20, 25–26, 29–30.

[20] См.: *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб., 1853. С. 250.

С конца 1840-х гг. Центральным статистическим комитетом были собраны сведения и составлены таблицы о числе фабрик и заводов и числе рабочих. В 1849 г. ценность выработанных на фабриках и заводах изделий исчислена в 155 331 176 руб. (Европейская Россия и Сибирь, но без Кавказа). В 1856 г. ценность выработанных изделий составила 224 332 962 руб., в том числе по 49 губерниям Европейской России – 222 180 587 руб., по Сибирским губерниям и областям – 1 601 594 руб., по Кавказскому наместничеству – 550 781 руб.[21]

В 1856 г. более половины ценности готовой продукции пришлось на четыре наиболее промышленно развитые губернии, где было выработано изделий:

– в Московской губернии – на 38 978 895 руб. сер.;
– в Санкт-Петербургской – на 37 754 985 руб. сер.;
– во Владимирской – на 20 763 528 руб. сер.;
– в Пермской – на 19 272 172 руб. сер.
Всего на 116 769 580 руб. сер.[22]

При этом Московская, Петербургская и Владимирская губернии производили преимущественно товары массового потребления на мануфактурах и фабриках (в современной терминологии – легкой промышленности), а Пермская губерния, охватывавшая обширный Уральский регион, продукцию заводскую – металлы, машины и т.п.

За четырьмя самыми развитыми губерниями следовала следующая группа из 17 губерний, где объем производства составлял от 3 до 10 млн руб. сер. Лидировали Киевская губерния – 9,5 млн руб. сер. и Лифляндская – 6,1 млн руб. сер. Далее шли Харьковская, Орловская, Костромская, Тамбовская губернии с объемом производства от 4,4 до 4,9 млн руб. сер. В 11 губерниях – Рязанской, Калужской, Херсонской, Нижегородской, Симбирской, Курской, Подольской, Самарской, Тверской, Оренбургской, Воронежской – объем производства составил 3,0–3,8 млн руб. сер. за год.

Рассмотрим далее **отраслевую структуру и территориальное распределение промышленного предпринимательства в 1850-е гг**., опираясь на данные П.В. Крюкова (за 1850 г.) и данные Р.С. Лившиц (за 1854 г. по первичным сведениям С.И. Гулишамбарова).

Обратимся вначале к статистике 1850 г. по отраслям и регионам, анализируя сведения из свода, составленного П.В. Крюковым[23] с привлечением материала из других статистических сводов и изданий по промышленности. Следует отметить плюсы и минусы данных Крюкова. Сразу же после появления этого труда современники, в целом встретив его с одобрением, не преминули высказать претензии к многочисленным мелким огрехам, порой небрежности и неряшливости автора[24], например в рецензии в «Отечественных записках» говорилось: «Г[осподин] Крюков явился в нашей статистической литературе очень неискусным компилятором, но книгу его тем не менее мы должны считать и действительно считаем драгоценным, хоть и плохо составленным сборником. … Не можем кончить наших слов не повторив доброго спасиба Г. Крюкову хоть за обнародование сырых, необделанных, но всё же драгоценных данных»[25].

В частности, недостатком являются разночтения в конкретных губернских и итоговых общеимперских цифрах, что, как установил Ю.Я. Рыбаков, было вызвано использованием Крюковым ведомостей не только за 1850 г., но и за 1848–1849 гг.[26] Несмотря на то, что огрехи были подмечены всеми историками (включая автора этой главы. – *Г. У.*), свод Крюкова всё же приемлем в качестве отправной точки для анализа структуры промышленного производства.

[21] Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год… С. 275.
[22] Там же. С. 276.
[23] Здесь и далее см: *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России… С. 250.
[24] См., например: Отечественные записки. Т. XCV. 1854. Июль. Раздел «Новые издания». С. 1–13; Вестник Императорского Русского географического общества. 1855. Ч. 13. С. 8–13.
[25] Отечественные записки. Т. XCV. 1854. Июль. Раздел «Новые издания». С. 13.
[26] См.: *Рыбаков Ю.Я.* Промышленная статистика России XIX в. … С. 188–193, 221–222.

Анализ статистических данных дал основание прийти к следующим выводам о **структуре производства (распределение по отраслям)**.

В 1850-е гг. доминировало производство текстиля. По ценности продукции оно составляло в 1850 г. 75 265 000 руб.[27], или 47 % всей выработанной продукции (общая ценность произведенных изделий в 1850 г. исчислялась в 160 300 000 руб.).

По стоимости продукции доля прочих отраслей была следующей:

– сахарная и свеклосахарная отрасль – 12,5 %;
– мыловаренная, салотопенная, свечносальная – 6,3 %;
– кожевенная – 5,8 %;
– производство металлов и металлоизделий – 5,4 %.

Рассмотрим далее более подробно сведения о числе предприятий, количестве рабочих и объеме произведенной продукции по отраслям. Сведения о числе фабрик и заводов в 1854 г. представлены в табл. 3.

Таблица 3

Структура промышленности Российской империи в 1854 г.

Отрасль	Число предприятий	Стоимость продукции, тыс. руб.	Число рабочих, тыс. чел.
Текстильная	2 134	75 907	262,0
В том числе:			
Шерстяная	596	24 530	99,9
Хлопчатобумажная	835	41 620	126,5
Льняная и пеньковая	337	5 560	21,3
Шелковая	366	5 197	14,3
Металлическая	709	14 485	68,7
В том числе: машиностроение	29	2005	4,0
Сахарная	403	17 877	50,2
Производство сала, свеч, мыла	1 285	10 926	8,8
Кожевенная	2 119	9 332	11,0
Химическая	929	6 840	13,0
Писчебумажная	203	3 730	15,2
Табачная	347	4 674	4,4
Выделка волосяных изделий	34	1 169	1,0
Гончарное производство	1 197	1 813	14,4
Стекольная и хрустальная	189	3 006	10,0
Пищевая (без сахарных предприятий)	56	219	0,5
Каменная и алебастровая	33	146	0,3
Деревообрабатывающая	90	372	1,5
Шляпное производство	23	233	0,4
Всего	9 751	151 729	461,4

За основу была взята таблица, составленная Р.С. Лившиц. См.: *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 92. Лившиц опиралась главным образом на данные С.И. Гулишамбарова, собранные и изданные по заданию Департамента и торговли и мануфактур Министерства финансов в 1896 г. См.: *Гулишамбаров С.И.* Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I 1825–1855 гг. СПб., 1896. (Таблица Лившиц частично была скорректирована мною с учетом новых сведений, полученных исследователями в 1960–2020-е гг. – *Г. У.*)

[27] Здесь приведены данные из труда Крюкова. При изучении промышленной статистики этого периода большой проблемой является разнобой в цифрах, вызванный как неполным сбором информации, так и использованием разных принципов подсчета. Например, у Крюкова стоимость годовой продукции в 1850 г. по 49 губерниям Европейской России – 160,3 млн руб.; у Р.С. Лившиц (оперировавшей данными С.И. Гулишамбарова) – 152 млн руб. по всей территории Империи, включая Сибирь, 4 губернии Кавказа и Семипалатинскую губернию; у Л.В. Тенгоборского в труде «О производительных силах России» (Ч. 2. Отд. 2. О мануфактурной промышленности. СПб., 1855) все цифры резко отличаются в сторону повышения (поскольку он включал в подсчеты ремесленников и домашнюю мелкую промышленность).

Хотя любые обобщающие таблицы не идеальны, поскольку в разные эпохи в отчетной статистике существовали – в силу развития самой промышленности – разные принципы отраслевой классификации (что затрудняет сравнение по разным временным срезам), сведения в целом показывают структуру промышленного производства.

Территориальное распределение промышленного предпринимательства. Если рассматривать вопрос районирования размещения промышленности, то в дореформенный период сформировались три индустриальных региона – Центральный промышленный (включивший Москву с прилежащими губерниями), Петербургский и Уральский. В Центральном промышленном районе тон задавала текстильная отрасль, в Петербурге значительная доля продукции вырабатывалась на бумагопрядильных и металлообрабатывающих предприятиях. Урал был общероссийским центром черной металлургии. На Урале производилось в 1860 г. 80 % чугуна (14 513 тыс. т) и 91 % железа, выпускаемого на территории Российской империи (без Польши и Финляндии)[28].

Рис. 2. Златоустовский оружейный завод. Раскрашенная гравюра из журнала «Отечественные записки» (1825)

В целом по показателям объема производства и числа рабочих российская обрабатывающая промышленность (т.е. без тяжелой промышленности) в 1850-е гг. концентрировалась в 16 губерниях Центральной России[29] – тут находилось 4 426 предприятий (т.е. 45 % из общего числа 9751) с 305 483 рабочих (66,5 % общероссийского количества), а стоимость производства составляла 89 млн руб. (58,5 % общероссийского показателя).

Четыре северо-западные губернии (Петербургская, Новгородская, Псковская и Олонецкая) имели вместе 806 предприятий с 26 507 рабочих: давали 20,2 % объема общероссийского производства на 30,7 млн руб. Из этого объема на Петербургскую губернию приходились 96 %.

Если говорить о вкладе отдельных губерний в совокупную промышленную продукцию, то крупнейшими по объему производимой продукции были три губернии[30].

[28] Подсчитано по сведениям из изд.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1908 г. Ч. 1. Общий обзор. Пг., 1917. С. 386–387, 402–403. Из современных исследований уральской промышленности см.: *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

[29] Губернии Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская, Нижегородская, Воронежская, Вятская, Курская, Орловская, Пензенская, Смоленская, Тамбовская.

[30] Приведены данные из изд.: *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России… С. 250.

Наиболее развитой в промышленном отношении и в 1850-е гг. продолжала оставаться Московская губерния с 1 212 предприятиями (из которых 730 были текстильными) и выработкой продукции в год на 45 млн руб. (28 % общероссийского объема). Рабочих насчитывалось 103 тыс. чел.

На втором месте находилась Санкт-Петербургская губерния – 400 фабрик и заводов, 21,5 тыс. рабочих, годовой объем продукции – 31,5 млн руб. Наиболее мощные отрасли – сахарная, бумагопрядильная, табачная, шелковая. 20 сахарных заводов вырабатывали продукции на 13,2 млн руб., обеспечивая 66 % выработки сахара в стране. Семь бумагопрядилен производили пряжи на 4 млн руб., 29 шелкоткацких предприятий – на 1,15 млн руб. Табачных фабрик было 48 (годовое производство 2,3 млн руб.).

Третьей шла Владимирская губерния – 500 фабрик и заводов (в том числе 319 текстильных предприятий), 103,4 тыс. раб., объем продукции – 18,2 млн руб.

Далее будет рассмотрено положение ведущих отраслей промышленности в дореформенный период (без металлообработки и машиностроения, которые требуют особого исследования в связи с контекстом промышленной революции). При оценке данных использованы главным образом три временных среза – 1814 г., 1832 г., 1850 г., обеспеченные весьма полными (хотя и несовершенными) данными общероссийской статистики. В ряде случаев приведены данные за 1803–1804 гг. из таблиц, приложенных к отчету министра внутренних дел В.П. Кочубея за 1804 г.

Текстильное производство в целом. В течение всего XIX столетия текстильное производство преобладало по числу предприятий, количеству рабочих и объему продукции. Агрегированные данные (демонстрирующие доминирование Москвы с губернией в производстве текстиля) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Численность текстильных предприятий. 1804–1850 гг.

	1804 (для Москвы 1805)	1814	1832	1850
Общее число фабрик и заводов в Российской империи	2 423	3 731	5 349	6 320
Общее число текстильных фабрик в Российской империи	1 099	1 048	1 453	1873 (без канатных)
Общее число фабрик и заводов в Москве	297	539	805	1 212
Общее число текстильных фабрик в Москве	132	138	299	730 с губ.
включая				
шерстяные	11	19	47	158
шелковые	68	45	58	115
хлопчатобумажные	53	67	193	457
прочие	–	7	1	–

Составлено по: Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 105. Оп. 7. Д. 4588. Л. 1–12 об. («Ведомость, учиненная из поданных от частных приставов сведений о числе состоящих в здешней столице фабриках и заводах»); Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816; *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. Ч. 3. СПб., 1859. С. 396, 478–480; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. СПб., 1833; *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб., 1853.

Далее подробнее рассмотрим статистику и историю предприятий по отраслям.

Суконные фабрики. В 1814 г. в суконной отрасли из общего числа 235 предприятий географически наибольшее количество находилось в Московской и Симбирской губерниях. В Московской губернии – 28 предприятий, в Симбирской губернии – 25, а всего – 53 предприятия, или четверть всего российского числа. Далее шли Саратовская (19 фабрик)

и Нижегородская (14 фабрик)[31] губернии. Число рабочих составляло: в 1799 г. – 36 359 чел., в 1825 г. – 63 603 чел., в 1860 г. – 120 025 чел.[32]

Как следует из архивных документов и опубликованных ведомостей, среди производимых шерстяных фабрикатов было сукно (включая «разных цветов сукна шлёнские и русские»), каразея[33], байка, каламенок, стамед[34].

С 1814 по 1832 г. количество суконных предприятий в целом возросло с 235 до 424 (в 1,8 раза).

В 1800–1840-х гг. по сословному статусу до 90 % владельцев суконных фабрик принадлежали к дворянству и лишь 10 % к купечеству. Большая часть дворянских предприятий была устроена в собственных имениях. На суконные фабрики, многие из которых были заведены еще при Екатерине II, распространялась политика государственной поддержки. Государство было заинтересовано в производстве сукна для армии, и этим объясняется преимущественно дворянский состав владельцев[35]. Как сообщал «Журнал Министерства внутренних дел», «две трети производимых в 1820-е годы в Российской империи шерстяных тканей представляли солдатские сукна»[36].

По данным 1814 г., крупнейшим из предприятий была суконная фабрика графини Прасковьи Потемкиной в с. Глушкове Курской губернии. Там трудились 9413 покупных и приписных рабочих на 553 станах и было выработано 552 731 аршин (392 439 м) сукна (в том числе 76 % солдатского)[37]. Глушково с уже имевшейся фабрикой армейских сукон (основана в 1719 г.) приобрел в 1791 г. (с разрешения Екатерины II) у предыдущего владельца генерал-аншеф, граф Павел Сергеевич Потемкин. После него имение с фабрикой в 1796 г. унаследовала вдова П.А. Потемкина (урожд. Закревская, фрейлина, позже статс-дама). При этом Михаил Сергеевич Потемкин (брат П.С. Потемкина) в 1783–1791 гг. возглавлял Кригс-комиссариат, ведавший закупками сукна для армии, что повлияло на приобретение родственниками М.С. Потемкина глушковской фабрики с целью исполнения выгодных казенных заказов. Это косвенно подтверждено запиской курского гражданского губернатора С.Д. Бурнашева на имя генерал-прокурора канцелярии Сената князя А.Б. Куракина 23 ноября 1797 г., где фабрика дважды названа «пожалованной»[38]. После П.А. Потемкиной владельцем фабрики стал ее сын С.П. Потемкин.

Большое производство сукон было у князя Н.Б. Юсупова в с. Ряжки Полтавской губернии (в 1814 г. числилось 1 213 покупных и приписных к фабрике крестьян, соткано 56 тыс. аршин сукна и 48 тыс. аршин каразеи). Также значительную продукцию давала фабрика камергера И.Н. Маслова в с. Теренге Симбирской губернии (1 495 крепостных крестьян на фабрике, произведено 110 тыс. аршин сукна)[39].

Несмотря на наличие нескольких гигантских фабрик, большинство суконных предприятий имели в качестве работников от 10 до 60 крепостных крестьян. Только четверть из 235 предприятий использовала труд вольнонаемных.

---

[31] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 1–36.

[32] По численности рабочих использованы данные В.К. Яцунского, в свою очередь взятые им из трудов И.В. Мешалина и А.Г. Рашина. См.: *Яцунский В.Е.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 143, 184.

[33] Каразея – «реденькая и грубая шерстяная ткань, с косой ниткой, на подкладку под сукно» (по «Словарю» В.И. Даля).

[34] Каламенка – прочная шерстяная ткань для пошива верхней одежды, стамед – шерстяная ткань.

[35] Политика государства и особенности производства сукна в дворянских имениях подробно рассмотрены в статье: *Ульянова Г.Н.* Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 50–81.

[36] Смесь // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. № 1. С. 521.

[37] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 6. По истории фабрики см.: *Федотова Н.А.* Глушковская суконная фабрика – крупнейший центр курского текстильного производства (по материалам Государственного архива Курской области) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 195–201.

[38] *Сивков К.В.* К истории волнений на Глушковской суконной фабрике (1797–1798 гг.) // Красный архив. 1938. № 6 (91). С. 202, 221.

[39] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 18, 28.

Раздача казенных заказов была упорядочена в 1832 г., когда Министерство финансов стало распределять подряды для Военного и Морского министерств по определенным фабрикам, обеспечивающим приемлемое качество продукции и достаточные производственные мощности. Причем каждый фабрикант имел точный объем ожидаемой поставки[40].

Например, на 1832 г. «потребное» для Военного и Морского министерств количество отделанных армейских сукон было определено в 3 667 192 аршина, суровых сукон – 435 500 аршин, каразеи – 86 185 аршин. Казной были выбраны 92 фабрики-поставщика – надежнейшие по качеству сукна и по поставкам в предшествующие годы.

Крупнейшие поставщики в этом списке: граф С.П. Потемкин – должен был изготовить 450 тыс. аршин на фабриках в селах Званое и Глушково, и коммерции советник М.Л. Лион, получивший подряд на 400 тыс. аршин для фабрики в с. Гладково Тамбовской губернии.

Потемкин был наследником фабрики своих родителей (упомянутых выше). Коммерции советник М.Л. Лион приобрел в 1811 г. фабрику армейских сукон у воронежского купца О. Горденина, затем купил еще несколько окрестных фабрик, совершенно перестроил производство, оснастил паровой машиной и хорошими станками. Выпускалось армейское сукно темно-зеленое, панталонное, серое, белое с серым волосом, черное. В 1828 г. на фабрике было 500 ткацких станов, 2 774 рабочих[41] – из них вольнонаемных 1 600 чел. (900 мужчин и 700 женщин), приписных крестьян – 74 чел., фабричных крестьян 1 000 чел. (410 мужчин и 590 женщин), прочих – в конторе 10 чел., мастеров и подмастерьев 24 чел.[42] После смерти М.Л. Лиона фабрику унаследовала его супруга М.И. Арапова.

Следует сказать, что распространение суконных фабрик в черноземных губерниях было закономерным вследствие значительного развития там овцеводства. Автор статьи о фабриках и заводах Тамбовской губернии отмечал: «Изобилие первого материала, шерсти, при многочисленном овцеводстве, дешевизна работ в сей хлебородной области, а всего более попечительность помещиков, были поводом к размножению фабрик сего рода и к расширению их производства, которое еще более подкреплялось значительными поставками сукон для армии. Сия последняя выгода была причиною, что все здешние суконные фабрики устроены почти единственно для выработки простых и солдатских сукон»[43].

В группе поставщиков с объемом подряда от 85 тыс. до 142 тыс. аршин были: кн. Н.Б. Юсупов – с подрядом на 126 525 аршин отделанных сукон и 15 тыс. аршин каразеи (для изготовления на его фабриках в Московской, Курской и Полтавской губерниях), братья Тулиновы – колл. асс. Яков и майор Василий – 135 тыс. аршин (две фабрики при деревнях Гора и Валково Рязанской губернии), капитан Иван Тулинов – 138 тыс. аршин (две фабрики в Воронежской губернии)[44], дворянка М.И. Посникова – 120 тыс. аршин (фабрика в Тамбовской губернии), прапорщик Г.И. Осокин – 110,4 тыс. аршин с фабрики в Казани, поручик И. Кротков – 95 тыс. аршин (фабрики в селах Богородское и Устирино Симбирской губ.), графиня Уварова – 90 тыс. аршин, тайный советник Н.П. Дубенский – 90 тыс. аршин (фабрика в с. Лопуховка Пензенской губернии), дворянка Лубяновская – 85 тыс. аршин.

Примечательно, что 26 % поставщиков (24 из 92 чел.), обозначенных в списке 1832 г., составляли женщины, из них 23 дворянки[45]. Все фабрикантки (за исключением купчихи М. Часовниковой) принадлежали к высшим слоям общества, к примеру, были дочерьми или женами министров, губернаторов, генералов. В списке поставщиков перечислены княгиня Олимпиада Лобанова-Ростовская (супруга камергера), «генерал-майорша» Вера Ивашева

[40] Правила на раскладку поставки сукон для армии и флота // Журнал мануфактур и торговли. 1832. № 1. С. 121–138.

[41] Вероятно, допущена ошибка в подсчетах в источнике, пересчет дает не 2 774, а 2 674 рабочих и 34 чел. конторских и мастеров.

[42] Состояние фабрик и заводов в Тамбовской губернии в 1828 году // Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 5. С. 62–66.

[43] Состояние фабрик и заводов в Тамбовской губернии в 1828 году… С. 50–51.

[44] Все Тулиновы были потомками воронежского купца Тулинова, устроившего первую фабрику «по привилегии» в Тамбовской губернии еще в 1754 г.

[45] См.: *Ульянова Г.Н.* Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи… С. 10–41.

(дочь симбирского губернатора А.В. Толстого, супруга крупного военного и инженера П.Н. Ивашева, мать декабриста), графиня Анна Соллогуб (сестра канцлера Горчакова), «генерал-майорша» Столыпина и княгиня Хованская.

По подсчетам экономистов XIX в., на армию работало две трети суконных фабрик. На свободный рынок работала еще одна треть предприятий, производивших шерстяные ткани для верхней одежды, шали и платки. Подавляющая часть предприятий, выпускавших товары не для армии, а для гражданского населения, принадлежала купечеству и находилась в Москве. Выдающееся место в суконной отрасли занимала фабрика купцов Гучковых[46].

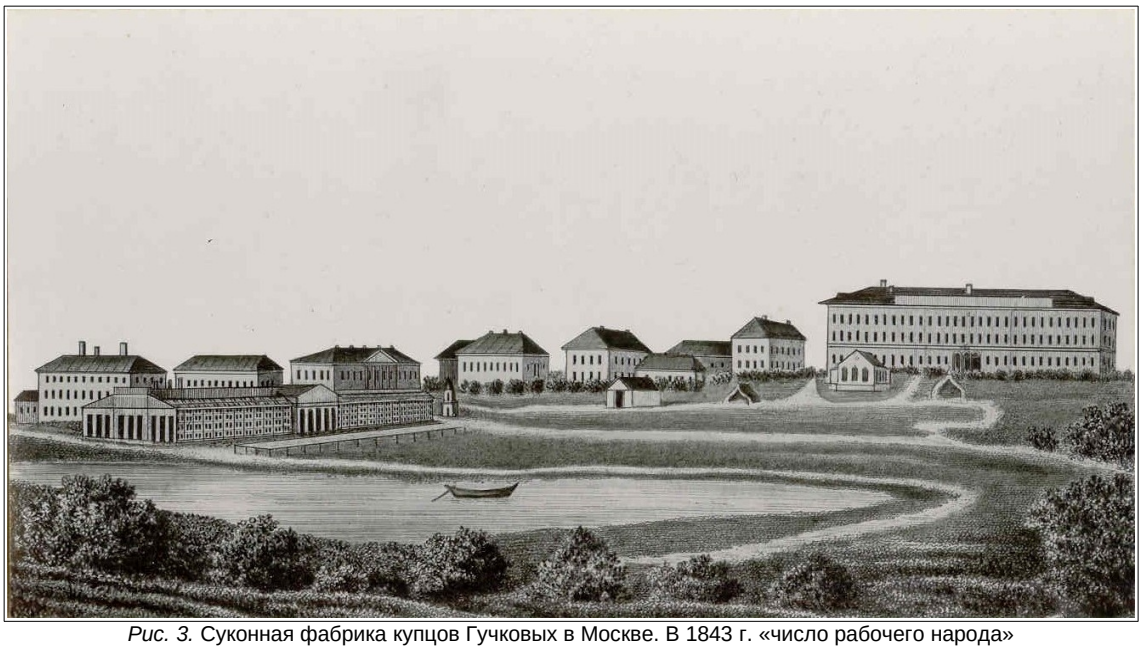

Рис. 3. Суконная фабрика купцов Гучковых в Москве. В 1843 г. «число рабочего народа» составляло 964 чел., вырабатывались ткани «полумеринос, мебельная материя», шали и платки «кашемировые и вигоневые» на сумму 516 тыс. руб. серебром в год. Литография из книги Л.М. Самойлова «Атлас промышленности Московской губернии» (1845)

Хлопчатобумажные фабрики. В хлопчатобумажной отрасли (в изучаемую эпоху она обозначалась также как производство «бумажных материй»), в отличие от суконного производства, уже в 1814 г. отмечалась наивысшая доля представителей купеческого сословия, к которым принадлежало до 80 % фабрикантов. Прочие владельцы относились к дворянству и крестьянству. В этой же отрасли был очень высоким уровень применения труда вольнонаемных рабочих – 83 % в 1804 г. и 95 % в 1825 г.[47], а крепостных было немного.

По данным 1814 г., географически 65 % всех предприятий (всего их насчитывалось 423) находились во Владимирской и Московской губерниях (соответственно 169 и 106). Далее шли губернии: Астраханская (77 фабрик), Саратовская (22 фабрики), Санкт-Петербургская (14 фабрик), Казанская (9 фабрик)[48].

Видный историк российской промышленности П.Г. Любомиров писал о периоде первых полутора десятилетий XIX в.: «Ни одна из отраслей ткацкой промышленности не развивалась так бурно, как хлопчатобумажная, считая в ней и ситценабивное производство»[49]. Приведем ниже составленную Любомировым таблицу (табл. 5), показывающую увеличение числа хлопчатобумажных фабрик в 1,76 раза и суконных в 1,47 раза за 14 лет (1800–1814) при снижении числа шелковых и полотняных, что было вызвано колебаниями потребительского спроса.

[46] О Гучковых см.: *Ульянова Г.Н.* Ранняя промышленная история династии купцов Гучковых. Первая половина XIX века // Путь и выбор историка: К 80-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2021. С. 232–243.

[47] *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. 3-е изд. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1907. С. 86, 89.

[48] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 197–250.

[49] *Любомиров П.Г.* Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности // Исторический сборник. М.; Л., 1936. С. 56–57.

Таблица 5

Количество текстильных предприятий. 1775–1814 гг.

Группы предприятий	1775	1800	1814
Хлопчатобумажные	16	240	424
Полотняные	72	320	214
Шелковые	54	ок. 300	158
Суконные	66	152	223

Источник: *Любомиров П.Г.* Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности // Исторический сборник. М.; Л., 1936. С. 57.

Все исследователи отмечали влияние войны 1812 г. на развитие огромного очага хлопчатобумажной промышленности во Владимирской губернии – в селе Иванове, Вознесенском Посаде, Шуе и окружающей местности. Это было вызвано потерей большинства московских фабрик в пожаре Москвы 1812 года (часть сгорела или была разграблена, а владельцы многих предприятий, остановивших работу во время нашествия, разорились). В Иванове со второй половины XVIII в. существовали набивные предприятия (набивка по холсту, позже по миткалю – некрашеной хлопчатобумажной ткани).

Один из экономистов, А. Голубев, в начале 1880-х гг. писал: «…В 1811 году было в одной Москве 27 ситцевых фабрик. Но пользовавшаяся монополией на всем обширном рынке Москва была уничтожена пожаром 1812 года и фабрики её долго не могли оправиться. Этим временем воспользовались как мелкие промышленники-крестьяне, так и богатые купцы других местностей»[50]. После 1812 г. возникли бумажные, ткацкие и набивные фабрики в Серпухове, Суздале и особенно в Шуе и Иванове, где «почти все местное купечество принялось за выделывание ситцев и миткалей». При этом «новые фабриканты пользовались на внутреннем рынке полной монополией не только вследствие военных действий и разрушения московских фабрик, сколько благодаря запретительной системе, тогда господствовавшей и продолжавшейся до 1815 г.»[51]

Указом 19 декабря 1810 г. Александр I ввел протекционистский тариф, по которому привоз ряда иностранных товаров запрещался, а на другие вводились высокие пошлины. В указе говорилось: «Усмотрев из настоящего положения нашей торговли, что привоз иностранных товаров к явному ущербу внутренней промышленности, и нарочитым понижением денежных оборотов несравненно превосходит выпуск российских произведений, и желая сколь можно восстановить надлежащее в сем равновесие, вняв мнению Государственного совета, признали Мы нужным постановить … особенные правила, коих целию есть … сократить привоз товаров иностранных и поощрить, сколь можно, произведения внутреннего труда и промышленности»[52].

Среди запрещенных к привозу товаров были «все изделия иностранные бумажные», льняные, шелковые и шерстяные, т.е. готовые ткани, «какого бы они произведения не были». Разрешался только привоз сырых продуктов – белой бумажной пряжи (с высокой пошлиной 5 руб. 20 коп. с пуда), а также некоторых некрашеных хлопчатобумажных тканей, т.е. «одни сырые произведения, служащие для ремесл и фабрик»[53]. По мнению экспертов второй половины XIX в., запретительный тариф 1810 г., который действовал всего пять лет, тем

[50] *Голубев А.* Пряжа и ткани из хлопчатой бумаги // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. Произведения фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности / под ред. Д.А. Тимирязева. СПб., 1886. С. 79.
[51] Там же. С. 79–80.
[52] Полное собрание законов. Собрание I (далее ПСЗ I). Т. XXXI. № 24464.
[53] *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. 3. СПб., 1859. С. 55.

не менее благотворно повлиял на быстрое развитие собственной бумагопрядильной отрасли и на производство тканей[54].

В середине XIX в. хлопчатобумажная отрасль выходит на лидирующие позиции в текстильной промышленности. Сведения о числе рабочих в отрасли в 1850-е гг. в разных источниках весьма различны. Если П. Крюков указал на 126,5 тыс. рабочих в хлопчатобумажной отрасли в целом в 1850 г., то М.И. Туган-Барановский привел следующие показатели числа рабочих бумаготкацких фабрик: 1836 г. – 94 751 чел., 1852 г. – 81 454 чел., 1857 г. – 75 517 чел.[55], и А. Голубев (см. табл. 6) показал данные по бумагопрядильным, бумаготкацким и ситценабивным отраслям: в 1850 г. – 109 879 чел., в 1852 г. – 112 430 чел., в 1857 г. – 104 266 чел.

В подробном очерке развития хлопчатобумажного производства, опубликованном в историко-статистическом сборнике, выпущенном под эгидой Министерства финансов к московской промышленно-художественной выставке 1882 г., А. Голубев привел сведения о числе фабрик в России (без Польши и Финляндии), количестве рабочих и объеме производства в 1850–1860 гг. (см. табл. 6).

Таблица 6

Число фабрик в 1850-е гг.

Год	БУМАГОПРЯДИЛЬНЫЕ			БУМАГОТКАЦКИЕ		
	число фабрик	сумма производства, тыс. руб	рабочих, чел.	число фабрик	сумма производства, тыс. руб	рабочих, чел.
1850	50	15 877	30 841	480	12 771	79 038
1851	47	13 466	25 983	467	12 158	71 610
1852	55	15 648	30 976	440	14 208	81 454
1853	52	17 315	28 366	478	15 878	93 205
1854	60	15 613	26 488	412	11862	68 667
1855	44	15 203	24 632	390	13 542	72 893
1856	51	18 530	25 136	445	15 552	84 441
1857	54	21 855	28 749	399	13 417	75 517
1858	52	23 621	35 131	522	18 689	129 334
1859	60	31 331	40 968	652	21 542	97 233
1860	57	28 670	41 295	659	19 343	77 819

Источник: Голубев А. Пряжа и ткани из хлопчатой бумаги // Историко-статистический обзор промышленности России Т. II. Произведения фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности. СПб., 1886. С. 91.

Как видно из табл. 6, число фабрик по годам колебалось. Тем не менее очевидна тенденция роста всех показателей.

В развитии производства тканей из хлопка в первой половине XIX в. наблюдались два важнейших явления. Первое – переход к механическому прядению и ткачеству. Второе – вытеснение английской машинной пряжи русской при возрастании импорта сырого хлопка (вместо импорта готовой пряжи).

В хлопчатобумажной отрасли наиболее отчетливо проявлялись признаки происходившего промышленного переворота. Оснащение предприятий менялось с ручного на механическое. Например, на мануфактурной выставке 1833 г. шуйский фабрикант

[54] *Весин Л.* Пряжа и ткани из льна, пеньки и их суррогатов // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. Произведения фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности / под ред. Д.А. Тимирязева. СПб., 1886. С. 11.

[55] *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. 3-е изд. СПб., 1907. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 231.

А.В. Бабурин представил разные сорта «машинных ситцев» – «платенные, рубашечные, мелкого узора, мебельные» и др.[56]

Чиновник министерства финансов А. Шерер оптимистически писал в 1845 г.: «Машинное набивание усиливается со дня на день; между фабриками первого разряда есть уже такие, на которых в короткое время будут находиться в действии до 5 машин с цилиндрами простых, и сложных с двумя и тремя валами»[57]. Через 15 лет Шерер привел данные о соотношении ручного и механического ткачества в 1859 г. – на ручных станках вырабатывалось 1,9 млн пудов, на механических – 0,4 млн пудов, т.е. из 2,3 млн пудов 17 % вырабатывались машинами[58]. Это дало основание В.К. Яцунскому (в работах 1950-х гг.) сделать вывод о том, что «механический ткацкий станок в 30–50-х годах медленно пробивал себе дорогу в хлопчатобумажном производстве»[59], но очевидно, что многие фабриканты просто не имели свободных средств, чтобы купить новейшее, чаще импортное, оборудование.

Машины были двух типов – так называемые «цилиндренные» (или цилиндерные) и перротины (названные по фамилии французского механика Луи-Жерома Перро, изобретшего этот тип машин в 1835 г.). По данным Я.П. Гарелина, фабриканта и историографа Иваново-Вознесенского посада (крупнейшего текстильного центра России), первую цилиндренную машину завел для механического ситцепечатания на своей фабрике в Ильинской слободе близ с. Иванова фабрикант, нежинский грек Спиридонов в 1828 г.[60] Вероятно, перротина тоже впервые была употреблена во Владимирской губернии – в 1847 г. она появилась на шуйской ситцевой фабрике коммерции советника А.И. Посылина[61].

Если при ручной набивке набойщик применял для получения разноцветного рисунка последовательно 4–5 деревянных форм (манеров), прикладывая манер с краской к поверхности ткани и прихлопывая его деревянной колотушкой с широкой головкой (киянкой), то перротина была прямо-набивной машиной, набивавшей рисунок на ситцы в несколько колеров. Появившись в России впервые в 1846 г. в трехколерном варианте, эти машины стали быстро входить в употребление на российских фабриках, причем с использованием четырех- и пятиколерных вариантов. Вслед за Посылиным «в селе Иванове лучшие

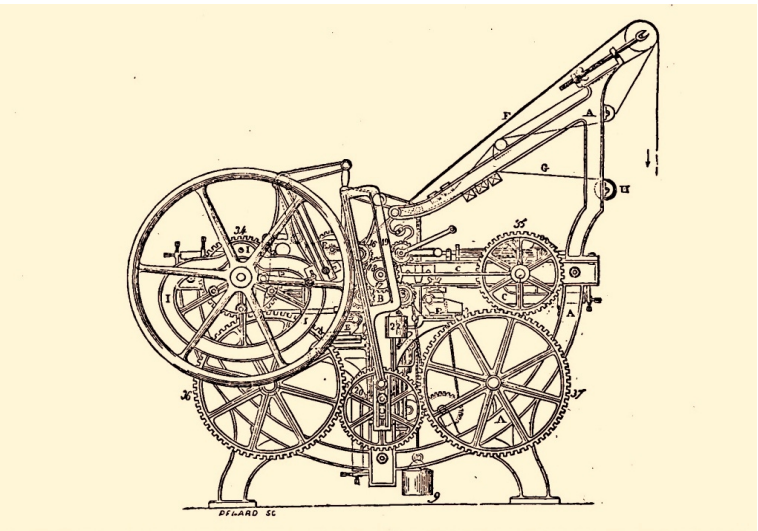

Рис. 4. Перротина. Боковой вид. Производила печать в три и четыре цвета. Из книги П. Ильенкова «Курс химической технологии» (1851)

[56] Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на выставке 1833 года в Санкт-Петербурге. СПб., 1833. С. 100.

[57] *Шерер А.* О хлопчатобумажных изделиях // Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб., 1845. С. 42–43.

[58] *Шерер А.* Хлопчатобумажная промышленность // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России. Т. II. СПб., 1863. С. 480–481.

[59] *Яцунский В.Е.* Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. … С. 179.

[60] *Гарелин Я.П.* Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский Посад Владимирской губернии. Ч. I. Шуя, 1885. С. 207–208; *Балдин К.Е.* От кустарного села к индустриальному «мегаполису»: очерки истории текстильной промышленности в селе Иванове – городе Иваново-Вознесенске. Иваново, 2004. Христофор Спиридонов позже числился в 1-й гильдии московского купечества, был поставщиком Комиссариата, сильно разбогател и стал крупным владельцем недвижимости в центре Москвы, а также благотворителем Московской практической академии коммерческих наук.

[61] *Несытов И.Е.* Колеристы и набойщики Владимирской губернии // Владимирский историко-статистический сборник / под ред. К. Тихонравова. Владимир, 1869. С. 59.

фабрики ежегодно приобретали эти машины, замечательные по дивному и остроумному их механизму»[62], – писал губернский механик И.Е. Несытов.

Перротина давала хорошее качество печати и резко интенсифицировала процесс набивки. За смену в 14 часов на машине двое рабочих могли набивать двумя-тремя колерами от 30 до 50 штук[63] (около 1 200–2 000 м ткани). По словам Несытова, на ситценабивной мануфактуре П.А. Зубкова, где в 1840 г. было до 240 набойщиков, в 1854 г. – после перехода к механической набойке – стало достаточно 60 чел., хотя ситцев было выработано больше на 12 тыс. штук[64].

Рис. 5. Ручная набивка ткани. Рисунок из книги «Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915» (1915)

Большинство фабрик и в 1840-е гг. использовали как ручной труд, так и машинную обработку. Например, фабрика Коншина в Серпухове, производившая дешевые ситцы, имела бумагопрядильное, ткацкое и набивное отделения, где трудились 2 500 рабочих. В отчете мануфактурной выставки 1849 г. сообщалось, что пряжа в прядильном отделении производится машинами, но набивка ситцев на 300 столах была ручной. Другая серпуховская фабрика, принадлежавшая купцам Третьяковым и ежегодно набивавшая до 63 тыс. штук ситцев и платков (на 484,6 тыс. руб.), также использовала не только ручную, но и механическую набивку, для чего действовали «две цилиндрические набивные машины, из которых одна трехколерная, и две перротины»[65].

В России наблюдался весьма интересный феномен – развитие производства в фабричных помещениях подпитывало в дореформенные годы существование ткачей-надомников, которым фабриканты раздавали пряжу для работы. Это явление было проанализировано А.К. Корсаком, считавшим, что «домашняя система» вызвана «развитием фабричности», и М.И. Туган-Барановским в главе «Фабрика и кустарная изба» его знаменитой историко-экономической книги «Русская фабрика в прошлом и настоящем»[66].

Важнейшим явлением в 1820–1850-е гг. был постепенный переход от закупок пряжи в Европе (преимущественно в Англии) к самостоятельному производству хлопковой пряжи на российских фабриках. Данные в табл. 7 показывают соотношение привоза сырого хлопка и готовой пряжи – вначале пряжа преобладала, но затем эти показатели сравнялись.

Данные табл. 7 демонстрируют снижение привоза пряжи после середины 1840-х гг. при резком увеличении привоза сырого хлопка. По уточненным данным, опубликованным в 1882 г., равновесие установилось в 1844 г., когда было привезено сырого хлопка 590 тыс. пудов, а пряжи 600 тыс. пудов[67].

Этот процесс был вызван следующими обстоятельствами. До начала 1840-х гг. значительная часть ткацких фабрик – не только в России, но и в других европейских странах – работала на привозной английской пряже, производимой из американского хлопка-сырца.

[62] *Несытов И.Е.* Колеристы и набойщики Владимирской губернии… С. 60.

[63] Штука ткани (также кусок) – туго смотанный цельный кусок ткани длиной от 25 аршин (плотные ткани – сукно, парча) до 59–60 аршин (ситец, кисея), или от 18 до 43 м в метрических мерах.

[64] *Несытов И.Е.* Колеристы и набойщики Владимирской губернии… С. 50–61. Этот впечатляющий пример из сочинения И.Е. Несытова приведен и в главе В.К. Яцунского в «Очерках экономической истории России первой половины XIX века».

[65] Обозрение выставки российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге в 1849 году. СПб., 1850. С. 62.

[66] *Корсак А.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861 г.; *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. 3-е изд. … Т. 1. С. 210–264.

[67] *Голубев А.* Пряжа и ткани из хлопчатой бумаги… С. 85.

«Журнал торговли и мануфактур» в первом номере за 1848 г. сообщал, что Англия как лидер промышленной революции имела 16 млн тонкопрядильных веретен, Франция – 3,5 млн, Австрия – 1 млн, Германский союз – 800 тыс. и Россия 500 тыс.[68] Эти цифры отражают роль Англии как лидера промышленной революции в мире.

Таблица 7

Привоз хлопка-сырца и хлопчатобумажной пряжи
по европейской границе. 1820–1853 гг.

Годы	Привоз хлопка-сырца, пудов	Привоз пряжи, пудов
1820–1821	25 315	166 971
1824–1826	41 448	291 664
1833–1835	164 085	504 973
1842–1844	491 542	570 008
1848–1850	1 287 872	248 568
1851–1853	1 628 700	96 095

Источник: *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Т. 3. СПб., 1859. С. 498.

Экспансия английской пряжи была повсеместной. Как для многих европейских фабрик, так и для российских хлопкоткацких предприятий в 1810–1830-х гг. хлопковая пряжа закупалась в основном в Англии. Небольшое количество пряжи шло в Россию также из Германии (из Эльберфельда) и Швейцарии[69].

Если же говорить о тенденциях развития хлопчатобумажной отрасли за весь дореформенный период, то особенностью развития российской текстильной промышленности было первоочередное развитие ткацкой и набивной отраслей. Чрезмерная зависимость от импортной пряжи пугала фабрикантов, к тому же они чувствовали, что в случае производства пряжи в России (даже при условии необходимых начальных крупных инвестиций в прядильное механическое оборудование) она будет хорошо продаваться, учитывая быстрый переход населения на потребление фабричных хлопчатобумажных тканей.

С 1810-х гг. форсированными темпами стало распространяться собственное бумагопрядение – пряжа была невероятно востребована. Но до середины 1830-х гг. своих бумагопрядилен в России было мало. Первое бумагопрядильное предприятие было устроено Похвисневым в Москве в 1820-е гг. В 1832 г. бумагопрядилен насчитывалось всего семь[70]. Замедленное развитие бумагопрядилен имело две причины.

Во-первых, не сразу удалось наладить поставки сырого американского хлопка, закупаемого главным образом через Ливерпульский порт в Англии (в Россию товары из Америки шли через Ливерпуль, поскольку русские фабриканты не имели собственных парусников на трансатлантических рейсах, а фрахт был в руках старых европейских компаний, по большей части английских и немецких, осуществлявших доставку во все страны). В Ливерпуль, один из крупнейших мировых грузовых портов, доставлялось до 90 % хлопка-сырца, прибывающего в Англию из разных стран[71].

Вторая причина – дефицит прядильного оборудования: машины закупали во Франции и в Бельгии, что требовало от фабрикантов денег и бюрократических усилий, но лучшие по

[68] Замечания о нынешнем состоянии за границею обработки волокнистых веществ // Журнал мануфактур и торговли. 1848. № 1. С. 47.
[69] См.: *Лядов И.М.* Очерк торговли хлопчатобумажною пряжею в городе Шуе и его уезде // Владимирский историко-статистический сборник / под ред. К. Тихонравова. Владимир, 1869. С. 7–16.
[70] Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года… С. 376, 430, 845.
[71] Подсчеты сделаны мною по данным: Движение английской торговли хлопчатою бумагою в 1850 году // Коммерческая газета. 1851. № 5 (13 января 1851 г.). С. 19.

производительности английские машины были запрещены до 1842 г. к вывозу в континентальную Европу, ибо Британия была нацелена на развитие собственной экономики.

В Ливерпуль, один из крупнейших мировых грузовых портов, доставлялось до 90 % хлопка-сырца, прибывающего в Англию из разных стран. Например, в 1850 г. это составило 1 572 455 кип из общего количества 1 747 428 кип. Интересно соотношение привоза из разных стран, где произрастал хлопок. Из Америки поступило 1 124 788 кип, т.е. 68 %. Вторым по значению поставщиком хлопка-сырца в Англию была Индия – 18 %, дальше шла Бразилия – 10 %, затем Египет – 4 %[72]. Американский хлопок в силу массового производства и дешевого рабского труда стоил меньше, чем бразильский и египетский, но был дороже хлопка из Индии (мадрасского и бенгальского). Российские фабриканты импортировали на 95–96 % американский хлопок и только на 4–5 % ост-индский.

С 1835 г. создание бумагопрядильных фабрик активизировалось[73]. К началу 1840-х гг. в России имелось 48 заведений, производящих более 300 тыс. пудов пряжи ежегодно. В Петербурге в 1830-е гг. возникли три крупнейшие фабрики – Штиглица (позже известна как Невская мануфактура), «Российская бумагопрядильная мануфактура» Вильсона, фабрика Мальцовых и Соболевского (позже Сампсониевская мануфактура). В Москве и губернии быстро набирали обороты предприятия Скуратова, Неболсина, Вознесенская мануфактура Лепешкина в Московской губернии и др.[74]

Рис. 6. Бумагопрядильная фабрика Мазуриных в сельце Реутове близ Москвы.
В 1853 г. здесь трудились 874 рабочих и годовое производство составило 671 тыс. руб. серебром.
Действовали паровые машины мощностью 60 л.с. Литография из книги С.А. Тарасова
«Статистическое обозрение промышленности Московской губернии» (1856)

После отмены в 1842 г. ранее установленного английским правительством запрета на вывоз прядильных машин из Англии их стали импортировать в Россию, что стимулировало развитие российской бумагопрядильной отрасли. Среди вновь возникших предприятий в Центральном районе России была крупная бумагопрядильня Хлудовых (осн. 1845) в Егорьевске Рязанской губернии. Готовясь запускать фабрику, один из братьев-владельцев А.И. Хлудов в 1844 г. посетил Лондон и Ливерпуль, где провел в общей сложности около четырех месяцев для того чтобы найти мастера по прядильному делу для работы в России и купить прядильные машины. Был нанят из англичан директор фабрики Томас (Фома Христофорович) Уотсон и несколько техников-англичан – Ригг, Пристли и Вуд. В 1845 г.

[72] Подсчеты сделаны мною по данным: Движение английской торговли хлопчатою бумагою в 1850 году… С. 19.
[73] Полное собрание законов. Собрание II (далее ПСЗ II). Т. X. № 8298, 8491; Т. XI. № 8965, 9224; Т. XII. № 10643.
[74] *Шерер А.* Прядение хлопчатой бумаги // Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб., 1845. С. 10.

на машиностроительном заводе Шепелева были закуплены котлы и паровая машина[75]. К началу 1860-х гг. фабрика Хлудовых стала одной из крупнейших в России[76].

Количество бумагопрядилен в Российской империи росло – в 1852 г., по сведениям Министерства финансов, их было уже 55, и они производили продукции на 15,6 млн руб. при 30 976 рабочих. Пряжи производилось 1 136 326 пудов, ткани – 88 150 штук. Большинство бумагопрядилен (числом 22) располагалось в Московской губернии, также во Владимирской губернии их было шесть, и в Рязанской губернии одна – крупнейшая фабрика Хлудовых[77]. Если сравнить российскую статистику с английской (в Англии в 1839 г. – 1819 бумагопрядилен с 260 тыс. рабочих[78]), то очевидно, что российская бумагопрядильная промышленность находилась на начальном этапе развития, но преимуществом было то, что она могла использовать технические достижения, существовавшие в Англии.

В целом рост хлопчатобумажной отрасли в дореформенный период связан с тремя факторами. Во-первых, с успешным сбытом более дешевых (чем шерстяные, шёлковые и льняные) хлопчатобумажных тканей; во-вторых, с общим благоприятным контекстом обеспеченности сырьем (после введения таможенного тарифа 1822 г. налажен бесперебойный импорт хлопка-сырца, бумажной пряжи, красителей, а с 1840-х гг. также прядильных машин – главным образом из Англии, доля которой в российском импорте составляла около трети) и рабочей силой (в 1825 г. – 94 % вольнонаемных рабочих[79]); в-третьих, с возрастанием деловой активности самих фабрикантов.

Шёлковые фабрики. Шёлковая отрасль в 1814 г. размещалась главным образом в Московской губернии, где находилось 134 предприятия из 158 (каждое с числом рабочих от 5 до 900 чел.). В Астраханской губернии было 18 предприятий, в Ярославской – 4[80].

И в более ранний период 1804 г. Москва являлась центром шелкоткачества, где размещалось 76 % предприятий. Видный экономист Е. Зябловский отмечал: «Московская губерния, особливо Москва, отличается от прочих губерний шёлковыми фабриками. В ней считается их 248; потом следует Астраханская, в коей находится 24, Санктпетербургская, имеющая 13, Ярославская – 6, Владимирская – 8; остальные восемь фабрик разделены между восемью губерниями»[81].

Московские фабрики производили широкий спектр товаров: парчу, бархат, гродетур, шали, платки, кружева, кашемир, штоф, левантин, атлас, тафту, кушаки, ленты кавалерские, жилетную материю, мадрас, саржу, шёлковые колпаки, чулки, перчатки и др.

В числе предприятий были весьма крупные. На Купавинской фабрике князя Н.Б. Юсупова[82] числилось 583 рабочих, на фабрике дворянина Е.Л. Лазарева во Фрянове – 587 (в обоих случаях приписные и покупные), у купцов И. и А. Алексеевых в Москве – 445 вольнонаемных, у купца Г. Урусова – 577 вольнонаемных, у купца А. Александрова – 894 вольнонаемных[83]. Но на большинстве предприятий работало 10–90 чел.

---

[75] Пятидесятилетие бумагопрядильной фабрики, ныне принадлежащей Высочайше учрежденному товариществу Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А. и Г. Хлудовых. М., 1895. С. 8.

[76] См.: *Ульянова Г.Н.* Династия Хлудовых и их текстильная фабрика в Егорьевске Рязанской губернии. 1817–1917 годы // Российская провинция: историческая память и национальная идентичность: мат-лы X Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга, 2021. С. 348–353.

[77] О числе фабрик и заводов, находившихся на оных рабочих людей, количестве и стоимости выделанных изделий в 1852 году // Журнал мануфактур и торговли. 1853. № 10–12. Приложение.

[78] Смесь // Коммерческая газета. 1851. № 32 (17 марта 1851 г.). С. 125.

[79] См.: *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 32. В 1820–1852 гг. общегодовая выработка хлопчатобумажных тканей выросла с 35 млн аршин до 257,1 млн аршин (или в метрических мерах с 24 850 000 до 182 541 000 м). Там же. С. 33.

[80] Подсчитано по изд.: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 37–55.

[81] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ея состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде. Кн. 2. Ч. 5. СПб., 1808. С. 16.

[82] Купавинская фабрика вначале работала как шёлковая, позже стала суконной. См.: *Ульянова Г.Н.* «Сукно для Кяхты, армии и внутренней торговли»: история фабрики братьев Бабкиных в Купавне Московской губернии. 1803–1900-е годы // Экономическая история: Ежегодник. 2021. М., 2022. С. 9–27.

[83] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 39–41.

Основными районами поставки сырья были южные губернии, особенно Закавказье, где под патронатом властей и на государственные дотации с последней четверти XVIII в. было налажено культивирование тутовых деревьев. К началу 1805 г. по всей империи насчитывалось 3,7 млн дерев, в том числе старых 685 тыс. и саженцев около 1,6 млн, предназначенных для «воспитания» (как это называлось в лексике той эпохи) шелкопряда[84].

В 1850-е гг. шёлковая отрасль, как и ранее, размещалась главным образом в Московской губернии, где, по данным 1850 г., находилось 115 предприятий из 157 имевшихся в стране и производилось 78 % всего объема продукции (в денежном выражении). В Петербурге числилось 29 шёлковых фабрик (давали 19 % всего объема продукции), еще в шести губерниях (Калужской, Курляндской, Лифляндской, Орловской, Симбирской и Ярославской) – в сумме 13 предприятий.

Москва и губерния (преимущественно Богородский уезд) потребляли 80 % шелкового сырья, в том числе 23 тыс. пудов шло из закавказских провинций. Еще 12 тыс. пудов доставлялось в Москву из-за границы – Франции и Италии (обеспечивалось 27 % всего потребления сырья московскими предприятиями), Греции (4 %), Персии (16 % всего потребления сырья в Москве)[85]. Более 20 тыс. крестьян в Богородском уезде занимались размоткой шёлка.

В Москве крупнейшими предприятиями были парчовая фабрика купца Василия Полякова (объем годового производства в 1853 г. – 321,8 тыс. руб. при 255 рабочих) и шёлково-бархатная фабрика мануфактур-советника Якова Рошфора (объем годового производства в 1853 г. – 384,2 тыс. руб. при 400 рабочих) при с. Перове Московского уезда. У Рошфора предприятие было механизировано, действовали два паровых привода по 6 л.с., работа велась на 338 простых и жаккардовых станах[86].

Необычайная популярность шёлковых материй, лент, поясов и кушаков, кружев объяснялась их высокой доступностью и эстетическими качествами. Один из современников отмечал: «Все шёлковые изделия … вошли в большое употребление, и народ увеличивает их потребление. … Видно много крестьянок в шёлковых красного цвета платках по цене весьма умеренной»[87].

Парча и бархат также имели немалое распространение. Например, вышеупомянутая фабрика Полякова (которой до 1840 г. руководила мать Василия – Прасковья) выпускала парчу на шёлке и церковные ризы, а также ткани гроденапль, «фризе золотое» и «фризе серебряное», «глазет серебряный и разных цветов», «бархаты разных цветов и узоров»[88].

Полотняные фабрики. Полотняная отрасль в первой половине XIX в. пережила взлеты и падения. Еще в конце XVIII в. Россия «снабжала льняными изделиями не только Европу (особенно Великобританию), но и Америку»[89]. Вплоть до 1830-х гг. вывоз был значителен, особенно для потребностей изготовления парусов, но позже, с падением парусного судоходства и внедрением пароходов, стала угасать и полотняная промышленность[90]. К тому же причины упадка льняной промышленности лежали также «в искусственном привлечении капиталов в хлопчатобумажную промышленность благодаря покровительственному тарифу»[91]. Дешевизна ситца и других хлопчатобумажных тканей вытесняла лён с рынка.

Поэтому во второй четверти XIX в. наблюдалось уменьшение числа полотняных фабрик, после чего с 1850-х гг. последовало оживление, вызванное потребностями упаковки

[84] См.: Табели к Отчету министра внутренних дел за 1804 год. СПб., 1806. № 12. Генеральная ведомость о состоянии шелководства в полуденных губерниях России за 1804 год; *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ея состоянии с предварительными понятиями о статистике и о Европе вообще в статистическом виде. Кн. 2. Ч. 4. СПб., 1808. С. 129–132.

[85] Подсчитано по изд.: *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России… С. 33.

[86] *Тарасов С.* Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856. С. 22, 24.

[87] *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России… С. 33.

[88] Указатель произведений отечественной промышленности, находящихся на выставке 1833 года в Санкт-Петербурге… С. 144.

[89] *Янсон Ю.Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., 1877. С. 145–146.

[90] См.: *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958. С. 179.

[91] *Янсон Ю.Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств… С. 146.

товаров в мешки и рогожи в связи с усилением внутрироссийских и международных грузоперевозок на длинные расстояния, а также в востребованности льняного полотна для одежды, постельного и столового белья.

В 1814 г. фабрик насчитывалось 215 – они располагались главным образом во Владимирской губернии, где размещалось 89 предприятий (или 41 % от всего количества), а также в губерниях Калужской, Костромской, Московской и Ярославской. Основные виды производимых льняных тканей – парусина, канифас, равендук, фламское полотно.

Границы региона, производящего полотно, определялись прежде всего доступностью сырья – растительных волокон льна. Лён – растение с длинным тонким стеблем и ярко-голубым цветком – лучше всего произрастал в местностях с прохладным дождливым климатом, о чем известный статистик Ю.Э Янсон писал: «Лён и конопля относятся к главнейшим продуктам нашего земледелия… Границы льняного производства обусловливаются свойствами почвы и климата, так как лучшие всходы получаются не на черноземной, а на суглинистой почве, изобилующей тальковым известняком…, и притом на местах ровных и не мокрых»[92]. В России возделывание льна и льноткачество были издавна развиты в Вятской, Вологодской, Костромской, Псковской, Ярославской губерниях.

По словам одного из знатоков дореформенной промышленности К.И. Юрчук, «флагманами полотняной промышленности России были два крупнейших предприятия – Ярославская Большая мануфактура и Полотняный завод», посессионные предприятия, основанные в XVIII в. Пример Ярославской Большой мануфактуры явственно показывает, как предприятие прошло через все кризисные явления в отрасли. В 1811 г. продукция составляла 200 тыс. руб., а число приписанных людей – 5 тыс. чел. Предприятие «продержалось на высоком уровне до конца 1820-х гг., затем началось падение, и в 1855 г. выработка оценивалась лишь в 2,5 тыс. руб. сер., а рабочих было только 63 чел.»[93].

В 1850 г. имелось 118 полотняных фабрик с выпуском продукции на 1,3 млн руб. Предприятия размещались во Владимирской, Костромской, Калужской, Ярославской, Вологодской губерниях.

С 1850-х гг. производство льняных тканей для упаковки большемерных товаров стало востребованным, поскольку, например, торговля мукой и зерном требовала производства мешков из грубой льняной нити. Крымская война 1853–1856 гг. вызвала большой спрос на полотняные изделия для русской армии, прежде всего для изготовления парусов для судов и прочного полотна для военных палаток. После этого, главным образом в Костромской губернии, в 1850-е гг. возникли фабрики, на которых имелись механические прядильные и ткацкие станки – среди них устроенная в 1854 г. льнопрядильня Брюханова на 1 500 веретен в Костроме, основанная в 1857 г. механическая льнопрядильня (на 3 000 веретен) Дьяконова и Сыромятникова в г. Нерехте Костромской губернии, созданная в 1859 г. фабрика Зотовых (8500 веретен, две паровые машины на 120 и 20 л.с.) в Костроме[94].

Кожевенная промышленность. В кожевенной отрасли в 1814 г. насчитывалось 1 530 предприятий, но, в отличие от текстильных, они были небольшими (от 2 до 25 рабочих). Следует отметить высокую плотность размещения предприятий в губерниях Нижегородской (203 предприятия), Саратовской (130 предприятий), Московской и Пермской (по 101 предприятию), Казанской (89 предприятий)[95]. Эти пять губерний в сумме давали 41 % от числа всех кожевенных предприятий в стране. На кожевенную отрасль, в отличие от суконной, не распространялся государственный протекционизм. Это отражает ситуация с использованием труда вольнонаемных рабочих – 97 % в 1804 г. и 93 % в 1825 г.[96]

---

[92] *Янсон Ю.Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств… С. 81–82.

[93] *Юрчук К.И.* В тисках кризиса (Кто ловчее?) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф. Кострома, 2010. Ч. I. С. 25–28.

[94] *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность… С. 188–189. Сведения взяты Пажитновым из работы: *Весин Л.* Пряжа и ткани из льна, пеньки и их суррогатов… С. 22–24.

[95] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 61–168.

При этом бо́льшая часть предприятий (85–90 % в разных губерниях) принадлежала собственникам из непривилегированных сословий – купечества (около 50 % владельцев) и мещанства (приблизительно 35 % владельцев). Подсчеты показали, что принадлежавшие купцам кожевенные предприятия имели количество рабочих от 2 до 23 чел. (средний показатель 9,2 чел. на предприятие), мещанам – от 2 до 10 чел. (средний показатель 4,8 чел. на предприятие). Соответственно, наблюдалась корреляция по выпуску продукции. На купеческих предприятиях обрабатывалось в год от 500 до 7 000 шт. шкур (средний показатель 2 971 шт. на предприятие), на мещанских – от 70 до 3 200 шт. шкур (средний показатель 1 073 шт. на предприятие).

К примеру, петербургская купчиха, вдова Авдотья Найкова, в 1814 г. руководила кожевенным предприятием, ранее заведенным ее мужем Григорием в 1783 г. (управлявшим до кончины в 1813 г.). На заводе было 100 чанов (для дубления кож) и работали 10 вольнонаемных[97]. По сведениям 1803 г., фабрика Найковых выпускала подошвенные кожи для сапог и белые грубые кожи для обувного верха (сорта назывались «глянцевые русские» и «белые юфтовые русские»). В наиболее удачные годы вырабатывалось до 10 тыс. шкур, что приносило дохода до 25 тыс. руб. Продукция фабрики Найковой продавалась в Петербурге и за границу (в документе формулировалось как «для отпуску за море»). В ведомости, поданной в мануфактур-коллегию, упомянуты и основные потребители – «морской флот», «эскадра, состоящая в Англии», «лейб-гренадерский полк», «биржа», «в кожевенный ряд» Гостиного двора. Число рабочих в разные годы колебалось от 10 до 100 чел. во главе с мастером, все русские, вольнонаемные, количество чанов для дубления кож – от 60 до 100[98]. Приведенная информация позволяет сделать вывод о полноценной работе подобных предприятий на рынок.

Крупный кожевенный завод по обработке бараньих кож находился в Казани и был устроен в 1812 г. казанским мещанином, позже купцом, Сергеем Павловым – в 1814 г. там работало 18 вольнонаемных рабочих[99]. После смерти Павлова он перешел к его дочери – купчихе второй, позже первой гильдии, Екатерине Сергеевне Прибытковой (1820 – после 1900). На заводе производился «знаменитый козловый товар», как писал о прибытковской продукции известный экономист Модест Киттары в отчете об экспонатах выставки 1861 г.[100] Завод специализировался на «дублении и золении» козловых кож, которые почти все отправлялись в Москву, где на московских предприятиях из «черного козлового сафьяна» шили изящные тонкие перчатки, женские башмачки, дамские сумочки и кошельки, мужские портсигары и кошельки.

Весь дореформенный период кожевенная промышленность сохраняла свое ведущее значение – в 1850 г. было 1579 предприятий, которые выпускали продукции на 9 256 000 руб.[101] Наивысший объем кожевенной продукции давала Московская губерния – 72 предприятия вырабатывали товара на 1 150 800 руб. в год (или 12,4 % всего объема), далее шла Петербургская губерния – 21 предприятие, годовой объем продукции – 830 тыс. руб. Значительное производство находилось в Орловской губернии – 50 предприятий, производство 645 тыс. руб., Тверской губернии – 68 предприятий, производство 608 тыс. руб.; Казанской губернии – 41 предприятие, производство 600 тыс. руб.

Один из авторов журнала «Библиотека для чтения» в 1834 г. писал: «Одна из самых главных фабрикаций нашего Отечества есть, без сомнения, кожевенное дело. Обширность скотоводства, превосходные породы рогатого скота во многих наших областях, изобилие

[96] *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. 3-е изд. … Т. 1. С. 86, 89.
[97] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 132.
[98] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 277. Оп. 2. Д. 1277. Л. 2–6; Оп. 16. Д. 46. Л. 93–94.
[99] *Ушаков А.* Кожа в торговом и техническом отношениях в их историческом развитии в России. СПб., 1862.
[100] *Киттары М.Я.* Обозрение Санктпетербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. СПб., 1861. С. 217.
[101] *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России… С. 250.

потребных для выделки кож материалов, из коих некоторые одним только северным климатам свойственны; … и наконец, многочисленная потребность в мехах и кожах для народов, в суровых климатах обитающих: все сии причины совокупно делают эту отрасль мануфактурной промышленности самою важнейшею, истинно национальною для России»[102].

Кожа широко использовалась для производства обуви – мужских сапог и женских ботинок, которые носили и в деревнях, особенно в весеннюю и осеннюю слякоть (лапти были преимущественно летней обувью, валенки рассчитаны на морозы). Также шились рукавицы из кожи, повсеместно была распространена кожаная обивка мебели. Из кожи делали шорный товар. В ряде губерний (например, Астраханской, Архангельской, Нижегородской) ношение кожаной обуви было распространено повседневно, в сборнике В.П. Безобразова дана цена мужских сапог в 1860 г. в 2 руб. 80 коп., а женских ботинок в 1 руб.[103] В других губерниях кожаная обувь использовалась как праздничная.

Мыловаренная, салотопенная, свечная отрасли. Высокий процент купеческих и мещанских предприятий был в отрасли, объединявшей мыловаренные, салотопенные, свечные предприятия, производившие товары массового спроса – мыло и сальные свечи для каждодневного употребления. Большинство этих предприятий имели всего несколько рабочих, изготавливавших в год от 20 до 600 пудов (328–9 828 кг в метрических мерах) продукции, и по сути это были не фабрики, а мастерские. При этом большинство предприятий, которых в 1814 г. всего было 379, находились в трех соседствующих друг с другом губерниях: в Орловской губернии – 123 предприятия, в Курской губернии – 51, в Воронежской губернии – 32 предприятия[104].

Объем продукции 122 мыловаренных предприятий был следующим: произведено за 1814 г. 309 991 пуд (около 5 078 тонн в метрических мерах) мыла. Известный статистик и географ, профессор Петербургского университета Е.Ф. Зябловский в «Статистическом описании Российской империи» (в издании 1808 г.) отмечал: «Сколь велико употребление мыла в России, то всякому известно. … Приготовляемое мыло бывает разных цветов и доброты. Обыкновенно для варения оного употребляют сало говяжье, а в Астрахани делают мыло из тюленьего жиру. Знатнейшие мыловаренные заводы находятся в Москве, Костроме, Вологде, Казани, Арзамасе, Муроме, Тобольске, Томске и во многих других городах российского государства»[105]. В Казани располагалось 25 мыловаренных заводов и еще один завод был в селе Ягодном Казанского уезда (всего в губернии на всех предприятиях 197 рабочих, производство 151 260 пудов, или 49 % общероссийского объема), в Курской губернии – 17, в Пензенской губернии – 13 предприятий.

В 1814 г. на 98 свечносальных предприятиях было произведено 145 103 пуда (2 377 т) сальных свечей. Имелось 159 салотопенных предприятий, в том числе в Курской губернии – 32, в Саратовской губернии – 16, в Тульской губернии – 11, в Рязанской губернии – 10. Сала было вытоплено 349 832 пуда, из них 62 500 пудов (18 %) в Курской губернии.

Нередко мыловаренное и свечносальное производство сопутствовали друг другу, и в обоих случаях сырьем был животный жир. Например, в Рязанской губернии в 1830-е гг. завод «сальных свеч» и мыловаренный завод в г. Михайлове принадлежали семье мещан Ждановых – сначала мужу Василию, потом его вдове (имя неизвестно). Мыловарня приготовляла ежегодно «простого» мыла до 1 220 пудов (почти 20 т) на сумму 10 980 руб., а свечей производилось до 700 пудов (около 11 т) на 9 000 руб. На свечносальном предприятии у Ждановой в 1837 г. было два работника, а сколько на мыловаренном – неизвестно. Специализация предприятия объясняется наличием сырья, прежде всего говяжьего сала.

До пуска железных дорог (это произошло в последней трети XIX в.) г. Михайлов находился вблизи скотопрогонного тракта, по которому из южных губерний, прежде всего

[102] *Яценков.* О кожевенном деле в России // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Раздел «Науки и художества». С. 8.
[103] *Овсянников Н.Н.* Краткий очерк промышленных занятий в Нижегородской губернии. В кн.: *Безобразов В.П.* Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. II. Нижегородская губерния и Ока от Нижнего Новгорода до Рязани. Ярославская губерния. СПб., 1885. С. 47.
[104] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы… С. 169–190.
[105] *Зябловский Е.Ф.* Новейшее землеописание Российской империи. Ч. I. 2-е изд. СПб., 1818. С. 259.

Области Войска Донского, на Москву и Петербург (через Зарайск и Коломну) направлялись гурты быков, до 100 тыс. голов ежегодно в первой половине XIX в. Скот пригоняли, размещали на скотопригонных дворах, откуда его раскупали для использования на мясо для питания жителей столиц. Поэтому в Рязанской губернии было немало салотопенных, свечносальных и кожевенных предприятий, для которых рязанцы прямо на месте могли закупать некоторое количество прогоняемого по тракту скота[106].

По сведениям 1850 г., в стране было 561 салотопенное предприятие (производство в год на 5 769 000 руб.), 466 свечносальных предприятий (производство в год на 2,3 млн руб.), 209 мыловаренных (производство в год на 1 988 000 руб.)[107].

Салотопенные предприятия в большом количестве находились в Курской губернии (в Курске и Белгороде 61 предприятие, вытапливалось сала в год 300 тыс. пудов на 885 тыс. руб.), в Тамбовской губернии (86 предприятий, вытапливалось сала в год 300 тыс. пудов на 700 тыс. руб.), в Воронежской губернии (71 предприятие, вытапливалось сала в год 500 тыс. пудов на 420 тыс. руб.)[108]. П. Крюков писал в своем труде: «Кроме того из Сибири доставляется до 600 000 пуд. В самой Москве и Коломне перетапливается до 1 млн пудов и до 500 000 пудов в С.-Петербурге»[109].

Лидером в свечносальном производстве была Петербургская губерния с 17 предприятиями и производством сальных свеч на 582 тыс. руб. Значительное количество продукции производили Казанская и Вологодская губернии, соответственно на 196 тыс. руб. и 110 тыс. руб.[110]

Что касается мыловаренной отрасли, то в 1850 г. половина всего мыла (по стоимости продукции, составившей 995 тыс. руб.) производилась в Петербурге.

Заключение. Первая половина XIX в., фактически продлившаяся до начала эпохи Великих Реформ, в экономическом смысле была периодом структурных изменений, когда быстро росло число фабрик и заводов. Во второй четверти столетия стала наблюдаться массовая механизация крупных, а затем и мелких промышленных предприятий, что особенно ускорилось уже в 1850-е гг.

Представленные статистические данные показывают не только постоянный рост числа предприятий, но и формирование трех основных промышленных зон в Москве и прилежащих губерниях, в Петербурге и на Урале. При этом две столичные губернии – Московская и Санкт-Петербургская – в совокупности дали в 1856 г. 34,2 % всего объема промышленного производства в стране (224,3 млн руб.), а в последующие восемь лет, с 1856 по 1864 г., роль двух губерний в объеме производства повысилась до 45,2 %.

В то же время дореформенный период стал временем развития мелкого и среднего промышленного производства во всех губерниях – в Европейской части России, на Урале, в Сибири, на Кавказе.

Литература

Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1988. 301 с.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. 656 с.

Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. М.: Наука, 1976. 277 с.

Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990. 269 с.

Ульянова Г.Н. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 50–81.

[106] Выставка изделий Рязанской губернии. М., 1837. С. 45, 47; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 год… С. 621, 622.
[107] *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России… С. 250.
[108] Там же. С. 47.
[109] Там же.
[110] Там же. С. 250.

Ульянова Г.Н. Династия Хлудовых и их текстильная фабрика в Егорьевске Рязанской губернии. 1817–1917 годы // Российская провинция: историческая память и национальная идентичность: материалы X Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга, 2021. С. 348–353.

Ульянова Г.Н. Ранняя промышленная история династии купцов Гучковых. Первая половина XIX века // Путь и выбор историка: К 80-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2021. С. 232–243.

Ульянова Г.Н. «Сукно для Кяхты, армии и внутренней торговли»: история фабрики братьев Бабкиных в Купавне Московской губернии. 1803–1900-е годы // Экономическая история: Ежегодник. 2021. М., 2022. С. 9–27.

Федотова Н.А. Глушковская суконная фабрика – крупнейший центр курского текстильного производства (по материалам Государственного архива Курской области) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 195–201.

Юрчук К.И. В тисках кризиса (Кто ловчее?) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: мат-лы V Междунар. науч. конф. Кострома, 2010. Ч. I. С. 25–28.

References

Fedotova, N.A. (2014). Glushkovskaya sukonnaya fabrika – krupneyshiy tsentr kurskogo tekstil'nogo proizvodstva (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti) [Glushkovo Cloth Mill as the Largest Center of Kursk Textile Production (According to the Materials of the State Archive of the Kursk Region)]. In *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk.* No. 4 (34), pp. 195–201.

Neklyudov, E.G. (2013). *Ural'skie zavodchiki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural Plant Proprietors in the Second Half of the 19th to Early 20th Century: Owners and Possessions]. Yekaterinburg, RIO UrO RAN. 656 p.

Rybakov, Yu.Ya. (1976). *Promyshlennaya statistika Rossii XIX v.* [Industrial Statistics of Russia of the 19th Century]. Moscow, Nauka. 277 p.

Solov'eva, A.M. (1990). *Promyshlennaya revolyutsia v Rossii v XIX v.* [Industrial Revolution in Russia in the 19th Century]. Moscow, Nauka. 269 p.

Ulianova, G.N. (2020). Dvoryanki – vladelitsy fabrik i zavodov v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Noble Female Entrepreneurs as Factory-Owners in the Russian Empire from the Late Eighteenth to the First Half of the Nineteenth Century]. In *Rossiya XXI*. No. 3, pp. 50–81.

Ulianova, G.N. (2021). Dinastiya Khludovykh i ikh tekstil'naya fabrika v Egoryevske Ryazanskoy gubernii. 1817–1917 gody [The Khludovs Dynasty and Their Textile Factory in Egoryevsk (Ryazan' Province). 1817–1917]. In *Rossiyskaya provintsiya: istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost'. Materialy X Mezhdunarodnykh Staheevskikh chteniy.* Yelabuga, pp. 348–353.

Ulianova, G.N. (2021). Rannyaya promyshlennaya istoriya dinastii kuptsov Guchkovykh. Pervaya polovina XIX veka [The Early Industrial History of the Guchkov Merchant Dynasty in the First Half of the 19th Century]. In *Put' i vybor istorika: K 80-letiyu professora V.V. Shelokhaeva.* Moscow, pp. 232–243.

Ulianova, G.N. (2022). "Sukno dlya Kyahty, armii i vnutrenney torgovli": istoriya fabriki brat'ev Babkinykh v Kupavne Moskovskoy gubernii. 1803–1900-e gody ["Cloth for Kyakhta, the Army and Internal Trade": The History of the Cloth Mill "The Babkin Brothers" in Kupavna, Moscow Province. 1803–1900s]. In *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2021.* Moscow, pp. 9–27.

Vodarskiy, Ya.E. (1988). Dvoryanskoe zemlevladenie v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX v. [Land Ownership of Nobility in Russia in the 17th – First Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka. 301 p.

Yurchuk, K.I. (2010). V tiskakh krizisa (Kto lovchee?) [In the Grip of the Crisis (Who is Smarter?)]. In *Rabochie – predprinimateli – vlast' v kontse XIX – nachale XX v.: sotsial'nye aspekty problemy. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Kostroma, pp. 25–28.

Е.Г. Неклюдов*

КУПЕЧЕСКИЕ РОДЫ В СОСТАВЕ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДЧИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВЛАДЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-2
УДК 323.328(470.5)"180/185"

Выходные данные для цитирования:
Неклюдов Е.Г. Купеческие роды в составе уральских заводчиков первой половины XIX века: особенности владения и управления // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 37–55. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-02.pdf

E.G. Neklyudov*

MERCHANT FAMILIES AS PART OF THE URAL FACTORY OWNERS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: FEATURES OF OWNERSHIP AND MANAGEMENT

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-2

How to cite:
Neklyudov E.G. Merchant Families as Part of the Ural Factory Owners in the First Half of the 19th Century: Features of Ownership and Management // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 37–55.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-02.pdf]

Abstract. Based on the reconstruction of the “ownership histories” of the merchant families of the Gubins, Rastorguevs, Yartsovs, Zelentsovs and Podyachevs, the peculiarities of their ownership and management of mining factories in the Urals in the first half of the 19th century are revealed. These examples are quite representative, since they demonstrate most of the merchant families that remained among Ural factory owners throughout this period. They show that all the merchants were newcomers to the mining business and, when buying factories, they counted on their well-established work, high profits, as well as on income from their other enterprises, which, if necessary, could help “unwind” a new type of business. However, not everyone managed to cope with their duties, and in the perspective of two or three generations, only two families (Rastorguevs and Yartsovs) kept the factories in their possession. At the same time, none of the presented clans escaped the forced intervention of the state in the affairs of private administration in the form of state supervision, guardianship or state administration; there were four cases of appointing factories for sale at public auctions. The reasons for this were the accumulation of state and private debts caused by the difficulties of developing the mining business itself, which required large investments and depended on the dynamics of the metal market, or failures in other businesses that were engaged by merchants. A significant role was played by subjective factors related to the history of the clans of merchant-mining workers themselves. These include: the extravagance of individual owners; conflicts between co-owners, which led to a decrease in the quality of management; the departure of heirs from management responsibilities, and sometimes even ownership of factories under the influence of the process of nobilitation, which covered all these genera. Not a single clan escaped problems in relations with the serf workers who found themselves in their possession, which led to an aggravation of social confrontation at the factories, which also caused state intervention (in two cases this was even accompanied by the exile of the owners). In general, we can conclude that the majority of merchant practices of ownership and management were unfavorable. Mining entrepreneurship of merchants in the Urals in the first half of the 19th century, was distinguished by greater dynamism and greater instability compared with the nobility, which often led to its decline and even collapse.

Keywords: Imperial Russia, Urals, first half of the 19th century, entrepreneurship, industry, factory owners, merchant families, Gubins, Rastorguevs, Yartsovs, Zelentsovs, Podyachevs.

* **Евгений Георгиевич Неклюдов,** доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: ntplant9@mail.ru
Evgeny Georgievich Neklyudov, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: ntplant9@mail.ru

The article has been received by the editor on 12.02.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе реконструкции «владельческих историй» купеческих родов Губиных, Расторгуевых, Ярцовых, Зеленцовых и Подъячевых выявляются особенности владения и управления ими горными заводами на Урале в первой половине XIX в. Эти примеры являются вполне репрезентативными, поскольку представляют большую часть купеческих родов, остававшихся в составе уральских заводчиков на протяжении всего этого периода. Они показывают, что все купцы были новичками в горнозаводском деле и, покупая заводы, рассчитывали на их налаженную работу, высокие прибыли, а также на доходы от других своих предприятий, которые в случае необходимости могли поддержать новый вид бизнеса. Однако справиться со своими обязанностями удалось далеко не всем, и в перспективе двух-трех поколений только два рода (Расторгуевы и Ярцовы) сохранили заводы в своем владении. При этом ни один из представленных родов не избежал вынужденного вмешательства государства в дела частного управления в форме казенного надзора, опекунского или казенного управления; зафиксировано также четыре случая назначения заводов к продаже на публичных торгах. Причиной этого было накопление казенных и частных долгов, вызванных сложностями развития самого горнозаводского бизнеса, который требовал крупных инвестиций и зависел от динамики рынка металлов, или провалами в других бизнесах, которыми занимались купцы. Значительную роль играли субъективные факторы, связанные с историей самих родов купцов-горнозаводчиков. К ним можно отнести: расточительность отдельных владельцев; конфликты между совладельцами, которые приводили к понижению качества управления; отход наследников от ответственного управления, а порой и владения заводами под влиянием процесса нобилитации, охватившего все эти роды. Ни один род не избежал и проблем в отношениях с оказавшимися в их владении крепостными рабочими, что приводило к обострению социальной конфронтации на заводах, тоже вызывавшей вмешательство государства (в двух случаях это сопровождалось даже ссылкой владельцев). В целом можно сделать вывод о неблагополучном характере большинства купеческих практик владения и управления. Горнозаводское предпринимательство купцов на Урале в первой половине XIX в. по сравнению с дворянским отличалось большим динамизмом и большей же нестабильностью, что нередко приводило к его упадку и даже краху.

Ключевые слова: Российская империя, Урал, первая половина XIX в., предпринимательство, промышленность, горнозаводчики, купеческие роды, Губины, Расторгуевы, Ярцовы, Зеленцовы, Подъячевы.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023 г.

Уральские заводчики – владельцы крупных промышленных имений, получивших закрепившееся в историографии название горнозаводских округов, составляли одну из самых престижных и значимых региональных и отраслевых групп предпринимательства Российской империи[1]. Они появились вместе со строительством металлургических заводов на Урале в начале XVIII в. и завершили свой исторический путь после их национализации в 1917–1918 гг. На протяжении этого длительного времени менялся состав и облик заводовладельцев в соответствии с периодами формирования и развития окружной организации уральской горнозаводской промышленности[2]. Для периода, ограниченного рубежом XVIII и XIX вв. и началом 1860-х гг., было характерно развитие отрасли в рамках уже

[1] Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики. Екатеринбург, 2013.

сложившихся округов – масштабных территориально-хозяйственных комплексов с протоиндустриальной (мануфактурной) производственной и крепостнической социальной организацией. Происхождение заводовладельцев отличалось значительным разнообразием[3], но по жалованным грамотам дворянству и городам 1785 г. их состав был ограничен представителями всего двух сословий – дворянства и купечества 1-й и 2-й гильдий[4].

Еще в XVIII в. определилась основная тенденция в сословном составе заводчиков, связанная с ростом доли дворянства. Происходило это не столько за счет подключения к высокодоходному горнозаводскому предпринимательству на Урале дворянских родов (в частности Строгановых, Голицыных, Шаховских, Всеволожских, Лазаревых, Шуваловых, Воронцовых и др.), сколько посредством разных форм нобилитации представителей других страт. Так, тульские оружейники Демидовы получили дворянский диплом в 1726 г., сыновья осташковского крестьянина, ставшего коллежским асессором, С.Я. Яковлева, были возведены в дворянство в 1796 и 1799 гг., соликамский купец А.Ф. Турчанинов – в 1783 г.[5] Ту же социальную эволюцию к началу XIX в. прошли тульские оружейники Мосоловы, выходцы из монастырских крестьян Осокины, тульские купцы Лугинины, верхотурские – Походяшины, устюжские – Курочкины, симбирские – Глазовы и Мясниковы, гороховские – Ширяевы и московские – Гусятниковы. Лишь немногие купеческие роды, владевшие небольшими предприятиями с ограниченными ресурсами, не сумели повысить свой сословный статус (петербургские купцы Грибановы, устюжские – Вяземские, казанские – Ляпины, Иноземцевы и Кобелевы, кунгурские – Шавкуновы, тульские – Красильниковы, симбирские – Маленковы) и во второй половине XVIII в. или в начале XIX в. выбыли из состава уральских заводчиков.

В то же время на рубеже веков и в первой половине XIX в. группу пополнили роды московских купцов Губиных и Ярцовых, вольских – Расторгуевых, верхотурских – Зеленцовых, ярославских – Пастуховых, уфимских – Подъячевых, казанских – Коровиных и мензелинских – Рукавишниковых. Недолго владели уральскими заводами московские купцы А.А. Кнауф (в 1804–1818 гг.) и Н.Ф. Старков (1815–1817 гг.), петербургские – Ф.П. Никифоров (1860–1869 гг.) и М.Ф. Гротен (1855–1860 гг.), тульский – А.И. Маликов (1842–1858 гг.) и стерлитамакский – А.В. Татаринов (1860–1862 гг.), не передававшие их по наследству. Эти данные свидетельствуют о повышенной активности купцов по сравнению с дворянами, которые были представлены всего тремя новыми родами (Бенардаки, Пономаревы, Шелашниковы) и двумя фамилиями (Рошефор, Тимашев).

По нашим подсчетам, если в 1800 г. владельцами уральских заводов числились 60 чел., из которых 64 % составляли дворяне, 28 % – купцы и 8 % – мещане, то к 1861 г. из 83 заводчиков было уже 87 % дворян и только 13 % купцов. На всем же протяжении этого 60-летнего периода из 324 чел., вступавших во владение, было 49 купцов (в том числе именитые и почетные граждане, которые все были и купцами 1-й гильдии), или 15 %. Они принадлежали к 15 родам (включали хотя бы два поколения владельцев) и шести фамилиям. Из них только семь родов сохранили свои владения, остальные утратили их по разным причинам[6]. Обратимся к владельческой истории некоторых из этих купеческих родов[7], акцентируя внимание на ее особенностях и результатах.

---

[2] Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 86–95.

[3] *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962.

[4] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е изд. Т. 22. № 16187. § 28; 16188. § 105, 111. В 1823 г. вышел указ, подтвердивший не всегда выполнявшиеся условия жалованных грамот. Немногочисленных мещан и купцов 3-й гильдии, еще остававшихся владельцами металлургических предприятий, обязали либо немедленно вступить «узаконенным порядком» в высшие купеческие гильдии, либо «в полугодичный срок» продать свои заводы «имеющим право владеть оными» (ПСЗ. 1-е изд. Т. 38. № 29518).

[5] *Хоруженко О.И.* Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 37–38, 43, 314, 347, 368.

[6] *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

[7] Представленные истории основываются на материалах нашей монографии (см. ссылку № 6). Истории родов Коровиных (с 1848 г.), Пастуховых (с 1848 г.) и Рукавишниковых (с 1859 г.), тоже начавшиеся в дореформенный период, либо еще не развернулись, либо недостаточно информативны.

Губины. Богатый московский купец и городской голова Михаил Павлович Губин в конце XVIII в. стал владельцем трех приобретенных на Урале имений Демидовых и Мосоловых. Возведя несколько новых предприятий, он сформировал два горнозаводских округа – Сергинско-Уфалейский, включавший восемь металлургических заводов, и Авзяно-Петровский, в составе которого было всего два предприятия (возвести здесь новый завод не удалось из-за земельных споров). Проблемы начались после его кончины в 1818 г. и перехода наследства в совместное владение двух сыновей. Именно с этого времени мастеровые начинают жаловаться «на недостаток плат, отягощение работами и другие притеснительные действия местного заводского начальства».

Инспектировавшие заводы горные чиновники обнаружили там «крайний недостаток в деньгах», отражавшийся на «продовольствии» многотысячного населения. Однако владельцы утверждали, что они заводы свои снабжают деньгами «в такой мере, в какой дозволяют настоящие по торговле и заводам обстоятельства», а рабочие содержатся «на положении, сделанном еще покойным их отцом и коим мастеровые остаются довольны»[8]. Чиновники не удовлетворились этим объяснением и резонно заметили, что поскольку «металлы продаются ныне по гораздо повышенным ценам, нежели какие при составлении отцом их заводского положения существовали, должны они по всей справедливости уделить часть прибыли на безбедное прокормление тех, через кого прибыль сия ими приобретается»[9].

Вместо этого в 1838 г. братья решились на раздел общего имения: из уральских владений Павлу Михайловичу достались Авзяно-Петровские заводы с 1604 ревизскими душами в Оренбургской губернии, а Константину Михайловичу – Сергинско-Уфалейские с 7387 ревизскими душами в Пермской губернии. С этого времени началось раздельное владение горнозаводскими округами двух ветвей рода Губиных.

Проблемы с кортомом (арендой. – *Е. Н.*) башкирских земель и лесов, необходимых для снабжения заводов древесным топливом, довели старшего брата в 1847 г. до необычного шага – предложения горным властям принять Авзяно-Петровские заводы в казенное управление[10] и продать «не упуская времени с аукциона с выдачей ему вырученной суммы для уплаты долга башкирцам»[11]. В ситуации, когда владелец и казна отказались от финансирования заводов, было принято решение передать их в опекунское управление[12] с целью описи и продажи с публичных торгов. Но организованные в 1849 г. торги не состоялись из-за отсутствия желающих купить заводы без собственных лесов. В такой ситуации Губин стал просить министра финансов Ф.П. Вронченко «в ограждение от дальнейшего разорения принять его заводы в казенное ведомство по самой умеренной оценке». Министр отказал, но предписал отвести заводам земли и предложил владельцу вступить в управление своим имением. Губин ответил, что поскольку за время опекунского управления он не получал «ни одной копейки доходу» с имения, то и не имеет средств на покупку земли и кортом леса. «По сим обстоятельствам, а более всего по преклонным моим годам и расстроенному здоровью… – сообщил владелец, – вступить вновь в управление моими заводами и принимать земли и леса… не могу»[13]. Вместо него опека приняла отвод казенных земель и даже сумела увеличить выделку железа до 100 тыс. пудов, что помогло продаже. В 1853 г. опекуном стал местный помещик Н.Е. Тимашев, который после нескольких лет управления,

[8] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 25. Д. 888. Л. 123–128.
[9] Там же. Оп. 23. Д. 6127. Л. 685–688.
[10] Казенное управление устанавливалось с санкции императора и было сопряжено с полным отстранением владельца от управления (но не владения) и получения доходов, назначением управляющего со стороны горных властей и предусматривало государственное финансирование предприятий до их продажи или возвращения владельцам (ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 11. № 9699).
[11] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5016. Л. 12.
[12] Опекунское управление устанавливалось местными дворянскими опеками или сиротскими судами, которые брали на себя управление имением за фиксированную долю прибыли и обязаны были сами изыскивать средства «на заводское действие». Владелец устранялся «от собирания и пользования доходами», которые поступали в распоряжение опекунов, и ему даже запрещался въезд в имение (ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 30. № 23662).
[13] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5016. Л. 375–377.

в 1857 г., решился выкупить Авзяно-Петровские заводы всего за 185 тыс. руб., а через год удачно перепродал их Д.Е. Бенардаки на 90 тыс. руб. дороже.

Все эти годы отстранившийся от управления заводовладелец находил-таки средства на благотворительность ради достижения заветной цели – получения дворянства. Жертвовать в пользу московского Елизаветинского училища, в котором занимал пост казначея, он начал еще в 1828 г. Но только в 1854 г., когда «за особое усердие» П.М. Губину был пожалован чин статского советника, цель была достигнута. Однако дворянский статус не помог ему удержаться в составе уральских заводчиков, к чему он, судя по всему, особенно и не стремился.

Не менее драматичной оказалась и история владения Сергинско-Уфалейскими заводами Константином Михайловичем Губиным. Как свидетельствовали горные чиновники, после раздела 1838 г. и эти заводы начали быстро клониться к упадку и «вместо пользы приносили значительный убыток». Следствие, проведенное по жалобам крепостных уже в следующем году, выяснило, что главной причиной тому явились «неисполнение штатов, расточительная жизнь Губина и беспорядочное управление его своим имением». III Отделение тогда же подтвердило, что владелец «по ограниченности ума своего, ведя жизнь рассеянную, привел в совершенный упадок» свои заводы. Не прекращавшиеся волнения мастеровых подтолкнули власти в 1841 г. к решению взять заводы в полный казенный присмотр[14] «за неисправную выдачу заводским людям содержания, жалования и задельной платы, за неимение узаконенной пропорции хлеба, за неплатеж разного рода податей и, наконец, в обеспечение отпущенных на сей предмет и на заводское производство Уральским горным правлением денежных сумм»[15].

Рис. 1. Анастасия Иосифовна Ушакова. Художник И.К. Макаров. 1866 г.

При «расточительном и слабоумном» муже в борьбу за заводы вступила жена владельца Анастасия Иосифовна (урожденная Кони), поверенными в делах которой выступали ее родственники – «художник» С.И. Кони и коллежский асессор Ф.А. Кони (отец знаменитого юриста А.Ф. Кони). В 1844 г. супруги заключили соглашение, в соответствии с которым Губин передал жене на 12 лет «в полное распоряжение» все свои имения для того, чтобы, «употребив собственный свой капитал и частью рассрочив платежи на продолжительные сроки», она «погасила долги мужа своего» (по екоторым данным они достигали 600 тыс. руб.) и освободила заводы от казенного присмотра. Эти условия сохранили свою силу даже после кончины владельца в 1848 г. Его наследниками оказались вдова и четверо малолетних детей, над которыми была установлена опека в лице матери (она вскоре вышла замуж за полковника, затем – генерал-майора П.П. Ушакова) и дяди – почетного гражданина С.И. Кони (рис. 1, 2).

Рис. 2. Павел Петрович Ушаков. Художник Т.А. Нефф. 1866 г.

[14] Казенный присмотр предусматривал назначение горного чиновника в состав частного заводоуправления для наблюдения за расходованием денежных средств «без стеснения управляющих в хозяйственных их распоряжениях» (ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 32. № 25384).

[15] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 234–239.

Из записки управления Сергинско-Уфалейских заводов следует, что владелица «быстро приступила к приведению заводов в лучшее положение». Она не только расплатилась почти со всеми долгами мужа, но и простила долги рабочим, чем завоевала их расположение и предупредила новые волнения. К 1856 г. Ушакова «вошла в большие запасы всех заводских потребностей, расширила во всех отношениях производительность заводов [она возросла вдвое и достигла 900 тыс. пудов чугуна; добыча золота составила 2 пудов в год. – *Е. Н.*], приобрела посредством кортома у башкир… добротные руды, доставившие железу при обработке его контуазским способом высокое качество и лестную известность в торговле, обстроила заводы, возвела приличные каменные фабрики и вместе с этим поставила заводы как в хозяйственном, так и в техническом отношении, в уровень с лучшими уральскими заводами»[16].

Правда, весьма осведомленный главный начальник уральских заводов В.А. Глинка приписывал эти успехи не столько владелице, сколько опекуну С.И. Кони. «Мне известны ревностные усилия Кони к восстановлению бывших в упадке Сергинских заводов и успехи, коими увенчались труды его», – писал он министру финансов в 1853 г. и даже рекомендовал «удостоить заслуги Кони поощрением от Правительства»[17].

Скорее всего, так и было, поскольку когда в конце 1850-х гг. отношения между владелицей и опекуном испортились и он отстранился от управления, начался упадок заводов, несмотря на все предпринимаемые владелицей меры. Операционный капитал составлялся в основном за счет краткосрочных ссуд в Екатеринбургской конторе Коммерческого банка, но вскоре управляющие были обвинены в крупных махинациях с залогом металла. По свидетельству Д.Н. Мамина-Сибиряка, интересовавшегося в свое время историей разорения этих заводов, пострадал и муж владелицы П.П. Ушаков, который исполнял должность «уполномоченного наблюдателя». В 1874 г. за денежный ущерб, нанесенный казне, он был лишен прав и состояния и подлежал ссылке в Сибирь[18].

В такой ситуации в ноябре 1864 г. Сенат принял решение о взятии заводов во временное казенное управление до продажи с публичных торгов. Не вдаваясь в подробности, в указе отмечалось, что сделано это было «по обстоятельствам заводовладельцев», на которых накопилось до 2,3 млн руб. долгов, в том числе 1,6 млн руб. казне. В 1866 г. по ходатайству С.И. Кони имение было сдано ему в аренду. Но уже через полтора года Сергинско-Уфалейские заводы из-за «неисправности арендатора» передали в опеку и вновь назначили к публичной продаже. Несколько раз безрезультатно завершались торги на заводы Губиных, пока, наконец, в 1881 г. находившийся все это время в управлении разорительной опеки, но вполне дееспособный горнозаводский округ не был приобретен компанией, учрежденной торговым домом Мейера и фирмой Гинцбургов. Немалая «покупная сумма» в 4,15 млн руб. пошла в основном на погашение долгов бывших владельцев.

К тому времени дочери К.М. Губина Зинаида и Александра уже давно были замужем за представителями дворянских родов Нарышкиных и Толстых. Сыновья Анатолий и Евгений сохранили статус потомственных почетных граждан. Старший сын, видимо, унаследовал и болезнь отца. Незадолго до продажи заводов, в 1879 г., оба брата были признаны «несостоятельными должниками». Драматическая история владельцев Сергинско-Уфалейских заводов была запечатлена Д.Н. Маминым-Сибиряком в его первом романе «Приваловские миллионы».

Расторгуевы. Вольский купец 1-й гильдии Лев Иванович Расторгуев стал уральским заводовладельцем, купив в 1808 г. у И.Я. Хлебниковой Нязе-Петровский завод и в 1809 г. у П.Г. Демидова два Кыштымских и Каслинский заводы. Оба горнозаводских хозяйства купец приобрел в рассрочку, оплатив сразу лишь часть «покупной суммы». Вероятно, в первые годы после покупки он жил на заводах и непосредственно управлял ими. Объединив два хозяйства, он основал один из крупнейших на Урале Кыштымский горнозаводский округ площадью 426 тыс. дес. земли с крепостным населением, на момент покупки

[16] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 47–50.
[17] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 5. Д. 1227. Л. 1–4.
[18] *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1858. Т. 2. С. 377–378.

составлявшим более 4,5 тыс. ревизских душ. До начала 1820-х гг. дела шли благополучно: как сообщало заводоуправление, «соблюдая все основания бывшего за Демидовым управления», владелец увеличил производство сортового железа и начал разработку богатейших Соймоновских золотых приисков.

Но, придерживаясь этого порядка, он не сумел своевременно отреагировать на произошедшее в начале 1820-х гг. резкое повышение цен на хлеб, полагая, что рабочие его заводов имеют значительные личные хозяйства. В результате в 1822–1823 гг. Кыштымские заводы сотрясло крупное волнение мастеровых. Хотя Расторгуев приехал тогда на Урал из Вольска Саратовской губернии, где состоял в должности городского головы, но своими необдуманными действиями не смог восстановить доверие рабочих, что привело к полной остановке производства. Порядок навели власти с помощью войск, но сам владелец, видимо, остро переживая случившееся, в начале 1823 г. скончался.

Итоги его владения подвел особый правительственный комитет. «Вникнув во все обстоятельства и подробности… возмущения мастеровых», он постановил, что «неустройства и беспорядки были следствием, с одной стороны, худого оными управления и крайне несоразмерных с настоящею дороговизною заработных плат, которых притом мастеровые часто не получали, а с другой стороны – небрежения заводчика о благовременном и достаточном заготовлении для продовольствия заводских людей необходимо нужных жизненных потребностей»[19].

Наследницами купца стали вдова Анна Федотовна (урожденная Коробкова) и две дочери. После смерти матери в 1825 г. заводы остались в нераздельном владении дочерей, выданных замуж еще при жизни отца за представителей двух известных в Екатеринбурге старообрядческих родов. Мужем Марии Львовны стал екатеринбургский купец 1-й гильдии П.Я. Харитонов, а Екатерины Львовны – казанский купец 1-й гильдии А.Г. Зотов, сын бывшего крепостного управляющего Верх-Исетского округа Г.Ф. Зотова (рис. 3).

Рис. 3. Анна Федотовна и Лев Иванович Расторгуевы.
Миниатюры неизв. художника начала XIX в.

Наследницы вступили во владение в то время, когда горные власти предполагали взять их заводы в казенное управление и составить особые «штаты», ориентированные на условия содержания рабочих государственных горных предприятий. Но необходимость сложных расчетов отдалила это решение, и власти ограничились установлением усиленного присмотра заводского исправника за положением населения.

[19] Рабочее движение в России в XIX в. М., 1951. Т. 1. С. 385–386.

Хотя официально считалось, что мужья управляют заводами по доверенности, выданной им женами-владелицами[20], фактически дела вершил сам Г.Ф. Зотов до 1826 г., когда после инспекции уральских заводов графом А.Г. Строгановым (ее негласной целью была компрометация уральских «староверов») он был отдан под суд. В своем рапорте граф писал о «жестокостях и тиранствах» на заводах и золотых приисках наследниц Расторгуева, о недостатке плат рабочим, об отсутствии больниц и аптек. «Нет следов христианского попечения о людях, которых можно сравнить с каторжными и неграми», – докладывал инспектор[21]. Следствием этого стало введение в 1832 г. в Кыштымском округе «штатного положения», с которым согласились и заводовладелицы. Министр финансов Е.Ф. Канкрин полагал, что «сим положением достаточно отклонены случаи, могущие служить поводом к неудовольствию и жалобам, и что с введением оного водворится в заводах наследниц Расторгуева прочное спокойствие»[22]. Другим результатом стало обвинение Г.Ф. Зотова и вместе с ним «уполномоченного» П.Я. Харитонова «в разных противузаконных действиях». В 1836 г. муж владелицы был «лишен медалей и доброго имени» и сослан в Финляндию, где и скончался через два года (рис. 4, 5).

Рис. 4. Мария Львовна Харитонова. Неизв. художник. Первая половина XIX в.

Рис. 5. Петр Яковлевич Харитонов. Неизв. художник. Первая половина XIX в.

Начавшиеся в это время трения между сестрами вылились в итоге в открытую конфронтацию, отразившуюся на положении мастеровых, которых, по донесению заводского исправника, вновь перестали вовремя «удовлетворять платами». Уже в 1839 г. главный начальник В.А. Глинка предлагал взять Кыштымский округ в казенное управление, так как заводовладелицы, «несмотря на все настояния горного начальства, не заботились о благоустройстве своих заводов»[23]. Не помог поправить ситуацию и осуществленный в 1840 г. залог крепостных в Заемном банке на 566 тыс. руб., поскольку он не смог покрыть все накопившиеся долги, включая казенные недоимки.

Как и Губины, в такой сложной ситуации совладелицы решились на раздел имения, в соответствии с которым заводы переходили во владение Е.Л. Зотовой, а «недвижимые имения в разных местах» и 700 тыс. руб. сер. «деньгами, металлами и векселями» – М.Л. Харитоновой, числившейся в документах шлиссельбургской купчихой 1-й гильдии. Однако «раздельная запись» осталась «несовершенною формальным порядком», поскольку осторожный Е.Ф. Канкрин ввиду возможного учреждения казенного управления отложил окончательное решение «до времени, когда удовлетворятся заводские люди и будут на заводах наличные деньги»[24].

Следствием этого стала отмена прежнего общего управления заводами и назначение в 1841 г. двойного (со стороны каждой владелицы), а также подача сестрами, проживавшими в Петербурге, друг на друга финансовых претензий через суд. Затянувшиеся споры владелиц

[20] *Ульянова Г.Н.* Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX в. М., 2021. С. 22–33.
[21] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 39–41.
[22] Там же. Л. 334.
[23] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 18.
[24] Там же. Л. 111–112.

о дележе доходов привели к тому, что они фактически прекратили финансирование предприятий. Е.Ф. Канкрин, вновь рассматривавший дело о Кыштымских заводах в 1843 г., нашел, что Зотова и Харитонова «не показывают никакой наклонности действовать общим… согласием». «Единственной причиной упадка заводов, – счел он, – является раздор между владелицами»[25]. По примеру заводов К.М. Губина, сестрам предписывалось все металлы продавать с ведома Горного правления, а «вырученные деньги полностью обращать на продолжение заводского действия» и на уплату казенных долгов.

В условиях такого полного казенного присмотра, фактически устранившего владелиц от важнейшей функции – распоряжения финансами, дела Кыштымских заводов стали поправляться. Когда возобновились выплаты по долгам, в 1852 г. казенный присмотр был снят. Тогда там выделывалось до 300 тыс. пудов железа «порядочного качества» и получило распространение знаменитое каслинское чугунное литье. Тем не менее «несогласия» владелиц продолжались, реализуясь в бесконечных судебных исках. На заводах эти распри находили отражение в «пререканиях» двух управляющих от каждой из частей владения. Они продолжались и после кончины сестер и перехода владения к их наследникам, породнившихся с дворянскими родами Головниных, Дружининых и Меллер-Закомельских.

Ярцовы. Более спокойно поначалу развивалось горнозаводское предпринимательство на Урале первостатейных московских купцов Ярцовых. Его основатель – Матвей Филатович Ярцов – в 1810 г. купил у полковницы К.С. Мордвиновой Верхний и Нижний Шайтанские заводы с 622 ревизскими душами за 230 тыс. руб., уплата которых была рассрочена на семь лет. Справившись с этим долгом, он тем не менее не сумел осуществить свой план развития производства за счет постройки нового железоделательного предприятия на месте купленного у той же владелицы села Тюбук, расположенного в 120 верстах от заводов, но, в отличие от них, якобы «изобилующего водою».

Технические расчеты заводчика оказались ложными, да и местные крестьяне не выразили желания исполнять непривычные для них работы. Ярцов, проживавший тогда в Москве, прибыл на заводы. Вопреки своему прежнему мнению о том, что назначенные им для крестьян работы являются «самыми легкими и неотяготительными», он увидел, «сколь тягостно кажется им обращение в тех работах, к которым они не сделали привычки»[26]. «Из сердцелюбия и сожаления к человечеству» он отказался от своих первоначальных намерений.

Новые планы возникли у владельца после открытия в 1823 г. в Шайтанском округе месторождения медной руды и золотосодержащих песков. Скорее всего, в этой связи им была задумана покупка продававшихся с аукциона медеплавильных Таишевского и Иштеряковского заводов Иноземцевых, располагавшихся на границе Вятской и Казанской губерний. Но реализовать это намерение в 1826 г. довелось уже его сыну Ивану, оказавшемуся незадолго до этого единственным наследником скончавшегося отца. Еще в 1824 г. он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени «за пожертвования на общественные заведения», что давало основание для получения дворянства. При покупке Таишевских заводов И.М. Ярцов уже именовал себя дворянином, хотя диплом он получил только в 1841 г. (рис. 6).

Рис. 6. Герб, пожалованный И.М. Ярцову. 1841 г.

За время своего 20-летнего управления Ярцов более чем вдвое (с 59 тыс. до 134 тыс. пудов) увеличил выделку железа на унаследованных предприятиях. До 2–3 тыс. пудов выросла и выплавка меди на приобретенных заводах, которые тем не менее не стали рентабельными и содержались отчасти за счет общих доходов имения.

[25] ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 77.
[26] Там же. Оп. 2. Д. 296. Л. 47–50.

Владелец скончался в 1846 г., оставив наследницами трех дочерей, породнившихся с несколькими дворянскими родами. Старшая Мария, бывшая замужем за генерал-майором А.А. Кузьминым, к тому времени уже овдовела; вскоре после смерти отца средняя дочь Елизавета вышла замуж за полковника Д.И. Николаева, а младшая Ольга – за капитана П.В. Берга. Накануне своей кончины отец составил в их пользу завещание на немалую сумму в 770 тыс. руб. сер., включая «родовые» Шайтанские (162 тыс. руб.) и «благоприобретенные» Таишевские (93 тыс. руб.) заводы. С благой целью «предупредить споры и тяжбы, могущие возникнуть между дочерями», он распорядился первые передать Е.И. Николаевой, а вторые – М.И. Кузьминой. На случай неутверждения завещания все родовое имение делилось поровну между всеми наследницами, а приобретенное – между Елизаветой и Ольгой.

Но, вопреки воле отца, всего через месяц после его смерти Кузьмина «объявила спор по завещанию», сочтя раздел «неуравнительным»; ее примеру вскоре последовала и Берг, в то время как Николаева просила горное начальство «ввести ее во владение» Шайтанских заводов, назначила туда управляющего и даже распорядилась «в свою пользу» доходами от продажи железа. В такой ситуации Горное правление приказало взять заводы в казенный присмотр «как для обеспечения долгов и недоимок, так и для охраны заводов во время споров наследниц». Кузьмина вновь протестовала, доказывая, что учреждением присмотра стесняется ее свобода по владению собственностью и она «лишается последних средств… на прожитие и содержание четырех малолетних детей»[27].

Прибывший на заводы в начале 1848 г. горный чиновник обнаружил там недостаток в деньгах, из-за которого уже два месяца рабочие не получали заработную плату. Пришлось прибегнуть к займу из Екатеринбургской банковской конторы под залог добытого золота. Вскоре появился указ Сената о передаче спорного имения в опекунское управление, на время успокоивший владелиц. При опеке через год состоялось и решение Московской палаты гражданского суда, которая рассмотрела дело о завещании Ярцова. Его первичные условия были отменены, родовое имущество передано в общее распоряжение наследниц, а приобретенное – Николаевой и Берг.

Однако на этом длившиеся уже три года споры наследниц не прекратились. Кузьмина «совершенно отказалась» принять от опекунов в общее владение с сестрами имение отца «по неопределенности частей родовой и благоприобретенной» и выразила желание продолжить опеку или «учинить посредническое разбирательство»[28]. В 1850 г. Московская палата постановила принять наследницам бесспорное имущество, а спорное оставить в общем владении и решать его судьбу в суде. Вскоре настроенные миролюбиво Николаева и Берг разделили поровну между собой бесспорное приобретенное имение отца, куда вошли Тайшевские заводы, доставшиеся О.И. Берг.

Еще до ее вступления во владение сестры известили горное начальство о том, что, «войдя в хозяйственное соображение способов поддержания» заводов, они удостоверились, что это заводское имение чуждо всякой возможности не только к полезному для нас, но и к самобытному, без особых ему денежных пособий, существованию по неимению лесов и по убогому содержанию добываемых руд, залегающих гнездами так, что добыча их с содержанием завода обходится дороже цены выплавленной меди»[29]. Получив разрешение, уже сама О.И. Берг закрыла заводы и вскоре продала унаследованное имение как сельскохозяйственное.

Шайтанские заводы оставались в общем владении трех сестер до 1856 г., когда «по взаимному соглашению» они провели, наконец, раздел. Е.И. Николаева, которой по желанию отца предназначалось это имение, отказалась от него, получив взамен московские дома и торговые лавки. Во владении М.И. Кузьминой и О.И. Берг заводы находились до смерти последней в 1866 г. Через три года Кузьмина уступила свою половину имения зятю П.В. Бергу. Выйдя в отставку в чине подполковника, он сосредоточился на предпри-

[27] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4576. Л. 155–176 об.
[28] Там же. Л. 501.
[29] Там же. Оп. 32. Д. 900. Л. 1–1 об.

нимательской деятельности, участвовал во многих крупных коммерческих предприятиях, умело управляя и имением жены. По оценке экономиста В.П. Безобразова, побывавшего на Урале в 1867 г., Шайтанские заводы представляли собой «самое мелкое» (там состояло всего около 36 тыс. дес. земли и выплавлялось до 150 тыс. пудов чугуна), но находившееся «в цветущем положении» горнозаводское имение на Урале[30].

Зеленцовы. Верхотурский купеческий род Зеленцовых в первой трети XIX в. оказался «временным владельцем» крупных Ревдинских заводов на Урале. Имея статус именитого гражданина и чин коллежского асессора, Алексей Васильевич Зеленцов в 1808 г. купил у П.Г. Демидова в рассрочку под «закладную» (как через год то же сделает и Л.И. Расторгуев) это горнозаводское имение с 256 тыс. дес. земли и более чем 4 тыс. ревизских душ за 1 280 тыс. руб., обязуясь в течение семи лет выплатить всю сумму. Видимо, он рассчитывал погашать долг из заводских доходов при поддержке других своих коммерческих операций, основными из которых были винный откуп по Томской и Тобольской губерниям и поставки провианта в казну.

Однако уже через два года, когда у новоявленного заводчика возник большой долг перед Государственным казначейством за невозвращенный «вексельный перевод» и проблемы по откупам, он вынужден был прекратить выплаты Демидову. Заводы же, которые ежегодно требовали до 300 тыс. руб. оборотного капитала, по наблюдению горных чиновников, «мало-помалу расстраивались» и двигались «к совершенному изнеможению». За накопившиеся казенные долги в 1813 г. Сенат постановил «осеквестровать и продать узаконенным порядком имение коллежского асессора Зеленцова, где какое свободным окажется»[31].

Благодаря влиятельным заступникам владелец сумел отложить продажу, пообещав в скором времени расплатиться со всеми долгами за счет роста выделки железа до 250 тыс. пудов в год. Но власти все-таки решили взять Ревдинские заводы в частичное казенное управление, откомандировав туда «надежного чиновника», а также предоставить заводам ссуду из средств Горного правления. Зеленцов не был полностью устранен от управления: ему позволялось либо самому принять в нем участие, либо прислать своего поверенного.

В 1815 г. он прибыл на заводы из Петербурга, однако, «находясь в тяжкой обременительной болезни», вскоре скончался, не успев выполнить свои обещания. Знаменательно, что сделанная в его доме в Ревде опись библиотеки не включала ни одной книги по горному делу, что косвенно свидетельствует о его неподготовленности к ведению нового вида бизнеса и объясняет согласие на участие в управлении опытного специалиста.

Итоги почти 10-летнего владения А.В. Зеленцова Ревдинскими заводами выглядели далеко неутешительными. На них «висели» государственные и частные долги «на многотысячную сумму». Заводы находились в казенном управлении, а все незаводское имущество владельца было описано и арестовано до продажи с публичных торгов. Заплатив всего 440 тыс. руб. в первые три года после покупки, Зеленцов не выполнил и условий сделки с Демидовым. Поэтому, в соответствии с закладной, бывший владелец имел право «удовлетворение получить, как законы повелевают»[32].

Он так и сделал, после окончания срока залога предъявив иск ко взысканию оставшихся невыплаченными 840 тыс. руб., которые перешли на наследников Зеленцова – вдову Евдокию Михайловну (урожденную Походяшину, внучку основателя Богословских заводов на Урале), шестерых сыновей (некоторые из них уже получили дворянский диплом «по чину» в горной или гражданской службе; Капитон Алексеевич в 1833 г. станет академиком живописи) и дочь – полковницу Аполлинарию Бикбулатову (рис. 7).

Поскольку заводы находились теперь уже в полном казенном управлении (никто из взрослых сыновей не вступил в управление, хотя семья осталась жить в Ревде), наследники не получали доходов и, естественно, не могли погасить долг Демидову, да, видимо,

[30] *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 203.
[31] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6637. Л. 5–10.
[32] Там же. Д. 6729. Л. 1–9 об.

и не собирались этого делать. Они подали почти равный по сумме иск к бывшему владельцу, утверждая, что тот якобы продал вместе с заводами казенные и спорные земли, ему не принадлежавшие. Тем не менее Государственный Совет в 1819 г. постановил назначить заводы Зеленцовых в публичную продажу за казенные и частные долги.

Рис. 7. Герб, пожалованный А.А. Зеленцову. 1811 г.

Но очевидные успехи казенного управления (заводы были приведены «в полное действие», уплачены недоимки по горным податям и долгам) предопределили повеление Александра I в 1824 г. остановить продажу заводов до решения дела по взаимным претензиям Демидова и Зеленцовых и рассмотреть его в Сенате вне очереди. Однако благодаря действиям наследников дело затянулось и решения по нему были приняты уже после кончины П.Г. Демидова в 1826 г.

Участником спора выступил сын бывшего владельца, отставной артиллерийский полковник А.П. Демидов, который доказывал, что Зеленцовы «затеяли свой иск на отца для того единственно, чтобы уклониться от платежа должной ими суммы» (она достигала с набежавшими процентами уже астрономической величины в 2 млн руб.). В 1829 г. император утвердил решение Комитета министров, по которому Ревдинские заводы вновь назначались к продаже «с тем, чтобы из вырученных сумм все то, что следует Демидову, уплатить без отлагательства, несмотря ни на какие противоречия со стороны Зеленцовых»[33]. До продажи на основании Банкротского устава имение отдавалось во временное владение Демидова.

После этого Зеленцовы методично предпринимали попытки повлиять на оценку заводов с целью повысить их стоимость. К началу 1830 г. они подали свыше десятка жалоб в разные инстанции, вследствие чего горное начальство даже вынуждено было объявить о том, что «впредь никаких возражений от них приниматься не будет»[34]. В свою очередь назначенные Демидовым управляющие всеми мерами пытались выселить наследников из имения.

При подготовке округа к продаже в 1830 г. было подсчитано, что за 15 лет казенного управления за Зеленцовых уплачено более 841 тыс. руб. преимущественно государственных долгов. Но за исключением долга Демидову они еще оставались должными казне и частным лицам до 787,5 тыс. руб. Большую часть этих долгов было предписано «удовлетворить» за счет продажи заводов (оцененных в 2,67 млн руб.) и другой недвижимости Зеленцовых (на сумму 586 тыс. руб.).

Торги по горнозаводскому имению состоялись в 1833 г. К тому времени А.П. Демидов переменил свое прежнее намерение и решил оставить довольно перспективные Ревдинские заводы за собой, выступив на торгах, скорее всего, их единственным покупателем. Так завершилось уже давно ставшее фиктивным владение горным округом на Урале двумя поколениями рода верхотурских именитых граждан и дворян Зеленцовых. Для них оно оказалось крайне неудачным предприятием, приведшим, судя по всему, к полному разорению.

Подъячевы. Из всех купеческих владельческих историй самой необычной выглядит, пожалуй, история уфимского рода Подъячевых. С 1797 г. ему принадлежал небольшой медеплавильный Шильвинский завод в Оренбургской губернии, купленный городским головой уездной Уфы и купцом 3-й гильдии Алексеем Матвеевичем Подъячевым у тульского купца Н.П. Красильникова с 208 ревизскими душами за 32 тыс. руб.

Как сообщал новый владелец, он застал приобретенный завод «без всякого действия и весь в расстройке», без запасов руды, угля и провианта. В конторе не обнаружились

[33] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 1–9 об.
[34] Там же. Д. 6168. Л. 175.

и документы на отводы рудников и лесов «по бывшему в том краю народному замешательству» (имелось в виду Пугачевское восстание). Поэтому Подъячеву пришлось арендовать, а затем и выкупать рудники у соседних заводчиков, а лес приобретать «за попенные деньги» у уездного начальства. По его словам, была поправлена плотина и обветшалые строения, вновь отстроены медеплавильные печи.

Однако покупка завода вызвала несколько судебных разбирательств с родственниками бывшего владельца. Сначала его двоюродный брат С.Т. Красильников стал уверять, что продажа произошла «ухищрительным образом», ссылаясь на то, что владелец именно ему обещал передать завод, поскольку сам был не в состоянии управлять им по причине «употребления горячительных напитков». Не получив поддержки в суде, он через несколько лет «настроил» тверского купца Арефьева (видимо, зятя бывшего владельца) возобновить разбирательство. На этот раз Оренбургская палата гражданского суда «при всей напряженной запутанности производства дела и увертливостям ответчика» склонилась более на сторону обвинения. В 1810 г. последовало компромиссное решение: купец Арефьев, «как ближайший родственник бывшего владельца Красильникова», был допущен к управлению заводом с условием, «чтобы и купец Подъячев имел всегда в виду обороты заводские и… за действиями Арефьева наблюдение»[35].

Управление Арефьева продолжилось менее года. За это время он успел возобновить производство, достигшее 388 пудов, но вырученных денег не хватило даже на заработную плату рабочим. Жалобы Подъячева привели к передаче ему управления при сохранении казенного присмотра. Конфликт с наблюдавшим горным чиновником и еще одно судебное разбирательство «об утайке меди» сопровождали недолгую дальнейшую историю владения А.М. Подъячева. В 1817 г. он скончался, завещав завод «в полное и пожизненное распоряжение» своей жены Пелагеи Дмитриевны (из дворянского рода Рудневых) под управлением сына от первого брака Николая с тем, чтобы тот «все деньги употреблял не иначе как с позволения мачехи». Поскольку заплатить долги умершего заводчика наследники не могли, по требованию кредиторов Мензелинский уездный суд назначил завод к продаже и направил чиновника для его описи и оценки.

Вдове удалось добиться отмены этого решения обещанием выплачивать кредиторам ежегодно по 2 тыс. руб. Но она не сумела договориться с пасынком о совместном управлении. Подъячева обвинила его в пьянстве и «рассеянной жизни», а назначение его управлять заводом объяснила надеждой отца на то, «не поправится ли он под моим смотрением и наблюдением в уме своем»[36]. При этом вдова по неизвестной причине не предъявила завещание на утверждение в суд, тем самым умалив его значение. Между тем пасынок сумел оправдаться, предоставив в свою пользу свидетельства городского общества Уфы и показания, видимо, подкупленных заводских жителей. В 1819 г. Горное правление допустило Н.А. Подъячева к управлению заводом под наблюдением проживавшей там мачехи, которая через год «по старости лет и слабости здоровья» вовсе отказалась от общего управления с условием «для пропитания ее с семейством выдавать хлеб и следующую часть денег»[37].

Семейный конфликт разворачивался на фоне упадка производства (в 1820 г. было выплавлено всего 118 пудов меди) и все ухудшавшегося положения рабочих. В 1822 г. исправник сообщал, что на Шильвинском заводе совсем нет денег и хлеба, от чего «тамошние мастеровые, не получая нисколько для прокормления… провианта, от исправления заводских работ отказались». Поскольку от «заводосодержателя» никакой помощи не ожидалось, он просил у горных властей «указать Подъячеву о немедленном приискании компаньона» или рекомендовал удалить его от управления, поскольку считал, что «причина упадка завода есть не что иное, как неопытность владельца в горном и заводском производстве»[38].

[35] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5201. Л. 131.
[36] Там же. Л. 438–443.
[37] Там же. Л. 629.
[38] Там же. Л. 715–720.

В такой ситуации помощь Подъячеву решили оказать его родственники со стороны жены – елабужские купцы Шишкины[39], предложившие взять завод в аренду на десять лет. Еще до подписания контракта они вложили свои деньги на восстановление работ, но Подъячев «под разными предлогами… от дальнейшего сотрудничества уклонился». Как в свое время мачеха и заводский исправник, приехавший на завод купеческий сын И.В. Шишкин жаловался на «слабость» владельца по управлению и «частовременное обращение в невоздержанность»[40]. Со своей стороны, Подъячев обвинил Шишкина «в одном только поползновении к пользе своей» и уничтожил доверенность на управление возрожденным заводом.

Но и сам он в 1824 г. фактически устранился от управления, передав его сыну Николаю. Однако из-за отсутствия оборотного капитала тот не смог самостоятельно вести заводские дела и сразу стал просить у горного начальства ссуду под секвестр металла. С помощью казенных денег Н.Н. Подъячев сумел поднять производительность до 800–1 000 пудов меди и даже записаться вместе с отцом во вторую купеческую гильдию по городу Елабуге.

Новый владелец оказался ничуть не менее прагматичным и беззастенчивым хозяином, чем его отец и дед. Он отказывался выплачивать долги, ссорился с родственниками, обвинялся в самовольном истреблении казенных лесов и чрезмерной эксплуатации крепостных. В 1847 г. на Шильвинском заводе произошло волнение. Следствие даже предположило, что владелец нарочно доводил рабочих «до крайности» с целью получения казенных ссуд. В.А. Глинка уже тогда предлагал наказать Подъячева розгами и отдать «в арестантские роты», а завод взять в казенный присмотр. Но владелец пообещал исправить «упущения» и содержать рабочих в соответствии с предоставленными ему штатами казенных заводов.

Отметим, что в начале 1850-х гг. он действительно пытался осуществить реорганизацию своего заводского хозяйства: арендовал несколько десятин земли рядом с рудниками и возвел там Александровскую «фабрику», где сосредоточил саму плавку руд, а на Шильвинском заводе, удобно расположенном в четырех верстах от Камы, оставил лишь очистку меди. Все это позволило временно увеличить производство до 1,5–2 тыс. пудов. Но оборотной стороной стали новые злоупотребления владельца в отношении заводского населения, поднявшегося в 1859 г. на очередное выступление.

На этот раз губернские и горные власти безоговорочно встали на сторону рабочих, а информация об инциденте оказалась даже на страницах герценовского «Колокола». «Обременяя крестьян работами, не выдавая вполне следующего им жалования и провианта, отдавая из личных своих расчетов в услуги посторонним людям… – писал следователь, – владелец нисколько не заботился об участи своих людей, не имел и не имеет до сих пор… заводской школы… не имеет ни малейшего попечения о призрении больных и увечных, так что рабочие нередко умирали в землянках без всякого медицинского пособия… В обращении с рабочими при исполнении заводских работ владелец делает им беспрестанные притеснения, обиды и побои; примеру его следуют все приставники и надзирающие за работами нарядчики». Главная причина беспорядков, резюмировал он, кроется в самом владельце, «который по своей недобросовестности и изворотливости всегда найдет средства притеснять крестьян… Вообще можно сказать, что с его беспокойным характером и наклонностью к ябедничеству он не только не может и не должен управлять судьбою подчиненных ему людей, но и сам должен быть подвергнут строгому и постоянному наблюдению со стороны установленных законом властей и общества»[41].

Когда результаты следствия были представлены министру финансов А.М. Княжевичу, тот счел, что «злоупотребления заводчика по содержанию рабочих достигли крайнего предела», и распорядился взять Шильвинский завод в опекунское управление, а Комитет

[39] Женой Н.А. Подъячева была Александра Васильевна Шишкина, сестра Ивана Васильевича («меньшова») Шишкина, отца знаменитого художника.
[40] Там же. Оп. 25. Д. 560. Л. 96–97.
[41] Рабочее движение в России… Т. 1. С. 834–852.

министров признал «дальнейшее пребывание Подъячева в Оренбургском крае вредным и опасным для общественного спокойствия»[42]. Было принято решение о высылке Н.Н. Подъячева в город Пинега Архангельской губернии с учреждением за ним строгого полицейского надзора.

Он вернулся на Урал только в 1863 г., после того как бывшие заводские крепостные уже были освобождены от обязательных работ и наделены казенными землями. Завод же при неумелых опекунах был доведен «до совершенного расстройства», и хотя впоследствии ему отвели казенные леса, а еще надеявшиеся на возврат долгов кредиторы отважились помочь должнику новой ссудой денег, поднять производство Подъячев не смог, как не сумел и расплатиться со все увеличивавшимися казенными и частными долгами. Завод неоднократно назначался к публичной продаже, но торги откладывались по разным причинам.

В 1866 г. закрылась Александровская «фабрика», а через два года остановился и Шильвинский завод. Побывавший там в 1875 г. заводский исправник констатировал, что его уже фактически не существует. Местные крестьяне, не забыв прежних «обид», нанесенных им заводчиком, сообщили, что, вопреки запрещению, он «как здание фабрики, так и дом и другие постройки распродал сам в разные руки… а деньги употребил в свою пользу и на эти деньги в селе Боровецком выстроил деревянный дом, имеет в настоящее время две лошади, три коровы и несколько овец и свиней»[43]. Позже выяснилось, что «на последние средства» бывший заводчик построил там мельницу, которая в 1882 г. сгорела вместе с домом. Многочисленное семейство уже умершего к тому времени купца «доведено было до совершенной нищеты, имея только одну избу»[44].

Заключение. Особенности купеческого заводовладения. Приведенные выше примеры не исчерпывают истории купеческих родов первой половины XIX в., но являются во всех смыслах показательными для выявления особенностей владения ими горными заводами на Урале.

Они свидетельствуют, что все купцы стали горнозаводчиками в результате покупки уже действовавших промышленных хозяйств, владельцы которых по каким-то причинам (чаще всего по недостатку капитала) расстались со своей «беспокойной» собственностью. Отметим, что горнозаводские имения, включавшие заводы и рудники, обширные леса и многочисленные поселения, были довольно дорогостоящими; они также требовали наличия значительного оборотного капитала, идущего на текущую промышленную деятельность и на оплату труда рабочих. Некоторые из них еще нуждались в организационных мерах для достижения оптимальной формы, что также требовало масштабных инвестиций. На купеческие горнозаводские имения в первой половине XIX в. распространялось и посессионное право, что вело за собой уплату повышенной в полтора раза подати с металлов и необходимость соблюдения некоторых ограничений в распоряжении заводским имуществом при усиленном надзоре со стороны горного начальства[45]. Тем не менее горнозаводские округа оказывались привлекательными объектами для вложения накопленных купеческих капиталов из-за довольно высоких доходов, которые можно было извлечь из эксплуатации их богатых природных ресурсов.

Большинство покупателей (М.П. Губин, Л.И. Расторгуев, М.Ф. Ярцов, А.В. Зеленцов) были крупными предпринимателями, добившимися значительных успехов в своем деле и имевшими наличные капиталы. Но, судя по всему, они являлись новичками в горнозаводском деле и, покупая заводы, рассчитывали на уже налаженную их работу и высокие прибыли, что, однако, было затруднено в условиях общего экономического спада начала XIX в. Некоторые из купцов (Л.И. Расторгуев, А.В. Зеленцов, М.Ф. Ярцов) приобрели

[42] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 647. Л. 3, 28.
[43] ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 862.
[44] Там же. Д. 1423. Л. 46, 82.
[45] Отметим, что на посессионном праве владели металлургическими заводами и многие дворяне (Демидовы, Мосоловы и др.), основавшие их при «пособии от казны» в землях, лесах, рудах или рабочих. Подр. см.: *Неклюдов Е.Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

заводы в рассрочку, рассчитывая также на доходы от других своих предприятий, которые в случае необходимости могли помочь «раскрутить» новый вид бизнеса.

Яркий пример Зеленцовых свидетельствует о зыбкости подобных ожиданий. Неожиданные финансовые затруднения не позволили им расплатиться с долгами, создать оборотный капитал и закрепить за собой приобретенное по случаю и вполне перспективное имение. Другим подобным примером может послужить уже неоднократно описанный в историографии случай с московским купцом немецкого происхождения А.А. Кнауфом, владельцем Юговских заводов, арендатором Златоустовских заводов казны и Кыновских заводов Строгановых. В условиях войн с Наполеоном он утратил экономические связи со своими европейскими партнерами и тоже разорился[46]. Нестабильность, в целом присущая рискованной по своей природе предпринимательской деятельности, особенно в горнозаводской отрасли, оказывала влияние на развитие нового для купцов вида деятельности и порой приводила его к краху. Подспорьем же для заводчиков-дворян при неблагоприятной рыночной конъюнктуре становились, как правило, их более устойчивые оброчные сельскохозяйственные имения, приносившие стабильный доход.

Тем не менее М.П. Губину и Л.И. Расторгуеву удалось справиться с трудностями освоения нового дела: они смогли объединить купленные имения, усилив их общую сырьевую базу, наладить производственные связи между уже действовавшими заводами, дополнить складывавшиеся комплексы новыми доменными или железоделательными предприятиями, привлечь необходимые рабочие кадры. В результате сформировавшиеся Сергинско-Уфалейский и Кыштымский округа оказались достаточно устойчивыми и долговременными хозяйственными объектами.

У Авзяно-Петровских заводов, расположенных на арендованных у башкир землях, не была решена топливная проблема, обострившаяся при наследниках М.П. Губина. Предпринятая Ярцовыми попытка наладить связи между Шайтанскими и Таишевскими заводами не удалась, скорее всего, по причине большой удаленности имений друг от друга и вытекающих отсюда сложностей логистики. Н.Н. Подъячев тоже потерпел неудачу в попытке улучшить организацию производства в своем небольшом хозяйстве из-за отсутствия у него достаточных капиталов. Масштаб финансовых возможностей заводовладельца и его предпринимательский опыт становились главными факторами развития инвестиционного по характеру горнозаводского бизнеса.

Особенно заметные трудности возникали в социальной организации купеческих горнозаводских имений. Вместе с покупкой заводов купцы оказывались в не свойственной им роли владельцев крепостных душ. Как показывают примеры Губиных, Расторгуевых, Ярцовых и Подъячевых, это приводило к казусам, ведущим к обострению социальных отношений на заводах. К дестабилизирующим факторам относились чрезмерная эксплуатация, подрывавшая рабочую силу, или задержки заработной платы, которая была для рабочих основным источником существования. Несвоевременной зачастую оказывалась реакция купцов на динамику хлебных цен, которая влияла на уровень оплаты труда или вызывала повышенные расходы на покупку провианта для населения, которое имело огороды и домашний скот, но не занималось хлебопашеством. Усиливавшаяся социальная напряженность на купеческих заводах выливалась в массовые волнения крепостных (в той или иной степени этого не избежал ни один из представленных родов), которые в свою очередь вызывали вмешательство государства в дела частного управления.

Установление казенного надзора, казенного или опекунского управления, при которых владелец устранялся от управления своим имением (в случае с П.Я Харитоновым и Н.Н. Подъячевым это сопровождалось даже ссылкой), введение особых штатов являлись следствием ухудшения положения крепостных рабочих и недостаточной заботы о них неопытных владельцев. Многие из заводчиков-дворян в то время переходили к «попечи-

[46] *Неклюдов Е.Г.* Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала // Известия УрГУ. 2004. № 31. С. 83–101; *Келлер А.В.* The German-Russian Entrepreneur Andreas Knauf In The Urals. The Acsent // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 144–159; и др.

тельской политике» в отношении своих крепостных, которая предполагала достижение относительного баланса интересов владельца и подвластного ему населения. Это было следствием долговременного опыта взаимодействия, имевшегося у дворян и, как правило, отсутствовавшего у купцов.

На представленных примерах отчетливо замечаются также «поколенческие проблемы» в эволюции родов купцов-заводчиков. Если представители первого поколения, решившиеся вступить в горнозаводское предпринимательство, как правило, основательно и ответственно подходили к своим новым обязанностям, то уже во втором-третьем поколениях отношение к ним у владельцев могло существенно измениться.

Так, наследники М.П. Губина показали пример отсутствия постоянного желания заниматься заводскими делами и даже отказались от управления (в случае с К.М. Губиным это, видимо, было связано еще и с душевной болезнью). Три поколения Подъячевых дали зеркальный пример: владельцы активно стремились к личному управлению заводами при отмечаемом наблюдателями отсутствии способностей к этому. Сыновья Зеленцова, видимо, имели склонности и способности к управлению, но в сложившейся ситуации не смогли их реализовать, направив усилия не столько на развитие заводов, сколько на борьбу за их удержание во владении рода. В двух случаях (наследницы Л.И. Расторгуева и И.М. Ярцова) характер владения изменился в связи с переходом имения к дочерям, явно лично не ориентированным на предпринимательскую деятельность. При этом дамы-владелицы, как правило, оформив доверенность, передавали свои полномочия мужьям или близким родственникам, далеко не всегда делая правильный выбор (пример сестер Расторгуевых или А.И. Ушаковой).

Отмеченное явление было характерно и для многих других родов, вступивших в горнозаводское предпринимательство, ранее рассмотренных нами. В отличие от дворян, у купцов это было сопряжено не только с личными предпочтениями или способностями наследников, но и с процессом нобилитации, как уже упоминалось, с XVIII в. охватившим большинство родов заводчиков недворянского происхождения.

Очевидно, что крупный бизнес уже тогда предоставлял благоприятные возможности для этого. В первой половине XIX в. он, в частности, способствовал приобщению владельцев к благотворительности и приобретению посредством ее дворянского звания (примеры П.М. Губина и И.М. Ярцова). Значимым оказывалось даже простое наличие горнозаводских имений в собственности купеческой семьи, что способствовало установлению родства с представителями высшего сословия. Неслучайно все рассмотренные нами купеческие роды именно во время владения уральскими заводами обзавелись родственными связями с дворянскими фамилиями. Это не меняло статуса владений или прав владельцев, но существенно повышало их авторитет, что могло иметь значение при контактах с партнерами или представителями власти, как правило, принадлежавшими к дворянству. Однако нобилитация вела к изменению образа жизни и жизненных стратегий новоявленных дворян, что, в свою очередь, могло привести к пересмотру отношения к предпринимательству, передаче управления в руки крепостных приказчиков при сохранении дистанционного контроля или даже полному отказу от него. Яркими дополнительными примерами тому могут послужить купеческие роды Лугининых и Походяшиных, одворянившиеся еще в конце XVIII в. и именно вследствие этого утратившие свои уральские имения[47]. В изучаемый период не менее показательным был случай с П.М. Губиным.

Все рассмотренные купеческие истории свидетельствуют также о неблагоприятных последствиях «многовладения», при возникновении которого неизбежными становились конфликты между совладельцами. Неочевидные разногласия, скорее всего, стали причиной раздела между братьями Губиными, что облегчалось наличием в их общей собственности двух самостоятельных округов. Конфликт между дочерями Л.И. Расторгуева, которые делили лишь доли владения одного округа, не мог так же легко разрешиться, как у Губиных,

[47] См., напр.: *Бочкарева Е.С., Неклюдов Е.Г.* Формирование Златоустовского горнозаводского округа во владении рода Лугининых (1760–1790-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 20, № 1. С. 33–38.

и на протяжении фактически всего периода владения сотрясал развитие заводов. Дочерям И.М. Ярцова, которые вели наследственные споры, удалось договориться об устроившем всех дележе имущества по прошествии целого десятилетия и при участии государства. Небольшой период совместного владения у Подъячевых тоже сопровождался конфликтом между мачехой и пасынком, разрешившимся лишь с отказом престарелой вдовы от переданных ей прав по завещанию. Отметим, что подобные ситуации чаще были свойственны женскому совладению.

Конфликтные отношения становились основной или дополнительной причиной вынужденного, а зачастую и неоднократного вмешательства государства в дела частного управления, чего не избежал ни один рассмотренный нами купеческий род. В случае же накопления крупных частных и особенно казенных долгов, вызванных несогласованностью совместного управления или другими причинами, следовало даже выставление заводов на продажу с публичных торгов, что зафиксировано в отношении четырех представленных случаев из шести (П.М. Губин, наследники К.М. Губина, Зеленцовы, Подъячевы). Эти факты со всей очевидностью свидетельствуют о неблагополучии, характерном для большинства купеческих практик владения и управления. В целом можно сказать, что горнозаводское предпринимательство купцов на Урале в первой половине XIX в. по сравнению с дворянским отличалось и большим динамизмом, и большей нестабильностью, что нередко приводило к его упадку и даже краху.

Литература

Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: БКИ, 2016. 316 с.

Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1869. 641 с.

Бочкарева Е.С., Неклюдов Е.Г. Формирование Златоустовского горнозаводского округа во владении рода Лугининых (1760–1790-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 20, № 1. С. 33–38.

Келлер А.В. The German-Russian Entrepreneur Andreas Knauf In The Urals. The Acsent // Quaestio Rossica. 2013. № 1. Pp. 144–159.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1858. Т. 2.

Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала // Известия УрГУ. 2004. № 31. С. 83–101.

Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург: УРО РАН, 2011. 274 с.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. 600 с.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 366 с.

Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики / авт.-сост. Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукосуев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург: УрО РАН, 2013. 128 с.

Рабочее движение в России в XIX в.: в 4 т. Т. 1: 1800–1860. Волнения крепостных и вольнонаемных рабочих: сб. док. и материалов / под ред. А.М. Панкратовой. М.: Госполитиздат, 1951. 1040 с.

Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.

Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М.: Наука, 1999. 419 с.

References

(2016). *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian Imperial Modernization (18th – Early 20th Century): Regional Dimension]. Yekaterinburg, BKI. 316 p.

Bezobrazov, V.P. (1869). *Ural'skoe gornoe khozyaystvo i vopros o prodazhe kazennykh gornykh zavodov* [Ural Mining and the Issue of The Sale of State-Owned Mining Plants]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°. 641 p.

Bochkareva, E.S., Neklyudov, E.G. (2019) Formirovanie Zlatoustovskogo gotnozavodskogo okruga vo vladenii roda Lugininykh (1760–1790-e gg.) [Formation of the Zlatoust Mining District in the Possession of the Luginin Family (1760–1790s)]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 20, No. 1, pp. 33–38.

Keller, A.V. (2013). The German-Russian Entrepreneur Andreas Knauf in the Urals. The Accent. In *Quaestio Rossica.* No. 1, pp. 144–159.

Mamin-Sibiryak, D.N. (1958). *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Sobr. Cit.: In 10 vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 2.

Neklyudov, E.G. (2004). Kupets A.A. Knauf i ego kreditory: pervyy opyt inostrannogo predprinimatel'stva v gornozavodskoy promyshlennosti Urala [Knauf and His Creditors: The First Experience of Foreign Entrepreneurship in the Mining Industry of the Urals]. In *Izvestiya UrGU.* No. 31, pp. 83–101.

Neklyudov, E.G. (2011). *Posessionnoe pravo v istorii ural'skoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX – nachala XX v*. [Possession Law in the History of the Ural Mining Industry in the 19th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, URO RAN. 274 p.

Neklyudov, E.G. (2004). *Ural'skie zavodchiki v pervoy polovine XIX v.: vladel'tsy i vladeniya* [Ural Factory Owners in the First Half of the 19th Century: Owners and Possessions]. Nizhniy Tagil, Izd-vo NTGSPA. 600 p.

Pavlenko, N.I. (1962). *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII v.: zavody i zavodovladel'tsy* [History of Metallurgy in Russia in the 18th Century: Factories and Plant Owners]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR. 366 p.

Neklyudov, E.G., Rukosuev, E.Yu., Kurlaev, E.A., Mikityuk, V.P. (Eds.). (2013). *Predprinimateli Urala XVII – nachala XX v. Spravochnik. Vol. 1. Ural'skie gornozavodchiki* [Entrepreneurs of the Urals in the 17th – Early 20th Centuries. Directory. Iss. 1. Ural Mining Breeders]. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 128 p.

Pankratova, A.M. (Ed.). (1951). *Rabochee dvizhenie v Rossii v XIX v.: v 4 t. T. 1: 1800–1860. Volneniya krepostnykh i vol'nonaemnykh rabochikh: sb. dok. i materialov* [The Labor Movement in Russia in the 19th Century: in 4 Vols T. 1: 1800–1860. Unrest of Serfs and Civilian Workers: Sat. Doc. and Materials]. Moscow, Gospolitizdat. 1040 p.

Ulianova, G.N. (2021). *Kupchikhi, dvoryanki, magnatki: Zhenshchiny-predprinimatel'nitsy v Rossii XIX v*. [Merchants, Noblewomen, Magnates: Women Entrepreneurs in Russia in the 19th Century]. Moscow, New Literary Review. 352 p.

Khoruzhenko, O.I. (1999). *Dvoryanskie diplomy XVIII v. v Rossii* [Noble Diplomas of the 18th Century in Russia]. Moscow, Nauka. 419 p.

Е.В. Пчелов*

ГОРОДСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА: 1720-Е ГОДЫ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-3
УДК 929.6+338.26"172/185"

Выходные данные для цитирования:
Пчелов Е.В. Городская геральдика Российской империи как источник по истории металлургической промышленности и кузнечного ремесла: 1720-е годы – первая половина XIX века // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 56–70. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-03.pdf

E.V. Pchelov*

CITY HERALDRY OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE METALLURGICAL INDUSTRY AND BLACKSMITHING: 1720S – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-3

How to cite:
Pchelov E.V. City Heraldry of the Russian Empire as a Source on the History of the Metallurgical Industry and Blacksmithing: 1720s – the First Half of the 19th Century // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 56–70. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-03.pdf]

Abstract. The territorial and city heraldry of Russia of the 16th – the beginning of the 20th century presents an encyclopedia of Russian geography, nature (animal and plant world) and economy, including agriculture, trade, crafts and industry. It reflects almost every sphere of economic life of the inhabitants of the Russian Empire. Handicraft and industrial production is represented in more than 40 city coats of arms out of a total of more than 700, which is about six percent. Among such coats of arms, an important place belongs to those reflecting mining, metallurgical industry, and metalworking. The purpose of this article is to consider the evolution of this complex of coats of arms, their relationship with the real history of industry at this time and in these regions, as well as the analysis of those emblematic and pictorial ways in which these branches of economic activity were embodied in coats of arms. The main complex of city coats of arms with "metallurgical" semantics was made at the turn of the 1770s and 1780s. However, the very first coats of arms of this type were developed back in the 1720s (the coats of arms of Tomsk and Tula). The following periods in the history of such coats of arms date back to the beginning and the first half of the 19th century. The coats of arms very accurately corresponded to the real industrial situation in these regions. The creation and development of factory enterprises, and the intensity of their activities were reflected in heraldry in the most active and direct way possible. The coats of arms were marked with all the main areas of mining exploration, metallurgical industry and metalworking crafts, ranging from traditional (Tula region, Russian North, etc.) to the newest at the time. To symbolize these areas of activity, a wide range of emblematic images were used, which were practically never repeated and gave each coat of arms a purely individual character. This demonstrates the wide possibilities of Russian heraldry, which used different symbols to express the same type or the same phenomena. The color scheme of the coats of arms, in which red and green were dominant in the second half of the 18th century, also had a deep symbolic significance. The general trend in the development of "mining and metallurgical" emblematics was a gradual evolution from the more pronounced symbolic forms to a visual image that brought the coat of arms closer to an almost full-scale drawing.

* **Евгений Владимирович Пчелов,** кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет; Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: evg-pchelov@yandex.ru

Evgeny Vladimirovich Pchelov, Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities; S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: evg-pchelov@yandex.ru

Keywords: heraldry, city coat of arms, mining, metallurgy, blacksmithing.

The article has been received by the editor on 18.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Территориальная и городская геральдика России XVI – начала XX в. представляет собой энциклопедию российской географии, природы (животного и растительного мира) и экономики, включая сельское хозяйство, торговлю, ремёсла и промышленность. В ней нашли отражение практически все сферы хозяйственной жизни жителей Российской империи. Ремесленно-промышленное производство представлено в более чем 40 городских гербах из общего количества более 700, что составляет примерно 6 %. Среди таких гербов важное место принадлежит гербам, в которых нашли отражение горное дело, металлургическая промышленность и металлообработка. Цель настоящей статьи – рассмотрение эволюции этого комплекса гербов, их соотношения с реальной историей промышленности в данное время и в данных регионах, а также анализ тех эмблематических и изобразительных способов, с помощью которых в гербах воплотились эти отрасли экономической деятельности. Основной комплекс городских гербов с «металлургической» семантикой создан на рубеже 1770–1780-х гг. Однако самые первые гербы такого характера разработаны ещё в 1720-х гг. (гербы Томска и Тулы). Следующие периоды в истории таких гербов относятся к началу и первой половине XIX в. Гербы весьма точно соответствовали реальной промышленной ситуации в данных регионах. Создание и развитие заводских предприятий, интенсивность их деятельности отражались в геральдике самым активным и непосредственным образом. Гербами оказались маркированы все основные районы горных разведок, металлургической промышленности и металлообрабатывающего ремесла, начиная от традиционных (Тульский регион, Русский Север и др.) и заканчивая новейшими для своего времени. Для символизации этих областей деятельности использовался широкий спектр эмблематических изображений, практически не повторявшихся и придававших каждому гербу сугубо индивидуальный характер. Это демонстрирует широкие возможности российской геральдики, использовавшей разные символы для выражения однотипных или одинаковых явлений. Глубокое символическое значение имело и цветовое решение гербов, в котором доминирующими во второй половине XVIII в. являлись красный и зелёный цвета. Общая тенденция развития «горно-металлургической» эмблематики заключалась в постепенной эволюции от более выраженных символических форм к наглядному изображению, сближавшему герб с почти натурным рисунком.

Ключевые слова: геральдика, городской герб, горное дело, металлургия, кузнечное ремесло.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023 г.

Комплекс территориальных и городских гербов дореволюционной России формировался на протяжении XVI – начала XX в. и включает более 700 гербовых изображений. Бóльшая их часть создана на протяжении XVIII в., причём преимущественно в период правления Екатерины Великой. Такая активизация герботворчества связана с губернской и городской реформами, осуществлёнными в 1770–1780-х гг. Согласно этим реформам, число губерний и уездов существенно увеличилось, а многие населённые пункты обрели статус города.

Право города на собственный герб было окончательно закреплено Жалованной грамотой городам 1785 г., в которой содержалось следующее положение: «Городу иметь герб, утверждённый рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех

городовых делах»[1]. В этот период в Герольдмейстерской конторе развернулась большая работа по созданию городских гербов всех наместничеств (губерний) империи, причём эта деятельность носила чёткий и системный характер. Один из главных принципов, которым руководствовалась Герольдия при составлении гербов городов, звучал так: «чтобы обстоятельствы или промыслы оных изобразить»[2]. Эта установка восходила ещё к началу деятельности Герольдмейстерской конторы в 1720-х гг., когда составлением городских гербов занимался первый отечественный геральдист граф Ф.М. Санти (1683–1758).

Иными словами, в гербах предполагалось прежде всего отражать природные особенности регионов и/или хозяйственные занятия местных жителей. Поэтому городская геральдика Российской империи была сравнительно проста по своей семантике, в значительной степени очевидна и почти полностью лишена какой бы то ни было политической или идеологической подоплёки. В то же время по самому характеру символики, по специфике тех явлений, которые воплотились в ней, она стала настоящей энциклопедией России в её природной и бытовой составляющей, – можно сказать, «энциклопедией русской природы и жизни», выраженной языком эмблем. И действительно, в российских городских гербах того времени представлен как географический ландшафт и географические объекты, так и всё разнообразие животного и растительного мира, а кроме того, практически все сферы экономической деятельности человека, включая сельское хозяйство (хлеборобство, животноводство, растениеводство, садоводство), охоту и рыбный промысел, торговлю и пути сообщения, ремёсла и промышленное производство.

Геральдическая символика как источник по истории ремёсел и промышленности. Краткий историографический обзор. В качестве источника по тем или иным природным или хозяйственным особенностям страны территориальная и городская геральдика Российской империи неоднократно привлекала внимание исследователей, но имеющиеся работы в большинстве случаев носят описательный характер. Особенно это относится к такой сфере, как ремёсла и промышленность, по своему удельному весу занимающей в городской геральдике далеко не первое место. В общей сложности эта область деятельности так или иначе отражена более чем в 40 гербах, что составляет всего около 6 % от их общего количества. Тем не менее все они весьма показательны. На такие гербы обращалось внимание в исследованиях А.А. Ураносова[3] и С.С. Илизарова[4], в геральдическом альбоме Н.Н. Сперансова[5] и некоторых других работах, но целостный анализ их символики и её реальных экономических оснований до сих пор в достаточной степени ещё не осуществлён. Геральдике сибирских городов периода Российской империи посвящены также работы А.В. Кошелева[6], Г.А. Шахтарина[7] и других авторов, но в большинстве случаев они носят описательный характер. В настоящей статье необходимо ввести определённое ограничение – в ней не будут рассматриваться гербы тех территорий и городов (впрочем, весьма немногочисленные), которые относятся ныне к зарубежным странам.

Необходимость отразить в гербе местные особенности сопрягалась с главной задачей – дать городу сугубо индивидуальный, узнаваемый и запоминающийся (а потому сравнительно простой) эмблематический образ. Для этого выбирались или наиболее типичные для данной местности признаки (например, то или иное ремесленное или промышленное производство, распространённое в городе или городской округе), которые в общем контексте становились индивидуализирующими, указывающими именно на данный геральдический

[1] Полное собрание законов Российской империи (Первое) (ПСЗРИ). Т. XXII. № 16187. С. 361.
[2] ПСЗРИ. Т. XIX. № 13780. С. 471.
[3] *Ураносов А.А.* Гербы русских городов XVIII в. как материал для истории техники // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1956. Т. 7. С. 225–232.
[4] *Илизаров С.С.* Эмблемы научно-технического характера в русских гербах XVIII в. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV науч. конф. М., 2002. С. 220–223.
[5] *Сперансов Н.Н.* Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974. С. 150–155.
[6] *Кошелев А.В.* Геральдика Сибири городская // Историческая энциклопедия Сибири. А–И. Новосибирск, 2009. С. 378–381.
[7] *Шахтарин Г.А.* Геральдика Томска // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2012. № 4 (8). С. 174–178. К сожалению, автор допускает целый ряд ошибок.

субъект, или же, напротив, нечто редкое и исключительное, характерное для конкретного места (например, какая-то достопримечательность).

Но в некоторых случаях создатели гербов оказывались перед необходимостью воплотить в них одни и те же местные особенности (например, металлургическое производство), и тогда визуальное разнообразие достигалось с помощью разнообразия целого спектра эмблем, каждая из которых выполняла для конкретного герба опять-таки индивидуализирующую роль. В этом отношении чрезвычайно интересно, с помощью каких эмблем и изображений достигалось это разнообразие и индивидуализация, каким образом в принципе могли воплощаться в гербах те или иные промыслы и занятия местных жителей, а следовательно, и определённые области человеческой жизни и деятельности. На этот момент постараемся обратить особое внимание.

Первые опыты XVIII в. Герб города Томска и городов Томской губернии и отражение в них металлургической специализации края. Итак, бóльшая часть интересующих нас городских гербов была составлена в конце 1770-х – начале 1780-х гг., но промышленная тематика в отечественной городской геральдике появилась ещё в 1720-е гг.

Первым гербом такого рода можно считать герб *Томска*. Он зафиксирован в так называемом Знамённом гербовнике Миниха, составленном в Конторе инженерного правления в 1729 г. Цель создания этого гербовника заключалась в разработке гербов для знамён полков русской армии, которые были приписаны к определённым городам и именовались по их названиям. Эти гербы были утверждены в начале 1730 г. императрицей Анной Иоанновной. Разумеется, составители опирались на материалы Герольдмейстерской конторы, и поэтому часть гербов восходит к гербам, созданным ранее Ф.М. Санти. Герб Томска, впрочем, был новым и заменил собою изображение на прежней томской печати XVII в., которое было совсем иным.

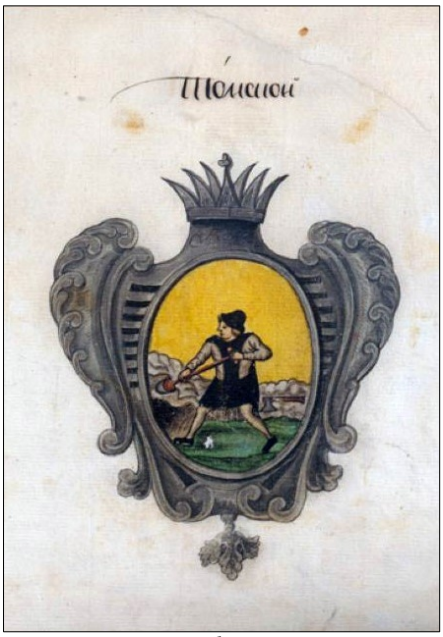

Рис. 1. Герб со знамени Томского полка, 1729 г.

Согласно описанию, новый томский герб выглядел так: «человек, стоящий в рудокопне, в руках рудокопательные инструменты, поле жёлтое»[8]. На рисунке этого герба в Знамённом гербовнике (рис. 1) мы видим в золотом поле вполне реалистичное изображение человека в чёрном фартуке и чёрной шапке – одеянии рудокопа на немецкий лад, который лопатой добывает из горы руду, а рядом лежит топор (по-видимому, типа Bergmannsbarten'а, одного из традиционных символов горного дела)[9]. Без сомнения, иконографически это изображение восходит к западноевропейской традиции. Оно находит некоторые соответствия в описании одежды горняков у М.В. Ломоносова: «носят черные суконные, крашенинные или байковые балахоны, которые для большей способности к работе везде широки сделаны, … длиною бывают по колено»[10].

Появление рудокопа в Томском гербе связано с началом формирования будущего Алтайского горного округа. Его основоположником стал известный уральский заводчик Акинфий Никитич Демидов (1678–1745). Демидовские рудознатцы в 1723 г. дошли до горы Синюхи около Колыванского озера (к югу от Томска), где обнаружили старые копи и рудные признаки. В начале 1726 г. Демидов обратился в Берг-коллегию за разрешением строить медеплавильные заводы на Алтае и получил соответствующий «приговор» от 16 февраля 1726 г.[11] В том же году «на речке Локтевке, впадающей в Алей, построен был

[8] *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 188.
[9] РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
[10] *Ломоносов М.В.* Первые основания металлургии, или рудных дел. СПб., 1763. С. 81.
[11] *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 47–48.

первый завод, названный Колыванским»[12]. Во второй половине 1730-х гг. был также открыт Змеиногорской серебряный рудник, а в 1747 г. Колывано-Воскресенские заводы и рудники приняты от наследников Демидова в собственность Кабинета императрицы Елизаветы Петровны и оставались далее во владении последующих государей. Примечательно, что новый томский герб был создан буквально спустя несколько лет после строительства первого завода, т.е. начало алтайской горнозаводской промышленности практически сразу же нашло отражение в геральдике этого региона.

Во второй половине XVIII в. в округ Колыванских заводов вошла часть Томского и Кузнецкий уезды, земли Горного Алтая, а вокруг заводов и рудников появлялись новые города и посёлки (например, Барнаул). В 1779 г. последовал указ об учреждении Колыванской области, в 1783 г. переименованной в губернию (в её состав вошли пять уездов)[13]. Колыванская область не имела официально утверждённого герба, однако ещё в 1775 г. тогдашний руководитель Герольдмейстерской конторы – известный историк и публицист князь М.М. Щербатов (1733–1790) разработал несколько гербов для знамён воинских подразделений, в том числе Екатеринбургского и Колывано-Воскресенского горных батальонов[14]. К детальному рассмотрению екатеринбургского герба вернёмся позднее, а *колывано-воскресенский* представлял собой изображение в зелёном поле «девяти штуфов золотых и серебреных, расположенных по три в ряд…, над середним штуфом золотая рудоискательная лоза, изъявляет сие богатые золотые и серебреные промыслы в сей стране»[15]. Штуфы – это куски руды, в данном случае серебра и золота, которыми был особенно богат Змеиногорский рудник. В XVIII в. именно он давал бóльшую часть этих металлов, поступавших из Сибири. На 1770-е гг. приходится пик добычи серебра и золота на этом руднике – ежегодно из добытых на нём руд выплавлялось 1 300 с лишним пудов серебра[16]. Рудоискательная лоза считалась старинной эмблемой горного промысла. В русской геральдике она впервые появилась в гербе Демидовых, созданном Ф.М. Санти ещё в 1720-х гг. Щербатов также использовал её, причём и в екатеринбургском (где таковых лоз три), и в колывано-воскресенском гербах. В последнем лоза не отсылала непосредственно к гербу Демидовых, но указывала на горное дело в Колыванском округе.

Томский же уезд, согласно административно-территориальной реформе Екатерины, был включён в Тобольское наместничество, впоследствии ставшее губернией. В 1785 г. последовало утверждение гербов этого наместничества. При этом томский герб представлял собой соединение тобольского герба в верхней части и, собственно, томского в нижней – с изображением в зелёном поле серебряной лошади, «в знак того, что лошади сего округа почитаются лучшими, и что у близ живущих Татар находятся конские заводы»[17]. Таким образом, горное дело в качестве возможной для воплощения в гербе местной особенности оказалось дезавуированным. В 1796 г. Колыванская губерния была упразднена, а её территория включена в Тобольскую.

Новое возрождение промышленной тематики в гербах этого региона наступило только в XIX в. В 1804 г. из Тобольской губернии была выделена Томская, состоявшая из восьми уездов. В том же году последовало утверждение новых городских гербов, из которых в двух нашли отражение горное дело и металлообработка. В гербе *Бийска* – «в голубом поле, на золотой горе, горная шахта» (шахта чёрного цвета) (рис. 2), а в гербе *Кузнецка* – «в золотом поле кузница с принадлежащими к ней орудиями» (рис. 3)[18]. Бийск относился к Алтайскому горному округу и впоследствии стал центром золотого промысла. Герб Бийска, впрочем, весьма показателен. На горе показан разрез шахты – своего рода её план. Сверху идёт шахтный ствол, который заканчивается горизонтальной выработкой – ортом, а ещё выше

[12] Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 1. С. 79.
[13] *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность… С. 60–63.
[14] *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 101.
[15] Гербовник князя М.М. Щербатова // Гербоведение. М., 2018. Т. VIII. С. 128.
[16] *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность… С. 64.
[17] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М., 1990. С. 153.
[18] Там же. С. 13, 79.

идёт также горизонтальная рассечка. Иными словами, в гербе представлены основные элементы системы вскрытия залежей вертикальной выработкой. Как указывают специалисты, именно «в первой половине XIX в. начинает преобладать подземная разработка полиметаллических руд шахтами и штольнями»[19]. Эта особенность и получила воплощение в гербе, напоминающем условный технический чертёж.

Герб г. Кузнецка (ныне Новокузнецк) был гласным (т.е. обозначавшим название города), но в то же время связанным с местным промышленным производством (прежний герб, известный с первой половины XVII в. на печатях, был иным). Издавна на этих землях занимались добычей и плавкой железной руды шорцы. Во второй половине XVIII в. началось активное освоение железорудных месторождений русскими мастерами. Так, в 1769 г. началось строительство железоделательного завода на р. Томь-Чумыш (Томский завод), железные руды были найдены и в других местах, в том числе в районе современного г. Кемерово. «К концу 1790-х годов Томский завод не только удовлетворял потребности алтайских заводов и рудников в чугунных и железных изделиях, но и продавал их на 10 тысяч руб. в год на сторону»[20].

Металлообработка нашла отражение в гербе Кузнецка в виде вполне реалистично изображённой кузницы. Передняя сторона этой кузницы как бы снята и внутри видна горящая печь с мехами, а также наковальня и лежащий рядом с нею молот. Такое изображение кузницы в разрезе словно сошло со страниц пособий по металлургии и напоминает аналогичные изображения кузниц в западноевропейском искусстве второй половины XVIII в. (например, на картинах английского художника Джозефа Райта из Дерби). Реалистичный характер изображения сближает этот герб с почти натурным рисунком.

Наконец, в 1846 г. состоялось утверждение ещё одного городского герба Томской губернии, в котором представлена металлургическая символика герба *Барнаула* (рис. 4). В нём в нижней, большей части показана «в голубом поле среди горных пород дымящаяся доменная печь»[21]. Именно Барнаульский завод в 1749 г. стал местом расположения канцелярии горного начальства Алтайского округа. Этот завод, первоначально медеплавильный, был переоборудован для производства серебра и превратился в крупнейший сереброплавильный завод в Западной Сибири. В 1760-х гг. к западу от Барнаула построили Павловский сереброплавильный и Сузунский медеплавильный заводы, а позднее Алейский сереброплавильный завод (к югу от Барнаула) и Локтевский медеплавильный. Неподалёку от Салаирских серебряных рудников в 1790-х гг. был основан

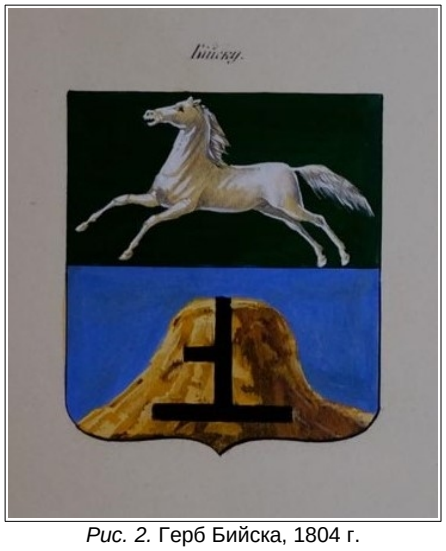

Рис. 2. Герб Бийска, 1804 г.

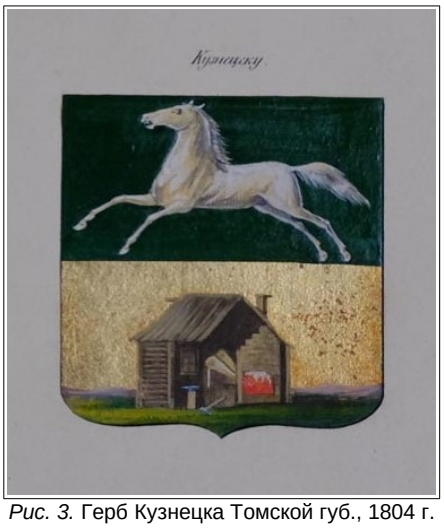

Рис. 3. Герб Кузнецка Томской губ., 1804 г.

Рис. 4. Герб Барнаула, 1846 г.

[19] *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность… С. 103.
[20] История Кузбасса. Ч. I–II. Кемерово, 1967. С. 59.
[21] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 10.

ещё один завод – Гавриловский[22]. Механиком на Барнаульском заводе в 1760-х гг. служил известный изобретатель И.И. Ползунов. В 1816 г. в Кузнецком уезде основан Гурьевский завод, где вскоре, как и на уже упоминавшемся Томском заводе, началась выплавка чугуна в доменной печи. «Домны… представляли собой капитальные сооружения в несколько сажен высотой, воздвигнутые из камня, обыкновенного и огнеупорного кирпича. … Над действующей домной поднимался факел горящих колошниковых газов»[23]. В барнаульском гербе мы как раз видим домну с двумя шахтами (показанную также частично, как бы в разрезе) и выходящими сверху клубами газов. Домна чугунного цвета стоит на зелёной траве в окружении глыб каменных пород – всё это изображение также выполнено весьма реалистично в виде живого рисунка, а не более статичных и условных гербовых эмблем.

Герб г. Стретенска (Сретенска) и развитие металлургии в Нерчинском горном округе. Металлургия Нерчинского горного округа, относившегося к Иркутскому наместничеству (губернии), а с 1851 г. к Забайкальской области, представлена в городской геральдике более скупо. В 1790 г. Екатерина II утвердила среди прочих гербов наместничества герб уездного города *Стретенска* (рис. 5), расположенного к северо-востоку от Нерчинска на реке Шилке. В нижней части его щита «в голубом поле положенные слитки серебра, в знак того, что в округе сего города находятся серебряные руды, где и сплавливаются»[24]. Всего в гербе изображено три слитка, один над другим, причём каждый верхний меньше нижнего. Эти слитки имеют продолговатую вытянутую форму с закруглёнными концами, по ракурсу рисунка они выглядят плоскими и овальными. Месторождения серебросвинцовых руд в районе Нерчинска были разведаны ещё в 1670-х гг. А в начале XVIII в. построен Нерчинский сереброплавильный завод, первый среди аналогичных заводов в России[25].

Рис. 5. Герб Стретенска, 1790 г.

Во второй половине XVIII в. был построен ещё целый ряд сереброплавильных заводов, в том числе Кутомарский и Екатерининский, и открыты многие новые рудники[26]. Как и Алтайский горный округ, Нерчинский относился к ведению Кабинета Его Императорского Величества. Пик добычи серебра на Нерчинских заводах пришёлся на середину 1770-х гг. (629 пудов в 1776 г.), в 1790 г. добыча составляла 190 пудов, а в среднем с 1784 по 1794 г. – по 277 пудов[27]. Затем добыча серебра до середины XIX в. постепенно снижалась, пока не упала почти окончательно. Расцвет нерчинского сереброплавильного дела в определённый период и нашёл воплощение в созданном тогда стретенском гербе.

Геральдический ряд уральских гербов: Екатеринбург и Алапаевск. Конечно, важным центром металлургии являлся Урал. Ещё в 1699 г. последовал указ о строительстве заводов в Верхотурском уезде на реках Тагиле и Нейве. Эти заводы получили наименование Невьянских. Одновременно строился Каменский завод (на речке Каменке, притоке Исети), где в 1701 г. был получен первый уральский чугун, а уже в 1702 г. Невьянский завод был передан тульскому заводчику Никите Демидову, что и послужило началом уральской истории этой знаменитой династии[28]. Сын Никиты Демидова Акинфий владел уже 17 металлургическими предприятиями, которые после его смерти были разделены между его сыновьями. Невьянскую часть в 1769 г. приобрёл Савва Яковлев, и с тех пор эти заводы были

[22] *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность… С. 68–71.
[23] Там же. С. 116.
[24] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 144.
[25] Очерки истории техники в России. М., 1978. С. 108–109.
[26] Там же. С. 228.
[27] Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т. 5. С. 424.
[28] *Юркин И.Н.* Демидов Первый. Опыт жизнеописания. М., 2021. С. 66–69.

связаны с историей его наследников[29]. В 1767 г. Яковлев купил и Алапаевские заводы у А.Г. Гурьева, которому они были отданы из казны в 1759 г. Комплекс этих заводов состоял из Алапаевского чугуноплавильного и железоделательного завода, основанного в 1703–1704 гг., и возникших позднее Нижнесинячихинского, Нижнесусанского и Верхнесусанского железоделательных. Таким образом, Яковлев сосредоточил в своих руках огромную «горную империю» и построил ещё несколько металлургических предприятий.

В 1723 г. на реке Исети был основан казённый чугуноплавильный и железоделательный завод, положивший начало городу Екатеринбургу. В 1735 г. начал работу Екатеринбургский монетный двор. К началу XIX в. сложился Екатеринбургский округ казённых горных заводов. В середине XIX в. в Екатеринбургском уезде всего было 28 казённых и частных заводов, производительность которых превышала 4 млн руб. серебром[30]. Металлургическая промышленность Урала нашла отражение в гербах *Екатеринбурга* и *Алапаевска*, которые с 1781 г. являлись уездными городами Пермской губернии.

Первый вариант екатеринбургского герба разработал М.М. Щербатов для знамени горного батальона. Выглядел он так: «В зелёном поле вверх обращённое стропило золотое, на котором видны пять серебреных кружков: вверху щита три рудоискательныя серебреныя лозы, а под стропилом молот такой же. Сие все показует рудные богатые промыслы вокруг и под начальством сего града и производимое в нем делание монеты»[31].

Из описания понятна семантика гербовых фигур. Пять серебряных кружков на золотом стропиле (что не соответствует традициям геральдики, поскольку происходит наложение металла на металл) означали чеканку монеты на Екатеринбургском монетном дворе, хотя там чеканились только медные деньги. Впрочем, в самом городе и его окрестностях существовали четыре золотопромывальных завода, имевших, однако, весьма скромную выработку[32]. Рудоискательные же лозы и молот символизировали рудные промыслы и металлургическое производство.

Но есть ещё один примечательный аспект. В 1720 г. Никита Демидов был возведён Петром I в дворянское достоинство, а в 1726 г. трое сыновей Демидова в подтверждение этого были пожалованы дипломом (жалованной грамотой) с гербом рода. Герб составил Ф.М. Санти. Согласно описанию, гербовый щит разделён «горизонтально золотою полосою», т.е. золотым поясом. В верхней части в серебряном поле изображены три зелёные рудоискательные лозы, а в нижней части в чёрном поле – серебряный молот. Три лозы, по всей видимости, означают трёх братьев Демидовых, наследников Никиты Антюфеева. Чёрный цвет нижнего поля может отсылать к руде, молот означает кузнечное ремесло и металлургию, как и серебро в первой части щита.

Очевидна связь екатеринбургского герба Щербатова с демидовским гербом Санти. Те же три рудоискательные лозы в верхней части, похожий, хотя и не идентичный молот – в нижней. Показательно совпадение и общего колорита гербов (с некоторыми изменениями). Только золотой пояс преобразился в золотое стропило, обременённое серебряными кружками. Таким образом, можно полагать, что Щербатов стремился воплотить в екатеринбургском гербе и государственное монетное производство, и металлургическое дело, но с отсылкой к родовому гербу Демидовых, по сути, основоположников горнозаводского Урала.

Рис. 6. Герб Екатеринбурга, 1783 г.

Городской герб Екатеринбурга Екатерина II утвердила в 1783 г. (рис. 6). В нём во второй части «в зелёном поле серебряная плавильная печь и рудокопная шахта, означа-

[29] *Неклюдов Е.Г.* Горнозаводские округа на Урале: формирование и состав в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 122–124.
[30] Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2. С. 167.
[31] Гербовник князя М.М. Щербатова… С. 128.
[32] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. Т. VI. Кн. II. М., 1786. С. 645.

ющие, что округа сего города изобильны разными рудами»[33]. Плавильная печь представляет собой домну, характерную для екатеринбургских заводов, изображённую вполне реалистично, хотя и с некоторой степенью условности (сохранились рисунки таких доменных печей XVIII в.[34]). Рудокопная шахта же показана в виде довольно примитивного колодца. При таком механизме подъём руды осуществлялся в деревянных бадьях следующим образом: «При небольших глубинах шахт и относительно малом объёме добычных работ бадьи поднимались простейшими ручными воротами (гаспилями, или гашпилями) с деревянными станинами, горизонтальными деревянными валами, на которые навивались пеньковые грузовые канаты, и с железными приводными рукоятками»[35]. Нечто подобное и изображено в екатеринбургском гербе. Впоследствии, в 1862 г., был разработан новый проект герба Екатеринбурга, оставшийся неутверждённым. Здесь в щите осталась лишь одна домна, представленная в более условном виде, с горящим пламенем газов над нею, а оконечность щита покрыта беличьим мехом особой расцветки.

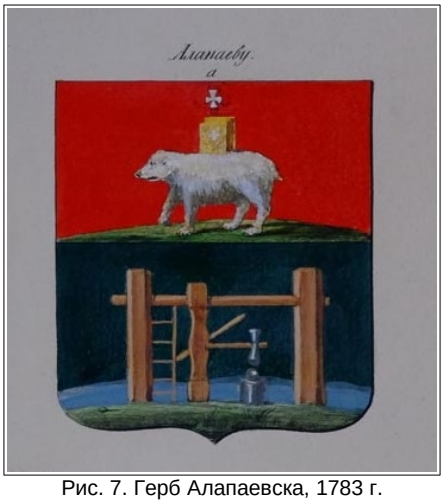

Рис. 7. Герб Алапаевска, 1783 г.

В гербе Алапаевска, утверждённом также в 1783 г. (рис. 7), в нижней части «в зелёном поле железный молот, которым выделывается железо, означающий, что в сем городе находится железоделаемый завод»[36]. Заметим, что цвет поля алапаевского герба аналогичен екатеринбургскому. Механический молот изображён весьма реалистично в виде деревянной конструкции с металлическими элементами, что избавило создателей герба от необходимости указывать в описании гербовый металл этой фигуры.

Металлургическая промышленность в северо-западных губерниях: гербы Устюжны Железопольской и Петрозаводска. Ещё один центр чёрной металлургии находился на севере Европейской России, охватывая территории Новгородской и Олонецкой губерний, где издавна велась добыча руды и выплавка железа. Так, в Устюжне Железопольской ещё в середине XVI в. в кузнечном ремесле было занято почти 40 % всего посадского населения[37]. В XVII веке олонецкое и устюженское железо пользовалось на рынке большим спросом, а устюженские мастера кузнечного дела неоднократно выполняли важные правительственные, в том числе и военные заказы.

В начале XVIII в. началось строительство казённых железоделательных заводов в районе Устюжны (Ижинский), в Олонецком уезде (Петровский, Повенецкий, Кончезерский медный и др.) и в других северных районах. Самым крупным по объёму военной продукции среди них был Петровский завод, ведущий свою историю с 1703 г.[38] Из поселения при нём возник город Петрозаводск. Однако к началу 1730-х гг. осталась работающей только домна на Кончезерском заводе, где велась уже выплавка чугуна[39]. В 1766–1767 гг. этот завод выплавлял ежегодно более 37 тыс. пудов чугуна[40]. Только при Екатерине II металлургическое производство на Олонецких заводах оживляется. Необходимость в вооружении в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. заставила правительство основать Новопетровский пушечный завод, вскоре получивший наименование Александровского и начавший работу в 1774 г. Эта промышленная и ремесленная деятельность отразилась и в гербах городов Новгородского наместничества, утверждённых в 1781 г. К таковым относились гербы *Петрозаводска* (рис. 8) и *Устюжны Железопольской* (рис. 9).

[33] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 49.
[34] См., к примеру: Очерки истории техники в России… С. 198.
[35] Очерки истории техники в России… С. 140.
[36] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 1.
[37] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. I. С. 23.
[38] Там же. С. 168.
[39] Там же. С. 171.
[40] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции… Т. VI. Кн. II. С. 552.

Прообразом герба Петрозаводска был герб Олонца, составленный в начале 1770-х гг. М.М. Щербатовым[41]. В нём в голубом щите был изображён серебряный фрегат «в напамятование учрежденного карабельного строения Петром Великим в 1703 г. на Ладейном поле; верьх щита, пятью поперешными золотыми и серебряными полосами испещренный, на которых накрест положены два молота черного цвета под рудоискательною зеленою лозою, изъявляющее обретенные руды золотые и серебряные в сем уезде и заведенные заводы»[42]. Корабль в голубом поле в 1788 г. вошёл в герб Лодейного Поля. А композиция с молотами в изменённом виде была включена в герб Петрозаводска, в нижней части щита которого «на разделённом полосами золотом и зелёною краскою поле три железные молота, покрытые рудоискательною лозою, в знак изобилия руд и многих заводов, обретающихся в сей области»[43]. Изменение цвета полос (вместо золотых и серебряных золотые и зелёные), вероятно, предполагало исправление ошибки Щербатова, объяснявшего цвета наличием золотых и серебряных руд. Между тем, по свидетельству К.И. Арсеньева в его «Описании Олонецких заводов», добыча золота в Олонецкой губернии велась только на Воицком руднике (до 1783 г.), а серебра почти не было. Три молота, положенные накрест (вместо двух), в какой-то степени перекликались с гербом Тулы, также славной производством железа и оружия, а рудоискательная лоза, знакомая нам по другим гербам, в официальных рисунках почти всегда отсутствовала. Впоследствии герб Петрозаводска нередко приписывался Олонцу, и наоборот (новый Олонецкий герб был утверждён в том же 1781 г.)[44].

Рис. 8. Герб Петрозаводска, 1781 г.

Рис. 9. Герб Устюжны Железопольской, 1781 г.

В гербе Устюжны, несмотря на то, что к концу XVIII в. железное производство в ней пошло на спад, в нижней части щита в красном поле были изображены «накладенные кучею железные крицы, которыми сего города обыватели торгуют, и достают оное железо из гнездовой руды, которою окрестности сего города изобильны»[45]. Крицы действительно составляют довольно большую кучу, воплощая кузнечную славу этого города. По словам М.Д. Чулкова, «здесь находится железная руда в великом изобилии, которую жители употребляют в плавку в малых ручных печках, а особливо делают много гвоздей и других мелочей; но железо против сибирского добротою не приходит»[46].

Герб Тулы: отражение в геральдике успехов железоделательной промышленности и производства оружия. Наряду с Устюжной, важнейшим центром железоделательного ремесла в допетровской России была *Тула*, которая уже в конце XVI в. приобрела известность производством и торговлей железом и железными изделиями, в округе города тогда насчитывалось 12 домниц[47]. В XVII в. сформировалась казённая Кузнецкая слобода, в которой жили оружейники, численность которых к концу века достигла 200 человек. Основной их продукцией было огнестрельное оружие – «самопалы» или пищали[48].

[41] *Пашков А.М.* Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 110.
[42] *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика… С. 103.
[43] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 118.
[44] *Емелин И.Б.* О том, как города гербами поменялись (о гербах Петрозаводска и Олонца) // Гербовед. М., 2006. № 87. С. 26–35.
[45] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 158.
[46] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции… Т. VI. Кн. II. С. 674.
[47] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР… Т. I. С. 23.
[48] *Юркин И.Н.* Демидов Первый. Опыт жизнеописания… С. 21.

Неподалёку от Тулы в том же столетии были построены и Городищенские заводы, на которых отливались пушки и другие предметы вооружения. А в конце XVII в. построил свой завод в Туле Никита Демидов[49]. Казённый же оружейный завод в городе начал работу в 1710-х гг.

Важная роль Тулы в производстве оружия не могла не отразиться в её гербе. Его «сочинил» в 1720-х гг. Ф.М. Санти, опираясь на сведения, присланные от городских властей о том, что на тульском заводе на берегу реки Упы изготовляются «фузейные и пистолетные стволы и штыковые трубки»[50]. В Гербовнике Щербатова (1775 г.) герб описан так: «В червлёном поле горизонтально положенный серебреный ружейный ствол и под ним наподобие Андреевского креста две полосы шпажные серебреныя, вверху и внизу по одному молоту золотому, все сие показует примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе»[51]. В таком виде герб был утверждён в 1778 г. (рис. 10)[52]. Два шпажных клинка и ружейный ствол как бы представляли ассортимент заводского производства, а два молота – орудия труда. Изображения этих молотов полностью соответствовали аналогичному молоту в несостоявшемся гербе Екатеринбурга.

Рис. 10. Герб Тулы, 1778 г.

Здесь нужно отметить и некоторое композиционное сходство тульского герба с гербом Санкт-Петербурга, также сочинённым Санти. В петербургском гербе также в красном поле изображены положенные в виде Андреевского креста два якоря (морской и речной), а вертикально между ними – императорский скипетр. В тульском гербе та же Х-образная композиция, но ружейный ствол поставлен горизонтально. Образ Андреевского креста указывает на особое значение этих городов в государственной жизни: Петербурга – как морского порта и императорской столицы, и Тулы – как родины вооружения, с помощью которого достигается военная слава империи.

Железоделательная промышленность в Нижегородской, Владимирской и Саратовской губерниях: гербы Ардатова, Александрова, Кузнецка. Наконец, железные заводы были представлены и в гербе г. *Ардатова* Нижегородской губернии, который удостоился утверждения в 1781 г. (рис. 11). В нижней части щита – «железные два молота в зелёном поле, положенные крестообразно, означающие находящиеся в окрестностях города железные заводы»[53]. Молоты эти совсем не напоминают молотки гербов Демидовых, Екатеринбурга (1-й вариант) и Тулы, а представляют собой большие инструменты с загнутыми ударными частями на длинных рукоятках, больше напоминающие кирки для добычи руды. Примечательно, что в описании они названы «железными», т.е. естественного металлического цвета – таким образом, в нарушение геральдических правил (весьма условных для Герольдмейстерской конторы того времени), подчёркивалось реальное содержание этих символов.

Рис. 11. Герб Ардатова, 1781 г.

Заводская деятельность на территории Ардатовского уезда связана с другой семьёй известных промышленников – Баташовых (основателей и владельцев металлургических предприятий и в Туле, откуда они, как и Демидовы, были родом). Рудные месторождения здесь были разведаны

[49] *Юркин И.Н.* Демидов Первый. Опыт жизнеописания… С. 54–56.
[50] *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика… С. 184.
[51] Гербовник князя М.М. Щербатова… С. 126–127.
[52] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 155.
[53] Там же. С. 4.

ещё в начале XVIII в., а во второй половине того же столетия у границ Ардатовского уезда возникло несколько железоделательных предприятий. Так, на реке Выксе к середине 1760-х гг. братьями Андреем и Иваном Родионовичами Баташовыми был построен Выксунский завод (в 1766 г. на нём выплавлено почти 5 тыс. пудов чугуна[54]), в 1770 г. на реке Велетьме – Велетьминский, а в 1775 г. пущен Илёвский завод, принадлежавший поначалу Е.В. Рознатовскому. В 1776 г. этот завод также приобрели Баташовы, которые к концу XVIII в. заняли третье место по производству чугуна среди частных заводчиков России, уступая только Демидовым и Яковлевым. Из всего количества чугуна, выплавленного в России в 1800 г., на долю баташовских заводов приходилось 11,6 %[55]. Именно этот период расцвета металлургического дела Баташовых и запечатлён в ардатовском гербе.

Ещё в двух городских гербах нашло отражение кузнечное и слесарное ремесло. Оба герба были утверждены в августе 1781 г., т.е. создавались одновременно. В гербе г. *Александрова* Владимирской губернии в нижней части «в красном поле слесарные тиски и две по сторонам наковальни, в знак того, что в сем городе производят весьма изрядные слесарные работы» (рис. 12)[56]. Тиски изображены весьма изящно – в виде двух дугообразных зажимных губок и ходового винта с рукояткой между ними. При этом неподвижная губка отмечена небольшой металлической рукоятью. С двух сторон показаны симметрично расположенные наковальни. Стилистика изображения отсылает к изысканному искусству XVIII в. В гербе г. *Кузнецка* Саратовской губернии в нижней части также, что характерно, в красном поле «наковальня, клещи и молоток…, понеже сей город наполнен кузнецами, от которого рукоделия и имя своё получил» (рис. 13)[57]. Здесь наковальня изображена внизу, а над нею перекрещенные молоток и клещи.

Рис. 12. Герб Александрова, 1781 г.

Рис. 13. Герб Кузнецка Саратовской губ., 1781 г.

Оба города были преобразованы незадолго до учреждения их гербов из слободы при царской резиденции и дворцового села. В Александрове на 1784 г. числилось 43 кузницы, хотя работали также солодовенный и два кожевенных завода[58]. В Кузнецке также процветало кузнечное ремесло («мещане упражняются многие в кузнечной работе», по словам М.Д. Чулкова[59]), особенно замечательное «по своему обширному производству» и состоявшее «преимущественно в выделке сельских хозяйственных орудий, которые расходятся не только по своей губернии, но разводятся и по соседним»[60].

Заключение. Итак, в целом горное дело, металлургическая промышленность и металлообработка были представлены в конечном итоге в 12 утверждённых городских гербах. Самым ранним по времени возникновения среди них был герб Тулы, созданный в 1720-х гг. Композиционно он схож с тогда же составленным гербом Санкт-Петербурга и включает изображения молотов, соотносимых с молотом в гербе Демидовых (того же времени создания).

[54] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции… Т. VI. Кн. II. С. 614.
[55] *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 125–127.
[56] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов… С. 2.
[57] Там же. С. 79.
[58] Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир, 1906. (Табл. 3).
[59] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции… Т. VI. Кн. IV. М., 1786. С. 222.
[60] Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2. С. 823.

К началу 1770-х гг. относится разработка композиции герба Олонца, часть которого впоследствии вошла в герб Петрозаводска. Щербатов использовал при его формировании символ рудоискательной лозы, известный ему по гербу Демидовых, но эта фигура не закрепилась в гербе. Молоты же приобрели иной, более реалистичный внешний вид, отличающийся от молотов тульского герба.

Следующим этапом было создание целого ряда городских гербов на рубеже 1770–1780-х гг. (при руководстве Герольдией А.А. Волковым). В 1781 г. утверждены гербы Александрова, Кузнецка (Саратовской губ.), Ардатова, Устюжны Железопольской и Петрозаводска. Во всех этих гербах помещались металлургические или кузнечные инструменты, а также само изображение железа (в виде криц). Изображения молотов приобрели устойчивый, вполне реалистичный вид (гербы Ардатова и Петрозаводска). Эти гербовые фигуры сопрягались с зелёным полем, по-видимому, обозначавшим природные массивы, где происходила добыча руды. «Цвет» металлообработки был красным – именно такой финифтью покрыты щиты с изображением криц и кузнечных инструментов в гербах Александрова, Кузнецка и Устюжны. Этот красный цвет, по-видимому, соотносился с огнём.

В 1783 г. утверждены гербы Екатеринбурга и Алапаевска. В них представлены не отдельные инструменты, а целые сооружения металлургического характера – заводской молот, плавильная печь, рудокопная шахта. Цвет поля щита – зелёный, что соотносится с цветом щитов в гербах, в которых воплощалась заводская металлургия ранее (Ардатова и Петрозаводска). По всей видимости, и здесь тем самым показывалась природная «обстановка» края.

В 1790 г. утверждён герб Стретенска, где впервые в «металлургических» гербах появляется лазуревое поле, чисто изобразительно идеально сочетающееся с серебром слитков (общая холодная гамма).

В 1804 г. утверждены гербы Бийска и Кузнецка (Томской губернии). Изображения в них реалистичны и представлены в лазуревом и золотом полях. Золотое же поле показано и в гербе Барнаула, утверждённом позже всех, в 1846 г.

Итак, в целом в период 1770–1780-х гг. для гербов, отражающих металлургическую промышленность, использовался зелёный цвет поля (цвет природы), а для гербов, обозначающих кузнечное ремесло, – красный (цвет огня). Общая изобразительная тенденция гербов заключается в постепенном переходе от условной символизации в фигурах к реалистичным изображениям, сближающимся с натурным рисунком.

Все гербы абсолютно индивидуальны по своим фигурам, которые отличаются большим разнообразием. Среди фигур почти нет повторяющихся (за редким исключением). Всё это показывает, с одной стороны, большое мастерство создателей гербов, с другой – широкий спектр эмблематических возможностей для представления в гербах одних и тех же отраслей промышленной и ремесленной деятельности.

При этом в большинстве случаев в описаниях гербов отсутствует указание на цвет фигур – они представлены в своих естественных («железных» и иных) цветах, что придаёт гербам значительную реалистичность.

Показательна во многих случаях весьма чуткая «реакция» герба на промышленную реальность. Создание и развитие заводских предприятий, подъём их деятельности отражались в геральдике самым активным образом. Всё это демонстрирует тесную связь российской городской геральдики того времени с реальным развитием промышленного производства, которое фиксировалось в гербах с помощью различных визуальных образов, создававших палитру промышленной эмблематики дореволюционной России.

Литература

Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М.: Планета, 1990. 224 с.

Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб.: Иждивением А.Н. Турубаева, 1863. 727 с.; Т. 2. СПб.: Иждивением А.Н. Турубаева, 1865. 898 с.

Гербовник князя М.М. Щербатова / подгот. публ. О.Н. Наумов // Гербоведение. М., 2018. Т. VIII. С. 117–128.

Емелин И.Б. О том, как города гербами поменялись (о гербах Петрозаводска и Олонца) // Гербовед. № 87. М., 2006. С. 26–35.

Илизаров С.С. Эмблемы научно-технического характера в русских гербах XVIII в. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV науч. конф. М., 2002. С. 220–223.

История Кузбасса / гл. ред. А.П. Окладников. Ч. I–II. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1967. 378 с.

Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения АН СССР, 1963. 215 с.

Кошелев А.В. Геральдика Сибири городская // Историческая энциклопедия Сибири. А–И. Новосибирск, 2009. С. 378–381.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.

Ломоносов М.В. Первые основания металлургии, или рудных дел. СПб.: Имп. Академия наук, 1763. 416 с.

Неклюдов Е.Г. Горнозаводские округа на Урале: формирование и состав в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 119–133.

Очерки истории техники в России / отв. ред. В.И. Остольский, А.А. Чеканов. М.: Наука, 1978. 385 с.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 566 с.

Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск: КАРЭКО, 1994. 351 с.

Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.

Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М.: Советская Россия, 1974. 198 с.

Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. I. 534 с.

Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир: Типолитография Губернского правления, 1906. 128 с.

Ураносов А.А. Гербы русских городов XVIII в. как материал для истории техники // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1956. Т. 7. С. 225–232.

Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. VI. Кн. II. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1786. 680 с.; Т. VI. Кн. IV. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1786. 631 с.

Шахтарин Г.А. Геральдика Томска // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2012. № 4 (8). С. 174–178.

Юркин И.Н. Демидов Первый. Опыт жизнеописания. М.: Международный Демидовский фонд, 2021. 320 с.

References

Koshelev, A.V. (2009). Geral’dika Sibiri gorodskaya [Siberian City Heraldry]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. A–I.* Novosibirsk, pp. 378–381.

Chulkov, M.D. (1786). *Istoricheskoe opisanie rossiyskoy kommertsii* [Historical Description of Russian Commerce]. Moscow. Vol. VI. Book II. 680 p.; Vol. VI. Book IV. 631 p.

Geograficheskо-statisticheskiy slovar’ Rossiyskoy imperii [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petesburg, 1863. 727 p.; Vol. 2. St. Petersburg, 1865. 898 p.

Ilizarov, S.S. (2002). Emblemy nauchno-tekhnicheskogo kharaktera v russkikh gerbakh XVIII v. [Emblems of a Scientific and Technical Nature in Russian Coats of Arms of the XVIII Century]. In *Istochnikovedenie i istoriografiya v mire gumanitarnogo znaniya*. Moscow, pp. 220–223.

Karpenko, Z.G. (1963). *Gornaya i metallurgicheskaya promyshlennost' Zapadnoy Sibiri v 1700–1860 godakh* [Mining and Metallurgical Industry of Western Siberia in 1700–1860]. Novosibirsk, Izdatelstvo Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. 215 p.

Lakier, A.B. (1990). *Russkaya geral'dika* [Russian Heraldry]. Moscow, Kniga. 432 p.

Lomonosov, M.V. (1763). *Pervye osnovaniya metallurgii ili rudnykh del* [The First Foundations of Metallurgy, or Ore Affairs]. St. Petesburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. 416 p.

Naumov, O.N. (Publ.). (2018). Gerbovnik khyazya Shcherbatova [Coat of Arms of Prince M.M. Shcherbatov]. In *Gerbovedenie*. Moscow. Vol. VIII, pp. 117–128.

Neklyudov, E.G. (2015). Gornozavodskie okruga na Urale: formirovanie i sostav v XVIII – nachale XX v. [Mining Districts in the Urals: Formation and Composition in the 18th – Early 20th Century]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. *Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* No. 2 (139), pp. 119–133.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1967). *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Part I–II. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatelstvo. 378 p.

Ostolskiy, V.I., Chekanov, A.A. (Eds.). (1978). *Ocherki istorii tekhniki v Rossii* [Essays on the History of Technology in Russia]. Moscow, Nauka. 385 p.

Pashkov, A.M. (1994). *Gerby i flagi Karelii* [Coats of Arms and Flags of Karelia]. Petrozavodsk, KAREKO. 351 p.

Pavlenko, N.I. (1962). *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'tsy* [The History of Metallurgy in Russia of the 18th Century. Factories and Factory Owners]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 566 p.

Shakhtarin, G.A. (2012). Geral'dika Tomska [Heraldry of Tomsk]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Kulturologiya i iskusstvovedenie.* Tomsk. No. 4 (8), pp. 174–178.

Soboleva, N.A. (1981). *Rossiyskaya gorodskaya i oblastnaya geral'dika XVIII–XIX vv.* [Russian City and Regional Heraldry of the 18th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 263 p.

Speransov, N.N. (1974). *Zemel'nye gerby Rossii XII–XIX vv.* [Land Coats of Arms of Russia 12th–19th Centuries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 198 p.

Strumilin, S.G. (1954). *Istoriya chernoy metallurgii v SSSR* [History of Ferrous Metallurgy in the USSR]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. Vol. I. 534 p.

(1906). *Topograficheskoe opisanie Vladimirskoy gubernii, sostavlennoe v 1784 godu* [Topographic Description of the Vladimir Province, Compiled in 1784]. Vladimir. 128 p.

Uranosov, A.A. (1956). Gerby russkikh gorodov XVIII v. kak material dlya istorii tekhniki [Coats of Arms of Russian Cities of the 18th Century as a Material for the History of Technology]. In *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki*. Moscow. Vol. 7, pp. 225–232.

Vinkler, P.P. (1990). *Gerby gorodov, guberniy, oblastey i posadov Rossiyskoy Imperii* [Coats of Arms of Cities, Provinces, Regions and Townships of the Russian Empire]. Moscow, Planeta. 224 p.

Yemelin, I.B. (2006). O tom, kak goroda gerbami pomehyalis' (o gerbakh Petrozavodska i Olontsa) [About How the Cities Changed Their Coats of Arms (About the Coats of Arms of Petrozavodsk and Olonets)]. In *Gerboved*. Moscow. No. 87, pp. 26–35.

Yurkin, I.N. (2021). *Demidov Pervyy. Opyt zhizneopisaniya* [Demidov the First. Biography Experience]. Moscow, Mezhdunarodnyy demidovskiy fond. 320 p.

С.М. Ледров*

КОЖЕВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-4
УДК 093:675"17/18"

Выходные данные для цитирования:
Ледров С.М. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX веков (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 71–83.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-04.pdf

S.M. Ledrov*

THE LEATHER INDUSTRY OF THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE AT THE TURN OF THE 18TH–19TH CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT ACTS)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-4

How to cite:
Ledrov S.M. The Leather Industry of the Nizhny Novgorod Province at the Turn of the 18th–19th Centuries (According to the Materials of the Russian State Archive of Ancient Acts) // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 71–83.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-04.pdf]

Abstract. The article deals with the state of tannery production in Nizhny Novgorod province in 1796–1803 on the basis of statistical data, that is, reports submitted by tannery owners to the Manufaktur Collegium. The degree of preservation of such documents of Nizhny Novgorod origin in the Russian State Archive of Ancient Acts has been determined. The author has discovered 46 archive records for the period of 1797–1803 and also the case with the consolidated allprovincial statement for 1796, compiled according to the non-preserved statements for individual plants and also the case with the consolidated general Gubernian statement for 1796, compiled according to the nonpreserved statements for individual factories or the centers of their concentration. It is noted that these sheets are the earliest surviving similar historical sources on the history of the Nizhny Novgorod leather industry. The information contained in the sheets allows to state that tannery in Nizhny Novgorod region at the turn of 18th–19th centuries was developing both in cities (36,2 % of the registered enterprises and 19,7 % of production in volume terms) and in the countryside (63,8 % and 80,3 % respectively). The owners of the factories were representatives of all the main estates: merchants, burghers, peasants (landowners, economic, palace) and landlords. However, the main centers of leatherworking were the villages of Pavlovo and Bogorodskoye – the Sheremetevs' estates in Gorbatovsky uyezd, and the town of Arzamas. Tanneries in the Nizhny Novgorod province were mainly small enterprises, including those using the labor of hired workers, as well as with a pronounced market orientation of production. The skins produced by local entrepreneurs of all the main types of farm animals were sold in both capitals and at the leading fairs of the Russian Empire, including those under government contracts.

Keywords: leather industry, Nizhny Novgorod Province, Manufacture Collegium, industrial statistics, tannery, Arzamas, Pavlovo, Bogorodskoye.

* **Сергей Михайлович Ледров,** кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Россия; Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Нижнем Новгороде, Нижний Новгород, Россия, e-mail: sledrov@yandex.ru
Sergey Mikhailovich Ledrov, Candidate of Historical Science, Docent, Nizhny Novgorod Institute of the Education Development, Nizhnii Novgorod, Russia; Moscow Witte University. Branch in Nizhnii Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: sledrov@yandex.ru

The article has been received by the editor on 30.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается состояние кожевенной промышленности Нижегородской губернии в 1796–1803 гг. на основе сведений ведомостной статистики, т.е. из ведомостей, подававшихся владельцами кожевенных заводов в Мануфактур-коллегию. Определена степень сохранности таких документов нижегородского происхождения в Российском государственном архиве древних актов. В частности, автором за указанные годы выявлено 46 архивных дел с такими ведомостями, а также дело со сводной общегубернской ведомостью за 1796 г., составленной по несохранившимся ведомостям по отдельным заводам или центрам их сосредоточения. Отмечено, что эти ведомости являются самыми ранними сохранившимися подобными историческими источниками по истории нижегородской кожевенной промышленности. Имеющаяся в ведомостях информация позволила констатировать, что кожевенное производство в Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. развивалось как в городах (36,2 % учтенных предприятий и 19,7 % выпущенной ими продукции в натуральном выражении), так и в сельской местности (63,8 и 80,3 % соответственно). Владельцами заводов являлись представители всех основных сословий: купечества, мещан, крестьян (помещичьих, экономических, дворцовых) и помещиков. Главными центрами кожеобработки были села Павлово и Богородское – промысловые вотчины Шереметевых в Горбатовском уезде, и город Арзамас. Кожевенные заводы в Нижегородской губернии в основном представляли собой небольшие предприятия, в том числе и с использованием труда наемных работников, а также с ярко выраженной рыночной направленностью производства. Выделываемые местными предпринимателями кожи всех основных видов сельскохозяйственных животных сбывались в обеих столицах и на ведущих ярмарках Российской империи, в том числе и по государственным подрядам.

Ключевые слова: кожевенная промышленность, Нижегородская губерния, Мануфактур-коллегия, промышленная статистика, кожевенный завод, Арзамас, Павлово, Богородское.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023 г.

Ведомостная статистика промышленного производства, в основе которой лежала обязанность заводчиков подавать ежегодные ведомости о состоянии своих предприятий, является важнейшим источником по истории различных отраслей российской промышленности XVIII–XIX вв. Особая ценность такой статистики состоит именно в том, что она содержит сведения по отдельным промышленным единицам, что позволяет историку на основе этих данных представить развитие не только отрасли в целом, а в совокупности отраслей, и общую картину состояния всей промышленности в тот или иной период, но также выявить особенности функционирования конкретных предприятий. Это особенно важно для микроисторических исследований, ставящих своей целью изучение предпринимательской деятельности отдельных представителей отечественного бизнеса.

Краткий историографический и источниковедческий обзор. Само понятие «ведомостная статистика» впервые широко использовал Ю.А. Рыбаков в своей монографии, посвященной промышленной статистике России XIX в.[1] В ней же автор подробно остановился на истории развития такой формы статистической отчетности и на ее всесторонней критике. В современной историографии законодательству, регулирующему промышленную отчетность с 1724 по 1917 г., посвящена публикация Ю.Н. Богдановой[2].

[1] *Рыбаков Ю.Я.* Промышленная статистика России XIX в.: источниковедческое исследование. М., 1976.
[2] *Богданова Ю.Н.* Законодательное регулирование промышленной статистики в Российской империи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 2 (65). С. 16–20.

Как известно, практика предоставления ведомостей о фабриках и заводах берет начало с указа Петра I Сенату от 31 января 1724 г., на основании которого Мануфактур- и Берг-коллегии обязывались регулярно подавать Сенату, а Сенат – царю, сведения о состоянии промышленности[3]. В свою очередь, коллегии должны были получать от предпринимателей ведомости о своих предприятиях, причем дважды в год. В 1779 г. Мануфактур-коллегия была ликвидирована. По предположению Ю.Я. Рыбакова, прекратилась и посылка полугодовых ведомостей владельцами предприятий. Все стало по-прежнему при возобновлении деятельности Мануфактур-коллегии в 1796 г.[4] Такой порядок был изменен указом от 30 июня 1804 г., по которому ведомости должны были собираться раз в год по линии МВД в связи с окончательным упразднением Мануфактур-коллегии[5].

Именно на второй, самый короткий период деятельности Мануфактур-коллегии и приходится наибольшее количество хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) ежегодных ведомостей о промышленных предприятиях. А для кожевенной промышленности Нижегородской губернии ведомости этого времени – вообще самые ранние сохранившиеся подобные исторические источники. Анализ содержащейся в них информации о местных кожевенных предприятиях и их владельцах на рубеже XVIII–XIX вв. и является целью нашего исследования.

Материалы о промышленности из фонда Мануфактур-коллегии РГАДА за интересующий нас период уже использовались в трудах современных исследователей. В частности, на основе сводных ведомостей по ряду отраслей, составленных по данным ведомостей об отдельных фабриках и заводах разных губерний России, была подготовлена монография А.В. Демкина об обрабатывающей промышленности России в конце XVIII – начале XIX в.[6] Ее автор дал краткую характеристику более чем трем тысячам фабрик и заводов 11 отраслей. Однако ввиду отсутствия в архиве сводной ведомости по кожевенной промышленности информация о производственной деятельности предприятий этой отрасли на рубеже 1790–1800-х гг. в монографии отсутствует и приводится только за 1810-е гг. на основе опубликованного источника[7].

Непосредственно с ведомостями 10 кожевенных заводов Великих Лук 1897–1803 гг. работала О.А. Алексеева при изучении торгово-промышленного населения этого города в последней трети XVIII в.[8] Материалы Мануфактур-коллегии по мукомольным, лесопильным, стекольно-хрустальным и винокуренным предприятиям России, принадлежащим женщинам-владелицам в 1797–1802 гг., проанализировала Г.Н. Ульянова[9].

Всего в фонде Мануфактур-коллегии РГАДА выявлено 46 дел с ведомостями о кожевенных заводах Нижегородской губернии за 1797–1803 гг., в том числе 38 дел по г. Арзамасу за 1797–1803 гг.[10], два дела – по его округе (таким термином обозначались уезды) за 1897–1800 гг.[11], по одному делу по г. Семенову за 1797–1803 гг.[12] и г. Ардатову за 1797–1801 гг.[13], четыре дела по Горбатовской округе за 1797–1799 гг.[14] Кроме того, в сводной ведомости по Нижегородской губернии за 1796 г. содержатся сведения о заводе в г. Балахне. В целом, как видим, нет ни одного года, за которые бы имелись ведомости по всем перечисленным местным центрам кожеобработки вместе взятым, чтобы составить общую картину состояния

[3] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. Т. VII. № 4447. С. 225–226.
[4] *Рыбаков Ю.Я.* Промышленная статистика России… С. 28.
[5] ПСЗ. Собр. I. Т. XXVIII. № 21372. С. 411–412.
[6] *Демкин А.В.* Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. М., 2008.
[7] Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816.
[8] *Алексеева О.А.* Торгово-промышленное население г. Великие Луки в последней трети XVIII века // Вестник Челябинского университета. 2007. № 18 (96). С. 17–30.
[9] *Ульянова Г.Н.* Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 53–60.
[10] РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1040–1077.
[11] Там же. Д. 1036, 1039.
[12] Там же. Д. 1037.
[13] Там же. Д. 1038.
[14] Там же. Д. 1869–1872.

этой отрасли в регионе. Однако тут на помощь приходит дело, которое содержит сводную ведомость о состоящих в Нижегородской губернии фабриках и заводах за 1796 г.[15] Самих ведомостей по отдельным предприятиям за этот год нет.

Невзирая на законодательное закрепление обязанности присылать ведомости и прилагаемые к ним образцы выпускаемой продукции, заводчики не всегда исполняли ее вовремя. Правительству через губернаторов и городничих постоянно приходилось напоминать об этом. 16 декабря 1800 г. в Нижегородское губернское правление поступило отношение из Государственной Мануфактур-коллегии о скорейшем доставлении точных сведений о состоянии фабрик и заводов за 1797, 1798 и 1799 гг. В документе констатировалось, что, несмотря на многократные отношения в губернские правления, ведомости и образцы выделываемых товаров и вещей не доставлены, и содержалось напоминание о том, что впредь их нужно доставлять каждые полгода[16]. К отношению был приложен внушительный «Реестр содержателям в Нижегородской губернии фабрик и заводов, недоставивших в Мануфактур-коллегию ведомостей и образцов»[17], в том числе в нем значились владельцы многочисленных кожевенных заводов. В свою очередь, губернское правление подготовило и 15 января 1801 г. разослало собственный указ уездным и городским властям.

Именно в результате данного напоминания центра губернаторам, а последних – нижестоящим органам управления Мануфактур-коллегии и удалось собрать ведомости, дошедшие до нас. Однако сохранность их неидеальная. В РГАДА отсутствуют ведомости за 1797–1800 гг. по Арзамасу, за исключением ведомости о заводе купца А.С. Куракина. Неполный комплект и по другим годам. Купец А.И Цыбышев в рапорте от 31 июля 1803 г., например, отметил, что за 1801 г. он отослал две ведомости, но в архивном деле их нет; ведомость же за полугодие 1802 г. и образцы продукции заводчик не доставил «из-за отлучки по разным ярмонкам»[18]. Мещанин С.Г. Ерышев отправил ведомости за 1801 и 1802 гг., а за более ранние годы не отчитался «забвением сроку»[19].

Развитие и характеристика кожевенного производства по данным ведомостей, поданных в Мануфактур-коллегию: объем производства, сословный статус владельцев и их уровень грамотности, градация предприятий по величине, ассортимент продукции, оборудование. Обратимся к характеристике арзамасского кожевенного производства по данным ведомостной статистики.

Комплекты документации арзамасских промышленников за каждое полугодие включали в себя рапорт владельца в Государственную Мануфактур-коллегию с его подписью о том, что ведомость составлена во исполнение указа из губернского правления арзамасскому городничему от 15 января 1801 г. с указанием, за какую половину года предоставлять ведомость, и перечислением вопросов, на которые следовало ответить, и саму ведомость, в которой отмечались год открытия завода, от кого он перешел в собственность промышленника, если последний не являлся его строителем, сорта кож, какой они доброты, где оным покупка и продажа бывает, сколько штук закуплено и продано, соответственно по какой цене и на какую сумму.

Самые полные сведения по городу в целом содержатся в сводной ведомости за 1796 г., на основании которой составлена итоговая табл. 1.

Итак, в 1796 г. в Арзамасе было 45 кожевенных заводов, в том числе 29 принадлежали купцам (3-й гильдии и одному именитому купцу) (из них завод купца Ивана Федорова сына Трушеникова не действовал). Арзамасское купечество контролировало основную часть местного кожевенного производства – 64,4 % заводов, 91,4 % выделанных кож, 93,2 % их стоимости. Два купеческих кожевенных завода управлялись женщинами: купеческой женой Фаветой Андреевой Цыбышевой с сыновьями и купеческой вдовой Авдотьей Алексеевой Масленковой.

[15] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37.
[16] Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 5. Оп. 40. 1800 г. Д. 38. Л. 1–1 об.
[17] Там же. Л. 2–5 об.
[18] РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1070. Л 1.
[19] Там же. Д. 1076. Л. 1.

Таблица 1

Кожевенная промышленность Нижегородской губернии в 1796 г.

Промышленные центры	Сословная принадлежность владельцев заводов	Число заводов	Выделано кож (шт.)	Стоимость кож (руб.)
г. Арзамас	Купцы	29	30 260	46 975
	Мещане	16	2 830	3 431
	Всего	45	33 090	50 406
г. Ардатов	Купец	1	1 900	5 750
г. Балахна	Купец	1	1 000	3 000
г. Семенов	Мещане, удельный крестьянин	4	995	450*
Итого в городах		51	36 985	59 606
Горбатовский уезд				
с. Богородское	Помещичьи крестьяне	46	43 900	40 760
с. Павлово	Помещичьи крестьяне	40	97 900	89 525
с. Ворсма	Помещичий крестьянин	1	4 000	4 600
д. Пупа	Помещичий крестьянин	1	2 000	2 600
Всего в уезде		87	147 800	137 485
Арзамасский уезд				
с. Выездная Слобода	Помещик	1	2 500	5 000
с. Ивановское	Экономический крестьянин	1	100	200
д. Корино	Дворцовый крестьянин	1	50	20
Всего в уезде		3	2 650	5 220
Итого в губернии		141	187 435	202 311

Составлено по: РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 8–27.
Примечание: * Указана стоимость только по двум заводам.

Самым старым был завод именитого купца Михаила Степанова сына Масленкова, существовавший с 1730 г., остальные предприятия начали действовать в 1760–1790-х гг. Завод Масленкова выделялся и по размерам производства. В 1796 г. на нем было выделано 3 200 шт. кож на 3 445 руб.[20] Однако в стоимостном выражении для Арзамаса тогда это был не наивысший показатель, так как ассортимент завода Масленкова состоял не только из 1950 шт. красных и черных кож крупного рогатого скота, но и более дешевых 1 300 шт. овчин. Купцы Алексей Сергеев сын Куракин (завод основан в 1760 г.) и Василий Порфирьев

[20] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 14.

сын Чулошников (завод основан в 1786 г.), выделывавшие только сорта крупных кож по 2 500 шт. каждый, имели доходы более весомые, соответственно 6 500 и 4 250 руб.[21]

Следующими по значимости были заводы братьев Василия Иванова сына и Петра Иванова сына Скоблиных, существовавшие соответственно с 1788 и 1791 гг., оба выделывали по 2 000 шт. кож – первый на 3 000, а второй на 4 000 руб.

Семеро купцов выделывали от 1 000 до 2 000 шт. кож, остальные от 100 до 930 шт.

За первые три года XIX в. сохранились ведомости 22 купеческих заводов Арзамаса, но только по восьми из них имеются ведомости за каждый год. Среди их владельцев лидировал М.С. Масленков, постепенно увеличивавший объемы производства кож всех сортов: 1800 г. – 8 000 шт. на 9 632 руб., 1802 г. – 10 200 шт. на 16 337,5 руб., 1-я половина 1803 г. – 8 700 на 14 630 руб. (всего же на этот год для выделки им было закуплено 19 000 сырых кож)[22]. По заводу А.С. Куракина ведомости имеются только до 1801 г. включительно, за который он выделал лишь 2 200 крупных кож[23]. Ведомости завода В.П. Чулошникова отсутствуют. Вместе с тем успехов добиваются братья Скоблины: Петр в 1801 г. выделал 5 500 шт. кож, а в 1802 г. – 8 000 шт. кож[24]; у Василия производственный результат за 1802 г. составил 5 000 шт. кож[25].

Арзамасские мещане особой роли в местном кожевенном производстве не играли. Владея примерно третью частью предприятий, они поставляли на рынок всего лишь 8,6 % кож в количественном и 6,8 % в стоимостном выражении. По сводной ведомости за 1796 г. в городе насчитывалось 16 мещанских кожевенных заводов. Из них три стояли бездействующими, в том числе и завод единственной в этом списке женщины – мещанской вдовы Феклы Федоровой Якимовой. Из оставшихся 13 заводов на двух выделывалось 500–600 шт. кож на 480–900 руб., на трех – 200–300 кож на 200–550 руб., на восьми – всего от 100 до 150 шт. кож на 85–135 руб. Причем из последних промышленников двое обходились без наемных рабочих.

Первичные ведомости 17 мещанских кожевенных заводов сохранились лишь за первую половину 1801 г., и только по двум из них – еще за 1802 и 1803 полные годы. Судя по этим данным, на заводах Василия Федорова сына Скоблина и Петра Иванова сына Потехина объемы выработки кож достигли 1 000 шт.[26] Однако остальные предприниматели из мещан по-прежнему поставляли не более 500 шт. кож каждый.

Интересно отметить особенности внутрисословной стратификации владельцев мещанских кожевенных заводов и официального наименования самих предприятий. Во-первых, 13 из 17 промышленников-мещан, чьи ведомости сохранились, состояли в ремесленном цеху. Они именовались как «кожевенного цеха мастер мещанин…» (12 чел.) и «кожевенного цеха подмастерье мещанин…» (1 чел.). Четверо обозначены просто мещанами без указания на принадлежность к цеху. Кстати, среди арзамасских купцов также значились два «кожевенного цеха мастера»[27].

Во-вторых, если все купцы были «содержателями» заводов при своих домах, то у мещан и промышленные заведения назывались по-разному – завод или изба. Первый термин «кожевенный завод при доме» встречается в 14 случаях, второй – «кожевенная мастеровая изба при доме» – в трех. Причем один промышленник высказал свое несогласие с отнесением властями его заведения к одной из названных категорий. Приведенные в данном случае аргументы позволяют разобраться, в чем была разница между заводом и кожевенной избой.

Итак, кожевенного цеха мастер мещанин Ефрем Степанов сын Потехин писал в сопроводительном рапорте к ведомости за первое полугодие 1801 г. о том, что его кожевенная мастеровая изба арзамасской полицией именована заводом, но заводом она «почесться

[21] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 14, 15.
[22] Там же. Оп. 2. Д. 1069.
[23] Там же. Д. 1051. Л. 1 об. – 2.
[24] Там же. Д. 1044. Л. 5 об. – 6.
[25] Там же. Д. 1045. Л. 3 об. – 4.
[26] Там же. Л. 1 об. – 2; Д. 1062. Л. 1 об. – 2.
[27] Там же. Д. 1042. Л. 1; Д. 1050. Л. 1.

не может», потому что «во оной помало заготовляемому сырью работа производится мною одним, постоянных рабочих людей при той избе в работе имеется по малому числу, по каковому ремеслу и состою в цеху»[28]. Иными словами, кожевенная изба тут приравнивалась к небольшой ремесленной мастерской, в которой трудились в основном хозяин и члены его семьи. В отличие от завода, предприятия с бóльшим объемом производства и наемными рабочими.

Действительно, предприятие Потехина особыми размерами не выделялось. В 1796 г. на нем было выделано лишь 110 мелких кож на 119 руб. Правда, за первое полугодие 1801 г. мастер отчитался уже о 500 выделанных мелких и средних кожах на 540 руб. Однако он не считал это достаточным условием для отнесения его заведения к статусу завода. Хотя другие мещане с такими же и более низкими доходами о переименовании своих заводов в избы хлопотать, видимо, не стали. Что касается официальных кожевенных изб, имевшихся в Арзамасе, то их производительность в первой половине 1801 г. действительно была минимальной – от 105 до 250 кож.

Ведомостная статистика содержит информацию о весьма разнообразном ассортименте арзамасской кожевенной продукции. На местных заводах в первую очередь выделывались шкуры коров (или яловочные кожи), из которых выходили следующие сорта: красные крупного и среднего сорта (красная юфть), черные крупного, среднего и мелкого сорта (черная юфть), белые кожи (белая юфть), подошвенные кожи (редко), телячьи – опоек и выросток (в основном выделывали мещане), бараньи кожи (калмыцкие и черкасские).

От промышленников обязательно требовали указать, какой доброты (т.е. качества) был товар. В данном случае использовали следующую градацию: посредственной доброты, средней доброты, лучшей доброты. Так, из 41 завода в 1796 г. выделанный товар посредственной доброты был на 9 (все купеческие), средней доброты – на 19 (7 купеческих и 12 мещанских), лучшей доброты – на 12 (11 купеческих и 1 мещанский). И только на заводе купца С.Г. Ерышева качество не было оценено, так как выделанные кожи шли не на продажу, а в сапожную мастерскую при собственном доме[29].

Как отмечали в ведомостях сами заводчики, разнообразное кожевенное сырье, поступавшее на арзамасские кожевенные заводы, закупалось в основном в Арзамасе и его округе. В город оно поступало из Нижнего Поволжья и более дальних восточных регионов. Выгодной особенностью Арзамаса было его расположение на перекрестке нескольких торговых трактов, в том числе и дорог, по которым перегонялись в сторону Москвы гурты крупного рогатого скота. Самые богатые промышленники, в частности именитый купец М.С. Масленков, скупали сырье не только дома, но и «по разным ярмаркам и базарам».

В конце XVIII в. в истории самого Арзамаса начался период, продолжавшийся до 1850-х гг. и получивший название золотого века Арзамаса. Именно в это время местная кожевенная промышленность достигла наивысшего развития, различные сорта выделанных кож были востребованы на всероссийском рынке, а впоследствии и за границей, где особым спросом стала пользоваться арзамасская красная юфть, выделываемая по традиционному рецепту с использованием дегтя.

Мелкие кожевенные промышленники из мещанского сословия торговали своим товаром в самом городе. Купцы же в торговой деятельности не ограничивались только Арзамасом. Тот же М.С. Масленков отмечал, что торгует он по разным ярмаркам и базарам, а также в городе оптом «для отвозу в Оренбург, Черкасск и в прочие ярмарки и для рукоделия в сапожное и рукавишное мастерство»[30]. Последнее подразумевало розничную продажу выделанных кож местным ремесленникам – сапожникам и рукавичникам.

Купец Иван Степанов сын Широков также торговал «по разным ярмаркам оптом и в Арзамасе розницею для рукоделия в сапожное и рукавичное производство»[31]. Купец

[28] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 1053. Л. 1.
[29] Там же. Д. 37. Л. 17.
[30] Тм же. Оп. 2. Д. 1069. Л. 3.
[31] Там же. Д. 1056. Л. 1 об. – 2.

Александр Иванов сын Цыбышев – «в Арзамасе и по разным ярмаркам»[32]. Купец Андрей Иванов сын Евстифеев – на месте, а также на Урюпинской и Покровской ярмарках[33]. Купеческая вдова Авдотья Алексеева Масленкова – в Арзамасе, на Макарьевской и Корсунской ярмарках[34]. Обширный рынок сбыта кожевенной продукции имел купец Петр Иванов сын Скоблин: Арзамас, Урюпинская, Михайловская, Богоявленская ярмарки. Кроме того, в присланной им ведомости отмечено, что в феврале 1803 г. всю партию выделанных за предыдущий год белых кож (1 000 шт.) он продал казенному подрядчику московскому купцу Козме Савельеву сыну Лисицыну[35]. С одной стороны, это подтверждение того, что государство играло активную роль на кожевенном рынке, делая закупки обувных сортов кож для нужд армии (белая юфть как раз и шла на изготовление солдатских сапог), а с другой стороны – свидетельство участия арзамасских купцов-промышленников в вещевом снабжении армии.

И наконец, приведем факты об уровне грамотности среди кожевенных промышленников Арзамаса: из 22 купцов, предоставивших ведомости, расписались сами 12 чел., из 17 мещан – только 4 чел.

В других городах Нижегородской губернии в рассматриваемый в статье период кожевенное производство не получило большого развития.

В г. Ардатове действовал только один кожевенный завод. Он был открыт в 1780 г. купцом 3-й гильдии Тимофеем Ананьевым сыном Калининым. Ведомости сохранились за все полугодия 1797–1800 гг. и первую половину 1801 г.[36] В них отмечено, что работа ведется наемными людьми. Завод был оборудован 6 дубильными и 2 зольными чанами[37]. Интересно, что за все отчетные годы, в том числе и за 1796-й, по данным сводной ведомости, заводчик указал одинаковую полугодовую производительность: выделано черной юфти – 250 шт., в том числе 150 шт. лучшей, 100 средней и 50 плохой; белой юфти – 450 шт., в том числе 150 лучшей, 75 средней и 25 плохой; подошвенных кож – 500 шт., в том числе 150 лучших, 75 средних и 25 плохих. Всего в течение года выделывалось 1 900 шт. кож, оцениваемых на 5 750 руб. Выделанные кожи сбывались в Ардатове и его округе, а также на Макарьевской, Ростовской и Лебедянской ярмарках. Однако, по замечанию промышленника, ежегодный сбыт кож во всех указанных местах не превышал половины их годовой выделки.

В 1795 г. кожевенным производством стал заниматься балахнинский купец 3-й гильдии Алексей Яковлев сын Самочернов. На следующий год на его заводе было получено 240 пудов красной юфти (примерно 1 000 шт. кож). Весь выделанный товар продан в Санкт-Петербурге[38]. За последующие годы сведений об этом заводе нет.

До пяти небольших кожевенных производств в рассматриваемый период действовало в г. Семенове. В 1796 г. их было четыре[39]. Однако в конце этого года мещанин Филипп Васильев Старцев производство прекратил. Остались кожевни мещан Леонтия Максимова Кожевникова и братьев Михаила Иванова и Ивана Иванова Сибиркиных. Все три были открыты в 1780 г. В 1799–1800 гг. кожи здесь выделывал также удельный крестьянин Данила Алексеев Витушкин. В последующие годы кожевенных заводов в Семенове вновь оставалось три: Кожевникова и Сибиркиных[40]. Все такие производства назывались заводами лишь номинально. Реально же это были мелкие ремесленные мастерские. Самое большое количество выделанных кож (350 шт.) было зарегистрировано в 1796 г. у Ф.В. Старцева. Самое меньшее (100 шт.) – у Д.А. Витушкина. В ведомостях отмечается, что все заводчики работают сами

[32] РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1070. Л. 1 об. – 2.
[33] Там же. Д. 1059. Л. 6 об. – 7.
[34] Там же. Д. 1071. Л. 1 об – 2.
[35] Там же. Д. 1044. Л. 5 об. – 6.
[36] Там же. Д. 1038.
[37] Это единственный случай упоминания количества чанов в ведомостях за рассматриваемый период. Такой отчетный пункт тогда не был обязательным.
[38] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 28.
[39] Там же. Л. 27.
[40] Там же. Оп. 2. Д. 1037. Л. 4 об. – 7.

своим семейством без использования наемной силы, выделывая «из коровьих, телячьих, воловьих кож на черное, белое верховое и подошвенное дело»[41]. На местный рынок кожи везли только Старцев и Кожевников, а остальные оставляли их «для домашнего рукоделья», которое заключалось в изготовлении «котованой обуви», т.е. котов (вид кожаных сапог).

В конце XVIII в. в Нижегородской губернии наряду с городской кожевенной промышленностью активно развивалось и сельское кожевенное производство. Главным районом его сосредоточения стал Горбатовский уезд. В нем располагались крупные вотчины Шереметевых (графской и неграфской ветвей рода). Как сказано в начале статьи, сведения по ним имеются только за вторую половину 1790-х гг. Ответственными за их подачу являлись помещики, которые посылали в Мануфактур-коллегию общие ведомости по каждому принадлежащему им центру кожевенного производства. Именно помещики и именуются в ведомостях «завотчиками».

Владения графской ветви Шереметевых в Горбатовском уезде традиционно считаются в первую очередь крупными сельскими центрами металлообработки, причем всероссийского значения. Однако на рубеже XVIII–XIX вв. тут в значительной степени были развиты также мыловаренное и кожевенное производства. Главным образом они находились в с. Павлове. К сожалению, по этому селу и в общегубернской сводной ведомости за 1796 г. (табл. 2), и в ведомостях за 1797–1799 гг. (табл. 3), которые помещик и «завотчик» граф Николай Петрович Шереметев отправил в Мануфактур-коллегию 3 апреля 1801 г. в ответ на напоминание губернатора о присылке ведомостей, содержатся лишь итоговые данные без списка крестьян – непосредственных владельцев предприятий.

Таблица 2

Кожевенная промышленность крепостных крестьян
Горбатовского уезда Нижегородской губернии в 1796 г.

Центр	Сорта кож	Число заводов	Производительность (в штуках и рублях)	
с. Павлово	Бараньи белые	25	52 500	54 525
	Красные и черные	2	1 400	5 500
	Конские белые с отрезанными задами на подошвы	5	5 000	7 250
	Подошвенные из задних частей конских шкур, называемые хозы	3	5000	4250
	Козловые черные	2	4 000	8 000
	Тюленьи белые	3	30 000	10 000
	Всего	40	97 900	89 525
с. Ворсма	Бараньи белые	1	4 000	4 600
д. Пупа	Бараньи белые	1	2 000	2 600
с. Богородское	Бараньи белые	46	43 900	40 760
Итого		88	141 800	137 485

Составлено по: РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 12.

[41] РГАДА. Оп. 2. Д. 1037. Л. 4 об. – 7.

Таблица 3

Кожевенная промышленность крепостных крестьян
Горбатовского уезда Нижегородской губернии в 1797–1799 гг.

Центр	Сорта кож	Число заводов	Ежегодная производительность (в штуках и рублях)					
			1797		1798		1799	
с. Павлово	Бараньи белые	30	50 000	57 500	100 000	125 000	50 000	57 500
	Красные и черные	2	2 000	3 800	1 000	1 900	2 000	3 800
	Конские белые с отрезанными задами на подошвы	7	20 000	25 000	20 000	25 000	20 000	25 000
	Подошвенные из задних частей конских шкур, называемые хозы	5	10 000	9 000	10 000	9 000	10 000	9 000
	Козловые черные, желтые и зеленые	2	25 000	20 050	20 000	21 250	25 000	20 050
	Тюленьи белые	10	50 000	16 250	50 000	16 250	50 000	16 250
	Всего	56	157 000	131 600	201 000	198 400	157 000	131 600
с. Ворсма	Бараньи белые	1	4 000	4 800	3 600	4 320	3 000	3 600
д. Пупа	Бараньи белые	1	700	700	1 000	1 050	1 500	1 575
д. Меледино	Бараньи белые	1	700	700	1 000	1 050	1 500	1 575
д. Масленка	Бараньи белые	1	500	500	600	630	700	735
с. Богородское	Бараньи белые	43	37 100	29 680	37 700	30 160	36 830	33 980
Итого		103	200 000	167 980	244 900	234 560	199 030	173 065

Составлено по: РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 1869.

В 1796 г. в Павлове действовало 40, а со следующего года 56 крестьянских кожевен, официально именуемых заводами. Между их владельцами существовало разделение труда по сортам выделываемых кож. Большинство крестьян-промышленников поставляли белые бараньи кожи. Временем открытия таких заводов помещик во всех ведомостях указал 1790 г., хотя в реальности они существовали и ранее.

Например, о широком развитии кожевенного производства в Павлове говорится еще в обозрении Нижегородской губернии за 1787 г.[42] На остальных крестьянских заводах Павлова выделывались красные и черные коровьи кожи, подошвенные белые конские кожи с отрезанными задними частями и отдельно «зады» этих кож (так называемые хозы, более толстый сорт подошвы), козловые разного цвета и белые тюленьи[43] кожи. По данным ведомостей, эти

[42] Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. М.; Л., 1935. С. 220–221.
[43] Уникальный для Нижегородской губернии сорт. В конце XVIII – первой половине XIX в. выделывался только в с. Павлове.

заведения появились в 1795 г. Сначала их было 15, однако вскоре число таких предприятий почти удвоилось.

По объемам кожевенного производства Павлово прочно занимало первое место в губернии. Самым удачным в то время для павловских кожевников стал 1798 г., в котором объем производства достиг 244 900 шт. на 234 560 руб. В последующие годы он уменьшился. Однако к приводимым показателям следует относиться критически. Исходя из повторяющихся цифровых данных за разные годы, можно предположить, что они иногда носят оценочный характер или даны с округлением.

В других селениях, принадлежащих графам Шереметевым в Горбатовском уезде, кожевенный промысел носил единичный характер. Выделкой белых бараньих кож занимался крестьянин с. Ворсмы Иван Трусов, хотя производительность его завода, открытого в 1783 г. (или в 1785), постепенно сокращалась: с 4 000 шт. кож на 4 800 руб. в 1796 г. до 3 000 шт. на 3 600 руб. в 1799 г.[44] Однако кожевенное дело для И. Трусова было неосновным занятием – в 4 раза больший доход он получал от изготовления мыла.

В д. Пупа с 1790 г. выделкой белых бараньих кож занимался крестьянин Леонтий Иванов Кузнецов (см. табл. 2, 3).

По одному кожевенному заводу было зарегистрировано в д. Меледино у крестьянина Алексея Шадрина (открыт в 1896 г.) и д. Масленка у крестьянина Прокофия Мурыгина (открыт в 1797 г.)[45].

Выделанными кожами графские крестьяне-предприниматели торговали в Санкт-Петербурге, на Макарьевской, Ростовской, Урюпинской ярмарках, но по большей части в Москве[46].

Неграфской половине рода Шереметевых в Горбатовском уезде принадлежало с. Богородское. И если в Павлове конца XVIII в. кожевенный промысел являлся лишь одним из ряда главных занятий местных жителей, то в Богородском выделка кож – единственный наиболее распространенный вид неземледельческих занятий. Ведомости, представленные в Мануфактур-коллегию его помещиком Василием Сергеевичем Шереметевым, отличаются от павловских тем, что включают в себя поименный список крепостных крестьян-владельцев кожевенных заводов с указанием объема выделанных кож и их стоимости.

Богородские кожевенные заводы официально были основаны раньше павловских: Ивана Таланина, Ивана Уткина, Ивана Головастикова, Гаврилы Богомолова – в 1784 г., остальные в 1786 г.[47] Местные кожевники в рассматриваемый период специализировались исключительно на выделке бараньих кож (см. табл. 2, 3). Однако, несмотря на то, что овчинных заводов в Богородском было больше, их общая производительность была меньше, чем в Павлове. Например, в 1798 г. по количественному объему – в 2,6 раза, а по стоимости – в 4,26 раза. Богородские овчины и стоили дешевле (80–90 коп. штука) павловских (1,2–1,3 руб. штука). Неслучайно в ведомости за 1796 г. отмечено, что «все оные (богородские. – *С. Л.*) кожи посредственной доброты»[48].

Богородские кожевенные заведения в массе своей были мелкими. В том же 1796 г. самая большая производительность по 2 500 шт. кож была зарегистрирована только на заводах Егора Овсянникова (на 2 375 руб.) и Ивана Головастикова (2 370 руб.), по 2 000 шт. – Еремея Любимова (2 010 руб.), Степана Бирюкова, Петра Кукина, Ивана Лисенкова, Григория Пчелина, Ивана Таланина (у всех пятерых на 1 900 руб.). Остальные выделывали от 400 до 1 000 овчин. В последующие три года самым крупным результатом считался объем лишь в 1 800 шт. кож у Степана Бирюкова и Ивана Головастикова.

Вместе с тем в ведомостях отмечается, что в выделке кож участвуют наемные работники, и перечислены места сбыта продукции: по большей части Москва, а также Санкт-Петербург, Макарьевская, Лебедянская и Урюпинская ярмарки[49].

---

[44] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 10; Оп. 2. Д. 1870. Л. 1–2.
[45] Там же. Оп. 2. Д. 1872. Л. 1–3 об.
[46] Там же. Оп. 16. Д. 37. Л. 13 об.
[47] Там же. Оп. 2. Д. 1871. Л. 1–4.
[48] Там же. Оп. 16. Д. 37. Л. 10 об.
[49] Там же.

Еще один район крестьянского кожевенного производства в Нижегородской губернии, чья деятельность отражена в ведомостной статистике рубежа XVIII–XIX вв., сформировался в Арзамасском уезде. Здесь в экономическом с. Ивановском (Мельничное тож) в 1794 г. начал действовать небольшой завод крестьянина Андрея Силантьева, поставлявшего по 100–300 кож «среднего разбора» на 200–600 руб. В том же году начал выделывать кожи «среднего разбора» крестьянин экономического с. Кириловка Василий Семенов – по 100 шт. на 200 руб. в 1797–1799 гг. В 1794 же году заработала кожевня крестьянина дворцовой деревни Корино Евсевея Иванова Породеева. Два года спустя он выделал лишь 50 шт. кож по цене 5 руб. десяток «по причине нехорошей доброты». Причем, несмотря на малые объемы производства, все три мастера использовали наемную рабочую силу[50].

Фактически промышленным пригородом Арзамаса стало с. Выездная Слобода. В 1780 г. местный помещик Василий Петрович Салтыков открыл кожевенный завод, на котором рабочие из числа крепостных в 1796–1800 гг. выделывали по 2 500–2 700 шт. разных кож на 5 000 руб. С завода кожи распродавались «в розницу крестьянам Выездной Слободы на сапожное изделие»[51].

Заканчивая обзор материалов РГАДА по кожевенной промышленности Нижегородской губернии рубежа XVIII–XIX вв., следует обратить внимание на степень полноты сохранившихся в них сведений о развитии этой отрасли в названном регионе. По данным прочих источников, в Нижегородской губернии в рассматриваемый период существовали и другие сельские центры, кожевенные заведения которых по размерам были сопоставимы с такими же заведениями Горбатовского уезда. Это села Городец и Катунки Балахнинского уезда и село Большое Мурашкино Княгининского уезда. Однако ведомости по ним в Мануфактур-коллегии отсутствуют.

Заключение. Таким образом, проанализированная в настоящей статье ведомостная статистика из фонда Мануфактур-коллегии РГАДА, несмотря на ее неполноту и фрагментарность за разные годы, является важным источником по истории нижегородской кожевенной промышленности на рубеже XVIII–XIX вв. Она позволяет констатировать, что эта отрасль в регионе развивалась как в городах (36,2 % учтенных предприятий и 19,7 % выпущенной ими продукции в натуральном выражении), так и в сельской местности (63,8 и 80,3 % соответственно).

Владельцами кожевенных заводов являлись представители всех основных сословий: купечества, мещан, крестьян (помещичьих, экономических, дворцовых) и помещиков. Анализ объема производства и ассортимента продукции предприятий показал, что главными центрами кожеобработки были села Павлово и Богородское – вотчины Шереметевых в Горбатовском уезде, и город Арзамас.

Кожевенные заводы в Нижегородской губернии в целом представляли собой небольшие предприятия как с использованием труда наемных работников, так и без наемной рабочей силы (в последнем случае трудились только хозяин и члены его семьи), с ярко выраженной рыночной направленностью производства. Выделываемые предпринимателями Нижегородской губернии кожи всех основных видов сельскохозяйственных животных сбывались в обеих столицах и на ведущих ярмарках Российской империи, в том числе и по государственным подрядам.

Литература

Алексеева О.А. Торгово-промышленное население г. Великие Луки в последней трети XVIII века // Вестник Челябинского университета. 2007. № 18 (96). С. 17–30.

Богданова Ю.Н. Законодательное регулирование промышленной статистики в Российской империи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 2 (65). С. 16–20.

[50] РГАДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 37. Л. 23.
[51] Там же. Оп. 2. Д. 1039. Л. 1 об.

Демкин А.В. Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. М.: Ин-т российской истории, 2008. 392 с.

Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в.: источниковедческое исследование. М.: Наука, 1976. 277 с.

Ульянова Г.Н. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 53–60.

References

Alekseeva, O.A. (2007). Torgovo-promyshlennoe naselenie g. Velikie Luki v posledney treti XVIII veka [Commercial and Industrial Population of Velikie Luki in the Last Third of the 18th Century]. In *Vestnik Chelyabinskogo universiteta.* No. 18 (96), pp. 17–30.

Bogdanova, Yu.N. (2022). Zakonodatel'noe regulirovanie promyshlennoy statistiki v Rossiyskoy imperii [Legislative Regulation of Industrial Statistics in the Russian Empire]. In *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata.* No. 2 (65), pp. 16–20.

Demkin, A.V. (2008). *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Rossii v kontse XVIII – nachale XIX v.* [Manufacturing Industry in Russia in the Late 18th and Early 19th Centuries]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii. 392 p.

Rybakov, Yu.Ya. (1976). *Promyshlennaya statistika Rossii XIX v.: istochnikovedcheskoe issledovanie* [Industrial Statistics of Russia in the 19th Century: A Source Study]. Moscow, Nauka. 277 p.

Ulianova, G.N. (2020). Dvoryanki – vladelitsy fabrik i zavodov v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Noble Female Entrepreneurs as Factory-Owners in the Russian Empire from the Late 18th to the First Half of the 19th Century]. In *Rossiya XXI*. No. 3, pp. 53–60.

М.К. Акользина*

КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-5
УДК 093:675"18"

Выходные данные для цитирования:
Акользина М.К. Кожевенное производство в Тамбовской губернии в XIX веке (по материалам Государственного архива Тамбовской области и Российского государственного архива древних актов) // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 84–100. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-05.pdf

M.K. Akol'zina*

LEATHER PRODUCTION IN THE TAMBOV PROVINCE IN THE 19TH CENTURY (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE TAMBOV REGION AND THE STATE ARCHIVE OF ANCIENT ACTS)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-5

How to cite:
Akol'zina M.K. Leather Production in the Tambov Province in the Nineteenth Century (According to the Materials of the State Archive of the Tambov Region and the State Archive of Ancient Acts) // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 84–100. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-05.pdf]

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the formation and development of the leather industry in the Tambov province mainly in the first half of the 19th century. The relevance of this study is determined by the need to fill the source and historiographical gap in the study of entrepreneurship in this industry in the region in the pre-reform period. The scientific novelty of the work is connected with the consideration of leather industrial enterprises belonging to representatives of the merchant and peasant estates at the micro level. The study of the operating conditions of the leather industry allows us to more fully characterize the specifics of the formation of factory and artisanal entrepreneurship in this industry in the region in the pre-industrial period. The activity of entrepreneurs in the leather industry, their role in the process of modernization of agrarian society in the region has so far remained undisclosed in specifically historical manifestations. The issues of the development of the leather industry in the Tambov province have not yet become the subject of serious scientific analysis. There are no special historical works about the merchant industry of the Tambov province in the 19th century to the present time. Tambov Province was located at an important crossroads of trade and transport routes, there was an exit to the Vorona, Khoper and Don rivers through the Tsnu River. From the south, a path passed through the territory of the region, connecting the province with Moscow and the Oka-Volga cities: Kolomna, Ryazan, Murom, Nizhny Novgorod, as well as with Astrakhan and the Lower Don. Since the second half of the 18th century, Tambov province has become a center of transit trade in cattle, skins, bread, and beef fat. Ships returning from Rybinsk to Morshansk in the autumn (participating in the spring rafting of grain and cereals) brought, among other goods, chemicals for leather production. In the first half of the 19th century, there were many merchants and industrialists in the region, mainly owners of enterprises processing agricultural products, including tanneries. The raw materials for leather production were the carcasses of cattle, which were brought from the south in large batches of tens of thousands of heads. The cattle were walking along the Voronezh–Tambov highway. Previously, they were fattened in the Kushelevskaya steppe (Borisoglebsky Uyezd). The trade in cattle, tallow and skins brought huge profits. Among the meat merchants of the Tambov province, the merchants Platitsyns from Morshansk took the first place in terms of their

* **Марина Константиновна Акользина,** кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, e-mail: akolmarina@yandex.ru
Marina Konstantinovna Akol'zina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, e-mail: akolmarina@yandex.ru

turnover and income. Since the 1870s, the drive of cattle from the southeastern steppes to Morshansk gradually stopped, which led to the complete decline of the salting and tanning enterprises in the city. At that time, the cities located in the steppe south of the Tambov province – Kozlov, Lipetsk, and Usman, – remained the centers of leather production.

Keywords: industry, leather production, entrepreneurship, Tambov province in the 19th century, industrial specialization of the region, merchants, factory industry, handicraft production, small-scale industrial production.

The article has been received by the editor on 30.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения формирования и развития кожевенной промышленности в Тамбовской губернии преимущественно в первой половине XIX в. Актуальность настоящего исследования обусловливается необходимостью восполнения источниковедческого и историографического пробела в изучении предпринимательской деятельности в этой отрасли промышленности в регионе в дореформенный период. Научная новизна работы связана с рассмотрением кожевенных промышленных предприятий, принадлежавших представителям купеческого и крестьянского сословий на микроуровне. Изучение условий функционирования кожевенного производства позволяет полнее охарактеризовать специфику формирования заводского и кустарного предпринимательства в этой отрасли в регионе в доиндустриальный период. Деятельность предпринимателей в кожевенной отрасли, их роль в процессе модернизации аграрного общества в регионе до сих пор оставалась нераскрытой в конкретно-исторических проявлениях. Вопросы развития кожевенной промышленности в Тамбовской губернии еще не становились предметом серьезного научного анализа. Специальных исторических работ о купеческой промышленности Тамбовской губернии в XIX в. до настоящего времени нет. Тамбовская губерния располагалась на важном перекрестке торгово-транспортных путей, через реку Цну существовал выход на реки Ворону, Хопер и Дон. С юга по территории региона проходил путь, связывавший губернию с Москвой и окско-волжскими городами: Коломной, Рязанью, Муромом, Нижним Новгородом, а также Астраханью и Нижним Доном. Уже со второй половины XVIII в. Тамбовская губерния стала центром транзитной торговли скотом, кожами, хлебом, говяжьим салом. Возвращавшиеся осенью из Рыбинска в Моршанск суда (участвовавшие в весеннем сплаве зерна и круп) в числе других товаров привозили химикаты для кожевенного производства. В первой половине XIX в. в регионе было много купцов-промышленников, преимущественно владельцев перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию предприятий, в том числе и кожевенных. Сырьем для кожевенного производства служили туши скота, который пригоняли с юга большими партиями в десятки тысяч голов. Скот шел по тракту Воронеж – Тамбов. Предварительно его откармливали в Кушелевской степи (Борисоглебский уезд). Торговля скотом, салом и кожами приносила огромные прибыли. Среди мясоторговцев Тамбовской губернии по своим оборотам и доходам на первое место выдвинулись моршанские купцы Платицыны. С 1870-х гг. постепенно прекращался пригон скота из юго-восточных степей к Моршанску, что привело к полному упадку салотопенных и кожевенных предприятий в городе. В то время время центрами кожевенного производства оставались города, расположенные на степном юге Тамбовской губернии: Козлов, Липецк и Усмань.

Ключевые слова: промышленность, кожевенное производство, предпринимательство, Тамбовская губерния в XIX в., промышленная специализация региона, купечество, заводская промышленность, кустарное производство, мелкопромышленное производство.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023 г.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона дается такое определение: «Кожевенное производство имеет целью превращение сырых шкур в обработанную кожу, которая не должна легко загнивать, должна быть непроницаема или трудно проницаема для воды, должна быть гибка и обладать известной крепостью. Такое изменение свойств сырой шкуры достигается посредством пропитывания ее некоторыми веществами или дубления, и только немногие сорта кожевенного товара изготовляются иными способами»[1].

Тема кожевенного производства или отдельные ее аспекты затрагивались в исследованиях по истории промышленности и предпринимательства. По мнению одних современных исследователей, в XIX в. кожевенное производство носило преимущественно кустарный и мелкопромышленный характер[2], другие уже в первой половине XIX в. отмечают наличие крупных промышленных предприятий в больших городах – например, кожевенных заводов Бахрушиных в Москве (осн. 1833) и Павловых-Прибытковых в Казани (осн. 1812)[3]. С этой точки зрения обработка кож в России в XIX в. рассматривалась в трудах российских[4], советских[5] и современных российских историков[6]. В настоящее время наиболее активно эта тема разрабатывается в работах С.М. Ледрова[7].

[1] Кожевенное производство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб., 1895. Т. XVa. С. 567–576.

[2] *Леднев А.П.* Купечество Нижегородской губернии в пореформенный период XIX века (сословно-социальный портрет и роль в общественно-экономическом развитии региона): дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 19.

[3] *Ульянова Г.Н.* Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века. М., 2021. С. 185–191, 200–204.

[4] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 128; *Киттары М.* Карта кожевенного производства в России. СПб., 1875; *Кишкин-Жгерский В.* Торговый адрес-календарь, или Всеобщий коммерческий указатель Российского государства на 1836 год. СПб., б.г. С. 49; *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Вел. Кн. Финляндским. СПб., 1881; *Тимирязев Д.А.* Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов**.** Вып. 2. СПб., 1870.

[5] *Копылов Д.И.* Развитие капиталистических отношений в кожевенной промышленности Западной Сибири XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1975. С. 48–71; *Копылов Д.И.* Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII – первой трети XIX в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974; *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947; *Рыбников А.А.* Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923; *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). М., 1966; *Рындзюнский П.Г.* Мелкая промышленность (ремесло и мелкотоварное производство) // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959; *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России. М., 1995; *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1926. Т. 1. С. 9–76.

[6] *Виту В.Ф.* Кожевенные предприятия купцов Тобольской губернии в XVIII – первой четверти XIX в.: на примере Тюменских династий // Бизнес. Общество. Власть. 2023. № 1–2 (47–48). С. 59–65; *Григорова В.А.* Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2017; *Демкин А.В.* Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX века (региональный аспект) // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России / под ред. А.В. Семёновой, Н.М. Рогожина, А.В. Ковальчука, В.Б. Перхавко: материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Александра Александровича Преображенского (Москва, ноябрь 2005 г.). М., 2010; *Демкин А.В.* Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. М., 2008; *Задорожняя О.А.* Кожевенные предприятия купцов Тобольской губернии (1775–1824 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура, Сургут. 2017. № 1. С. 24–29; *Лаптев Р.А.* История кожевенно-обувной отрасли российской индустрии: конец XVIII – начало XX веков: На примере Курского региона: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2005; *Сайфутдинова О.П.* Кожевенное производство на территории Башкирии во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2023; *Чиркин С.А.* Развитие крестьянских промыслов Вятской губернии в конце XIX – первой четверти XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009.

[7] *Ледров С.М.* Кожевенная промышленность Нижегородского края в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998.

Исследованию развития кожевенной промышленности в Тамбовской губернии в изучаемый период до сих пор не уделялось достаточного внимания, этот сюжет рассматривался лишь фрагментарно в рамках истории обрабатывающей промышленности и ее отдельных отраслей (преимущественно суконной) в XVIII в. и на рубеже XIX–XX вв.[8] Специальных исторических работ о кожевенной промышленности Тамбовской губернии в первой половине XIX в. до настоящего времени нет.

Иногда современные исследователи считают, что кожевенных предприятий – мелких и крупных – в городах Тамбовской губернии в конце XVIII – начале XIX в. не было[9]. Но проведенный детальный анализ источниковой базы по теме позволил сделать вывод о формировании этой отрасли обрабатывающей промышленности не только в первой половине, но и на протяжении всего XIX в. Выход за заявленные хронологические рамки неизбежден, поскольку определяется логикой развития промышленного производства в регионе.

Обзор источниковой базы. Источниковой базой для изучения развития кожевенного производства в городах Тамбовской губернии в первой половине XIX в. послужили материалы делопроизводственной документации государственных учреждений и органов городского самоуправления, прежде всего статистические отчеты городских учреждений, которые составлялись ежегодно, а также журналы губернского Статистического комитета за разные годы, статистические данные по Тамбовской губернии (также из архивных дел Тамбовского губернского статистического комитета), ведомости о фабриках и заводах по городам и уездам, отчеты уездных исправников о числе фабрик и заводов, ведомости тамбовского губернского землемера о количестве заводов, фабрик и пильных мельниц в Тамбовской губернии, ведомости о числе ремесленников и промышленников в городах, ведомости о числе гостиных дворов, торговых магазинов и лавок (документы для исследования выявлены в Государственном архиве Тамбовской области)[10]. В них содержатся сведения о состоянии этой отрасли промышленности. На наш взгляд, источниковедческий анализ этих источников говорит о том, что их информация отличается высокой достоверностью, поскольку содержащиеся в них сведения были не приблизительными, а предоставленными городскими учреждениями (об этом подробно см. мою статью)[11].

Важными источниками для изучения кожевенных предприятий в первой половине XIX в. являются географические словари и описания. Нами использованы материалы, содержащиеся в Обозрении состояния городов Российской империи в 1833 г., памятных книжках, историко-статистических обзорах, указателях и др.[12] По данным Ведомостей о мануфактурах

[8] *Голубинский А.А.* Краткий обзор фабрично-заводской промышленности Тамбовской области за 1910 год. Тамбов, 1912; *Житин Р.М.* Промышленность Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века. Тамбов, 2015; *Литовский А.Н.* Процесс формирования мануфактурных центров Тамбовской губернии XVIII веке // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 185. С. 191–201; *Перепелицын А.В., Фурсов В.Н.* Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период / Федер. агентство по образованию,ГОУ ВПО «Воронеж. гос. пед. ун-т». Воронеж, 2005.

[9] *Черненко Д.А.* Экономика городов Орловской и Тамбовской губерний в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам Генерального межевания) // Историческая информатика. 2020. № 4б (Табл. 6). DOI: 10.7256/2585-7797.2020.4.34563

[10] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 923. Л. 1–59; Д. 1302. Л. 155–180; Д. 1390. Л. 752–760; Д. 1508. Л. 1–166; Д. 1554. Ч. 2. Л. 73–100, Ч. 5. Л. 74; Д. 1639. Ч. 3. Л. 40–67 об.; Д. 1730. Ч. 3. Л. 486–511; Ч. 4. Л. 798; Д. 1856. Ч. 2. Л. 517–540; Ч. 4. Л. 866–876; Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–24, 54–55, 79–119, 135–135 об., 150, 158, 185–189, 191–197 об., 202–204, 206–208; Д. 4. Л. 24, 29–30, 32, 36, 41–45, 124–126.

[11] *Акользина М.К.* Источниковая база для изучения предпринимательской деятельности провинциального купечества первой половины XIX в.: ресурсы региональных архивов (по материалам Государственного архива Тамбовской области) // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2022. № 4 (12). С. 23–31.

[12] Историко-статистический обзор промышленности России / под ред. Д.А. Тимирязева // Произведения фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности. СПб., 1886; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. I–III. СПб., 1862–1865; Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1861 год. Тамбов, 1861. С. 29; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1864 год. Тамбов, 1863. С. 18; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов, 1866. С. 27; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 год. Тамбов, 1868. С. 54–55; *Петров А.* Памятная книжка Российской промышленности на 1843 год. М., 1843. С. 258, 261, 277; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое импера-

в России за 1812, 1813 и 1814 годы (СПб., 1814, 1816), наиболее крупные предприятия по выделке кож функционировали в городах Темникове, Моршанске и Елатьме (табл. 1, 2).

Также значимым источником для изучения заводов по производству кожевенной продукции являются материалы Генерального межевания – например, «Экономические примечания» к материалам Генерального межевания за 1825 и 1828 гг., в которых в описании каждого города и уезда дана характеристика промышленных предприятий[13].

Достаточно информации по заявленной теме содержат картографические материалы[14].

Таким образом, фонды Государственного архива Тамбовской области располагают обширной источниковой базой для изучения кожевенного производства, представленной как печатными, так и первичными материалами.

Развитие кожевенной промышленности в Тамбовской губернии. В городах Тамбовской губернии в 1797 г. (по материалам Генерального межевания) насчитывалось 82 промышленных предприятия. При этом только в Елатьме действовали два кожевенных завода[15].

В той же Елатьме в 1809 г. остался только один кожевенный завод «содержателя елатомского купца Федора Наставина при собственном доме на оном чанов 20 красильный котел 1», на котором работало 16 наемных рабочих. На этом заводе ежегодно выделывалось юфти до 3 100 кож и до 750 пудов отвозилось для продажи «к Одесскому порту». Сообщалось: «Материалы покупаются: зола и карье (корьё – кора деревьев, преимущественно дуба и ольхи, для дубления. – *М. А.*) в оном городе у разных помещичьих крестьян; извеска (извёстка – *М. А.)* Рязанской губернии в городе Касимове да в Ярославской губернии городе Рыбинске; сандал и квасцы в Санкт-Петербурге». В документе сказано, что «кожевенный завод мещанина Рукавишникова «по упадку содержателей состоит в бездействии»[16].

Наиболее развитыми в отношении кожевенной промышленности в Тамбовской губернии в первой половине XIX в. были города Моршанск и Козлов и торгово-промышленное село Рассказово (в котором до сих пор жители занимаются производством кожаных изделий). Ежегодно только в Моршанск для убоя пригонялось до 20 тыс. голов крупного рогатого скота и до 100 тыс. голов «овец киргизских, калмыцких и русских», закупавшихся в земле Войска Донского, в Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерниях[17]. От убоя крупного рогатого скота получалось большое количество мяса и кож[18]. Мясо засаливалось, солонина доставлялась в Москву.

На местных рынках зимой всегда продавалась говядина свежая по 12 коп. за фунт и соленая по 8 коп. (данные за 1832 г.), баранина только соленая (более дешевыми эти сорта

торской Академией наук. Т. 6. Записки путешествия акад. Фалька. СПб., 1824. С. 31; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом МВД. Вып. 42. Тамбовская губерния. СПб., 1866; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. Сост. в Департаменте мануфактур и внутренней торговли. Ч. 2. СПб., 1833. С. 759–768; Статистические таблицы Всероссийской империи или физическое, политическое, статистическое начертание России. М., 1807. С. 31; Указатель материалов для истории торговли, промышленности и финансов, в пределах Российской Империи. СПб., 1883; Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896; Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, изданный Департаментом сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. СПб., 1857.

[13] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Экономические примечания. Тамбовская губерния. Д. 16–29. Л. 1–15; Д. 1632. Л. 1–14.

[14] Россия. Европейская часть. Атлас. Хозяйственно-статистический атлас Европейской России (Карты) / изд. МГИ с объяснит. описанием, сост. особое к атласу приложение / сост. Павел Крюков. Изд. 2-е. СПб., 1852. Использована карта Европейской России с означением скотопрогонных трактов и места разведения скота на убой; Россия. Европейская часть. Карта промышленности Европейской России с показанием фабрик, заводов и промыслов, административных мест по мануфактурной части, главнейших ярмарок, водяных и сухопутных сообщений, портов, маяков, таможен, главнейших пристаней, карантинов и пр.

[15] ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 46. Л. 289, 291, 292–293 об., 294–295 об., 297, 299, 333–333 об.

[16] ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 306. Л. 33 об.

[17] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Ч. 2. СПб., 1863. С. 26.

[18] Подробнее см.: *Ульянова Г.Н.* Торговля мясом в Москве в первой половине XIX веке: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой: сб. науч. ст. Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования. Вып. 163. М., 2023. С. 168–186.

мяса были в Козлове, Липецке, Лебедяни и Усмани, что косвенно свидетельствует о массовом забое скота в этих городах и обилии сырья для кожевенного производства, более дорогими – в остальных городах губернии). Кожи отправлялись на переработку местным промышленникам и кустарям. Через город проходил важный Муромский скотопрогонный тракт на Санкт-Петербург.

В 1810-е гг. самыми крупными предприятиями Моршанска, имевшими общероссийское значение, были, наряду с прядильной фабрикой купцов Карпа и Егора Смесовых, кожевенный завод купца Матвея Якжина, производивший 1,35 тыс. пудов различных кож (в том числе и подошвенных), и кожевенный завод купца Егора Толмачева. Все эти предприятия, как показано в ведомости о мануфактурах в России в 1812 г., использовали вольнонаемный труд[19]. В 1828 г. на кожевенном заводе Матвея Якжина каждый год обрабатывалось до 1,2 тыс. кож[20].

Таблица 1

Кожевенные предприятия в городах Тамбовской губернии в 1812 г.

Город	Владелец	Кол-во главных инструментов	Кол-во рабочих*	Наименование производимой продукции	Изготовлено, шт.	Реализовано, шт.
Темников	Купец Петр Немцов	4 (котлы)	1	Кожи разные	650	650
	Купец Семен Пономарев	4	1	– « –	600	600
	Мещанин Петр Масленников	3	1	– « –	500	500
	Мещанин Михаил Телятников	4	1	– « –	550	550
	Мещанин Василий Баженов	5	1	– « –	1 500	1 500
	Мещанин Андрей Климовский	4	1	– « –	300	300
Елатьма	Купец Федор Наставин	12	12	– « –	3 110	3 110
Всего		57	47			

Источник: Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 34, 150–151, 154.
Примечания: *Вольнонаемные.

Устройство кожевенных предприятий в губернии затруднялось из-за неповоротливости чиновничьего аппарата. Так, с 1824 по 1832 г. шла переписка тамбовского купца Михаила Степановича Толмачева с органами местного и центрального управления о предоставлении ему плана и межевой книги и выдаче разрешения на покупку «в потомственное и вечное владение» земли «для устроения» кожевенного завода. Заводское строение (бывшую суконную фабрику, которая к тому времени «стояла в бездействии») он купил с аукционного торга еще в 1797 г., заплатив за каждую десятину по 30 руб. и представив в Казенную палату

[19] Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816. С. 130, 157, 322.
[20] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1629. Л. 1–4.

128 руб. 35 коп. Прошение купца пересылалось из тамбовской Казенной палаты в Сенат и обратно.

В 1818 г. он написал первое прошение на имя государя Александра Павловича, поскольку до этого времени ни разрешения на покупку земли, ни плана он не получил ни от местных властей, ни от Сената, объяснив, что отсутствие необходимых документов «не дозволяло приступить ни к улучшению действий того завода, ни же к другим хозяйственным и экономическим распоряжениям, служащим к распространению выгод полезных»[21].

Не дождавшись ответа от местных властей, в новом прошении на имя Александра I в 1824 г. купец писал: «Тамбовской округи близ села Троицы[22] владения однодворцев устроенный во въезжем Ценском лесу по правую сторону реки Цны кожевенный завод, под которым состоит земли 4 десятины 668 саженей с 1817 года есть план». Переписка продолжалась еще несколько лет, и только в ноябре 1831 г., рассмотрев решение Правительствующего Сената от января 1830 г., руководство тамбовской Казенной палаты вынесло решение «выдать план владельцу земли Толмачеву»[23]. К сожалению, описания самого завода в документе нет.

Рассмотрим далее сведения о кожевенной промышленности Тамбовской губернии по данным 1813–1814 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Кожевенные предприятия в городах
Тамбовской губернии в 1813–1814 гг.

Город	Владелец	Кол-во главных инструменто	Кол-во рабочих*	Наименование производимой продукции	Изготовлено, шт.	Реализовано, шт.
Темников	Купец Петр Немцов	4 (котлы)	8	Кожи разные	715	715
	Купец Семен Пономарев	4	7	– « –	700	700
	Мещанин Андрей Климовский	4	3	Кожи бараньи	300	300
	Мещанин Петр Масленников	3	7	– « –	550	550
	Мещанин Михаил Телятников	4	6	Кожи разные	550	550
Моршанск	Купец Матвей Якжин	5	4	– « –	1 100	1 100
				Подошвенные	250	250
	Купец Егор Толмачев	5	4	– « –	200	200
				Кожи разные	300	300
Всего 7 предприятий		29	39		4 665	4 665

Источник: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816. С. 157, 322, 363, 383.
Примечания: *Вольнонаемные.

[21] ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–60.
[22] Село Троицкая Дубрава.
[23] ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–60.

Рис. 1. Кожевенная мастерская. Музейный макет. XX в.
(Моршанский Историко-художественный музей им. П.П. Иванова)

В первой четверти XIX в. в губернии увеличился объем производства кожевенных фабрикатов (табл. 3).

Таблица 3

Кожевенные заводы в городах Тамбовской губернии в 1829 г.

Время основания	Владелец	Помещение	Чаны	Сколько выделывается кож и опойков* (число кож)	Изготовлено	Продано	Израсходовано дров (саженей)	Кол-во рабочих
Моршанск								
Неизвестно	Якжин Кондратий (достался по наследству от отца купца Андрея Якжина, который купил его с акцизного торга по конкурсу над имением мещанина Елисея Ядова)	Деревянный амбар, в котором производится варка клея, – 25 саженей² (израсходовано известки 900 пудов и сырых бараньих ног 3 500 пудов)	2 чугунных котла и 11 деревянных чанов	–	Клей 250 пудов, сало клейное 125 пудов	375	14	9

Окончание табл. 3

Время осно-вания	Владелец	Помещение	Чаны	Сколько выделывается кож и опойков* (число кож)	Изготов-лено	Продано	Израс-ходовано дров (саженей)	Кол-во рабочих
Моршанск								
Неиз-вестно	Белугин Григорий (куплен в 1820 г. у купца Егора Толмачева)	Деревянная «машина для топления коры на 7 саженях, амбар для поклажи сырых сделанных кож на 15 саженях, для сушения кож на 10 саженях»	–	–	«На сем заводе в 1829 году производ-ства ника-кого не было»	–	–	–
Козлов								
1801	Купец Юрьев Степан	В собственном его доме, строение дере-вянное	3	55–80	850	850**	–	3
1822	Купец Афанасий Степанов Мягков	– « –	2	50	420	420	–	3
1829	Однодворец Стрелецкой слободы Александр Казьмин Полянский	В собственном его деревянном доме	2	54–60	300	300	–	2
1829	Однодворец Стрелецкой слободы Александр Алифантьев Золотухин	– « –	2	60–90***	250	250	–	3

Источник: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 728. Л. 78–78 об., 79–79 об., 132–135.
Примечания: * Опоек – телячья кожа. В выделке на сапожный товар // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М., 1863–1866. С. 1252.
** Продано кож в г. Козлове.
*** На выделывание поступают кожи, покупаемые самим содержателем и от прочих людей в г. Козлове.

Владели кожевенными заведениями преимущественно представители купеческого сословия. В Государственном архиве Тамбовской области сохранились материалы с описанием предприятий по обработке кож – например, «Ведомость о кожевенном заводе моршанского купца 1-й гильдии Григорья Белугина за 1829 год», которая гласит:

«Ведомость о кожевенном заводе моршанского купца 1-й гильдии Григорья Белугина за 1829 год. Сей завод когда устроен неизвестно, а в 1820 году купцом Белугиным куплен у купца Егора Толмачева. К первоначальному онаго заведению причины производимой в Моршанске торговли скотом и продажи сала, к разпространению коммерческих выгод

вновь изобретении по заводу, равно и действия по случаю претерпеваемых убытков не имелось.

Завод состоит Тамбовской губернии города Моршанска на выгонной земле в собственном доме доставшемся по покупке в 1820 году от моршанского купца Егора Толмачева, а им устроен на отведенном месте, но в каком году неизвестно. Строение деревянное как то: машина для топления коры на 7 саженях, амбар для поклажи сырых сделанных кож на 15 саженях, сушение кож на 10 саженях. На выделывание поступают кожи, покупаются самим содержателем и от протчих людей. На сем заводе в 1829 году производства никакого не было»[24].

Ведомость 1830 г. сообщает о восьми предприятиях, большая часть которых находилась в уездном городе Козлове (табл. 4).

Таблица 4

Владельцы кожевенных заводов в городах
Тамбовской губернии в 1830 г.

Город	Владелец	Сословие
Козлов	Афанасий Мягков	Купец
	Степан Юрьев	Купец
	Александр Полянский	Однодворец
	Александр Золотухин	Однодворец
	Савва Жуков	Купец
Моршанск	Григорий Белугин	Купец
Темников	Михаил Телятников	Купец
	Илья Коробков	Купец

Источник: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 728. Ведомости о количестве и работе фабрик и заводов в Тамбовской губернии за 1830 год. Л. 4–20 с об.

Основным занятием жителей Козлова была торговля крупным и мелким рогатым скотом. В 1831 г. в городе было забито 28 000 голов крупного рогатого скота и 7 000 овец, из них вытоплено сала 140 000 пудов (отправлено в Санкт-Петербург) и заготовлено 160 000 пудов солонины (употреблено на местное продовольствие). Кожа животных пошла на обработку на мелких промышленных предприятиях города[25].

Архивный документ «О Тамбовской губернии» (рукописное издание) 1838 г. сообщал, что в г. Козлове изделия «табак, вино, пиво, воск, кожи, восковые и сальные свечи, мыло и солонина работаются собственно для потребностей города и уезда, а кожи с рогатого скота, покупаемого в Войске Донском и Черноморском и убиваемого здешними торговцами, отправляются в город Лебедянь на Крещенскую ярмарку, где более покупаются Елецкими и тульскими заводчиками»[26].

Сводные данные о развитии кожевенной промышленности в Тамбовской губернии в 1830–1860-х гг., свидетельствующие о значимой роли кожевенной отрасли в промышленном развитии губернии, представлены в табл. 5.

[24] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 728. О.ц. Л. 79–79 об.
[25] ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 923. Л. 15 об. – 16.
[26] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1639. Ч. 2. Л. 2 об.

Таблица 5

Количество кожевенных предприятий в городах Тамбовской губернии в XIX в.

Город	1832	Середина 1830-х гг.	1855	1861	1863	1865	1866
Козлов	3	3	2	–	3	–	–
Моршанск	–	1	–	–	–	–	–
Елатьма	–	–	–	–	–	–	–
Темников	2	2	–	4	–	4	4
Липецк	2	1	–	6	6	–	8
Спасск	1	3	2	2	–	–	–
Усмань	–	–	–	–	–	–	–
Шацк	1	1	–	–	–	2	1
Борисоглебск	–	–	–	–	–	–	–
Лебедянь	–	–	–	–	–	–	–
Кирсанов	–	–	–	–	–	–	–
Всего	9	11	4	12	9	6	13

Источник: О Тамбовской губернии /Рукописное издание/. 1838. С. 31 об. – 34; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Ч. 2. СПб., 1863; Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–22; Ф. 4. Оп. 1. Д. 1639. Ч. 2. Л. 2 об., 80, 144; Д. 1781. Ч. 3. Л. 480, 557–557 об., 600, 645, 680; Ф. 63. Оп. 1. Д. 10. Л. 175–178.

Наименьшее число предприятий – четыре – фиксируется в 1855 г. По данным Тамбовского губернского Статистического комитета, в 1855 г.[27] кожевенные заводы функционировали только в пяти городах Тамбовской губернии, однако текстовые (а не статистические) документы Тамбовского архива говорят о большем их числе.

Согласно найденным в ГАТО «Ведомостям о числе жителей в Тамбовской губернии» (1855), в Козлове заводов было два, принадлежали они местным купцам, в них работало 2 мастеровых и 7 чернорабочих. Оба завода вместе имели оборотный капитал в 9 870 руб. и производили продукции на 12 755 руб., кожа сбывалась внутри губернии. В Липецке работали 5 заводов с 5 мастеровыми и 17 чернорабочими. Их оборотный капитал составлял всего 2 000 руб., а продукции производилось на 4 360 руб. Продавались выделанные кожи «в Москву, в Липецк и уезд, в соседствующие города». В Спасске имелось два предприятия с 2 мастеровыми и 4 рабочими, с оборотным капиталом в 700 руб. реализовывали товара в городе и уезде на 900 руб. Три предприятия (10 мастеровых и 3 чернорабочих, 950 руб. оборотного капитала и на 1 250 руб. выпускаемой продукции) выделывали кожи в городе Темникове и отправляли их для реализации на Нижегородскую ярмарку. В городе Шацке действовал один кожевенный завод, на котором работали один мастеровой и один рабочий. Оборотный капитал этого завода составлял 800 руб., а продукции выпускалось на 1 500 руб. Семь частных кожевенных заводов с 7 мастеровыми и 21 чернорабочим функционировали в Спасском уезде, вместе они производили продукции на 7 000 руб. В Темниковском уезде продукции на 2 654 руб. производили пять кожевенных предприятий (5 мастеров и 12 рабочих), принадлежавших помещикам[28].

[27] Многие из заводов не вошли в список из-за незначительности своего производства.
[28] ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 110–112.

Рис. 2. Памятник владельцу кожевенного производства в Липецке Тамбовской губернии купцу М.А. Клюеву (1848–1924). Его дед Г.Н. Клюев (неизв. – 1841 г.) занимался выделкой юфти и шитьем голиц (рукавиц из толстой кожи)

В 1861 г. заводы по выделке кож составляли всего 6 % от всех промышленных предприятий в городе Темникове (всего предприятий было 64), 8 % в Липецке (от 73 предприятий) и 9 % в Спасске (от 21 предприятия).

В 1863 г. три кожевенных предприятия г. Козлова выпускали продукции на 760 руб. (при том что общая стоимость вырабатываемой продукции всех 48 промышленных предприятий города составляла 454 128 руб.), шесть аналогичных липецких заводов производили продукции, которая сбывалась в самих городах и их уездах, на 8 570 руб.

В 1865 г. четыре кожевенных завода в Темникове выпускали продукции уже на 11 050 руб., ее сбыт осуществлялся в «Нижегородскую губернию, разные соседственные города и уезды, и на месте»[29]. Стоимость вырабатываемой продукции кожевенных заводов купца Оловянникова и мещанина Новикова в Шацке составила 4 200 и 4 300 руб. соответственно, все выделанные кожи продавались в городе и уезде.

По данным Статистического комитета, в 1866 г. в городах губернии насчитывалось 17 кожевенных заводов, они занимали второе место по количеству после салотопен[30].

Потребность в продукции кожевенных предприятий была высокой. Из ремесленников в городах было больше всего сапожников – 526 (в 1866 г.). В одном только Моршанске работали кожевниками 55 мастеров и 34 ученика[31].

О развитии кожевенной промышленности свидетельствуют данные о ярмарочной торговле в городах Тамбовской губернии, по продажам кожи находились на втором месте после скота. Ежегодно на ярмарки привозилось кож и прасольского товара на 120 000 руб.

[29] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1781. Ч. 3. Л. 48.
[30] ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 10. Л. 175–178.
[31] Там же. Л. 179–182.

Например, в городе Лебедяни в 1897 г. на 47 тыс. руб. кожевенного товара привезли, на 40 тыс. руб. продали. Юхтового (из юфти)[32] товара привезли на 6 500 руб. На ярмарках города Усмани кожевенных товаров было продано на 1 500 руб., юфтевых – на 700 руб., 1 000 руб., 500 руб. (на разных ярмарках). У населения пользовалась спросом «мягкая рухлядь» (дубленые полушубки, овчины, сапоги и овчины скобленые)[33].

В Лебедяни «главный предмет торговли на ярмарках состоял в привозе и продаже сырцовых кож, которые шли в столичные и другие города Российской империи»[34].

Предметами торговли на ярмарках города Шацка были, наряду с другими товарами, кожи. Они отправлялись по большей части для продажи в города Москву, Нижний Новгород и Владимир[35].

В отчете темниковского уездного исправника за 1865 г. отмечены «главнейшие заводы в Темникове чугуноплавильный и кожевенные»[36].

Сведения о количестве предприятий кожевенной промышленности в Тамбовской губернии в 1860-е гг. представлены в табл. 6.

Таблица 6

Фабрики и заводы в городах Тамбовской губернии в 1868 г. (не обложенные акцизом). Кожевенные заводы из VI группы (Произведения из прочих органических веществ), XXIII класса (Кожи и кожевенные изделия)

Город	Количество заводов	Количество рабочих	Сумма производства, руб.
Липецк	8	57	32 585
Темников	5	19	13 100
Шацк	2	10	11 220
Усмань	1	8	7 000

Источник: Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 6. СПб., 1872; Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 год. С. 1–80.

И в конце XIX в. кожевенное производство оставалось преимущественно кустарным. Например, в Елатомском уезде в 1894 г. действовали два завода, принадлежавших крестьянам села Сасово. На них шесть рабочих производили продукции на 2 550 руб. В городе Спасске на двух кожевенных предприятиях семь рабочих выделывали кож на 5 200 руб.[37] В Шацке было развито рукавичное и сапожное производство.

К концу XIX в. заводы по обработке кож появлялись и в других городах губернии. Так, по данным на 1897 г., в Усмани функционировало довольно крупное кожевенное заведение с 26 работниками, было выработано 3 908 шт. кож на 19 460 руб. Сбыт продукции этого предприятия производился в самом городе и в Донской области[38].

В Тамбовской губернии, в местностях, специализировавшихся на производстве изделий из кожи, уже в первой половине XIX в. в фамильном антропонимиконе появились фамилии, образованные по профессиональному признаку: Кожины, Кожевниковы, Баранниковы, Телятниковы, Роговы и др.

[32] Юфть – кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегтю // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.; М., 1880–1882. Т. 4. С. 691.
[33] ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–21, 153–160.
[34] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1639. Ч. 2. Л. 78 об.
[35] Там же. Д. 1781. Ч. 3. Л. 55 об.
[36] Там же. Л. 621.
[37] ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Д. 19. Л. 1.
[38] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1781. Ч. 3. Л. 480.

Таблица 7

Кожевенные предприятия в городах Тамбовской губернии в конце XIX в. (1894 г.)

Владелец	Предприятие	Город	Производимая продукция, руб. в год	Кол-во рабочих, чел.
Клюев Михаил Степанович	Кожевенный завод (осн. 1794); вырабатывает мостовье*, сафьян, лайку и другие дубленые товары	Липецк	42 500	40
Огарков Василий Федорович	Кожевенный завод (осн. 1857); вырабатывает заготовленные сапожные, сыромятные кожи и дубленые товары	Усмань	16 500	27
Фадеева Мария Ильинична	Кожевенный завод (осн. 1830); вырабатывает мостовье, подошвенные товары, юфть и обрезки	Липецк	42 100	45

Источник: ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.
Примечания: * Мостовье – полуфабрикат кожевенного производства, шкуры крупного скота, выдубленные, но неотделанные.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволило выяснить, что в Тамбовской губернии в XIX в. шло формирование и развитие кожевенной промышленности, обеспечивавшей потребности местных городов с уездами, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Как и в других регионах России, кожевенное производство носило преимущественно кустарный и мелкопромышленный характер, что отражало промышленную специализацию региона.

Уже в первой четверти XIX в. выделялись наиболее развитые города Моршанск и Козлов и торгово-промышленное село Рассказово, в которых активно функционировали кожевенные предприятия, использовавшие вольнонаемный труд. В этих городах уже в доеформенный период формировались крупные производства, имевшие общероссийское значение: кожевенные заводы купцов Матвея Якжина, Егора Толмачева, Михаила Клюева и Василия Огаркова. Развитию кожевенной промышленности в Тамбовской губернии способствовало ее выгодное положение на скотопрогонном тракте из земли Войска Донского, Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерний в Москву и Санкт-Петербург.

Выявленные в архивах и опубликованных источниках статистические данные по временным срезам (1812, 1814, 1832, 1855, 1861–1866) показали, что предприятия кожевенной промышленности обеспечивали не только потребности жителей губернии (в таких товарах, как дубленые полушубки, овчины, сапоги, рукавицы, шапки и др.), но и продавались в Москве, Нижнем Новгороде и Владимире. Кожи и кожаные изделия были одним из главных предметов торговли на ярмарках.

В 1860-е гг. в городах губернии кожевенное производство по количеству предприятий уступало только салотопенному. Кожевенные предприятия принадлежали преимущественно купцам. Проведенный анализ источников показал, что на протяжении XIX в. кожевенное производство в губернии оставалось в основном кустарным. Если в первой трети XIX в. кожевенные заводы располагались в северной части губернии, в Моршанске и Темникове, то в конце XIX в. заведения по выделке кож также функционировали на степном юге Тамбовской губернии, в городах Липецке и Усмани.

Литература

Акользина М.К. Источниковая база для изучения предпринимательской деятельности провинциального купечества первой половины XIX в.: ресурсы региональных архивов

(по материалам Государственного архива Тамбовской области) // Тульский научный вестник: Сер.: История. Языкознание. 2022. № 4 (12). С. 23–31.

Виту В.Ф. Кожевенные предприятия купцов Тобольской губернии в XVIII – первой четверти XIX в.: на примере Тюменских династий // Бизнес. Общество. Власть. 2023. № 1-2 (47-48). С. 59–65.

Григорова В.А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2017.

Демкин А.В. Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. М.: Ин-т российской истории, 2008. 392 с.

Демкин А.В. Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX века (региональный аспект) // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России: материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Александра Александровича Преображенского (Москва, ноябрь 2005 г.). М.: Ин-т российской истории РАН, 2010. С. 272–279.

Житин Р.М. Промышленность Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века. Тамбов, 2015.

Задорожняя О.А. Кожевенные предприятия купцов Тобольской губернии (1775–1824 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут. 2017. № 1. С. 24–29.

Копылов Д.И. Развитие капиталистических отношений в кожевенной промышленности Западной Сибири XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1975. С. 48–71.

Копылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII – первой трети XIX в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.

Лаптев Р.А. История кожевенно-обувной отрасли российской индустрии: конец XVIII – начало XX веков: На примере Курского региона: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2005.

Леднев А.П. Купечество Нижегородской губернии в пореформенный период XIX века (сословно-социальный портрет и роль в общественно-экономическом развитии региона): дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2022.

Ледров С.М. Кожевенная промышленность нижегородского края в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998.

Литовский А.Н. Процесс формирования мануфактурных центров Тамбовской губернии XVIII веке // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 185. С. 191–201.

Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947. 763 с.

Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж: ВГПУ, 2005. 203 с.

Рыбников А.А. Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923. 113 с.

Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). М., 1966. 261 с.

Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность (ремесло и мелкотоварное производство) // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 62–117.

Сайфутдинова О.П. Кожевенное производство на территории Башкирии во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2023.

Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. М., 1995. 277 с.

Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1926. 448 с.

Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 252 с.

Ульянова Г.Н. Торговля мясом в Москве в первой половине XIX веке: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой: сб. науч. ст. Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования. Вып. 163. М., 2023. С. 168–186.

Черненко Д.А. Экономика городов Орловской и Тамбовской губерний в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам Генерального межевания) // Историческая информатика. 2020. № 4. С. 62–79.

Чиркин С.А. Развитие крестьянских промыслов Вятской губернии в конце XIX – первой четверти XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009.

References

Akolzina, M.K. (2022). Istochnikovaya baza dlya izucheniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti provintsial'nogo kupechestva pervoy poloviny XIX v.: resursy regional'nykh arkhivov (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Tambovskoy oblasti) [Source Base for Studying the Entrepreneurial Activities of the Provincial Merchants of the First Half of the 19th Century: Resources of Regional Archives (Based on Materials From the State Archive of the Tambov Region)]. In *Tul'skiy nauchnyy vestnik: Seriya: Istoriya. Yazykoznanie.* No. 4 (12), pp. 23–31.

Chernenko, D.A. (2020). Ekonomika gorodov Orlovskoy i Tambovskoy guberniy v kontse xviii – nachale xix v. (po materialam general'nogo mezhevaniya) [Economics of the Cities of the Oryol And Tambov Provinces in the Late 18th – Early 19th Centuries (Based on the Materials of the General Land Survey)]. In *Istoricheskaya informatika.* No. 4, pp. 62–79.

Chirkin, S.A. (2009). *Razvitie krest'yanskikh promyslov Vyatskoy gubernii v kontse XIX – pervoy chetverti XX vv.* [Development of Peasant Crafts of the Vyatka Province at the End of the 19th – the First Quarter of the 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. Nizhny Novgorod.

Demkin, A.V. (2008). *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Rossii v kontse XVIII – nachale XIX v.* [Manufacturing Industry of Russia in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii. 392 p.

Demkin, A.V. (2010). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Rossii v kontse XVIII – nachale XIX v. (Regionalnyy aspekt) [Manufacturing Industry of Russia in the Late 18th – Early 19th Centuries (Regional Aspect)]. In *Problemy ekonomicheskoy i sotsiokul'turnoy istorii feodal'noy Rossii: materialy konf., posvyashch. 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. Aleksandra Aleksandrovicha Preobrazhenskogo (Moskva, noyabr' 2005 g.)*. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, pp. 272–279.

Grigorova, V.A. (2017). *Kustarnye promysly Tsentral'nogo Chernozem'ya i ikh vliyanie na razvitie promyshlennogo proizvodstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Handicrafts of the Central Black Earth Region and their Influence on the Development of Industrial Production in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. Voronezh.

Kopylov, D.I. (1974). Razvitie obrabatyvayushchey promyshlennosti g. Tyumeni v kontse XVIII – pervoy treti XIX v. [The Development of the Manufacturing Industry in Tyumen at the End of the 18th – the First Third of the 19th Century]. In *Goroda Sibiri (ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period)*. Novosibirsk.

Kopylov, D.I. (1975). Razvitie kapitalisticheskikh otnosheniy v kozhevennoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri XVIII – pervoy treti XIX vv. [Development of Capitalist Relations in the Leather Industry of Western Siberia of the 18th – the First Third of the 19th Centuries]. In *Iz istorii Sibiri*. Iss. 17. Tomsk, pp. 48–71.

Laptev, R.A. (2005). Istoriya kozhevenno-obuvnoy otrasli rossiyskoy industrii: konets XVIII – nachalo XX vekov: Na primere Kurskogo regiona [History of the Leather And Footwear Industry of the Russian Industry: Late 18th – Early 20th Centuries: Using the Example of the Kursk Region], Cand. hist. sci. diss. Kursk.

Lednev, A.P. (2022). Kupechestvo Nizhegorodskoy gubernii v poreformennyy period XIX veka (soslovno-sotsial'nyy portret i rol' v obshchestvenno-ekonomicheskom razvitii regiona) [Merchants of the Nizhny Novgorod Province in the Post-Reform Period of the 19th Century (Estate

and Social Portrait and Role in the Socio-Economic Development of the Region)], Cand. hist. sci. diss. Nizhniy Novgorod.

Ledrov, S.M. (1998). Kozhevennaya promyshlennost' nizhegorodskogo kraya v posledney chetverti XVIII – nachale XX veka [Leather Industry of the Nizhny Novgorod Region in the Last Quarter of the 18th – Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. Nizhniy Novgorod.

Lithuanian, A.N. (2020). Protsess formirovaniya manufakturnykh tsentrov Tambovskoy gubernii XVIII veke [The Process of Forming Manufactory Centers of the Tambov Province of the 18th Century]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* Vol. 25, No. 185, pp. 191–201.

Lyubomirov, P.G. (1947). *Ocherki po istorii russkoy promyshlennosti XVII, XVIII i nachala XIX veka.* [Essays on the History of Russian Industry of the 17th 17th, 18th and Early 19th Centuries]. Moscow. 763 p.

Perepelitsyn, A.V., Fursov, V.N. (2005). *Krest'yanskoe khozyaystvo tsentral'no-chernozemnykh guberniy Rossii v poreformennyy period* [Peasant Economy of the Central Black Earth Provinces of Russia in the Post-Reform Period]. Voronezh, VGPU. 203 p.

Rybnikov, A.A. (1923). *Melkaya promyshlennost' Rossii. Sel'skie remeslenno-kustarnye promysly do voyny* [Small Industry of Russia. Rural Artisanal Crafts Before the Great Patriotic War]. Moscow. 113 p.

Ryndzyunsky, P.G. (1959). Melkaya promyshlennost' (remeslo i melkotovarnoe proizvodstvo) [Small Industry (Craft and Small-Stock Production)]. In *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii pervoy poloviny XIX veka.* Moscow, pp. 62–117.

Ryndzyunsky, P.G. (1966). *Krest'yanskaya promyshlennost' v poreformennoy Rossii (60–80-e gg. XIX v.)* [Peasant Industry in Pre-Reform Russia (60–80s 19th Century)]. Moscow. 261 p.

Saifutdinova, O.P. (2023). *Kozhevennoe proizvodstvo na territorii Bashkirii vo vtoroy polovine XIX – pervoy treti XX v.* [Leather Production in Bashkiria in the Second Half of the 19th – the First Third of the 20th Century], Cand. hist. sci. diss. Kazan.

Tarnovsky, K.N. (1995). *Melkaya promyshlennost' dorevolyutsionnoy Rossii* [Small Industry of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow. 277 p.

Tugan-Baranovsky, M. (1926). *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoy fabriki v XIX veke* [Russian Factory in the Past and Present. The Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century]. Moscow. 448 p.

Ulyanova, G.N. (2023). Torgovlya myasom v Moskve v pervoy polovine XIX veke: dostavka, prodazha, tseny [Meat Trade in Moscow in the First Half of the 19th Century: Delivery, Sale, Prices]. In *Goroda i lyudi staroy Rossii. K yubileyu professora N.V. Kozlovoy: sb. nauch. st. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Ser. II: Istoricheskie issledovaniya.* Iss. 163. Moscow, pp. 168–186.

Ulyanova, G.N. (2021). Kupchikhi, dvoryanki, magnatki. Zhenschiny-predprinimatelnitsy v Rosii XIX veka [Kupchikha, Noblewoman, Magnate. Women Entrepreneurs in Russia of the 19th Century. Moskow, Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p.

Vitu, V.F. (2023). Kozhevennye predpriyatiya kuptsov Tobol'skoy gubernii v XVIII – pervoy chetverti XIX v.: na primere Tyumenskikh dinastiy [Leather Enterprises of Merchants of the Tobolsk Province in the 18th – First Quarter of the 19th Century: On the Example of the Tyumen Dynasties]. In *Biznes. Obshchestvo. Vlast'.* No. 1-2 (47-48), pp. 59–65.

Zadorozhnaya, O.A. (2017). Kozhevennye predpriyatiya kuptsov Tobol'skoy gubernii (1775–1824 gg.) [Leather Enterprises of Merchants of the Tobolsk Province (1775–1824)]. In *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura.* Surgut. No. 1, pp. 24–29.

Zhitin, R.M. (2015). *Promyshlennost' Tambovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka* [Industry of the Tambov Province in the Late XIX – Early 20th Centuries]. Tambov.

В.П. Микитюк*

РОЛЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ САЛОМ В КОНЦЕ XVIII – XIX ВЕКЕ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-6
УДК 65+323.328(470.5)"17/18"

Выходные данные для цитирования:
Микитюк В.П. Роль екатеринбургского купечества в развитии межрегиональной торговли салом в конце XVIII – XIX веке // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 101–108. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-06.pdf

V.P. Mikityuk*

THE ROLE OF YEKATERINBURG MERCHANT CLASS IN THE DEVELOPMENT OF INTERREGIONAL TRADE IN LARD THE END OF 18TH – 19TH CENTURIES

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-6

How to cite:
Mikityuk V.P. The Role of Yekaterinburg Merchant Class in the Development of Interregional Trade in Lard the End of 18th – 19th Centuries // historical courier, 2023, no. 5 (31), pp. 101–108. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-06.pdf]

Abstract. In the 18th–19th centuries lard trade played an important role in the economy of the Russian Empire. This trade had both local and interregional character. Entrepreneurs of many Russian regions, including the Urals, were interested in this type of business activity. The article examines the participation and role of Yekaterinburg merchants in the interregional trade in lard in the last quarter of the 18th–19th centuries, as well as the methods of procurement operations (purchase of raw bacon, melted bacon and cattle), the organization of processing of raw materials and the mechanism of delivery of finished products to major ports for export to Europe, primarily to Great Britain. The studied materials allow us to assert that the presence of a number of favorable factors allowed Yekaterinburg merchants to become some of the leaders of the Urals-Siberian region in this type of trade for a relatively short period of time. The article notes that the success of local merchants attracted the attention of entrepreneurs from other cities to Yekaterinburg. They took leading positions in the lard trade over time. Participation in the lard trade and organization of bacon production have been one of the leading activities of Yekaterinburg merchants for a long time. The increased competition on the part of merchants from other regions, the decline in demand for lard because of a technical progress, the strengthening of sanitary control measures during transporting livestock in the last quarter of the 19th century cooled down the interest of the Yekaterinburg merchant class to the lard trade. Only individual entrepreneurs continued to be engaged in this kind of activity aimed mainly at satisfying local needs.

Keywords: entrepreneurship, merchants, lard trade, water transportion, animal transportation, Urals, Ekaterinburg, Ishim fair, Irbit fair, Russian-British trade, Great Britain.

The article has been received by the editor on 30.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В XVIII–XIX вв. в экономике Российской империи заметную роль играла торговля салом, имевшая как местный, так и межрегиональный характер. К этому виду предпринимательской деятельности проявляли интерес предприниматели многих российских регионов, в том числе Урала. В статье рассматривается участие и роль екатеринбургского купечества в межрегиональной торговле салом в последней

* **Владимир Петрович Микитюк,** кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: vmikitjuk@mail.ru
Vladimir Petrovich Mikityuk, Candidate of Historical Sciences, Institute of the History and Archaeology of Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: vmikitjuk@mail.ru

четверти XVIII – XIX вв., изучаются способы закупочных операций (покупка сала-сырца, топленого сала и скота), организация переработки сырья и механизм доставки готовой продукции в крупные порты для экспорта в Европу, прежде всего в Великобританию. Изученные материалы позволяют утверждать, что наличие ряда благоприятных факторов позволило екатеринбургским купцам на сравнительно короткий срок стать одними из лидеров Урало-Сибирского региона в этом виде торговли. В статье отмечается, что успехи местных купцов привлекли внимание к Екатеринбургу иногородних предпринимателей, занявших со временем лидирующие позиции в торговле салом. Участие в торговле салом и организация салотопенного производства долго являлись одним из ведущих направлений деятельности екатеринбургских купцов. Рост конкуренции со стороны купечества других регионов, снижение спроса на сало из-за технического прогресса, усиление мер санитарного контроля при транспортировке скота в последней четверти XIX в. охладили интерес екатеринбургского купечества к торговле салом. Лишь отдельные предприниматели продолжили заниматься этим видом деятельности, направленным в основном на удовлетворение местных потребностей.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, торговля салом, водный транспорт, гужевой транспорт, Урал, Екатеринбург, Ишимская ярмарка, Ирбитская ярмарка, русско-британская торговля, Великобритания.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023 г.

Длительный период времени предприниматели Урала, не связанные с горнозаводским сектором региональной экономики, значительную часть своего внимания уделяли торговле продукцией сельского хозяйства, в том числе скотоводства. В Пермской губернии в конце XVIII – начале XX в. животноводческая отрасль не относилась к хорошо развитым, поэтому сбыт скота и другой продукции имел в основном местное значение, но начиная с последней четверти XVIII в. ситуация в сфере торговли продукцией скотоводства стала меняться.

Возросший интерес коммерсантов к этому виду торговли объясняется несколькими причинами. Во-первых, растущее население Пермской губернии остро нуждалось и в рабочем скоте, и в мясе. Во-вторых, расширение границ России и наведение порядка в приграничных районах упростили и более или менее обезопасили процесс закупки скота на территории Средней Азии и его доставку в места назначения. В-третьих, налицо был постоянный спрос на вышеупомянутые виды животноводческой продукции и в России, и в Европе, прежде всего в Великобритании.

Данные факторы стимулировали развитие торговли скотом и салом. Высокий спрос на последнее, присущий как промышленности Великобритании, так и салотопенным, свечным, мыловаренным и другим заводам, разбросанным по Российской империи, привлек к торговле салом внимание коммерсантов из разных регионов, в том числе Малороссии, Поволжья, Западной Сибири и Урала. Они увидели возможность хорошо заработать. Большую часть XVIII в. Российская империя была основным поставщиком сала в Европу. Эта тенденция сохранялась и в начале XIX в.

Екатеринбургские коммерсанты стали проявлять интерес к торговле скотом и салом с начала 1770-х гг. То есть это произошло в тот момент, когда Екатеринбург еще не имел статуса города и не обладал такими городскими сословиями, как купечество и мещанство. Однако в заводе-крепости постоянно проживало немало иногородних коммерсантов, а в окрестных селениях было много зажиточных крестьян, ведущих крупную торговлю. Наиболее значительными торговыми операциями отличались деревня Становая и село Шарташ, в которых в основном жили старообрядцы. Шарташцы настолько преуспели

в сфере предпринимательства, что за их селом закрепилось наименование «торгово-промыслового»[1].

После получения Екатеринбургом статуса города (1781 г.) началось формирование екатеринбургского купечества, ядро которого составили бывшие крестьяне с. Шарташ. На рубеже XVIII–XIX вв. в купеческое сословие приписались Баландины, Блохины, Верходановы, Калашниковы, Казанцевы, Коробковы, Рязановы, Тарасовы и некоторые другие. Часть из новоявленных купцов обладала сравнительно крупными капиталами, заработанными благодаря различным торговым операциям, в том числе поставкам съестных припасов на уральские металлургические заводы. Накопленные капиталы можно было использовать для инвестиций в новые виды предпринимательства, в том числе в торговлю салом и скотом.

Относительно быстро екатеринбургские купцы сумели занять ведущие позиции в торговле салом и скотом (быками и баранами). Этому содействовал ряд благоприятных факторов. Едва ли не ключевую роль среди них играло выгодное местоположение города. Потомственный почетный гражданин А.М. Плешанов в докладной записке на имя министра внутренних дел П.А. Валуева заметил по этому поводу: «Екатеринбург есть как бы ворота Европы с Азией, пункт важный как для Уральского края, так и в государственной экономии, чрез который идут все сибирские произведения в Россию, и этого пути нельзя миновать»[2]. Вышеприведенная цитата относится к 1860-м гг., но оценка роли Екатеринбурга, данная в ней, в целом верна и для последней четверти XVIII – начала XIX в. Выгодность местоположения Екатеринбурга, игравшего важную роль в организации товарообмена между Европейской Россией и Сибирью, заключалась и в наличии путей сообщения местного и межрегионального значения, позволявших использовать гужевой и водный транспорт.

К другим благоприятным факторам можно отнести наличие у екатеринбургских купцов крупных капиталов и деловой хватки, относительно невысокий на первых порах уровень конкуренции, установление неплохих взаимоотношений с местными органами власти, в первую очередь с горным ведомством, игравшим в Пермской губернии исключительно важную роль. Все это вместе взятое позволило екатеринбургским купцам в конце XVIII – начале XIX в. выдвинуться на одно из ведущих мест в торговле салом.

Торговля салом включала в себя операции по закупке сырья, его доставку в Екатеринбург и последующую отправку в пункты назначения, как ближайшие, так и отдаленные. Екатеринбургские купцы сравнительно редко приобретали сырье из первых рук, чаще всего оно покупалось у посредников. С этой целью были установлены связи с коммерсантами Сибири и Южного Урала, в том числе Ишима, Оренбурга, Троицка, Тюмени, Тобольска и др. Как правило, сделки по закупке сала либо оплачивались наличными, либо имели меновой характер[3]. Последнее было характерно прежде всего в тех случаях, когда в качестве партнеров выступали так называемые киргиз-кайсаки, предки современных казахов и киргизов, проживавшие как на территории Российской империи, так и за ее пределами. Совершая с ними сделки, екатеринбургские купцы предлагали уральские металлы и изделия из них, а также галантерейные, кожевенные и мануфактурные товары.

Практика ведения торговых операций с салом подтолкнула некоторых екатеринбургских купцов к идее устройства салотопенных заводов, причем в самом Екатеринбурге. По сути дела, торговля салом настоятельно диктовала торговцам необходимость перехода к салотоплению, так как совмещение торговли с производством гарантировало более высокую прибыль.

Совершая сделки, коммерсанты в основном приобретали сало-сырец и топленое сало. Под первым понимался жир, снятый с животных, под вторым – сало, очищенное от некоторых примесей. Екатеринбуржцы на первых порах покупали и сало-сырец, и топленое сало, не рассчитывая при этом на высокую прибыль. Оба продукта были скоропортящимися,

[1] *Байдин В.И.* Иван Родионович Казанцев // Главы городского самоуправления Екатеринбурга. Екатеринбург, 2008. С. 52.
[2] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 90. Л. 8 об.
[3] *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. III. С. 201.

сложными при перевозке, требовали дополнительной переработки. Операции по их закупке были более или менее выгодными, если сало-сырец и топленое сало приобретались на рынках, ближайших к Екатеринбургу, и предназначались для местных нужд. Многое зависело и от количества закупаемого сырья.

Какое-то время екатеринбуржцы довольствовались покупкой сала на ближайших рынках Екатеринбургского, Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии, но со временем начали отправляться за приобретением сырья во все более отдаленные местности, в том числе в степи современного Казахстана. Необходимость таких путешествий объясняется в первую очередь высоким качеством сала, получаемого от переработки степного скота, прежде всего баранов. Большие затраты на покупку сырья в отдаленных местностях и его транспортировку побудили екатеринбургских купцов изменить подход к приобретению сала. Не отказываясь от покупки сала-сырца и топленого сала, они одновременно стали увеличивать закупки живого пригоняемого скота (быков и баранов).

Благодаря подобной практике Екатеринбург постепенно превратился в один из важнейших центров торговли салом в Урало-Сибирском регионе. Уже в начале XIX в. была заметна важная роль екатеринбургских купцов в торговле салом: «В самом большом количестве продается оно в Екатеринбурге, откуда развозится в разные заводы и города, особливо ж больше других мест в г. Пермь»[4].

Увеличение закупок скота сопровождалось открытием в Екатеринбурге ряда салотопенных заводов. Этот процесс начался еще в 1770-х гг. Заметных размеров он достиг на рубеже XVIII–XIX вв. Екатеринбуржцы в этот период занимали ведущие позиции в салотопенной отрасли Пермской губернии, что отмечалось современниками: «Важнейшие салотопенные заводы находятся в Екатеринбурге, где в 1800 г. было оных 10; на них вытапливается сала ежегодно почти на 470 000 руб.»[5].

К открытию салотопен екатеринбургских купцов и мещан подтолкнуло не только понимание того, что перепродажа полуфабрикатов менее выгодна, нежели торговля готовой продукцией, но и другое важное обстоятельство. Владельцы российских салотопенных заводов за счет участия в экспорте сала в Европу, в основном в Великобританию, получали неплохую прибыль. Кроме того, они имели солидные доходы благодаря поставкам сала на свечные и мыловаренные заводы, в большом количестве имеющиеся в разных регионах России.

Все эти обстоятельства были давно известны екатеринбургским купцам, но сложности с закупкой и доставкой скота, большая удаленность от главных экспортных центров России какое-то время удерживали екатеринбуржцев от устройства салотопен. Со временем настроения екатеринбургских купцов изменились, некоторые из них обзавелись салотопнями. Как правило, именно владельцы салотопенных заводов лидировали и в сфере производства, а также в закупке сырья и при сбыте готовой продукции. Эта группа заводовладельцев (Казанцевы, Романовы, Рязановы, Черепановы, Тарасовы и др.) пользовалась настолько широкой известностью, что за ними закрепилось наименование екатеринбургских «сальников».

Развитие салотопенного дела требовало от «сальников» немалых усилий по организации доставки сырья и полуфабрикатов, а также вывозу готовой продукции. При закупке сырья им не надо было ничего изобретать. В Урало-Сибирском регионе постепенно сложилась практика торговли салом-сырцом и топленым салом, и она долгое время почти не изменялась. В соответствии с ней сырье мелкими партиями попадало к скупщикам, которые переправляли его на ярмарки – Никольскую (г. Ишим), Дмитриевскую (г. Курган) и некоторые другие. Екатеринбуржцы, ведущие оптовую торговлю, посещали Ишим, Курган и Петропавловск либо самостоятельно, либо отправляли туда приказчиков. В это же время сибирские купцы, скупая сало-сырец и топленое сало, доставляли их на Ирбитскую, Крестовско-Ивановскую (Шадринский уезд) и Афанасьевскую (г. Шадринск) ярмарки. Транспортировка

[4] *Попов Н.С.* Хозяйственное описание… С. 202.
[5] Там же. С. 202.

большой массы грузов хотя и была непростой, но в то же время не требовала ни значительных усилий, ни слишком больших затрат. И в Сибири, и на Урале было немало грунтовых дорог, имелся в достаточном количестве гужевой транспорт. Кроме того, с 1840-х гг. в Сибири развивался водный транспорт (о чем подробно будет сказано далее), что также облегчало перевозку сырья.

Более сложной была ситуация с доставкой скота, купленного в Акмолинской и Семипалатинской областях, так как она была возможна только, что называется, своим ходом. В течение последней четверти XVIII – первой половине XIX в. эти области и Урал связало немало грунтовых дорог, а также скотопрогонных трактов, которые использовались екатеринбургскими купцами. Из-за большого расстояния процесс доставки скота в Екатеринбург растягивался на несколько месяцев.

Начиналась операция по покупке быков и баранов летом: «Главное место сбора скота есть ярмарка при озере Таинчи-Куль Акмолинской области в 110 верстах от г. Петропавловска, где ежегодно с 15 июля по 1 августа бывает ярмарка прямо в степи, продолжающаяся иногда и до осени; на эту ярмарку киргизы сгоняют скот постепенно от уездов Акмолинского, Кокчетавского и Петропавловского Акмолинской области и уездов Баян-Аульского, Павлодарского и Каркаралинского Семипалатинской области. Приблизительно на ярмарку пригоняется 1000 лошадей, 20 тысяч голов крупного рогатого скота и 600 тысяч баранов. С Таинчи-Кульской ярмарки купленный скот гонится в разные стороны»[6], в том числе в Петропавловск и Ишим.

Значительная часть приобретенного скота доставлялась в Екатеринбург. Так, в 1869 г. в Петропавловске и Ишиме екатеринбуржцы приобрели по 80 тыс. баранов[7]. Преодолев своим ходом сотни верст, быки и бараны в осенние месяцы отправлялись на бойни. После забоя основная масса сырья шла на заводы, в том числе салотопенные. Зимой и в начале весны производилось салотопление и операции по дополнительной очистке сала, его беление. Затем начинался процесс укупорки сала в бочки и подготовка его к отправке. С помощью гужевого транспорта бочки доставлялись на речные пристани. После ледохода грузы отправлялись по рекам Чусовой, Каме и Волге в пункты назначения. Как правило, операционный год «сальников» был равен почти 12 месяцам, но в тех случаях, когда речным караванам приходилось зимовать, он мог растянуться на два календарных года.

Возможность отправки готовой продукции водным путем была одним из главных преимуществ екатеринбуржцев при организации межрегиональной торговли. К тому же транспортировка грузов по Чусовой, Каме и Волге была уже отлажена: в XVIII – первой половине XIX в. по этим рекам активно транспортировалась продукция казенных и частных металлургических заводов. На Чусовой и Каме казной и частными горнозаводчиками были устроены десятки пристаней. Казенные пристани были доступны и частным грузоотправителям, в том числе «сальникам». В первую очередь это относится к таким пристаням на Чусовой, как Крыласовская и Мартьяновская. В 1867 г. на Крыласовскую пристань было доставлено 136 300 пудов сала на 326 508 руб., а на Мартьяновскую – 225 255 пудов на 504 768 руб.[8]

При использовании водного транспорта «сальники» сталкивались и с проблемами. Одна из них заключалась в том, что для плавания по Чусовой, Каме и Волге нужно было использовать суда разных типов. Это приводило к тому, что после завершения плавания по Чусовой приходилось перегружать бочки с салом с одних судов на другие, которые и доставляли их до пунктов назначения. Вторая проблема – отсутствие частных транспортных фирм, услугами которых можно было воспользоваться. В силу этого «сальникам» приходилось самим заниматься сооружением речных судов (барок, полубарок, коломенок, паузков и т.д.). Эта процедура повторялась ежегодно, так как суда по завершении плавания по Чусовой шли на дрова, поскольку отправиться назад, т.е. против течения, они не могли.

[6] ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 115. Л. 48–48 об.
[7] Внутренние известия // Пермские губернские ведомости. 1869. № 68. С. 316.
[8] Судоходство по рекам России // Журнал министерства путей сообщения. 1867. Т. VI. С. 257.

«Сальники» устранили все препятствия и наладили доставку товаров до пунктов назначения. Они нашли понимание у чиновников горного ведомства и получили возможность покупать лес, необходимый для судостроения, в казенных лесных дачах. Недостатка в мастерах, способных построить суда, не было, так как в селениях близ пристаней жили государственные крестьяне, занимавшиеся судостроением. Екатеринбургские купцы, отправлявшие грузы в больших количествах, заказывали сооружение десятков судов. Так, купец А.И. Подсосов в 1848 г. заказал 11 барок[9], екатеринбургский купеческий сын М.В. Бородин в 1875–1876 операционном году заказал 13 судов, сооружение которых шло близ с. Крыласовского (Кунгурский уезд Пермской губернии). В плавание, помимо 13 новых судов, он смог отправить еще три барки и два паузка, оставшихся от прошлого операционного года[10].

Грузы «сальников», проделав путь по Чусовой, Каме и Волге, и дальше транспортировались по рекам, достигая конечных пунктов – портов Таганрога и Санкт-Петербурга. Документов, свидетельствующих, что екатеринбуржцы напрямую имели дело с иностранными покупателями, не выявлено. Известно, что екатеринбургские поставщики сала предпочитали иметь дело с комиссионерами. В 1820-х гг. таким комиссионером был петербургский купец Ф.А. Баранов, а во второй половине XIX в. многие екатеринбуржцы сбывали сало, пользуясь услугами нарвского купца 2-й гильдии П.А. Галова[11].

В XIX в. участие екатеринбургских купцов в межрегиональной торговле салом знало и взлеты, и падения: сильное влияние на него, нередко негативное, оказывали различные внешние и внутренние факторы. К внешним негативным факторам можно отнести континентальную блокаду, Крымскую войну 1853–1856 гг., появление крупных поставщиков сала в Европу в лице Австралии и США, развитие технического прогресса, заметно снизившее потребление сальных свечей.

Внутренних факторов также было немало. Не последнее место в этом ряду занимал быстрый рост конкуренции, сильно сказывавшийся на торгово-промышленной деятельности «сальников». Уже в первые десятилетия XIX в. опасными соперниками в операциях с салом стали предприниматели Южного Урала (Троицка, Оренбурга) и Сибири (Ишима, Петропавловска, Тюмени и других городов). Интерес к торговле салом и салотоплению проявляло также купечество ряда городов Пермской губернии – Кунгура, Перми и Шадринска.

В отдельные годы конкурентам удавалось опережать екатеринбуржцев. В 1828 г. в Пермской губернии имелось 10 салотопен: одна находилась в Кунгуре, три в Шадринске и шесть в Екатеринбурге. По числу заводов екатеринбуржцы лидировали, но по объему производства они откатились на второстепенные позиции. Десятью салотопнями за год было произведено более 200,4 тыс. пудов сала, причем более 100 тыс. пудов выдала салотопня шадринского купца Ф.Г. Фетисова. Из екатеринбургских салотопен лишь заведения купца 1-й гильдии С.Ф. Черепанова и мещанки Ф. Коробковой дали за год по 20 тыс. пудов, на остальных же объем производства был еще меньше и колебался от 100 до 1 500 пудов. Всего шестью заводами было произведено 42,5 тыс. пудов сала[12].

Екатеринбуржцы, временно сдав позиции, позднее их восстановили: они нарастили закупки скота, сала-сырца, топленого сала, увеличили объем производства. Выросло и число салотопен. В 1837 г. в городе работало уже 11 салотопенных заведений[13]. В 1840-х и в 1850-х гг. вновь имели место спады, однако к началу 1860-х гг. екатеринбургские купцы снова были на ведущих позициях: «Из городов по салотопенному производству первое место занимает Екатеринбург, в котором вырабатывается несколько меньше половины всего количества сала»[14]. В 1860 г. в Пермской губернии было 44 салотопни, и они произвели продукции на 2 693 701 руб. Объем производства екатеринбургских салотопенных заводов (их насчиты-

[9] ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1663. Л. 401.
[10] ГАСО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 952. Л. 8 об.
[11] ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1855. Л. 79.
[12] Состояние фабрик и заводов Пермской губернии // Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 8. С. 79–80.
[13] *Горловский М.А.* Горный город Екатеринбург. 1807–1863. Свердловск, 1948. С. 36.
[14] *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. II. С. 153.

валось шесть) в денежном выражении составил 1 262 592 руб.[15] Таким образом, екатеринбургские «сальники» дали 46,87 % от общего объема производства в губернии.

Подобные результаты стали следствием значительных инвестиций со стороны екатеринбургских предпринимателей в салотопенное дело, торговлю скотом и салом. Торгово-промышленные операции, связанные с этим родом деятельности, стали для екатеринбуржцев одними из основных в их деловой практике наряду с торговлей хлебом, водкой и добычей золота, превратив «сальников» в одну из авторитетнейших предпринимательских групп Урало-Сибирского региона.

Отряд екатеринбургских «сальников» никогда не был слишком большим. На сегодняшний день удалось, главным образом по архивным документам, выявить 76 екатеринбуржцев, которые в последней четверти XVIII – XIX в. вели торговлю салом и занимались салотоплением. Наиболее крупных успехов и в том и в другом добились купцы И.Д. и К.Я. Баландины, В.М. и М.В. Бородины, С.Ф. и Е.Т. Жиряковы, В.К. и Ф.Ф. Казанцевы, М.А. Нуров, Е.М., М.М. и П.М. Ошурковы, М.М. и А.М. Плешановы, А.И. и Е.А. Подсосовы, Я.М. и И.Я. Рязановы, И.С. и П.И. Тарасовы, С.Ф. Черепанов. Для ряда купеческих семей салотопенное дело было одним из основных направлений предпринимательской деятельности на протяжении как минимум трех поколений. Именно так обстояло дело с семействами Баландиных, Казанцевых и Тарасовых, чья деятельность зафиксирована в период с конца XVIII в. по 1880-е гг.

Среди перечисленных «сальников» не все принадлежали к коренным жителям Екатеринбурга. Иногороднее купечество быстро отреагировало на успехи екатеринбургских купцов и, начиная со второй четверти XIX в., стало обосновываться в Екатеринбурге, учреждая в нем филиалы своих фирм, обзаводясь жилыми домами, салотопенными, свечными и другими заводами. Это процесс продолжался около 30–40 лет.

Еще в 1840-х гг. в Екатеринбурге появились арзамасские купцы Подсосовы и Фадеевы, в 1850-х гг. за ними последовали ростовские купцы Плешановы, в конце 1860-х гг. в ряды екатеринбургских «сальников» влились петербургские купцы Губбарды и шадринские торговцы Жиряковы. Позже других интерес к Екатеринбургу проявили казанские купцы Крестовниковы. Часть иногородних купцов со временем приписалась в екатеринбургское купечество (Бородины, Жиряковы, Фадеевы), другие, даже подолгу проживая в Екатеринбурге, тем не менее сохраняли место прежней приписки (Подсосовы, Плешановы).

Появление иногородних купцов в Екатеринбурге привело к результатам несколько парадоксальным. Губбарды, Подсосовы, Плешановы, обладавшие немалыми капиталами, с конца 1860-х гг. стали доминировать как при покупке скота, сала-сырца и топленого сала, так и в сфере торговли готовой продукцией. Их позиции были крепки и в области производства сала, сальных и стеариновых свечей. Большинству коренных екатеринбуржцев было сложно соперничать с новыми конкурентами. Зимой 1871/1872 гг. торговцы приобрели в Сибири партию сала в 842 тыс. пудов, из этого количества чуть менее половины было куплено казанскими купцами Крестовниковыми (197 тыс. пудов, или 23,4 %) и петербургской фирмой «Губбард и К°» (192 тыс. пудов, или 22,8 %). Из коренных екатеринбуржцев наибольшую партию сала приобрела К.А. Баландина (70 тыс. пудов, или 8,31 %). В целом иногородние купцы сумели потеснить екатеринбуржцев как при закупке сырья, так и при продаже готовой продукции. Однако в то же самое время они содействовали тому, чтобы Екатеринбург остался в лидерах в межрегиональной торговле салом.

Конкурентная борьба с представителями иногороднего купечества не стала фатальной для екатеринбуржцев. И тем и другим во второй половине XIX в. пришлось приспосабливаться к быстро меняющимся условиям. Очень серьезные изменения произошли в операции, связанной с перегоном гуртов скота. Какое-то время гуртовщики делали это почти без надзора, что вызывало массовые жалобы землевладельцев, страдавших от вытаптывания посевов и потрав, от эпизоотий, заносимых больными животными, которые следовали в гуртах, и т.д.

[15] *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России… С. 150.

Властные структуры отреагировали на жалобы принятием ряда законов и правил, регулирующих скотопрогонные операции. В частности, был введен санитарный надзор за состоянием скота, определены дороги для прогона скота, в некоторых случаях гуртовщикам было вменено в обязанность при доставке скота использование железнодорожного транспорта. Эти меры существенным образом снизили прибыли от торговли скотом и заставили многих «сальников» не только сократить ее до минимума, но и сделать основную ставку на приобретение сала.

Однако и в этой сфере у екатеринбуржцев наметились проблемы. Купечество Южного Урала, Сибири, Поволжья и других регионов все с большей активностью принимало участие в закупках топленого сала и готовой продукции, соперничая в этом деле с екатеринбургскими «сальниками». Омские купцы Ботовы, курганские купцы Папуловы, троицкие купцы Зарубины, тобольские купцы Колмаковы – вот далеко не полный перечень конкурентов екатеринбургских «сальников».

Активная фаза конкурентной борьбы заняла у екатеринбуржцев и их соперников не одно десятилетие, но ни одной противоборствующей стороне не удалось достичь решительной победы. К концу XIX в. перспективность салотопления и торговли салом не только в Урало-Сибирском регионе, но и во всей России резко снизилась. У этого явления были вполне объективные причины. Развитие технического прогресса, породившее распространение новых способов освещения рудников, заводов и других помещений, привело к резкому снижению потребления сальных свечей в Европе, в том числе в Великобритании. В результате этого экспорт сала перестал быть прибыльной операцией. Спрос на сальные свечи в России также снижался.

На эти изменения екатеринбургские «сальники» и их конкуренты отреагировали схожим образом. Многие российские салотопни были закрыты, объемы закупок сала-сырца, топленого сала и продажи готовой продукции существенно снижены. Коммерсанты, занимавшиеся торговлей салом, стали искать иные варианты для приложения капитала. Межрегиональная торговля салом, однако, сохранилась, и екатеринбуржцы продолжили в ней свое участие, которое сводилось в основном к закупке сала на Ирбитской ярмарке, его переработку в сальные свечи и их сбыт в Екатеринбурге и ближайших окрестностях. Масштабы этих операций имели намного меньшие размеры, нежели ранее.

Участие екатеринбургских купцов в торговле салом сыграло заметную роль в развитии внутреннего рынка Российской империи, в укреплении торговых связей между Уралом, Сибирью и Средней Азией. Кроме того, оно оказало сильное воздействие на экономику Екатеринбурга, позволив увеличить и расширить его торгово-промышленный потенциал. В этот период возникли десятки скотобоен, клееваренных, кожевенных, мыловаренных, салотопенных, свечных и других заводов, а также много складских помещений. Участие екатеринбургских купцов в торговле салом положительно сказалось на занятости городского населения, а также сделало возможным снижение цен на ряд продуктов питания, в первую очередь на мясо.

Литература

Байдин В.И. Иван Родионович Казанцев // Главы городского самоуправления Екатеринбурга. Екатеринбург: СОКРАТ, 2008. С. 52.

Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807–1863. Свердловск: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1948. 151 с.

References

Baidin, V.I. (2008). Ivan Rodionovich Kazantsev. In *Glavy gorodskogo samoupravleniya Yekaterinburga*. Yekaterinburg, p. 52.

Gorlovskiy, M.A. (1948). *Gornyy gorod Yekaterinburg* [Mountain City of Yekaterinburg]. Sverdlovsk, Uralskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.M. Gorkogo. 151 p.

М.Н. Барышников*

ФАРФОРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ДЕЛА КОРНИЛОВЫХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-7
УДК 94(338.26)+688"1800/1915"

Выходные данные для цитирования:
Барышников М.Н. Фарфоровое производство в России: эволюция семейного дела Корниловых в XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 109–119. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-07.pdf

M.N. Baryshnikov*

PORCELAIN PRODUCTION IN RUSSIA: THE EVOLUTION OF THE KORNILOV FAMILY BUSINESS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-7

How to cite:
Baryshnikov M.N. Porcelain Production in Russia: The Evolution of the Kornilov Family Business in the 19th – Early 20th Century // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 109–119. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-07.pdf]

Abstract. In the present article, the data from history of porcelain production in Russia are utilized to study the role of representatives of Kornilov dynasty in evolution of the family business in the 19th – early 20th century. Innovative orientation of the plant, family character of management and hereditary property rights are viewed as important factors underpinning Kornilov Brothers Company's production and commercial operations success. It is shown that the interest in maintaining partnerships was decisive in the late 19th – early 20th century. This interest started to take shape in the 1880s when personality criteria were progressively replaced by financial and managerial criteria. The timing coincides with notable organizational and technological changes in industrial business. Received data suggest that, in the search for a long-term goals of family firm, business needs have replaced personal preferences. The innovations generated and adopted by company, whether involving methods of coloring porcelain or the use of genre pictures, not only introduced new creative possibilities but also allowed for a wider profitability of operations. In order to generate economic success, Kornilov brothers developed new sales-management instruments that supported a significant change in the business orientation, leading them to shift from their earlier emphasis on production of decorative porcelain to a stronger focus on consumers of electrical products. Eventually, the relatives have been able to integrate technological knowledge and financial resources into their own organizational capabilities, enabling them to compete successfully in Russian market. On the other hand, the success of the family business was largely due to the company's balanced relations with State Bank and foreign consumers. As a consequence, Kornilov Brothers Company highlights the professional competence of owners in managing large, complex technical and technological projects, capable of navigating their way through various market situations, and adept at turning to whichever organizational form best suited their business interests.

Keywords: porcelain, Kornilov, firm, family business, owners, management, interests, entrepreneurship, industry.

The article has been received by the editor on 20.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Михаил Николаевич Барышников,** доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: barmini@list.ru
Mikhail Nikolaevich Baryshnikov, Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: barmini@list.ru

Аннотация. С целью выявить роль представителей династии Корниловых в эволюции фамильного бизнеса в XIX – начале XX в. были использованы данные по истории фарфорового производства в России. Инновационная ориентация предприятия, родственный характер руководства и наследуемые права собственности рассматриваются как существенные факторы, лежавшие в основе успеха производственной и коммерческой деятельности Товарищества братьев Корниловых. Показано, что интерес к сохранению тесных партнерских отношений стал определяющим в конце XIX – начале XX в. Но формироваться этот интерес начал в 1880-х гг., когда вместо личностных критериев на первый план постепенно выдвигались финансовые и управленческие. Данный период совпал с заметными организационными и технологическими изменениями в промышленном бизнесе. Полученные данные свидетельствуют о том, что в поисках долгосрочных целей семейной фирмы деловые потребности приходили на смену индивидуальным предпочтениям. Инновации, разработанные и внедренные компанией, будь то новые методы окраски фарфора или использование жанровых изображений, не только открывали новые творческие возможности, но и позволили увеличить доходность операций. Чтобы добиться экономического успеха, братья Корниловы применяли новые инструменты управления сбытом, которые способствовали заметному изменению бизнес-ориентиров, и это привело к смещению прежнего акцента с производства декоративного фарфора на более пристальное внимание к потребителям электротехнической продукции. В конечном счете родственники смогли интегрировать технологические знания и финансовые ресурсы в собственные организационные возможности, что позволило им успешно конкурировать на российском рынке. С другой стороны, успех семейного бизнеса во многом оказался обусловлен сбалансированными отношениями компании с Государственным банком и зарубежными потребителями. Как следствие, Товарищество братьев Корниловых демонстрировало профессиональную компетентность собственников в управлении крупными сложными технико-технологическими проектами, способность ориентироваться в различных рыночных ситуациях и умение выбирать ту организационную форму, которая наилучшим образом соответствовала их деловым интересам.

Ключевые слова: фарфор, Корниловы, фирма, семейный бизнес, собственники, управление, интересы, предпринимательство, промышленность.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023 г.

История петербургского фарфорового завода братьев Корниловых, одного из крупнейших и широко известных своими изделиями, привлекала внимание исследователей[1]. Результаты изысканий вызывали особый интерес в контексте появившихся научных работ, обращенных к прошлому фарфоровой промышленности в России[2]. Интересные архивные материалы были представлены в статье И.Р. Багдасаровой[3]. Автор впервые определила масштабы производства и основные направления его развития, отметила представителей нескольких поколений рода Корниловых, показала их вклад в оформление столичной школы фарфора. Вместе с тем не до конца раскрытыми остались особенности межличностного взаимодействия владельцев промышленного дела, согласования ими индивидуальных и груп-

[1] *Знаменов В., Мухин В.* Феномен второго фарфорового производства в Петербурге // Петергоф: Из истории дворцов и коллекций. Альманах. СПб., 1992. С. 109–127; *Кудрявцева Т.В.* Завод братьев Корниловых в Санкт-Петербурге // Фарфор братьев Корниловых: Альбом-каталог выставки, сентябрь 2003. СПб., 2003. С. 8–16.

[2] *Никонов В.В.* Фарфоровое производство в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002; Балаганская А.В. История развития фарфоро-фаянсового производства в России XIX – начала XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006.

[3] *Багдасарова И.Р.* Завод братьев Корниловых во второй трети XIX – начале XX в. и его вклад в развитие петербургской школы фарфора // Труды Государственного Эрмитажа / Государственный Эрмитаж. Т. XL. Культура и искусство России. СПб., 2008. С. 355–383.

повых интересов в контексте задач развития семейного бизнеса. Также требуют специального рассмотрения отношения фирмы с властными структурами, перспективы ее операций на фоне происходивших в стране экономических и социально-политических изменений. Стремление близких родственников сохранить за собой полный контроль над предприятием, одновременно обеспечив развитие сразу двух инновационных направлений фарфорового производства – декоративно-бытового и электротехнического, представляет особый интерес при обращении к заявленной теме.

Основание семейного предприятия. Начало фамильному делу положила в 1804 г. женитьба петербургского купца Савина Васильевича Корнилова на дочери купца Василия Филипповича Одноушевского – Марии[4]. В этом браке родились пять сыновей – Петр, Михаил, Иван, Василий и Яков. В дальнейшем братья с гордостью будут отсчитывать начало династии с 1791 г., времени развертывания отцом деловых операций. Объединение капиталов представителями двух столичных купеческих семей позволило спустя 30 лет, в 1835 г., приступить к созданию промышленного дела. Овдовевшая к тому времени М.В. Корнилова, петербургская купчиха 2-й гильдии, развернула строительство фарфорового завода на Охте, по правому берегу Невы. Местонахождение предприятия в Северном районе Петербурга, близ деревни Полюстрово, обещало хорошие перспективы благодаря имевшемуся поблизости необходимому сырью, а также стабильному рынку сбыта. Удобным оно было и для транспортировки товаров. И.Р. Багдасарова полагает, что М.В. Корнилова сочла выгодным сосредоточить денежные средства в кругу собственной семьи, поскольку это значительно упростило инвестиции в производство. Все ее пять сыновей вступили в совладение предприятием в 1839 г. – за восемь лет до смерти матери[5].

Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о более сложной ситуации в семейном деле. В 1839 г. на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге только один из братьев – Михаил Савинович Корнилов – был награжден золотой медалью с надписью «За полезное» для ношения на шее на Аннинской ленте. В марте 1842 г. правительственные чиновники зафиксировали совладельцами предприятия двух братьев – Петра и Ивана. Впервые в своей жизни они были также награждены (по итогам участия во Всероссийской выставке мануфактурных изделий в Варшаве в 1841 г.) золотыми медалями на Аннинских лентах[6]. В 1855 г. (уже после смерти М.В. Корниловой), скорее всего с подачи старшего брата, чиновники засвидетельствовали, что только мать и сын Петр «совокупно и нераздельно состояли в семейном капитале»[7]. Данное свидетельство представляется неслучайным прежде всего в силу имевшейся претензии П.С. Корнилова на лидерство в семейном деле. Проблема заключалась в отсутствии у него сыновей (от умершей жены остались дочери Анна и Мария). Напротив, у следующего по старшинству брата Михаила и его супруги Анны Яковлевны были сыновья – Николай и Владимир (позднее родится Сергей). Иван, овдовевший, также имел сына – Александра. Непростая ситуация в отношениях родственников дополнялась особым статусом М.С. Корнилова, определявшимся наличием у него связей в немецких деловых кругах Петербурга. Соответствующая поддержка появилась после его женитьбы в 1843 г. на дочери видного столичного купца евангелически-лютеранского вероисповедания Якова Федоровича Фаллера[8]. Как бы то ни было, братьям все же удалось договориться о совместном ходатайстве на получение потомственного почетного гражданства. В октябре 1855 г. их просьба была удовлетворена императором Александром II[9].

Изменения в составе владельцев предприятия в 1860–1880-х гг. В начале 1860-х гг. в руководстве промышленным делом окончательно оформляется иерархическая структура родственных отношений. Главой предприятия выступал Михаил, затем следовали Петр, Иван и Василий Савиновичи. На заводе в это время трудилось 180 рабочих, годовое произ-

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2326. Л. 7.
[5] *Багдасарова И.Р.* Завод братьев Корниловых… С. 357.
[6] РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.
[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2326. Л. 5.
[8] Там же. Л. 15.
[9] Там же. Л. 38–39.

водство достигало 100 тыс. руб. В 1862 г. впервые в России было освоено промышленное изготовление телеграфных изоляторов для почтового ведомства[10]. Отметим, что совладельцы активно использовали возможности межрегиональных и международных поставок сырья для производства качественных фарфоровых изделий. Кварц и полевой шпат поступали из Финляндии, белая глина – из г. Глухова (Черниговская губерния), а также из Англии, капсельная глина – из Тихвина и Боровичей (Новгородская губерния). Краски использовались либо собственного изготовления, либо закупленные во Франции[11].

В конце 1860-х гг. братья продолжали совместно руководить промышленным делом. На заводе было занято 275 рабочих. Предприятие производило в год различной продукции (сервизы столовые и чайные, дежене, вазы, сухарницы, чашки, пепельницы и другие изделия) на 165 тыс. руб.[12] Но к этому времени уже ощущался дефицит оборотных средств, вызванный, помимо прочего, высокими ценами на продукцию и сопутствующими длительными сроками ее реализации. Сбыт фарфоровых изделий находился в сфере ответственности П.С. Корнилова. Под его руководством работали три магазина фарфоровых изделий в Гостином дворе и еще один магазин на Невском проспекте рядом с рекой Фонтанкой.

Вместе с тем не менее значимым для себя он считал многолетнюю работу на посту почетного старшины петербургского Введенского детского приюта. Деятельность по поддержке сирот, занимавшая много времени, сил и средств, являлась традиционной для его семьи. Ранее вместе с матерью они организовали при мануфактуре школу для подростков, прообразом которой явилось училище для детей мастеровых, устроенное в XVIII в. на Императорском фарфоровом заводе. С 1837 г. мать и сын брали на содержание учеников из Петербургского воспитательного дома. Для их обучения приглашались опытные мастера, среди них скульпторы Дмитрий Львов и Семен Тимофеев, а также гравер Шильдер. Программу занятий составляли с учетом потребностей предприятия. По контракту после окончания школы выпускникам выдавалось свидетельство о профессиональной подготовке. При этом молодым специалистам предоставлялось право выбора – оставаться на заводе Корниловых или искать место работы на стороне[13].

Неослабевающий интерес П.С. Корнилова к общественной деятельности не способствовал росту продаж, осложнял его отношения с братьями и, в конечном счете, привел к уходу из бизнеса. В 1870 г. управление фамильным делом полностью взял в свои руки М.С. Корнилов. Примечательно, что в дальнейшем именно Михаил Савинович стал позиционироваться в отечественных деловых кругах как учредитель предприятия, во многом с подачи его детей. Более того, именно ему «принадлежала и самая мысль основания завода»[14].

Коммерческое направление операций М.С. Корнилов возложил на Василия и Ивана Савиновичей. Первому, недавно ставшему счастливым отцом (в 53 года у него родился сын Савин), было поручено активнее развивать продажи за пределами двух столиц. Ивану в свою очередь доверили руководство петербургскими магазинами. Но планы по налаживанию более масштабной системы сбыта так и не успели реализоваться. В 1878 г. последовала смерть обоих братьев. В начале 1880-х гг. прозвучало экспертное мнение, согласно которому завод Корниловых по размерам производства и качеству товаров занимал одно из видных мест среди отечественных фарфоровых предприятий. Однако, несмотря на значительное производство, сбыт его изделий ограничивался главным образом Петербургом, Москвой и Нижним Новгородом. И даже в этих городах спрос по-прежнему превышал предложение[15].

---

[10] Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992. С. 512.

[11] Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862. С. 80–81.

[12] Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года в С.-Петербурге. СПб., 1870. С. 142–143.

[13] *Багдасарова И.Р.* Завод братьев Корниловых… С. 358.

[14] *Селиванов А.В.* Фарфор и фаянс Российской империи: Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. Владимир, 1903. С. 101.

[15] *Яковлев Ф.Я.* Краткий очерк развития фарфорового производства в России и объяснение коллекции, показывающей состав и свойство фарфора в зависимости от материалов. М., 1882. С. 21.

Данная оценка скорее подтверждала стремление Корниловых ориентироваться не столько на количественные, сколько на качественные показатели работы. Продукция завода по большей части предназначалась состоятельным покупателям, способным оценить художественный и сопутствующий стоимостный уровень фарфоровых изделий. Еще одним важным направлением сбыта являлись мелкооптовые продажи, а также исполнение индивидуальных заказов. Что касается продвижения продукции за рубежом, то соответствующие усилия предпринимал лично Михаил Корнилов. В период его руководства заводом удалось получить заказы на поставку изоляторов для Индо-Европейского телеграфа (с этого события началось сотрудничество Корниловых с фирмой «Сименс и Гальске») и болгарской службы почт и телеграфов.

В 1886 г., на 80-м году жизни, скончался М.С. Корнилов. Из детей Савина Корнилова в живых оставался Яков. Но он уже давно, со смерти матери, не участвовал в семейном деле. Фарфоровый завод и магазины наследовали вдова и ее семеро детей. С этого времени у двух братьев и четырех сестер появляется общий интерес к поддержанию более тесных взаимовыгодных партнерских отношений (за исключением пятой сестры, Марии Михайловны, врача по образованию, у которой с родственниками отношения не сложились). Фактически руководство заводом взяли в свои руки два сына М.С. Корнилова – Сергей и Николай. Их стремление увеличить доходность предприятия за счет поставки изоляторов на зарубежные рынки было подтверждено участием в 1888 г. во Всемирной выставке в Брюсселе. Здесь продукция завода удостоилась одной из высших наград[16].

Создание семейной компании и ее операции в 1890-е гг. В 1892 г. братья оформляют промышленное дело в виде закрытой акционерной компании – товарищества на паях. Учрежденная фирма носила характер сугубо семейного бизнеса, ориентированного на согласование интересов ближайших родственников. Уставной капитал (400 тыс. руб.) был поделен на 80 именных паев, распределенных между братьями (им досталась половина) и сестрами. Стоимость пая была определена высокой – 5 тыс. руб. Преимущественное право на приобретение новых паев имели только владельцы прежних, в соответствии с количеством уже имевшихся на руках. Правление компании состояло из трех членов. Посты двух из них сразу зарезервировали за собой С.М. и Н.М. Корниловы. Третьим членом правления было условлено приглашать одну из сестер. Первой этот пост займет Елизавета Михайловна (в замужестве Франк). Одновременно родственники договорились о том, что дивиденд на пай не должен быть ниже 6 %. В случае его недостаточности предполагалось вносить недостающие суммы из запасного капитала[17].

Товарищество братьев Корниловых открыло свою деятельность 1 мая 1893 г. (с этого числа отсчитывался операционный год). По итогам первого года работы было продано изделий из фарфора (из них больше половины составляли изоляторы) на 309 тыс. руб., фаянсового и хрустального товара – на 79,1 тыс. руб., прочей продукции – на 7,1 тыс. руб. В числе трех основных точек сбыта оставался магазин на Невском проспекте с продажами более 100 тыс. руб., торговые помещения со складами в Гостином дворе (57,2 тыс. руб.), а также магазин в Москве (91,5 тыс. руб.)[18]. В период с 1893 по 1895 г. фирме удалось даже в условиях сокращения выручки (с 414,8 до 325,4 тыс. руб.) увеличить чистую прибыль до 28,4 тыс. руб. с выплатой пайщикам по 300 руб. на пай, т.е. 6 % на уставной капитал[19]. Рентабельность уставного капитала составила приемлемые для того времени 7,1 %, активов – 5,1 %[20]. Для понимания перспектив функционирования предприятия важно учитывать растущую конкуренцию на отечественном рынке фарфоровой продукции. В это время наращивало производственные мощности Товарищество фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова. Со времени открытия операций в 1889 и по 1894 г. руководство компании

[16] Фарфоровый завод Товарищества Братьев Корниловых. Фарфор для электротехники. СПб., 1912. С. 2.
[17] РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1010. Л. 7–13.
[18] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 18–19.
[19] Акционерное дело в России. Том второй. Статистика акционерных предприятий. Вып. V. СПб., 1899. С. 1226–1227.
[20] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 235.

сумело при уставном капитале 3 млн руб. сохранять на стабильном уровне выручку (в 1894 г. – 1,4 млн руб.) и чистую прибыль (361,7 тыс. руб.), увеличив выплаты на пай с 180 до 240 руб., т.е. до 8 %[21].

В чем же состояли причины преобразования семейного дела в товарищество на паях? Формально при существующем составе собственников можно было взаимодействовать в рамках непубличной организации бизнеса – товариществ полного или на вере. Этот механизм определения баланса интересов представлялся более удобным и потому, что искать партнеров на стороне Корниловы не предполагали. В любом случае они не хотели приглашать кого-либо, кто не являлся родственником, в число пайщиков. Исключение составляли мужья сестер. Юлия Михайловна, вышедшая замуж за Николая Александровича Маурина, активно продвигала своего супруга в руководство компанией. Обладавший недюжинными организаторскими способностями, он был назначен в конце 1890-х гг. третьим членом правления. Впрочем, и Маурин, и братья С.М. и Н.М. Корниловы не высказывали желания размещать паи на петербургской бирже. Точно так же они категорически не желали иметь дело с коммерческими банками. Подобная позиция представляла тем больший интерес, если учесть, что фирме срочно требовались инвестиции для реконструкции цеха по производству фарфоровых изделий технического назначения.

В действительности, помимо формализации баланса интересов в среде родственников, подразумевавшего равные права на участие в управлении предприятием, а также ограниченную ответственность по его делам в пределах личных финансовых вложений, создание товарищества на паях (с сопутствующим обязательством иметь публичную отчетность) позволяло согласовать интересы собственников с планируемой финансовой поддержкой со стороны правительственных учреждений. Судя по всему, уже с началом деятельности компании Корниловы приступили к обсуждению перспектив получения государственной помощи.

В июне 1893 г. с целью соблюдения необходимых формальностей они направили в технический комитет Главного управления почт и телеграфов ходатайство об экспертизе выпускаемых предприятием изоляторов. В феврале 1894 г. комитет засвидетельствовал, что испытанные образцы «как в механическом, так и электрическом отношениях вполне удовлетворяют техническим условиям»[22]. Вслед за этим Корниловы обратились в Государственный банк за помощью, и с 1 января 1895 г. фирме был открыт соло-вексельный кредит в 50 тыс. руб. под 5 % годовых[23]. При этом была оговорена возможность его продления в дальнейшем. Как пояснял С.М. Корнилов, инженер-технолог по образованию, кредит был необходим для увеличения производства фарфоровых изделий для нужд российской электротехники. Потребность в таких изделиях «весьма увеличилась по случаю постройки железнодорожных линий и сильного распространения телефонов и электрического освещения»[24]. Что касается чиновников, то у них не вызывала сомнений эффективность производственной и коммерческой деятельности Товарищества, а также способность Корниловых вовремя платить по долгам. Инновационный характер предприятия, ориентированного на внедрение в производство современных для своего времени технологических и технических наработок, подтверждал готовность владельцев компании работать на перспективу, эффективно используя с этой целью финансовые и управленческие ресурсы.

Показатели деятельности фирмы в 1894–1901 гг. свидетельствовали о том, что при определении долгосрочных целей семейного бизнеса потребности его развития приходили на смену индивидуальным предпочтениям собственников. В этот период Товарищество значительно нарастило производственные мощности при сохранении в целом объема продаж (чуть более 390 тыс. руб.) изделий декоративно-бытового и технического назначения. Существенно увеличилась балансовая стоимость заводского имущества – с 315,2

[21] Акционерное дело в России… С. 1229.
[22] Фарфоровый завод… С. 2.
[23] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 235.
[24] Там же. Л. 135.

до 423,2 тыс. руб.[25] В 1896 г. завершилось строительство крупнейшего в Европе горна объемом 140 куб. м. В том же году был приобретен фарфоровый завод В.Л. Бенуа, пострадавший от пожара. На фабрике наладили выпуск фарфоровых цветов, игрушек и разного рода украшений (в 1898 г. в связи с изменениями в планах развития фирмы Корниловы продали это предприятие брату прежнего владельца – Л.Л. Бенуа)[26].

Одновременно принимается решение о дальнейшем расширении производства электротехнических изделий, а также обеспечении большего разнообразия и качества выпускаемого декоративного фарфора. Закупались новые машины и оборудование, приглашались опытные специалисты. Техническая и технологическая модернизация обеспечивалась за счет средств, поступавших от продажи изоляторов, а также кредитов Государственного банка. Подобный подход к обновлению производственных фондов, исключавший обращение к коммерческим банкам, представлялся Корниловым наиболее оптимальным, поскольку сохранял свободу действий при определении перспектив развития завода.

Инновационные решения, реализуемые компанией, в том числе при сочетании ручного и механизированного труда, новых методов окраски фарфора или использовании жанровой росписи, не только открывали для занятых на предприятии новые творческие возможности, но и позволяли увеличить доходность операций. К концу XIX в. складывается «фирменный стиль» завода братьев Корниловых, определяемый «национальной темой». Разработка мотивов на основе старинных художественных традиций, начатая еще в период историзма, стала для компании главной в эпоху модерна. Подобные изделия привлекали внимание состоятельных покупателей и способствовали росту продаж за рубежом. Товарищество установило контакты с деловыми партнерами из Франции, Германии, Дании, Болгарии, Персии, США и Канады. Продукция сбывалась через фирмы Парижа (Chez M-rs Nebel & Seelhoff, Puede Paradis), Нью-Йорка (Chez M-rs Tiffani & C°, Union Square), Филадельфии (Bailey, Banks & Biddle C°), Бостона (Shreve, Crump & Low C°), Сан-Франциско (Shereve & C°). Названия фирм-посредников помещались на оборотной стороне изделий рядом с экспортными марками завода[27].

Во второй половине 1890-х гг. результативность работы компании во все большей степени определялась реализацией электротехнических изоляторов. По итогам 1896/1897 операционного года завод поставил товаров крупным и мелким оптом на 161,7 тыс. руб., большую часть из которых составляли изоляторы (125,7 тыс. руб.). Остальная сумма примерно поровну делилась между изделиями из цветного и белого фарфора. Розничные продажи в магазинах Петербурга и Москвы относились почти целиком к товарам из цветного фарфора. Изделия из хрусталя и фаянса, а также отчасти белого фарфора приобретались для реализации у других фирм. Например, в северной столице розничные продажи составили 116,8 тыс. руб., из которых на долю фарфоровой, главным образом цветной, посуды пришлось 78,7 тыс. руб. (изоляторы имелись обычно в виде витринных образцов), второе и третье места делила с большим отрывом продукция из хрусталя (28,3 тыс. руб.) и фаянса. Соответствующие показатели по Москве составили 92,2 и 55,9 тыс. руб. (22,8 тыс. руб.)[28].

В 1896 и 1897 гг., фиксируя развитие операций Товарищества, Совет Государственного банка принимал решения о сокращении кредита до 25 тыс. руб. В 1898 г. в связи с представленными планами по расширению производства кредит вновь увеличили до 50 тыс. руб., а затем при очередных обсуждениях вопроса чиновниками постепенно сократили – по итогам 1904 г. до 25 тыс. руб., с предложением последующего снижения до 20 тыс. руб.[29] В такой ситуации члены правления обратились к пайщикам с просьбой согласиться на уменьшение дивидендов. Вслед за недолгим обсуждением согласие было получено. В 1898 г. дивидендные выплаты впервые снизились до 5 %, в 1899 г. составили 5,5 %, со следующего

[25] Там же. Л. 18, 172.
[26] *Селиванов А.В.* Фарфор и фаянс Российской империи… С. 93, 102.
[27] *Багдасарова И.Р.* Завод братьев Корниловых… С. 373, 378.
[28] Отчет Товарищества Братьев Корниловых с 1 мая 1896 г. по 1 мая 1897 г. СПб., 1897. С. 3.
[29] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 235.

года не превышали 5 %[30]. Примечательно, что данная тенденция имела место при одновременном увеличении чистой прибыли[31].

Деятельность Товарищества братьев Корниловых в начале XX в. В начале 1900-х гг. численность рабочих на предприятии (по адресу: Полюстровский пр., здание № 93) заметно выросла, достигнув в 1904 г. 400 чел. Этот год стал последним, когда Корниловым удалось сохранять положительную динамику в операциях на внутреннем и зарубежных рынках. Компания продолжала ориентироваться на выпуск новых, художественно выразительных и интересных для состоятельных покупателей изделий из цветного фарфора. Впрочем, новаторские изыскания владельцев Товарищества по-прежнему обеспечивались отчислениями из прибыли от продаж изоляторов для электрических, телеграфных и телефонных линий, а также промышленного и железнодорожного оборудования. Из поставленных с завода оптовых партий фарфоровой продукции на 189,2 тыс. руб. на долю таких изделий пришлось 144,4 тыс. руб. Вместе с тем Корниловы решили снизить объемы закупаемых у других заводов для реализации товаров из хрусталя и фаянса. Эта категория продукции снизилась в общих показателях продаж до 15,5 % (в конце XIX в. она составляла 19 %)[32].

1905 г., ознаменовавшийся масштабными социально-экономическими и политическими потрясениями в России, резко ухудшил положение компании. Особенно острыми стали проблемы с оборотными средствами и растущей дебиторской задолженностью. Серьезные проблемы возникли также при продвижении продукции за рубежом. В декабре 1905 г. Правление Товарищества обратилось в Государственный банк за финансовой помощью. Корниловы ходатайствовали о восстановлении кредита в первоначальном размере 50 тыс. руб. Эта просьба объяснялась, во-первых, растущими затратами на организацию сбыта фарфоровых изделий за границей, прежде всего в Париже и Нью-Йорке, и, во-вторых, общими «тяжелыми условиями» торгово-промышленной жизни, в которых приходилось действовать на отечественном рынке. Совет Банка поддержал ходатайство, но в дальнейшем повысил ставку по кредиту до 7,5 % (в 1907 г.) и 8 % (с 1908 г.)[33].

Несмотря на трудности со сбытом продукции, которые имелись в 1905–1907 гг., Корниловы смогли не только выправить финансовое положение предприятия (заметно нарастив объемы выпуска изоляторов), но и обеспечить большее разнообразие предлагаемого в розничной продаже декоративного фарфора. За три операционных года (с 1907/1908 по 1909/1910 гг.) реализация продукции из цветного фарфора в собственных магазинах выросла с 79,9 до 94,8 тыс. руб. Компания вновь вернулась к прежнему размеру дивидендных выплат – 6 %.

Центрами продаж оставались магазины в Петербурге (выручка составила 119 тыс. руб.), а также Москве и Нижнем Новгороде (общая выручка – 71,7 тыс. руб.)[34]. Единственным крупным конкурентом компании выступало Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова. При 388 рабочих годовая производительность завода Корниловых составляла 292,4 тыс. руб., в то время как Товарищество М.С. Кузнецова при 952 рабочих выпускало продукции на 501 тыс. руб. Вместе с тем Корниловы по-прежнему ориентировались на выпуск фарфоровых изделий средней и высокой ценовой категории. Рынок технических изделий был также достаточно объемен, чтобы на нем могли уместиться обе компании. Кроме того, свою долю рынка традиционно сохранял Императорский фарфоровый завод. При 213 рабочих здесь выпускалось продукции из фарфора и стекла на 236,6 тыс. руб.[35]

[30] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 235. Л. 137–72.
[31] Отчет Товарищества Братьев Корниловых с 1 мая 1898 г. по 1 мая 1899 г. СПб., 1899. С. 1; Отчет Товарищества Братьев Корниловых с 1 мая 1900 г. по 1 мая 1901 г. СПб., 1901. С. 1.
[32] Отчет Товарищества Братьев Корниловых с 1 мая 1903 г. по 1 мая 1904 г. СПб., 1904. С. 3.
[33] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 235.
[34] Отчет Товарищества Братьев Корниловых с 1 мая 1909 г. по 1 мая 1910 г. СПб., 1910. С. 3.
[35] Список фабрик и заводов Российской империи. Составлен по официальным сведениям Министерства торговли и промышленности / под ред. В.Е. Варзара. СПб., 1912. С. 290, 302.

Фамильное дело Корниловых накануне и в годы Первой мировой войны. В 1910 г. правление Товарищества заключило договор с Обществом электрического освещения 1886 г., в соответствии с которым в последующие пять лет фарфоровый завод подлежал полной электрификации. Этим же договором предполагалось отказаться от паровых машин и перевести все станки на электропитание. Со своей стороны Общество обязывалось существенно снизить для завода плату за электроэнергию[36]. Данные по Товариществу братьев Корниловых (ТБК) за 1911/1912 операционный год, когда на предприятии началась широкая технико-технологическая модернизация, представлены (табл. 1) в сравнении с данными по другой отечественной компании – Товариществу М.С. Кузнецова (ТПФФИ, в 1911 г. владело семью фарфоровыми заводами).

Таблица

Российские компании в сфере производства фарфоровой продукции

Показатель, руб.	ТПФФИ (на 1 января 1912 г.)	ТБК (на 1 мая 1911 г.)
Уставной капитал, руб.	5 001 000	400 000
Рентабельность уставного капитала, %	10,6	6,9
Балансовая стоимость активов в, руб.	18 217 230	780 551
Рентабельность активов, %	2,9	3,5
Стоимость имущества, руб.	10 497 342	213 627
Чистая прибыль, руб.	528 360	27 465
Дивиденд, %	7,5	6
Количество рабочих, чел.	12 500	500

Составлено по: РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 253; Акционерно-паевые предприятия России: составлено по официальным данным, извлеченным из материалов, утвержденных общими собраниями акционеров и пайщиков, и распубликованным в органах Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под общ. ред. В.В. Лаврова. М., 1912. С. 102, 108.

23 декабря 1912 г. кредитование Государственным банком Товарищества братьев Корниловых было прекращено. Более того, членов правления официально оповестили о том, что кредит «возобновляться банком не будет ни в полной сумме, ни в сокращенном его размере»[37]. Отсутствие государственной поддержки не стало для компании серьезной проблемой. С 1911 г. Корниловы создали фонд «для расширения дела» (более 30 тыс. руб., соответствующих сумме прежнего кредита Государственного банка), который пополнялся из доходов и использовался для инвестирования в модернизацию производства. К этому времени компания значительно расширила сбытовые операции не только в России, но и за границей. Коммерческая переписка с партнерами велась уже на четырех языках – русском, французском, немецком и английском[38].

По итогам последнего предвоенного операционного года (1913/1914 гг.) балансовая стоимость активов Товарищества братьев Корниловых увеличилась до 818,9 тыс. руб., рентабельность продаж – до 10,7 % (в предшествующие годы этот показатель составлял 7–8 %). Растущий спрос на продукцию фирмы позволял более эффективно согласовывать интересы собственников и потребности развития предприятия. В мае 1914 г. дивидендные

[36] РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 627. Л. 240.
[37] Там же. Л. 257.
[38] Фарфоровый завод Товарищества Братьев Корниловых… С. 2.

начисления впервые выросли до 8 % на уставной капитал. Выплаты С.М. Корнилову составили 7,4 тыс. руб., Н.М. Корнилову – 6,8 тыс. Незамужним сестрам Наталье и Вере Михайловнам было начислено соответственно 4,8 и 4,7 тыс. руб., Юлии Михайловне – 3,2 тыс., ее мужу Н.А. Маурину (в правлении он отвечал за коммерческое направление операций) – 1,1 тыс., Елизавете Михайловне – 3,2 тыс., ее мужу, полковнику Б.Д. Франку, – 800 руб.[39]

С началом Первой мировой войны предприятие заметно нарастило производство фарфоровых изоляторов для нужд оборонных ведомств и частных клиентов. Продажа этой продукции достигла за первый военный год рекордной суммы – 190 тыс. руб. Отчасти такой результат был достигнут за счет снижения поставок фарфора художественно-бытового назначения, а также сокращения закупок фаянсового и хрустального товара для реализации в собственных магазинах. Свою деятельность компания развивала исключительно в рамках самофинансирования. Коммерческие банки и другие кредитные учреждения к участию в деятельности Товарищества не допускались. По составу пайщиков и членов правления фирма по-прежнему сохраняла семейный характер. В канун 1917 г. в число собственников входили С.М. Корнилов (18 паев), Н.М. Корнилов (17 паев), Н.М. Корнилова (12 паев), В.М. Корнилова (11 паев), Ю.М. Маурина (8 паев), Е.М. Франк (8 паев), Н.А. Маурин (2 пая), Б.Д. Франк (2 пая). Один пай был предоставлен пятой сестре – Марии Михайловне Эвальд[40] (в состав пайщиков ее включили только с началом мировой войны), еще один разделен собственниками на доли[41].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что инновационная ориентация предприятия, родственный характер управления и наследуемые права собственности являлись существенными факторами в достижении Корниловыми производственных и коммерческих успехов. Особенностью семейного дела выступало стремление сосредоточить права владения и руководства промышленным делом в руках узкого круга ближайших родственников. Представители династии были готовы к налаживанию связей с деловыми партнерами и вместе с тем пытались оградить свое долгосрочное влияние от сторонних лиц, в том числе от коммерческих банков.

В итоге реализуемые цели отражали своеобразный баланс между сохранением самостоятельности и использованием возможностей рыночных отношений. Чтобы добиться делового успеха, родственники разработали новые инструменты управления продажами, которые способствовали изменению бизнес-ориентиров, и это привело к смещению прежнего акцента с производства декоративного фарфора на более пристальное внимание к потребителям электротехнической продукции. С другой стороны, результативность семейного бизнеса во многом оказалась обусловлена сбалансированными отношениями фирмы с Государственным банком и зарубежными потребителями. Как следствие, Товарищество братьев Корниловых демонстрировало профессиональную компетентность родственников в управлении крупными сложными технико-технологическими проектами, способность ориентироваться в различных рыночных ситуациях и умение выбирать ту организационную форму, которая наилучшим образом соответствовала их деловым интересам.

Литература

Багдасарова И.Р. Завод братьев Корниловых во второй трети XIX – начале XX в. и его вклад в развитие петербургской школы фарфора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XL. Культура и искусство России. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. С. 355–383.

Балаганская А.В. История развития фарфоро-фаянсового производства в России XIX – начала XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.

[39] РГИА. Ф.28. Оп. 28. Д. 1010. Л. 3, 5.

[40] Мария Михайловна была замужем за архитектором В.В. Эвальдом, состоявшим заслуженным профессором Института гражданских инженеров императора Николая I и непременным членом комитета по техническим делам Министерства торговли и промышленности.

[41] РГИА. Ф. 28. Оп. 28. Д. 1010. Л. 15–16.

Знаменов В., Мухин В. Феномен второго фарфорового производства в Петербурге // Петергоф: Из истории дворцов и коллекций. Альманах. СПб.: Студиа биографика, 1992. С. 109–127.

Кудрявцева Т.В. Завод братьев Корниловых в Санкт-Петербурге // Фарфор братьев Корниловых: Альбом-каталог выставки, сентябрь 2003 / сост. Т.В. Кудрявцева, Т.Н. Носович, И.Р. Багдасарова; авт. ст. В.В. Знаменов, Т.В. Кудрявцева, А.Е. Яковлева. СПб.: Государственный музей-заповедник «Петергоф», 2003. С. 8–16.

Никонов В.В. Фарфоровое производство в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 25 с.

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград: Энциклопедический справочник / ред. кол. Л.Н. Белова и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. 687 с.

Селиванов А.В. Фарфор и фаянс Российской империи: Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. Владимир: Владимирская губернская ученая архивная комиссия, 1903. 175 с.

Яковлев Ф.Я. Краткий очерк развития фарфорового производства в России и объяснение коллекции, показывающей состав и свойство фарфора в зависимости от материалов. М.: тип. С.П. Архипова и К°, 1882. 40 с.

References

Bagdasarova, I.R. (2008). Zavod brat’ev Kornilovykh vo vtoroy treti XIX – nachale XX v. i ego vklad v razvitie peterburgskoy shkoly farfora [The Kornilov Brothers Factory in the Second Third of the 19th – Early 20th Century and Its Contribution to the Development of the St. Petersburg School of Porcelain]. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. XL. Kul’tura i iskusstvo Rossii.* St. Petersburg, Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 355–383.

Balaganskaya, A.V. (2006). Istoriya razvitiya farforo-fayansovogo proizvodstva v Rossii XIX – nachala XX vekov [The History of the Development of Porcelain and Faience Production in Russia of the 19th – Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. abstract. 22 p.

Belova, L.N. (Ed.). (1992). *Sankt-Peterburg, Petrograd, Leningrad: Entsiklopedicheskiy spravochnik* [St. Petersburg, Petrograd, Leningrad: Encyclopedic Reference]. Moscow, Bol’shaya rossiyskaya entsiklopediya. 687 p.

Kudryavtseva, T.V. (2003). Zavod brat’ev Kornilovykh v Sankt-Peterburge [Kornilov Brothers Factory in St. Petersburg]. In *Farfor brat’ev Kornilovykh: Al’bom-katalog vystavki, sentyabr’ 2003.* St. Petersburg, Gosudarstvennyy muzey-zapovednik “Petergof”, pp. 8–16.

Nikonov, V.V. (2002). Farforovoe proizvodstvo v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Porcelain Production in Russia in the Late 19th – Early 20th Century], Cand. hist. sci. diss. abstract. 25 p.

Selivanov, A.V. (1903). *Farfor i fayans Rossiiskoy imperii: Opisanie fabrik i zavodov s izobrazheniyami fabrichnykh kleym* [Porcelain and Faience of the Russian Empire: Description of Factories and Factories with Images of Factory Brands]. Vladimir, Vladimirskaya gubernskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. 175 p.

Yakovlev, F.Ya. (1882). *Kratkiy ocherk razvitiya farforovogo proizvodstva v Rossii i ob’yasnenie kollektsii, pokazyvayushchey sostav i svoystvo farfora v zavisimosti ot materialov* [A Brief Outline of the Development of Porcelain Production in Russia and an Explanation of the Collection Showing the Composition and Properties of Porcelain Depending on Materials]. Moscow, tip. S.P. Arkhipova i K°. 40 p.

Znamenov, V., Mukhin, V. (1992). Fenomen vtorogo farforovogo proizvodstva v Peterburge [The Phenomenon of the Second Porcelain Production in St. Petersburg]. In *Petergof: Iz istorii dvortsov i kollektsii. Al’manakh*. St. Petersburg, Studiya biografika, pp. 109–127.

В.М. Марасанова*

ВИКТОР РАГОЗИН, ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ, БРАТЬЯ НОБЕЛИ И СТАНОВЛЕНИЕ НЕФТЕХИМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870–1910-Е ГОДЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-8
УДК 665(67-05)"1870/1910"

Выходные данные для цитирования:
Марасанова В.М. Виктор Рагозин, Дмитрий Менделеев, братья Нобели и становление нефтехимического производства в Ярославской губернии в 1870–1910-е годы // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 120–130. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-08.pdf

V.M. Marasanova*

VIKTOR RAGOZIN, DMITRY MENDELEEV, NOBEL BROTHERS AND THE DEVELOPMENT OF PETROCHEMICAL PRODUCTION IN THE YAROSLAVL PROVINCE IN THE 1870S–1910S**

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-8

How to cite:
Marasanova V.M. Viktor Ragozin, Dmitry Mendeleev, Nobel Brothers and the Development of Petrochemical Production in the Yaroslavl Province in the 1870s–1910s // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 120–130. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-08.pdf]

Abstract. The article shows the trade in oil, oil products and the formation of petrochemical production in the Yaroslavl province. The study was carried out on the basis of scientific literature and documents of the State Archive of the Yaroslavl and its branch in Rybinsk. The author analyzes the role of Yaroslavl and Rybinsk as major transport hubs for river and rail traffic in the 19th century, shows the relationship between the development of communication lines and the emergence of new industries on the example of the creation in 1879 of the "Plant of the Partnership for the Production of Mineral Oils by V.I. Ragozin and C°." in Konstantinovo. As a result of the initiative of the Nizhny Novgorod merchant V.I. Ragozin and scientific support of D.I. Mendeleev, a new competitive production has appeared in the region, unconnected with local traditions and raw materials. Vladimir Ragozin, as an entrepreneur and inventor, brought to the Russian and international markets a diverse line of popular products based on oil refining, which meant an increase in the cost of production and, accordingly, the price of products and profits. At present, this enterprise continues its work and is recognized as the oldest petrochemical enterprise in Russia. The favorable position of Yaroslavl and Rybinsk was taken into account by the Partnership "Nobel Brothers" that created their warehouses and offices here and contributed to the further development of the transport industry. Archival data show that from the Yaroslavl warehouses of the Partnership deliveries were made to 12 warehouses in 4 provinces and at least to 39 cities of the country. Based on the studied documents, in 1907–1909 the distribution of quotas in the cartel "Br. Nobel" – "Mazut" in the Rybinsk region was 70 % and 30 %. In 1912, the Partnership "Nobel Brothers" became the owner of the mineral oil plant in Konstantinovo. Ragozin's initiative and organizational talent combined with the capabilities of an influential company and laid the foundation for the development of petrochemistry in Yaroslavl region. This led to the development of the industrial sectoral structure of the textile region. The studied materials allow to imagine the scale of trade operations and transportation of oil and oil products, showing both successful business and trade practices, and the difficulties of doing business.

* **Виктория Михайловна Марасанова,** доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, e-mail: vmm@uniyar.ac.ru
Viktoria Mikhaylovna Marasanova, Doctor of Historical Sciences, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, e-mail: vmm@uniyar.ac.ru
** Работа выполнена при поддержке проекта Ярославского государственного университета VIP-018.
The work was carried out with the support of the project of Yaroslavl State University of VIP-018.

Keywords: V.I. Ragozin, D.I. Mendeleev, the Nobel brothers, Partnership, “Mazut”, plant, petrochemistry, trade, storehouse, Yaroslavl, Rybinsk.

The article has been received by the editor on 01.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается торговля нефтью, нефтяными продуктами и становление нефтехимического производства в Ярославской губернии. Исследование выполнено на основе научной литературы и документов Государственного архива Ярославского области и его филиала в г. Рыбинске. Отмечена роль Ярославля и Рыбинска как крупных транспортных узлов речных и железнодорожных коммуникаций в XIX в., показана взаимосвязь развития путей сообщения с появлением новых производств на примере создания в 1879 г. «Завода Товарищества производства минеральных масел В.И. Рагозин и К°» в с. Константиново. Благодаря инициативе нижегородского купца В.И. Рагозина и научной поддержке Д.И. Менделеева в губернии появилось новое конкурентоспособное производство, не связанное с местными традициями и сырьевой базой. В.И. Рагозин как предприниматель и изобретатель вывел на российский и международный рынок целую линейку востребованных продуктов на основе переработки нефти, что означало повышение себестоимости и соответственно цены продукции и прибыли. В настоящее время данное предприятие продолжает работу и является старейшим нефтехимическим предприятием России. Выгодное положение Ярославля и Рыбинска было учтено Товариществом «Бр. Нобель», которые создали здесь свои склады, конторы и содействовали дальнейшему развитию транспортной отрасли. Архивные данные показывают, что с ярославских складов Товарищества поставки осуществлялись на 12 складов в 4 губерниях и как минимум в 39 городов страны. На основе изученных документов установлено распределение квот в размере соответственно 70 и 30 % в картеле «Бр. Нобель» – «Мазут» в Рыбинском районе на 1907–1909 гг. В 1912 г. в собственность Товарищества «Бр. Нобель» перешел завод минеральных масел в с. Константиново. Частная инициатива и организаторский талант Рагозина соединились с возможностями влиятельной компании и заложили основу для развития нефтехимии в регионе, что, в свою очередь, вело к усложнению промышленной отраслевой структуры текстильного края. Изученные материалы позволяют представить масштабы торговых операций и перевозок нефти и нефтяных продуктов, показывают одновременно как успешные практики предпринимательства и торговли, так и трудности ведения бизнеса.

Ключевые слова: В.И. Рагозин, Д.И. Менделеев, братья Нобель, партнерство, «Мазут», завод, нефтехимия, торговля, склад, Ярославль, Рыбинск.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023 г.

Ярославские предприниматели прошлого показали примеры выхода на национальный рынок с конкурентоспособной продукцией. В промышленности края оставили след хорошо знакомые всей России Нобели, московские предприниматели Карзинкины, Прохоровы, Хлудовы, активный нижегородец Виктор Рагозин.

Краткий обзор историографии и источников. Начальный этап истории химической промышленности России освещается в фундаментальном труде П.М. Лукьянова[1]. Общие вопросы развития химической отрасли до 1917 г. рассмотрел С.М. Лисичкин[2]. Весьма

[1] *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в.: в 6 т. М.; Л., 1949–1965.

[2] *Лисичкин С.М.* Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности: Дореволюционный период. М.; Л., 1954.

обширна научная[3] и научно-популярная литература[4] о деятельности Нобелей в России. Технические стороны первого этапа отечественного производства минеральных масел (1879–1941 гг.) и роль В.И. Рагозина в становлении нефтехимии раскрыты в кандидатской диссертации Т.В. Грибеник[5].

Материалы по истории завода в с. Константиново представлены в работах Г.В. Колесниченко долгое время руководившей библиотекой и музеем предприятия[6]. Она внесла значительный вклад в изучение и популяризацию истории завода[7]. Материалы по истории предприятия размещены на его официальном сайте (opnmz.ru). Вклад В.И. Рагозина в становление нефтяного дела показал Ф.А. Селезнев. Он справедливо отметил, что Рагозина привлекали новые, только зарождавшиеся в пореформенной России виды деловой активности[8].

Сведения об объемах производства и количестве рабочих предприятия дают «Указатели фабрик и заводов» России. Они позволяют проследить динамику производства и определить долю ярославского предприятия как по отрасли, так и в губернском масштабе[9].

Архивные материалы по истории нефтехимической промышленности Ярославской губернии весьма фрагментарно вовлечены в научный оборот, и представленная статья закрывает этот пробел в истории промышленности. В Государственном архиве Ярославской области отложились материалы фонда № 966 «Товарищество нефтяного производства Бр. Нобель» за 1905–1916 гг. (193 дела) и небольшой фонд № 668 «Нефтепромышленное Товарищество Общества Мазут» из 18 дел за 1901–1916 гг., в том числе за 1901 г. только одно дело, а за 1902–1909 гг. дела не сохранились. Даты фонда понятны, поскольку Общество «Мазут» было создано в 1898 г. В фондах сохранились приходно-расходные, товарные и кассовые книги, инвентарные описи.

Часть переписки Товарищества «Бр. Нобель» имеется в фонде Рыбинской перевалочной нефтебазы в Рыбинском филиале ГАЯО. Как крайние даты документов фонда указаны 1918–1947 гг.[10], но на самом деле в фонде есть и более ранние документы, например дело «Документы с истекшими сроками конторы Товарищества Бр. Нобель 1907–1914 гг.»[11], а в данном деле, в свою очередь, есть документы с 1894 г. Фрагментарная сохранность документов о предпринимательской деятельности объясняется подходами советской власти и соответственно советского архивоведения к отбору документов на государственное хранение.

Сведения об имуществе и торговых операциях Товарищества «Бр. Нобель» и Общества «Мазут» можно найти в фондах Рыбинской городской управы и Рыбинского уездного земства. Органы общественного управления эти сведения интересовали как основа для налогообложения (см. списки торговых и промышленных предприятий по волостям), но в дела попадали материалы, связанные с техническим оснащением барж, переписка о поставках топлива.

---

[3] *Дьяконова И.А.* Нобелевская корпорация в России. М., 1980.

[4] *Сергеев А.Ф., Рябой В.И.* Нобели для России, Россия для Нобелей. Ярославль, 2003.

[5] *Грибеник Т.В.* Становление и развитие производства углеводородных фракций для минеральных масел: на примере ОАО «Орскнефтеоргсинтез» и ОАО «Славнефть» – Ярославский нефтеперерабатывающий завод им. Д.И. Менделеева»: автореф. дис. … канд. техн. наук. Уфа, 2010.

[6] *Колесниченко Г.В.* Очерки истории Ярославского нефтеперерабатывающего завода им. Д.И. Менделеева. Рыбинск, 2001.

[7] *Колесниченко Г.В.* Братья Рагозины. Начало нефтяного дела России: Документальная биографическая повесть. СПб., 2009.

[8] *Селезнев Ф.А.* Нефтепродукты: поставки из Нижнего Новгорода в Москву // Московские поставщики: история в лицах. Кн. III. М., 2022. С. 89.

[9] *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской статистики. 3-е изд., испр. и значит. доп. Санкт-Петербург, 1894; и др.

[10] Рыбинская перевалочная нефтебаза Управления по Ярославской области Главного управления по снабжению народного хозяйства нефтепродуктами // Интернет-портал Архивной службы Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://af.yar-archives.ru/archive4/funds/10000075968?ysclid=lcr95yph5b957135147 (дата обращения: 09.01.2023).

[11] Рыбинский филиал ГАЯО (РбФ ГАЯО). Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1.

История завода В.И. Рагозина, его успехи и место в российской химической промышленности в 1870–1910-е гг. Успехам ярославской промышленности содействовали налаженные пути сообщения. Сложная система гидротехнических сооружений соединяла Волгу с Санкт-Петербургом и северо-западными губерниями. В феврале 1870 г. было открыто движение Ярославль – Москва, в июне – от Рыбинска до станции Бологое[12]. В 1872 г. поезда пошли по ветке Ярославль – Вологда, а в 1887 г. – от Ярославля до Костромы[13]. В 1898 г. были соединены железной дорогой Ярославль и Рыбинск. Транспортная доступность создала условия для возникновения ряда производств, не связанных с местными традициями, что демонстрировали завод «Товарищества производства минеральных масел В.И. Рагозин и К°» и фарфорово-фаянсовая фабрика в с. Песочное.

В структуре ярославской промышленности ведущее положение занимала текстильная отрасль. На втором месте находилась пищевкусовая промышленность. На третьем месте шла химическая отрасль (свинцово-белильные заводы и спичечные фабрики). В 70-е гг. XIX в. Ярославская губерния занимала четвертое место в России по масштабам химического производства, уступая только Петербургской, Московской и Владимирской губерниям. Выработка семи химических предприятий Ярославской губернии достигала на 1874 г. 337 тыс. руб.[14] По подсчетам П.М. Лукьянова, за период с 1853 по 1880 г. химическая промышленность Ярославской губернии увеличилась на 180 % и по темпам роста уступила только одной губернии – Вятской, где прирост составил 360 %. К 1880 г. Ярославская губерния по степени развития химического производства заняла третье место в России после столичных губерний. 21 химическое предприятие Ярославской губернии (1,5 тыс. рабочих) за год произвело продукции более чем на 900 тыс. руб. (т.е. в среднем по 43 тыс. руб. на один завод).

Крупнейшим из них стал завод В.И. Рагозина, созданный в 1879 г. Его открытие вывело Ярославскую губернию в лидеры химической отрасли среди нестоличных губерний.

Нижегородский купец Виктор Иванович Рагозин (1833–1901) занялся нефтяным делом в 1870-е гг., когда начал строить наливные шхуны для перевозки керосина из Баку. Новым вариантом перевозок заинтересовались братья Нобели. В 1879 г. братья Альфред, Людвиг и Роберт Нобели основали в России «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Переход от добычи нефти из мелких колодцев к бурению скважин до 20 раз снизил себестоимость нефтепродуктов с 45 до 2–3 коп. за пуд[15], но дело замедляли проблемы доставки и хранения. Тогда Нобели начали строить трубопроводы, наливные морские и речные суда, вагоны-цистерны, нефтехранилища-резервуары (разработка В.Г. Шухова). Нобели создали собственную складскую инфраструктуру в городах Поволжья; их опорными пунктами были Астрахань, Царицын, Саратов, Самара, Нижний Новгород, Ярославль и Рыбинск. К концу столетия Нобели больше вкладывали в инфраструктуру (заводы, склады, транспорт), чем в нефтяные промыслы. Сосредоточение в одних руках нефтедобычи, переработки, транспортировки и сбыта обеспечивало максимальную прибыль.

В.И. Рагозин стал первооткрывателем в производстве смазочных масел из мазута. В 1875 г. он построил в Нижнем Новгороде опытный завод, на котором перегонялись нефтяные остатки. В 1876 г. Рагозин открыл крупный нефтеперерабатывающий завод в г. Балахна Нижегородской губернии. Предприятие выпускало ежегодно не менее 1,6 тыс. т смазочных масел из нефти, которые Рагозин назвал «олеонафтами» (по латыни «нефтяное масло»). В 1879 г. в Москве появилась первая партия олеонафтов В.И. Рагозина.

Спрос на олеонафты рос, и Рагозин открыл новое предприятие в с. Константиново Ярославской губернии. Завод был построен быстро: в марте 1879 г. – закладка, 1 октября – выпуск продукции. Кубовые установки и сернокислая очистка масляных дистиллятов позволили в первый год работы произвести веретенное, машинное, вагонное и осветительное масла объемом 9,4 тыс. т[16]. На 1881 г. на заводе было 10 паровых машин, объем производства

[12] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 5862. Л. 5.
[13] Ярославские губернские ведомости. 1887. Неофиц. часть. № 100.
[14] *Лукьянов П.М.* История химических промыслов… Т. 1. М.; Л., 1958. С. 170.
[15] *Дьяконова И.А.* Нобелевская корпорация… С. 51.
[16] *Грибеник Т.В.* Становление и развитие производства… С. 7.

минерального масла разных сортов составлял 9,1 тыс. т[17]. В 1887 г. количество паровых машин не изменилось, зато объем производства составил рекордные 14,7 тыс. т, в том числе 9,3 тыс. т смазочных масел, 1,6 тыс. т осветительных масел, 3,8 тыс. т гудрона[18]. К 1894 г. на заводе работало 80 паровых машин и насосов, а объем производства масел составлял 10,6 тыс. т: 8,8 тыс. т смазочного масла и 1,8 тыс. т осветительного[19]. Динамика производства на заводе Рагозина за 30 лет (1881–1910) представлена в таблице.

Таблица

Объем производства, количество рабочих и доля завода В.И. Рагозина в общероссийском производстве минеральных и смазочных масел и в промышленности Ярославской губернии

Год	Сумма пр-ва (тыс. руб.)	Кол-во рабочих	Доля завода в общерос. пр-ве	Доля рабочих в общерос. пр-ве	Доля завода в промышленности Ярославской губернии по сумме пр-ва	Доля среди рабочих губернии
1881[20]	1 400	205 (на с. 575) 250 (на с. 692)	24,3 % (из 22 заводов)	13,0 %	7,7 %	1,7 % либо 2,0 %
1887[21]	1 000	230	22 % (из 46 заводов)	15,1 %	3,6 %	1,5 %
1894[22]	560	425	9,8 % (из 64 заводов)	20,3 %	1,5 %	1,9 %
1903[23]	1 692	316	–	–	–	1,4 %
1910[24]	1 145	300	447 заводов	–	–	0,8 %

Продукция завода применялась в качестве смазки в промышленности и на железнодорожном транспорте. Если керосин в основном потреблялся внутри России, то смазочные масла в большом количестве поставлялись за границу. Д.И. Менделеев отмечал на заседании комитета Общества для содействия русской промышленности и торговле 3 марта 1886 г.: «Нефтяная промышленность составит будущий богатый вклад нашей вывозной торговли. Начинанию В.И. Рагозина и Л.Э. Нобеля наши нефтяные продукты обязаны своим распространением за границей. И дело идет»[25]. Д.И. Менделеев считал Рагозина главным организатором нефтяного дела на Волге[26].

[17] *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. СПб., 1881. С. 575.
[18] *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 633.
[19] *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов… С. 730.
[20] *Орлов П.А.* Указатель… 1881. С. 575, 692. Вероятно, имеет место опечатка, но установить точную цифру, к сожалению, невозможно.
[21] *Орлов П.А.* Указатель… 1887. С. 629, 752.
[22] *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов… С. 726, 760.
[23] Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 754. В данном указателе нефтяное производство не выделено отдельно, а указано в числе 522 предприятий химической отрасли.
[24] Список фабрик и заводов России. СПб., 1910. С. 982–983. Завод учтен в группе «Горное дело», подраздел «Нефть и ее продукты» (с. 968–982) под № 31041.
[25] *Менделеев Д.И.* О налоге на нефть [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/mendeleev/mendeleev_o_naloge_na_neft.html?ysclid=lnfgvn8chj444136316 (дата обращения: 07.10.2023). Статья является выдержкой из протокола заседания 2-го отделения комитета Общества для содействия русской промышленности и торговле от 3 марта 1886 г. Впервые опубликована в собрании сочинений Д.И. Менделеева. Т. 10: Нефть. Л.; М., 1949.
[26] *Менделеев Д.И.* Нефть // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Т. XX. С. 943.

14 мая 1880 г. Д.И. Менделеев впервые посетил завод в с. Константиново. С 21 мая по 19 августа 1881 г. он изучал на заводе перегонку нефти с использованием водяного пара, анализировал полученные фракции, а также исследовал технологию получения тяжелых осветительных масел с использованием чугунного и медного кубов. Менделеев лично организовывал работу 1,6-тонного куба для непрерывной перегонки нефти. Благодаря активной деятельности Рагозина и научной поддержке ведущего ученого на заводе освоили производство до 20 видов новых продуктов[27]. Д.И. Менделеев неоднократно выражал надежду, что «внутреннее производство химических и красящих веществ будет развиваться в благоприятную сторону, т.е. заграничные продукты постепенно начнут заменяться внутренними»[28].

В 1882 г. на Московском торгово-промышленном съезде Рагозин высказался за полный запрет вывоза сырой нефти за границу. Это решение поддерживали далеко не все. Главные акционеры товарищества обвинили Рагозина в непроизводительной трате денег компании. Они считали лишним строительство нового завода в Ярославской губернии, крупные вложения в исследования и в организацию экспорта масел. По поданному иску в 1882 г. началось расследование «злоупотреблений» членов правления товарищества «В.И. Рагозин и К°». В итоге над товариществом было установлено внешнее управление. Контора администрации находилась в Средних торговых рядах в Москве.

Однако управленческие и инженерные навыки Рагозина не пропали. С 1884 г. он стал управляющим бакинского отделения Товарищества «С.М. Шибаев и К°» и содействовал превращению компании в ведущего российского производителя смазочных масел. В том же году вышла книга В.И. Рагозина «Нефть и нефтяная промышленность»[29]. Цель издания – популяризация использования нефти и привлечение внимания правительства к проблемам отрасли.

Товарищество «Бр. Нобель» в Ярославской губернии. Контрольный пакет акций компании «В.И. Рагозин и К°» приобрело Товарищество братьев Нобель. Эммануил Нобель (1859–1932), первым из Нобелей принявший российское подданство, руководил Товариществом в 1888–1918 гг. Именно с его именем связана деятельность Нобелей в Ярославской губернии.

В 1893 г. в Рыбинске появилась контора Товарищества «Бр. Нобель», занимавшаяся торговлей нефтью, керосином, маслами. К 1900 г. были сооружены нефтяные склады-резервуары в деревне Копаево, находившейся недалеко от Рыбинска и Рыбинско-Бологовской железной дороги. В Рыбинском архиве сохранился документ о том, что 1 февраля 1894 г. управляющий Рыбинско-Бологовской железной дорогой Александр Осипович Ганецкий и представитель Товарищества «Бр. Нобель» Иван Николаевич Величко заключили договор на семь лет: «Общество Рыбинско-Бологовской железной дороги предоставляет в пользование И. Величко на вновь отчужденной полосе под устройство железнодорожной ветки и складов для легковоспламеняющихся веществ на Копаевской пристани, участок земли в размере 200 квадратных саженей для помещения на этой территории резервуара для хранения в них нефти и нефтяных продуктов, прибывающих по р. Волге и предназначенных к отправке по железной дороге. Арендная плата в размере 1 рубля на каждую кв. сажень и всего 200 р. серебром, произведя платеж этот ежегодно 1 февраля за наступающий год вперед»[30].

1 февраля 1895 г. А.О. Ганецкий и И.Н. Величко заключили еще один договор об аренде участка в 100 кв. саженей для второго резервуара: «Трубы от означенного резервуара должны быть расположены в тех же рвах, в которых проложены трубы от резервуара, ранее построенного на той же части Копаевской пристани»[31]. Плата за аренду участка устанавливалась в размере 100 руб. в год, и Товарищество принимало обязательство ежегодно отправлять из второго резервуара по Рыбинско-Бологовской дороге не менее 250 тыс. пудов керо-

[27] *Грибеник Т.В.* Становление и развитие производства… С. 7.
[28] *Менделеев Д.И.* Отдел X. Химическая промышленность // Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 287.
[29] *Рагозин В.И.* Нефть и нефтяная промышленность. СПб., 1884.
[30] РбФ ГАЯО. Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1. Л. 109.
[31] Там же. Л. 118.

сина. В 1895 г. Рыбинско-Бологовская железная дорога сменила название на Московско-Виндаво-Рыбинскую. Для хранения нефтяных остатков при Копаевской пристани сооружался «земляной под толевой крышей бассейн» вместимостью до 1,5 млн пудов. В 1902 г. Нобелями был устроен склад нефтепродуктов в Ярославле. В итоге Нобели взяли в свои руки большую часть нефтяных поставок в губернию, около 2 млн пудов в год.

В архиве выявлено «Соглашение о торговле в Рыбинском районе России керосином» от 30 июня 1907 г. между Товариществом «Бр. Нобель» и Обществом «Мазут». Границы Рыбинского района были весьма обширными: по Волге от Романова-Борисоглебска (ныне г. Тутаев) до г. Осташкова, по р. Мологе до г. Тихвина, по Мариинской системе до Новой Ладоги, по железной дороге Северной от ст. Лом до г. Рыбинска, по Николаевской железной дороге от ст. Бологое до ст. Скворцово, по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге от ст. Рыбинск до ст. Волошь. Соглашение гласило: «В виду колебания цен во избежание конкуренции не запродавать керосин по твердой цене, а отпускать по ценам, существующим в день требования по обоюдному соглашению. Участие в продаже керосина Нобель 70 %, Мазут 30 %. Срок с 1 июня 1907 по 1 июня 1908 г.»[32]. Соглашение затем продлевалось до 1 июня 1909 г., подтверждающие документы за другие годы отсутствуют. Общество «Мазут» открыло свой бондарный промысел в Панфиловской волости Рыбинского уезда[33], но по масштабу деятельности значительно уступало Нобелям.

Среди крупных покупателей керосина и олеонафта Товарищества «Бр. Нобель» можно назвать Московско-Виндаво-Рыбинскую железную дорогу: поставки керосина составляли на 1905 г. 50 тыс. пудов[34], в 1906 г. – 30 тыс. пудов за 36 тыс. руб.[35], поставки керосина на 1907 г. – 30 тыс. пудов на 34 тыс. руб.[36]

Еще одним потребителем стала Рыбинская электростанция: на 1915 г. она закупила 8 тыс. пудов нефти и керосин для пожарного депо «с доставкой на судах Товарищества»[37]. В Рыбинском архиве сохранилась переписка городской управы с Товариществом «Бр. Нобель» за 1916 – декабрь 1917 г. Как отмечала управа 18 декабря 1917 г., т.е. уже после революции: «Городская Электрическая станция переживает катастрофическое состояние вследствие отсутствия топлива. Вследствие такого положения в ближайшем будущем придется прекратить освещение города, что при переживаемых обстоятельствах является не только весьма нежелательным, но и угрожающим общественному порядку и спокойствию»[38]. Товарищество выделило по запросу городской управы 1,1 тыс. пудов нефтяных остатков на январь 1918 г. Далее «Бр. Нобель» предстояла национализация.

В Ярославской губернии имела место как прямая, так и транзитная торговля нефтяными продуктами. Промышленные центры края являлись одновременно крупными потребителями и перевалочными узлами торговых цепочек Товарищества «Бр. Нобель» и Общества «Мазут». В начале XX в. конторы Нобелей в Ярославле и Копаево вели поставки на склады в 12 населенных пунктах четырех губерний: Ярославской (Рыбинск, Углич), Тверской (Безбородово, Бежецк, Вознесенье, Вышний Волочек, Кимры, Осташков, Тверь, Торжок), Новгородской (Новгород), Смоленской (Вязьма)[39].

В «Шнуровой книге парового котла баржи № 31 Т-ва Бр. Нобель» 1896 г. отражена опись котла № 695: «тип котла горизонтальный, цилиндрический, трубчатый, пролетный с внутренней цилиндрической топкою. Дымогарных трубок 134… Котел построен в 1896 г. на заводе Людвиг Нобель в Санкт-Петербурге. Установлен на пароходе в 1896 г. Горючий материал – нефтяные остатки»[40]. Итак, на барже Товарищества был установлен котел

[32] РбФ ГАЯО. Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1. Л. 272.
[33] РбФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 153.
[34] РбФ ГАЯО. Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1. Л. 56.
[35] Там же. Л. 5.
[36] Там же. Л. 197, 213.
[37] РбФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2999. Л. 17, 18, 21.
[38] Там же. Д. 3229. Л. 153.
[39] Подсчитано по документам: ГАЯО. Ф. 966. Оп. 1.
[40] РбФ ГАЯО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1059. Л. 5.

собственного производства, который работал на своем сырье и свою же продукцию перевозил по Волге. Комплексный подход к делу!

Товарищество было заинтересовано в расширении нефтеналивного флота, для этого суда и строились, и покупались. Так, 14 ноября 1901 г. управляющий Нижегородской конторой Товарищества «Бр. Нобель» Александр Иванович Гречанинов заключил договор с нижегородским купцом Поликарпом Константиновичем Наумовым о покупке буксирного в железном корпусе парохода «Сергий», построенного в 1898 г., за 33 тыс. руб.[41]

Собственного транспорта Нобелей не хватало. Например, на летнюю навигацию 1906 г. Рыбинской конторой Товарищества у Компании цепного пароходства по р. Шексне был арендован пароход «Таваст»[42]. 20 апреля 1907 г. доверенный Товарищества потомственный почетный гражданин Иван Андреевич Краковский и рыбинский купец Аркадий Николаевич Цеховой заключили договор о том, что «Цеховой обязан принять в Ярославле в собственную полубаржу № 25 постройки 1905 г., принадлежащие Товариществу Бр. Нобель минеральные масла в деревянной таре до 27 500 пудов и доставить до Санкт-Петербурга по Мариинской системе не позднее 22 июня сего года. За исправную доставку сего товара Товарищество Бр. Нобель обязано платить Цеховому фрахтовую цеху по 7 коп. с каждого сданного пуда нетто»[43]. Можно привести еще один документ, подтверждающий такую практику: 1 июня 1907 г. Постоянный Комитет съезда судопромышленников Мариинского водного пути обязался «принять в Рыбинске в полулодку Ивана Ивановича Панкрашева постройки 1907 г., принадлежащие Товариществу Бр. Нобель нефтяные продукты в деревянной таре до 20–22 тысяч пудов нетто и доставить сей товар от Рыбинска до Вознесения и Лахты по Мариинской системе. Фрахтовая цена по 5 ½ (пять с половиной) копеек с каждого сданного пуда нетто»[44].

В 1904 г. Нобели приступили к организации судоремонтного предприятия близ деревни Лосево. Здесь был сооружен слип – инженерное сооружение для подъема и спуска судов на воду, а первый подъем был выполнен в 1907 г. (в настоящее время ООО «Верфь братьев Нобель»). Доверенный Товарищества «Бр. Нобель» Иван Андреевич Краковский арендовал дом близ деревни Лосево[45]; его сын Иван Иванович Краковский (1910–1976) родился в Рыбинске и стал выдающимся советским судостроителем. На слипе Товарищества «Бр. Нобель» за 10 лет дореволюционного 1917 года не только отремонтировали многочисленные суда, но и построили три парохода и катер.

В 1912 г. Товарищество «Бр. Нобель» стало владельцем завода в с. Константиново[46]. Название завода «Завод Товарищества производства минеральных масел В.И. Рагозин и К°» не изменилось, так как его продукция уже пользовалась доверием потребителей. На момент покупки на предприятии ежегодно производилось 9,9 тыс. т осветительных масел, 7,2 тыс. т смазочных масел, 1,2 тыс. т различных нефтяных продуктов[47], что было в полтора раза ниже, чем в 1880-е гг.

Нефтяные продукты из Ярославской губернии отправлялись в 39 городов России: Петербург, Архангельск, Вологду, Великий Устюг, Тотьму, Витебск, Ригу, Виндаву (ныне г. Вентспилс, Латвия), Ковно (ныне г. Каунас, Литва) и т.д.[48] В книге нефтяных продуктов 1913 г., товарной книге 1914 г. и «Мемориале Ярославской конторы» за 1917 г. среди продуктов упоминались нефть, керосин, бензин, мазут, гудрон, пиронафт, солидол, масло веретенное, машинное, парфюмерное, соляровое, цилиндровое, графитная мазь. Среди

[41] РбФ ГАЯО. Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1. Л. 10.
[42] Там же. Л. 22.
[43] Там же. Л. 154.
[44] Там же. Л. 156.
[45] Там же. Л. 239.
[46] *Марасанова В.М.* Константиновский нефтеперерабатывающий завод имени Д.И. Менделеева // Ярославский календарь на 1999 год. Ярославль, 1999. С. 14–15.
[47] Список фабрик и заводов России… 1910. С. 983.
[48] ГАЯО. Ф. 668. Оп. 1. Д. 3. Л. 50; Ф. 966. Оп. 1. Д. 67. Л. 4–5.

расходных статей указано мытье цистерн, освещение, а также благотворительные пожертвования Комитетам призрения нищих, сирот и Красному Кресту.

В архиве сохранился договор о вступлении в должность доверенного Товарищества по Рыбинскому району с указанием жалования и размеров премирования: «Санкт-Петербург. 8 мая 1902 г. Правление Товарищества и отставной гвардейского экипажа лейтенант Иван Николаевич Величко» заключили договор с 1 января 1902 г. по 1 января 1903 г. И.Н. Величко принял на себя «заведывание торговлей нефтяными продуктами Товарищества и управление складами, судами и конторами Товарищества в Рыбинске и прилегающем к нему районе». Жалование ему было установлено в размере 6 тыс. руб. в год, а также выплачивалась «одна двенадцатая копейки с пуда всего количества проданного товара и 25 % от полученной экономии, сделанной в расходах»[49]. Отличное стимулирование с учетом объемов торговли. И.Н. Величко упоминался как доверенный Товарищества «Бр. Нобель» по Рыбинскому району как минимум с 1 февраля 1894 г. до 18 августа 1905 г. Далее доверенным значился И.А. Краковский (документы выявлены с 1907 г.).

Заработная плата тех, кто работал на перевозках Нобелей, была сопоставима с окладами квалифицированных рабочих. Годовой оклад командира парохода «Комар» В.И. Филиппова и машиниста баржи № 50 В.М. Павлова в 1913 г. составлял 420 руб., матросов – 120 руб., кочегаров – 204 руб., весовщики получали по 300–360 руб. Фельдшер Л.П. Каракин получал 540 руб. в год, электротехник И.В. Гермоненко имел наивысший оклад в размере 840 руб.[50]

В компании выдавались деньги к главным праздникам – Пасхе и Рождеству. Сохранились списки лиц для получения «праздничных» на Рождество 1913 г. по Копаевскому складу на 147 руб. 95 коп. и Рыбинской конторе «Бр. Нобель» на 192 руб.[51] Пострадавшим на производстве работникам выплачивались пособия за несчастные случаи. Сумма выплаты зависела от серьезности травм. Так, И.С. Пудовиков за несчастный случай в октябре 1908 г. получил 150 руб. Он пострадал при перевозке парового котла через Волгу на склад в деревне Копаево и получил «кровоподтеки, ссадины, ушибы и рану на ноге». После выплаты пособия, примерно равного его заработной плате за 10 месяцев, он дал расписку о том, что претензий к Товариществу не имеет[52].

Заключение. Сотрудничество В.И. Рагозина с Д.И. Менделеевым и деятельность Товарищества «Бр. Нобель» стали яркой страницей в истории промышленности и торговли не только региона, но и всей страны. Частная инициатива и организаторский талант Рагозина дополнились инновационными решениями науки для производства и соединились с мощью одной из наиболее влиятельных российских компаний.

Такое объединение заложило основу для развития нефтехимии в Ярославской губернии и привело к усложнению промышленной отраслевой структуры края, содействовало дальнейшему росту речного и железнодорожного транспорта. Завод в поселке Константиновский действует и ныне, несмотря на трудности и временные остановки производства. Сейчас это ООО «Ярославский опытно-промышленный нефтемаслозавод им. Менделеева», производитель масел, смазок и смазочных охлаждающих жидкостей – старейшее нефтехимическое предприятие России, развивающееся в соответствии с современными научно-технологическими и социально-экономическими трендами.

Литература

Грибеник Т.В. Становление и развитие производства углеводородных фракций для минеральных масел: на примере ОАО «Орскнефтеоргсинтез» и ОАО «Славнефть» – Ярославский нефтеперерабатывающий завод им. Д.И. Менделеева»: автореф. дис. … канд. техн. наук. Уфа, 2010. 23 с.

[49] РбФ ГАЯО. Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1. Л. 39.
[50] ГАЯО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 112.
[51] РбФ ГАЯО. Ф. Р-446. Оп. 4. Д. 1. Л. 309.
[52] Там же. Л. 240.

Дьяконова И.А. Нобелевская корпорация в России. М.: Мысль, 1980. 160 с.

Колесниченко Г.В. Братья Рагозины. Начало нефтяного дела России: Документальная биографическая повесть. СПб.: Альфарет, 2009. 756 с.

Колесниченко Г.В. Очерки истории Ярославского нефтеперерабатывающего завода им. Д.И. Менделеева. Рыбинск: Михайлов посад, 2001. 251 с.

Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности: Дореволюционный период. М.; Л.: Гостоптехиздат, 1954. 403 с.

Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в.: в 6 т. / под ред. акад. С.И. Вольфковича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1. 1958. 544 с.; Т. 2. 1949. 731 с.; Т. 3. 1949. 604 с.; Т. 4. 1955. 623 с.; Т. 5. 1961. 704 с.; Т. 6. 1965. 480 с.

Марасанова В.М. Константиновский нефтеперерабатывающий завод имени Д.И. Менделеева // Ярославский календарь на 1999 год / ЯОУНБ им. Н.А. Некрасова. Ярославль, 1999. С. 14–15.

Менделеев Д.И. Нефть // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Т. XX. С. 938–952.

Менделеев Д.И. О налоге на нефть [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/mendeleev/mendeleev_o_naloge_na_neft.html?ysclid=lnfgvn8chj444136316 (дата обращения: 07.10.2023).

Менделеев Д.И. Отдел X. Химическая промышленность // Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб.: Тип. В.С. Балашова и К°, 1893. С. 273–288.

Рагозин В.И. Нефть и нефтяная промышленность (С прил. Исследования кавказской нефти г.г. Марковникова и Оглоблина). СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1884. 561 с.

Рыбинская перевалочная нефтебаза Управления по Ярославской области Главного управления по снабжению народного хозяйства нефтепродуктами, 1918–1947 // Интернет-портал Архивной службы Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://af.yar-archives.ru/archive4/funds/10000075968?ysclid=lcr95yph5b957135147 (дата обращения: 09.02.2023).

Селезнев Ф.А. Нефтепродукты: поставки из Нижнего Новгорода в Москву // Московские поставщики: история в лицах. Кн. III. М.: Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей, 2022. С. 88–99.

Сергеев А.Ф., Рябой В.И. Нобели для России, Россия для Нобелей. Ярославль: Яросл. печатный двор, 2003. 461 с.

References

D’yakonova, I.A. (1980). *Nobelevskaya korporatsiya v Rossii* [Nobel Corporation in Russia]. Moscow, Mysl’. 160 p.

Gribenik, T.V. (2010). Stanovlenie i razvitie proizvodstva uglevodorodnykh fraktsiy dlya mineral’nykh masel: na primere OAO “Orsknefteorgsintez” i OAO “Slavneft” – Yaroslavskiy neftepererabatyvayushchiy zavod im. D.I. Mendeleeva [Formation and Development of the Production of Hydrocarbon Fractions for Petroleum Products: On the Example of OAO “Orsknefteorgsintez” and OAO “Slavneft” – D.I. Mendeleev Yaroslavl Oil Refinery], Cand. hist. sci. diss. abstract. Ufa. 23 p.

Kolesnichenko, G.V. (2001). *Ocherki istorii Yaroslavskogo neftepererabatyvayushchego zavoda im. D.I. Mendeleeva* [Essays on the History of the D.I. Mendeleev Yaroslavl Oil Refinery]. Rybinsk, Mikhaylov posad. 251 p.

Kolesnichenko, G.V. (2009). *Brat’ya Ragoziny. Nachalo neftyanogo dela Rossii: Dokumental’naya biograficheskaya povest’* [Ragozin Brothers. The Beginning of the Russian Oil Business: A Documentary and Biographical Story]. St. Petersburg, Al’faret. 756 p.

Lisichkin, S.M. (1954). *Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoy neftyanoy promyshlennosti: dorevolyutsionnyy period* [Essays on the History of the Development of the Domestic Oil Industry: Pre-Revolutionary Period]. Moscow, Leningrad, Gostoptekhizdat. 403 p.

Luk'yanov, P.M. (1948–1965). *Istoriya khimicheskikh promyslov i khimicheskoy promyshlennosti Rossii do kontsa XIX v.* [History of Chemical Crafts and Chemical Industry in Russia Until the End of the 19th Century]. In 6 vol. Moscow, Leningrad, AS SSSR. Vol. 1. 1948. 544 p.; Vol. 2. 1949. 731 p.; Vol. 3. 1949. 604 p.; Vol. 4. 1955. 623 p.; Vol. 5. 1961. 704 p.; Vol. 6. 1965. 480 p.

Marasanova, V.M. (1999). Konstantinovskiy neftepererabatyvayushchiy zavod imeni D.I. Mendeleeva [D.I. Mendeleev Konstantinovsky Oil Refinery]. In *Yaroslavskiy kalendar na 1999*. Yaroslavl, pp. 14–15.

Mendeleev, D.I. (1893). Otdel X. Himicheskaya promyshlennost' [Chemical Industry]. In *Vsemirnaya Kolumbova vystavka 1893 g. v Chikago. Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii*. St. Petersburg, Tip. V.S. Balashova i K°, pp. 273–288.

Mendeleev, D.I. (1897). Neft' [Oil]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. St. Petersburg. Vol. XX, pp. 938–952.

Mendeleev, D.I. O naloge na neft' [About the Oil Tax]. Available at: URL: http://dugward.ru/library/mendeleev/mendeleev_o_naloge_na_neft.html?ysclid=lnfgvn8chj444136316 (date of access 07.10.2023).

Rybinskaya perevalochnaya neftebaza, 1918–1947 [Rybinsk Transshipment Tank Farm]. Available at: URL: https://af.yar-archives.ru/archive4/funds/10000075968?ysclid=lcr95yph5b957135147 (date of access 09.01.2023).

Seleznev, F.A. (2022). Nefteprodukty: postavki iz Nizhnego Novgoroda v Moskvu [Petroleum Products: Deliveries from Nizhny Novgorod to Moscow]. In *Moskovskie postavshchiki: istoriya v litsakh*, p. III. Moscow, pp. 88–99.

Sergeev, A.F., Ryaboy, V.I. (2003). *Nobeli dlya Rossii, Rossiya dlya Nobeley* [Nobels for Russia, Russia for Nobels]. Yaroslavl, Yarosl. pechatnyy dvor. 461 p.

Т.В. Юденкова*

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ И МЕЦЕНАТЫ ПАВЕЛ И СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВЫ: ФАБРИЧНАЯ И ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОСКВЕ И КОСТРОМЕ В 1860–1880-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-9
УДК 94(07+339.16)(67-05)

Выходные данные для цитирования:
Юденкова Т.В. Московские купцы и меценаты Павел и Сергей Третьяковы: фабричная и торговая деятельность в Москве и Костроме в 1860–1880-е годы // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 131–146.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-09.pdf

T.V. Yudenkova*

MOSCOW MERCHANTS AND PATRONS PAVEL AND SERGEY TRETYAKOV: FACTORY AND TRADE ACTIVITIES IN MOSCOW AND KOSTROMA IN THE 1860–1880S

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-9

How to cite:
Yudenkova T.V. Moscow Merchants and Patrons Pavel and Sergey Tretyakov: Factory and Trade Activities in Moscow and Kostroma in the 1860–1880s // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 131–146.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-09.pdf]

Abstract. Little was known for a long time about the entrepreneurial activities of the Moscow merchant brothers Pavel and Sergei Tretyakov, the founders of the Tretyakov Gallery. The sole exception was the book of memoirs of P.M. Tretyakov's daughter, in which, based on archival documents, it was first told about the trade and factory activities of her father and uncle, as well as about the trade of her great-grandfather and grandfather. The historiography on this topic is still small. In recent years, a new block of archival materials has become available to the author of the article (GAKO, OR GTG, RGIA, CIAM), which allowed to expand the idea of the first steps of Pavel and Sergei Tretyakov in the field of entrepreneurship development, and to introduce new information into scientific circulation for further more accurate reconstruction of their trade and factory business. From a young age, the Tretyakovs were involved in the business life of the merchant class, they had a wide range of contacts formed with the Tretyakovs' entry into public life and into city administration. The formation of their worldview was undoubtedly influenced by the "Moscow" way of thinking and Slavophile ideas. Following the precepts of their father, they quickly brought the trading business to a new level. They went from modest shops in Gostiny Dvor to the establishment of a Trading House and a "Shop of Linen, Paper and Wool goods of Russian and Foreign" on Ilyinka, and then in 1866 they entered production, establishing a New Kostroma Linen Manufactory (NCLM), which operated until nationalization in 1918. The little-known history of Pavel Tretyakov's creation and acquisition of the painting "Ipatievsky Monastery near Kostroma" (1861, GTG) by A.P. Bogolyubov raises several important questions that could shed light on the missing links in the history of the foundation of the NCLM. A number of archival documents stored in the RGIA reveal the difficulties encountered by the Tretyakovs during the construction of the first factory buildings. The uneven, unstable development of the Tretyakov linen production can be traced through scattered archival documents, confirming the opinion of one of the experts of the All-Russian Art and Industrial Exhibition of 1882, as well as letters from P.M. Tretyakov himself. The new documents clarify many facts of the history of the creation of a Trading House, a Store on Ilyinka and NKLM in the initial period of existence in the 1860s–1880s.

* **Татьяна Витальевна Юденкова,** доктор искусствоведения, Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия; Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия, e-mail: udenkovatv@mail.ru
Tatiana Vitalievna Yudenkova, Doctor of Art History, State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia; Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia, e-mail: udenkovatv@mail.ru

Keywords: entrepreneurship, merchants, Moscow, Kostroma, New Kostroma Linen Manufactory, painting by A.P. Bogolyubov, Tretyakov collectors.

The article has been received by the editor on 18.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. О предпринимательской деятельности московских купцов братьев Павла и Сергея Третьяковых, основателей Третьяковской галереи, долгое время было известно немного. Исключение составила книга воспоминаний дочери П.М. Третьякова, в которой на основе архивных документов впервые рассказано о торговой и фабричной деятельности ее отца и дяди, также о торговле прадеда и деда. Историография по этой теме до сих пор невелика. В последние годы автору статьи стал доступен новый блок архивных материалов (ГАКО, ОР ГТГ, РГИА, ЦИАМ), который позволил расширить представление о первых шагах в сфере развития предпринимательства Павла и Сергея Третьяковых, ввести в научный оборот новые сведения для дальнейшей более точной реконструкции их торгового и фабричного дела. С молодых лет Третьяковы были вовлечены в деловую жизнь купечества, они имели широкий круг контактов, образовавшийся со вступлением Третьяковых в общественную жизнь и городское управление. На формирование их мировоззрения несомненно влиял «московский» образ мысли и славянофильские идеи. Следуя заветам отца, они быстро вывели торговый бизнес на новый уровень. Они прошли путь от скромных лавок в Гостином дворе до учреждения сначала Торгового дома и «Магазина Полотняных, Бумажных и Шерстяных товаров Русских и Заграничных» на Ильинке, а далее, в 1866 г., вышли на производство, учредив Новую Костромскую Льняную Мануфактуру (НКЛМ), действовавшую вплоть до национализации в 1918 г. Малоизвестная сегодня история создания и приобретения Павлом Третьяковым картины «Ипатьевский монастырь близ Костромы» (1861, ГТГ) работы А.П. Боголюбова поднимает несколько важных вопросов, которые могли бы пролить свет на недостающие звенья в истории основания НКЛМ. Ряд архивных документов, хранящихся в РГИА, приоткрывает трудности, возникшие у Третьяковых при строительстве первых фабричных корпусов. Неровное, нестабильное развитие льняного производства Третьяковых прослеживается по разрозненным архивным документам, подтверждая мнение одного из экспертов Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г., также письмами самого П.М. Третьякова. Новые документы уточняют многие факты истории создания Торгового дома, магазина на Ильинке и НКЛМ в начальный период существования в 1860–1880-е гг.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, Москва, Кострома, Новая Костромская Льняная Мануфактура, картина А.П. Боголюбова, Третьяковы-коллекционеры.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023 г.

Предпринимательская деятельность знаменитых московских купцов братьев П.М. и С.М. Третьяковых, основателей Третьяковской галереи, на протяжении XX в. находилась в тени исследовательских интересов. Отчасти это было связано со своего рода негласной цензурой на изучение деятельности купцов, в том числе и их благотворительности, в советской историографии. История нарождавшейся буржуазии в годы советской власти рассматривалась со знаком «минус». Исключение, быть может, составили воспоминания одной из дочерей Павла Третьякова Александры Боткиной[1], в которых на основе архивных документов впервые немного рассказано о торговой и фабричной деятельности

[1] *Боткина А.П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951.

братьев Третьяковых и также о торговле ее прадеда З.Е. Третьякова и деда М.З. Третьякова (эта книга воспоминаний с 1951 по 2012 г. выдержала шесть переизданий)[2].

Краткий обзор источников и историографии. Запрет на изучение истории купечества начал ослабевать с конца 1980-х – 1990-е гг., но Третьяковым не повезло. Государственный архив Костромской области (далее ГАКО), в котором хранились документы основанной ими Новой Костромской льняной мануфактуры[3], серьезно пострадал во время пожара в 1982 г., поэтому сегодня составить полную картину развития мануфактуры не представляется возможным. До пожара фонд № 469 «Льнопрядильная и льноткацкая фабрика Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры» за 1866–1918 гг. включал 670 дел. Сегодня в этом фонде лишь 139 единиц хранения доступны для исследовательской работы.

В 1990-е гг. первопроходцем в этой теме стала Л.И. Сизинцева[4], костромской исследователь по истории музейного дела и предпринимательства. Ее доклад о мануфактуре Третьяковых, прочитанный в Третьяковской галерее в начале 1990-х гг., стал для многих сотрудников музея открытием большой и важной темы.

Не могу не отметить многолетнюю деятельность В.В. Афанасина[5], бывшего много лет заместителем генерального директора ООО «БКЛМ-АКТИВ», в настоявшее время заведующего музеем Большой Костромской Льняной мануфактуры. При его непосредственном участии был создан музей мануфактуры Третьяковых в Костроме. Сегодня В.В. Афанасин – единственный хранитель музея, знаток истории мануфактуры, подвижник и энтузиаст своего дела. Благодаря его усилиям музей в последние годы стал в Костроме одной из точек притяжения для туристов.

Предлагаемая статья является частью большого исследования, посвященного судьбе коллекции П.М. Третьякова. Важным аспектом, наряду с искусствоведческими, является также изучение его деятельности в сфере промышленности и торговли, а также благотворительности. В основу исследования коммерческого дела и источника доходов Третьяковых для создания музея русского искусства в Москве легли материалы, разработанные в связи с подготовкой большой мемориальной выставки, посвященной Павлу и Сергею Третьяковым, состоявшейся в Третьяковской галерее в 2006 г.[6] Спустя некоторое время была опубликована моя статья «Предпринимательская и благотворительная деятельность Павла и Сергея Третьяковых»[7].

Полная историография проблемы представлена в моей монографии, изданной в 2015 г.[8] В последующий период наиболее ценным вкладом в литературу о Третьяковых является коллективная монография, объединившая материалы одноименной научной конференции «Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России»[9].

В январе 2022 г. был открыт Музей Павла и Сергея Третьяковых[10] (одно из научных подразделений Третьяковской галереи) в небольшом историческом двухэтажном доме в

---

[2] *Боткина А.П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 2012.

[3] С 1891 – Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры, с 1912 – Большая Костромская льняная мануфактура. В 1918 г. фабрика национализирована, в 1927 г. ей присвоено имя В.И. Ленина, ныне – Общество с ограниченной ответственностью «Большая Костромская Льняная Мануфактура-Актив» (ООО «БКЛМ-АКТИВ»).

[4] *Иванова Л.И.* (*Сизинцева Л.И.).* Царство красного кирпича // Памятники Отечества: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1991. № 1 (23). С. 87–94; *Сизинцева Л.И.* Доброе дело в нашем Отечестве // Губернский дом. 1995. № 5. С. 51–53.

[5] Адрес: г. Кострома, ул. Ерохова, 3.

[6] Мемориальная и историко-художественная выставка, посвященная П.М. и С.М. Третьяковым. Путеводитель по выставке. М., 2006. С. 19–25; Летопись жизни Павла Михайловича Третьякова // Павел и Сергей Третьяковы. Жизнь. Коллекция. Музей: к 150-летию Третьяковской галереи. М., 2006. С. 340–391.

[7] *Юденкова Т.В.* Предпринимательская и благотворительная деятельность Павла и Сергея Третьяковых // Отечественная история. 2007. № 2. С. 16–33.

[8] *Юденкова Т.В.* Братья П.М. и С.М. Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М., 2015.

[9] Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России. Кострома, 2015.

[10] По адресу: Москва, 1-й Голутвинский переулок, 16, стр. 1.

Голутвинском переулке, где семья Третьяковых жила с 1795 по начало 1840-х гг. до переезда в свой дом в Толмачах (где позже возникла первая экспозиция галереи Третьяковых). В экспозиции сегодня работает мультимедийный раздел «Архив предпринимателя», широко представляющий деятельность основателей Третьяковской галереи, в разработке которого участвовали многие специалисты, среди них известный исследователь предпринимательства и благотворительности Г.Н. Ульянова (материалы, собранные для этой работы, нашли отражение в статье о Третьяковых как поставщиках Императорского Двора[11]).

В последние годы, в том числе и в связи с разработкой концепции Музея Третьяковых, автору статьи стал доступен новый блок архивных материалов, выявленных в четырех архивохранилищах (ГАКО, Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, далее – ОР ГТГ; Российский государственный исторический архив, далее – РГИА; Центральный государственный архив г. Москвы, далее – ЦГА г. Москвы). Эти материалы позволили ввести в научный оборот новые сведения и вновь прикоснуться к большой и интересной теме реконструкции истории фабричного дела и – шире – предпринимательства братьев Третьяковых, несомненно требующей дальнейшего более глубокого изучения и уточнения многих фактов.

Предлагаемая статья затрагивает начальный 20-летний этап предпринимательской деятельности братьев Третьяковых в области льняного производства. Внимание сфокусировано на создании и развитии одного из крупнейших российских льнопрядильных и льноткацких предприятий, которое московские предприниматели развернули в Костроме в период с 1860-го по начало 1880-х гг.

Предпринимательская деятельность семьи Третьяковых. Павел (1832–1898) и Сергей (1834–1892) Третьяковы, москвичи в четвертом поколении, очень быстро оказались вовлечены в деловую жизнь московского купечества. Начало общественной, предпринимательской, благотворительной и даже собирательской деятельности братьев Третьяковых падает на вторую половину 1850-х гг. В их мировоззрении безусловно прочитывается воздействие «московского» образа мысли не только в силу обстоятельств жизни, но и по существу – в их мечтах, делах и поступках. Влияние славянофильских идей происходило опосредованно, укорененность Третьяковых в московской сословной купеческой и культурной жизни в значительной степени способствовала их формированию. А участие в городском самоуправлении, дух инициативы, активная жизненная позиция, присущая им с молодых лет, членство в просветительских и художественных учреждениях свидетельствуют о несомненной открытости духу либерализма и политике реформ Александра II.

Именно Павел и Сергей Третьяковы перешли на уровень крупного серьезного предпринимательства, следуя заветам своего отца, умершего в 1850 г. Михаил Захарович Третьяков оставил сыновьям несколько лавок, в которых шла торговля холщовым, полотняным, суконным товаром[12], также небольшую фабрику для подкраски, крахмаливания и отделки холста[13], находившуюся в их Бабьегородском имении (по названию местности Бабий Городок в Москве) в Голутвинском переулке Замоскворечья. Она принадлежала семье, по-видимому, с 1830-х гг. А их дед Захар Елисеевич – купец 3-й гильдии, затем 2-й гильдии, владел пятью лавками на углу холщового и золотокружевного рядов. С 1795 г. З.Е. Третьяков обосновался в этом домовладении в приходе церкви св. Николы в Голутвине Якиманской части, которое стало родовым гнездом Третьяковых, где впоследствии родились Павел и Сергей Третьяковы, и сегодня здесь, как уже сказано выше, основан музей, который носит имена основателей Третьяковской галереи.

---

[11] *Ульянова Г.Н.* Третьяковы – льняные ткани // Московские поставщики: история в лицах. М., 2020. С. 194–205.
[12] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4705. Л. 14–23.
[13] Атлас мануфактурной промышленности / сост. Н. Матисен. М., 1872. С. 66; Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-заводской статистики / сост., по официальным сведениям, П.А. Орлов. СПб., 1887 (Раздел Московская губ., отделочное производство. С. 78); Указатель фабрик и заводов и некоторых других заведений Северо-западного края, Царства Польского, С.-Петербурга, Москвы и Риги. Вильно, 1895. С. 170–171.

В 1859 г. в соответствии с духовным завещанием родителя братья Третьяковы вступают в управление всеми делами семьи по исполнении совершеннолетия младшему брату Сергею (25 лет). В 1860 г. они открывают торговый дом в образе полного товарищества под фирмою «П. и С. Братья Третьяковы и В. Коншин»[14] и при нем устраивают «Магазин полотняных, бумажных и шерстяных изделий, русских и заграничных» на улице Ильинке в Китай-городе (центральном коммерческом районе Москвы), в доме Бычкова и Плотникова[15].

С начала 1880-х гг. магазин переезжает в здание напротив Биржи – в подворье Иосифо-Волоколамского монастыря (ул. Ильинка), возведенное по проекту зятя Третьяковых архитектора А.С. Каминского. Об этом свидетельствует адрес на визитной карточке «Магазин Полотняных, Бумажных и Шерстяных товаров Русских и Заграничных Торгового Дома П. и С. Братьев Третьяковых и В. Коншина, в Москве на Ильинке против Биржи. Д[ом] Иосифского Монастыря»[16]. Текстильный товар для продажи поступал из Франции, Англии, Голландии, Ирландии[17]. Таким образом, братья Третьяковы продолжили торговую деятельность прадеда, деда и отца, имевших торговые лавки в Гостином дворе и московских торговых рядах, но теперь уже в ином статусе.

В торговый дом входили учредители, которые одновременно управляли коммерческими делами, их имена зафиксированы в названии фирмы. Они внесли самые существенные денежные вклады в паевой капитал. Братья Третьяковы вложили в семейное дело – в учрежденный ими торговый дом – гигантский по тем временам совместный капитал в размере 386 455 руб., В.Д. Коншин – 65 096 руб., но также были и другие вкладчики. Все они указаны в первом балансе торгового дома – «маменька» Павла и Сергея Михайловичей, Александра Даниловна Третьякова, дала 38 500 руб. и две их незамужние сестры София и Надежда соответственно 40 619 руб. и 26 145 руб. Также по счетам «от неизвестных» в акционерный капитал поступило 221 921 руб.[18]

Учреждение Торгового Дома стало первым этапом в становлении предпринимательства Третьяковых. Они вышли на новый уровень своей деятельности, оставляя далеко позади условия и принципы ведения торговли их отцом (а после его смерти попечителем К.А. Чеботаревым и их матерью А.Д. Третьяковой). О желании улучшить условия торговли говорит следующий факт: в том же 1860 г. молодые Третьяковы сдали в аренду «каменную лавку о трех затворах с дубовыми рамами и над оной во втором и третьих этажах палатки, состоящие в Москве Городской части 2-ого квартала в *большом смоленском суконном* (выделено мною. – *Т. Ю.*) ряду» сроком на четыре года[19]. Адрес и номера лавок совпадают с теми, которые описаны в первом завещании их отца М.З. Третьякова 1847 г.[20] Этот факт позволяет сделать вывод, что братья Третьяковы сдали в аренду лавки, доставшиеся им по наследству в московских торговых рядах против Красной площади, которые занимали пространство от Никольской улицы до Ильинской[21].

---

[14] Имя третьего партнера – зятя В.Д. Коншина – отражено в названии фирмы. Когда сыновья были еще подростками, их отец М.З. Третьяков, заботясь об успехах семейного предприятия, предусмотрительно в 1840-х гг. принял в свое дело приказчика Владимира Коншина. Спустя десять лет он взял с него обещание жениться на старшей дочери Елизавете, что и произошло два года спустя, после кончины главы семейства. Коншин стал равноправным компаньоном Третьяковых, они называли его братом. В течение всей дальнейшей жизни Владимир Коншин (1829–1915) до своей смерти оставался равным партнером и компаньоном.

[15] Топографический купеческий рядский календарь к плану московских рядов и гостиных дворов / сост. М. Рудольф. Издание В. Руднева. М., 1862. С. 89.

[16] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3672.

[17] О поступлениях товара из этих стран свидетельствует дочь П.М. Третьякова Вера Зилоти // Зилоти В.П. В доме Третьякова. М., 2016. С. 118.

[18] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4717. Л. 19.

[19] ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 1481. Л. 144–145.

[20] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. 4705. Л. 14.

[21] См. ст.: *Ульянова Г.Н.* Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 49–75.

По описаниям современников, ряды представляли собой «лабиринт» ветхих помещений длинных путаных рядов, не имевших ни плана, ни путеводителя. В хаотичном расположении лавок, к тому же не имевших отопления, покупатель легко терялся. Однако при этом с 1859 по 1866 г. Третьяковы нанимали там же «каменные лавки с палатками, состоящие в Москве Городской части 2 квартала в *большом крашенинном ряду* (выд. мною. – *Т. Ю.*) под №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8»[22], возможно, опасаясь, что торговля, открытая в отдельно стоящем магазине на Ильинке, не сложится. В этом проявлялась всегдашняя осмотрительность братьев Третьяковых и их партнера Коншина.

Спустя шесть лет в декабре 1866 г. состоялось официальное открытие Новой Костромской льняной мануфактуры, что обозначило важный этап деятельности Третьяковых – их выход в сферу производства.

Второго января (все даты даются по старому стилю) 1900 г. после смерти Павла Третьякова (1898)[23] состоялось чрезвычайное собрание владельцев паев Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. На нем присутствовал В.Д. Коншин, последний из учредителей Торгового дома, основанного в 1860 г., который передал все имущество торгового дома в собственность Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры[24]. Сюда входил и контракт на помещение магазина на Ильинке. С этого времени вывеска на магазине получила новое наименование «Преемники Торгового дома П. и С. бр. Третьяковы и В. Коншин Товарищество Новой Костромской Льняной Мануфактуры»[25]. Сохранившиеся фотографии доходного дома Иосифо-Волоколамского монастыря с вывеской фирмы Третьяковых сегодня можно датировать благодаря появившимся новым данным.

Почему братья Третьяковых избрали льнопрядильную отрасль текстильной промышленности? Почему братья Третьяковых обосновались в Костроме?

Однозначного ответа на этот вопрос Третьяковы не оставили. Позволим себе высказать предположение. С одной стороны, важные для самосознания третьего сословия вопросы наследования и развития бизнеса, понимаемые как своего рода неотъемлемая составляющая этического кодекса купеческих династий, прозвучавшие в духовном завещании Михаила Захаровича Третьякова (1847): «Так как образ торговли моей сыновьям моим известен, то я надеюсь, что они будут следовать всем моим правилам, которые я старался внушать им»[26].

Воспроизводство купеческого дела и в 1880-х гг. трактуется как существенная проблема в рамках дальнейшего развития страны в трудах идеолога российских предпринимателей В.А. Кокорева: «Успех этой деятельности зависит от продолжительного существования торговых домов, передающих из рода в род порядок ведения дел вместе с последовательным их усовершенствованием. На этом создается общее народное доверие к старинным торговым домам, представителей которых у нас мало»[27]. Любопытно, что в качестве образцовой в этом смысле Кокорев назвал льнопрядильную фабрику Третьяковых в Костроме[28]. «Переход семейного бизнеса от поколения к поколению не только опирался на требования законодательства и зависел от состава семьи, но и учитывал этические нормы, направленные на стабилизацию предпринимательской деятельности купеческого рода»[29], – развивает Г.Н. Ульянова тему преемственности семейного капитала среди российских фабрикантов.

С другой стороны, в середине XIX столетия Москва, будучи столицей русского купечества, переживала обновление всех сфер жизни: экономики, торговли, просвещения, строительства, благотворительности, культуры. В это время в древнейшей столице сложился

[22] ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 5. Ед. 1481. Л. 149 об.
[23] Третьяков умер в 1892 г.
[24] ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об. – 40.
[25] Там же. Л. 38.
[26] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. 4705.
[27] *Кокорев В.А.* Экономические провалы. По воспоминаниям 1837 года. М., 2002. С. 236.
[28] Там же. С. 257.
[29] *Ульянова Г. Н.* Преемственность как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021 № 3 (72). С. 107.

«уникальный союз славянофильски настроенного дворянства, бывшего своеобразным мозговым центром этого движения (А.С. Хомяков, братья И.С. и К.С. Аксаковы, братья И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, М.П. Погодин и др.), с русским купечеством»[30]. Если вектор размышлений ранних славянофилов был направлен на поиски дальнейшего самостоятельного пути развития России во всех сферах жизни, то поздние славянофилы (к ним относят И.С. Аксакова, А.И. Кошелева, Ф.В. Чижова, Ю.Ф. Самарина, В.А. Черкасского, кн. А.А. Щербатова и др.) пытались обновить славянофильское учение, провозгласив, в том числе, экономическую направленность своих интересов во благо отечества.

Со многими из них Третьяковы тесно общались. В 1860–1870-е гг. славянофильская мысль, славянофильское «слово» переходили в жизнь, в «дело». «Убеждения наши (т.е. славянофилов. – *Т. Ю.*) – удел не одних людей отвлеченных, мечтателей и поэтов, но и людей, признаваемых практическими»[31], – не уставал говорить И.С. Аксаков, бывший идейный лидер в московских общественных кругах в пореформенную пору. Именно в торгово-промышленном сословии, переживавшем период подъема национального самосознания, славянофилы искали и находили весомую поддержку своим устремлениям. Вокруг первых славянофильских журналов «Московский сборник», «Русская беседа», «Москва», «Москвич» и газет «Молва», «День», «Акционер» группировались купцы и фабриканты.

Первым специализированным журналом для предпринимателей, основанным при посредничестве К.С. Аксакова и при финансировании костромскими заводчиками Д.П., А.П., Н.П. Шиповыми, стал «Вестник промышленности» (1858–1861). Редактором выступил Ф.В. Чижов (1811–1877) – крупный предприниматель, финансист, один из руководителей Московского Купеческого банка и Московского купеческого общества взаимного кредита[32], уроженец Костромы, с конца 1850-х гг. один из главных создателей экономической программы славянофилов. Чижов полагал, что Россия в поисках своего пути развития должна творчески адаптировать европейский опыт. Одной из основных задач славянофилы называли идею «воспитания общества», для чего привлекали людей широких взглядов, иногда сторонников западничества. Примиряющим пунктом было содействие экономическому росту страны и развитию самосознания купцов и фабрикантов. В 1861 г. С.М. Третьяков (вместе с И.Ф. Мамонтовым, В.А. Кокоревым, Т.С. Морозовым) вошел в состав депутации от московского купечества для поддержки издания «Вестника промышленности», возглавляемого Ф.В. Чижовым.

С начала 1860-х гг. старания славянофилов обернулись активностью московской промышленной группы, составившей серьезный противовес петербургскому бизнесу, страдавшему большей разобщенностью. Петербургские столичные чиновники продвигали европейские идеи свободной торговли, по существу означавшие открытие границ иностранному капиталу, который угрожал на этом этапе промышленного развития основам еще неокрепшего малоконкурентного отечественного мануфактурного производства.

Братья Третьяковы с середины 1850-х гг. расширяют круг своих деловых контактов и начинают вовлекаться в общественную жизнь городского сообщества Москвы, в частности ими было сделано крупное пожертвование на военные нужды во время Крымской войны. Семья Третьяковых вместе с маменькой и сестрами в 1856 г. были причислены к сословию потомственных почетных граждан[33]. С.М. Третьяков активнее, нежели его старший брат, был

[30] *Кириченко Е.* Русское купечество и «русский стиль» // Вопросы искусствознания. 1994. № 2-3. С. 297.
[31] Цит. по: *Симонова И.А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 7.
[32] Ф.В. Чижов – славянофил, вложил все свои средства в строительство русских железных дорог, доходы с них после его смерти шли на строительство училищ и больниц в его родной Костроме и губернии. По воле его душеприказчиков, С.И. Мамонтова и В.Д. Поленова, были построены два училища в фабричном районе Костромы. С Чижовым Третьяковы могли встречаться в Московском Купеческом обществе и в банковском учреждении, действовавшем под названием «Московское купеческое общество взаимного кредита». Как свидетельствуют архивные документы, П.М. Третьяков переписывался с Чижовым (письма хранятся в ОР ГТГ) по поводу ряда художественных заказов (в том числе портрета художника А.А. Иванова), а Чижов выступал посредником при передаче денег художнику Поленову от Третьякова.
[33] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4720.

включен в общественно-политическую сферу деятельности, что в будущем позволило ему быть избранным на должность московского городского головы (1877–1881).

В 1853 г. Третьяковы знакомятся с семьей московских купцов братьев Медынцевых, владевших золототкаными и текстильными фабриками в Вышнем Волочке и доходными домами в Москве. В 1856 г. Сергей Михайлович женится на Елизавете Сергеевне Мазуриной, происходившей из богатой купеческой семьи, владевшей Реутовской мануфактурой. Ее отец был учредителем бумагопрядильного производства, оснащенного английскими машинами и паровыми турбинами. В 1860 г. его фабрика была преобразована в «Товарищество Реутовской Мануфактуры». Коммерческие и брачные связи укрепляют положение Третьяковых в сословии.

В середине 1860-х гг. текстильные фабриканты центральных российских губерний выступили организаторами первого частного банка – Московского Купеческого банка. На протяжении многих лет в его руководство входили Ф.В. Чижов, И.Ф. Мамонтов, В.И. Якунчиков, А.К. Крестовников, В.Д. Аксенов, П.П. Сорокоумовский, И.С. Ананов, И.С. Аксаков, И.К. Бабст, В.А. Кокорев, Т.С. Морозов, И.А. Лямин и др. В конце 1866 г. банк начал свою деятельность[34]. Однако за два года до этого, как свидетельствует архивный документ, изданный 14 июля 1864 г. на гектографе «Список лиц, изъявивших участвовать в Московском купеческом банке с указанием размера взноса», П.М. Третьяков уже значился среди лиц, сделавших первое вложение в дело основания банка[35].

В 1865 г. 42-летний П.М. Третьяков вошел в экспертную комиссию по оценке качества волокнистых, пряденых и ткацких изделий на всероссийской выставке мануфактурных произведений, проходившей в Москве[36]. В комиссии он представлен вместе с другими московскими купцами-текстильщиками, к тому времени известными предпринимателями, Г.И. Хлудовым, К.Т. Солдатенковым, С.В. Алексеевым, Т.С. Морозовым, П.А. Медынцевым, Ф.Ф. Резановым и др. В разделе «Льняная пряжа и ткани» было представлено всего семь предприятий, управляемых как русскими (Норская мануфактура, Зотов, Грибанов, Сеньковы, Никитин и др.), так и иностранными («Жирардовская мануфактура» Гилле и Дитриха из Варшавской губ., барон Штиглиц с парусным полотном с фабрики в Нарве) владельцами, – каждое из них было отмечено за превосходное качество продукции.

Комиссия особо отметила мануфактуру А.А. Зотова в Костроме, обратив внимание на русское происхождение директора фабрики Зотова, всех техников и мастеров на ней, а также их образование в российских технических учебных заведениях – все они «воспитанники Технологического Института и Московского Ремесленного заведения»; кроме того, в качестве заслуги «на поприще столь важной для России промышленности» было признано стремление владельца поставить в независимость от иностранцев «ведение такого сложного механического дела»[37]. Все представленные фабрики за те или иные категории товаров получили награды, а члены экспертной комиссии получили возможность ознакомиться «изнутри» с современными потребностями льняной отрасли и нюансами производства.

Среди костромских фабрик на московской выставке пряжу разного качества представляли предприятия А. Брюханова и И. Михина, братьев Сеньковых, Дьяконова, А. Зотова. Все они впоследствии будут работать с мануфактурой Третьяковых, а в каких-то случаях выступят также их конкурентами. Как следует из вышеизложенного, это указывает на знакомство и развитие личных контактов Третьяковых с костромичами в конце 1850–1860-х гг.

Поездки по делам торгового дома также расширяли горизонты молодых московских купцов Третьяковых. В эти ранние годы они посещали Нижний Новгород, Петербург, Киев. А путешествия за границу, которые начались с 1860 г., неизменно включали посещение Франции, Бельгии, Голландии, Англии, где находились главные европейские центры текстильной промышленности.

[34] *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1998. С. 19–22, 291.
[35] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4719. Л. 1–1 об.
[36] О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 г. Из «Журнала мануфактур и торговли». СПб., 1867. С. 1.
[37] Там же. С. 3–4.

Таким образом с конца 1850-х и до середины 1860-х гг. – в период «метаморфоз буржуазии» – Третьяковы уже вошли в узкий круг московского просвещенного купечества, которое во многом определяло главный вектор развития Москвы и России в пору обретения купечеством своих прав, обязанностей и свобод, а главное – осознания своей важной роли в экономической жизни страны. В числе наиболее ярких представителей московских купцов-промышленников, стоявших близко к славянофилам, следует назвать В.А. Кокорева, И.Ф. Мамонтова, К.Т. Солдатёнкова, П.И. Губонина, А.К. и В.К. Крестовниковых, К.В. Рукавишникова, С.М. и П.М. Третьяковых. С большой долей вероятности можно предположить, что общение с Ф.В. Чижовым, близким другом И.Ф. и С.И. Мамонтовых, задумавшим строительство железной дороги на восток через Троицу-Сергееву Лавру к Ярославлю, а впоследствии к Костроме[38], с братьями Д.П., А.П., Н.П. Шиповыми, с начала 1850-х гг. основавшими в Костроме первый чугунно-литейный завод, не прошло даром для Третьяковых.

Фабрика Третьяковых в Костроме: история создания. В истории основания фабрики Третьяковых имеется еще одна любопытная подробность. 16 марта (письмо не имеет даты) Павел Третьяков получил от художника А.П. Боголюбова картину «Ипатьев монастырь», как следует из письма, ранее заказанную[39]. Пейзажист просил выслать причитающуюся ему сумму 350 руб. со следующим комментарием: «Виденный вами и ныне оконченный “Ипатьев монастырь”. Дай Бог, чтобы он Вам понравился и был *похуже погодой, чем вы его впервые видели* [выд. Боголюбовым. – *Т. Ю.*]. Прошу Вас по получении откровенно сказать мне Ваше мнение, чем премного обяжете»[40].

История этого полотна позволяет поразмышлять об установлении связей Третьяковых с Костромой.

Подчеркнутые художником слова с большой долей вероятности относятся к картине «Ипатьевский монастырь близ Костромы» (1861, Третьяковская галерея), приобретенной П.М. Третьяковым у художника весной 1861 г. (принятая ранее дата приобретения 1862 г. в настоящее время вызывает сомнения). На каком основании картина датирована 1861 г. сегодня также непонятно. Боголюбов совершил два путешествия по Волге – в мае-сентябре 1861 г. и в июне-октябре 1863 г. Упоминаний о картине он не оставил. В хронике жизни Боголюбова исследователь его творчества Н.В. Огарева высказала предположение о знакомстве П.М. Третьякова и А.П. Боголюбова в 1861 г. во время посещения художником Москвы после путешествия по Волге[41]. Видимо, на основании версии Н.В. Огаревой, картина получила дату 1861 г. В какой момент Третьяков увидел первый раз картину? В петербургской ли мастерской художника в 1861 г.? Или в 1863 г., т.е. после второго путешествия? Или художник и коллекционер встретились в Костроме, где и был заказан пейзаж?

Весьма знаменательно место, с которого запечатлен знаменитый монастырь, – то самое место, на котором впоследствии будет возведена Новая Костромская льнопрядильная мануфактура – на левом берегу р. Костромы при впадении ее в Волгу. Думается, что приобретение этой картины было неслучайным[42], но по-прежнему остается открытым ряд

[38] Московско-Троицкая железная дорога, соединившая Москву и Сергиев Посад, была открыта в 1862. Организатор строительства железной дороги – Ф.В. Чижов. Одним из компаньонов акционерного общества и главным вкладчиком был И.Ф. Мамонтов. После его смерти акции железнодорожной компании перешли к С.И. Мамонтову, который стал директором Общества Московско-Ярославской железной дороги. Движение по железной дороге до Ярославля открыто в 1870 г. Линия, связывающая Кострому с Ярославлем и Москвой, была построена в 1887 г.

[39] А.П. Боголюбов к П.М. Третьякову 16 марта [1862] (дата письма предположительно поставлена в квадратные скобки составителями издания писем, так как само письмо не имеет даты). Не исключена более поздняя дата письма и соответственно дата приобретения – 1863–1864 (?) // Письма художников П.М. Третьякову. М., 1960. С. 117–118.

[40] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 572.

[41] Летопись жизни и деятельности художника А.П. Боголюбова / сост. Н.В. Огарева. Саратов, 1988. С. 35.

[42] Версия о вероятной связи в приобретении этого полотна с первыми размышлениями братьев Третьяковых об учреждении в Костроме льняной мануфактуры была впервые высказана в монографии автора этой статьи: *Юденкова Т.В.* Другой Третьяков: Судьба и коллекция одного из основателей Третьяковской галереи. М., 2012. С. 23.

вопросов, и среди них – посетили ли уже Третьяковы к моменту приобретения пейзажа Кострому? Состоялся ли уже к этому моменту выбор Третьяковыми места для строительства фабрики?

История бытования полотна Боголюбова в коллекции Третьяковых также необычна и свидетельствует об особом к ней отношении обоих братьев. Этот пейзаж появился в залах Галереи довольно поздно. Со времени покупки, т.е. с начала 1860-х гг., картина находилась в жилых комнатах особняка Павла Михайловича в Толмачах. Неизвестно, когда полотно перешло из коллекции старшего брата к младшему, но в 1891 г. оно числилось в описи коллекции Сергея Михайловича, т.е. в особняке на Пречистенском бульваре[43]. После его смерти в 1892 г. картина снова перешла в собственность Павла Михайловича, но не в экспозицию Галереи, а опять в жилые комнаты его особняка. И только в 1897 г. картина была принесена в дар Галерее ее основателем, перешла в музей и включена в каталог Третьяковской галереи[44]. Дальнейшее уточнение истории создания и приобретения этой картины могло бы пролить свет на недостающие звенья в истории в основании Новой Костромской льняной мануфактуры.

В текстильном предприятии, открытом Третьяковыми, в фабричном районе на окраине Костромы видится не только дело случая, но прежде всего продуманность и основательность подхода. В Верхневолжских губерниях России сосредоточились многие текстильные производства, осваивавшие новые территории, занимая рабочие руки, способствуя развитию конкуренции.

Например, Третьяковская мануфактура находилась по соседству с прядильной фабрикой А.В. Брюханова, одного из первых владельцев полотняной мануфактуры в Нерехте в Костромском крае (с 1840-х гг.). Она соседствовала с механическим заводом уже упоминавшихся братьев Д.П., А.П., Н.П. Шиповых, просвещенных русских предпринимателей, группировавшихся вокруг славянофила Ф.В. Чижова. Следует напомнить, что основание завода Шиповых в 1852 г. придало большой импульс развитию фабричного производства именно в Костроме. Мануфактура Третьяковых, расположенная напротив Ипатьевского монастыря, формировала панораму города. Этот вид запечатлен в начале XX в. на картине «Вид фабричного района Костромы. Весенний день» (Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), исполненной зятем Павла Михайловича Третьякова, художником-маринистом Н.Н. Гриценко (предположительная датировка между 1897 и 1900 гг.). Думается, что все эти обстоятельства повлияли на решение братьев Третьяковых основать льнопрядильную и льноткацкую фабрику именно в Костроме.

История **Новой Костромской льняной мануфактуры**, ее быстрое и успешное развитие, как при основателях, так и впоследствии при их наследниках, естественным образом отражает динамику роста льняной промышленности в России начиная с 1860-х гг. и до ее национализации в 1918 г. Однако путь Новой Костромской льняной мануфактуры к высоким показателям, как, впрочем, и развитие льняной отрасли, не был ровным и стабильным.

В 1866 г. было получено разрешение императора Александра II на учреждение потомственными почетными гражданами, московскими 1-й гильдии купцами Павлом Михайловым и Сергеем Михайловым Третьяковыми, Владимиром Дмитриевым Коншиным и костромским 2-й гильдии купцом Константином Яковлевым Кашиным Товарищества на паях Ново-Костромской льняной мануфактуры. 16 декабря 1866 г. был утвержден устав: «Товарищество … имеет целью устройство и содержание льнопрядильной и ткацкой фабрик в городе Костроме на земле, состоящей при реке Костроме, арендованной учредителями на 99 лет у Костромского губернского земства»[45].

[43] ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 5080. Л. 2.
[44] Каталог художественных произведений Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. М., 1897. № 626.
[45] ПСЗ. Собрание второе. Том XLI. Отд. второе. 1866. СПб., 1868. С. 399–403.

При учреждении мануфактура включала три цеха: прядильный на 4 804 веретен, ткацкий с 22 ткацкими станками и отбельный[46] – эта информация переходит из одной статьи в другую. 28 декабря 1866 г. «Костромские губернские ведомости» опубликовали объявление: «В час пополудни состоится торжественное богослужение по случаю открытия фабрики механического льнопрядения и ткачества “Новой Костромской мануфактуры” … Первоначальный капитал составил 270 тысяч руб. Из них братья Третьяковы и Коншин внесли по 70 тыс. руб.; Кашин – 60 тыс. руб.»[47].

В хранящемся ныне в Костромском архиве (ГАКО) первом протоколе заседания учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры от 30 декабря 1866 г.[48] на основании принятого Устава вынесено постановление – учредители П.М. и С.М. Третьяковы, В.Д. Коншин, К.Я. Кашин приняли на себя обязанность быть директорами правления; заведывание мануфактурой поручили К.Я Кашину за определенное вознаграждение. По некоторым сведениям, костромской[49] купец К.Я. Кашин, один из опытных текстильщиков, в то время работал на льнопрядильне, основанной нерехтским купцом А.В. Брюхановым в 1850-е гг., партнерами которого стали будущие известные владельцы льнопрядильных мануфактур в Костроме А.А. Зотов и Г.И. Михин. Знание Кашиным местных условий, его технологические навыки стали главной причиной приглашения его Третьяковыми в партнеры.

Вышеупомянутый протокол подписан всеми учредителями. Третьяковы, вероятно, посещали Кострому и ранее. Первое посещение П.М. Третьякова зафиксировано документально и отмечено в хронике жизни коллекционера – 11 июля 1866 г., когда он приехал на заседание правления Новой Костромской льняной мануфактуры в Кострому[50].

В изучении истории одного из крупнейших российских льнопрядильных и льноткацких предприятий весьма важны следующие вопросы: как быстро была построена первая очередь фабричных корпусов? когда и как проходило строительство? Архивы пока молчат.

Однако важную информацию дает обнаруженный в РГИА документ «О доме и льнопрядильной фабрике в городе Костроме, самовольно построенных купцом Кашиным» (24 мая – 10 июля 1867 г.). Этот источник повествует об определенных трудностях, с которыми столкнулся будущий исполнительный (говоря сегодняшним языком) директор Новой Костромской льняной мануфактуры купец К.Я. Кашин при получении разрешений на возведение первых фабричных корпусов. 24 февраля 1866 г. он ходатайствовал о дозволении ему вместе с московскими почетными гражданами П.М. и С.М. Третьяковыми и В.Д. Коншиным устроить льнопрядильную фабрику и газовый завод[51] в г. Костроме на взятой им на 99 лет земле, принадлежащей Земству губернского правления. В апреле того же г. Кашину дозволено было устройство фабрики, а 25 мая 1866 г. губернский архитектор И.У. Рот (Роут, академик Академии художеств)[52] донес, что Кашин производит постройку фабрики без утвержденных плана и фасада.

---

[46] Вестник мануфактурной промышленности. Общедоступный журнал. М., 1911–1912. № 30/6 [Электронный ресурс] // Национальная Электронная Библиотека. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000167537?page=26&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.07.2023).

[47] Костромские губернские ведомости. 1866. 28 дек.

[48] Это первый лист протоколов собраний учредителей Новой Костромской льняной мануфактуры, сохранившийся в ГАКО. Были ли до этого собрания правления мануфактуры – остается неизвестным // ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[49] В некоторых краеведческих статьях К.Я. Кашин назван московским купцом. См. напр., статью: *Велиховский Л.Н.* Кашинский дом // Губернский Дом. Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. 2006. № 6 (75). С. 40.

[50] Летопись жизни П.М. Третьякова. Павел и Сергей Третьяковы. Жизнь. Коллекция. Музей. К 150-летию Третьяковской галереи. М., 2006. С. 347.

[51] Далее материалов о газовом заводе не обнаружено.

[52] В документе инициалы отсутствуют, возможно имеется в виду архитектор швейцарского происхождения, выпускник Императорской Академии художеств И.У. Рот (Роут) // Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств / сост. С.Н. Кондаков. М., 2002. С. 399.

В письме от 30 мая того же года Кашин отвечал, что на территории, состоящей между улицами Константиновской, Острожной и Речной, он желает устроить каменный 3-этажный корпус для льнопрядильной фабрики, при ней деревянный дом с двумя флигелями на каменных этажах, также деревянный дом на каменном фундаменте. Кашин представил план местности и проект постройки[53]. При осмотре земли выяснилось отсутствие «межевых признаков», отделяющих территорию города от арендуемой земли. Проект на постройку фабрики некоторое время оставался неутвержденным[54]. 30 декабря 1866 г. губернатор В.И. Доргобужинов постановил разрешить «дальнейшее производство работ по постройкам»[55]. Примечательно, что заявление губернатора состоялось спустя два дня после освящения Новой Костромской льнопрядильной мануфактуры 28 декабря 1866 г.

Упоминаний о Новой Костромской льнопрядильной мануфактуре в экономико-статистической литературе второй половины XIX в. немного. Мануфактура братьев Третьяковых и Коншина включена в статистический сборник по Костромской губернии, в котором представлен список заводов и фабрик, производство которых в 1867 г. превышало 10 тыс. руб. В Костроме на тот момент действовали три льнопрядильные фабрики: Зотова (1 805 рабочих, годовое производство 950 тыс. руб.), Брюханова, Михина (1 018 рабочих, годовое производство 559 800 руб.), Третьяковых, Коншина, Кашина (748 рабочих, годовое производство 293 430 руб.)[56]. В первый год существования Новая Костромская льнопрядильная мануфактура замыкала тройку крупных льняных мануфактур, которые далее станут успешно конкурировать между собой.

В ранние годы существования мануфактура Третьяковых и Коншина уже имела слесарные и кузнечные мастерские, обслуживающие производственные мощности прядения и ткачества. Мануфактура развивала партнерские связи с костромскими торговцами и поставляла на продажу льняное сырье (не подвергнутое прядению) – лен-сырец, очесы и отходы льна, кудель[57] (очищенное льняное волокно льна, приготовленное для прядения), также готовую пряжу от № 10, 18 (грубой, полугрубой пряжи) до № 50 (более тонкой), рогожу, суровые полотна[58] и, конечно, полотно суровое и отбеленное. Виды ткани зависели от обработки льна. Из чесаного льна получали нежные мягкие полотна, а из очесов грубые – холсты, мешковину. Среди кредиторов мануфактуры встречается имя заводчика Шипова[59], что свидетельствует о производственных контактах двух предприятий.

Скромные масштабы производства на начальном этапе существования предприятия довольно быстро были преодолены. Предприятие разрасталось, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы (к сожалению, весьма разрозненные).

Данные о Новой Костромской льнопрядильной мануфактуре сразу после начала ее работы (1867 г.) позволяют сравнить с данными на 30 января 1899 г., т.е. через 32 года и спустя два месяца после смерти Павла Михайловича Третьякова. Ближе к концу XIX в. вырабатывались полотна различной отделки – белые, суровые, окрашенные, рогожка, полотно для белья, простыни, носовые платки. Тогда на фабрике числилось 4 205 рабочих. Цифры показывают, что количество рабочих выросло по сравнению с начальным периодом в шесть раз, возрастал также профессиональный уровень работников – появились высокооплачиваемые мастера и подмастерья[60].

Согласно уставу 1866 г., операционный год на предприятии начинался на Пасху, первые два года прибыль поступала не к владельцам, а в запасной капитал, что гарантиро-

[53] РГИА. Ф. 1287. Оп.40. Д. 160. Л. 1–5 об.
[54] Там же. Л. 4 об.
[55] Там же. Л. 5–5 об.
[56] Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1870. Вып. 1. С. 18.
[57] ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1 об. – 2 (1867–1868).
[58] Там же. Ед. хр. 8. Л. 2, 4 (1868).
[59] Там же. Ед. хр. 4. Л. 4 (1867–1868).
[60] Месячный оклад рабочих колебался от 3 руб. 60 коп. до 48 руб., мастеров и подмастерьев (164 человека) – с годовым окладом от 108 до 940 руб., 13 человек с годовым окладом каждому от 1 200 до 2 640 руб. Выплата зарплаты в декабре 1898 г. составляла 134 644,9 руб. серебром // ЦГА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 1982. Л. 17.

вало бесперебойную работу предприятия. И только по прошествии двух лет общее собрание владельцев паев приняло решение о размере отчислений (дивидендов) как владельцам, так и в капитал фирмы[61].

Первый документ, позволяющий судить об успехах мануфактуры, – журнал собрания учредителей от 3 июня 1871 г.[62] Он дает сведения о том, что с весны 1867 по весну 1871 г. чистая прибыль составила 145 300 руб. серебром, из нее поступило братьям Третьякову и Коншину 42 паевых листа (по 14 паев каждому), Кашину – 12 паев. Стоимость одного пая составляла 1 500 руб. серебром. Оставшаяся сумма 64 300 руб. серебром была перечислена в фонд запасного капитала. В последующие два года прибыль составила 167 805 руб. серебром, остальную сумму 135 тыс. руб. серебром перевели по решению учредителей в запасной капитал. В последующий период, как прослеживается по отчетам, увеличение запасного капитала происходило с завидной регулярностью.

В зависимости от состояния рынка стоимость одного пая Новой Костромской льнопрядильной мануфактуры менялась. Минимальная цена пая зафиксирована в годы балканского кризиса (1876–1877) – 500 руб. серебром[63]. Любопытно, что в историческом обзоре развития льняной промышленности (1883) также сказано, что с окончанием Русско-турецкой войны наступил застой в льняном производстве. Если к концу 1870-х гг. льнопрядилен было больше, чем в конце 1860-х гг., «то на каждую из них количества выделанной пряжи приходилось менее, чем прежде»[64].

В 1879 г. стоимость пая Новой Костромской льнопрядильной мануфактуры «взлетела» до 1 771 руб. серебром[65], в 1880 г. – до 2 115 руб. серебром[66]. В начале 1880-х гг. наступил серьезный кризис, который затронул все льняное производство. Армия перешла на хлопчатобумажную амуницию, и в результате упал спрос на лен, потому что его вытеснил хлопок. В 1881 г. последовало соответствующее падение стоимости пая до 675 руб. серебром[67], но затем начался постепенный рост. В 1890 г. фиксированная стоимость одного пая стала составлять 5 000 руб. серебром и встал вопрос об изменении некоторых пунктов устава. Очевидно, что за прошедшие первые 25 лет существования предприятия некоторые позиции устарели[68].

Неровное, нестабильное развитие льняного дела прослеживается по разрозненным архивным документам и подтверждается мнением одного из экспертов Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г.: «Дело до сих пор не упрочилось, как нормальное промышленное дело, оно имеет характер как будто опытов, начинаний, самоотверженных порывов, разочарований и жертв, о которых постоянно говорят производители»[69]. Сомнения и надежды из года в год сопровождали предпринимательское дело Третьяковых, требуя неустанных экспериментов и реагирования на развитие рынка. П.М. Третьяков жаловался художнику П.П. Чистякову в письме 1885 г.: «Весь год прошедший был очень тяжелый, да и этот начался плохо: тяжелое положение по всей России, особенно торговому люду круто приходится. Бог знает, скоро ли улучшатся дела? Да и улучшатся ли?»[70].

Представленный материал позволяет прийти к следующим выводам.

Устройство предприятия в условиях достаточно развитого рынка текстиля в Российской империи было для Третьяковых весьма сложным. Требовалось наладить поставки сырья, построить корпуса предприятия, найти опытных управляющих и инженеров-

[61] ПСЗ. Собрание второе. Том XLI. Отд. второе. 1866. СПБ., 1868. С. 402.
[62] ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2 Л. 2– 2 об.
[63] Там же. Л. 5.
[64] Историко-статистический обзор промышленности России / под ред. Д.А. Тимирязева. Т. II. Вып. I. Изделия из волокнистых веществ. СПб., 1883. С. 25.
[65] ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
[66] Там же. Л.7 об.
[67] Там же. Л. 8.
[68] Там же. Л. 20.
[69] Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Т. 6. Общее обозрение выставки в связи с успехами важнейших отраслей нашего народного хозяйства. СПб., 1884. С. 252.
[70] Письма. Записные книжки. Воспоминания. 1832–1919 / Чистяков П.П. М., 1953. С. 171.

техников. Одновременно следовало наладить отношения с ближайшими конкурентами в производстве льняной продукции, прежде всего с фабрикантами Верхневолжского региона. Важным моментом была организация транспортировки готовой продукции к покупателям – на фабрики, а также в московский «склад» и на Нижегородскую ярмарку.

История традиционно делится на два этапа[71]. Первый – с 1866 по 1880 г. – связан с развитием преимущественного производства пряжи (директор прядильни Н.Ф. Кудрявцев) при медленном развитии ткацкого производства. При начале деятельности предприятия было введено 4 804 веретена, к 1880 г. их количество выросло почти в три раза – до 13 788 веретен, а к 1900 г. число достигло 52 576 веретен (46 800 мокрых, 1 400 сухих, 3 756 крутильных), что показывает увеличение почти в четыре раза[72]. Эти данные о развитии производства свидетельствуют об успехе дела Третьяковых, которое за 20 лет начального существования крепко встало на ноги. Второй этап начался в конце 1880-х гг., когда активизировалось развитие ткацкого производства и была проведена массовая механизация фабрики, но этот сюжет будет темой дальнейших исследований.

Литература

Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М.: Гос. Третьяковская галерея, 1951. 368 с.

Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве / отв. ред. Л.И. Иовлева. 6-е изд. М.: Арт-Волхонка, 2012. 631 с.

Велиховский Л.Н. Кашинский дом // Губернский Дом. Историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. 2006. № 6 (75). С. 40–42.

Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России: коллективная монография / Костромск. гос. историко-архитектурный и худож. музей-заповедник; Е.А. Чугунов (науч. ред.), Н.В. Павличкова (отв. ред.), И.С. Наградов. Кострома: Костромаиздат, 2015. 160 с.

Зилоти В.П. В доме Третьякова. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2016. 560 с.

Иванова Л.И. (Сизинцева Л.И.). Царство красного кирпича // Памятники Отечества: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1991. № 1 (23). С. 87–94.

Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М.: Вестн. мануфакт. пром-сти, 1915. Т. 1. 488 с.

Кириченко Е. Русское купечество и «русский стиль» // Вопросы искусствознания. 1994. № 2–3. С. 296–311.

Кокорев В.А. Экономические провалы. По воспоминаниям 1837 года. М.: Экономическая газета, 2002. 381 с.

Мемориальная и историко-художественная выставка, посвященная П.М. и С.М. Третьяковым. Путеводитель по выставке / авт.-сост. и авт. статьи Т.В. Юденкова. М.: Тульская типография, 2006. 46 с.

Павел и Сергей Третьяковы. Жизнь. Коллекция. Музей: к 150-летию Третьяковской галереи / сост. и автор концепции Т.В. Юденкова. М.: Махаон, 2006. 46 с.

Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М.: РОССПЭН, 1998. 368 с.

Сизинцева Л.И. Доброе дело в нашем Отечестве // Губернский дом. 1995. № 5. С. 51–53.

Симонова И.А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 335 с.

Ульянова Г.Н. Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 49–75.

Ульянова Г.Н. Преемственность как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 2021. № 3 (72). С. 107–115.

[71] *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 1. С. 349.
[72] Там же. С 350.

Письма. Записные книжки. Воспоминания. 1832–1919 / П.П. Чистяков; сост., прим. Э. Балютин, Н. Молева. М.: Искусство, 1953. 590 с.

Юденкова Т.В. Предпринимательская и благотворительная деятельность Павла и Сергея Третьяковых // Отечественная история. 2007. № 2. С. 16–33.

Юденкова Т.В. Другой Третьяков: Судьба и коллекция одного из основателей Третьяковской галереи. М.: Арт-Волхонка, 2012. 390 с.

Юденкова Т.В. «Не отстранять от торговли и от своего сословия…»: Заветы отца братьев Третьяковых // Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России: коллективная монография. Кострома: Костромаиздат, 2015. С. 45–58.

Юденкова Т.В. Братья П.М. и С.М. Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М.: Буксмарт, 2015. 528 с.

References

Balyutin, E., Moleva, N. (Comp.). (1953). Chistyakov, P.P. *Pis'ma. Zapisny'e knizhki. Vospominaniya. 1832–1919* [Letters. Notebooks. Memories. 1832–1919]. Moscow, Iskusstvo. 590 p.

Botkina, A.P. (1951). *Pavel Mikhaylovich Tret'yakov v zhizni i iskusstve* [Pavel Mikhailovich Tretyakov in Life and Art]. Moscow, Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. 368 p.

Botkina, A.P. (2012). *Pavel Mikhaylovich Tret'yakov v zhizni i iskusstve* [Pavel Mikhailovich Tretyakov in Life and Art]. Moscow, Art-Volkhonka. 631 p.

Chugunov, E.A., Pavlichkova, N.V., Nagradov, I.S. (Eds.). (2015). *Dinastiya Tret'yakovykh v istorii promyshlennogo razvitiya i blagotvoritel'nosti Rossii: kollektivnaya monografiya* [Tretyakov Dynasty in the History of Industrial Development and Favor of Russia: Collective Monograph]. Kostroma, Kostromaizdat. 160 p.

Ioksimovich, Ch.M. (1915). *Manufakturnaya promy'shlennost' v proshlom i nastoyashhem* [Manufacturing Industry in the Past and Present]. Moscow, Vestnik manufakturnoy promyshlennosty. Vol. 1. 488 p.

Ivanova, L.I. (Sizintseva, L.I.) (1991). Tsarstvo krasnogo kirpicha [The Kingdom of Red Brick]. In *Pamyatniki Otechestva: al'manakh Vserossiyskogo obshhestva okhrany' pamyatnikov istorii i kul'tury'*. Moscow, Sovetskaya Rossiya. No. 1 (23), pp. 87–94.

Kirichenko, E. (1994). Russkoe kupechestvo i "russkiy stil'' [Russian Merchants and the "Russian Style"]. In *Voprosy' iskusstvoznaniya*. No. 2–3, pp. 296–311.

Kokorev, V.A. (2002). *E'konomicheskie provaly'. Po vospominaniyam 1837 goda* [Economic Failures. According to the Memoirs of 1837]. Moscow, Ekonomicheskaya gazeta. 381 p.

Petrov, Yu.A. (1998). Kommercheskie banki Moskvy'. Konecz XIX v. – 1914 g. [Commercial Banks of Moscow. The End of the 19th Century – 1914]. Moscow, ROSSPEN. 366 p.

Simonova, I.A. (2002). *Fedor Chizhov* [Fedor Chizhov]. Moscow, Molodaya gvardiya. 335 p.

Sizintseva, L.I. (1995). Dobroe delo v nashem Otechestve [A Good Deed in Our Fatherland]. In *Gubernskiy dom.* No. 5, pp. 51–53.

Ulianova, G.N. (2016). Verkhnie torgovye ryady na Krasnoy ploshchadi v Moskve v 19th – nachale 20th v. [Upper Rows of Stalls in the Red Square in Moscow as a Retail Space in the 19th and Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 49–75.

Ulianova, G.N. (2021). Preemstvennost' kak ekonomicheskoe i moralnoe osnovanie deyatelnosti moskovskikh kupecheskikh semeynykh firm (XIX – nachalo XX v.) [Succession as an Economic and Moral Basis for Moscow Merchant Family Firms' Activities. 19th – Early 20th Century]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (72), pp. 107–115.

Velikhovskiy, L.N. (2006). Kashinskiy dom [Kashinsky House]. In *Gubernskiy Dom, Istoriko-kraevedcheskiy kul'turno-prosvetitel'skiy nauchno-populyarny'y zhurnal.* No. 6 (75), pp. 40–42.

Yudenkova, T.V. (2007). Predprinimatel'skaya i blagotvoritel'naya deyatel'nost' Pavla i Sergeya Tret'yakovy'kh [Entrepreneurial and Charitable Activities of Pavel and Sergey Tretyakov]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 16–33.

Yudenkova, T.V. (2012). Drugoy Tret'yakov: Sud'ba i kollektsiya odnogo iz osnovateley Tret'yakovskoy galerei [The Other Tretyakov: The Fate and Collection of One of the Founders of the Tretyakov Gallery]. Moscow, Art-Volkhonka. 390 p.

Yudenkova, T.V. (2015). "Ne otstranyat' ot torgovli i ot svoego sosloviya…": Zavety ottsa brat'ev Tret'yakovykh ["Do Not Leave the Horse and the Horse of the Estate…": Athers Tretyakov Fraternal Covenants]. In *Dinastiya Tret'yakovyh v istorii promyshlennogo razvitiya i blago-tvoritel'nosti Rossii: kollektivnaya monografiya.* Kostroma, Kostromaizdat, pp. 45–58.

Yudenkova, T.V. (2015). *Brat'ya P.M. i S.M. Tret'yakovy: mirovozzrencheskie aspekty kollektsionirovaniya vo vtoroy polovine XIX veka* [Brothers P.M. and S.M. Tretyakov: Worldview Aspects of Collecting in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, Buksmart. 528 p.

Yudenkova, T.V. (Comp.). (2006). Memorial'naya i istoriko-khudozhestvennaya vystavka, posvyashchennaya P.M. i S.M. Tret'yakovym. Putevoditel' po vystavke [Memorial and Historical and Aartistic Embroidery Dedicated to P.M. and S.M. Tretyakov. Exhibition Guide]. Moscow, Tul'skaya tipografiya. 46 p.

Yudenkova, T.V. (Comp.). *Pavel i Sergey Tret'yakovy. Zhizn'. Kollektsiya. Muzey: k 150-letiyu Tret'yakovskoy galerei* [Pavel and Sergey Tretyakov. Life. Collection. Museum: To the 150th anniversary of the Tretyakov Gallery]. Moscow, Makhaon. 46 p.

Ziloti, V.P. (2016). *V dome Tret'yakova* [In the Tretyakov House]. Moscow, Gosudarstven-naya Tret'yakovskaya galereya. 560 p.

Б.Н. Латыпов*

ИСТОРИЯ ЗЛАТОУСТОВСКОГО (КОСОТУРСКОГО) ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОГО И ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-10
УДК 94(672)"1900/1915"

Выходные данные для цитирования:
Латыпов Б.Н. История Златоустовского (Косотурского) чугуноплавильного и железоделательного завода Уфимской губернии в начале XX века: экономическое положение // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 147–158.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-10.pdf

B.N. Latypov*

HISTORY OF THE ZLATOUST (KOSOTUR) CAST IRON SMELTING AND IRON MAKING FACTORY OF UFA PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: ECONOMIC SITUATION

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-10

How to cite:
Latypov B.N. History of the Zlatoust (Kosotur) Cast Iron Smelting and Iron Making Factory of Ufa Province at the Beginning of the 20th Century: Economic Situation // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 147–158.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-10.pdf]

Abstract. This article presents the history and economic indicators of Zlatoust (Kosotur) cast iron smelting and iron-making factory in Ufa province at the beginning of the 20th century. The article describes statistical data about Zlatoust plant for 1900–1910. The study attempts to reveal the history and to show the economic situation of the Zlatoust plant at the beginning of the 20th century. This research provides general information about the plant, the organization and activities of the mining plant, blast furnace, and puddling processes production of cast iron and iron. Tables show volumes of cast iron smelting, puddling iron, cast metal, metal products between 1900–1908 and in 1910, artillery shells between 1900–1917, information on profitability between 1900–1904, and 1909–1911 at the Zlatoust plant. In the early 20th century the Zlatoust plant produced open-hearth and crucible steel, puddling steel, iron, nails, edged weapons (daggers, blades, rapiers, spadroons), railway crutches, and bolts, steel shells, tableware (forks, knives). According to official orders, Zlatoust plant produced 3- and 6-inch shells and armor-piercing shells for coastal, naval and field artillery. In 1902 the plant started a blast furnace (Ermolovskaya), and in 1903 a new shell building plant was built. The study revealed the main reasons for the unprofitability of the plant. The measures undertaken after the fire in mechanical and shell factories were described as well.

Keywords: Zlatoust plant, Ufa province, cast iron, iron, profitability, losses.

The article has been received by the editor on 26.12.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрены история и экономические показатели деятельности Златоустовского (Косотурского) чугуноплавильного и железоделательного завода Уфимской губернии в начале XX в. Статистические данные о Златоустовском заводе представлены за 1900–1910 гг. В исследовании предпринята попытка раскрыть историю и показать экономическое положение Златоустовского завода в начале XX в. В ходе

* **Булат Назирович Латыпов,** магистр истории, Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия», Уфа, Россия, e-mail: LatypovBN@yandex.ru
Bulat Nazirovich Latypov, Master of History, State Autonomous Institution of Science of the Republic of Bashkortostan “Bashkir Encyclopedia”, Ufa, Russia, e-mail: LatypovBN@yandex.ru

исследования приведены общие сведения о заводе, показана организация и деятельность горного завода, доменный и пудлинговый процессы получения чугуна и железа. В таблицах представлены объемы выплавки чугуна, пудлингового железа, литого металла, металлических изделий в 1900–1908 гг. и 1910 г., производства артиллерийских снарядов в 1900–1917 гг., сведения о рентабельности Златоустовского завода в 1900–1904 и 1909–1911 гг. В начале XX в. на Златоустовском заводе производились мартеновская и тигельная сталь, пудлинговая сталь и железо, гвозди, холодное оружие (кинжалы, клинки, рапиры, эспадроны), железнодорожные костыли и болты, стальные снаряды, столовые приборы (вилки, ножи). Златоустовский завод по казенным нарядам изготовлял трех- и шестидюймовые снаряды, а также бронебойные, предназначенные для береговой, морской и полевой артиллерии. В 1902 г. на заводе была пущена доменная печь (Ермоловская), в 1903 г. построено новое здание снарядной фабрики. В ходе исследования выявлены основные причины убыточности завода. Приведены предпринятые меры после пожара на механической и снарядной фабрике завода.

Ключевые слова: Златоустовский завод, Уфимская губерния, чугун, железо, рентабельность, убытки.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022 г.

Деятельность и развитие казенного Златоустовского (Косотурского) чугуноплавильного и железоделательного завода в Уфимской губернии в начале XX в. были связаны с производством металлов и изделий по нарядам от Военного и Морского министерств Российской империи для «потребностей государственной обороны». Изучение вопроса об истории и эффективности производства на этом предприятии в начале XX в. позволяет проследить малоизученные экономические процессы в истории горнозаводской промышленности России.

Актуальность исследования связана с анализом процесса модернизации в Российской империи в начале XX в. Цель исследования – изучение истории и экономического положения Златоустовского завода в начале XX в. Одним из наименее разработанных направлений в изучении данной тематики является экономическое положение завода в начале XX в. На основе статистических материалов и отчетов начала XX в. сделана попытка раскрыть историю и экономические показатели Златоустовского (Косотурского) завода. В процессе исследования использованы историко-сравнительный метод и теория модернизации.

В трудах отечественных историков рассмотрены перспективы уральской горной промышленности[1], описан кризис уральских горных заводов[2], раскрыта история горнозаводского Урала в 1900–1917 гг.[3], исследованы вопросы уровня экономического развития казенных горных заводов Урала в начале XX в.[4], рассмотрена история металлургии Урала с древнейших времен до наших дней[5], описана история казенных горных заводов Урала во второй половине XIX – начале XX в.[6]

В зарубежной историографии значительное внимание уделено социально-экономическим вопросам развития металлургии Урала. Статистико-экономический обзор отраслей и районов уральской горно-металлургической промышленности приведен М.Э. Верстратом[7].

[1] *Боклевский П.П.* Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899.
[2] *Белов В.Д.* Кризис уральских горных заводов. 1909 г. СПб., 1910.
[3] *Вяткин М.П.* Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965.
[4] *Шумкин Г.Н.* К вопросу об уровне экономического развития казенных горных заводов Урала в начале XX в. // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 316–321.
[5] *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
[6] *Гаврилов Д.В.* Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2 (5). С. 7–26.
[7] *Verstraete M.* L'Oural. Paris, 1899.

В 1901 г. организаторами международной выставки в г. Глазго был издан сборник с кратким обзором горных заводов Урала[8]. Отметим, что быстрое развитие русской металлургии в конце XIX в. французский экономист Ж. Маша определял как «феномен, вызванный высокими тарифами»[9]. Положительно оценивал достижения в промышленном преобразовании России О. Гебель[10]. Дж. Мэйвор охарактеризовал уральскую металлургию как отсталую и устаревшую[11]. Горнозаводской Урал конца XIX в. французский историк Р. Порталь представлял как район, в котором производственные центры металлургии рассеяны в лесистой местности, на обширных пространствах, где были редки города, а поселки формировали слабые индустриальные районы[12].

Источниками для исследования являются статистические сведения о горнозаводской промышленности России за 1900–1908 гг. и 1910 г.[13] В них представлены полные статистические таблицы с данными отдельно по каждому заводу, руднику и прииску, с суммарными итогами по округам и в целом по Уралу об объемах выплавленных металлов и изготовленных металлических изделий. Также автором использованы отчеты по Златоустовскому горному округу за 1910 и 1911 гг.[14]

Златоустовский (Косотурский) завод медеплавильный, чугуноплавильный и железоделательный был основан в 1754 г. И.П. Мосоловым на реке Большая Тесьма (приток реки Ай) на землях, купленных у башкир Айлинской волости Сибирской дороги Оренбургской губернии.

В 1761 г. Златоустовский (Косотурский) завод начал действовать. В 30–40-е гг. XIX в. под руководством металлурга П.П. Аносова на заводе были улучшены цилиндрические меха для доменных печей и кричных горнов, разработана технология изготовления огнеупорных тиглей, введен контуазский способ получения железа, в 1836 г. организована химическая лаборатория. В конце 1850-х гг. металлургом П.М. Обуховым внедрен способ массового производства тигельной стали высокого качества.

В 1800–1880 гг. средняя производительность завода составила около 200 тыс. пудов чугуна в год, в 1875 г. максимальная производительност – 277,3 тыс. пудов.

Владельцами завода в разные годы были: Мосоловы, с 1769 г. – Лугинины, в 1799 г. – Государственный ассигнационный банк, с 1811 г. – казна, в 1797–1798 гг. и 1800–1811 гг. предприятие в аренде у А.А. Кнауфа. После 1917 г. предприятие было национализировано. 3 октября 1811 г. на территории Уфимской губернии решением Государственного совета был образован Златоустовский горный округ, в состав которого входил Златоустовский завод[15].

В конце XIX – начале XX в. общая численность рабочих Златоустовского завода при заводских работах составляла около 2 000 чел., на вспомогательных работах было занято 1 200 чел. К концу XIX в. Златоустовскому заводу принадлежало 244 611 десятин земли, в том числе леса – около 200 000 десятин. Для транспортировки грузов в распоряжении Златоустовского завода находились 90 лошадей. Перевозка производилась гужевым спо-

[8] Russia: its industries and trade. Issued by order of State Secretary S.J. de Witte, Imperial Russian Minister of Finance. Glasgow, 1901.

[9] *Machat J.* Le développement économique de la Russie. Paris, 1902.

[10] *Goebel O.* Russische Industrie // Russlands kultur und volkswirtschaft. Berlin; Leipzig, 1913. P. 171–202.

[11] *Mavor J.* An economic history of Russia. Volume t. Industry & revolution. Edinburgh, 1914. Vol. 2.

[12] *Portal R.* La Russie industrielle de 1881 à 1927. Paris, 1976.

[13] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 году. СПб., 1903; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1901 году. СПб., 1904; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1902 году. СПб., 1905; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. СПб., 1906; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1904 году. СПб., 1907; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 году. СПб., 1908; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1906 году. СПб., 1909; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1907 году. СПб., 1910; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1908 году. СПб., 1910; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 году. СПб., 1913.

[14] Отчет по Златоустовскому горному округу за 1910 год. Златоуст, 1911; Отчет по Златоустовскому горному округу за 1911 год. Златоуст, 1912.

[15] *Кулбахтин Н.М.* Златоустовский (Косотурский) завод // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа, 2007. Т. 3. С. 90–91.

собом и по рельсам. Отдельные части завода были оснащены телефонной связью. С 1894 г. на заводе в качестве топлива стали использовать мазут. Ежегодно для заводских печей заготавливали до 15 000 плющильных саженей дров (60 % сосновых, 20 % осиновых и 20 % березовых). Большая часть дров перевозилась в зимнее время гужевым способом, в летнее – сплавом по реке Ай из южной части дачи. Для производства огнеупорного кирпича завод ежегодно заготавливал 30 000 пудов челябинской огнеупорной глины и до 18 000 пудов местной атлянской, производил добычу кварцевого камня – 100 000 пудов, талькового камня для пудлинговых печей – 5 000–7 000 пудов. Изготовление красного кирпича производилось на кирпичном заводе, строевой лес доставлялся из собственной дачи завода. Бутовый камень и плита добывались на горе Татарка в 3 верстах от завода[16]. В 80-е гг. XIX – начале XX в. на заводе было введено горячее дутье, пудлингование, мартеновское производство, в цехах и на территории завода проложена сеть конно-железных дорог, а также проведено электрическое освещение.

Рис. 1. Златоустовский завод и собор во имя Трех Святителей. Начало XX в. Фото С.М. Прокудина-Горского

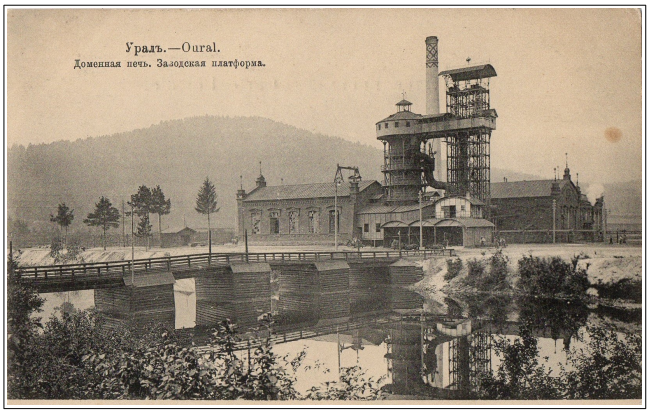

Рис. 2. Ермоловская доменная печь. Фото начала XX в.

В начале XX в. выплавка чугуна на Златоустовском заводе осуществлялась доменной печью из бурых железняков, доставляемых из Бакальского рудника. Плавка руды Златоустовской дачи велась на литейный чугун, а из Бакальской (Саткинской) дачи – на передельный. Отливка различных чугунных изделий производилась в двух литейных печах. В первой литейной печи производилась отливка крупных и грубых вещей из доменного чугуна. Для отливки прокатных валов имелась отражательная печь.

Основные заказчики изделий – Сибирская железная дорога и местные золотые прииски. Число рабочих литейных составляло от 120 до 200 чел.[17] В 1899 г. начались подготовительные работы к строительству новой домны. 22 мая 1902 г. была пущена доменная печь, названная Ермоловской в честь министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова[18].

Статистические данные о выплавке чугуна на Златоустовском заводе в 1900–1908 гг. и в 1910 г. (табл. 1) показывают, что максимум выплавки чугуна пришелся на 1910 г. и достиг в объеме 1 474 181 пуд на сумму 707 600 руб. В 1900–1908 гг. и в 1910 г. общий объем выплавки чугуна составил 8 846 568 пудов на сумму 3 446 215 руб.

[16] Златоустовский горный округ. Краткое описание производств четырех заводов округа: Златоустовского, Саткинского, Кусинского и Артинского. Нижний Новгород, 1896. С. 1–5.
[17] Там же. С. 5–10.
[18] *Гаврилов Д.В., Рукосуев Е.Ю.* Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург, 2001. С. 215.

Таблица 1

Объем выплавки чугуна на Златоустовском заводе в 1900–1908 гг. и 1910 г.

Год	Выплавлено чугуна, тыс. пудов	Сумма, руб.
1900	774 824	268 340
1901	765 928	267 615
1902	909 168	323 816
1903	1 014 315	375 310
1904	747 728	286 866
1905	–	–
1906	876 846	348 752
1907	988 093	401 229
1908	1 295 485	466 687
1910	1 474 181	707 600
Итого	8 846 568	3 446 215

Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России. СПб., 1903. С. 288–289; СПб., 1904. С. 314–315; СПб., 1905. С. 312–313; СПб., 1906. С. 312–313; СПб., 1907. С. 332–333; СПб., 1908. С. 318–319; СПб., 1909. С. 302–303; СПб., 1910. С. 304–305, 326–327; СПб., 1913. С. 284–285.

Пудлинговое железо на Златоустовском заводе изготавливали из штыкового чугуна и чугунного лома. Пудлингование железа производилось в пяти печах (три работали на дровах и две на мазуте). Получаемые при пудлинговании крицы (куски) шли в прокатку и на переплавку в мартеновских печах, а также на частные заказы[19].

Показатели производительности пудлингового железа (табл. 2) на Златоустовском заводе в 1900–1908 гг. и 1910 г. демонстрируют максимум производства железа в 1907 г. в объеме 251 187 пудов на сумму 303 154 руб. В 1900–1908 гг. и 1910 г. производительность пудлингового железа составила 878 528 пудов на сумму 1 052 149 руб.

Таблица 2

Производство пудлингового железа на Златоустовском заводе в 1900–1908 и 1910 гг.

Год	Пудлинговое железо, тыс. пудов	Сумма, руб.
1900	45 608	–
1901	2 437	–
1902	2 021	–
1903	1 289	–
1904	–	–
1905	12 058	21 161

[19] Златоустовский горный округ… С. 15–16.

Окончание таблицы 2

Год	Пудлинговое железо, тыс. пудов	Сумма, руб.
1906	227 189	253 246
1907	251 187	303 154
1908	227 133	279 170
1910	109 606	195 418
Итого	878 528	1 052 149

Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России. СПб., 1903. С. 318–319; СПб., 1904. С. 342–343; СПб., 1905. С. 346–347; СПб., 1906. С. 344–345; СПб., 1907. С. 364–365; СПб., 1908. С. 348–349; СПб., 1909. С. 330–331; СПб., 1910. С. 330–331, 350–351; СПб., 1913. С. 304–305.

На Златоустовском заводе к началу XX в. имелись три мартеновские печи, которые обеспечивали производство мартеновской стали. На каждую печь приходилось по две пары генераторов. Топливом для печи служили сырые дрова, пень, хворост, древесные опилки. Производство тигельной стали на заводе осуществлялось за счет двух тигельных печей системы «Сименс». Тигельная сталь использовалась для изготовления холодного оружия. На заводе была организована работа по изготовлению инструментальной и булатной стали, которая шла на клинки и охотничьи ножи[20].

Объем производства литого металла (сталь и железо) на Златоустовском заводе в 1900–1908 и 1910 гг. (табл. 3) достиг максимума в 1901 г. – 728 954 пуда.

Таблица 3

Производство литого металла (сталь и железо) на Златоустовском заводе

Год	Литой металл (сталь и железо), тыс. пудов	Сумма, руб.
1900	675 456	508 644
1901	728 954	–
1902	639 252	511 819
1903	697 407	527 370
1904	519 857	499 990
1905	409 785	453 146
1906	649 240	599 574
1907	697 200	710 506
1908	422 626	556 012
1910	413 539	567 196
Итого	5 853 316	4 934 257

Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России. СПб., 1903. С. 340–341; СПб., 1904. С. 364–365; СПб., 1905. С. 372–373; СПб., 1906. С. 370–371; СПб., 1907. С. 388–389; СПб., 1908. С. 368–369; СПб., 1909. С. 350–351; СПб., 1910. С. 350–351, 366–367; СПб., 1913. С. 314–315.

[20] Златоустовский горный округ… С. 10, 13–15.

Златоустовский завод располагал четырьмя прокатными станами: крупносортным, среднесортным, мелкосортным и листокатальным (плющильным). На прокатном производстве изготавливались крупные, средние, мелкие, фасонные и листовые сорта железа и стали, а также листовая и поясная медь. Фасонное железо изготавливалось для железнодорожных накладок и болтов, фасонная сталь – для железнодорожных рессор. Продукция завода реализовывалась на Нижегородской ярмарке, железо и сталь изготавливали для Самаро-Златоустовской, Сызрано-Вяземской и Западно-Сибирской железных дорог[21].

Кузнечная фабрика завода состояла из кузницы, клинкового, колотушечного, костыльного и прессо-молотового цехов. Для собственных нужд в кузнице изготавливали гвозди, отковки подков и мелких частей для различных механизмов, оковки ящиков и др. Клинковый цех занимался производством холодного оружия (кинжалы, клинки, рапиры, эспадроны) и охотничьих ножей, колотушечный цех – шашечных кованцев, костыльный цех – железнодорожных костылей и болтов, прессо-молотовый цех – стальных снарядов и частей к ним, а также проковкой инструментальной стали, валов, кривошипов, шатунов[22].

Златоустовский завод по казенным нарядам изготовлял 3- и 6-дюймовые снаряды, а также бронебойные, предназначенные для береговой, морской и полевой артиллерии. В 1903 г. было построено новое здание снарядной фабрики, в котором были установлены гидравлические прессы для изготовления 3-дюймовых артиллерийских снарядов. С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. производство снарядов в сравнении с 1900 г. было увеличено в 3 и 16 раз соответственно. Максимум снарядного производства на снарядной фабрике пришелся на 1917 г. в объеме 1 011 600 шт. (табл. 4).

Таблица 4

Производство артиллерийских снарядов на Златоустовском заводе в 1900–1917 гг.

Год	Артиллерийские снаряды, шт.
1900	63 266
1902	20 986
1903	44 995
1904	133 488
1905	185 477
1906	194 426
1907	202 758
1910	137 481
1911	182 189
1912	220 000
1913	223 600
1914	438 748
1915	693 626
1916	835 337
1917	1 011 600

Составлено по: Гаврилов Д.В., Рукосуев Е.Ю. Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург, 2001. С. 216.

На Златоустовском заводе в 1900–1908 гг. и 1910 г. было отлито металлических изделий в объеме 1 028 219 пудов. Максимум отливки металлических изделий пришелся на 1902 г. (табл. 5).

[21] Златоустовский горный округ… С. 10, 16–17.
[22] Там же. С. 20–21.

Таблица 5

Производительность металлических изделий на Златоустовском заводе

Год	Отлито чугунных изделий, тыс. пудов
1900	116 952
1901	113 583
1902	208 059
1903	101 299
1904	81 228
1905	93 837
1906	99 092
1907	78 316
1908	71 839
1910	64 014
Итого	1 028 219

Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России. СПб., 1903. С. 364–365; СПб., 1904. С. 384–385; СПб., 1905. С. 400–401; СПб., 1906. С. 398–399; СПб., 1907. С. 416–417; СПб., 1908. С. 396–397; СПб., 1909. С. 376–377; СПб., 1910. С. 378–379, 392–393; СПб., 1913. С. 334–335.

Механические средства Златоустовского завода были распределены по следующим цехам: железнодорожных скреплений, инструментальному, механическому и снарядному. Цех железнодорожных скреплений занимался изготовлением железнодорожных подкладок и костылей, инструментальный цех – инструментов из стали, медных наконечников для ножен холодного оружия, столовых приборов (вилок, ножей), механический цех – ремонтом механических устройств завода (водяных двигателей, паровых машин, паровых молотов, прокатных станов)[23].

Экономические показатели деятельности Златоустовского завода Уфимской губернии в начале XX в. (табл. 6 и 7) демонстрируют, что в 1911 г. чистая прибыль Златоустовского завода составила 244 849 руб., а убыток завода в 1900–1904 гг. – 115 519 руб. Убытки завода были связаны с тем, что в конце 1902 г. в результате пожара полностью сгорели механическая и снарядная фабрики. Вследствие недостатка кредита строительство новых фабрик осуществлялось за счет операционных средств завода. После пожара деятельность завода была приостановлена, что неминуемо отразилось на финансовых результатах за 1903 и 1904 гг.[24] Лишь в 1903 г. было построено новое здание снарядной фабрики, в 1904 г. восстановлена механическая фабрика[25].

Общий размер годовой производительности Златоустовского завода выражался по последнему отчетному 1904 г. суммой по условным и продажным ценам изделий в размере 1 773 812 руб., из которых 1 406 229 руб. приходилось на долю казенных заказов (из них нарядов артиллерии – на 1 054 113 руб., для частных – 367 583 руб.). Сопоставление количества выполненных казенных нарядов и изделий показывает, что завод соответствовал своему

[23] Златоустовский горный округ… С. 22–25.

[24] О выработке мероприятий для более выгодного действия уральских казенных горных заводов (Журнал Горного ученого комитета от 23 декабря 1905 года за № 162, утвержденный г. Управлявшим Министерством торговли и промышленности тайн. сов. Штофом 16 мая 1906 г.). СПб., 1906. С. 15–16.

[25] *Гаврилов Д.В., Рукосуев Е.Ю.* Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный… С. 215.

назначению как казенное учреждение, а также до 20 % своей производительности отводил частным заказчикам и рынку[26].

Таблица 6

Сведения о рентабельности Златоустовского завода

Год	Прибыль, руб.	Убыток, руб.
1900	96 774	–
1901	166 099	–
1902	19 357	–
1903	–	72 000
1904	–	325 750
Итого	–	115 519

Составлено по: О выработке мероприятий для более выгодного действия уральских казенных горных заводов (Журнал Горного ученого комитета от 23 декабря 1905 года за № 162, утвержденный г. Управлявшим Министерством торговли и промышленности тайн. сов. Штофом 16 мая 1906 г.). СПб., 1906. С. 42–43.

Таблица 7

Сведения о рентабельности Златоустовского завода

Год	Прибыль, руб.	Убыток, руб.
1909	–	269 132
1910	–	162 707
1911	244 849	–
Итого	244 849	431 839

Составлено по: Отчет по Златоустовскому горному округу за 1910 год. Златоуст, 1911. С. 113–114; Златоуст, 1912. С. 111–112.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что Златоустовский завод в период промышленной депрессии работал с убытком, ежегодно достигавшим до 0,5 млн руб. (в 1910 г. – 556,9 тыс.)[27]. В 1908–1909 гг. казенные горные заводы Урала принесли государству почти 5 млн руб. убытка, что почти полностью перекрывало «прибыль» за 1900–1907 гг.[28] Строительство новой домны и перестройка цехов не решили вопроса технической отсталости завода. Главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский прямо указывал на слабые места завода и отмечал, что «неудовлетворительны и не вполне достаточны двигатели, их устройство носит какой-то случайный временный характер; паровые котлы и машины разбросаны по всему заводу, многие из них очень стары и дают низкий коэффициент полезного действия. Прокатка сортового железа оборудована неудовлетворительно, а мелкосортная фабрика – совсем плохо; производительность слишком мала, поэтому железо обходится слишком дорого, хотя и отличается превосходным качеством»[29].

Горный инженер А.Н. Митинский отмечал, что «вопрос, чем казенные горные заводы Урала должны быть в будущем, к чему надо стремиться при их организации, никогда твердо не решался и решать этого при существующей организации горного ведомства и полной

[26] О выработке мероприятий… С. 58.
[27] *Гаврилов Д.В., Рукосуев Е.Ю.* Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный… С. 216.
[28] *Шумкин Г.Н.* К вопросу о доходности казенных горных заводов Урала в конце XIX – начале XX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 240.
[29] О выработке мероприятий… С. 16.

распыленности ответственности некому». Он сетовал: «Никакого плана действий на сколько-нибудь отдаленное будущее нет, никакой связи между отдельными заводами, кроме случайно слагающихся, нет. Прошел год, удалось получить кредиты на следующий год – и слава Богу»[30].

В 1909 г. комиссия Горного департамента пришла к выводу, что крупные технические недостатки на заводе можно устранить только коренной его перестройкой. Однако вопрос о техническом переоборудовании Златоустовского завода откладывался из-за отсутствия финансирования. Кредит на переоборудование завода выделили только в 1913 г., но он не был полностью освоен из-за начавшейся Первой мировой войны[31].

Следует отметить, что на казенном заводе не был решен «рабочий вопрос». 13 марта 1903 г. были расстреляны забастовщики Златоустовского завода, в результате, по официальным данным, было убито 23 человека, ранено 103 (из них 22 умерло от ран); трое из 45 погибших не являлись рабочими или членами их семей. Причина забастовки рабочих – одностороннее решение администрации завода о введении новых правил найма, отменявших льготы на пользование заводской землей, лесосеками для заготовки дров, а также предполагавших увеличение штрафов[32].

Таким образом, Златоустовский (Косотурский) чугуноплавильный и железоделательный завод в начале XX в. являлся стабильно работающим казенным предприятием, объединяющим разнообразные производства. Основная задача завода состояла в производстве стальных снарядов и холодного оружия по казенным нарядам, а на выполнение частных заказов приходилось около 20 % работ. Прибыль заводу приносили выплавка чугуна, производство пудлингового железа, а также производство литого металла. Убытки завода были связаны с пожаром на заводе в 1902 г., с устаревшими прокатными станами и мартеновскими печами, а также экономическим кризисом 1900–1903 гг., тяжело отразившимся на деятельности завода.

Литература

Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.

Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов. 1909 г. СПб.: Паровая скоропечатня М.М. Гутзаца, 1910. 82 с.

Боклевский П.П. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург: Хромо-Типо-Литография К.К. Вурм, 1899. 59 с.

Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 261 с.

Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.; Л.: Наука, 1965. 400 с.

Гаврилов Д.В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2 (5). С. 7–26.

Гаврилов Д.В., Рукосуев Е.Ю. Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург: Академкнига, 2001. С. 210–218.

Златоустовский горный округ. Краткое описание производств четырех заводов округа: Златоустовского, Саткинского, Кусинского и Артинского. Нижний Новгород: Типография газеты «Волгарь», 1896. 89 с.

Иргалин Г.Д. Златоустовская бойня 1903 // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа: Башк. энцикл., 2007. Т. 3. С. 89.

Кулбахтин Н.М. Златоустовский (Косотурский) завод // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа: Башк. энцикл., 2007. Т. 3. С. 90–91.

[30] *Митинский А.Н.* Горнозаводский Урал. СПб., 1909. С. 208.
[31] *Гаврилов Д.В., Рукосуев Е.Ю.* Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный… С. 216.
[32] *Иргалин Г.Д.* Златоустовская бойня 1903 // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа, 2007. Т. 3. 3–К. С. 89.

Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. 244 с.

Нечаев М.Г. Экономический кризис 1900–1903 годов и его роль в развитии уральской промышленности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 103–119.

Шумкин Г. Н. К вопросу об уровне экономического развития казенных горных заводов Урала в начале XX в. // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 316–321.

Шумкин Г.Н. К вопросу о доходности казенных горных заводов Урала в конце XIX – начале XX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 1. С. 238–243.

Шумкин Г.Н. Казенные горные заводы Урала в политике правительства на рубеже XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2007. № 16. С. 38–44.

Шумкин Г.Н. Производительность труда в доменном производстве горных заводов Урала в конце XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (40). С. 107–129.

Goebel O. Russische Industrie // Russlands kultur und volkswirtschaft. Berlin, Leipzig: Göschen'sche verlagshandlung, g.m.b.h., 1913. Pp. 171–202.

Machat J. Le développement économique de la Russie. Paris: Librairie Armand Colin, 1902. 348 p.

Mavor J. An economic history of Russia. Volume two. Industry & revolution. Edinburgh: Hanson & Co., 1914. Vol. 2. 630 p.

Portal R. La Russie industrielle de 1881 à 1927. Paris: Centre de documentation universitaire, 1976. 190 p.

Russia its industries and trade. Issued by order of State Secretary S.J. de Witte, Imperial Russian Minister of Finance. Glasgow: Hay Nisbet & CO. Limited, 1901. 350 p.

Verstraete M. L'Oural. Paris: Librairie Hachette et Cie 79, 1899. 277 p.

References

(1901). Russia its industries and trade. Issued by order of State Secretary S.J. de Witte, Imperial Russian Minister of Finance. Glasgow, Hay Nisbet & Co. Limited. 350 p.

Alekseyev, V.V., Gavrilov, D.V. (2008). *Metallurgiya Urala s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Ural Metallurgy from Ancient Times to Our Days]. Moscow, Nauka. 886 p.

Belov, V.D. (1910). *Krizis uralskih gornyh zavodov. 1909 g.* [The Crisis of the Urals Mining Plants. 1909]. St. Petersburg, Steam printing of M.M. Gutzats. 82 p.

Boklevsky, P.P. (1899). *Perspektivy uralskoy gornoy promyshlennosti* [Prospects of the Urals Mining Industry]. Yekaterinburg, Chromo-Typo-Lithography of K.K. Vurm. 59 p.

Buranov, Yu.A. (1982). *Aktsionirovanie gornozavodskoy promyshlennosti Urala (1861–1917)* [Corporatization Mining Industry in Ural (1861–1917)]. Moscow, Nauka. 261 p.

Gavrilov, D.V. (2015). Kazennye gornye zavody Urala vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (1861–1917) [State-Owned Mining Plants of the Urals in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (1861–1917)]. In *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki*. No. 2 (5), pp. 7–26.

Gavrilov, D.V., Rukosuev, E.Yu. (2001). *Zlatoustovskiy chugunoplavilnyy i zhelezodelatelnyy zavod* [Zlatoust Cast Iron Smelter and Iron-Making Plant]. *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv.* [Metallurgical Factories of the Urals 17th–20th Centuries]. Yekaterinburg, Akademkniga, pp. 210–218.

Goebel, O. (1913). Russische Industrie. In *Russlands kultur und volkswirtschaft*. Berlin, Leipzig, Göschen'sche verlagshandlung, g.m.b.h., ss. 171–202.

Irgalin, G.D. (2007). Zlatoustovskaya boynya 1903 [Zlatoust Massacre 1903]. In *Bashkirskaya entsiklopediya*: v 7 t. T. 3. Z–K [Bashkir encyclopedia: in 7 vol. Vol. 3. Z–K]. Ufa, Bashkir encyclopedia, p. 89.

Kulbakhtin, N.M. (2007). *Zlatoustovskiy (Kosoturskiy) zavod* [Zlatoust (Kosotursky) Plant]. In *Bashkirskaya entsiklopediya*: v 7 t. T. 3. Z–K [Bashkir encyclopedia: in 7 vol. Vol. 3. Z–K]. Ufa, Bashkir encyclopedia, pp. 90–91.

Machat, J. (1902). Le développement économique de la Russie. Paris, Librairie Armand Colin. 348 p.

Mavor, J. (1914). An economic history of Russia. Volume two. Industry & revolution. Edinburgh, Hanson & Co., Vol. 2. 630 p.

Mitinsky, A.N. (1909). *Gornozavodskiy Ural* [Mining Urals]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vaysberga i P. Gershunina. 244 p.

Nechaev, M.G. (2011). *Ekonomicheskiy krizis 1900–1903 godov i ego rol v razvitii uralskoy promyshlennosti* [The Economic Crisis of 1900–1903 and Its Role in the Development of the Ural Industry]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatelskogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*. No. 12, pp. 103–119.

Portal, R. (1976). La Russie industrielle de 1881 à 1927. Paris, Centre de documentation universitaire. 190 p.

Shumkin, G.N. (2006). K voprosu ob urovne ekonomicheskogo razvitiya kazennyh gornyh zavodov Urala v nachale XX v. [To the Question of the Level of Economic Development of State Mining Plants in the Urals at the Beginning of the 20th Century]. In *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. No. 10, pp. 316–321.

Shumkin, G.N. (2007). K voprosu o dohodnosti kazennyh gornyh zavodov Urala v kontse XIX – nachale XX vv. [To the Question of Profitability of State Owned Mining Plants of the Urals in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Ural industrialnyy. Bakuninskie chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg. Vol. 1., pp. 238–243.

Shumkin, G.N. (2007). Kazennye gornye zavody Urala v politike pravitelstva na rubezhe XIX–XX vv. [State Mining Plants of the Urals in Government Policy at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 16, pp. 38–44.

Shumkin, G.N. (2021). Proizvoditelnost truda v domennom proizvodstve gornyh zavodov Urala v kontse XIX – nachale XX veka [Labor Productivity in Blast Furnace Production of Mining Plants of the Urals in the Late 19th – Early 20th Century]. *In Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 4 (40), pp. 107–129.

Verstraete, M. (1899). L'Oural. Paris, Librairie Hachette et Cie 79. 277 p.

Vyatkin, M.P. (1965). *Gornozavodskoy Ural v 1900–1917 gg.* [Mining Ural in 1900–1917]. Moscow, Leningrad. 400 p.

А.В. Келлер*

«ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ МНЕ БУЛОЧНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ – ЗАВЕДЕНИЕ ЧИСТО РЕМЕСЛЕННОЕ (ЦЕХОВОЕ)»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ И ТРАДИЦИОННОЕ ХЛЕБОБУЛОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО РОССИЙСКИХ СТОЛИЦ В XIX ВЕКЕ – ОТ БУЛОЧНОЙ К ПРОМЫШЛЕННОЙ ПЕКАРНЕ?

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-11
УДК 94(664.6)"18"

Выходные данные для цитирования:
Келлер А.В. «Принадлежащее мне булочное заведение – заведение чисто ремесленное (цеховое)»: трансформация технологических укладов и традиционное хлебобулочное производство российских столиц в XIX веке – от булочной к промышленной пекарне? // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 159–172. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-11.pdf

A.V. Keller*

"THE BAKERY WHICH BELONGS TO ME IS PURELY A CRAFT (CORPORATION) ESTABLISHMENT": THE TRANSFORMATION OF TECHNOLOGICAL WAYS AND THE TRADITIONAL BREAD PRODUCTION OF RUSSIAN CAPITALS IN 19TH CENTURY – FROM BAKERY TO INDUSTRIAL PRODUCTION?

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-11

How to cite:
Keller A.V. "The Bakery Which Belongs to me is Purely a Craft (Corporation) Establishment": The Transformation of Technological Ways and The Traditional Bread Production of Russian Capitals in 19th Century – from Bakery to Industrial Production? // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 159–172. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-11.pdf]

Abstract. The issue of providing broad strata of the urban population with bakery products as staple food products has always remained an important factor in the economy of the city providing stability to the urban society. Representatives of this production fit the concept of small and medium-sized enterprises widespread among most social strata of the urban population of the Russian Empire: craftsmen, peasants, burghers, and merchants. Referring to St. Petersburg archives, the author shows a huge variety of assortment offered by St. Petersburg artisans and trends in the development of the bakery industry production in terms of technological and social transformation of the 19th and early 20th centuries. The archival documents involved make it possible to trace aspects of the transition of some bakery enterprises from artisan bakeries to large food industry enterprises. The article considers the question of collecting the topology of urban craft, time and space of urban bakers, confectioners, and makers of Vyborg pretzels. The analysis of the data makes it possible to establish that frequent price hikes and the high cost of flour, which had long been the bane of the population and of the bread market in St. Petersburg, could lead to substantial losses. Information from archival documents shows the logistics of raw material and product delivery, the specifics of interregional economic and transport links, the position, and achievements of the bakery industry of production, the formation of the raw material market, and the range of bakery products. Revealing mechanisms of their internal trade in all-Russian and regional aspects, the author touches upon issues of management and entrepreneurs' business strategies.

Keywords: small and medium business, artisans, bakery production, guilds masters, bakers, confectioners, Russian Empire, Moscow, St. Petersburg.

* **Андрей Викторович Келлер,** доктор исторических наук, доктор философии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: keller26000@gmail.com
Andrey Viktorovich Keller, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: keller26000@gmail.com

The article has been received by the editor on 30.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Вопрос обеспечения широких слоев городского населения хлебобулочными изделиями как базисными продуктами питания всегда оставался важным фактором экономики города, обеспечивавшим стабильность городского социума. Представители данного производства подходят под понятие малого и среднего предпринимательства, широко распространенного среди большинства социальных страт городского населения Российской империи: ремесленников, крестьян, мещан, купечества. На материалах архивов Санкт-Петербурга показано огромное разнообразие ассортимента петербургских ремесленников, тенденции развития хлебобулочной отрасли производства в условиях технологических и социальных трансформаций XIX – начала XX в. Привлеченные архивные документы позволяют проследить технологические и социально-экономические аспекты перехода некоторых предприятий хлебобулочного производства от ремесленных булочных к крупным предприятиям пищевой промышленности. В статье рассмотрен вопрос о собирании топологемы городского ремесла, модусы времени-пространства городских булочников, кондитеров и изготовителей выборгских кренделей. Анализ данных позволил установить, что частые скачки цен и дороговизна муки – исконный бич населения и хлебного рынка Петербурга, могли наносить существенный ущерб социальному порядку. Сведения из архивных документов содержат данные о логистике доставки сырья и продукции, специфике межрегиональных экономических и транспортных связей, положении и достижении хлебобулочной отрасли производства, формировании рынка сырья и ассортимента товаров хлебобулочного производства. В статье раскрываются механизмы хлебопекарного производства и хлебобулочной торговли в общероссийском и региональном аспектах, рассматриваются вопросы менеджмента и деловых стратегий предпринимателей.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, ремесленники, хлебопекарное производство, цеховые мастера, булочники, хлебники, кондитеры, Российская империя, Москва, Санкт-Петербург.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023 г.

Введение. Все мы хорошо знаем со школьной скамьи пушкинские строки из романа в стихах «Евгений Онегин»: «*И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз / Уж отворял свой васисдас*»[1]. Здесь речь идет о немецком булочнике – привычном акторе повседневной жизни Петербурга, особенно часто в пушкинскую эпоху встречавшемся на Васильевском острове и Адмиралтейской стороне. Тема российских немцев в истории, особенно в дискурсе культурного диалога, привлекла мое внимание еще в студенческие годы, т.е. в 1980-е. Исследование Витольда Косни (опубликованное в 1993 г.), в котором автор с сожалением указывал на факт отсутствия документальных подтверждений событий, изображенных в одноактном водевиле Петра Андреевича Каратыгина (1805–1879) «Булочная, или Петербургский немец» (пьеса была написана в 1840 г., премьера состоялась 26 октября 1843 г.)[2], утвердило меня в необходимости дополнительных разысканий.

[1] *Васисдас* – образован от вопросительного немецкого предложения «Was ist das?», что в переводе означает «Что это?». Здесь: небольшая форточка в двери или в окне, через которую булочник продавал хлеб. Согласно предположению А.Е. Аникина, слово вошло в русский язык, возможно, благодаря Пушкину, со значением французского *vasistas* (форточка, фрамуга, см. также итал.) и с формой на немецкий лад [Русский этимологический словарь. Вып. 6 (вал I – вершок IV). М., 2012. С. 107–108].

Это позволило произвести реконструкцию событий тех лет, найти общее между сценической и действительной реальностью булочников Петербурга. Являясь ярким событием театральной жизни столицы, водевиль засвидетельствовал важность «немецкого элемента» (как сказали бы тогда) в экономической и культурной жизни столицы. В последующие десятилетия произошло профессиональное объединение всех булочников в один булочно-кондитерский цех, что, безусловно, вело к интенсификации технологического и культурного обмена среди булочников столицы разной культурной и национальной принадлежности[3].

Любопытен следующий исторический факт – непосредственно во время написания водевиля произошло очередное обострение ситуации, связанное со строгим наблюдением со стороны министра внутренних дел Л.А. Перовского за производством продуктов питания и их сбытом в булочных и мелочных лавках. По свидетельствам актера Немецкого театра Е. Йермана и О.А. Пржецлавского, со времени своего вступления в должность в октябре 1841 г. Перовский вел усиленный личный контроль над производством и сбытом продуктов питания, придавая особое значение употреблению правильных мер и весов, после чего некоторые лавки и магазины, где обнаружились нарушения, были закрыты: «Переодевшись, с длинной бородой, он посещал магазины и лавки, […] и проверял после закрытия торговли вес продуктов»[4]. Снискавший популярность среди населения экстравагантный министр, переодеваясь полицейским и посещая мелочные лавки и булочные, «поверял весы и меры, а уличенных в фальши торговцев предавал строгой ответственности»[5].

Среди обстоятельств, способствовавших распространению данных нарушений, исследователи называют также «злоупотребления по торговле в лавках и на площадях съестными припасами и другими жизненными потребностями», глубоко укоренившиеся «под защитою низших полицейских чиновников» (зафиксировано в 1802 г.)[6]. Но и 40 лет спустя, в 1843 г., данный порок не был искоренен, несмотря на специально созданный для этого надзорный орган торговой полиции: «Невзирая, однако же, на меры строгости, слышны многие жалобы на злоупотребления самих торговых смотрителей»[7].

Краткий обзор литературы и источников. История хлебобулочного производства в Российской империи в XIX в. до сих пор изучена недостаточно. Представленное исследование написано на основании материалов, выявленных в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в частности в делах Хозяйственного департамента МВД и департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, а также в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), в частности в делах Купеческого общества Петербурга, ведомостях о ценах на товары и продукты питания и др. Также использованы богатые книжные фонды Российской национальной библиотеки.

Среди авторов, работы которых по истории ремесла в столицах использовались при написании данной статьи: А.А. Кизеветтер, А.И. Гайсинович, К.А. Пажитнов, А.И. Копанев, Н.В. Юхнева, Е.В. Анисимов, Г.Н. Ульянова, Е.Г. Тростенцов, С.А. Винокуров

[2] *Kośney W.* Ein deutscher Bäcker in Petersburg, oder: Kann ein Vaudeville denn mehr als Kurzweil sein? // Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin, Historische Veröffentlichungen (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; Bd. 48). Wiesbaden, 1993. S. 93–104.

[3] *Келлер А.В.* Практики решения цеховых конфликтов и повседневность немецких булочников Санкт-Петербурга первой половины XIX века // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 3. С. 797–812.

[4] *Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1851. S. 95.

[5] *Пржецлавский О.А.* Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М., 2010. С. 246.

[6] См.: *Луппов С.П., Петров Н.Н.* Городское управление и городское хозяйство Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. Л., 1955. Т. 1. С. 604–605.

[7] «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: сб. док. М., 2006. С. 323–324.

и А.В. Келлер[8]. По истории хлебной торговли следует упомянуть работы Т.М. Китаниной, Л.Н. Семеновой, М.К. Акользиной и Г.Н. Ульяновой[9].

Ряд аспектов истории хлебобулочного производства в Российской империи ранее рассмотрен в монографических исследованиях автора[10].

Цель статьи – показать на примерах из практики булочно-кондитерского цеха Санкт-Петербурга и мастера московского булочного цеха Д.И. Филиппова, насколько глубоко трансформация технологических и социальных укладов затронула в XIX в. традиционное хлебобулочное производство российских столиц.

Булочники и кондитеры Санкт-Петербурга в XVIII в.: динамика численности. Эти подсчеты были сделаны ранее в двух работах (одна опубликована на немецком языке), где прозвучали выводы о том, что хлебопекарное производство в Петербурге претерпело существенные структурные изменения в XVIII в.[11] В отличие от 1724 г., когда в русских цехах (согласно цифрам, приводимым А.И. Гайсиновичем и К.А. Пажитновым) насчитывалось 567 мастеров, в том числе в пирожном – 339, калачном – 160 и хлебном – 68[12], в 1766 г. названные цехи отсутствуют, а на их месте, по архивным сведениям, находим иностранные с количеством мастеров в булочном и хлебном – 30, конфетном − трех, пряничном − одного и в русском калачном − одного[13]. Причины «исчезновения» названных русских цехов из ревизских сказок могли быть двоякого характера: 1) уход русских ремесленников, привыкших к «промышленной свободе», в «серую» зону из-за нежелания или невозможности платить в требуемом объеме налоги, а также из-за чуждого института цехов, куда записывали «всех подряд без разбору»; 2) ввиду лидирующих позиций иностранных цеховых ремесленников в контексте специфики их происхождения и практик. Со временем русские ремесленники «разбрелись неведомо куда», что способствовало занятию рыночных ниш иностранными ремесленниками, а также разделению на рынке труда (центральные и периферийные районы) и специфике ассортимента (немецкие булочники и русские хлебники, бараночники, крендельщики, пирожники, саечники и т.д.).

В 1790 г. в иностранных или немецких цехах – хлебном и кондитерском – состояло соответственно 77 и 11 мастеров, в русском хлебном – 9 мастеров. В русском конфетном и пряничном цехах насчитывалось 13 мастеров или 135 вместе с 57 подмастерьями и 65 учениками, в макаронном и вермишели – 5 иностранных мастеров[14]. Соответственно, численность цеховых в хлебобулочном производстве снизилась с 567 русских мастеров в 1724 г. до 34 немецких и одного русского мастера в 1766 г. и в 1790 г. составила 237 чел. Это пока-

[8] *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; *Гайсинович А.И.* Цехи в России в XVIII в. // Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568; *Пажитнов К.А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952; *Копанев А.И.* Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: мат-лы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории (13–14 дек. 1972 г.). Л., 1975. С. 78–89; *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984; Петр Великий: Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. Сер.: Государственные деятели России глазами современников. СПб., 1993; *Тростенцов Е.Г., Ульянова Г.Н.* Филипповы – хлебобулочные изделия // Московские поставщики. История в лицах. М., 2020. С. 206–219; *Винокуров С.А.* Булочники Филипповы // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 211–218; *Келлер А.В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб., 2020. 630 с. (Библиотека Quaestio Rossica); *Keller A.* Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt a. M. u.a., 2002.

[9] *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011; *Семенова Л.Н.* Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в.: Правительственная политика // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989; *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX века). Тамбов, 2011; *Ульянова Г.Н.* Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX века: доставка зерна, муки и круп по водным путям // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23.

[10] См.: *Keller A.* Die Handwerker in St. Petersburg…; *Келлер А.В.* Artifex Petersburgensis…

[11] См.: *Keller A.* Die Handwerker in St. Petersburg…; *Келлер А.В.* Artifex Petersburgensis…

[12] *Гайсинович А. И.* Цехи в России… С. 537; *Пажитнов К.А.* Проблема ремесленных цехов… С. 48.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 80.

[14] *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1996. С. 195–207.

зывает первоначальное вытеснение иностранными мастерами, пользовавшихся привилегированным положением, русского ремесла в нелегальное пространство, поскольку, например, цехи русских пирожников и калачников по документам отсутствовали, но известно, что их было большое количество.

Также эти цифры могут рассматриваться лишь как условные величины, поскольку, как правило, показаны мастера без подмастерьев и учеников. Ввиду зависимости широких слоев малообеспеченного населения Петербурга от дешевых продуктов питания губернское правление относилось терпимо к наличию в столице большого количества не записанных в цехи ремесленников среди посадских, занимавшихся ремеслами без учеников и подмастерьев. Если сравнивать распределение мастеров в иностранных и российских цехах, то можно увидеть, что к 1790 г. иностранные мастера сохранили свое преобладание в булочном цехе, хотя тенденция ускоряющегося роста количества общего числа цеховых русского происхождения налицо.

Хлебобулочное производство Петербурга в XIX в. В XIX столетии организационная форма хлебопекарных заведений проходит путь от традиционной ремесленной мастерской к крупному мануфактурному производству.

Именно в это время появляется теоретическая модель Маркса-Энгельса, ставшая основой социальной науки, где применено понятие общественно-экономических формаций, сделавших принципиально возможным анализ на макроуровне. Здесь важна сама попытка системного рассмотрения истории человечества за все время его существования через условные этапы его развития. В данном контексте необходимо и логично в 1840-е гг. появляется политэкономия как наука, анализирующая экономические процессы на макроуровне в связи с экономической политикой государства[15], играющей в России крайне важную и определяющую роль на протяжении всего периода существования страны. Соответственно, красной нитью через данный сюжет проходят две темы: экономическая политика государства и смена технологических укладов, обусловившая важные структурные изменения внутри предприятий, меняющие иерархию отношений на микроуровне и отражающиеся в свою очередь на социальных отношениях общества в целом.

В 1830–1840-е гг. усилившаяся борьба за сегменты рынка между цехами сопровождалась ростом их числа и углублением отраслевой специализации, что привело городские власти Петербурга к пониманию необходимости более четкого разграничения ремесел. После введения новых уставов (обрядов) петербургских цехов в 1840-х гг. цеховые ремесла получают более упорядоченную классификацию по отраслям производства. Для этого в 1843 г. Н. Смирновым было предложено написать особые цеховые обряды, которых на тот момент имелось девять. Их составление, законченное в 1850 г., позволило провести более четкие границы между ремеслами с описанием используемых материалов и производимых продуктов[16]. С этого времени начинается устойчивое сокращение числа цехов (за счет их слияния в сложносоставные) и усиленный численный рост входящих в цехи мастеров, подмастерьев и учеников с некоторой стагнацией в 1896 г. (табл. 1).

Анализ статистических данных показывает, что с 1866 по 1896 г. наблюдается незначительный рост средней величины мастерской у вечноцеховых с 4,3 до 4,5 чел., у временноцеховых – с 3,1 до 3,8 чел. Количество цеховых мастеров, подмастерьев и учеников булочно-кондитерского цеха выросло с 1866 по 1896 г. примерно в два с половиной раза, в то время как население города увеличилось в два раза, что косвенно указывает на возросшее благосостояние населения, отразившееся в увеличении потребления хлебной продукции при повысившейся производительности труда в хлебобулочной промышленности за счет механизации и моторизации производства. (При этом наиболее успешные «капиталистые» булоч-

[15] См., например, труды Петра Ивановича Кёппена, заложившего научные основы для статистики и политэкономии в России.

[16] Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха. СПб., 1850; Обряды кондитерского цеха. СПб., 1850; Обряды пряничного цеха. СПб., 1850.

ники должны были, имея значительные обороты производства, «выбирать» соответствующие купеческие свидетельства.)

Таблица

Кондитерско-булочный цех Санкт-Петербурга, 1866–1896

Год	Мастера, чел.				Подмастерья, чел.				Ученики, чел.				Всего	Население Петербурга, тыс. чел.
	вечные		временные		вечные		временные		вечные		временные			
	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.		
1866	26	6	739	109	106	–	1 553	–	–	–	212	–	2 751	540
1876	79	18	1 386	253	360	–	2 669	4	–	–	551	–	5 320	760
1886	122	29	1 588	235	552	–	3 437	19	–	–	604	–	6 586	885
1891	183	22	1 497	199	576	–	3 659	14	–	–	703	–	6 853	955
1896	164	16	1 420	165	624	–	3 733	6	–	–	691	–	6 819	1 100

Источник: Отчет С.-Петербургской ремесленной управы. СПб., 1867, 1877, 1887, 1895, 1900.

К примеру, в 1850 г. петербургский купец третьей гильдии Иван Паллизен приобрел патент на шесть лет на изобретенную им металлическую паровую печь, с помощью которой производительность повышалась в несколько раз: десять пекарей могли выпечь за один день хлеба на 2 500 чел. В 1858 г. заявление на построенную им «машину для печения хлеба и корабельных сухарей» для получения трехлетней привилегии подал мастер Кронштадтского булочного цеха Кинор[17].

В «Немецко-русской торгово-промышленной газете для булочного, кондитерского и хлебопекарного производства», выпускавшейся в Берлине в 1903–1904 гг., предлагались современные печи Роберта Моритца (Robert Moritz) из Берлина – старейшего завода по устройству простых и двойных пекарных печей всех систем для обыкновенной топки дровами и углем с нижней тягой. Завод предлагал все другие принадлежности для печения механическим способом. Печи с двойной нижней тягой были устроены в России у владельцев булочных Макса Либмана в Одессе, Бартельса в Москве, Петрозова в Воронеже, а также у владельца копей Калачевского в Веселом Терне близ Екатеринослава[18].

Если же сравнить средние размеры цеховых мастерских с прочими по отрасли, выясняется, что первые были значительно меньше, т.е. в большинстве своем сохраняли исключительно ремесленный и узкоспециализированный профиль.

Согласно отраслевой переписи Санкт-Петербурга 1869 г. работников обоего пола числилось в производствах:

– макаронном – 130 мужчин;

– хлебном (булочном, пекарном, саечном, пирожном, крендельном и бараночном) – 2 818 мужчин и 94 женщины, всего 2 912 чел. (среди них немцев: хозяев 178 и рабочих 532, всего 710 чел., что в среднем составляло по 4 чел. на мастерскую);

– пряничном – 290 мужчин;

– кондитерском и шоколадном – 666 мужчин и 44 женщины, всего 4 042 чел.

В хлебном деле насчитывалось 384 хозяина и 2 368 рабочих (всего 2 752 чел., или в среднем 7,2 чел. на предприятие), а также 41 одиночка и 25 казенных ремесленников, всего 2 818 чел.[19]

[17] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 892. Оп. 6. Д. 1441.
[18] РГИА. Ф. 23. Оп. 31. Д. 345.
[19] Подсчитано по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 3: Распределение жителей Санкт-Петербурга по промыслам, занятиям и другим родам средств существования. СПб., 1875. С. 6, 40.

Сравним далее цифры 1869 г. с данными за 1900 г.

В 1900 г. в булочном и пекарном производстве насчитывалось лиц обоего пола: самостоятельных хозяев (совершеннолетних) – 289 чел. и несамостоятельных хозяев (несовершеннолетних до 21 года) – 725 чел., самостоятельных рабочих – 5 943 чел. и «несамостоятельных» – 354 чел. Итого на хлебобулочных предприятиях было занято 7 311 чел., что составляло в среднем 25,3 чел. на мастерскую. Вместе с одновременным значительным сокращением хозяев с 384 до 289 чел. наблюдалось увеличение среднего размера предприятия до 24,1 работников или более чем в три раза по сравнению с 1869 г., а общего числа занятых – в два с половиной раза[20].

Ассортимент продукции булочного, кондитерского и пряничного цехов в 1850 г. Столь интересный источник, как «Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха», позволяет рассмотреть ассортимент производимой продукции. Она отличалась большим разнообразием.

Булочный цех (как и пряничный, являвшийся сложносоставным) занимался приготовлением «черного и белого ржаного хлеба, а также кисло-сладкого и всех прочих сортов хлеба, делаемых из ржаной муки»; всякого белого хлеба, приготовляемого «на дрожжах из пшеничной муки, из теста на дрожжах всех сортов сухарей, булок, куличей, кренделей, баб, и тому подобных хлебных произведений, простых и сахарных с яйцами, шафраном и пряностями и без оных». Изготавливался разного рода тонкий товар, «приготовляемый из муки, масла, сахара и яиц с пряностями и продаваемого на вес»[21].

Производились пирожные, приготовляемые «из теста заварного, слоеного и кастрюльного, с начинкою и без оной», в том числе «Тирольское пирожное, приготовляемое из сухарных крошек и старого тертого хлеба с примесью сахара, яиц, миндаля и изюма». Выпекались «Английский кекс и всякого сорта пряники и пряничные орехи, приготовляемые из муки, сахара, еда и патоки».

Хлебное мастерство заключалось в производстве «черного хлеба из обдирной и обыкновенной муки, продаваемого на вес, ситного хлеба из первача и крупитчатой муки на вес, из того же теста с начинкою пироги на вес». Саечники и калачники пекли «сайки разной величины из крупитчатой муки с маслом и без, калачи и калачные булки из крупитчатой муки с маслом и без, из саечного теста витушки и крендели с анисом и солью, из крупитчатой муки простые куличи, посыпанные сахаром, без пряностей».

Бараночное и крендельное мастерство предусматривало «выделывание простых баранок и кренделей, продаваемых на вес и поштучно или связками». Выборгские крендельщики занимались изготовлением последних «из лучшей Московской озимой муки, с примесью масла, сахара, молока, яиц и пряностей».

Большим спросом пользовались их «булки круглые молочные с маслом и сахаром из так называемого розового теста и из того же теста сахарные сухари разной величины, крендели, так называемые выборгские, и из того же теста булки и куличи, тонкий чайный товар, на вес из муки, масла, сахара и яиц с пряностями». Пирожники пекли «простые пироги разных сортов из крупитчатой муки с начинкою». Макаронное мастерство предполагало производство «разной величины и толщины макарон и вермишели из манной муки с подмесью воды»[22].

Кондитерское мастерство, как гласили «обряды», заключалось в изготовлении «всякого сорта, вида и названия конфект из очищенного и рафинированного сахара или белого меда и фруктов, орехов, каштанов, фисташек, миндаля, шоколада и т.д.; марципана, желе фруктового и другого, мармелада и пастилы; для употребления в конфектах, всех сортов сиропов из фруктов, трав, пряностей и благовонных эссенций; всяких драже и из драганта[23]; мятных и других благовонных лепешек; пралине и жженого миндаля в сахаре, ликере и спирте; засахаренных

[20] Подсчитано по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Вып. 2: Распределение населения по занятиям. СПб., 1903. С. 54–61.

[21] Обряды для Санкт-Петербургского русского булочного цеха. СПб., 1850. С. 4–6.

[22] Там же.

[23] Камедь – застывший клейкий сок.

корений, цукатов из арбузов, дынь, лимонов и других фруктов; всяких фигур и сюрпризов из шоколада, марцелина и драганта; разных сортов сахарного пирожного, приготовляемого без дрожжей, как то: слоеного, так называемого французского, с начинкой и без начинки; всяких бисквитов, легкого пирожного к чаю, сахарных облаток, вафель, миндальных стружек, миндального и шоколадного хлеба, всякого сорта тортов, английского кекса, безе, «испанского ветра», миндальных колец, мюстифлера, макарон и других подобных легких пирожных, как в малом, так и в большом виде (т.е. малого и большого размеров. – *А. К.*); шоколада всех названий, сортов и форм, с пряностями и без оных, и шоколадных изделий разных видов и названий, мороженого, пунша, пуншевого сиропа, шербета, маседуана[24] и всяких компотов, бламанже, кремов и взбитых сливок»[25].

Мастера пряничного дела занимались производством «всех сортов, видов и названий пряников, пряничных орехов и сухариков из крупитчатой муки и манной крупы с сахаром, миндалем и разными духами, а также примесью яиц, масла, цуката, варенья и пряностей; всяких пряников, пряничных орехов, сухариков, коврижек всех форматов и так называемого голландского хлеба из крупитчатой муки и манной крупы с медом и картофельною патокою, распущенною белым и красным медом, с примесью разных духов и пряностей; таких же пряников и коврижек из первача, второго сорта муки и манной крупы с бастерною и картофельною патокою, с примесью разных духов и пряностей; жареного мака, серого и белого, с сахаром, медом и бастерною патокою, […] на вес и поштучно».

У пастильных мастеров предлагались «сахарная пастила всех видов и названий из разных фруктов и ягод с рафинированным сахаром, мармелад всех сортов и видов из разных фруктов и ягод с рафинированным сахаром, клюквенная пастила, наливаемая в ящики и запекаемая в печке, из меда, патоки и клюквы; так называемое сухое киевское варенье в сахаре из фруктов и ягод всех названий; десертного сиропного варенья из всяких фруктов и ягод с сахаром, брусничного и смородинного варенья с патокой, сиропа и желе из сахара и разных фруктов и ягод, леденца простого разных цветов, в бумаге, из сахарного песку, патоки и малины, бурдовского леденца разных форм и цветов из сахара с духами, мятных лепешек и миндаля в сахаре и жженого»[26].

Трансформация традиционной пекарни в крупное механизированное предприятие и возникновение конфликтов булочников с надзорными инстанциями. Институциональные и технологические изменения в пореформенный период затронули и хлебобулочную отрасль, что хорошо прослеживается на примере мастера московского булочного цеха Дмитрия Ивановича Филиппова. Казалось, наконец пришло время, когда можно развивать свое дело, не опасаясь хищнической конкуренции со стороны коллег из смежных цехов, но во второй половине XIX в. происходит смена технологических укладов. Промышленный переворот затронул не только крупную промышленность, но и привел к трансформации традиционного ремесла, т.е. малых и средних предприятий.

Моторизация и механизация производства изменяют техническое оснащение, а вместе с тем и внутренний уклад мастерских. Ведь машинное производство не знает границ между фабрикой, заводом и ремесленной мастерской. Из-за этого постоянно возникают вопросы фискального характера и контроля со стороны фабричной инспекции по причислению ремесленных мастерских в разряд средних и крупных промышленных предприятий[27]. Переход от традиционного хлебопекарного производства в куренях к промышленной пекарне со многими цехами, с одновременным творческим копированием принципов организации производства в «немецких булочных», а значит с сохранением ремесленного качества «крафтового хлеба», как сказали бы сегодня, хорошо виден на примере хозяйственной деятельности Дмитрия Ивановича Филиппова – известного владельца булочных, кондитерских и кафе

[24] Фр. Macedoine – «Македония» (Маседуан), преимущественно холодное сладкое блюдо французской кухни, разновидность фруктового салата в сиропе и с мороженым.
[25] См.: Обряды для С. Петербургского русского и иностранного кондитерского цеха. СПб., 1850. С. 4–5.
[26] Обряды для Санкт-Петербургского пряничного цеха. СПб., 1850. С. 4–6.
[27] Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 1. СПб., 1863. С. 31–32, 41.

в обеих столицах, булочного мастера в третьем поколении, купца первой гильдии, поставщика «Высочайшего и Великокняжеских дворов», представителя семьи, занимавшейся хлебобулочным промыслом в Москве почти сто лет, по крайней мере, как установили недавно по архивным документам исследователи, с 1820-х гг. и до 1918 г.[28] В РГИА удалось обнаружить ценный документ, показывающий, что Филиппов жаловался на якобы неправомерные действия фабричного инспектора Обуховского, «словесно предложившего […] подчинить принадлежащую [ему] булочную действию закона 3 июня 1886 г., определением от 27 июня 1898 г.»[29]. Закон 1886 г. определял правила найма и увольнения, оплаты труда промышленных рабочих, и за исполнением требований закона следили фабричные инспекторы. Первая жалоба от 13 августа 1898 г. была направлена Филипповым в Московское столичное по фабричным делам присутствие, следующие, 24 декабря 1898 г. и 6 февраля 1899 г., – на имя министра финансов[30].

Как нам видится, дело было не только в репутации цехового мастера, не желавшего терять свой привилегированный статус и подчиниться фабричной инспекции, но и в отношении Д.И. Филиппова к своему ремеслу как высокому искусству в противоположность к фабричному массовому продукту[31]: «Принадлежащее мне булочное заведение – заведение чисто ремесленное (цеховое), – писал он, – не имеет никаких ручных машин и станков для производства хлебного товара, не имеет ни паровых, ни механических двигателей и таким образом не имеет ни одного из признаков фабрично-заводского устройства […] и совершенно не нуждающееся в указаниях фабричной инспекции по ограждению опасных мест, ибо таких не существует и не может существовать за полнейшим отсутствием механических приспособлений при производстве работ», – писал Филиппов, однако это не совсем соответствовало действительности, поскольку Дмитрий Иванович лукавил[32].

Согласно докладу фабричного инспектора Обуховского от 23 мая 1898 г. старшему фабричному инспектору Московской губернии, у Филиппова были обнаружены следующие нарушения, касавшиеся прежде всего несоблюдения техники безопасности при работе с паровыми котлами и механическим оборудованием, а также в несоблюдении правил работы для малолетних (т.е. лиц в возрасте 15–18 лет, которым следовало работать по сокращенному рабочему графику и без ночных смен): «В булочной, хлебопекарной и кондитерской Д.И. Филиппова, находящейся на углу Тверской и Глинищевского пер. в собственном доме […] имеется св. 400 чел., из которых значительное число малолетних в возрасте до 15 лет, работа которых в означенном заведении безусловно воспрещена. В заведении Филиппова имеется 4 паровых котла, паровая машина, динамо-машина, механические подъемные в рабочих помещениях машины, до 20 разных пламенных печей»[33].

Отмечалось, что оно «имеет вполне характер фабричный, так как производит товар в громадных размерах свыше 2 млн руб. в год и при том не только для местной ежедневной мелочной продажи, но и для продажи оптом в провинции. Заведение Филиппова производит в год до 1 млн руб. кондитерских товаров, крупные же кондитерские и пирожные в Москве давно уже подчинены действию законов» 1882 и 1886 гг.[34] Несмотря на такие очевидные факты больших оборотов и механического оснащения предприятия, принадлежавшего Д.И. Филиппову, московская ремесленная управа, напротив, выдала Филиппову 11 августа 1898 г. справку, подписанную сословным старшиной И. Александровым, подтверждавшую, «что в его мастерских никаких механических двигателей, как паровых, так и равно водяных, конных и ручных, а также и особых приспособлений к ним не имеется и все работы в этих мастерских производятся ручным способом»[35].

---

[28] См.: *Тростенцов Е.Г., Ульянова Г.Н.* Филипповы – хлебобулочные изделия… С. 207–209.
[29] РГИА. Ф. 20. Оп. 13-а. Д. 53. Л. 2–3 об., 10, 19.
[30] Там же.
[31] *Винокуров С.А.* Булочники Филипповы… С. 212.
[32] РГИА. Ф. 20. Оп. 13-а. Д. 53. Л. 3.
[33] Там же. Л. 5.
[34] Там же. Л. 5–5 об.
[35] Там же. Л. 4.

Не исключено также, что Филиппов такими действиями пытался снизить налогообложение своего предприятия.

В своем отношении 29 января 1900 г. на имя министра финансов департамент полиции МВД в лице помощника шефа жандармов, генерал-лейтенанта А.И. Пантелеева, пришел к парадоксальному выводу: «Согласно с мнением Вашим, нахожу, что из обстоятельств настоящего дела нельзя было Московскому столичному по фабричным делам Присутствию вывести точно определенного заключения о том, к какому роду заведений фабрично-заводскому или ремесленному надлежит отнести заведение Филиппова»[36]. По характеру ответов из Министерства финансов и Министерства внутренних дел можно заключить, что их выжидательная позиция отодвигала решение дела в неопределенное будущее, что объективно было в интересах Д.И. Филиппова.

Дело, похоже, так ничем и не закончилось, поскольку осталось «висеть» между инстанциями. Согласно мнению А.И. Пантелеева, дело «о правильности отнесения заведений […] разрешается в первой инстанции Присутствием по фабричным делам, а в последней в министерстве финансов, по соглашению с министерством внутренних дел, я остаюсь при мнении, […] об отмене вышеприведенных постановлений Московского столичного Присутствия […] и о производстве нового дознания»[37]. В результате высочайший указ, сообщенный из Правительственного Сената, определил оставить жалобу Филиппова без последствий, с исполнением распоряжения Московского столичного присутствия о взыскании с подателя жалобы 575 руб.[38] Не совсем ясно, вытекало ли из этого решения сохранение Д.И. Филипповым статуса цехового мастера и подчинение фабричной инспекции.

Прошение петербургских ремесленников хлебобулочного и кондитерского цехов 1897 г. об урегулировании законодательным порядком их взаимоотношений с подмастерьями и служащими показывает, что подобных конфликтов могло быть множество.

Мастера сообщали, что с начала 1860-х гг. в отрасли с возникновением больших пекарен к концу XIX в. произошли значительные изменения. Если раньше «все хлебные продукты выпекались каждый сорт в отдельных маленьких куренях, как то: саечных, бараночных, хлебных, калачных и т.п., в которых число рабочих не превышало 2–5 человек, где сам хозяин работал и наблюдал за всем», то теперь «все сорта хлеба стали выпекаться в одном месте, так что большие пекарни имеют от 30 до 300 человек служащих и рабочих и, кроме того, теперь, для угождения покупателей, хлеб выпекается от 3-х до 10-ти раз в сутки, почему мы не имеем физической возможности лично сами наблюдать за всеми производствами по хлебопечению и продаже. […] Большие пекарни имеют до 10 специальных отделений и для каждого отделения имеется старший мастер с несколькими подручными (есть Московский отдел, Выборгский отдел, саечный, кондитерский и т.д.), так что число лиц, работающих в пекарне, доходит до 100 и более человек»[39].

Снабжение Петербурга зерном и мукой и случай лоббирования интересов отдельных лиц при сословных выборах. Если придерживаться понятия «долгого XIX века», введенного Эриком Хобсбаумом, предложившим считать XIX веком период с 1785 по 1914 г., можно вполне обратиться к случаю 1912 г., касавшемуся насущного для хлебопеков Петербурга вопроса снабжения высококачественной мукой, но при этом отражавшего борьбу иногородних поставщиков-конкурентов за петербургский рынок сбыта.

Если московских булочников мукой до 80 % снабжали земледельческие районы Черноземной зоны и Поволжья[40], то в Петербург высококачественная белая крупитчатая

[36] РГИА. Ф. 20. Оп. 13-а. Д. 53. Л. 27 об.
[37] Там же. Л. 1, 28, 37, 41.
[38] Там же.
[39] РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1030. Л. 1–1 об., 4. Такая же система сложилась и в Москве: «С 1880-х годов пекарня [Д.И. Филиппова] имела несколько отделений: калачное, булочное, хлебное, бараночное, сухарное, пряничное, пирожное» (*Тростенцов Е.Г., Ульянова Г.Н.* Филипповы – хлебобулочные изделия… С. 212).
[40] См.: *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX века)…; *Ульянова Г.Н.* Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX века: доставка зерна, муки и круп по водным путям // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 18–21.

мука из твердых сортов пшеницы традиционно поступала преимущественно из средней полосы России и низового Поволжья. Например, «Земледельческая газета» в 1834 г. сообщала: «Лучшие сорта […] для крупитчатой муки, составляют: *саксонка*, пшеница, чистого наливного зерна, […] получается из колоний Саратовской губернии; *скороспелка*, из Лыскова [Нижегородской губернии, Макарьевская ярмарка]»[41]. Естественным образом в торговле таким ценным ресурсом появились заинтересованные лица не только среди крупных мукомольных предприятий Поволжья, но и среди булочников столицы, выполнявшие роль посредников-комиссионеров.

Одним из таких заинтересованных лиц был временно-цеховой мастер кондитерско-булочного цеха Альбрандт, состоявший предположительно в альянсе с немецкими булочниками – старшиной сословия Ф.Ф. Николаи и товарищем старшины А.Г. Шнирингом. Более подробные обстоятельства этого дела стали известны благодаря жалобе мастеров цеха Матвеева, Клейзера, Зеланд и других на неправильные выборы выборных означенного цеха в апреле 1912 г. По их версии, Альбрандт, не принадлежавший к сословию как временно-цеховой, явился на собрание с доверенностью от вечно-цехового мастера того же ремесла Генриха Шарфа, проживающего в г. Пскове, но не представившего требуемых доказательств, а значит и не был внесен в список избирателей. К тому же Альбрандту было разъяснено, что «доверенности могут выдавать только лица женского пола[42], почему и в собрание допущен он быть не может. Альбрандт, не входя в зал собрания, а постояв на площадке лестницы, удалился задолго до открытия собрания и никакого влияния на мастеров произвести не мог»[43].

1 июня 1912 г. на совещательном присутствии при Санкт-Петербургском градоначальнике стали известны подробности о том, что 16 апреля «во время прибытия мастеров на выборы – на площадке, где предъявлялись входные повестки, находилось совершенно постороннее лицо г-н Альбрандт, к выборам сословия отношения никакого не имеющий – но будучи представителем крупной фирмы, торгующей мукой, он имеет громадное влияние на мастеров булочников и, стоя на площадке, он упрашивал мастеров баллотировать за Ф.Ф. Николаи и тем производил давление на избирателей, мешая естественному ходу выборов»[44]. Изложенные обстоятельства уже никак не могли повлиять на решение вернуть дело «по миновании надобности», с чем и согласился исполнявший на тот момент должность градоначальника генерал-лейтенант О.И. Вендорф.

Представленный случай показывает, что цеховые ремесленники, и в особенности булочники, составляли в Петербурге влиятельную социальную группу, имевшую свои инструменты влияния на принятие решений в кабинетах министерских и городских властей.

Заключение. Актуальность проблематики традиционного хлебобулочного производства показала борьба с пандемией COVID-19 в 2020 г., когда ученые выявили взаимосвязь индустриализации отраслей пищевой промышленности, начавшейся в XIX в., с ослаблением иммунного ответа у населения. Проанализировав 31 штамм промышленных дрожжей и 198 штаммов в традиционных ремесленных хлебопекарнях, исследователи обнаружили в последних дрожжевые культуры, отличающиеся от манипулированных промышленных дрожжей своей более полноценной природой, что позволяет по-новому позиционировать ценность традиционных методов выпечки хлеба, сохраняющих генетическое разнообразие, а значит здоровье людей, повышая их иммунную защиту[45].

[41] Выписка из письма калязинского купца Полежаева // Земледельческая газета от 17 июля 1834 г. С. 36.

[42] Сословное законодательство не распространяло на женщин право участия в сословных выборах, которое они могли делегировать мужчинам.

[43] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5497. Л. 358–359.

[44] Там же. Л. 362–362 об. Подробнее о мучной торговле см.: *Семенова Л.Н.* Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в.: (Правительственная политика) // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 5–20; *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 79–92.

[45] *Bigey F., Segond D.* et al. Evidence for Two Main Domestication Trajectories in Saccharomyces cerevisiae Linked to Distinct Bread-Making Processes // Current Biology. 2021. Vol. 31, iss. 4. P. 722–732 / Science Direct [website]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960982220316912 (date of accessed 22.12.2020).

Экстраполируя результаты этих новейших исследований на историю хлебобулочной отрасли ремесла в Российской империи, можно утверждать, что немецкие булочники Петербурга внесли свой вклад в здоровье жителей города. Ныне 3 200 сортов хлеба, официально зарегистрированных в Германии, объявлены ЮНЕСКО нематериальным культурным наследием человечества. Можно сказать, что труд немецких булочников, трудившихся в Петербурге рядом с русскими пекарями и кондитерами, обеспечивал разнообразие практик питания мультиэтничного населения Северной столицы.

Символично, что Петр I посетил 5 ноября 1724 г. свадьбу в доме немецкого булочника, располагавшегося недалеко от императорского Зимнего дворца. В гостях император провел более трех часов, наблюдая за свадебными церемониями и танцами и будучи необыкновенно весел[46]. Присутствие в Петербурге огромного количества иностранцев создавало неоспоримый эффект расширения различных областей знания и практик за счет многообразия культур, светского образования и науки.

Опыт небольших немецких булочных и крупного хлебопекарного производства Д.И. Филиппова показал, что не существует универсального экономического закона, требующего безусловной необходимости перехода мелкого и среднего предприятия в крупное «капиталистическое», но что здоровая и сбалансированная экономика нуждается в оптимальном развитии и сосуществовании предприятий с различными техническими и организационными характеристиками, в основе которых лежит особая профессионально и социально обусловленная философия ведения дела. В булочных Филиппова сконцентрировался уникальный опыт сочетания искусства хлебопека, высочайшего качества продукта с массовым производством в его мануфактурной стадии.

Признаками нового технологического уклада в конце XIX – начале XX в. стали двигатели внутреннего сгорания на дизельном и бензиновом топливе, газе, электродвигатели, активно внедряемые хозяевами предприятий и кардинально изменившие культуру и возможности хлебобулочного производства. Ускоряющийся процесс урбанизации в качестве субпроцесса модернизации являлся социально-экономическим базисом развития хлебопекарной индустрии, удовлетворявшей возраставшие потребности в соответствующей продукции со стороны растущего городского столичного населения Российской империи.

Литература

Акользина М.К. Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX века). Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. 207 с.

Винокуров С.А. Булочники Филипповы // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 211–218.

Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. // Известия Академии наук СССР. Отд. Общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568.

Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб.: ЛИГА,1996. 530 с.

Келлер А.В. Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб.: Алетейя, 2020. 630 с. (Библиотека Quaestio Rossica).

Келлер А.В. Практики решения цеховых конфликтов и повседневность немецких булочников Санкт-Петербурга первой половины XIX века // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 3. С. 797–812.

Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Унив. тип., 1903. 810 с.

Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дм. Буланин, 2011. 608 с.

Копанев А.И. Ремесленники Петербурга первой половины XIX в. // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: материалы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон.

[46] Петр Великий: Воспоминания… С. 218.

истории (13–14 дек. 1972 г.) / ред. коллегия: Н.Е. Носов (отв. ред.) и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 78–89.

Луппов С.П., Петров Н.Н. Городское управление и городское хозяйство Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. Л.: Наука, 1955. Т. 1. С. 601–629.

Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: Акад. наук СССР, 1952. 211 с.

Петр Великий: Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты / под ред. Е.В. Анисимова. Сер.: Государственные деятели России глазами современников. СПб.: Пушкинский фонд, 1993 г. 448 с.

Пржецлавский О.А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. / сост. А.И. Федута. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 29–290.

«Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: сб. док. / сост. М. Сидорова, Е. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Российский архив, 2006. 706 с.

Русский этимологический словарь. Вып. 6 (*вал* I – *вершок* IV). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с.

Семенова Л.Н. Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в.: Правительственная политика // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 5–20.

Тростенцов Е.Г., Ульянова Г.Н. Филипповы – хлебобулочные изделия // Московские поставщики. История в лицах М.: Издательский дом Тончу, 2020. С. 206–219.

Ульянова Г.Н. Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX века: доставка зерна, муки и круп по водным путям // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23.

Bigey F., Segond D. et al. Evidence for Two Main Domestication Trajectories in Saccharomyces cerevisiae Linked to Distinct Bread-Making Processes // Current Biology. 2021. Vol. 31, iss. 4. Pp. 722–732 / Science Direct [website]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960982220316912 (date of accessed 22.12.2020).

Jerrmann E. Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin: Allg. Deutsch. Verl.-Anst., 1851. 282 s.

Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt a. M. u.a.: Peter Lang, 2002. 601 s.

Kośney W. Ein deutscher Bäcker in Petersburg, oder: Kann ein Vaudeville denn mehr als Kurzweil sein? In: Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin, Historische Veröffentlichungen. Wiesbaden, Harrassowitz, 1993 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; Bd. 48). S. 93–104.

References

Akol'zina, M.K. (2011). *Morshansk – khlebnyy port Rossii (seredina XVIII – seredina XIX veka)* [Morshansk is a Grain Port in Russia (mid-18th – mid-19th Centuries)]. Tambov, Izd-vo TGU. 207 p.

Anisimov, E.V. (Ed.). (1993). *Petr Velikiy: Vospominaniya, dnevnikovye zapisi, anekdoty. Seriya: Gosudarstvennye deyateli Rossii glazami sovremennikov* [Peter the Great: Memoirs, Diary Entries, Anecdotes. Series: Russian Statesmen Through the Eyes of Contemporaries]. St. Petersburg, Pushkin Fund. 448 p.

Bigey, F., Segond, D. et al. (2021). Evidence for Two Main Domestication Trajectories in Saccharomyces cerevisiae Linked to Distinct Bread-Making Processes. In *Current Biology*. Vol. 31, iss. 4, pp. 722–732 / Science Direct [website]. Available at: URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960982220316912 (accessed 22.12.2020).

Gaisinovich, A.I. (1931). Tsekhi v Rossii v XVIII v. [Guilds in Russia in the 18th Century]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otd. Obshchestvennykh nauk*. VII seriya, pp. 523–568.

Georgi, I.G. (1996). *Opisanie rossiysko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostey v okrestnostyakh onogo* [Description of the Russian-Imperial Capital City of St. Petersburg and Memories in the Vicinity of It]. St. Petersburg, LIGA. 530 p.

Jerrmann, E. (1851). *Unpolitische Bilder aus St. Petersburg.* Berlin, Allg. Deutsch. Verl.-Anst. 282 s.

Keller, A. (2002). *Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914*. Frankfurt a. M. u.a., Peter Lang. 601 s.

Keller, A.V. (2020). *Artifex Petersburgensis. Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyy i sotsial'no-ekonomicheskiy aspekty)* [Artifex Petersburgensis. Craft of St. Petersburg in the 18th – Early 20th Century (Administrative-Legislative and Socio-Economic Aspects)]. St. Petersburg, Aleteyya. 630 p. (Biblioteka Quaestio Rossica).

Keller, A.V. (2021). Praktiki resheniya tsekhovykh konfliktov i povsednevnost' nemetskikh bulochnikov Sankt-Peterburga pervoy poloviny XIX veka [Practices of Solving Workshop Conflicts and Everyday Life of German Bakers in St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. In *Quaestio Rossica*. T. 9, No. 3, pp. 797–812.

Kitanina, T.M. (2011). *Khlebnaya torgovlya Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika* [Grain Trade in Russia in the Late 19th – Early 20th Century: Survival Strategy, Modernization Processes, Government Policy]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 608 p.

Kizevetter, A.A. (1903). *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st.* [Posad Community in Russia in 18th Century]. Moscow. 810 p.

Kopanev, A.I. (1975). Remeslenniki Peterburga pervoy poloviny XIX v. [Craftsmen of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. In *Remeslo i manufaktura v Rossii, Finlyandii i Pribaltike Craft and manufactory in Russia, Finland and the Baltics* [Craft and Manufactory in Russia, Finland and the Baltics]. Materialy II Sov.-fin. simpoziuma po sots.-ekon. istorii (13–14 dek. 1972 g.). Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie, pp. 78–89.

Kośney, W. (1993). Ein deutscher Bäcker in Petersburg, oder: Kann ein Vaudeville denn mehr als Kurzweil sein? In *Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin, Historische Veröffentlichungen*. Wiesbaden, Harrassowitz (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; Bd. 48), ss. 93–104.

Luppov, S.P., Petrov, N.N. (1955). Gorodskoe upravlenie i gorodskoe hozyaystvo Peterburga ot kontsa XVIII v. do 1861 g. [City Administration and Municipal Economy of St. Petersburg from the End of the 18th Century before 1861]. In *Ocherki istorii Leningrada*. Leningrad, Nauka. Vol. 1, pp. 601–629.

Pazhitnov, K.A. (1952). *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma* [The Problem of Craft Workshops in the Legislation of Russian Absolutism]. Moscow, Izd. Aкad. nauk USSR. 211 p.

Semenova, L.N. (1989). Snabzhenie khlebom Peterburga v XVIII v.: Pravitel'stvennaya politika [Supplying St. Petersburg with Bread in the 18th Century: Government Policy]. In *Peterburg i guberniya: Istoriko-etnograficheskie issledovaniya*. Leningrad, pp. 5–20.

Sidorova, M., Shcherbakova, E. (Eds.). (2006). "Rossiya pod nadzorom": otchety III otdeleniya 1827–1869: sb. dok. ["Russia under Surveillance": Reports of the III Department 1827–1869: Collection. Doc.]. Moscow, Ros. fond kul'tury: Rossiyskiy arhiv. 706 p.

Trostentsov, E.G., Ulianova, G.N. (2020). Filippovy – khlebobulochnye izdeliya [Filippovs – Bakery Products]. In *Moskovskie postavshchiki. Istoriya v litsakh* [Moscow Suppliers. History in Person]. Moscow, Tonchu Publishing House, pp. 206–219.

Ulianova, G.N. (2022). Khlebnaya torgovlya v Moskve v pervoy polovine XIX veka: dostavka zerna, muki i krup po vodnym putyam [The Grain and Flour Trade in Moscow in the First Half of the 19th Century: A Water Transportation of Grain, Flour and Cereals]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (23), pp. 11–23.

Vinokurov, S.A. (2000). Bulochniki Filippovy [Filippov Bakers]. In *Iz glubiny vremen*. St. Petersburg. No. 12, pp. 211–218.

Е.В. Кардаш*

ПОХОРОННЫЙ БИЗНЕС В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1800–1860-Е ГОДЫ: ОТ ПУШКИНСКОГО «ГРОБОВЩИКА» К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-12
УДК 94(343.348)“1800/1860”

Выходные данные для цитирования:
Кардаш Е.В. Похоронный бизнес в Санкт-Петербурге в 1800–1860-е годы: от пушкинского «Гробовщика» к историческим реалиям // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 173–190. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-12.pdf

E.V. Kardash*

FUNERAL BUSINESS IN ST. PETERSBURG IN THE 1800S–1860S: FROM PUSHKIN’S “COFFIN MAKER” TO HISTORICAL REALITIES

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-12

How to cite:
Kardash E.V. Funeral Business in St. Petersburg in the 1800s–1860s: From Pushkin’s “Coffin Maker” to Historical Realities // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 173–190. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-12.pdf]

Abstract. The article is devoted to a little-studied topic – the history of funeral business in pre-reform Russia. The direct subject of the study is the activity of St. Petersburg undertakers as an entrepreneurial community. The article deals with the issues of their numbers and social status, the range of trade assortment, services, pricing, and relations with church and secular state institutions; several separate dynasties are also traced. Data were collected from the files of several archival fonds (s.s. Petrograd Ecclesiastical Consistory, Petrograd Crafts Administration, the Economic Department of the Interior Ministry, the Chancellery of the Synod), statistical reviews (by A.P. Zablotsky-Desyatovsky, A. P. Bashutsky, etc.), address and guild books, analytical and historical articles from 19th century magazines, such as “Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii”, “Russkaya Starina”, “Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del”, announcements in “Sankt-Peterburgskie vedomosti”; historical data are considered in comparison with the descriptions of undertakers’ business activities in the literary texts written by A.S. Pushkin (1830), A.P. Bashutsky (1840) and I.I. Pushkarev (1841). In 1800–1860, undertakers occupy a borderline position in St. Petersburg's commercial landscape: they produce goods to supply the market and provide services for the decoration and organization of the funeral ceremony. The increase in the number of St. Petersburg undertakers from the beginning to the middle of the century (11 in 1813, 58 in 1848, 54 in 1849, 59 in 1850) correlates with population growth and the dynamics of the workshop community development; the later decrease (42 in 1867) correlates with the consolidation of enterprises and the high inner competitiveness of the industry. The competition with ecclesiastical institutions for the funeral paraphernalia rental market (traceable as early as 1813), and resistance to price regulation within the framework of state social policy, demonstrate the capacity of the entrepreneurial community to establish and codify trade practices conflicting with the legislative norm. The peculiarities of undertakers’ entrepreneurial activity described in literary texts receive documentary confirmation: particularly, we can confidently say that the depiction of the funeral enterprise in Pushkin’s story correlates with the realities of Russian everyday life during the 1830s, rather than being the result of a European narrative samples transfer.

Keywords: entrepreneurship, merchants, craftsmen, St. Petersburg, funeral supplies, burial, undertakers, Smolensky Orthodox Cemetery.

* **Елена Валерьевна Кардаш,** кандидат филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ekar4@yandex.ru
Elena Valerievna Kardash, Candidate of Philology, The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: ekar4@yandex.ru

The article has been received by the editor on 01.08.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме – истории похоронного бизнеса в дореформенной России. Непосредственный предмет исследования составляет деятельность гробовщиков Санкт-Петербурга как предпринимательского сообщества. В статье рассмотрены вопросы о количестве и социальном статусе гробовщиков в 1800–1860-е гг., спектре их торгового ассортимента и услуг, специфике ценообразования, отношениях с церковными и светскими государственными институтами; прослежена история нескольких отдельных династий. Основными источниками послужили архивные дела из фондов Петроградской духовной консистории и Петроградской ремесленной управы (ЦГИА СПб.), Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и Канцелярии Синода (РГИА), данные статистических обозрений (А.П. Заблоцкого-Десятовского, А.П. Башуцкого и др.), адресных и гильдейских книг, а также аналитические и исторические статьи из изданий XIX в., таких как «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии», «Русская старина», «Журнал Министерства внутренних дел», объявления «Санкт-Петербургских ведомостей». Исторические материалы рассматриваются в сопоставлении с беллетризованными описаниями предпринимательской деятельности гробовщиков в текстах А.С. Пушкина (1830), А.П. Башуцкого (1840), И.И. Пушкарева (1841). В 1800–1860 гг. гробовщики занимали пограничное положение в петербургском коммерческом ландшафте: они производили товар для поставок на рынок и оказывали услуги по оформлению и организации погребальной церемонии. Увеличение количества гробовщиков с начала до середины столетия (11 чел. в 1813 г., 58 – в 1848 г., 54 – в 1849 г., 59 чел. в 1850 г.) коррелирует с ростом народонаселения и динамикой развития цехового сообщества; позднейшее сокращение (42 чел. в 1867 г.) – с укрупнением предприятий и высоким конкурентным потенциалом отрасли. Конкуренция с церковными институтами за рынок проката траурных принадлежностей (прослеживаемая уже с 1813 г.) и сопротивление регулированию цен в рамках государственной социальной политики демонстрируют возможности корпоративного сообщества по кодификации торговых практик, вступающих в противоречие с законодательной нормой. Особенности предпринимательской деятельности гробовщиков, описанные в литературных текстах, получают документальное подтверждение: в частности, можно уверенно сказать, что изображение похоронного предприятия в повести Пушкина коррелирует с российскими реалиями 1830-х гг., а не является результатом трансфера европейских нарративных образцов.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, ремесленники, Санкт-Петербург, похороны, похоронные принадлежности, гробовщики, Смоленское православное кладбище.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023 г.

Настоящая работа представляет собой часть более широкого исследования, посвященного истории похоронного бизнеса в дореформенной России. Ставится задача описать его законодательные рамки, собрать и проанализировать необходимые статистические данные, выяснить социальный и корпоративный статус предпринимателей, спектр торгового ассортимента и услуг, специфику ценообразования, а также, по возможности, проследить историю отдельных династий. За невозможностью полноценно осветить весь этот спектр проблем в рамках статьи я сфокусируюсь здесь на одном аспекте темы – деятельности санкт-петербургских гробовщиков как предпринимательского сообщества, обладающего корпоративной идентичностью.

Презентация темы похоронного бизнеса в европейской, американской и российской историографии. Истории российской городской похоронной индустрии и в особенности ассоциированных с ней предпринимательских институтов дореформенного периода по сей день уделялось мало внимания. Между тем это продуктивная область исследования, позволяющая понять, как основополагающие для человеческого сообщества религиозные, идеологические и эстетические представления, связанные с переживанием смерти, интегрируются в жизнь социума непосредственно на уровне материальной культуры и повседневных экономических практик.

Свидетельством тому служат работы по истории похоронного бизнеса XVIII–XIX вв., выполненные на европейском и американском материалах. Так, например, в статье Р. Обена процесс зарождения и развития первых погребальных контор в Англии анализируется в тесной связи с теологическими дебатами об отношении к мертвому телу[1]. П. Фритц рассматривает ту же историю в контексте реструктуризации административных институтов и профессиональных сообществ, вовлеченных в процесс оформления похоронного церемониала[2]. Т. Лакер описывает специфику материальной культуры и законодательство, регулирующее практики погребения бедняков в Англии на протяжении XIX в.[3] П. Тромпетт исследует экономику погребального рынка во Франции XIX в. как результат сложного взаимодействия коммерческих, политических и идеологических интересов церкви, государства и предпринимателей – владельцев похоронных бюро[4]. Э. Белл, опираясь на археологические данные, интерпретирует образцы американской гробовой фурнитуры массового производства конца XVIII – XIX в. как материальную репрезентацию романтической концепции «прекрасной смерти»[5]. Перечень легко поддается продолжению.

Гравюра Г.В. Дерикера с рисунка художника В.Ф. Тимма «Гробовой мастер»

Упомянутые работы отличает не только разнообразие подходов, но и высокая концентрация фактографического материала. Мы узнаем, как выглядели вывески, витрины, торговые каталоги и реклама гробовщиков и похоронных агентов на Западе в XVIII – первой половине XIX в., какие услуги они оказывали, чем торговали, как вели приходно-расходные книги, сотрудничали или конкурировали и какие цены назначали.

Подобных исследований российского похоронного бизнеса той же эпохи до сих пор не существует. На это есть объективные причины.

В России, в отличие от западных стран, погребальные торговые практики лишь с 1840-х гг. начинают регламентироваться на государственном уровне, а крупные похоронные бюро появляются в конце столетия. Корпус очевидных и легко обнаруживаемых опубликованных и архивных источников по истории российской похоронной индустрии и бизнеса относится к концу XIX–XX вв., и закономерно, что исследователи, занимающиеся сегодня упомянутой темой, обращаются именно к этой эпохе: таковы предпринятый А. Соколовой антропологический анализ городской погребальной культуры эпохи раннего

[1] *Aubin R.A.* Behind Steele's Satire on Undertakers // Publications of the Modern Language Association of America. 1949. Vol. 64, № 5. P. 1008–1026.
[2] *Fritz P.S.* The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660–1830 // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28, № 2. P. 241–253.
[3] *Laqueur T.* Bodies, Death, and Pauper Funerals // Representations. 1983. № 1. P. 109–131.
[4] *Trompette P.* Pompes Funèbres and the Overflowing of Ostentatious Funerals // Managing overflow in affluent societies. N.Y., 2012. P. 19–42.
[5] *Bell E.* The Historical Archaeology of Mortuary Behavior: Coffin Hardware from Uxbridge, Massachusetts // Historical Archaeology. 1990. Vol. 24, № 3. P. 54–78.

СССР[6] и осуществленный С. Моховым обзор истории погребального дела от Средневековья до настоящего времени, где в главе о российской похоронной индустрии дореформенный период (1800–1860 гг.) практически отсутствует[7]; посвященная же интересующей нас эпохе студенческая публикация М.Р. Масагутовой предельно лаконична[8].

Вопрос об источниковой базе и выборе методов исследования. Отдельную проблему при работе с заявленной темой составляет поиск и выявление источников. Если история российских столичных некрополей служила предметом полноценных источниковедческих штудий (в монографическом формате результаты их представлены в работах С.Ю. Шокарева – для Москвы и А.В. Кобака и Ю.М. Пирютко – для Санкт-Петербурга)[9], то история похоронного предпринимательства 1800–1860-х гг. пока представляет собой в этом отношении слепое пятно.

В этих условиях при подступе к теме продуктивными представляются несколько методов. Во-первых, это изучение уже известных материалов под принципиально новым углом зрения; замечательный пример – работа Н.А. Четыриной, которая прослеживает колебания сроков похорон в конце XVIII–XIX вв. с опорой на данные метрических книг[10]. Во-вторых, это введение в научный оборот и исследование новых материалов, связанных с конкретными историческими сюжетами, которые, в силу своей проблематичности, зримо актуализируют норму; здесь образцом может служить статья В.А. Шкерина, который рассматривает историю перемещения из Италии тела горнозаводчика Н.Н. Демидова для захоронения в Пермской губернии[11].

В настоящей статье я, в той или иной степени, воспользуюсь обеими возможностями. В первом случае я фокусирую внимание на материалах известных дел по подготовке правительственных указов, «Положения о кладбищах» (1841) и «Положения о предметах, употребляемых при погребении» (1842), как источнике сведений о деятельности предпринимателей в сфере похоронных услуг. Во втором – описываю и анализирую не рассматривавшийся ранее в ученой литературе и важный для изучения темы сюжет о конфликте гробовщиков и причта церкви Смоленского православного кладбища.

Существует, однако, еще один метод, описанный Л.А. Беляевым в небольшой статье «Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты»: это введение в поле зрения историка беллетризованных и мемуарных рассказов, «позволяющих понять, путем взаимного сопоставления, синхронные им особенности материальной культуры и обычаи»[12]. Мне как историку литературы этот междисциплинарный подход представляется продуктивным и выигрышным для обеих областей знания. Для литературоведа он предполагает переход от исследования самодостаточных нарративных моделей к осмыслению их как специфически устроенных репрезентаций исторического процесса, в моем случае – материальных и социоэкономических практик (подобного рода попытки предпринимались, в частности, в рамках «нового историзма» – давнего и небесспорного направления в области истории литературы, не особенно прижившегося на российской почве)[13].

---

[6] *Соколова А.* Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022.

[7] *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М., 2018. С. 219–236.

[8] *Масагутова М.Р.* Организация похоронного дела в имперском Петербурге // Usable Pasts: сборник материалов IV студ. конф. НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (26–27 апреля 2019 г.). Иваново, 2020. С. 41–45.

[9] *Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя (XII – начало XIX вв.). М.; СПб., 2018; *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2009.

[10] *Четырина Н.А.* Срок похорон в конце XVIII – начале XIX в.: по материалам метрических книг // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 241–259.

[11] *Шкерин В.А.* Путешествие покойника из Флоренции в нижнетагильский завод // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 133–141.

[12] *Беляев Л.А.* Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: мат-лы междунар. науч. конф. М., 2018. С. 20.

Для историка, как демонстрируют работы А.Л. Беляева, литературные тексты могут стать ключом при поиске ответов на нерешенные вопросы из области истории и археологии[14]. Важнее, однако, что сопоставление исторических и литературных источников расширяет наши целостные представления о материальной, бытовой и социальной культуре исследуемой эпохи: «Возникает очень интересное и до сих пор не открытое пространство <…>, в котором взаимопроникновение разных форм источников выглядит на редкость естественным и делает картину поистине трехмерной»[15].

В настоящем исследовании я рассматриваю архивные материалы в сопоставлении с тремя литературными текстами: это беллетризованное описание подготовки к похоронам в «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов С<анкт>-Петербургской губернии» (1841) И.И. Пушкарева, очерк А.П. Башуцкого «Гробовой мастер» (опубликован впервые в 1840 г.) и повесть А.С. Пушкина «Гробовщик» (написана в 1830 г., опубликована в 1831 г.). Последний сюжет разворачивается в московских декорациях, однако он показателен для представления о похоронном бизнесе первых десятилетий XIX в. в целом. В рамках этого подхода при анализе конкретных сюжетов в моем исследовании я буду двигаться от литературного материала к историческому.

Гробовые мастера в Санкт-Петербурге в 1800–1860-е гг.: статистика и корпоративный статус. В первой половине XIX в. население Петербурга постоянно росло. Согласно опубликованным в 1836 г. «Статистическим сведениям о Санкт-Петербурге», в 1800 г. в столице было 220 208 жителей, в 1805 г. – 271 147, в 1814 г. – 335 713, в 1825 г. – 424 731, в 1832 – 449 368[16]. Таким образом, как замечает составитель издания, «в первую четверть <…> столетия народонаселение С<анкт>-Петербурга <…> почти удвоилось, и ежегодная прибыль состояла из 8 181 человека»[17]. Близкие цифры приведены в статистической записке А.П. Башуцкого: в 1805 – 295 000 жителей, в 1820 – 422 000, в 1825 – 433 112, в 1831 – 448 221, в 1832 – 449 368[18].

Количество обитателей Санкт-Петербурга во второй четверти XIX в. зафиксировано в «Статистических таблицах о состоянии городов Российской империи», издававшихся в разные годы. По этим данным население столицы увеличилось к 1840 г. до 476 386 чел.[19], к 1847 г. – до 481 352 чел.[20], к 1856 г. – до 490 808 чел.[21]

Сообразно приросту населения росло и количество смертей. По расчетам А.П. Заблоцкого-Десятовского, опиравшегося на ведомости Синода, в первое десятилетие XIX в. в Петербурге ежегодно умирало в среднем 9 313 чел., во второе – 10 641 чел., в третье – 10 304 чел.[22]. А.П. Башуцкий пишет, что в 1832 г. количество умерших в столице достигло 15 917 чел.[23] Согласно рапорту митрополита Антония (Рафальского) Синоду от 3 мая 1843 г., в 1840 г. на санкт-петербургских городских кладбищах было совершено 19 205 захоронений[24]. С каждым

[13] См. о нем, например: *Козлов С.* На rendez-vous с новым историзмом // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 5–12; *Эткинд А.* Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С. 7–40.

[14] См.: *Беляев Л.А.* Погребения в алтарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. 2016. № 2. С. 8–10; *Беляев Л. А.* Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: мат-лы междунар. науч. конф. (14–16 октября 2015 г.). М.; Вологда, 2017. С. 530–542.

[15] *Беляев Л.А.* Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты… С. 20.

[16] Статистические сведения о Санкт-Петербурге / сост. А.П. Заблоцкий-Десятовский. СПб., 1836. С. 113–114.

[17] Там же. С. 114.

[18] *Башуцкий А. П.* Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Ч. 2. С. 71.

[19] Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840. С. 40.

[20] Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи <по 1 мая 1847 г.> / сост. в Статистическом отделении Министерства внутренних дел. СПб., 1852. С. 24.

[21] Статистические таблицы Российской империи за 1856 год / сост. и изд. по распоряжению Министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1858. С. 116.

[22] Статистические сведения о Санкт-Петербурге / сост. А.П. Заболоцкий-Десятовский… С. 168.

[23] *Башуцкий А.П.* Панорама Санкт-Петербурга… Ч. 2. С. 74.

[24] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 192.

новым десятилетием у столичных гробовщиков прибавлялось работы, что не могло не сказываться на объемах отрасли.

Изготовление гробов относилось к сфере ремесленного производства, связанного с обработкой дерева – одной из самых крупных в постоянно строящемся Петербурге (статистические данные для 1840-х гг. представлены в работе А.И. Копанева, а для последнего десятилетия XVIII в. и 1869 г. – в монографии А.В. Келлера)[25]. Гробовые мастера не составляли отдельной цеховой категории: в «Отчете С<анкт>-Петербургской ремесленной управы за 1866 год», в графе «Названия цехов и мастерств, входящих в состав оных», гробовое дело (наряду с мебельным, резным, позолотным и корзиночным) фигурирует как вид «мастерства» в составе столярного цеха[26].

Статистическая информация о количестве гробовых предприятий в Петербурге в изучаемый период на сегодняшний день отсутствует. Источником предварительных данных, представленных в настоящей статье, служат составленные Н.И. Цыловым петербургские адресные книги 1849 и 1850 гг., «Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга» 1867–1868 гг. и два дела из фондов Петроградской духовной консистории и Петроградской ремесленной управы: «Дело по прошению протоиерея Смоленской кладбищенской церкви Георгия Петрова о запрещении гробовым мастерам отпускать дроги и прочие траурные принадлежности на Смоленское кладбище»[27], где сохранились расписки гробовых мастеров за 1813 г., и «Дело об изготовлении гробов в Санкт-Петербурге во время эпидемии»[28], содержащее затребованный Санкт-Петербургской ремесленной управой у цехового старосты «Список мастерам гробового дела, записанным в Российском столярном цеху» на 1848 г.

Согласно этим источникам, в 1813 г. в Санкт-Петербурге работали 11 гробовщиков[29], в 1848 г. – 58[30], в 1849 – 54[31], в 1850 – 59[32], в 1867 г. – 42[33]. Разумеется, это не позволяет судить о точном количестве гробовых предприятий в столице в указанные годы. Во-первых, перечни в адресных книгах, как и в упомянутых архивных источниках, заведомо неполны. Во-вторых, специальность гробовых мастеров не совпадала с их более широкой цеховой категоризацией, поэтому ремесленник, занятый производством гробов, мог квалифицироваться и как гробовой мастер, и как столяр. Так, в расписках 1813 г. восемь гробовщиков называют себя гробовыми мастерами, один – гробовым мастером временного столярного цеха, один – столяром, один – столярным мастером; еще одна подпись – единственного немецкоязычного мастера Шридера (Шрёдера) – не содержит корпоративного маркера[34].

Идентификации одного и того же ремесленника в источниках разного времени могут не совпадать: например, Федот Савельев в расписке 1813 г. именует себя гробовым мастером[35], а в изданном в 1822 г. справочнике С.И. Аллера он включен в перечень столяров временного цеха Русской ремесленной управы[36]. Семен Антонов Адлер из «Списка мастерам гробового дела» 1848 г. в опубликованном спустя лишь год справочнике Н.И. Цылова записан столяром[37]; в том же статусе он упоминается и во «Всеобщей адресной книге С<анкт>-

[25] См.: *Копанев А.И.* Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л., 1957. С. 518; *Келлер А.В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века. СПб., 2020. С. 172–173, 203, 205.
[26] Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год. СПб., 1867. Б.п.
[27] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 15. Д. 188.
[28] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583.
[29] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 7–12.
[30] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 27–28 об.
[31] *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 115–117.
[32] *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга присутственных мест, учебных заведений, врачей, художников и разных предметов торговой и ремесленной направленности на 1850 год. СПб., 1849. С. 103–104.
[33] Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд. СПб., 1867–1868. Отд. 4. С. 39.
[34] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 11.
[35] Там же. Л. 10.
[36] *Аллер С. И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов на 1823 год. СПб., 1822. С. 528.
[37] *Цылов Н. И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1849 год... С. 416.

Петербурга» 1867–1868 гг.[38] Разумеется, эти данные, в особенности два последних примера, можно интерпретировать как указание на смену мастером специализации. Видно, однако, что профессиональная идентичность гробовщиков, особенно в первые десятилетия XIX в., не была устойчивой. Это затрудняет сбор статистических данных.

Вместе с тем даже имеющиеся на сегодняшний день неполные сведения позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, во второй четверти XIX в. количество гробовщиков в Петербурге заметно увеличивается по сравнению с первыми десятилетиями: по субъективному, но симптоматичному замечанию управляющего Министерством внутренних дел А.Г. Строганова в официальной переписке с обер-прокурором Синода Н.А. Протасовым, к началу 1840-х гг. «гробовых мастеров находится в столицах, как всем известно, даже более, нежели сколько действительно потребно»[39].

Это коррелирует с ростом столичного народонаселения и развитием цехового сообщества как такового (по данным А.В. Келлера, число петербургских цеховых ремесленников в период с 1801 по 1848 г. выросло втрое, с 12 000 до 35 000 чел.)[40]. Во-вторых, невзирая на неизменно широкую цеховую идентификацию, к середине столетия гробовщики приобретают статус самостоятельного профессионального сообщества: показательно, что в справочниках 1849 и 1850 гг. они впервые выделяются в отдельный разряд. Этому способствует, по-видимому, и постепенный переход гробового бизнеса на уровень функционирования в форме семейных предприятий, сохраняющих стабильность на протяжении нескольких поколений в течение долгого времени.

Так, в расписках 1813 г. фигурирует гробовой мастер Июда Соболев[41], а в перечне 1848 г. – вероятно, его сын, гробовой мастер Архип Юдин Соболев, обитавший в Литейной части Санкт-Петербурга в доме Тишнера[42]; гробовщик Соболев, живущий по тому же адресу, упоминается и в адресных книгах 1849 и 1850 г.[43] То есть только по имеющимся у нас неполным данным семейный бизнес Соболевых существовал 37 лет. Так же, с 1813 по 1850 г., просматривается гробовое предприятие Антоновых: Арефы (Арефия), в расписке 1813 г. – гробового мастера[44], а в справочнике С.И. Аллера 1822 г. – столяра временного цеха[45], и Никиты, гробового мастера, включенного в список 1848 г.[46]; в адресных книгах Н.И. Цылова 1849 и 1850 гг. встречается гробовщик Соболев – в том же доме[47]. Объединяющие Арефия и Никиту фамилия, ремесло и место жительства (как минимум с 1822 г.) позволяют достаточно уверенно предположить, что мы имеем дело с представителями разных поколений, связанных родственными узами. В списке гробовщиков 1848 г. упоминаются четыре вдовы гробовых мастеров, унаследовавшие бизнес мужей[48], а также братья Лебедевы, Федор Климов – в Нарвской части Петербурга, и Дмитрий Климов – в Московской[49]; значит, в это время в разных районах города уже имелись гробовые предприятия, принадлежавшие членам одной семьи.

Сведения о социальной стратификации гробовых мастеров отсутствуют, однако можно полагать, что она соответствовала общей картине, характерной для описываемой эпохи. Как замечает А.В. Келлер, мелкие предприниматели происходили в основном «из мещан,

[38] Всеобщая адресная книга С<анкт>-Петербурга… Отд. 4. С. 192.
[39] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 10–10 об.
[40] *Келлер А. В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века… С. 186.
[41] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 9.
[42] Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 28.
[43] *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1849 год. С. 117; *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1850 год… С. 104.
[44] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 10.
[45] *Аллер С.И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга <…> на 1823 год… С. 528.
[46] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 27.
[47] *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1849 год… С. 115; *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1850 год… С. 103. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Н.Г. Охотина за консультации и помощь при работе с этим материалом.
[48] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 27–27 об.
[49] Там же. Л. 27 об.

цеховых и крестьян»[50]. По наблюдениям А.И. Копанева, в ремесленной среде последнее сословие было самым многочисленным: по данным ревизских сказок 1811, 1815–1816 и 1834–1835 гг., «около половины вечноцеховых Петербурга составляли отпущенные на волю крестьяне и дворовые»[51].

В 1840-е гг. среди гробовщиков, однако, были и состоятельные люди. В списке гробовых мастеров 1848 г. фигурируют три владельца собственных домов. Один из них – Автомон (в источниках встречается также вариант написания Автолион) Егорович Шумилов[52], сын гробовщика Егора Григорьевича Шумилова, выходца из крестьян. В адресной книге Аллера 1822 г. Е.Г. Шумилов входит в перечень мастеров вечного столярного цеха по резному деревянному и форморезному (изготовление «форм», т.е. вырезных клише для набивки рисунка на ткани) делу[53]. Известно, что в 1831 г. он уже состоит в купеческом звании и избирается церковным старостой Никольской единоверческой церкви, при которой в 1835 г. в качестве благотворительного дара строит для причта каменный трехэтажный дом[54]. В справочнике К.М. Нистрема 1844 г. Шумилов упомянут как владелец собственного дома на Литейном проспекте[55]. Его сыновья, также гробовщики, в это время активно проявляют себя в благотворительности: Иван Егорович Шумилов поставляет бесплатно гробы с 1841 г. и в течение последующих шести лет – в Мариинскую больницу для бедных[56], а в 1843 г. вместе с братом Автомоном – в больницу св. Марии Магдалины[57]. В гильдейской книге на 1871 г. Автомон Шумилов, купец 2-й гильдии с 1855 г., фигурирует как владелец гробовой мастерской в собственном наследственном (т.е. унаследованном от родителя) доме по Литейному проспекту, № 52; его племянник Егор Иванович Шумилов, купец 2-й гильдии (в купечестве состоял с 1865 г.), в это время содержит гробовую мастерскую в том же районе, в доме по Литейному проспекту, № 56[58]. В конце XIX – начале XX в. похоронный бизнес Шумиловых становится одним из самых известных в Петербурге.

Именно тенденцией к укрупнению предприятий и вытеснению с рынка конкурентов и объясняется, по-видимому, сокращение числа гробовщиков на 17 человек в адресной книге 1867–1868 гг. по сравнению с 1850 г. Существенно, что Шумиловы не просто богатеют: гробовой бизнес служит им настоящим социальным лифтом, предоставляющим доступ к новому статусу и положению в обществе. Именно такая эволюция гробовщика – от столяра-ремесленника до предпринимателя с «аристократическим» магазином в собственном доме, со временем передающего дела наследникам – описана в очерке А.П. Башуцкого 1840 г.[59]

Необходимо отметить, что, кроме гробовщиков-ремесленников, со временем приобретавших купеческие свидетельства, похоронным делом занимались и лица, состоявшие в купеческом сословии, но ранее не имевшие, видимо, опыта пребывания в статусе ремесленников. Это отдельный и также плохо исследованный аспект темы, выходящий, однако, за рамки настоящей статьи, поэтому здесь я просто приведу два примера: в работе Г.Н. Ульяновой упоминается купчиха 3-й гильдии Тихомирова и ее сын Иван, торговавшие гробами в

[50] *Келлер А.В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века… С. 194.

[51] *Копанев А.И.* Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: мат-лы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории (13–14 дек. 1972 г.). Л., 1975. С. 79.

[52] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 28. См. также: *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1849 год… С. 117; *Цылов Н.И.* Городской указатель, или Адресная книга <…> на 1850 год… С. 104; Всеобщая адресная книга С.-Петербурга… Отд. 4. С. 39.

[53] *Аллер С.И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга <…> на 1823 год… С. 533.

[54] Церковь Никольская единоверческая, что в Николаевской улице / подп. Священник В.Н. // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1878. Вып. 6. Отд. 2. С. 164, 167.

[55] *Нистрем К.М.* Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. СПб., 1844. Т. 1. С. 92.

[56] РГИА. Ф. 759. Оп. 15. Д. 441.

[57] ЦГИА СПб. Ф. 204. Оп. 1. Д. 87.

[58] Справочная книга о лицах, получивших на 1971 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1871. С. 452–453.

[59] *Башуцкий А. П.* Гробовой мастер // Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. Вып. 10–11. С. 79–89, 97.

Москве в районе Сретенки в 1827 г.[60]; по моим данным, в Петербурге в 1841 г. бизнес по прокату траурных принадлежностей при Смоленском православном кладбище намеревался приобрести купеческий сын Филипп Дмитриев Смирнов[61].

К концу второй четверти XIX в. гробовщики функционируют уже как предпринимательское сообщество, готовое отстаивать свои корпоративные интересы. Свидетельством тому служат истории конфликтов гробовых мастеров с церковными и светскими институтами, регулирующими сферу похоронного бизнеса. Ниже рассмотрены два таких случая.

Первый случай демонстрирует развитие локальной «торговой войны» причта церкви Петербургского Смоленского православного кладбища против гробовых мастеров в первые десятилетия XIX в. Второй случай описывает попытку гробовщиков в конце 1840-х – начале 1850-х г. вынудить Министерство внутренних дел пересмотреть утвержденные им ранее тарифы на простые (т.е. некрашеные и недекорированные) гробы.

Прокат траурных принадлежностей: конфликт причта церкви Смоленского православного кладбища с гробовщиками. Герой повести Пушкина «Гробовщик» поставляет клиентам не только гробы, но и похоронные принадлежности: свечи для домашней панихиды, покров для тела, траурные шляпы, мантии и факелы для погребального кортежа[62]. То есть он не просто ремесленник, а предприниматель, оказывающий широкий спектр услуг по оформлению траурной церемонии. Из мемуарной литературы известно, что именно так функционировали российские похоронные дома в конце XIX – начале XX в.[63]

Вопрос о существовании подобных предпринимательских практик в более раннее время требует, однако, специальных разысканий. Рассказы современников об организации погребального бизнеса в первой половине XIX в. в этом смысле противоречивы. Так, в упомянутом выше очерке А.П. Башуцкого гробовщик целиком организует похороны, выставляя клиенту полный «печальный счет», куда включены не только материалы для подготовки тела, транспорт и весь набор траурной атрибутики, но и услуги по захоронению и оформлению могилы, т.е. он работает в тесном сотрудничестве с кладбищем[64].

В картине же подготовки к похоронам в «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов С<анкт>-Петербургской губернии» И.И. Пушкарева, изданном в 1841 г., родственников покойного окружают множество разнообразных торговцев («сидельцы из перинной линии с парчами, с глазетом, <…>, псалтирьщики, регенты певчих, пономари, каменосечьцы, портнихи, повара, кондитеры и содержатель типографии с предложением напечатать пригласительные билеты в последнем вкусе»)[65], и гробовой мастер – лишь один из них. И хотя автор замечает, что «гробовые мастера, со всем принадлежащим к ним причтом, наживаются здесь скоро…»[66], непонятно, кто причислен к «причту» и осуществляет ли гробовщик посреднические функции при поставке погребальных принадлежностей, получая за это дополнительный доход.

Прояснить этот вопрос отчасти позволяют сохранившиеся в фондах Канцелярии Синода в РГИА документы, связанные с подготовкой и применением утвержденного 14 июля 1841 г. «Положения о предметах, требующихся при погребении усопших и о вкладах и приношениях за оные», более известного под кратким названием «Положение о кладбищах». Этот указ регламентировал тарифы на ритуальное обслуживание и цены на захоронение на городских кладбищах.

---

[60] *Ulianova G.* A Mosaic of Entrepreneurship: Female Traders in Moscow, 1810s–1850s // Female Entrepreneurs in the Long Nineteenth Century: A Global Perspective. Palgrave Macmillan, 2020. P. 109.
[61] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 33. Д. 93.
[62] *Пушкин А.С.* Гробовщик // Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 8. С. 89, 92.
[63] См.: *Животов Н.Н.* Петербургские профили. Вып. 3. СПб., 1895; *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987. С. 9.
[64] *Башуцкий А.П.* Гробовой мастер… Вып. 11. С. 90–93.
[65] *Пушкарев И.И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. СПб., 1841. Ч. 3. С. 40.
[66] Там же. С. 41.

В числе прочего, в официальные прейскуранты погребальных услуг, предоставляемых кладбищенскими церквями, был внесен и прокат траурных принадлежностей: погребальной колесницы или простых погребальных дрог, покровов пяти разрядов, катафалков и подсвечников «трех разборов», табуретов для знаков отличия и свечей[67]. Административная переписка показывает, что до введения в действие «Положения» гробовщики действительно занимались поставками траурных принадлежностей и делили эту сферу услуг с церковью. Так, митрополит Филарет (Дроздов) в донесении Синоду от 11 января 1842 г. сообщал, что в Москве при погребении «употребляются, сколько известно, покровы и катафалки от церквей, а колесницы, табуреты и дроги большею частию от гробовщиков, по распоряжению погребающих»[68].

Гробовщики упомянуты также в рапорте санкт-петербургского митрополита Серафима (Глаголевского) Синоду от 2 июня 1841 г., где расписаны доходы столичных кладбищенских церквей в период, непосредственно предшествовавший составлению «Положения». Там, среди прочего, сообщается, что причт церкви во имя св. Митрофана Воронежского на небольшом и устроенном довольно поздно, в 1831 г., Митрофановском (Тентелевском) православном кладбище при проведении траурной церемонии получает плату за покров, катафалк с подсвечниками, венчик; отдельный пункт в этом перечне гласит: «от гробовщиков – за дроги с прибором и за табуреты для орденских знаков от 2 до 1 рубля серебром»[69]. Формулировка не позволяет понять, поставляют ли гробовщики сами дроги и табуреты на кладбище или, наоборот, берут их у причта напрокат для погребального кортежа; судя по контексту, вторая трактовка представляется более вероятной. Мы видим, таким образом, что практики деловой коммуникации кладбищенских церквей с гробовщиками к началу 1840-х гг. в Москве и Петербурге различались.

У этого были причины. По утвержденному еще в XVIII в. законодательству большинство захоронений в обеих столицах производилось не при приходских церквях, а на городских кладбищах, удаленных от жилых кварталов[70]. Между тем, как следует из донесения Филарета, в Москве покойников на кладбищах лишь хоронили, а отпевали «по древнему обычаю» в приходских церквях; поэтому до введения в действие «Положения о кладбищах» московские кладбищенские церкви редко отдавали траур напрокат[71]. В Петербурге же и отпевание, и похороны часто проводились именно на кладбищах. То есть для петербургского кладбищенского причта траурные принадлежности служили прямым источником дохода, что потенциально предоставляло возможности для деловых альянсов или, напротив, конкуренции между кладбищем и гробовыми мастерами. Именно последнюю ситуацию описывает уже упомянутое выше «Дело по прошению протоиерея Смоленской кладбищенской церкви Георгия Петрова о запрещении гробовым мастерам отпускать дроги и прочие траурные принадлежности на Смоленское кладбище», находящееся в фонде Петербургской консистории в Историческом архиве Санкт-Петербурга. Но вначале кратко коснемся самой истории этого кладбища.

История Смоленского кладбища от его основания до начала 1870-х гг. рассказана священником церкви во имя Смоленской иконы Божией матери Стефаном Ивановичем Опатовичем (1831–1892)[72]. Место под кладбище было отведено указом Синода в 1738 г. и

[67] См.: Положение о предметах, требующихся при погребении усопших, и о вкладах и приношениях за оные, по С.-Петербургским городским кладбищам // РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 137–138.
[68] Там же. Л. 160.
[69] Там же. Л. 109 об.
[70] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (Далее ПСЗ I). СПб., 1830. Т. VII. № 4322 (10 октября 1723 г.); Т. XIX. № 13803 (9 мая 1772 г.); № 13931 (24 декабря 1772 г.).
[71] РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 157 об. – 158 об.
[72] См.: *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1875. Т. 4. Отд. 2. С. 76–151. Более краткая версия этого текста опубликована двумя годами ранее, см.: *Опатович С.И.* Смоленское кладбище в Петербурге. Исторический очерк // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 168–200; об истории Смоленского кладбища в первой половине XIX в., во многом с опорой на работу Опатовича, см. также: *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга… С. 295–303.

подтверждено указом Сената в 1756 г.; освящение первой деревянной кладбищенской церкви состоялось в 1760 г. В 1783 г. там начал службу священник (с 1803 г. – протоиерей) Георгий Петров (1743–1825), имевший склонность к предпринимательской деятельности. При нем доходы кладбища росли, в том числе за счет сдачи прицерковных помещений под мастерские и лавки[73]. Среди них было организованное в 1795 г. «траурное заведение», занимавшееся прокатом погребальной атрибутики[74]. Реклама в «Санкт-Петербургских Ведомостях» извещала, что там «имеются для парадных похорон все нужные приборы, как то: билеты, разные парчовые покровы, для орденов подушки, дроги с покрывалом, на лошадей попоны, плащи и шляпы с флером, факелы, катафалк и подсвечники <…>»[75]. Петров явно считал гробовщиков конкурентами и стремился к монополии на прокат траура. 1 июля 1813 г. он отправил в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию следующее прошение:

«При печальных обстоятельствах о умерших сродниках первый предмет и забота о гробах. А гробовые мастера сей случай не упускают употреблять к пользе своей собственной и к своему обогащению, даже обременительною для вкладчиков ценою, почти при покупке гробов убеждают, чтоб в общей цене с гробом билеты и прочие принадлежности у них брали. В отвращение сего притязания <…> долгом моим поставляю Духовную Консисторию утруждать, не благоволит ли сообщить в Градскую Думу, которая может от такового притязания ограничить отпуск траура на Смоленском кладбище; ибо гробовое мастерство принадлежит к столярному цеху, от которого содержание имеют не бедное, а могут также и на другие кладбища отпускать беспрекословно, где траурных принадлежностей нет»[76].

Прошение было удовлетворено: по распоряжению Губернского правления Управа благочиния (городской орган, ведавший полицией и порядком в городе) обязала гробовщиков, «дабы всякое притязание к покупающим у них вместе с гробами траурные принадлежности, до Смоленского кладбища относящиеся, совершенно они прекратили», и распорядилась взять с них об этом расписки, чтобы получить подписи от тех самых 11 гробовщиков, которые образуют список 1813 г. Это решение было закреплено указом Духовной Консистории от 4 февраля 1814 г. № 262[77].

Несмотря на использование административного ресурса, монополия траурного заведения проиерея Петрова оказалась неустойчивой. В 1831 г., 16 декабря, Санкт-Петербургская Духовная Консистория получила прошение, подписанное уже новым протоиреем Смоленско-кладбищенской церкви Иоакимом Семеновичем Кочетовым (1789–1854) и церковным старостой, купцом 1-й гильдии Ильей Антоновым, которые сетовали, что гробовщики игнорируют указы светских и церковных властей:

«Но как с течением времени большая часть мастеров, давших подписки, померли, и много явилось новых гробовых мастеров, не знающих о сей данной Церкви нашей привилегии, или, по крайней мере не обязанных подписками к исполнению оной, то ныне по большей части привозятся покойники на наше кладбище на посторонних дрогах и не с нашим трауром, хоть мы неоднократно напоминали всем гробовым мастерам здешней столицы о привилегии нашей, однако от сих напоминаний пользы никакой не видим»[78].

Если верить С.И. Опатовичу, гробовщики имели конкурентное преимущество перед кладбищенским заведением, привилегированное положение которого не способствовало заботе о качестве товара: траурные вещи, поставлявшиеся нанимателям на Смоленском кладбище, «поражали <…> своим безобразием. <…> Это возбуждало жалобы со стороны

[73] См.: *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище… С. 96; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 7. Д. 748. Л. 1–4; Ф. 15. Оп. 15. Д. 850. Л. 98, 99–100, 101–102, 186–187, 188–189 об., 192, 193–199.
[74] Об истории его устройства см.: *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище… С. 92–93.
[75] Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 98, 8 дек. (вторник). С. 2257; № 99, 11 дек. (пятница). С. 2276; № 102, 22 дек. (вторник). С. 2348.
[76] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 1–2.
[77] Там же. Л. 6–6 об., цитата: Л. 6.
[78] Там же. Л. 13–13 об.

нанимателей. <…> Поэтому, когда, с утверждением положения о кладбищах (1841 г.), постановка дрог и других принадлежностей погребения сделалась предметом свободной торговли, никто не стал брать их с кладбища»[79].

«Положение о кладбищах» действительно разрешало потребителям нанимать дроги и заказывать погребальные покровы на стороне[80], однако функционировать траурное заведение перестало раньше. В упомянутом выше рапорте митрополита Серафима (Глаголевского) Синоду от 2 июня 1841 г. сообщалось: «В настоящее время требование дрог от Смоленско-кладбищенской церкви и траура вовсе прекратилось по множеству гробовых мастеров по городу, свободу каковую испросили они себе заводить всякий траур, а частию и по причине большой отдаленности кладбища от середины города»[81]. Как следует из этой формулировки, «свобода» гробовщиков отдавать внаем траурные принадлежности была закреплена законодательно еще до появления «Положения о кладбищах».

Сам соответствующий указ пока найти не удалось. Имеющиеся материалы, однако, позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, гробовое ремесло определенно предполагало не только производственную, но более широкую предпринимательскую деятельность, связанную с оказанием ритуальных услуг, уже в первые десятилетия XIX в. – именно тогда и закладываются ранние предпосылки для создания похоронных домов, расцветших на исходе столетия. Во-вторых, к началу 1840-х гг. гробовщики уже взаимодействуют с властями как самостоятельная профессиональная корпорация, объединенная общими коммерческими интересами.

Ценовая политика: гробовщики в диалоге с Министерством внутренних дел. Влияние эпидемии холеры на ценообразование. Пушкинский гробовщик, озабоченный состоянием своих доходов, сетует, что нищему гроб достается даром, и запрашивает «за свои произведения преувеличенную цену»[82]. Для рассмотрения истории похоронного бизнеса весьма важен вопрос о ценах на товары и услуги в этом сегменте предпринимательства.

До начала 1840-х гг. цены на гробы, изготовляемые на заказ или для продажи[83], были свободными – они зависели от качества сырья и сложности работы, богатства отделки, запросов потребителя, аппетитов продавца и, по словам А.Г. Строганова, действительно выглядели иногда «несоразмерными против употребляемых материалов»[84]. Вмешательство государства в эту практику датируется первым декабря 1842 г., когда положением Комитета министров «О установлении в столицах такс на предметы, употребляемые при погребении людей среднего состояния» была утверждена шкала фиксированных цен на гробы минимальной конфигурации, образцы которых гробовщикам предписывалось иметь в лавках под угрозой штрафов и запрета на профессию в случае неисполнения такого требования[85].

Стимулом к разработке «Положения» явилась жалоба, адресованная в мае 1841 г. шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу чиновником 6-го класса Григорьевым, похоронившим двоих дочерей. Жалуясь на непосильные для человека его положения и доходов запросы столичных гробовщиков («самый простой гроб, выкрашенный суриком <…> из полторы еловой доски» обошелся ему в 6 руб., а «гроб, оклеенный самым дешевым коленкором», – в 20 руб.)[86], Григорьев просил «искоренить зло, <…> введенное в погребальный обряд, в котором и без того каждый бедняк несет уже необходимые убытки»[87].

Целью последовавшего указа, таким образом, была защита населения, которому обеспечивалась возможность покупать товар первой необходимости по твердой таксе. Бедняков, по предъявлении свидетельств от приходов или полиции, обслуживали при больницах, куда

[79] *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище… С. 95.
[80] РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 137 об.
[81] Там же. Л. 114 об.
[82] *Пушкин А.С.* Гробовщик… С. 90.
[83] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 10.
[84] Там же.
[85] ПСЗ II. Т. XVII. № 16280 (1 дек. 1842 г.).
[86] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 2–3.
[87] Там же. Л. 2–2 об.

гробовщики поставляли товар из благотворительных соображений и по ценам ниже себестоимости. Например, по словам гробовщика Петрова, приведенным в переписке Попечительства при Петропавловской больнице в Санкт-Петербурге с Министерством внутренних дел от 28 ноября 1841 г., «гробы им в больницу поставляемые, ему самому обходятся дороже поставной цены»[88]. С точки зрения производителя, нищие и вправду брали гробы «даром».

Как показывает выписка из донесения петербургской Ремесленной управы, сохранившаяся в фонде Хозяйственного департамента МВД в РГИА, таксы на обязательный минимальный ассортимент для Петербурга были предложены Ремесленной управой и одобрены министерством, за исключением одного пункта – цены на самый простой сосновый гроб, которая была снижена с запрошенных Ремесленной управой 76 коп. серебром до 49 коп. серебром, что соответствовало потолку цен на гробы, поставляемые в больницы[89]. Таким образом, государство защищало самую финансово уязвимую часть населения. Так сформировалась зона конфликта интересов социальной политики и коммерческого сектора. Конфликт этот обострился в конце 1840-х гг. во время эпидемии холеры, когда наблюдалось резкое увеличение смертности населения.

Петербург был в числе городов, серьезно пострадавших от эпидемии: согласно официальной статистике, только в период с 4 июля 1848 г. по 1 января 1849 г. в столице умерло 12 228 жителей из 445 000, т.е. 2,7 % населения[90]. Повышение спроса на гробы предсказуемо повлияло на ценообразование. Городская дума под давлением экстремальных обстоятельств в условиях дефицита погребальных принадлежностей согласилась на предложение Ремесленной управы изготавливать простые гробы в большом количестве «при доме Цехового Общества, посредством подмастерьев, назначенных от некоторых мастеров, по мере надобности или по заказу мастерам» по предложенной гробовщиками цене 80 коп. за штуку, т.е. в 1,6 раза выше утвержденного тарифа[91].

Свободная же торговля откровенно саботировала законодательные предписания. По донесению анонимного осведомителя от 1 июля 184<8> г., «при таком огромном требовании на гробы цена их по таксе не существует ныне; самый простой, только окрашенный краскою гроб стоит теперь не дешевле 10–12 р<уб>. серебр<ом>, вероятно в 6 раз более настоящей его цены по таксе. Оне говорят, что недостает, видите ли, рук, чтобы изготовлять гробы по таксе, тогда как нет недостатка в рабочих, когда цена высока»[92].

Контрольная закупка в 36 гробовых мастерских в том же месяце показала, что цена на простой гроб варьируется от 2 руб. 90 коп. до 7 руб. серебром, а на гробы более высокого достоинства превышает таксу втрое: «За гроб окрашенный без обивки внутри коленкором от 4-х до 5 руб. серебром. <…> За гроб окрашенный и обитый внутри коленкором, назначенный по таксе по 1 руб. 57 копеек, требовали от 4-х до 6-<т>и руб. серебр<ом>. <…> За гроб, назначенный по таксе 4 руб. 95 копеек, требовали по 10 руб. серебр<ом> и <…> <з>а гроб по таксе в 8 руб. 68 коп. серебр<ом> требовали от 20 до 25 руб. серебром»[93]. При этом гробовщики, пользуясь смятением горожан перед последствиями эпидемии и ажиотажным спросом на похоронные принадлежности, брали деньги без расписок и требовали оплату вперед[94].

Пытаясь сократить разрыв между буквой закона и реальностью, чтобы тем самым остановить поток жалоб на непомерный рост цен, военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д.И. Шульгин временно поднял официальные тарифы на простые гробы до 1 руб.

[88] РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 29.
[89] Там же. Оп. 6. Д. 664. Л. 10–11 об.
[90] Обозрение хода и действий холерной эпидемии в России в течение 1848 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч. 23. С. 326.
[91] ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 23.
[92] Там же. Л. 7–7 об. Ср.: во время эпидемии холеры в Саратове в начале 1830-х г. гробы также подорожали в 10 раз – см.: *Варфоломеев А.Ю.* «Навязчивая это была азиатская гостья»: Эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 59.
[93] РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 664. Л. 9–9 об.
[94] Там же. Л. 9 об.

(вместо 49 коп.) за большой гроб, 75 коп. – за средний и 50 коп. – за малый[95]. Этот административный прецедент, наряду с преодолением психологического барьера в области ценообразования, стимулировал предпринятую гробовщиками попытку изменить официальную шкалу цен в свою пользу после завершения эпидемии. Реакцией на намерение МВД восстановить допандемийные тарифы явился составленный общим собранием гробовых мастеров «приговор» от 2 сентября 1852 г. о временном согласии соблюдать установленную «Положением» ценовую шкалу сроком не более одного года[96].

Попытка гробовщиков надавить на министерство провалилась: явно раздраженный ультиматумом министр внутренних дел Д.Г. Бибиков в письме от 7 ноября 1853 г. потребовал от Д.И. Шульгина «внушить гробовщикам всю неуместность их приговора и сделать зависящее распоряжение на законном основании об уничтожении оного», а также усилить полицейский надзор за отраслью, так как «при очевидном желании гробовщиков увеличить цены на гробы для бедных, малейшее послабление <…> может дать повод к злоупотреблениям»[97].

Существенно, однако, что, несмотря на неудачное завершение, в этом сюжете реализуется та же модель коммуникации торгового сообщества с властью, что и в более удачной для гробовщиков истории конфликта со Смоленским кладбищем: ущемляющая интересы корпорации законодательная норма первоначально размывается на уровне повседневных торговых практик, формирующих новую норму, более приемлемую для профессионального сообщества. Само же профессиональное сообщество затем предпринимает шаги, направленные на защиту этой нормы, ее легализацию и кодификацию на государственном административном уровне.

Заключение. Итак, как показывает материал исследования, в 1800–1860 гг. гробовщики занимали пограничное положение в столичном коммерческом ландшафте: это одновременно производители, поставляющие товар на рынок, и предприниматели, уже с первых десятилетий XIX в. оказывающие услуги по оформлению и организации погребальной церемонии. Такая диспозиция служила предпосылкой для торговых альянсов или конкуренции между гробовыми мастерами и церковью.

Увеличение оборотов отрасли по мере роста населения Санкт-Петербурга в третьей четверти XIX столетия сопровождалось сокращением числа гробовщиков, регистрируемых адресными книгами, что свидетельствует о тенденции к укрупнению погребальных предприятий и вытеснению с рынка более мелких предпринимателей. Это означало, что гробовой бизнес был высококонкурентной отраслью.

Удалось установить, что в данной сфере предпринимательства хорошо проявился фактор длительности семейного бизнеса – например, несколько работавших в Петербурге на протяжении двух-трех поколений династий (Соболевы, Антоновы, Шумиловы) стабильно существовали с 1813 по 1850 г. или с 1822 г. до начала XX в. Аффилиация с церковью и активная благотворительная деятельность наиболее успешных гробовых мастеров (выразившаяся в поставках бесплатно гробов в больницы или строительстве дома для церковного причта) демонстрируют имевшиеся в их распоряжении возможности для завоевания нового общественного статуса и перехода в новое сословие (из цеховых или мещан – в купечество).

Интересные результаты дает сопоставление литературных и исторических источников. Карьерная и социальная динамика представителей похоронного бизнеса, прослеженная Башуцким, и предпринимательские практики, описанные Пушкиным, получают документальное подтверждение. Для литературоведов и историков это важно, поскольку мы теперь точно знаем, в частности, что изображение похоронного предприятия в пушкинской повести коррелирует с российскими реалиями 1830-х гг., а не является результатом трансфера европейских нарративных образцов в чистом виде.

[95] РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 664. Л. 10, 13–15.
[96] Там же. Л. 47.
[97] Там же. Л. 49–49 об.

Установление этого факта полезно также и для дальнейшего исследования представленной в статье темы, поскольку создает прецедент, повышающий доверие к литературным источникам, как минимум в области постановки новых проблем. Так, например, уже представленные в статье архивные данные позволяют интерпретировать внешне противоречащие друг другу рассказы Башуцкого и Пушкарева как описание различных вариантов не устоявшихся еще в начале 1840-х гг. торговых практик, взаимоотношения которых заслуживают более внимательного изучения. Отдельную загадку составляет представленный в очерке Башуцкого «печальный счет», из которого следует, что гробовщики предоставляли услуги по захоронению и первичному оформлению могилы – деталь, также требующая документального подтверждения или опровержения в ходе дальнейших штудий в этой области.

Литература

Башуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга. СПб.: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834. Т. 2. 273 с.

Башуцкий А.П. Гробовой мастер // Наши, списанные с натуры русскими. СПб.: изд. А.Я. Исакова, 1841. Вып. 9–11. С. 65–97.

Беляев Л.А. Погребения в алтарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. 2016. № 2. С. 8–10.

Беляев Л.А. Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы междунар. науч. конф. (14–16 октября 2015 г.). М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 530–542.

Беляев Л.А. Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы междунар. науч. конф. / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. М., 2018. С. 20–22.

Варфоломеев А.Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: Эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 54–60.

Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с.

Животов Н.Н. Среди факельщиков: шесть дней в роли факельщика // Животов Н.Н. Петербургские профили. СПб.: Типо-лит. А. Винеке, 1895. Вып. 3. 28 с.

Келлер А.В. Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века. СПб.: Алетейя, 2020. 627 с.

Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2009. 797 с.

Козлов С. На rendez-vous с новым историзмом // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 5–12.

Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. 155 с.

Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: материалы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории (13–14 дек. 1972 г.). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. С. 78–89.

Масагутова М.Р. Организация похоронного дела в имперском Петербурге // Usable Pasts: сборник материалов IV студ. конф. НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (26–27 апреля 2019 г.). Иваново: ЛИСТОС, 2020. С. 41–45.

Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 360 с.

Опатович С.И. Смоленское кладбище в Петербурге. Исторический очерк // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 168–200.

Опатович С.И. Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище // Историко-Статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1875. Т. 4. Отд. 2. С. 76–151.

Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии: в 4 ч. СПб.: тип. С.-Петербургского губернского правления, 1841. Ч. 3. 168 с.

Пушкин А.С. Гробовщик // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. С. 87–94.

Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 453 с.

Четырина Н.А. Срок похорон в конце XVIII – начале XIX в. (По материалам метрических книг) // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 241–259.

Шкерин В.А. Путешествие покойника из Флоренции в Нижнетагильский завод // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 133–141.

Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя (XII – начало XIX вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 486 с.

Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С. 7–40.

Aubin R.A. Behind Steele's Satire on Undertakers // Publications of the Modern Language Association of America. 1949. Vol. 64, № 5. P. 1008–1026.

Bell E. The Historical Archaeology of Mortuary Behavior: Coffin Hardware from Uxbridge, Massachusetts // Historical Archaeology. 1990. Vol. 24, № 3. P. 54–78.

Fritz P.S. The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660–1830 // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28, № 2. P. 241–253.

Laqueur T. Bodies, Death, and Pauper Funerals // Representations. 1983. № 1. Pp. 109–131.

Trompette P. Pompes Funèbres and the Overflowing of Ostentatious Funerals // Managing Overflow in Affluent Societies / eds. B. Czarniawska-Joerges, O. Löfgren. N.Y.: Routledge, 2012. P. 19–42.

*Ulianova G.*A Mosaic of Entrepreneurship: Female Traders in Moscow, 1810s–1850s // Female Entrepreneurs in the Long Nineteenth Century: A Global Perspective / eds. J. Aston, C. Bishop. Palgrave Macmillan, 2020. P. 85–112.

References

Aubin, R.A. (1949). Behind Steele's Satire on Undertakers. In *Publications of the Modern Language Association of America.* Vol. 64, No. 5, pp. 1008–1026.

Bashutskiy, A.P. (1834). *Panorama Sankt-Peterburga* [Panoramic Sketch of St. Petersburg]. St. Petersburg, V tip. vdovy Plyushar s synom. Vol. 2. 273 p.

Bashutskiy, A.P. (1841). Grobovoy master [The Coffin-Maker]. In *Nashi, spisannye s natury russkimi.* St. Petersburg, Izd. A. Ya. Isakova. No. 9–11, pp. 65–97.

Bell, E. (1990). The Historical Archaeology of Mortuary Behavior: Coffin Hardware from Uxbridge, Massachusetts. In *Historical Archaeology*. Vol. 24, No. 3, pp. 54–78.

Belyaev, L.A. (2016). Pogrebeniya v altaryakh: literaturnye resheniya arkheologicheskikh zagadok [Altar Burials: Literary Solutions to Archaeological Riddles]. In *Zhivaya starina.* No. 2, pp. 8–10.

Belyaev, L.A. (2017). Korsunskie relikvii v Moskovskoy Rusi: podlinnaya istoriya kresta-"korsunchika" [Korsun Relics in Muscovy: The True History of the "Korsun Cross"]. In *Rus' ehpokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (14–16 oktyabrya 2015 goda).* Moscow, Vologda, Drevnosti Severa, pp. 530–542.

Belyaev, L.A. (2018). Arkheologiya, arkhitektura i literaturnye istochniki XVIII–XIX vekov: kul'turno-istoricheskie syuzhety [Archeology, Architecture and Literary Sources of the 18th–19th Centuries: Cultural and Historical Plots]. In *Zhizn' v Rossiyskoy imperii: Novye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka: materialy mezhdunar. nauch. konf.* / Institut arkheologii RAN, Institut rossiyskoy istorii RAN. Moscow, pp. 20–22.

Chetyrina, N.A. (2007). Srok pokhoron v kontse XVIII – nachale XIX v. (Po materialam metricheskikh knig) [The Term of the Funeral at the End of the 18th – Beginning of the 19th Centuries (Based on the Data of Parish Registers]. In *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskiy istochnik*. Barnaul, pp. 241–259.

Dobuzhinskiy, M.V. (1987). *Vospominaniya* [The Memoirs]. Moscow, Nauka. 477 p.

Ehtkind, A. (2001). Novyy istorizm, russkaya versiya [New Historicism, Russian Version]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (47), pp. 7–40.

Fritz, P.S. (1994). The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660–1830. In *Eighteenth-Century Studies*. Vol. 28, No. 2, pp. 241–253.

Keller, A.V. (2020). *Artifex Petersburgensis. Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka* [Artifex Petersburgensis. St. Petersburg Handicraft in the 18th – Beginning of the 20th Centuries]. St. Petersburg, Aleteiya. 627 p.

Kobak, A.V., Piryutko, Yu. M. (2009) *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical Cemetries of St. Petersburg]. Moscow, Tsentrpoligraf; St. Petersburg, MIM-Del'ta. 797 p.

Kopanev, A.I. (1957). *Naselenie Peterburga v pervoy polovine XIX veka* [The Population of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. Moscow, Leningrad. 155 p.

Kopanev, A.I. (1975) Remeslenniki Peterburga v pervoy polovine XIX veka [Artisans of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. In *Remeslo i manufaktura v Rossii, Finlyandii i Pribaltike. Materialy II Sov.-fin. simpoziuma po sots.-ehkon. istorii (13–14 dekabrya 1972 g.).* Leningrad, Nauka, Leningr, Otd-nie, pp. 78–89.

Kozlov, S. (2000). Na rendez-vous s novym istorizmom [Meeting New Historicism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (42), pp. 5–12.

Laqueur, T. (1983). Bodies, Death, and Pauper Funerals. In *Representations*. No. 1, pp. 109–131.

Masagutova, M.R. (2020). Organizatsiya pokhoronnogo dela v imperskom Peterburge [Funeral Business Organisation in Imperial St. Petersburg]. In *Usable Pasts. Sbornik materialov IV studencheskoy konferentsii NIU VSHEH – Sankt-Peterburg (26–27 aprelya 2019 g.).* Ivanovo, LISTOS, pp. 41–45.

Mokhov, S. (2018). *Rozhdenie i smert' pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [The Birth and Death of the Funeral Industry: From Medieval Churchyards to Digital Immortality]. Moscow, Common place. 360 p.

Opatovich, S.I. (1873). Smolenskoe kladbishche v Peterburge. Istoricheskiy ocherk [Smolensky Cemetery in Petersburg. Historical Essay]. In *Russkaya starina*. Vol. 8, pp. 168–200.

Opatovich, S.I. (1875). Tserkov' vo imya Smolenskoy Ikony Bozhiey Materi na kladbishche [Church of the Smolensk Icon of the Mother of God at the Cemetery]. In *Istoriko-statisticheskie svedeniya o S<ankt>-Peterburgskoi eparkhii. Izdanie S<ankt>-Peterburgskogo eparkhial'nogo istoriko-statisticheskogo komiteta*. St. Petersburg. Vol. 4, part 2, pp. 76–151.

Pushkarev, I.I. (1841). *Opisanie Sankt-Peterburga i uezdnykh gorodov S.-Peterburgskoy gubernii* [Description of St. Petersburg and Chief Towns of St. Petersburg Province]: v 4 ch. St. Petersburg, Tip. S<ankt>-Peterburgskogo gubernskogo pravleniya. Part 3. 168 p.

Pushkin, A.S. (1948). Grobovshchik [The Coffin-Maker]. In *Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 16 t.* Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. Vol. 8, pp. 87–94.

Shkerin, V.A. (2018). Puteshestvie pokoynika iz Florentsii v Nizhnetagil'skiy zavod [A Dead Man's Journey from Italy to the Nizhny Tagil Plant]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (60), pp. 133–141.

Shokarev, S.Yu. (2018). *Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya (XII – nachalo XIX vv.)* [Sources for the History of Moscow Necropolis]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 486 p.

Sokolova, A. (2022). *Novomu cheloveku – novaya smert'? Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR* [New Death for a New Man? Funeral Culture in the Early USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 453 c.

Trompette, P. (2012). Pompes Funèbres and the Overflowing of Ostentatious Funerals. In *Managing Overflow in Affluent Societies.* Eds. B. Czarniawska-Joerges, O. Löfgren. N.Y., Routledge, pp. 9–42.

Ulianova, G. (2020). A Mosaic of Entrepreneurship: Female Traders in Moscow, 1810s–1850s. In *Female Entrepreneurs in the Long Nineteenth Century: A Global Perspective.* Eds. J. Aston, C. Bishop. Palgrave Macmillan, pp. 85–112.

Varfolomeev, A.Yu. (2022). “Navyazchivaya ekhto byla aziatskaya gost’ya”: Ehpidemiya kholery na territorii Saratova v 1830 g. [“Obsessive Was it, That Asian Guest”: Cholera Epidemic in Saratov in 1830]. In *Bazis.* No. 1 (11), pp. 54–60.

Zhivotov, N.N. (1895). Sredi fakel’shchikov: shest’ dney v roli fakel’shchika [Among Torchbearers: Six Days as a Torchbearer]. In *Zhivotov N.N. Peterburgskie profili*. St. Petersburg, Tipo-lit. A. Vineke. No. 3. 28 p.

Н.В. Обнорская*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВСКИХ КУПЦОВ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА И СБЫТА ТКАНЕЙ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-13
УДК 323.326(687)"179/191"

Выходные данные для цитирования:
Обнорская Н.В. Эволюция предпринимательской деятельности ярославских купцов в сфере производства и сбыта тканей в конце XVIII – начале XX века // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 191–199.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf

N.V. Obnorskaya*

THE EVOLUTION OF THE ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF YAROSLAVL MERCHANTS IN THE FIELD OF PRODUCTION AND SALE OF FABRICS IN THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-13

How to cite:
Obnorskaya N.V. The Evolution of the Entrepreneurial Activity of Yaroslavl Merchants in the Field of Production and Sale of Fabrics in the Late 18th – Early 20th Centuries // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 191–199.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-13.pdf]

Abstract. A rich merchant city, Yaroslavl was very different from its neighbors, such as Kostroma, Ivanovo, etc., although they are all referred to in the literature on the history of economics to the Central Industrial District (the province around Moscow). A distinctive feature of this region was the strong development of the textile industry. However, although there were enterprises of the relevant industry in Yaroslavl, but they were mostly in the hands of nonresident entrepreneurs as soon as at the end of the 18th century. Yaroslavl merchants from the beginning of the 19th century preferred trade rather than production. Fabrics were included in the range of goods traded by Yaroslavl residents, including in large volumes. But the growth in the number of textile enterprises in Russia, whose owners themselves began to sell their products, which emerged in the middle of the 19th century, led to the departure of Yaroslavl merchant capitals from the textile trade, and reorienting to trade and production of other types of goods. Being situated on the Volga, Yaroslavl has adopted a number of features in the development of entrepreneurship, characteristic for the cities of the Middle and Lower Volga, without becoming a typical center of the Moscow region.

Keywords: Yaroslavl, merchants, Yaroslavl merchants, fabric production, textile industry, manufactories.

The article has been received by the editor on 26.08.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Богатый купеческий Ярославль сильно отличался от своих соседей, таких как Кострома, Иваново и др., хотя все они относятся в литературе по истории экономики к Центральному промышленному району (губернии вокруг Москвы). Отличительной чертой этого региона было сильное развитие текстильной промышленности. Однако в Ярославле хотя и были предприятия соответствующей отрасли, но уже в конце XVIII в. они в большинстве своем находились в руках иногородних предпринимателей. Ярославское купечество с начала XIX в. предпочитало скорее торговлю, чем производство. Ткани входили в круг товаров, которыми торговали ярославцы, в том числе в крупных

* **Нина Владимировна Обнорская,** кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, e-mai: obnor1@mail.ru
Nina Vladimirovna Obnorskaya, Candidate of History Sciences, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, e-mail: obnor1@mail.ru

объемах. Но рост количества текстильных предприятий в России, наметившийся в середине XIX в., владельцы которых сами стали сбывать свою продукцию, привел к уходу ярославских купеческих капиталов из торговли текстилем, переориентировавшись на торговлю и производство других видов товаров. Находясь на Волге, Ярославль воспринял ряд черт в развитии предпринимательства, характерных скорее для поволжских городов Средней и Нижней Волги, не став типичным центром из Подмосковья.

Ключевые слова: Ярославль, купечество, Ярославское купечество, производство тканей, текстильная промышленность мануфактуры.

Статья поступила в редакцию 26.08.2023 г.

Ярославская губерния в историко-экономической литературе традиционно относится к Центральному промышленному региону[1], основной особенностью которого является приоритетное развитие текстильной промышленности, выросшей из крестьянских промыслов[2]. При этом у Ярославского края имелась своя специфика, связанная с его географическим положением. Особенно это касалось Ярославля как крупного экономического центра на перекрестке торговых путей, что повлияло на занятия его населения в целом и купечества в частности.

К началу XIX в. Ярославль подошел как крупный промышленный и торговый центр. Его промышленность сложилась еще в предыдущий период, когда на ее развитие оказывали влияние следующие факторы: использование крепостного труда на крупнейших предприятиях; большая роль государственных заказов, дававших значительные конкурентные преимущества и позволявших получать доход, достаточный для записи в высшие (первую и вторую) купеческие гильдии их владельцам.

Ярославская губерния была крупным производителем товарного льна. Расположение рядом с Москвой и другими центрами его потребления способствовало развитию его переработки, а торговые пути, и в первую очередь Волга, позволяли привозить сырье и для других отраслей текстильной промышленности. Но насколько развита была эта отрасль промышленности в городе? Какое участие принимало местное купечество в устройстве предприятий данной отрасли? Зависела ли торговля тканями ярославских купцов от уровня развития местной промышленности данной отрасли?

С этими вопросами попытаемся разобраться в данной статье, используя комплекс как опубликованных, так и выявленных и впервые вводимых в научный оборот документов из Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), среди которых ведомости промышленных предприятий по городу и губернии, объявления о купеческих капиталах, дела по конкретным предприятиям и купеческим фамилиям, доверенности приказчикам на производство торговли и т.д.

Текстильная промышленность Ярославля к началу XIX в. была представлена полотняным производством и шелковыми мануфактурами. Именно текстильная промышленность объединяла в то время самые значительные предприятия города, основанные на подневольном труде.

Особенности развития льняной и полотняной промышленности в Ярославской губернии. Ярославская Большая Мануфактура – одно из крупнейших тогда в стране предприятий текстильной отрасли (кроме изготовления «столового белья» и других тканей, часть промышленных мощностей была задействована в производстве бумаги). Однако Ярославская Большая Мануфактура, находясь в Ярославле, уже в 1760-х гг. перешла из рук

[1] *Демкин А.В.* Полотняное производство в России на рубеже XVIII–XIX вв. М., 2004. С. 10, 219.
[2] *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 19.

основателей – ярославских купцов Затрапезновых, к петербуржцу Савве Яковлеву (Собакину)[3].

В середине XIX в. практически переставшее функционировать из-за общего упадка крепостнической промышленности, проигрывавшей конкуренцию нарождающейся капиталистической фабрике, и находящееся во владении переругавшихся между собой потомков С. Яковлева предприятие было куплено москвичами Карзинкиными. Принадлежа иногороднему капиталу и имея среди рабочих большое количество выходцев из других губерний, в том числе переведенных на это предприятие с купленных в других губерниях и закрытых С. Яковлевым мануфактур, имея обособленную территорию и замкнутый уклад, Ярославская Большая Мануфактура, по сути, стала «городом в городе». Предприятие даже воспринималось ярославцами как что-то чуждое, противное общегородской жизни. Неслучайно до второй половины XIX в. сохранялись как отдельные наименования для жителей основной части города – «городские» и района мануфактуры – «фабричные», так и традиция устройства массовых драк между ними «стенка на стенку» зимой на льду реки Которосли, отделяющей фабричную территорию от центра[4].

Этот экскурс в историю Ярославской Большой Мануфактуры показывает, что крупнейшее текстильное предприятие города и губернии уже с XVIII в. не было связано с местными предпринимателями и не может рассматриваться в общей статистике, оценивающей деятельность ярославских купцов. То же можно сказать и про другую существовавшую в Ярославле в этот период полотняную мануфактуру костромских купцов Углечаниновых, основанную еще в 1742 г. теми же ярославцами Затрапезновыми[5].

Несмотря на то, что Ярославская губерния издавна была одним из центров крестьянской обработки льна, все попытки ярославских купцов организовать полотняное производство в начале XIX в. (предприятие Ф. Сорокина, основным бизнесом которого была обработка кож, а потом производство красок; маленький крашенинный заводик Я.С. Крестешникова) потерпели неудачу.

Со второй четверти XIX в. или чуть раньше стали возникать полотняные мануфактуры, основанные на вольнонаемном труде, организуемые переписавшимися в купеческое сословие бывшими крестьянами (Поздняковы, Петровы, Праутины). Причем предприятие Праутиных располагалось на родине владельцев — в с. Высокове Ярославского уезда, а два других – в Ярославле[6]. Несмотря на вроде бы перспективность отрасли, к последней четверти XIX в. из них действующим осталось лишь предприятие Поздняковых, небольшое и не определявшее «промышленное лицо» города.

Что же касается новых купеческих заведений в данной отрасли, то к 1881 г. ярославцами-старожилами их не было открыто ни одного. Зато в середине, а особенно в последней четверти XIX в. оживилась крестьянская льнопрядильная и полотняная промышленность, особенно в окрестностях с. Великого Ярославского уезда, издавна известного этой сферой предпринимательства. Причем владельцы некоторых из этих предприятий (Локаловы, Моругины, Иродовы и др.) иногда записывались в ярославское купечество, но лишь на временном праве (в 1866 г. Локалов был записан во вторую гильдию и на постоянном праве, правда, после возобновил практику временной записи)[7]. Достаточно долго в элиту ярославского купечества входили также бывшие крестьяне Сакины – организаторы и

[3] *Демкин А.В.* Полотняное производство в России… С. 145.
[4] *Гиляровский В.* Мои скитания // Гиляровский В. Сочинения в четырех томах. М., 1989. Т. 1. С. 94.
[5] Ярославская губерния в начале XIX века: Материалы историко-статистических описаний. Ярославль, 2008. С. 63.
[6] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 804. Л. 19; Оп. 2. Д. 21. Л. 11; Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 9 Сентябрь. С. 39.
[7] ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 3364. Л. 53 об. – 54 об., 57 об.; Ф. 501. Оп. 1. Д. 2894. Л. 13 об.; Д. 3566. Л. 82 об. – 84; *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России (Материалы для фабрично-заводской статистики). СПб., 1894. С. 92; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 111–112.

владельцы полотняно-ткацкого и отбельно-отделочного завода около с. Карабиха Ярославского уезда[8].

Итак, льнообработка, к рубежу XVIII–XIX вв. в Ярославле перешедшая к иногородним предпринимателям и к середине XIX в. находившаяся в глубоком кризисе, с середины столетия начинает постепенно возрождаться, «вырастая» из крестьянских промыслов, но, по сути, оставаясь сельской промышленностью даже в случае, когда владельцы фабрик записывались в купеческое сословие. Купцы-ярославцы не проявили активности в этой сфере, а Ярославль, несмотря на подходящие природно-географические условия, своей славой текстильного центра был обязан иногородним капиталам и окрестным крестьянам, но никак не деятельности местного купечества.

Шелковая отрасль в текстильной промышленности Ярославля. Значительно больше с местными капиталами было связано шелковое производство. На рубеже XVIII–XIX вв. из пяти отмеченных в Ярославле в «Топографическом описании» мануфактур этой отрасли четыре находились во владении ярославских купцов, и только одна, правда, с самым большим количеством станов и рабочих, принадлежала московским купцам Колосовым. Но вот по стоимости производимой продукции лидировало предприятие местного купца первой гильдии А.И. Красильникова. Эти две крупные мануфактуры использовали труд крепостных рабочих, в то время как три остальных – вольнонаемных.

Материалы для производства – шелк и большинство красителей – в основном закупались в Москве, на Макарьевской ярмарке и частично на Ростовской; местными по происхождению, приобретавшимися в Ярославле, были мыло, поташ и «трава серпянка» (растение серпуха семейства астровых, сок которого использовался как краситель). Готовая продукция удовлетворяла в первую очередь местный спрос, а некоторая часть отвозилась на крупнейшие ярмарки – Макарьевскую и Ростовскую[9].

В 1820 г. Колосовы продали свою мануфактуру ярославскому купцу И.П. Оловянишникову, который расширил и усовершенствовал производство[10]. Продолжала действовать и мануфактура Красильникова, перешедшая по наследству к Серебряниковым. На 1828 г. мы встречаем следующую характеристику шелковой промышленности Ярославля: «Шелковые фабрики хотя малочисленны, но имеют значительное производство и достоинством своих изделий ревнуют стать наряду с лучшими сего рода отечественными фабриками»[11].

Однако кризис шелковой промышленности в ее конкуренции с хлопчатобумажной в частности и крепостной промышленности в целом уже явственно ощущался. Несмотря на то, что предприятия продолжали называться шелковыми, их профиль значительно изменился и ряд мощностей перепрофилировали на обработку хлопка. Так, хлопчатобумажная ткань в этот период производилась на 40 из 73 станов у Оловянишникова и на 44 из 61 у Серебряниковых[12].

Но даже перепрофилирование не спасло мануфактуры, основанные на подневольном труде, от разорения. В 1839 г. Серебряниковы, находясь уже не во второй, а в третьей гильдии, продали свое предприятие городу под казармы за 50 тыс. руб. ассигнациями, а 104 посессионных рабочих были освобождены и приписаны к ярославскому мещанству[13].

История мануфактуры Оловянишникова была более продолжительной. По-видимому, это стало возможным вследствие некоторого перераспределения хозяином доходов из других сфер своей многогранной коммерческой деятельности на нужды мануфактуры. Во всяком случае, в 1853 г., по сведениям губернского механика Мейшена, 58 рабочих этого предприятия производили продукции на 11,9 тыс. руб. в год. Близкие данные сообщает и Крюков:

[8] Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 112.
[9] Ярославская губерния в начале XIX века: Материалы историко-статистических описаний. Ярославль, 2008. С. 63–65.
[10] Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 9. Сент. С. 34.
[11] Там же. С. 34, 36.
[12] ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 1063. Л. 12 об.
[13] ГАЯО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 11026. Л. 9–10.

68 рабочих и 15 тыс. руб. годовой выработки продукции[14]. Впрочем, и для самого Оловянишникова значение этой мануфактуры во второй четверти XIX в. явно снизилось, стали превалировать другие коммерческие интересы, а к 1861 г. она и вовсе закрылась[15].

Более мелкие предприятия хотя и использовали вольнонаемный труд, но также стали жертвой кризиса шелковой промышленности, и их история была еще менее долговечна. Мануфактура А.А. Морозова, работавшая в 1802 г. на 23 станах, в 1809 г. уже не упоминается. Предприятие Александра Рукавишникова, имевшее 22 стана, к 1809 г. перешло к его вдове, а в 1817 г. прекратило существование. Другой Рукавишников – Иван, еще в 1798 г. заложил свой дом на Борисоглебской улице вместе с «шелковым заводом» купцу Петру Желуткову сроком на четыре года. Неизвестно, кто производил работу на этом предприятии в самом начале века (на 1802 г. числилось 23 стана), но в 1809 г. оно было уже в полном владении Желуткова. Между 1818 и 1828 гг. предприятие было полностью переоборудовано для производства хлопчатобумажных тканей (в 1828 г. 30 вольнонаемных рабочих на 30 станах выпускали красные и белые платки). Однако модернизация не сильно продлила существование предприятия, последний раз упомянутого в документах за 1832 г.[16]

Кризис шелковой промышленности первой половины XIX в. способствовал тому, что из состава сначала местной купеческой элиты, а позже и вообще из купечества «пропадает» целый ряд ранее влиятельных купеческих фамилий. Мануфактура Оловянишникова оставалась единственным шелковым предприятием Ярославля, просуществовавшим до середины века. Ярославль, во второй половине XVIII в. бывший крупным центром производства шелковых изделий, к середине XIX в. полностью теряет эту отрасль.

В первой половине XIX в. крупные полотняные и шелковые мануфактуры, основанные в XVIII в. и использовавшие подневольный труд, не могли угнаться за веяниями времени. Проиграв конкуренцию сначала на международных рынках прошедшему промышленный переворот английскому капитализму, а потом и собственной нарождающейся капиталистической фабрике, использовавшей вольнонаемный труд, активно внедрявшей механизацию и в связи с этим начавшей выпускать более дешевую ходовую продукцию в виде хлопчатобумажных изделий, полотняная и шелковая отрасли оказались в глубоком кризисе, приведшем к ликвидации большинства предприятий.

Развитие хлопчатобумажного производства. А какова была ситуация в Ярославле с хлопчатобумажной промышленностью? Ситцевые производства здесь появляются на рубеже XVIII–XIX вв. Они были немногочисленны, недолговечны и малоприбыльны, поэтому их владельцы не поднимались выше третьей гильдии. В 1809 г. таких предприятий было три, к 1815 г. осталось два, а в 1817 г. все они оказались закрыты. Правда, в первой половине XIX в. недолго в ярославском купечестве значились два семейства, приписавшихся из Москвы, – это Рыскины и Флягины, владевшие ситцевыми предприятиями в селе Писцово Костромской губернии[17]. Но это была чисто эпизодическая и формальная связь, вызванная, по-видимому, логистикой торговых операций данных предпринимателей.

Уже значительно позже, во второй половине века, предприятия хлопчатобумажной отрасли вновь появляются в Ярославле и окрестностях. По инициативе иногороднего, а именно юрьев-польского купца А.А. Ганшина в 1888 г. в Ярославле было устроено небольшое предприятие по производству «суровых» тканей с 333 рабочими (по сведениям на 1909 г.). Оно гордо именовалось «Ново-Ярославской Мануфактурой», но почему-то попало

[14] *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб., 1853. С. 233; *Мейшен*. Подробное статистическое обозрение фабрик и заводов Ярославской губернии, обозначенных на промышленной карте той же губернии: Сведения, собранные в 1853 году губернским механиком Мейшеном. СПб., 1857. С. 5.

[15] ГАЯО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 31395. Л. 3.

[16] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 87 об.; Д. 700. Л. 21–21 об.; Д. 804. Л. 21; Оп. 2. Д. 21. Л. 90 об.; Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 9. Сент. С. 36; Ярославские губернские ведомости. 1853. № 15; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. СПб., 1833. Ч. 1–2. С. 836.

[17] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 700. Л. 21 об.; Оп. 2. Д. 21. Л. 7 об., 98.

не во все статистические справочники[18]. В окрестностях города в Норском посаде в 1860 г. начинает работу крупная Норская мануфактура, сначала обрабатывавшая лен, но к концу XIX в. полностью перешедшая на хлопок. Однако это предприятие тоже никак не связано с местным купечеством будучи детищем иногороднего капитала – москвичей Хлудовых (потом перешло к Прохоровым)[19].

Итак, появление бумагопрядильного производства в Ярославле не имело отношения к крупным местным капиталам, не являлось сколько-нибудь значимым для местного купечества и было представлено малым количеством предприятий. И здесь видится явное отличие Ярославля от других крупных экономических центров Центрального Промышленного региона.

Торговые приоритеты ярославского купечества. Ярославские купцы не вкладывали средства в развитие текстильной промышленности не только из-за конкуренции с соседями, но и из-за возможности получать бóльшую прибыль от торговли (в первую очередь волжской) или тех производств, в которых у ярославцев было меньше конкурентов.

В целом имеющиеся статистические данные показывают, что Ярославль в XVIII в. был значительным текстильным центром, в первую очередь специализирующимся на полотняном и шелковом производствах. Но кризисные явления первой половины XIX в. почти полностью привели к утрате городом этого статуса. К середине XIX в. Ярославль, будучи крупным по численности населения городом (на 1859 г. – более 42 тыс. жителей[20]), административным центром губернии с традиционным развитием крестьянских текстильных промыслов, имевшим хорошие торговые связи с рынками приобретения сырья и сбыта готовой продукции, так и не стал местом вложения ярославских купеческих капиталов в текстильную промышленность. Появлявшиеся новые предприниматели-текстильщики из крестьян в своем большинстве не спешили пополнять ряды местного купечества. В этом Ярославль значительно отличался от своих соседей – Иваново-Вознесенска (хлопчатобумажная промышленность) или Костромы (льняная промышленность), традиционных текстильных центров.

С чем связана подобная специфика Ярославля и его купечества? И были ли ярославские купцы хоть как-то связаны с текстильной сферой в XIX в.? Расположение города на важнейших торговых путях, связывавших Санкт-Петербург с низовыми и восточными губерниями, наличие сухопутно-водного пути до Архангельска и сухопутного на Москву способствовали вовлечению местного купечества, в первую очередь в сферу торговли. Этому также благоприятствовали давние традиции, дальнейшее развитие торговых путей (появление в начале XIX в. Мариинской и Тихвинской водных систем), а также кризис в первой половине XIX в. активно развивавшейся в XVIII в. промышленности.

Пока продолжали действовать открытые в XVIII в. текстильные предприятия, именно их продукция, наряду с произведениями других отраслей промышленности (кожевенной, металлообрабатывающей и др.), составляла значимое место в торговле ярославских купцов. «Топографическое описание» начала XIX в. сообщает, что ярославские «купцы и мещане торгуют шелковыми, полотняными, шерстяными, суконными» и другими товарами[21]. С разорением же этих предприятий в рядах местного состоятельного купечества растет доля «чистых» торговцев. И торговля тканями, но закупленными «на стороне», а не произведенными на собственных предприятиях, становится значимой частью местных торговых оборотов.

---

[18] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 46; *Езиоранский Л.К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909, б/с. № 473К; ГАЯО. Ф. 509. Оп. 2. Д. 1740. Л. 77 об. – 78.

[19] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 436.

[20] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 50: Ярославская губерния: ... по сведениям 1859 года. СПб., 1865. С. 1.

[21] *Дитмар А.Б.* Над старинными рукописями («Топографические описания» Ярославского края конца XVIII века). Ярославль, 1972. С. 27.

Для оценки значения торговли текстильным товаром для ярославских купцов обратимся к такому источнику, как «верющие письма» – доверенности приказчикам на ведение деловых операций от лица купца. Например, в 1826 г. в Ярославле местными купцами было выдано 65 таких доверенностей. Ассортимент упоминаемых товаров достаточно широк, но именно текстильная продукция («суровский», «панский», шелковый и «бумажный» товары) стояла на первом месте по количеству выданных на торговлю ею свидетельств – 13.

Большинство этих доверенностей в то время включало стандартную формулировку с предписанием ведения торговли этими видами товара в Ярославле «и в других местах и ярмарках», что не позволяет в полной мере выявить географию торговых связей[22]. Однако по другим источникам мы можем судить о наиболее тесных прямых контактах ярославских торговцев с Москвой, Санкт-Петербургом, Макарьевской (Нижегородской), Ростовской и Ирбитской ярмарками[23]. Из 21 купеческого семейства, записанного в середине 1820-х гг. в первую и вторую купеческие гильдии Ярославля, девять торговали тканями (а также восемь купцов торговали хлебом, и оставшиеся четыре, т.е. меньшее количество, – другими товарами)[24].

Во второй четверти XIX в. главной сферой торговли местного купечества становится хлеб. Редкий крупный купец, каким бы видом бизнеса он ни занимался, не участвовал в волжской хлебной торговле. К середине века ткани как предмет торговли уже значительно уступали хлебу, но стабильно удерживали второе место по объему купли-продажи у местного купечества. Так, из выявленных в архиве 149 «верющих писем», выданных ярославцами в 1850 г., на торговлю тканями было получено 27 доверенностей (на хлебную торговлю – 38, на занявшую третье место торговлю железными и медными изделиями – всего 12)[25]. Согласно «Ведомости о генеральной поверке торговли», в городе Ярославле за 1850 г. практически треть купеческой верхушки Ярославля (купцы первой и второй гильдий) торговала тканями (10 из 31)[26].

Что представлял из себя в это время покупаемый и продаваемый ярославцами текстильный товар и какова география торговли? Разобраться с этим позволяет «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (середина 1840-х гг.), во второй части 4-го тома которого содержатся материалы по Ярославской губернии. Данный источник торговлю тканями ставит на второе место после хлебной по значимости для жителей города и сообщает, что больше всего продавали «красный» (низшие сорта хлопчатобумажных тканей), «суровский» (шелковые изделия), «панский» (шерсть и высшие сорта бумажных тканей) товары и сукно.

В это время в Ярославль ежегодно поступало «красного товара» из Москвы на 70 тыс. руб. и из села Иванова (будущего Иваново-Вознесенска) – на 40 тыс. руб. Из этого количества в самом городе сбывалось тканей примерно на 30 тыс. руб., крестьянам и торговцам вразнос – на 50 тыс. руб., а остальное отправлялось на продажу в такие города Ярославской губернии, как Романов-Борисоглебск и Рыбинск. Помимо этого, значительная часть закупаемого ярославскими купцами «красного товара» шла в транзитную торговлю. Приобретавшиеся в Москве ткани перепродавались на Нижегородской, Ростовской и других ярмарках, а также в Симбирске на общую сумму до 200 тыс. руб.[27]

Ярославские краснорядцы были практически монополистами на ряде ярмарок северо-запада России. Особенно известны здесь были купцы Горошков и Лопатин. После Рождественской ярмарки в Вытегре и ярмарки в селе Паша (Пашский Перевоз) Новоладожского уезда Петербургской губернии непроданный товар доставлялся на Шуньгенскую

[22] Подсчет по: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 372.
[23] Журнал Министерства Внутренних дел. 1829. Февр. С. 432; Там же. Март. С. 630; Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 9. Сент. С. 36; и др.
[24] Подсчеты по: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 361, 372, 398.
[25] Подсчеты по: Там же. Д. 1575, 1576.
[26] Подсчет по: Там же. Д. 1463.
[27] Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. СПб., 1851. Т. 4. Ч. 2. Ярославская губерния. С. 76.

крещенскую ярмарку в Олонецкой губернии. Здесь из проданного товара примерно две трети покупали петрозаводские розничные торговцы, а треть – поморы. В 1860 г. на ярмарку в Шуньге было привезено тканей на 183 тыс. руб., из которых Горошкову и Лопатину принадлежало товара на 160 тыс. руб. Непроданное здесь отправлялось на Петрозаводскую Афанасьевскую, а потом еще на пять других ярмарок. Оставшиеся после этого ткани некоторое время лежали в Ладоге, дожидаясь новых ярмарок, в том числе и Псковской[28].

Отдельно хотелось бы остановиться на деятельности самых крупных торговцев тканями Ярославля – купцах Лопатиных. Закупая ткани в Москве и Иванове, сбывая их не только в самом Ярославле в трех лавках, на упомянутых выше ярмарках, но и в Архангельской губернии и Сибири, это купеческое семейство со временем стало одним из самых значительных торговцев тканями в стране.

В те времена крупные текстильные предприятия, как правило, контактировали с рынком посредством скупщиков-оптовиков, одними из которых и были представители рассматриваемого семейства. По сути, это был аналог рассеянной мануфактуры, но исполнителями были не отдельные работники, а целые предприятия. Но не брезговали Лопатины общаться и с мелкими производителями-кустарями. Во второй половине XIX в. владельцы предприятий освободились от относительной зависимости от скупщиков, и последним пришлось искать новые предпринимательские ниши.

Лопатины заводят собственное промышленное производство. Одна часть семьи перебирается в Иваново-Вознесенск, купив здесь ситценабивную фабрику Дурденевского и записавшись со временем в местное купечество. Другая же часть обосновывается в Москве, где глава семьи сначала вошел в товарищество подмосковной «Глинковской бумагопрядильной мануфактуры» как один из пайщиков, а к концу 1870-х гг. Лопатины становятся ее единоличными хозяевами. К этому времени они перечислились в московское купечество. Уже став москвичами, братья В.Е. и Л.Е. Лопатины стали пайщиками располагавшейся в Ярославском уезде Локаловской льнопрядильной и льноткацкой фабрики, женившись на дочерях владельца предприятия Александра Алексеевича Локалова, у которого не было сыновей – продолжателей дела[29].

После смерти в 1890 г. тестя братья Лопатины повели дела самостоятельно. В их владении фабрика находилась до 1912 г., когда она была продана Рябушинским. Интересно свидетельство одного из современников. Сумев сбыть, как казалось Лопатиным, устаревшую фабрику, Владимир Егорович радовался возможности, как он выразился, «развязаться от нее» и мечтал на полученные деньги выстроить новое образцовое предприятие. Но уже на следующий год настроение переменилось. Новые хозяева за год прибылью окупили вложенные на покупку предприятия деньги без каких-либо дополнительных затрат на модернизацию, а Лопатины досадовали на свой деловой промах[30]. Таким образом, еще одно предприятие, связанное с ярославскими капиталами, перешло в руки более расчетливых и предприимчивых иногородних коммерсантов. Оставшаяся же в Ярославле часть лопатинского семейства в основном отошла от коммерции.

Ярославцы – торговцы сукнами, в 1840-х гг., кроме транзита тканей непосредственно из Москвы на различные ярмарки на общую сумму не менее 100 тыс. руб., для торговли в Ярославле выписывали товар из Москвы, Риги и Санкт-Петербурга на 100 тыс. руб. и из Польши на 20 тыс. руб. Из этого объема в городе продавалось сукна в среднем на 65 тыс. руб., а остальное сбывалось на ярмарках в губернии, особенно на Петровской в Рыбинске (проходила с 21 июня по 5 июля)[31].

Суровского и панского товара из Москвы и Нижегородской ярмарки в Ярославль в этот же период местными купцами привозилось на 563 тыс. руб. ежегодно. Из этого числа на

[28] Вестник промышленности. 1860. Август. С. 52–55.

[29] *Обнорская Н.В.* Ярославские купцы Лопатины // Ярославль купеческий: история и современность: мат-лы науч.-практ. конф. (8 июня 2006 г.). Ярославль, 2006. С. 65–69.

[30] *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 506.

[31] Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. СПб., 1851. Т. 4. Ч. 2. Ярославская губерния. С. 89.

месте реализовывалось тканей на 23 тыс. руб., а остальное отправлялось в соседние уезды, губернии, на знаменитую Ростовскую и даже Ирбитскую ярмарки[32].

К концу XIX в. торговля тканями среди крупного приписанного к Ярославлю купечества уже не была столь популярна, став в основном уделом лавочников. Происходило это из-за большой конкуренции со стороны московских, ивановских и тверских промышленников, а также из-за того, что производители материй (крестьяне или «вчерашние» крестьяне, приписавшиеся в купеческое сословие) избавились от зависимости от скупщиков-купцов и самостоятельно вышли на рынок. Крупная посредническая торговля ушла в прошлое.

Ориентированное с первой половины XIX в. на торговую деятельность ярославское купечество с середины столетия постепенно переводит часть капиталов в промышленность как в своем родном городе, так и в других местах страны. Меняется и промышленный профиль города. Флагманом текстильной промышленности здесь оставалась Ярославская Большая Мануфактура, принадлежавшая москвичам Карзинкиным, а ярославцы в большей степени стали развивать химическую, мукомольную, табачную, колокололитейную и другие отрасли. Так, в течение более чем ста лет менялся «промышленный облик» ярославского купечества, которое к началу XX в. оказалось уже очень слабо связанным с текстильной отраслью.

Литература

Демкин А.В. Полотняное производство в России на рубеже XVIII–XIX вв. М.: Институт российской истории РАН, 2004. 260 с.

Дитмар А.Б. Над старинными рукописями («Топографические описания» Ярославского края конца XVIII века). Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1972. 128 с.

Обнорская Н.В. Ярославские купцы Лопатины // Ярославль купеческий: история и современность: материалы науч.-практ. конф. (8 июня 2006 г.). Ярославль, 2006. С. 65–69.

Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990. 272 с.

Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1999. 512 с.

Ярославская губерния в начале XIX века: Материалы историко-статистических описаний. Ярославль: Государственный архив Ярославской области, 2008. 304 с.

References

Demkin, A.V. (2004). *L'nyanoe proizvodstvo v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Linen Production in Russia at the Turn of the 18th–19th Centuries]. Moscow. 260 p.

Ditmar, A.B. (1972). *O drevnikh rukopisyakh ("Topograficheskiye opisaniya" Yaroslavskoy oblasti kontsa XVIII veka)* [On Ancient Manuscripts ("Topographic Descriptions" Yaroslavl Region of the End of the 18th Century)]. Yaroslavl. 128 p.

Obnorskaya, N.V. (2006). Yaroslavskie kuptsy Lopatiny [Yaroslavl merchants Lopatins]. In *Yaroslavskoe kupechestvo: istoriya i sovremennost': materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (8 iyunya 2006 g.)*. Yaroslavl, pp. 65–69.

Solov'yeva, A.M. (1990). *Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX veke* [Industrial Revolution in Russia in the 19th Century]. Moscow. 272 p.

Ulianova, G.N. (1999). *Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimateley. 1860–1914* [The Philanthropic Activity of Moscow Entrepreneurs. 1860–1914]. Moscow. 512 p.

(2008). *Yaroslavskaya guberniya v nachale XIX veka: Materialy istoriko-statisticheskogo opisaniya* [Yaroslavl Province at the Beginning of the 19th Century: Materials of Historical and Statistical Descriptions]. Yaroslavl. 304 p.

[32] Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. СПб., 1851. Т. 4. Ч. 2. Ярославская губерния. С. 77.

Н.А. Кореева*

КУПЕЧЕСКОЕ СУДОХОДСТВО ПО ВОЛГЕ И КАМЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ДОСТАВКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ ТРАНСПОРТИРУЕМЫХ ТОВАРОВ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-14
УДК 323.328:656.6"1800/1850"

Выходные данные для цитирования:
Кореева Н.А. Купеческое судоходство по Волге и Каме в первой половине XIX века: проблемы доставки и обеспечения сохранности транспортируемых товаров // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 200–214. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-14.pdf

N.A. Koreeva*

MERCHANT SHIPPING ALONG THE VOLGA AND THE KAMA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: PROBLEMS OF DELIVERY AND SAFETY PROVISION OF TRANSPORTED GOODS

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-14

How to cite:
Koreeva N.A. Merchant Shipping along the Volga and the Kama in the First Half of the 19th Century: Problems of Delivery and Safety Provision of Transported Goods // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 200–214. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-14.pdf]

Abstract. The Volga-Kama transport basin, which occupied central and eastern parts of European Russia, was important for the development of economic ties between different regions of the country, and for the movement of goods. Goods were exported along the Kama River from almost all of Siberia and the Urals. The Volga connected the territories from Tver to Astrakhan provinces, which contributed to the emergence and development of the most important transit trade centers. Due to the peculiarities of the fairway of this river, Rybinsk became the end point of the route for almost all merchants of the lower provinces; the goods were then loaded onto vessels of Vyshnevolotsky, Kashinsky, Uglich, Kalyazinsky and other merchants. The way to St. Petersburg via the Vyshnevolotsk system was complicated by thresholds, the passage of which was regulated by the state. Merchants could overcome them only as part of a caravan. The article attempts to recreate the process of delivering goods by water which existed in the merchant environment of the first half of the 19th century, and show the main operations of the logistics chain such as storage, packaging, loading, selection of a vessel, contractors for transportation, and cargo transportation. In the autumn-winter period, merchants put the purchased bread and flour into barns located near the piers, and concluded contracts with shipowners and ship workers for the future spring navigation. The requirement for the safety of the goods was prescribed in each contract, but there was no liability if the cause of damage to the goods or its loss was “God’s will” (for example, due to a fire caused by a lightning strike, or other circumstances). The main sources of the study were “Books for writing contracts under the Statute of Merchant shipping” issued by the Yaroslavl City Duma to private brokers, broker books of Kazan, Spassk, documents of Rybinsk and Cheboksary city magistrates on the investigation of accidents on the Volga. The data obtained allow us to conclude that by the first half of the 19th century, the system of delivery of goods by waterways was established and gradually improved, the transaction processing mechanism was also quite transparent. However, the obstacles that merchants had to face during transportation were not eliminated: flooding of the ship and damage to goods, or robberies. Legislative measures to protect the interests of merchants could not always compensate for the cost of lost goods.

* **Наталья Анатольевна Кореева,** кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук», Казань, Россия, e-mail: KoreevaNata@mail.ru
Natalya Anatolyevna Koreeva, Candidate of Historical Sciences, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Kazan, Russia, e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Keywords: water transportation, Volga, Kama, Imperial Russia, merchants, broker, grain trade, ship, storage of goods, shipwreck, hardcotes.

The article has been received by the editor on 24.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Волго-Камский транспортный бассейн, занимавший центральную и восточную части Европейской России, имел важное значение для развития экономических связей между различными регионами страны, для перемещения грузов. По Каме вывозились товары практически со всей Сибири и Урала. Волга соединяла территории от Тверской до Астраханской губерний, что способствовало появлению и развитию важнейших центров транзитной торговли. Из-за особенностей фарватера этой реки почти для всех купцов низовых губерний Рыбинск стал конечной точкой маршрута, далее товар перегружали на суда вышневолоцких, кашинских, угличских, калязинских и прочих торговцев. Путь до Санкт-Петербурга по Вышневолоцкой системе был осложнен порогами, прохождение которых регламентировалось государством. Купцы могли их преодолеть только в составе каравана. В статье предпринята попытка воссоздать существовавший в купеческой среде в первой половине XIX в. процесс доставки товаров водным путем и показать основные операции логистической цепи: хранение, упаковку, погрузку, выбор судна, подрядчиков для перевозки, транспортировку груза. В осенне-зимнее время купцы складывали в амбары, расположенные возле пристаней, купленные хлеб, муку, заключали договора с судохозяевами и судорабочими на будущую весеннюю навигацию. Требование о сохранности товара прописывалось в каждом контракте, однако ответственности не наступало, если причиной повреждения товара или его утраты была «воля Божья» (например из-за пожара, случившегося от удара молнии, или иного обстоятельства). Основными источниками исследования послужили «Книги для записки договоров по Уставу о купецком водоходстве», выданные ярославской городской думой частным маклерам, маклерские книги Казани, Спасска, документы Рыбинского и Чебоксарского городовых магистратов о расследовании аварий на Волге. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что к первой половине XIX в. была налажена и постепенно совершенствовалась система доставки товаров по водным путям, стал достаточно прозрачным и механизм оформления сделок. Однако не удалось устранить препятствия, с которыми купцам приходилось сталкиваться в процессе транспортировки: затопление судна и порча товара, грабежи. Законодательные меры по защите интересов купечества не всегда позволяли компенсировать стоимость потерянного товара.

Ключевые слова: доставка товаров по водным путям, Волга, Кама, Российская империя, купцы, маклер, хлебная торговля, судно, хранение товаров, крушение судна, гардкоты.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023 г.

Краткий историографический обзор. Отечественная историография накопила солидный объем литературы по различным аспектам транспортной логистики, но до окончательного понимания процесса передвижения груза от производителя до конечного потребителя и условий сохранения его качества в первой половине XIX в. еще далеко.

Дореволюционными исследователями основное внимание было уделено гидрографической характеристике Камы и Волги, а также их судоходных притоков, значению водно-транспортных торговых магистралей для развития экономики страны: это нашло отражение в трудах Д. Бахтурина, Д. Кафтырева, К. Арсеньева, А. Артемьева, М. Лаптева,

справочных изданиях XIX в.[1] О видах судов, торговых операциях купечества на некоторых пристанях писали М.И. Гомилевский, П.А. Богославский, И.А. Шубин[2]. В советский период был издан фундаментальный труд Э.Г. Истоминой, посвященный состоянию внутренних водных путей и направлению грузоперевозок, вопросам правительственной политики в отношении судоходства и сплава[3]. Влияние волжского судоходства на развитие различных отраслей промышленности, рыночных связей и городов показано в работе Л.Н. Фурера[4].

Процессу поставки зерновых культур по водным путям в Москву в первой половине XIX в. посвящена статья Г.Н. Ульяновой; некоторые аспекты доставки товара в Рыбинск раскрыла Г.И. Обухова. Транспортировка продукции металлургических заводов Урала по Каме и Волге, а именно – проблема организации сплава казенных караванов, стала предметом изучения А.А. Бакшаева[5].

В последнее десятилетие повысился интерес исследователей к изучению правового регулирования перевозки товара в первой половине XIX в. Анализу некоторых статей Устава купеческого водоходства 1781 г. посвящены научные работы Ю.А. Тарасенко[6]. В.В. Мирошниченко изучила правительственные меры по обеспечению безопасности судов от разбойных нападений на Волге в 1820-е гг.[7]

Небольшой цикл работ посвящен правовому положению, ответственности и трудовой повседневности наемных работников – лоцманов, водоливов, судорабочих, бурлаков, от слаженной деятельности которых зависел зачастую успех всей перевозки[8]. Безусловно, авторами рассмотрены важные аспекты торгового водоходства и связанные с ним проблемы. В настоящей статье предпринята попытка расширить представления о системе складской и транспортной логистики Волго-Камского бассейна за счет введения в научный оборот новых исторических источников.

---

[1] *Бахтурин Д.* Краткое описание внутреннего Российской империи водоходства между Балтийским, Черным, Белым и Каспийскими морями. СПб., 1802; *Кафтырев Д.* Описание водяных сообщений между Санкт-Петербургом и разными российскими губерниями. СПб., 1829; *Арсеньев К.* Гидрографическое обозрение России // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. XIX. № 1. С. 1–76; *Артемьев А.* Список населенных мест по сведениям 1859 г. Казанская губерния. СПб., 1866; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / М. Лаптев. СПб., 1861; Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. 7: Затоны и места для зимовки судов на реках Волге и Каме. Казань, 1906.

[2] *Гомилевский М.И.* Описание города Рыбинска (Репринтное воспроизведение издания 1837 г.). Рыбинск, 2012; *Богославский П.А.* О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859; *Шубин И.А.* Волга и волжское судоходство: (история, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927.

[3] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982.

[4] *Фурер Л.Н.* Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье (середина XIX в.). Казань, 1959.

[5] *Ульянова Г.Н.* Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX века: доставка зерна, муки и круп по водным путям // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23; *Обухова Г.И.* Казенные и частные подряды и поставки хлеба купечеством Удмуртии в город Рыбинск во второй половине XVIII – 70-х годах XIX века // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. № 1. С. 33–45; *Бакшаев А.А.* Организация транспортировки продукции казенных горных округов Урала в первой половине XIX века // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, № 4. С. 522–532.

[6] *Тарасенко Ю.А.* Правовая конструкция перевозки по Уставу купеческого водоходства 1781 года // Транспортное право и безопасность. 2019. № 1 (29). С. 218–224; *Тарасенко Ю.А.* Начало правового регулирования перевозки в России // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 336–343.

[7] *Мирошниченко В.В.* Организационно-правовые мероприятия министерств внутренних дел и путей сообщения по пресечению разбоев в 20-е гг. XIX в. на реке Волга в Казанской губернии // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 32–34.

[8] *Вернадский И.* Исследования о бурлаках. [Б.м.], 1857; *Рассказов Л.П.* Правовое регулирование ответственности лоцманов по законодательству России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 73–79; *Чибис А.А.* Чебоксары – центр волжского бурлачества в середине XVIII века (по материалам Государственного исторического архива Чувашской республики) // Чебоксары: история, этнография, культура: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 мая 2019 г.). Чебоксары, 2019. С. 92–102.

Законодательное регулирование транспортировки. Правовой основой, регулировавшей купеческое судоходство с конца XVIII в. и в течение первой половины XIX в., являлся Устав купеческого водоходства[9], изданный в двух частях – 25 июня и 23 ноября 1781 г.[10] В первой части перечислялись должностные требования к судовщикам, лоцманам, судовым рабочим, маклерам, правила найма судна. Вторая часть посвящена вопросам страхования судна, его конвоирования, действиям при авариях и крушениях. В 1843 г. устав был дополнен статьями о правилах движения судна по воде[11].

Основные указы правительства о перевозке грузов, накопленные за несколько десятилетий, вошли в структуру Уставов государственного благоустройства Свода законов Российской империи (1833 года издания) под наименованиями: «Учреждения и уставы торговые» (Т. 11, книга III «О договорах и обязательствах особенных по торговому судостроению и мореплаванию»), «Учреждения и уставы путей сообщения» (Т. 12)[12]. В 1842 г. Свод законов Российской империи был переиздан и являлся официальным источником для судебных решений, ссылок и указаний присутственных мест до начала 1858 г.[13]

Согласно закону, суда для перевозки товаров на территории Российской империи должны были соответствовать глубине рек и «пропорции каналов», после постройки они подлежали освидетельствованию маклером и получали соответствующий аттестат. Перевозкой товаров могли заниматься все подданные страны даже без записи в «торговые разряды». Но правом продажи клади перевозчик мог обладать только при вступлении в одну из купеческих гильдий или после получения торгового свидетельства.

Рассмотрим основные логистические операции, совершаемые купцами в первой половине XIX в. в процессе доставки товара водным путем: хранение в амбарах, упаковка, выбор подрядчиков для перевозки, погрузка на судно, транспортировка.

Закупка и хранение товара до отправки. Подготовка к транспортировке грузов начиналась задолго до начала навигации (вскрытие Камы в разные годы происходило с 14 по 22, Волги – с 10 по 19 апреля)[14]. На большинстве пристаней товар закупался зимой из-за более удобных подъездных дорог (осенью гужевая перевозка осложнялась распутицей). Только к Рождеству в помещичьих хозяйствах успевали высушить в овинах и намолотить хлеб нового урожая. Зимой хлеб у купцов закупал Провиантский департамент[15]. До тех пор, пока казна не приобретала нужного количества хлеба, его запрещалось вывозить за границу.

В январе 1818 г. комиссионер Провиантского штата военный советник Посников заключил серию договоров с купцами Казанской губернии о покупке у них муки, гречневой крупы, овса, белой и красной юфти, сапожного товара для царских войск, которые были зарегистрированы у казанского маклера в особой книге[16]. Приведем отрывок из одного контракта: «…Я, нижеподписавшийся казанский купецкий сын Аблулвагап Абдуллин сын Свергузин, заключил сей контракт в г. Казани Штата провиантского с г[осподино]м военным советником и кавалером Посниковым в том, что продал я на Тетюшской пристани

[9] Водоход, водоходец (устар.) – тот, кто плавает на судах по рекам (по морю – мореход). Термином «водоходство» обозначали пресноводное судоходство, плавание на судах по рекам и озерам. В статье мы используем оба термина (старинный и современный).

[10] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXI. № 15176; Там же. № 15285.

[11] ПСЗ РИ. Собр. 2. СПб., 1844. Т. XVIII. № 17327.

[12] См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: издание 1833 г. СПб., 1833; Там же: [в 15 т.]: издание 1842 г. СПб., 1842.

[13] ПСЗ РИ. Собр. 2. СПб., 1858. Т. XXXIII. Ч. 1. № 33140. С. 596–598.

[14] Материалы для географии и статистики России… С. 59.

[15] Провиантский департамент образован 27 января 1812 г. Занимался обеспечением войск и военных учреждений продовольствием. Упразднен 11 августа 1864 г.

[16] Полное название источника: «Книга, данная из Казанского городового магистрата присланному маклеру Гавриле Селиванову для записки о покупке и продаже казною и частными людьми контрактов, условий, векселей, росписей, лавочных договоров с приказчиками, сидельцами и поверенными на сей 1818 год».

г[осподин]у Посникову собственного мною там купленного хлеба, и именно ржаной 1 000 кулей…»[17].

В этих договорах обязательно указывались требования к качеству товара. Он доставлялся к пристаням гужевым способом. Покупке хлеба предшествовали осмотр либо всех возов, либо выборочно, сверка представленных образцов (проб) с наличным товаром. В случае несоответствия качеству комиссионер мог купить товар у других торговцев, но купец-подрядчик должен был в таком случае оплатить возможный простой судов и издержки, вызванные повышением цен. От одного поставщика амбары могли наполняться единовременно или в течение нескольких недель (перекупщики зерна и крупы, не имевшие своих амбаров, загружали указанные купцами или комиссионером места хранения по 30–40 четвертей еженедельно).

До начала весенней навигации купцы брали на себя обязательство хранить хлеб в своих амбарах, расположенных на пристани, от мостков для погрузки не более чем в 30–50 саженях[18], в случае превышения этого расстояния они были обязаны за свой счет организовать подвозку груза к мосткам. Например, в договоре, заключенном между казанской дворянкой М.И. Лакреевой и Провиантским штатом, указывалось требование к покупателю забрать груз в течение 15 дней после вскрытия реки: «Если суда для погрузки того хлеба прибудут после 10 мая, когда уже при убыли в Волге воды не могут они близко быть подведены к пристани, в таком случае подвозку из анбаров хлеба мне в обязанность не вменять»[19]. Хлеб мог храниться на пристани в амбаре до 5–7 месяцев. Исследователи отмечают, что сортировка зерна в это время, его провеивание почти не практиковались на Волге[20].

В некоторых контрактах прописывалась форс-мажорная ситуация, в случае наступления которой хранитель хлеба избегал ответственности и должен был вернуть только задаток: «Если же, от чего Боже сохрани, по какому-либо несчастному [случаю] тот хлеб в амбарах у меня сгорит, о чем в таком случае обязан представить законное от правительства свидетельство…»[21].

Упаковка товара. Высокие требования при заключении договоров поставки предъявлялись к упаковке товара: мука должна быть насыпана в новые и твердые рогожные кули 9-пудового веса (147,4 кг), гречневая крупа – в двойные рогожные кули весом не менее 8 пудов 10 фунтов (135,14 кг)[22]. В контрактах иногда конкретизировалось, что кули должны были иметь «товарную зашивку», а при случайном разрыве допускалось пришить одну заплатку не более 8 вершков (35,6 см). В Казанской губернии требуемое число кулей доходило до 1 млн (продавались в 1830-е гг. по 60 коп. за штуку)[23].

Сложнее дело обстояло с сыпучим товаром. Овес при приеме в амбар измеряли в четвертях[24]. Согласно законодательству, четверть составляла 8 мер. В контрактах с Провиантским департаментом данная мера веса обозначалась так: «указной 8 четвериковой меры в 5 пудов 30 фунтов» (в метрических мерах это составляет 94,3 кг)[25]. Однако в частных контрактах писали: «…полагая каждую четверть в девять мер» (например в договоре, заключенном в 1818 г. между управлявшим имениями Желтухиных в Спасском уезде и крестьянами с. Теньков Свияжского уезда Казанской губернии)[26]. Это нарушение встречалось в России повсеместно: в 1805 г. был даже издан указ Сената, запрещавший продажу хлеба

[17] Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 233. Л. 10 об.
[18] 1 сажень – в метрических мерах 2,13 м, т.е. указанное расстояние соответствовало 64–106,7 м.
[19] ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 233. Л. 20.
[20] Материалы для изучения хлебной торговли на Волге. Доклад А.А. Клопова, представленный съезду представителей железных дорог II группы. М., 1886. С. 233–236.
[21] ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 233. Л. 10 об.
[22] 1 пуд – в метрических мерах 16 кг 380 г; 1 фунт – 409,5 г или 0,410 кг.
[23] О пользе замены в торговле рогожных кулей для хлеба холстинными мешками // Земледельческая газета. 1837. № 69. С. 549.
[24] Четверть – мера сыпучих товаров (хлеба), которая соответствовала 8 четверикам (мерам), т.е. четвертой доле старинной кади (кадки), или 64 гарнцам (1 гарнец – 3,28 л), а в метрических мерах 210 л.
[25] ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 233. Л. 10 об.
[26] Там же. Л. 8 об.

«неуказной» мерой[27]. Постановления о необходимости соблюдать меры веса появлялись периодически, но обычай делового оборота оставался прежним[28]. При отпуске из амбара на пристань овес должен был иметь упаковку в виде однослойного рогожного куля.

В контрактах, заключенных в г. Спасске Казанской губернии в 1859 г., обнаружено требование перевозить хлеб насыпью. Пучежский мещанин К. Проскуряков подрядился вывезти из амбара спасского мещанина Л. Яковлева на «твердом и благонадежном дощанике» три тысячи пудов: «поднасыпной хлеб и на оном [дощанике] должна быть подстилка и крыша прочные». Для подвозки хлеба к Спасской пристани Яковлев предоставил лошадей, а рабочих для погрузки хлеба из амбара нанимал Проскуряков – не менее четырех человек на тысячу пудов веса, также и лоцмана[29].

О способах упаковки и транспортировки товара современник М.И. Гомилевский писал: «Во все палубные суда зерновой хлеб насыпается на рогожи, разостланные на лубьях; прочие суда нагружаются кулями, которые сверх того покрывают рогожами. Соль Самосадка и Илецкая возится в палубных и открытых судах насыпью; однако же в последних, как соль, так железо и штыковая медь, покрываются лубьем или тесом. Мука ржаная и пшеничная, ячмень, овес и соль Пермская всегда нагружаются в кулях; мука пеклеванная[30] – в мешках; вино, сало, поташ и медная монета – в бочках; мыло обшивается в рогожи»[31]. Чай перевозили в специальных ящиках. Укупорка стеклянной и фарфоровой посуды производилась на предприятии изготовителя: ее поштучно перекладывали сеном, складывали в плетеные корзины или ящики, помещали в кули.

Заключение договоров с перевозчиками. Перед перевозкой товара по водным путям заключались три типа договоров: договор найма судна между его владельцем и купцом-собственником товара, договор судовладельца с лоцманом, договор лоцмана с нанимаемыми членами команды.

В «Книге для записи мимопроходящих судов по Казанской дистанции, по низовым пристаням» в виде таблицы фиксировались дата, название и число судов, их собственники, собственники грузов, место погрузки, количество и стоимость клади, место ее назначения, число рабочих. За 1820 г. встречаются такие записи: «Расшивы Костромской губернии Юрьевецкой округи удельной деревни Дмитриевой крестьян Василия и Максима Кукуриных, кладь чистопольского купца Андрея Полякова, грузилась в Чистополе. До Рыбинска на волю». На двух судах перевозилось 2 708 кулей ржаной муки, 62 четверти пшеницы на сумму 27 824 руб., трудилось 84 работника[32]. Этот источник позволяет определить направление движения товарных потоков по водной системе страны, географию торговых связей купцов. Из книги видно, что на Каме грузились суда, принадлежавшие жителям Симбирска, Нижнего Новгорода, Костромы, Чистополя, Елабуги, Нолинска, Плеса, Пучежа и др.

Рыбинская судоходная расправа завела специальную «Книгу для записи условий, заключаемых судохозяевами с лоцманами». Приведем отрывок из книги маклера Ивана Первова за 1847 г.: «20 мая. Явился рыбинский 2-й гильдии купец Иван Андреев Наумов с лоцманом Рыбинского уезда Макарьевской волости д. Петрюкова крестьянином Васильем Ивановым, и объявили, что условились они между собою для препровождения от рыбинской пристани вверх по реке Волге до города Твери осьми барок его, г[осподина] Наумова, в коих погружен хлебный товар, с тем, чтобы ему, лоцману Иванову, представить и достальных семь лоцманов, и поставить для тяги иных барок под каждую по девяти лошадей, всего семьдесят две лошади с двадцатью четырьмя коноводами, и отвал учинить по требованию хозяина»[33]. Оплата труда каждого лоцмана составляла 35 руб. 14 коп., содержание одной пары лошадей – 30 руб. 85 коп.; таким образом, общая сумма, прописанная в договоре,

[27] ПСЗ РИ Собр. 1. СПб, 1830. Т. XXVIII. № 21921.
[28] Там же. Т. XL. № 30556.
[29] ГА РТ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.
[30] Пеклеванная мука – мелко размолотая и просеянная мука.
[31] *Гомилевский М.И.* Описание города Рыбинска… С. 81.
[32] ГА РТ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.
[33] ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 2009. Л. 31.

равнялась 1 392 руб. серебром. Питание лоцманы покупали для себя сами. Половину суммы они получали в Рыбинске, другую часть должны были получить по прибытии в Тверь. На судне полагалось иметь двух водоливов; на восемь барок было нанято 16 человек. Лоцман Иванов имел соответствующее лоцманское свидетельство на гербовой бумаге.

Размещение груза на судне. Важный аспект в системе доставки товаров – правильное размещение грузов на торговых судах. К укладке товара предъявлялись следующие требования: бунты[34] в барке с хлебом должны были иметь расстояние от бортов судна не более чем на 5 четвертей (в метрических мерах – 89 см)[35], от носа и кормы – на 8 четвертей (142 см). Запрещалось размещать кладь между бунтами, в носовой и кормовой частях. Между носом судна и бунтом должно было оставаться 4 аршина (2,8 м), между кормой и бунтом – 5 аршин (3,55 м). Груз должен равномерно распределяться по всей ширине дна барки, чтобы были соблюдены требования к осадке судна[36]. Законодательство предъявляло высокие требования к мере груза барок, особенно при прохождении каналов и шлюзов, но купцы, мало опасаясь штрафа или конфискации части товара, так располагали излишки (в середине судна), что его днище «выпучивалось» ниже боков до 2–2,5 вершков (9–11 см), что приводило к замедлению судна и остановке его на мели[37].

Интересны способы погрузки товара в беляны[38], срок службы которых – всего одна путина[39]: судно продавалось вместе с товаром и разбиралось затем на дрова[40]. Товар (как правило, лес) размещался на днище беляны правильным прямоугольным штабелем, не касаясь бортов, с многочисленными пролетами для проветривания (с целью предотвращения плесени) и удобства при необходимости устранения течи в днище судна. Между бортами и грузом устанавливались упоры на клиньях, которые в процессе плавания и высыхания заменялись другими.

Особенности судоходства по Каме и Волге. Рассмотрим некоторые навигационно-географические особенности маршрута плавания по Каме и Волге, которые влияли в рассматриваемый период на выбор судна.

Река Кама брала свое начало в Вятской губернии, протекала по территории Пермской и Казанской губерний и в районе с. Богородское Тетюшского уезда (в 60 верстах ниже Казани) впадала в Волгу. Период навигации по Каме составлял 218 дней. Судоходство было возможно сплавное и взводное[41]. Незначительные затруднения встречались от мелей, которые открывались в августе и сентябре, поэтому судоходство осуществлялось в этот период на мелких судах с осадкой не более как от 3 до 5 четвертей (53–89 см).

Современники отмечали, что через эти мели суда, имевшие осадку 8 четвертей, могли бы проходить свободно, если бы не извилистое направление фарватера, затруднявшее проход судов, особенно при буксировании пароходами барж. Для прохода торговых караванов по Каме весной на реке Чусовой, впадающей в нее, спускали резервные воды с водохранилищ, устроенных при заводах. В результате вода поднималась на 6 вершков (или в метрических мерах 26,67 см).

[34] Бунт – груз, уложенный рядами в несколько ярусов (в штабели), связка, кипа. Хлебный бунт – хлеб в зерне или в муке, сложенный в кулях, накрытый или обшитый рогожами, в виде скирды или сарая.

[35] Четверть как мера длины означала четвертую часть аршина или 4 вершка (в метрических мерах это составляет 17,75–17,78 см).

[36] Положение о мере и грузе барок, идущих по Вышневолоцкой системе // Журнал мануфактур и торговли. 1839. Ч. IV. № 10. С. 17–20.

[37] ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXXIII. № 25886.

[38] Беляны – суда самой грубой отделки из соснового и елового леса, проконопаченные мочалом или паклей (без пропитывания смолой, отчего суда имели белый цвет); применялись для сплава леса в низовые губернии; по прибытии на место они ломались на дрова или постройки. Грузоподъемность судна составляла до 100 тыс. пудов (в метрических мерах 1638 т). В носовой и кормовой частях устраивалось жилище для лоцмана, водолива и судорабочих.

[39] Путина – один конец пути, путешествия; плаванье в один рейс, от одной известной пристани до другой.

[40] *Шубин И.А.* Волга и волжское судоходство… С. 213.

[41] Взводное судоходство предполагало подъем судов вверх по течению, совершаемый либо бурлаками, либо при помощи конной тяги, буксирных пароходов и тауерных (цепных) пароходов; сплавное судоходство осуществлялось вниз по течению.

На Каме с 1815 г. стали эксплуатировать конно-машинные суда[42]. На каждом судне имелось от 40 до 60 рабочих и до 80 лошадей, работавших день и ночь в две смены. Лошади покупались у казахов и башкир в Бугульме, Бугуруслане и других городах Оренбургской губернии. Судно ходило по Каме и Волге до Нижнего Новгорода, а в годы, «обильные водою», до Рыбинска. После выгрузки клади они возвращались сплавом вниз по реке Волге, с устья Камы взводились вверх по Каме на зимовку для нагрузки в следующем году[43].

Волга протекала по территориям Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской губерний. В районе г. Рыбинска она была условно разделена на верхнюю и нижнюю части: судоходство от Рыбинска к западу осложнялось большими озерами и порогами (суда могли здесь передвигаться только по течению, подвергались опасности крушения, ударов о береговые камни либо садились на мель), что потребовало сооружения Вышневолоцкого, Мариинского и Тихвинского каналов.

Накопленная на водохранилищах и мельничных запрудах вода спускалась по распоряжению местной власти одновременно. Все торговые суда заблаговременно объединялись в караваны, чтобы оперативно пройти через шлюзы, устроенные в каналах, пока они наполнены водой. Между судами должна была выдерживаться дистанция в 20 саженей (в метрических мерах 42,6 м)[44]. Так, например, Мстинский шлюз был открыт 30 апреля, и со 2 по 17 мая 1836 г. через него разрешили проходить каравану, собравшемуся с рыбинских пристаней (за этот период прошло 1735 судов)[45]. Судоходство здесь прекращалось из-за порывистых сильных ветров и в ночное время[46]. Для прохождения Боровицких порогов предусматривался специальный лоцман; казенные и частные барки становились в одну очередь.

Другая часть Волги, протекавшая от Рыбинска на восток через плодородные места, изобилующие кораблестроительным лесом, не была затруднена порогами и не нуждалась в каналах. Для каждой из двух частей Волги требовались суда особой конструкции. Товары, доставленные из низовых губерний в Рыбинск, перегружались в другие суда и отправлялись до морского порта в Санкт-Петербург либо оставались здесь до следующей весны[47]. В 1848 г. по Волге и Каме (в границах Казанской губернии) прошло 2 225 судов с общей ценностью груза 12 864 121 руб. серебром[48].

Использовались плоскодонные мокшаны, гусянки, коломенки, барки, полубарки, круглодонные расшивы, суряки, шитики, кладные лодки и др.[49] Все суда шли на бечевой тяге

[42] Конно-машинные, или коноводные, суда приводились в движение посредством каната с якорем, который завозили вперед на лодках и бросали в реку, при помощи находившихся на судне лошадей канат накручивался на особо устроенный вертикальный вал; суда использовались как для непосредственной перевозки грузов, так и для буксирования других судов, которые назывались подчалками (за одним коноводным судном шло от двух до шести подчалков). Внутри судна устраивались стойла для лошадей, места для фуража, провизии, снастей, судорабочих. Грузоподъемность судна составляла от 25 до 45 тыс. пудов (409,5–737 т), каждого подчалка – от 40 до 50 тыс. пудов (655–819 т), скорость – от 10 до 20 верст (11–21 км) в сутки.

[43] Статистическое описание реки Камы // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. IV. № 760. Л. 49–72.

[44] ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII. № 12656.

[45] Обозрение судоходства 1836 г. по Вышневолоцкой системе / соч. Головинского // Журнал Министерства путей сообщения. 1838. Т. 2. Кн. 2. С. 96.

[46] Там же. С. 103.

[47] *Кафтырев Д.* Описание водяных сообщений… С. 22.

[48] Отчет казанского военного губернатора за 1848 год (из собрания проф. Н.А. Толмачева) // Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ. № 3969. Л. 60.

[49] Мокшана – речное судно с двускатной крышей грузоподъемностью от 30 до 40 тыс. пудов (в метрических мерах 491–655 т), осадка с грузом составляла около 12 четвертей аршина (более 2 м), на палубе размещался домик для судорабочих. Гусянка (название происходит от первоначального места строительства судна на р. Гусь) – судно с небольшой мачтой, низкими бортами, плоским дном, использовавшееся для распауживания (разгрузки) больших судов при прохождении речных мелей, грузоподъемность составляла: мелких судов – от 20 до 30 тыс. пудов (327–494 т), крупных – от 40 до 50 тыс. пудов (655–819 т). Коломенка – плоскодонное судно без крыши с грузоподъемностью до 8–12 тыс. пудов (131–196,5 т), осадка с грузом достигала 7 четвертей (более 1,2 м), в корме устраивалась каюта для лоцмана и судорабочих. Барка – речное судно грубой

(передвигались при помощи каната, который тянули по берегу люди или лошади); при попутном ветре использовались паруса. Выбор того или иного судна зависел от характера притоков рек, с которых эти суда сплавлялись (т.е. особенностей речного фарватера), от местных материалов для постройки, грузоподъемности, осадки, от горизонта воды в то время, когда они использовались, от денежных средств и деловых обычаев судохозяев, а также от назначения судов для перевозки определенного вида товара.

Транспортировка товара. Купцы, как правило, не сопровождали свой товар в пути, а дожидались его на месте прибытия судна или доверяли получение своим приказчикам. Современник писал, что расшивы при всей дешевизне пассажирской платы не предоставляли никаких удобств: «Они были грязны, места на них отводились под открытым небом, под действием дождя и ветра; кроме того, расшивы двигались крайне медленно, тащимые горстью изнуренных бурлаков». Те из купцов, кто был побогаче, избегал плавания на расшивах, «боясь семидневной тоски, а если стояло ненастье, то тоска была еще продолжительнее»[50].

Транспортировка занимала длительное время. От Астрахани до Нижнего Новгорода, т.е. вверх по течению, суда проходили 2–3 месяца, от Нижнего до Рыбинска – 3–3,5 недели. Суда, плывшие вниз по Волге, совершали свой путь от Твери до Рыбинска за 3 дня, от Рыбинска до Нижнего Новгорода – в 10 дней, а отсюда до Астрахани – 30[51]. Расшивы и кладные лодки, грузившиеся на Каме, боясь не успеть к сроку отправки последних караванов, прекращали выход к Рыбинску 14 июня и после этой даты держали курс только до Нижнего Новгорода (чтобы успеть на ярмарку)[52].

По Каме вывозились товары практически со всей Сибири: из Тюмени и Ирбита – чай, с Ирбитской ярмарки – пушной товар, из Шадринска – масло и шерсть, из Петропавловска – сало, льняное семя, сырые кожи; с Урала (из Екатеринбурга) на камские пристани доставлялись сальные и восковые свечи, воск; с Тагильского завода Демидовых и Пожевского завода Всеволожских – металлические изделия, из г. Дедюхина – соль.

Согласно договору, задача перевозчика – сохранить груз от подмочки, в случае необходимости вместе с рабочими спасать его, «на берег вытаскивать и пересушить, и что будет спасено, то погрузить и доставить до назначенного места». Законодательство предусматривало ответственность работников за бездействие. Но даже добросовестность лоцманов не гарантировала сохранность транспортируемых товаров. В 1864 г. коломенка со стеклянной посудой, принадлежавшей потомственному почетному гражданину, ардатовскому купцу Ивану Ступину (товар был с его собственной фабрики), столкнулась возле Козмодемьянска с буксирным пароходом «Апостол Павел». Сразу же судорабочие подняли парус и по ветру сплавили судно на две версты, чтобы расположить его на луговой стороне берега Волги, и закрепили коломенку якорем, брошенном на землю, после чего судно затонуло. Лоцман и восемь рабочих вытаскивали из коломенки груз баграми с глубины 10 аршин (около 7 м) в течение нескольких дней. Удалось найти 352 плетеные корзины (из нагруженных при отправлении 564), 143 куля (из 205) со стеклянной посудой, 64 ящика

постройки на деревянных гвоздях, некрытое и несмоленое, грузоподъемностью до 20 тыс. пудов, срок службы составлял всего одну навигацию, а затем судно шло на дрова. Полубарка – то же, что и барка, только короче и у́же, использовалась для распауживания других судов по волжским мелям, грузоподъемность – до 5 тыс. пудов (82 т). Расшива – большое парусное судно с крышей, скрепленное железом, для плавания вверх по Волге; на его палубе устанавливались мачта и перила, грузоподъемность – до 20 тыс. пудов. Суряки – суда, сконструированные по типу белян, несмоленые, строились на реках Суре и Вятке, грузоподъемность составляла 20 тыс. пудов. Шитик – волжское мелкое речное судно, крытое округлой палубой (свое название получило из-за того, что первоначально доски на нем сшивались ивовыми прутьями), для перевозки мелочных товаров и распауживания, грузоподъемность составляла 8–10 тыс. пудов (в метрических мерах 131–164 т). Кладная лодка – грузовое парусное судно, способное идти в том числе против течения, имело плоскую палубу в половину судна, грузоподъемность составляла 2 500 пудов (41 т).

[50] *Агафонов А.* Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 109.

[51] *Арсеньев К.И.* Гидрографическое обозрение России… С. 17–18.

[52] ГА РТ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

(из 148) фаянсовой посуды, 55 (из 75,5) ящиков с листовым резным стеклом[53]. Они были размещены на берегу для просушки. Из груза, объявленная ценность которого составляла 11 050 руб., удалось спасти товара всего на сумму 600 руб. (по оценке прибывших на место экспертов, среди которых был начальник дистанции, ратман магистрата, ценовщики от городской думы). Из-за тяжести воды, попавшей в посуду, и промочки сена, которым ее перекладывали, все корзины пришли в негодность; укупорочное сено оказалось загнившим и давшим теплоту от гниения, отчего фаянсовая посуда приняла «цветную влагу» и пожелтела, потеряв свой товарный вид. Стеклянная посуда испачкалась от попадания в нее воды с илом и требовала промывки с употреблением свинцовой дроби. Часть посуды была разбита. Стекло могло быть использовано только на заводе для переделки как бой.

В ходе следствия выяснилось, что капитан предлагал заплатить лоцману 300 руб. серебром на покупку нового судна, чтобы тот подал объявление о том, что «несчастие судну последовало по воле Божией» (очевидно, из-за неких форс-мажорных обстоятельств), но лоцман отказался[54]. Суд, состоявшийся в 1868 г. в Чебоксарах (через четыре года после крушения!), признал виновным капитана парохода. Владелец товара купец Ступин, выражая свое несогласие с решением суда, намеревался подать в вышестоящий суд.

Негативным образом на процессе доставки товара сказывалась смена перевозчиков в пути даже вопреки воле хозяина груза (он иногда и не знал, кто и как его везет). В 1858 г. затонул товар, принадлежавший казанскому купцу А.В. Парамонову. Груз формировался в Перми, купец поручил доставить до Рыбинска тюки с сухими яловыми кожами весом 7 401 пуд 15 фунтов на общую сумму 7 864 руб. 50 коп. пароходному обществу коллежского асессора Ильина, которое, однако, не стало самостоятельно перевозить груз, а перепоручило это пермскому купцу 1-й гильдии Любимову, транспортировавшему грузы на собственном подчалке. Затем в Нижнем Новгороде товар был передан купцу И. Котельникову, который погрузил его в свое судно с казенной солью и подчалил к коноводной машине рыбинского мещанина А. Кузнецова. Машина, проходя фарватер, затопила подчалок[55].

Парамонов написал начальнику дистанции: «Кожи, и при том невыделанные, подчиняясь тому влиянию атмосферы, имеют свойство восприимчивое, следственно, будучи затоплены вместе с солью, не могли не принять ее в себя, а через это не иметь ныне доброты и тем более, что они положены были и наверх соли, а частию в середине и частию наверху, верхние же имели на себе до 30 000 порожних кулей сарапульского купца Ижболдина, препятствовавших поспешному спасению их и самой соли, и, вследствие утраты в себе достоинства, не могут по назначению своему быть доставлены в Санкт-Петербург»[56].

Кожи были вытащены на берег для просушки, но, на беду предпринимателя, на несколько дней установилась дождливая погода. Назначенные эксперты – рыбинские купцы – посчитали возможным продать кожи, которые «слегка помялись при просушке», по цене, превышавшей 6 руб.[57] Купец не смог доказать сумму своего убытка, так как потребовалось предоставить свидетельство о «первобытном состоянии» товара. Дело передали в Ярославский уголовный суд в 1860 г., но Парамонов, видимо, отказался от претензий, его искали через полицию до 1862 г. Таким образом, затопление судна почти всегда означало невозвратные потери: законодательство, предусматривавшее материальную ответственность перевозчиков, не могло решить проблему, из каких средств им возмещать ценность груза, многократно превышавшую по стоимости их собственное имущество и заработки. Таким образом, перевозки оставались рискованным делом – не всегда удавалось избежать неблагоприятного исхода.

При транспортировке по водным путям важной задачей также была борьба с грабежами. В России для охраны торговых караванов на Волге в XVIII–XIX вв. применялись гардкоты (или гардкоуты) – гребные шлюпки с небольшой пушкой на носу[58]. От Нижнего Новго-

[53] ГА РТ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 789.
[54] Там же. Л. 8 об.
[55] Подчалок – грузовое судно, подчаленное к ходовому (лодка, барка).
[56] Государственный архив Ярославской области в г. Рыбинске. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2896. Л. 3.
[57] Там же. Л. 13.
[58] *Мирошниченко В.В.* Организационно-правовые мероприятия… С. 32.

рода до Астрахани в 1832 г. курсировало 18 гардкоутов, во время шествия караванов большая их часть сосредоточивалась на территориях Казанской и Нижегородской губерний. Другие же участки реки часто оставались неприкрытыми – на расстоянии 500 верст курсировало всего 12 судов. Разбойники обычно выжидали отплытия гардкоута, убеждались в том, что тот не вернется, и наносили удар позади его[59].

Случалось, что гардкоутные экипажи несвоевременно приступали к патрулированию Волги из-за неготовности своих судов и отсутствия соответствующих приказов. Формированием и крейсированием гардкоутов занималось Главное управление путей сообщения, которое взаимодействовало с Казанской адмиралтейской конторой. В 1829 г., по данным на 25 апреля, когда уже давно было открыто судоходство, находившиеся в Казани 5 и в разных губерниях 15 военных гардкоутов оставались неисправными. Для обеспечения безопасного плавания судов казанский гражданский губернатор И.Г. Жеванов по своей инициативе предписал местным земским исправникам, чтобы они «приняли какие только могут по обстоятельствам меры». Были созданы обывательские караулы и разъезды. Но губернатор признавал, что цель охраны общественного порядка этим достигнута быть не может: «…Возмогут ли безоружные и робкие поселяне остановить иногда целое буйное скопище, снабдившее себя оружием и решительно предпринявшее злодейский умысел?»[60]. Обыватели самовольно оставляли стражу, подкупали земское начальство, делавшее расследование об этом, чтобы избежать ответственности.

Тогда И.Г. Жеванов, «дабы не упустить удобного времени, ибо полая вешняя вода начала уже спадать», отдал распоряжение Казанской адмиралтейской конторе починить пять гардкоутов, укомплектовать их всем необходимым и снабдить служителей денежными суммами, назначить на них командиров для отправления по дистанциям по примерам прежних лет. К курсированию Волги гардкоутные команды приступили только 29 мая 1829 г.

Результаты подобной медлительности не заставили себя долго ждать. 2 мая 1829 г. возле Козмодемьянска был ограблен крестьянин вотчины князя Юсупова Нижегородской губернии Иван Арефьев, следовавший вниз по р. Волге на небольшой кладной лодке с мелочным товаром, двумя работниками и 12-летним сыном. На следующий день он довел до сведения чебоксарского смотрителя судоходства капитана Белова, что «…ограбили его наехавшие из захвостья острова в легкой лодке неизвестные ему воровские люди 5 человек, вооруженные каждый ружьем и саблею, которые отняли у него разных из числа товаров, мелочных вещей и денег всего на 279 рублей 45 копеек…»[61].

Суда, плывшие в составе каравана, были в большей безопасности, чем те, кто предпочитал одиночное водоходство. Судохозяевам предписывалось самостоятельно предпринимать меры к предотвращению грабежей: путем вооружения работников торгового судна, содержания ночного и дневного караула из 4–5 человек на носу и корме баржи, предания военному суду тех работников, которые не оказали сопротивления грабителям. Однако данные меры не гарантировали сохранение грузов. Управляющий III Округом путей сообщения Корпуса инженеров генерал-майор Н.И. Яниш в 1834 г. рапортовал главноуправляющему путями сообщения и публичных зданий графу К.Ф. Толю: «…По всем сведениям, в Округе имеющимся, известно, что во время стояния судов все на них рабочие пребывают в глубоком сне, а при нападении обыкновенно не предпринимается никаких мер к защите; лодки же, прибрежным жителям принадлежащие, оставляются в ночное время без всякого надзора, следственно для злонамеренных людей предоставляется полная свобода к содеянию всех возможных неистовств…»[62]. Отмечалось, что даже если на судне было 35–60 рабочих, они не оказывали сопротивления грабителям.

Вотчинному начальству прибрежных селений было приказано иметь в ночное время строгий караул за своими лодками. Гражданским губернаторам Нижегородской, Казанской,

[59] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 5. Д. 497. Л. 9 об.
[60] Там же. Л. 10.
[61] Там же. Оп. 4. Д. 262. Л. 15.
[62] Там же. Оп. 5. Д. 497. Л. 45.

Симбирской, Саратовской и Астраханской губерний предписывалось применять для защиты судов § 37, 96, 98, 113 и 226 Устава купеческого водоходства; лодки прибрежных жителей должны были иметь опознавательные знаки своей губернии и селения – выкрашены полосами спереди и сзади определенной краской (например, лодки Нижегородской губернии – красным цветом, Казанской – желтым, Симбирской – зеленым, Саратовской губернии – белым), иметь знак (на лодках одного селения – круг, на лодках другого селения – четырехугольник и т.д.) и номер, проставляемый на носу или на корме, чтобы по этим знакам можно было найти грабителей[63].

Как свидетельствуют источники, помощь судну со стороны других судов во время ограбления была чревата неприятностями и зачастую бесполезна. В Казанской губернии в 1832 г. произошло ограбление, о котором гражданский губернатор С.С. Стрекалов писал: «…В десяти верстах от устья реки Кокшаги, на луговой стороне в Козмодемьянском уезде, 5 июля напали 6 человек вооруженных людей на крестьянина Ветлужского уезда, Петра Иванова, сплавлявшего по течению Ветлуги лес, били его, требовали денег, и когда другие лесные промышленники, вблизи находившиеся, пристали к нему на помощь и готовы были одного из сих неблагонамеренных людей схватить, сделали из ружей три выстрела, ранили двоих крестьян, помогавших Иванову, и уехали на лодке вниз по реке Ветлуге»[64].

Опасность для судов особенно возрастала в ночное время. В 1849 г. был ограблен купеческий сын Семен Слакинцев из г. Устюжна Железнопольская Новгородской губернии, плывший с двумя рабочими из Казани вниз по Волге для закупки яблок на своей тихвинке (беспалубное грузовое судно) и остановившийся возле села Буртасы на ночлег. В корме тихвинки располагалось жилое помещение, в носу – кладовая. Грабители, заняв судно (один из них сел на борт, другой – на каюту, третий встал возле каюты), стали звать хозяина и проситься на ночлег, поскольку их лодка якобы не могла всех вместить. Первоначально судовладелец вел диалог не открывая дверь, но затем он вышел из каюты, чтобы удостовериться в правдивости слов нежданных гостей, и представился им не хозяином, а простым рабочим. Грабители тут же напали на него, схватив сзади за обе руки, приставив к его груди нож, требуя рассказать, где хозяин хранит деньги. С. Слакинцев вынужден был просить пощады и указать разбойникам на дверь каюты, ворвавшись в которую, они сорвали замок с сундука и вынули из него шкатулку с ценными бумагами и деньгами – всего на сумму 800 руб. серебром. Кроме того, были похищены: одежда – теплый сюртук на черном овечьем меху, покрытый сукном, две пары ситцевых рубах, документы – годовой паспорт, торговое свидетельство, билеты на принадлежавшие купеческому сыну кладное судно и лодку, билет для рабочего человека[65]. Дело было рассмотрено Уголовной палатой, виновными оказались крепостные крестьяне помещика В.И. Останкова. Таким образом, судоходство в рассматриваемый период подчас носило экстремальный характер.

Осенью период навигации завершался. Все суда необходимо было подготовить к зимовке, и это можно считать последним этапом логистической цепи. Интересные примеры отдачи владельцами судов на зимовку были найдены в архиве Ярославля. Так, в октябре 1802 г. между посадским жителем Ярославля И. Гармановым и елабужским купцом В. Мыльниковым в Ярославле был заключен договор о том, что Гарманов сохранит в течение зимы (до вскрытия льда весной 1803 г.) пустую барку купца: поставит ее в удобное для зимовки место, защитит от осеннего и вешнего льда, не допуская попадания в нее воды; весной подрядчик был обязан вычистить судно от снега, удалить лед вокруг него и передать в исправном состоянии купцу или доверенному лицу. Стоимость охраны барки составляла 25 руб., из которых авансом Гарманову выдано 15[66]. В октябре 1834 г. аналогичный контракт для охраны гусянки заключен между ярославскими мещанами братьями Иваном и Михаилом Байбородиными и чистопольским купцом 2-й гильдии Иваном Логутовым. Срок хранения

[63] ПСЗ РИ Собр. 1, СПб., 1930. Т. XXXVIII. № 29317.
[64] РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 497. Л. 14.
[65] ГА РТ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 70. Л. 12–13.
[66] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 501. Оп. 1. Д. 73. Л. 28–28 об.

обозначался до 15 июня будущего года. Цена контракта составила 80 руб., сумма неустойки за утрату судна – 2 800 руб.[67]

Заключение. Полученные данные и приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что к первой половине XIX в. была налажена и постепенно совершенствовалась система доставки товаров по водным путям, развивалась транспортная инфраструктура, стал достаточно прозрачным и механизм оформления сделок. Однако не были устранены препятствия и риски, с которыми купцам приходилось сталкиваться в процессе транспортировки: затопление судна и порча товара, грабежи. Законодательные меры по защите интересов купечества не всегда позволяли компенсировать стоимость потерянного товара.

Развитие купеческого судоходства, несмотря на сложности доставки грузов, оказало существенное влияние на формирование как товарного рынка, так и рынка труда. Значение камского и волжского водоходства на прилегающие районы возросло к середине XIX в. в связи с появлением пароходов. Водное пространство, пристани стали местом коммерческой коммуникации купцов, особой средой для их торгово-посреднической деятельности.

Литература

Агафонов А. Из Казанской истории. Казань: Лито-типография И.Н. Харитонова, 1906. 223 с.

Арсеньев К. Гидрографическое обозрение России // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. XIX. № 1. С. 1–76.

Артемьев А. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Казанская губерния. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1866. 322 с.

Бакшаев А.А. Организация транспортировки продукции казенных горных округов Урала в первой половине XIX века // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, № 4. С. 522–532.

Бахтурин Д. Краткое описание внутреннего Российской империи водоходства между Балтийским, Черным, Белым и Каспийскими морями. СПб.: Типография Шнора, 1802. 111 с.

Богославский П.А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб.: Типография Морского министерства, 1859. 188 с.

Вернадский И. Исследования о бурлаках. [Б. м.], 1857. 89 с.

Гомилевский М.И. Описание города Рыбинска (Репринтное воспроизведение издания 1837 г.). Рыбинск: Медиарост, 2012. 132 с.

Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982. 279 с.

Кафтырев Д. Описание водяных сообщений между Санкт-Петербургом и разными российскими губерниями. СПб.: Типография А. Смирдина, 1829. 45 с.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / М. Лаптев. СПб.: Военная типография, 1861. 634 с.

Материалы для изучения хлебной торговли на Волге. Доклад А.А. Клопова, представленный съезду представителей железных дорог II группы. М.: Типо-литогр. И.И. Кушнерева и К, 1886. 341 с.

Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. 7: Затоны и места для зимовки судов на реках Волге и Каме. Казань, 1906. 54 с.

Мирошниченко В.В. Организационно-правовые мероприятия министерств внутренних дел и путей сообщения по пресечению разбоев в 20-е гг. XIX в. на реке Волга в Казанской губернии // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 32–34.

Обозрение судоходства 1836 г. по Вышневолоцкой системе / соч. Головинского // Журнал Министерства путей сообщения. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1838. С. 78–103.

Обухова Г.И. Казенные и частные подряды и поставки хлеба купечеством Удмуртии в город Рыбинск во второй половине XVIII – 70-х годах XIX века // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. № 1. С. 33–45.

[67] ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 231.

Положение о мере и грузе барок, идущих по Вышневолоцкой системе // Журнал мануфактур и торговли. 1839. Ч. IV. № 10. С. 17–20.

Рассказов Л.П. Правовое регулирование ответственности лоцманов по законодательству России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 73–79.

Тарасенко Ю.А. Начало правового регулирования перевозки в России // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 336–343.

Тарасенко Ю.А. Правовая конструкция перевозки по Уставу купеческого водоходства 1781 года // Транспортное право и безопасность. 2019. № 1 (29). С. 218–224.

Ульянова Г.Н. Хлебная торговля в Москве в первой половине XIX века: доставка зерна, муки и круп по водным путям // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 11–23.

Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье (середина XIX в.). Казань: [Б. и.], 1959. 36 с.

Чибис А.А. Чебоксары – центр волжского бурлачества в середине XVIII века (по материалам Государственного исторического архива Чувашской Республики) // Чебоксары: история, этнография, культура: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 мая 2019 г.). Чебоксары, 2019. С. 92–102.

Шубин И.А. Волга и волжское судоходство: (история, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать, 1927. 908 с.

References

Agafonov, A. (1906). *Iz Kazanskoy istorii* [From Kazan History]. Kazan’, Lito-tipografiya I.N. Kharitonova. 223 p.

Arsen’ev, K. (1836). Gidrograficheskoe obozrenie Rossii [Hydrographic Review of Russia]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. Vol. XIX. No. 1, pp. 1–76.

Artem’ev, A. (1866). *Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 g. Kazanskaya guberniya* [The List of Populated Places According to the Data of 1859. Kazan Province]. St. Petersburg, Tipografiya Karla Vul’fa. 322 p.

Bakshaev, A.A. (2018). Organizatsiya transportirovki produktsii kazennykh gornykh okrugov Urala v pervoy polovine XIX veka [The Organization of Transportation of Products of the Mining Districts of the Urals in the First Half of the 19th Century]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. Vol. 28, No. 4, pp. 522–532.

Bakhturin, D. (1802). *Kratkoe opisanie vnutrennego Rossiyskoy imperii vodokhodstva mezhdu Baltiyskim, Chernym, Belym i Kaspiyskimi moryami* [A Brief Description of the Inland Navigation of the Russian Empire Between the Baltic, Black, White and Caspian Seas]. St. Petersburg, Tipografiya Shnora. 111 p.

Bogoslavskiy, P.A. (1859). *O kupecheskom sudostroenii v Rossii, rechnom i pribrezhnom* [About Merchant Shipbuilding of Russia, River And Coastal]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. 188 p.

Vernadskiy, I. (1857). *Issledovaniya o burlakakh* [Research on Burlaks]. 89 p.

Gomilevskiy, M.I. (2012). *Opisanie goroda Rybinska (Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1837 g.)* [Description of the City of Rybinsk (Reprint Reproduction of the 1837 Edition)]. Rybinsk, Mediarost. 132 p.

Istomina, E.G. (1982). *Vodnye puti Rossii vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX veka* [Waterways of Russia in the Second Half of the 18th – Early 19th Century]. Moscow, Nauka. 279 p.

Kaftyrev, D. (1829). *Opisanie vodyanykh soobshcheniy mezhdu Sankt-Peterburgom i raznymi rossiyskimi guberniyami* [Description of Water Communications Between St. Petersburg and Various Russian Provinces]. St. Petersburg, Tipografiya A. Smirdina. 45 p.

(1861). *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General’nogo shtaba. Kazanskaya guberniya* [Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Kazan Province]. St. Petersburg, Voennaya tipografiya. 634 p.

(1886). *Materialy dlya izucheniya khlebnoy torgovli na Volge. Doklad A.A. Klopova, predstavlennyy s'ezdu predstaviteley zheleznykh dorog II gruppy* [Materials for the Study of Grain Trade on the Volga. Report of A.A. Klopov, Presented to the Congress of Representatives of the Railways of the II Group]. Moscow, Tipo-litogr. I.I. Kushnereva i K. 341 p.

(1906). *Materialy dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy*: *Part. 7. Zatony i mesta dlya zimovki sudov na rekakh Volge i Kame* [Materials for Describing Russian Rivers and the History of Improving their Navigable Conditions. Backwaters and Wintering Places for Ships on the Volga and Kama Rivers]. Kazan'. 54 p.

Miroshnichenko, V.V. (2011). Organizatsionno-pravovye meropriyatiya ministerstv vnutrennikh del i putey soobshcheniya po presecheniyu razboev v 20-e gg. XIX v. na reke volga v kazanskoy gubernii [Organizational-Legal Actions of the Ministries of Internal Affairs and Means of Communication for Suppression of Robberies in 1920s on the River Volga in the Kazan Province]. In *Biznes v zakone*. No. 6, pp. 32–34.

(1838). Obozrenie sudokhodstva 1836 g. po Vyshnevolotskoy sisteme (soch. Golovinskogo) [Review of Shipping in 1836 on the Vyshnevolotsk System (Op. Golovinsky)]. In *Zhurnal Ministerstva putey soobshcheniya*. Vol. 2, No. 2, pp. 78–103.

Obukhova, G.I. (2010). Kazennye i chastnye podryady i postavki khleba kupechestvom Udmurtii v gorod Rybinsk vo vtoroy polovine XVIII – 70-kh godakh XIX veka [The Role of Merchants of Udmurtia in State and Private Deliveries of Grain to the Town of Rybinsk in the Second Part of the 18th Century and in the 1870s]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. No. 1, pp. 33–45.

(1839). Polozhenie o mere i gruze barok, idushchikh po vyshnevolotskoy sisteme [Regulation on the Measure and Cargo of Barges Going Through the Vyshnevolotsk System]. In *Zhurnal manufaktur i torgovli*. Vol. IV, No. 10, pp. 17–20.

Rasskazov, L.P. (2020). Pravovoe regulirovanie otvetstvennosti lotsmanov po zakonodatel'stvu Rossii [Legal Regulation of the Responsibility of Pilots Under the Laws of Russia]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. Vol. 6 (72), No. 1, pp. 73–79.

Tarasenko, Yu.A. (2021). Nachalo pravovogo regulirovaniya perevozki v Rossii [The Beginning of Legal Regulation of Transportation in Russia]. In *Transportnoe pravo i bezopasnost'*. No. 4 (40), pp. 336–343.

Tarasenko, Yu.A. (2019). Pravovaya konstruktsiya perevozki po ustavu kupecheskogo vodokhodstva 1781 goda [Legal Transportation Design According to the Merchant Shipping Charter of 1781]. In *Transportnoe pravo i bezopasnost'*. No. 1 (29), pp. 218–224.

Ulianova, G.N. (2022). Khlebnaya torgovlya v Moskve v pervoy polovine XIX veka: dostavka zerna, muki i krup po vodnym putyam [The Grain and Flour Trade in Moscow in the First Half of the 19th Century: a Water Transportation of Grain, Flour and Cereals]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (23), pp. 11–23.

Furer, L.N. (1959). *Vliyanie sudokhodstva na razvitie kapitalizma v Povolzh'e (seredina XIX v.)* [The Influence of Shipping on the Development of Capitalism in the Volga Region (Mid-XIX Century)]. Kazan. 36 p.

Chibis, A.A. (2019). Cheboksary – tsentr volzhskogo burlachestva v seredine XVIII veka (po materialam Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Chuvashskoy Respubliki) [Cheboksary, the Center of the Volga Barge Haulers in the Middle of 18th Century (By the Materials of the Chuvash Republic State Historical Archive)]. In *Cheboksary: istoriya, etnografiya, kul'tura. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Cheboksary, 30 maya 2019 g.)*. Cheboksary, pp. 92–102.

Shubin, I.A. (1927). *Volga i volzhskoe sudokhodstvo (istoriya, razvitie i sovremennoe sostoyanie sudokhodstva i sudostroeniya)* [Volga and Volga Shipping (History, Development and Current State of Shipping and Shipbuilding)]. Moscow, Transpechat'. 908 p.

Е.А. Запевалова*

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОБСТВЕННОСТИ И УПРАВЛЕНИИ ЖЕНЩИН В 1890-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-15
УДК 94(338.26)(68-5)"189"

Выходные данные для цитирования:
Запевалова Е.А. Промышленные предприятия Нижегородской губернии в собственности и управлении женщин в 1890-е годы // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 215–229.
URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-15.pdf

E.A. Zapevalova*

INDUSTRIAL ENTERPRISES IN WOMEN'S OWNERSHIP AND MANAGEMENT IN THE NIZHNII NOVGOROD PROVINCE IN THE 1890S

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-15

How to cite:
Zapevalova E.A. Industrial Enterprises in Women's Ownership and Management in the Nizhnii Novgorod Province in the 1890s // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 215–229. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-15.pdf]

Abstract. The article focuses on the activity of women entrepreneurs in the Nizhnii Novgorod province at the end of the 19th century. According to the directory "Factory industry of Russia. The list of factories and plants" (containing information for 1895), 38 industrial enterprises belonged to women from the Nizhnii Novgorod province. The largest number of them were in the food industry (10 confectionery, brewing and vodka enterprises), in the leather industry (9 enterprises produced harnesses, mittens, etc.), in mechanical engineering and metalworking (6 enterprises). Women also worked in the field of soap making, and electrical engineering. Most of the enterprises were inherited from fathers, husbands, and other relatives. For example, Olga Karpova and her brother received the largest machine-building plant in Nizhnii Novgorod and a shipping company under the will of their childless uncle, merchant Ustin Kurbatov.

Keywords: entrepreneurship, merchants, female entrepreneurs, factories, plants, Russian Empire, Nizhnii Novgorod province, 19th Century Russian History, Nizhnii Novgorod, women's history.

The article has been received by the editor on 02.09.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о женщинах-предпринимательницах в Нижегородской губернии в конце XIX в. По данным справочника «Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов» (содержащего сведения за 1895 г.) было установлено, что женщинам принадлежало 38 промышленных предприятий. Наибольшее их число находилось в пищевой промышленности (насчитывалось 10 кондитерских, пивоваренных и водочных предприятий), в кожевенной промышленности (9 предприятий производили упряжь, рукавицы и др.), в машиностроении и металлообработке (6 предприятий). Также женщины работали в области мыловарения, электротехники. Большинство предприятий было унаследовано от отцов, мужей, других родственников. Например, Ольга Карпова с братом получили крупнейший машиностроительный завод в Нижнем Новгороде и пароходство по завещанию их бездетного дяди купца Устина Курбатова.

* **Екатерина Анатольевна Запевалова,** соискатель, Институт российской истории РАН; редактор, издательство «Кварц», Нижний Новгород, Россия, e-mail: il_za82@mail.ru
Ekaterina Anatolyevna Zapevalova, Postgraduate Student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Editor, Publishing Hhouse "Quartz", Nizhnii Novgorod, Russia, e-mail: il_za82@mail.ru

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, женщины-предпринимательницы, фабрики, заводы, Российская империя, Нижегородская губерния, история России в XIX в., Нижний Новгород, история женщин.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023 г.

В издании «Памятная книжка Нижегородской губернии на 1895 г.» сообщалось: «Промышленность заводская и фабричная развиты в губернии довольно сильно. Всего действующих фабрик и заводов в 1893 г. было 323, на которых работало 17 283 чел.; сумма производства простиралась до 18 892 441 руб. По размерам производства первое место занимают заводы: мукомольные, работавшие на 6 089 200 руб.; чугуно-плавильные и железоделательные – на 6 776 224 руб.; кожевенные – на 792 541 руб.; водочные – на 516 750 руб. и громадный механический завод в Сормове Балахнинского уезда, сумма производительности которого простиралась до 1 337 590 руб. Мелких промышленных заведений в губернии считается 21 978 с 43 533 рабочими и суммой производства в 1 740 076 рублей»[1].

В 1893 г. в Нижегородской губернии насчитывалось 1 586 764 чел. обоего пола: 829 441 женщина и 757 323 мужчины. Процент городского населения в регионе был достаточно низким: только 7 % жителей (113 639 чел.) проживали в городах. Большинство населения губернии – православные христиане. В 1893 г. они составляли 92 % населения (1 456 669 чел.)[2].

В статье будет рассмотрен вопрос о женском предпринимательстве в Нижегородской губернии в 1890-е гг., последнее и значимое для развития промышленности десятилетие XIX в., при этом при рассмотрении истории отдельных предприятий мы будем касаться их развития на протяжении всего пореформенного периода начиная с 1860-х гг.

Обзор историографии и источников. Тема участия женщин в руководстве промышленными предприятиями пока мало разработана. В историографии ей уделено внимание в трудах Г.Н. Ульяновой, М.Н. Барышникова, М.Н. Тихомировой, О.Б. Вахромеевой[3]. В последние годы эта тема также разрабатывается на региональном материале исследователями из Оренбурга, Петербурга и др.[4] По Нижегородской губернии недавно была опубли-

[1] Краткий статистический очерк Нижегородской губернии // Памятная книжка Нижегородской губернии на 1895 г. Нижний Новгород, 1895. С. 105–106.

[2] Там же. С. 101–102.

[3] *Ульянова Г.Н.* Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 32–58; *Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014–2015. М., 2016. С. 54–82; *Ульянова Г.Н.* Московские купчихи-предпринимательницы в 1830-е – 1840-е годы по данным торгово-промышленной статистики и ревизских сказок // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.: сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 192–229; *Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 140–169; *Ульянова Г.Н.* Купчихи-фабрикантки в городах северных губерний (Архангельской, Вологодской и Санкт-Петербургской) по данным промышленной статистики конца XVIII – первой половины XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: мат-лы IX Междунар. науч. конф. М., 2018. Т. 1. С. 53–55; *Ульянова Г.Н.* Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 50–81; *Барышников М.Н.* Женщины в составе правлений акционерных компаний в России во второй половине XIX – начале XX века // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века: мат-лы Всерос. науч. конф. СПб., 2005. С. 17–38; *Тихомирова М.Н.* Участие женщин в промышленном производстве России в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века (на материалах Тверской губернии) // Женщины. История. Общество. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 34–46; *Вахромеева О.Б.* Женщины-предприниматели в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 1. С. 68–73.

[4] *Абдрахманов К.А.* Женское предпринимательство на Южном Урале во второй половине XIX века на примере деятельности челябинской купчихи М.М. Шиховой // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. мат-лов Междунар. науч. конф. СПб., 2018. С. 480–486; *Бурлуцкая Е., Абдрахманов К., Куренкова Ю., Фот А., Клементьева Н.* Повседневная жизнь провинци-

кована статья о предпринимательстве дворянок[5] (поэтому данному вопросу здесь уделено меньше внимания).

Чтобы определить уровень участия женщин в промышленном предпринимательстве в 1890-е гг., в качестве источников статистических и фактических данных были избраны архивные дела из Центрального архива Нижегородской области, а также наиболее полный справочник «Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов» (содержащий сведения за 1895 г.)[6]. Дополнительно использован «Указатель фабрик и заводов Европейской России» (1897, содержит сведения за 1894 г.)[7], составленный П.А. Орловым по официальным сведениям Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Издание содержало информацию о численности промышленных предприятий в 1894 г., их распределении по отраслям производства, объеме выпускаемой продукции, количестве рабочих, сведения о владельцах предприятий (фамилия и сословная принадлежность).

В 1897 г. тем же департаментом был составлен справочник «Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов». Перечень содержал сведения о названии и местонахождении заведения, дате его основания, количестве рабочих дней в году, о его владельце, организации правления, о производимой продукции и сбыте, сырье и топливе, двигателях и паровых котлах, составе рабочих, – всего 35 пунктов. Ответы от владельцев предприятий были получены в 1894–1895 гг.

Также использован ряд справочных изданий, выпущенных в связи с проведением Всероссийской художественной и промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде[8]. Например, в «Альбоме участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г.» удалось найти сведения о предприятиях О.П. Карповой (Механический завод торгового дома «У.С. Курбатова наследники») и Е.Д. Гориновой (по «Пиво-медоваренному заводу наследницы Д.Н. Бабушкина Е.Д. Гориновой»)[9].

Статистика промышленности Нижегородской губернии и участие женщин в промышленном производстве в 1895 г. (по «Перечню фабрик и заводов» 1897 г.). Согласно «Перечню» (1897), в Нижегородской губернии в 1897 г. насчитывалось 503 промышленных предприятия, из которых 38 принадлежали женщинам. Обобщенные данные содержатся в табл. 1.

альной горожанки в пореформенной России. На материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века. Оренбург, 2020. С. 268–288; *Абдрахманова Е.Н.* Женское предпринимательство в дореволюционном Челябинске // Наследие выдающихся предпринимателей России. М., 2021. С. 472–482; *Чудновец А.С.* Деятельность женщин-предпринимательниц в С.-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. (на примере табачной фабрики Шапошниковых) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат-лы XII науч. конф. СПб., 2021. С. 79–82.

[5] *Запевалова Е.А.* Дворянки Нижегородской губернии в 1860-е – 1890-е годы: землевладение, брачный статус, предпринимательская деятельность в имениях // Россия XXI. 2022. № 6. С. 78–103.

[6] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. 1048 с.

[7] *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894.

[8] См.: Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел XII. Машины, аппараты и машиностроение. М., 1896; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел IX. Производства фабрично-заводские. М., 1896; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел IX. Производства фабрично-ремесленные. М., 1896.

[9] Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. СПб., 1896. Ч. 2. С. 16, 31.

Таблица 1

Доля предприятий, принадлежавших женщинам в промышленности Нижегородской губернии, 1894–1895 гг.

Вид производства	Число фабрик и заводов в Нижегородской губернии	В том числе число предприятий во владении женщин	Доля предприятий во владении женщин (по отношению к общему числу фабрик и заводов в губернии), %
Обработка шерсти	21	3	14,3
Обработка льна, пеньки и джута	11	–	–
Обработка волокнистых веществ	7	2	28,6
Бумагоделательное	8	–	–
Обработка дерева	16	2	12,5
Обработка металлов	71	6	7,1
Обработка минеральных веществ	24	4	16,7
Обработка животных продуктов*	252	11	4,4
Обработка питательных веществ (пищевая промышленность)	80	10	12,5
Производства химические	9	–	–
Сенопрессовальное	4	–	–
Итого	503	38	7,5

* Сюда вошли девять кожевенных и два мыловаренных предприятия во владении женщин.
Составлено по: Фабрично-заводская промышленность России. Перечень. СПб., 1897. С. 88–89, 146–149, 180–181, 216–217, 278–279, 356–361, 444–447, 518–531, 794–799, 1014–1015, 1046–1047.

В 1895 г. из 38 владелиц промышленных предприятий 21 женщина (55 %) управляла фабриками и заводами самостоятельно (например, Н.Г. Волкова, М.Ф. Розен) и 11 (29 %) – совместно с родственниками (например, владелица войлочной фабрики в Арзамасском уезде А.М. Вязова вела дело вместе с сыновьями Василием, Михаилом и Сергеем Васильевичами, владелица винокуренного завода в Ардатовском уезде Е.А. Лашкина – с братьями Иваном, Алексеем, Александром Алексеевичами). Шесть женщин (16 %) не вели дело сами, а сдавали заведения в аренду (например, А.И. Лохова кожевенный завод – арендатору В.А. Бельцову, О.А. Горсткина сыроварную фабрику – арендатору Г.Я. Шереру). В этом случае женщины не занимались предпринимательской деятельностью сами, но числились собственницами предприятий.

Далее рассмотрим предприятия во владении женщин по отраслям.

Металлообработка и машиностроение. В 1895 г. в женском промышленном предпринимательстве доминировала металлообрабатывающая отрасль: на предприятиях, принадлежавших женщинам, вырабатывалось 25 % всего объема производства в Нижегородской губернии (табл. 2).

Таблица 2

Предприятия, управляемые женщинами, в сфере обработки металлов в Нижегородской губернии (1895)

№ п/п	Владелица (с партнерами)	Местонахождение предприятия	Годовое производство, руб.	Год основания
1	Карпова О.П. и Курбатов В.П.	г. Нижний Новгород	500 880	1857
2	Завьяловы Л. и А.	Горбатовский у., с. Ворсма	139 819	1825
3	Шмакова А.Ф. с сыновьями	Горбатовский у., с. Ворсма	23 099	Нет данных
4	Самойлова В.А. и Симонов П.И.	г. Нижний Новгород	22 000	1892
5	Родионова М.Н.	Горбатовский у., д. Вязовка	4 900	1867
6	Чарышникова Е.Д.	г. Балахна	1 200	1885

Составлено по: Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 356–361.

Обратимся к истории отдельных предприятий.

Ольга Петровна Карпова и ее брат Василий Петрович Курбатов унаследовали «Паровое механическое заведение для поправки машинных поломок и починки судовых корпусов» (сущ. с 1857 г.) в 1885 г. по завещанию их дяди – казанского купца первой гильдии У.С. Курбатова[10]. Фирма действовала под названием торговый дом «У.С. Курбатова наследники».

Ольга Петровна Карпова брала купеческое свидетельство в Казани и как иногородняя купчиха в Москве. «Справочная книга о лицах, получивших на 1894 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в г. Москве» сообщала: «Карпова, Ольга Петровна, 39 л., казанская 1 гил. купчиха. Жит. в Нижнем Новгороде. Имеет контору пароходства»[11].

Это было одно из крупнейших предприятий машиностроения в Нижегородской губернии и в Российской империи в целом[12]. Годовая производительность завода уступала в Нижегородской губернии лишь Сормовскому заводу наследников Д.Е. Бенардаки (годовое производство 1 500 000 руб.)[13].

На заводе производились пароходы, чугунные отливки, пароходные котлы, проводились ремонтные работы. Продукция, прежде всего пароходы, сбывалась в бассейны Волги, рек Западной Сибири и Каспийское море.

Необходимую движущую силу завод получал от четырех паровых горизонтальных машин своей постройки, развивающих 200 индикаторных сил. Машины получали энергию от трех паровых котлов: двух вертикальных трубчатых и одного горизонтального оборотной системы[14].

[10] См. о Курбатовых: *Лигенко Н.П.* Сарапул как развитой центр частного предпринимательства Камско-Вятского региона. Вторая половина XIX – начало XX в. // Прикамское собрание: мат-лы III Всерос. открытого науч.-практ. форума «Ресурсы развития российских территорий» (г. Сарапул, 27–28 сентября 2019 г.). Ижевск; Сарапул, 2019. С. 215–224; *Селезнев Ф.А.* Городская Дума Нижнего Новгорода: история и современность. Нижний Новгород, 2009.

[11] Справочная книга о лицах, получивших на 1894 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М., 1894. С. 265.

[12] В историографии о заводе см.: *Колябин В.В.* Завод Колчина – Курбатова – Карповой // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 290–292.

[13] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 356–359.

[14] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел XII. Машины, аппараты и машиностроение… С. 14–15.

Паровые котлы, сделанные на этом же заводе, отапливались нефтяными остатками. Сырье для производства использовалось преимущественно отечественное: чугун – с Уральских и южных заводов, железо сортовое и корабельное – с Уральских и польских заводов, железо котельное – с Уральских и Санкт-Петербургского Александровского заводов, медь – с Уральских заводов[15].

В литейном производстве использовалось шаблонное литье для крупных отливок. В кузнечном отделении была устроена большая сварочная печь особой системы, которая отапливалась нефтяными остатками. На предприятии работали 526 мужчин и 45 подростков[16]. Рабочие на заводе трудились по 12 часов в день. Средний заработок рабочих составлял 90 коп. в день. При предприятии действовала больница с аптекой, которыми заведовал врач[17].

За качество продукции завод был награжден золотыми медалями на Всероссийской выставке 1882 г. и Нижегородской кустарно-промышленной 1885 г., за ту же выставку была получена медаль Императорского Русского технического общества; на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. предприятие получило почетный отзыв.

О.П. Карповой также принадлежала пароходная контора, находившаяся на Сибирской пристани на территории Нижегородской ярмарки. А в 1899 г. в затоне р. Волги в Семеновском уезде была открыта ремонтная мастерская.

Пароходная контора Карповой располагала девятью пароходами (кроме буксирных); суда «Фортуна», «Добрый» и «Белевец» имели каюты на верхней палубе и освещались электричеством. Все пароходы совершали рейсы по рекам Каме и Волге между Нижним Новгородом и Пермью. В «Путеводителе по Волге» 1894 г. отмечалось: «Спокойствие во время плавания, полнейшая аккуратность рейсов, за исключением редких случаев при условии сильного обмеления Волги и Камы, необыкновенная дешевизна таксы, – вот отличительные черты курбатовских пароходов»[18].

Еще одно крупное предприятие принадлежало сестрам Завьяловым. Основателем фабрики по изготовлению ножевых изделий был крепостной крестьянин графа Д.Н. Шереметьева Иван Гаврилович Завьялов. После его смерти предприятие, находившееся в селе Ворсма (Горбатовский уезд), перешло в руки его наследников горбатовских второй гильдии купеческих сыновей Алексея и Ивана, потом во владение фабрикой вступил их младший брат Федор, фактически же фабрикой управлял один Алексей Завьялов. В 1879 г., после смерти А.И. Завьялова, предприятие перешло во владение его вдовы Анны Ивановны и его сестер – Любови Ивановны и Анфисы Ивановны[19]. Потом у руля предприятия остались две сестры – «**Товарищество производства стальных изделий Л. и А. Завьяловых»** было учреждено в 1895 г. Основной капитал Товарищества составлял 300 тыс. руб. Правление Товарищества размещалось в Москве на Никольской ул., в доме графа Шереметева[20].

Производились ножи, ножницы, топоры и долота. На заводе использовалась паровая машина в 35 л.с. На предприятии в середине 1890-х гг. работали 220 рабочих, среди них 19 подростков[21].

Сырье для производства, как сообщал указатель промышленной и художественной выставки 1896 г., использовалось следующее: сталь для лезвий – из Англии, черное и кокосовое дерево – из Гамбурга, листовое железо, бычий рог, олений рог, латунь, польское

[15] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел XII. Машины, аппараты и машиностроение… С. 14.
[16] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 356–357.
[17] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел XII. Машины, аппараты и машиностроение… С. 14–15.
[18] *Демьянов Г.П.* Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Нижний Новгород, 1894. С. 28.
[19] О Завьяловых подробно см. в статье*: Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы… С. 147–148.
[20] *Езиоранский Л.К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. 429 с. (№ 980–992); Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 358–359.
[21] Там же. С. 358–359.

серебро покупались в Москве и на Нижегородской ярмарке[22]. Реализация продукции производилась на Нижегородской ярмарке и в собственном магазине в Москве. Изделия распространялись в средней части России, в Сибири, на Кавказе, в Санкт-Петербурге, Малороссии, Царстве Польском, Закаспийском крае, Персии, Амурском крае и Турции. Продажа за границу составляла 25 тыс. руб. На Всероссийской художественной и промышленной выставке 1896 г. продукция фабрики Завьяловых была удостоена 19 наград[23].

Ефросиния Дмитриевна Чарышникова фабрику по производству колоколов унаследовала от мужа Сергея Семеновича, выходца из Ярославля. Купчиха управляла предприятием совместно с сыновьями Александром и Николаем. В 1895 г. годовая производительность фабрики составляла 1 200 руб. На предприятии работали четверо мужчин[24].

Купчиха Анна Федоровна Шмакова совместно с сыновьями Василием Ивановичем и Анатолием Ивановичем владела заводом по производству ножевого товара в с. Ворсма Горбатовского уезда. В 1897 г. годовая производительность составила 23 099 руб.; было произведено 30 тыс. топоров и 4 тыс. долот. Фабрика работала 260 дней в году. На заводе применялся керосиновый двигатель Отто Дейц в 8 л.с. На предприятии работали 35 мужчин, также использовался труд надомных рабочих, которых было 22 чел.[25]

Рабочие на фабрике трудились по 10–12 часов в день. Средний заработок составлял 80 коп. в день. В качестве сырья для производства использовались железо с Уральских заводов и сталь из Англии (Шеффилд). Изделия распространялись на юго-востоке России и частично в Сибири. Основными достоинствами продукции Шмаковых были «острота, стойкость и чистота работы»[26].

Производство пищевых продуктов. Не менее активны женщины были и в пищевой промышленности, которая включала кондитерские, сыроваренные, спиртоочистительные и винокуренные, пивоваренные предприятия, заводы по изготовлению шипучих и минеральных вод. Таких владелиц насчитывалось 10 чел. (им принадлежало 12,5 % предприятий отрасли) (табл. 3).

Таблица 3

Предприятия, управляемые женщинами, в сфере производства пищевой продукции и напитков в Нижегородской губернии (1897)

№ п/п	Владелица	Местонахождение предприятия	Годовое производство, руб.	Год основания
1	Фролова Таисия Александровна с сыновьями	г. Нижний Новгород	194 250	1863
2	Холодкова Е.А.	г. Нижний Новгород	73 100	1882 (или 1868)
3	Горинова Е.Д.	г. Нижний Новгород	64 416	1863
4	Соболева А.А.	г. Нижний Новгород	57 850	1863
5	Лашкины Екатерина, Иван, Алексей, Александр	Ардатовский у., хутор Теплая Поляна	19 756	1863

[22] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел IX. Производства фабрично-ремесленные… С. 53.
[23] Там же. С. 53.
[24] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 358–359; *Глушецкий А.А.* Нижегородский литейный центр в российской колокольной традиции // Колокола: история и современность: мат-лы науч. конф. (22–23 августа 2014 г.). Ростов, 2015. С. 110, 113–114.
[25] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 358–359; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел IX. Производства фабрично-ремесленные… С. 66.
[26] Там же.

Окончание табл. 3

№ п/п	Владелица	Местонахождение предприятия	Годовое производство, руб.	Год основания
6	Бабушкина Е.Г.	г. Нижний Новгород	14 572	1853
7	Потехина Евдокия Михайловна с детьми	г. Арзамас	13 245	1863
8	Горсткина О.А.	Лукояновский у., с. Оброчное	6 800	1884
9	Шимкевич Е.А. с детьми	Арзамасский у., хут. Михайловский	6 702	1876
10	Геништа О.А.	г. Нижний Новгород	5 287	1868

Составлено по: Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 796–799.

Наиболее яркий пример – купчиха второй гильдии Таисия Александровна Фролова, в собственности которой был торговый дом **«Т. и С. Фроловы»,** включавший водочный завод, магазин, оптовые склады, пять погребов в разных частях города (главный, Варварский, Покровский, Канавинский, Живоносновский)[27]. В 1880-е гг. купчиха управляла заводом совместно с сыном Семеном Ивановичем, в 1890-е гг. – с сыновьями Иваном Ивановичем и Александром Ивановичем.

Водочный магазин Фроловых предлагал широкий ассортимент товаров по следующим ценам (за ведро): столовые вина – 4 руб. 94 коп., горькие вина – 3 руб. 34 коп., сладкие вина – 4 руб. 31 коп., наливки – 3 руб. 29 коп., хлебное вино – 3 руб. 48 коп., коньяк – 8 руб. 66 коп., спирт – 9 руб. 30 коп., морс черничный – 5 руб. 35 коп., морс из черной смородины – 3 руб. 99 коп., ром – 5 руб. 33 коп., бальзам – 3 руб. 89 коп.

В 1887 г. водочный завод произвел 5 923 ведра алкогольной и соковой продукции на сумму 24 515 руб. Столового вина было выпущено 1 909 ведер, горьких вин – 1 890, наливок – 1 455, сладких вин – 263, черничного морса – 103, спирта – 83, морса из черной смородины – 76, коньяка – 61, рома – 49, хлебного вина – 27, бальзама – 7 ведер[28].

В 1890 г. на предприятии произведено 4 000 ведер водок и наливок, 18 500 ведер столового и 100 тыс. ведер очищенного вина на сумму 500 тыс. руб. (при 40 рабочих)[29].

Выработка водочных изделий, наливок и ликеров производилась частью холодным способом, частью – паровой перегонкой. Размер годового производства составлял: столового вина – от 130 до 150 тыс. ведер, водки и наливки – от 8 до 10 тыс. ведер, виноградное вино – от 90 до 100 тыс. ведер. На заводе использовался паровой насос в 30 л.с. Продукция реализовывалась, как сказано в указателе к выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, «в европейской и азиатской России»[30]. На предприятии в 1896 г. работали 22 мужчины, 23 женщины, 2 подростка[31].

Фроловы также торговали бакалейным товаром (чай, кофе, сахар, вино) на Нижегородской ярмарке. Им принадлежали три лавки на Макарьевской ул. (№ 82, № 84 и № 86)[32].

Купчихе второй гильдии **Евдокии Дмитриевне Гориновой** (род. 1856) после смерти отца, купца первой гильдии Дмитрия Никандровича Бабушкина, с 1890 г. перешел осно-

[27] Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 30. Оп. 35. Д. 4710. Л. 7; Ф. 479. Оп. 365. Д. 122. Л. 1.
[28] Там же. Ф. 479. Оп. 365. Д. 122. Л. 1–12.
[29] *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1894. С. 648.
[30] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отд. Производства фабрично-заводские… С. 95.
[31] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 798–799.
[32] Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 год. Нижний Новгород, 1890. С. 376.

ванный им в 1863 г. пивоваренный завод[33]. В 1890-е гг. в бизнесе Гориновой стал помогать ее сын Михаил Алексеевич.

На фабрике производился широкий ассортимент товаров: пиво, мед, клюквенный квас, лимонад, минеральная вода. Использовалась собственная рецептура для приготовления напитков «мед-лимонад» и «мед-газёс» (т.е. газированный медовый напиток). Для поощрения отечественной промышленности и развития хмелеводства в России Е.Д. Горинова, как сообщало одно из изданий к выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, старалась употреблять для пивоварения «большую часть хмеля с русских плантаций (Волынской и польских губерний), тогда как десять лет тому назад употреблялся хмель исключительно заграничный»[34]. Продукция поставлялась в окрестные губернии. На предприятии работало 30–40 чел.[35]

На предприятии использовалась паровая машина в 12 л.с.: «В 1877 году завод переделан на паровой, с паровым двигателем, приводящим в действие весь механизм завода»[36]. С 1895 г. предприятие отапливалось нефтью.

На Казанской выставке в 1890 г. за производство пива и меда заводу Гориновой были присуждены серебряная и бронзовая медали. В 1896 г. на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде фирма награждена бронзовой медалью[37].

При предприятии имелась больница с 12 бесплатными койками для работников завода (пожертвована в 1886 г. владельцем Д.Н. Бабушкиным г. Нижнему Новгороду, но с условием лечения рабочих), с медицинско-фельдшерским персоналом, выдачей медикаментов. «Мастер, служащие и рабочие при заводе имеют квартиры с отоплением и освещением, а рабочие – и хозяйское содержание, и, смотря по заслугам, – денежную награду»[38].

На Нижегородской ярмарке Е.Д. Горинова держала две лавки на Кизлярской улице (№ 1, № 18), которые сдавала в аренду купцу Василию Ивановичу Меркулову[39], а также портерную (ул. Царская) и номера для приезжающих (Макарьевская часть)[40].

Полное товарищество **«Екатерина и Михаил Холодковы»,** занимавшееся производством кондитерских изделий, было учреждено 18 июня 1895 г. (с 1882 по 1895 г. существовал торговый дом «Бочкарева-Холодкова и К°»[41] и ранее с 1869 г. существовало пряничное заведение Е.А. Бочкаревой-Холодковой[42]). Владельцами предприятия с 1895 г. были супруги Екатерина Алексеевна и Михаил Степанович Холодковы, принадлежавшие к купеческому сословию. На предприятии производились конфеты, постный сахар, пряники сахарные и паточные. На заводе в середине 1890-х гг. работало 10 мужчин и 5 женщин[43]. Годовая производительность в период с 1890 по 1897 г. выросла в 24 раза, с 3 000 до 73 100 руб.[44]

Кожевенное производство. Рассмотрим далее участие женщин в кожевенной отрасли. В 1895 г. по «Перечню» всего в Нижегородской губернии числилось 252 кожевенных и скорняжных предприятия (Указатель фабрик и заводов дает 81 предприятие в 1890 г. – видимо,

[33] ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 4710. Л. 18 об.; *Селезнев Ф.А.* Бабушкин // Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства. Нижний Новгород, 2011. С. 28.
[34] Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. СПб., 1896. Ч. 2. С. 16.
[35] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел IX. Производства фабрично-заводские… С. 97.
[36] Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. СПб., 1896. Ч. 2. С. 16.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 4710. Л. 18 об.; Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 год… С. 370.
[40] Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1895 год. Нижний Новгород, 1895. С. 150.
[41] Нижегородские губернские ведомости. 1895. № 25. 21 июня.
[42] *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С. 558.
[43] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 796–797.
[44] Там же. С. 796–797.

это без мелких мастерских[45]), из которых 9 (4 %) принадлежали женщинам. Сводные данные представлены в табл. 4.

Рассмотрим далее деятельность отдельных предприятий. Большинство из них были расположены в Арзамасе и в с. Катунки Балахнинского уезда (по три предприятия). Среди них некоторые семейные предприятия – Бебешиных в Арзамасе и Кожевниковых в Городце – существовали даже с конца XVIII в., и женщины были включены в линию владельцев на протяжении трех-четырех поколений.

Таблица 4

Кожевенные предприятия, управляемые женщинами, в Нижегородской губернии (1895)

№ п/п	Владелица	Местонахождение предприятия	Годовое производство, руб.	Год основания
1	Ускова Е.М.	г. Арзамас	27 116	1841
2	Муравина Е.А.	г. Арзамас	13 100	1877
3	Бебешина Е.Г.	г. Арзамас	12 000	1800
4	Кожевникова Е.С.	Балахнинский у., с. Городец	11 800	1790
5	Сатунина А.П.	Балахнинский у., с. Катунки	10 900	1874
6	Желтова М.И.	Горбатовский у., с. Богородское	7 420	1876
7	Хохлова А.В.	Горбатовский у., с. Богородское	3 695	Нет данных
8	Лохова А. И.	Балахнинский у., с. Катунки	3 050	1893
9	Усова О.Н.	Балахнинский у., с. Катунки	1 980	1891

Составлено по: Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб.,1897. С. 518–527.

Семейное предпринимательское дело после смерти своего мужа Алексея Григорьевича продолжила **Мария Ивановна Желтова**. Она совместно с сыном Федором Алексеевичем владела кожевенным предприятием в с. Богородское Горбатовского уезда.

Во второй половине XIX в. село являлось лидером в кожевенном производстве: в торгово-промысловом селении находилось 119 предприятий из 252 (47 %) имевшихся в Нижегородской губернии[46]. Богородские кожевники сбывали свою продукцию на Нижегородской ярмарке: одна из ярмарочных улиц даже называлась Богородской. Историк С.М. Ледров в статье «Сельские центры кожевенно-мехового ремесла в Нижегородском уезде в XVII веке» отмечает, что кожевенное ремесло начало развиваться в с. Богородском в конце XVII в. Сельские мастера в тот период уже «специализировались как на выделке кож, мехов, так и занимались изготовлением из них различных изделий: обуви, одежды, конской упряжи»[47].

На предприятии М.И. Желтовой в 1890-е гг. изготавливались различные изделия из кожи (сбруи, шлеи, уздечки, подпруги, ремни, супони). На заводе в качестве двигателя использовался конный привод. На предприятии работало 16 рабочих – 14 мужчин и 2 подростка. В 1895 г. на предприятии Желтовых объем годового производства составил 7 420 руб.[48] Произведенный товар сбывался на Нижегородской ярмарке: в 1890-е гг.

[45] *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России… С. 753.
[46] Посчитано по изданию: Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 518–530.
[47] *Ледров С.М.* Сельские центры кожевенно-мехового ремесла в Нижегородском уезде в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 124–128.
[48] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 526–527.

Желтовым принадлежала лавка на Нижегородской улице[49]. Образцы крестьянской упряжи разных столетий, изготовленные на фабрике, выставлялись на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г.[50]

Наряду с тремя отраслями, где нижегородские женщины-предпринимательницы были наиболее активны, наблюдалось участие женщин в работе предприятий и в других отраслях промышленности.

В конце XIX в. женщины, например, были активны в передовых отраслях предпринимательской деятельности, связанной с применением новых технологий. Так, первый завод по производству электротехнических приборов, возглавляемый женщиной, был открыт в Нижнем Новгороде в 1892 г. Во главе предприятия стояли Вера Андреевна Самойлова и Петр Иванович Симонов. Завод выпускал динамо-машины, электрические звонки, изолированную медную проволоку. Годовая производительность в 1895 г. составила 22 тыс. руб. На предприятии работало 57 чел. (54 взрослых и три подростка)[51].

Заключение. Предпринимательницы Нижегородской губернии владели крупными, средними и мелкими предприятиями. Годовой оборот предприятий в 1895 г. достиг 756 421 руб.[52] На предприятиях женщин работало в общей сложности 722 работника. Предприятия располагались как в губернском городе Нижнем Новгороде (11 предприятий), так и в уездных городах (Арзамасе, Балахне). Значительное производство было также сосредоточено в промышленных селах – Городце, Ворсме, Катунках, Богородском, специализировавшихся на производстве металлоизделий и кожевенного товара.

На фабриках и заводах предпринимательниц применялись различные виды движителей: паровые машины (на 9 предприятиях), конная тяга (на 10 предприятиях), ветряной двигатель (кожевенный завод Е.С. Кожевниковой), водяное колесо (шерсточесальная фабрика Е.М. Никитиной), керосиновый двигатель (фабрика по изготовлению ножевых изделий А.Ф. Шмаковой). Это показывает достаточную механизацию заводов и фабрик.

Изучение сословной принадлежности владелиц предприятий показало, что в предпринимательстве, помимо представительниц землевладельческой аристократии и купечества, активно участвовали женщины из непривилегированных слоев населения. Удалось установить сословный статус 12 владелиц промышленных заведений. Среди них – одна дворянка, восемь купчих, одна мещанка и две крестьянки.

Согласно «Перечню» 1897 г., в 1895 г. из 38 владелиц промышленных предприятий самостоятельно управляла фабриками и заводами 21 женщина (55 %), еще 11 (29 %) вели дела совместно с родственниками и 6 чел. сдавали предприятия в аренду[53].

Что касается брачного статуса, то среди предпринимательниц были вдовы (Е.Д. Чарышникова), замужние женщины (О.П. Карпова), незамужние (М.И. Бендер). Анализ агрегированных просопографических данных нижегородских предпринимательниц позволяет составить среднестатистический портрет нижегородской предпринимательницы: чаще всего это вдовы 40–60 лет, имевшие взрослых детей мужского пола, либо незамужние женщины 30–40 лет. Ряд женщин наследовали предприятия после своих родителей или кровных родственников, а не после мужей.

Участие женщин из Нижегородской губернии в предпринимательской деятельности в 1890-х гг. позволяет говорить о растущей в конце XIX в. имущественной независимости женщин и их стремлении к самостоятельному руководству семейным бизнесом.

[49] Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 год… С. 393.
[50] Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отдел IX. Производства фабрично-ремесленные… С. 74.
[51] Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… С. 360–361.
[52] Там же.
[53] Посчитано по изданию: Фабрично-заводская промышленность России. Перечень… 1897. 1048 с.

Литература

Абдрахманов К.А. Женское предпринимательство на Южном Урале во второй половине XIX века на примере деятельности челябинской купчихи М.М. Шиховой // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. мат-лов. науч. конф. СПб., 2018. С. 480–486.

Абдрахманова Е.Н. Женское предпринимательство в дореволюционном Челябинске // Наследие выдающихся предпринимателей России. М., 2021. С. 472–482.

Барышников М.Н. Женщины в составе правлений акционерных компаний в России во второй половине XIX – начале XX века // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века: мат-лы Всерос. науч. конф. СПб., 2005. С. 17–38.

Бурлуцкая Е., Абдрахманов К., Куренкова Ю., Фот А., Клементьева Н. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). Оренбург: Оренб. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. 472 с.

Вахромеева О.Б. Женщины-предприниматели в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 1. С. 68–73.

Глушецкий А.А. Нижегородский литейный центр в российской колокольной традиции // Колокола: история и современность: мат-лы науч. конф. (22–23 августа 2014 г.). Ростов: Ростовский Кремль, 2015. С. 105–123.

Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Нижний Новгород: литография губ. правления, 1894. 252 с.

Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб.: Торг. дом А. Срок и К°: т-во «Справочник», 1909. 429 с.

Запевалова Е.А. Дворянки Нижегородской губернии в 1860-е – 1890-е годы: землевладение, брачный статус, предпринимательская деятельность в имениях // Россия XXI. 2022. № 6. С. 78–103.

Колябин В.В. Завод Колчина – Курбатова – Карповой // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 290–292.

Ледров С.М. Сельские центры кожевенно-мехового ремесла в Нижегородском уезде в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 124–128.

Лигенко Н.П. Сарапул как развитой центр частного предпринимательства Камско-Вятского региона. Вторая половина XIX – начало XX в. // Прикамское собрание: мат-лы III Всерос. открытого науч.-практ. форума «Ресурсы развития российских территорий» (г. Сарапул, 27–28 сентября 2019 г.). Ижевск; Сарапул: Сарапульское полиграфическое предприятие, 2019. С. 215–224.

Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1881. 753 с.

Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 827 с.

Селезнев Ф.А. Бабушкин // Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства. Нижний Новгород: Книги, 2011. С. 28.

Селезнев Ф.А. Городская Дума Нижнего Новгорода: история и современность. Нижний Новгород: Деком, 2009. 199 с.

Тихомирова М.Н. Участие женщин в промышленном производстве России в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века (на материалах Тверской губернии) // Женщины. История. Общество. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 34–46.

Ульянова Г.Н. Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 32–58.

Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014–2015. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 54–82.

Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С. 140–169.

Ульянова Г.Н. Московские купчихи-предпринимательницы в 1830-е – 1840-е годы по данным торгово-промышленной статистики и ревизских сказок // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.: сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб.: Лики России, 2017. С. 192–229.

Ульянова Г.Н. Купчихи-фабрикантки в городах северных губерний (Архангельской, Вологодской и Санкт-Петербургской) по данным промышленной статистики конца XVIII – первой половины XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: мат-лы IX Междунар. науч. конф. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 53–55.

Ульянова Г.Н. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 50–81.

Чудновец А.С. Деятельность женщин-предпринимательниц в С.-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. (на примере табачной фабрики Шапошниковых) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат-лы XII науч. конф. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2021. С. 79–82.

References

Abdrakhmanov, K.A. (2018). Zhenskoe predprinimatel’stvo na Yuzhnom Urale vo vtoroy polovine XIX veka na primere deyatel’nosti chelyabinskoy kupchikhi M.M. Shikhovoy [Women’s Entrepreneurship in the Southern Urals in the Second Half on the 19th Century on the Example on the Activities of the Chelyabinsk Merchant M.M. Shikhova]. In *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost’ (regional’nyy aspekt). Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 480–486.

Abdrahmanova, E.N. (2021). Zhenskoe predprinimatel’stvo v dorevolyutsionnom Chelyabinske [Women’s Entrepreneurship in Pre-Revolutionary Chelyabinsk]. In *Nasledie vydayushchihsya predprinimateley Rossii*. Moscow, pp. 472–482.

Baryshnikov, M.N. (2005). Zhenshchiny v sostave pravleniy aktsionernykh kompaniy v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI veka [Women on the Boards of Joint Stock Companies in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Istoriya predprinimatel’stva v Rossii: XIX – nachalo XXI veka. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 17–38.

Burlutskaya, E., Abdrahmanov, K., Kurenkova, Yu., Fot, A., Klement’eva, N. (2020). *Povsednevnaya zhizn’ provintsial’noy gorozhanki v poreformennoy Rossii. Na materialakh Orenburgskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The Daily Life of a Provincial City Dweller in Pre-Reform Russia. On the Materials of the Orenburg Province of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel’stvo imeni G.P. Donkovtseva. 472 p.

Vakhromeeva, O.B. (2008). Zhenshchiny-predprinimateli v Sankt-Peterburge na rubezhe XIX–XX vv. [Women Entrepreneurs in St. Petersburg at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Ser. 2. Iss. 1, pp. 68–73.

Glushetskiy, A.A. (2015). Nizhegorodskiy liteynyy tsentr v rossiyskoy kolokol’noy traditsii [Nizhny Novgorod Foundry Center in the Russian Bell Tradition]. In *Kolokola: istoriya i sovremennost’: Materialy nauchnoy konferentsii (22–23 avgusta 2014 goda).* Rostov, Rostovskiy Kreml’, pp. 105–123.

Dem'yanov, G.P. (1898). *Putevoditel' po Volge: ot Tveri do Astrakhani* [Guide to the Volga: From Tver to Astrakhan]. Nizhniy Novgorod, lit. gub. Pravleniya. 252 p.

Ezioranskiy, L.K. (1909). *Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiyskoy imperii* [Factory Enterprises of the Russian Empire]. St. Petersburg, Torg. d. A. Srok i K°, T-vo "Spravochnik". 429 p.

Zapevalova, E.A. (2022). Dvoryanki Nizhegorodskoy gubernii v 1860-e – 1890-e gody: zemlevladenie, brachnyy status, predprinimatel'skaya deyatel'nost' v imeniyakh [Noblewomen of the Nizhnii Novgorod Province in the 1860s – 1890s: Land Ownership, Marriage Status, Entrepreneurial Activity in Estates]. In *Rossiya XXI.* No. 6, pp. 78–103.

Kolyabin, V.V. (1997). Zavod Kolchina – Kurbatova – Karpovoy [Kolchin Plant – Kurbatov – Karpovoy]. In *Nizhegorodskiy kray: fakty, sobytiya, lyudi.* Nizhniy Novgorod, pp. 290–292.

Ledrov, S.M. (2014). Sel'skie tsentry kozhevenno-mekhovogo remesla v Nizhegorodskom uezde v XVII veke [Rural Centers of Leather and Ffur Craft in the Nizhny Novgorod District in the 17th Century]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, No. 12 (50): in 3 Part. Part II. pp. 124–128.

Ligenko, N.P. (2019). Sarapul kak razvitoy tsentr chastnogo predprinimatel'stva Kamsko-Vyatskogo regiona. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [Sarapul as a Developed Center of Private Entrepreneurship in the Kama-Vyatka Region. The Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century]. In *Prikamskoe sobranie: materialy III Vseros. Otkrytogo nauchn-prakt. foruma "Resursy razvitiya rossiyskikh territoriy (g. Sarapul, 27–28 sentyabrya. 2019 g.).* Izhevsk, Sarapul, Sarapul'skoe poligraficheskoe predpriyatie, pp. 215–224.

Orlov, P.A. (1881). *Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii s Tsarstvom Pol'skim i Velikim knyazhestvom Finlyandskim: materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* [Index of Factories and Factories of European Russia With the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland: Materials for Factory Statistics]. St. Petersburg, Tip. br. Panteleevykh. 753 p.

Orlov, P.A., Budagov, S.G. (1894). *Ukazatel' fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii. Materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* [Index of Factories and Factories of European Russia. Materials for Factory Statistics]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma. 827 p.

Seleznev, F.A. (2011). Babushkin [Babushkin]. In *Nizhegorodskaya entsiklopediya promyshlennosti i predprinimatel'stva*. Nizhniy Novgorod, Knigi. 827 p.

Seleznev, F.A. (2009). *Gorodskaya Duma Nizhnego Novgoroda: istoriya i sovremennost'* [City Duma of Nizhny Novgorod: History and Modernity]. Nizhniy Novgorod, Dekom. 199 p.

Tikhomirova, M.N. (1999). Uchastie zhenshchin v promyshlennom proizvodstve Rossii v kontse 60-kh – nachale 70-kh godov XIX veka (na materialakh Tverskoy gubernii) [Women's Participation in the Industrial Production of Russia in the Late 60s – Early 70s of the 19th Century (Based on Materials from the Tver Province)]. In *Zhenshchiny. Istoriya. Obshchestvo.* Iss. 1. Tver, pp. 34–46.

Ulianova, G.N. (2020). Dvoryanki – vladelitsy fabrik i zavodov v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Noble Female Entrepreneurs as Factory-Owners in the Russian Empire from the Late 18th – to the First Half of the 19th Century]. In *Rossiya XXI*. No. 3, pp. 50–81.

Ulianova, G.N. (2008). Zhenshchiny – vladelitsy promyshlennykh predpriyatiy Moskvy v XIX v. [Female Entrepreneurs in the Industrial Development of 19th Century Moscow]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik.* Moscow, ROSSPEN, pp. 32–58.

Ulianova, G.N. (2016). Zhenshchiny-predprinimateli Peterburga i Moskvy v 1860-e gody (po "Spravochnym knigam o litsakh, poluchivshikh kupecheskie svidetel'stva") [Moscow and St. Petersburg Female Entrepreneurs in the 1860s: The Results of the Analysis, Based on "Reference Books on Persons Taking out Guild Certificates']. In *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2014–2015*. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, pp. 54–82.

Ulianova, G.N. (2017). Moskovskie kupchikhi-predprinimatel'nitsy v 1830-e – 1840-e gody po dannym torgovo-promyshlennoy statistiki i revizskikh skazok [Moscow Female Merchant Entrepreneurs in the 1830s and 1840s: The Results of the Analysis, Based on Industry and Trade Statistics Inventories and Poll-Tax Registers (So-Called Revisions)]. In *Rossiya i mir v kontse XIX – pervoy polovine XX v.: sbornik k 85-letiyu Borisa Vasil'evicha Anan'icha.* St. Petersburg, Liki Rossii, pp. 192–229.

Ulianova, G.N. (2017). Zhenshchiny-predprinimateli Rossiyskoy imperii v 1890-e gody: ekonomicheskaya deyatel'nost', sotsiobiograficheskie i etnicheskie parametry [Female Entrepreneurs in the Russian Empire in the 1890s: The Economic activity, Socio-Biographical and Ethnic Parameters]. In *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2016–2017.* Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, pp. 140–169.

Ulianova, G.N. (2018). Kupchihi-fabrikantki v gorodakh severnykh guberniy (Arhangel'skoy, Vologodskoy i Sankt-Peterburgskoy) po dannym promyshlennoy statistiki kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. [Female Merchants as Factory Owners in the Cities of the Northern Provinces (Arkhangelsk, Vologda and St. Petersburg) According to Industrial Statistics of the Late 18th and the First Half of the 19th Century]. In *Materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Gorozhanki i gorozhane v politicheskih, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiyskoy urbanizatsii XIV–XXI vekov"*. Moscow, IEA RAN. Vol. 1, pp. 53–55.

Chudnovets, A.S. (2021). Deyatel'nost' zhenshchin-predprinimatel'nits v St. Peterburge vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (na primere tabachnoy fabriki Shaposhnikovykh) [The Activities of Women Entrepreneurs in St. Petersburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. (On the Example of the Shaposhnikov Tobacco Factory)]. In *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii. Materialy XII nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 79–82.

И.В. Маслова*

ЗАГОРОДНЫЕ ИМЕНИЯ КАК НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КУПЕЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ СТАХЕЕВЫХ)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-16
УДК 94(323.328)"1850/1915"

Выходные данные для цитирования:
Маслова И.В. Загородные имения как новая стратегия предпринимательской деятельности российского регионального купечества во второй половине XIX – начале XX века (на примере купеческой династии Стахеевых) // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 230–240. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-16.pdf

I.V. Maslova*

COUNTRY ESTATES AS A NEW BUSINESS STRATEGY FOR RUSSIAN REGIONAL MERCHANTS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE STAKHEEV MERCHANT DYNASTY)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-16

How to cite:
Maslova I.V. Country Estates as a New Business Strategy for Russian Regional Merchants in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (On the Example of the Stakheev Merchant Dynasty) // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 230–240. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-16.pdf]

Abstract. The article considers the problem of the formation of country estates of Russian entrepreneurs in the second half of the 19th and early 20th centuries. This process became a noticeable phenomenon not only in the central provinces, but also in the peripheral regions of Russia, e.g. in Volga-Kama area. Having chosen the study of the rural estates of the Yelabuga merchants Stakheevs as the subject of research, we analyzed the process of redistribution of noble land holdings in the Menzelinsky district of the Ufa province, where representatives of the dynasty acquired 17 land plots, including estates, summer cottages, farms, marinas, and forest lands. Having concentrated significant capital in their hands, Yelabuga businessmen invested it in land ownership, while implementing a new entrepreneurial strategy for themselves, which provided control over all stages of capital turnover during the operating cycle (from obtaining raw materials to supplying finished products to the buyer), which made it possible to reduce external business risks. On the lands purchased for raw material bases, the Stakheevs created farms, which made it possible to conduct an improved economy with the least expenditure of effort and money. The presence of its own marinas and shipping companies made it possible to organize effective logistics for the movement of goods, linking together the raw material bases belonging to the merchant dynasty, warehouses, industrial enterprises and retail outlets. Business stability was facilitated by the presence of permanent employees and the formation of a corporate culture. Each country estate of the Stakheevs was actually an independent system, where the personality and entrepreneurial interests of the owner significantly influenced the setting of the case. Considering that schools were organized in the estates, and temples were built, they became the administrative and cultural centers of the rural provinces.

* **Инга Владимировна Маслова,** доктор исторических наук, доцент, Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета, Елабуга, Россия, e-mail: imaslovainga@gmail.com
Inga Vladimirovna Maslova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Yelabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga, Russia, e-mail: imaslovainga@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках деятельности Центра исследований истории предпринимательства регионов России (Институт российской истории Российской академии наук, Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета).
The article was prepared as part of the activities of the Center for Research on the History of Entrepreneurship of the Regions of Russia (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Yelabuga Institute (Branch) of Kazan Federal University).

Keywords: merchants, entrepreneurship, rural estates, estates, Stakheevs, Ufa province, Russian Empire.

The article has been received by the editor on 01.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования загородных усадеб российских предпринимателей во второй половине XIX – начале XX в., которые стали заметным явлением не только в центре, но и в регионах России. Избрав предметом исследования изучение сельских усадеб елабужских купцов Стахеевых, мы проанализировали процесс перераспределения дворянских земельных владений в Мензелинском уезде Уфимской губернии, где представители династии приобрели 17 земельных угодий, включающих имения, дачи, хутора, пристани, лесные участки. Сконцентрировав в своих руках значительные капиталы, елабужские дельцы инвестировали их в земельную собственность, реализуя при этом новую для себя предпринимательскую стратегию, предусматривавшую контроль за всеми этапами оборота капитала в период операционного цикла (от получения сырья до поставки готовой продукции покупателю), что позволяло сократить внешние предпринимательские риски. На купленных под сырьевые базы землях Стахеевы создавали хутора, что дало возможность вести улучшенное хозяйство при наименьшей затрате сил и средств. Наличие собственных пристаней и пароходств позволяло организовывать эффективную логистику движения грузов, связывая между собой принадлежащие купеческой династии сырьевые базы, склады, промышленные предприятия и торговые точки. Стабильности бизнеса способствовал факт наличия постоянных наемных работников и формирование корпоративной культуры. Каждое загородное имение Стахеевых представляло собой фактически самостоятельную систему, где на постановку дела значительно влияла личность и предпринимательские интересы владельца. Учитывая, что в усадьбах устраивались школы, строились храмы, они становились административными и культурными центрами сельской провинции.

Ключевые слова: купечество, предпринимательство, сельские имения, усадьбы, Стахеевы, Уфимская губерния, Российская империя.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023 г.

С развитием торгово-промышленного предпринимательства в Российской империи во второй половине XIX в. экономические интересы купечества стали выходить за пределы городов. Состоятельные купцы начинают приобретать бывшие помещичьи имения, лесные дачи для устройства в них торгово-промышленных хозяйств. Формирующаяся сельскохозяйственная усадьба русской буржуазии – уникальное историко-культурное явление, определяемое особенностями переломной эпохи в истории Российской империи, оформлением предпринимательства и осознанием им своего места в обществе.

Примером формирования загородных сельскохозяйственных имений в регионе может служить деятельность елабужских купцов Стахеевых в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Являясь купцами 1-й гильдии уездного города Елабуга Вятской губернии, Стахеевы имели лавки и магазины, предприятия, склады в городах Вятской, Казанской Уфимской, Пермской губерний. К 1870-м гг., когда промышленное предпринимательство составляло половину семейных активов, Стахеевы переходят к предпринимательской стратегии полного цикла производства от выращивания сельскохозяйственного сырья до продажи готовой продукции своих предприятий в собственных торговых точках.

Четко продумывая логистику своего бизнеса, Стахеевы скупали земли в Мензелинском уезде, в основном по берегам рек и у природных источников, но при этом, учитывая необходимость в рабочих руках и сырье, выбирали деревни и села с населением, занятым сельскохозяйственными работами. Мензелинский уезд имел выгодное географическое положение на стыке Волго-Камского и Урало-Сибирского регионов, что открывало огромные перспективы для предпринимательской деятельности. К 1896 г. в руках семьи Стахеевых было 17 больших и малых землевладений в Мензелинском уезде, включавших имения, дачи, хутора, пристани, лесные угодья[1].

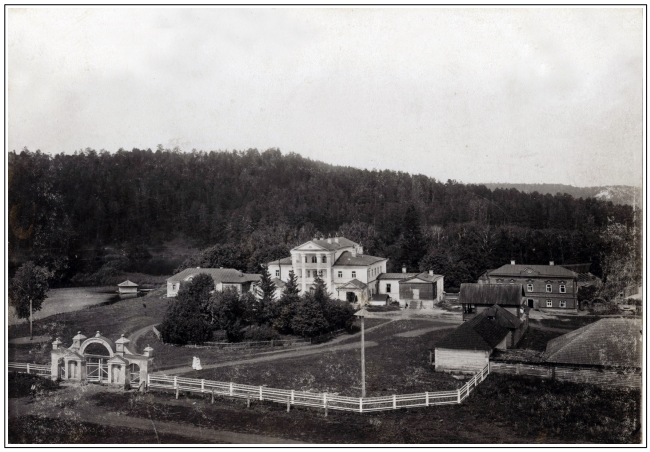

Рис. 1. Усадьба Стахеевых при селе Ново-Никольском. Начало XX в.

В историографии впервые фундаментальное исследование сельских усадеб предпринимателей конца XIX – начала XX в. (на примере Московской губернии) провела Е.Н. Савинова. В своей монографии Елена Николаевна предложила типологизацию загородных владений московской буржуазии с позиции «философии хозяйства». Взяв за основу индивидуальные проявления хозяйственной деятельности владельцев имений, ученая выделила следующие типы сельских усадеб: усадьба – дворянское гнездо; многоотраслевые сельскохозяйственные имения; лесные дачи; усадьба мецената; усадьба – научная лаборатория; усадьба – обитель милосердия; усадьба-дача; усадьба с фабрикой[2].

Исследование предпринимательской деятельности принцессы Е.М. Ольденбургской в имении Рамонь в Воронежской губернии, проведенное Г.Н. Ульяновой, позволяет изучить разнообразие предпринимательских стратегий в богатом усадебном хозяйстве (развитие сахарного и кондитерского производства, устройство плантаций свеклы, выращивание леса на продажу и др.)[3].

Но в целом историография загородных имений российских предпринимателей второй половины XIX – начала XX в. до сих пор невелика, особенно в региональном измерении этой проблемы.

Реконструировать повседневность купеческого загородного имения сложно, так как общая картина складывается из множества сведений и сюжетов, которые требуют интерпретации не только экономической, но и социально-психологической. Большинство купеческих усадеб, в том числе и принадлежавших Стахеевым, были разрушены, а владельческие архивы утрачены в годы Гражданской войны. Поэтому отправным для исследования источником являются данные, собранные земскими статистическими комитетами и опубликованные в различного рода статистических сборниках.

Реконструировать повседневную жизнь бытовой практики обитателей усадеб непросто еще и потому, что это был замкнутый мир. Единственная возможность восполнить этот пробел – обратиться к документам личного происхождения, изобразительным источникам. В нашем распоряжении оказались воспоминания представительницы российской купеческой династии Стахеевых – Татьяны Карсон (в девичестве Стахеевой), в которых целый раздел посвящен описанию купеческого загородного имения Святой Ключ. Рукопись, написанная в 70-е гг. XX в. на английском языке, хранилась в семейном архиве в Лондоне и лишь в начале XXI в. была передана в фонды Музея елабужского купечества. Потомок династии

[1] Полный список населенных мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, становых приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. Уфа, 1896. С. 213–293.

[2] *Савинова Е.Н.* Сельские усадьбы московских предпринимателей. Конец XIX – начало XX в. М., 2008. С. 81–102.

[3] *Ульянова Г.Н.* Принцесса на песке. Сахарном // Родина. 2020. № 11. С. 106–109.

Стахеевых Евгения Третьякова перевела рукопись на русский язык и подготовила ее к изданию малым тиражом[4]. В качестве изобразительных источников использован фотоальбом «Усадьба в Ново-Никольском», хранящийся в частной коллекции, владелец которой не дает согласие на упоминание его фамилии. В альбоме собрана коллекция документальных и жанровых фотографий, иллюстрирующих сюжеты из повседневной жизни обитателей двух усадеб Стахеевых: Ново-Никольской и Святой Ключ.

Анализ землевладений Стахеевых в Мензелинском уезде показал, что среди них преобладали имения, носившие характер многоотраслевых сельскохозяйственных имений, и усадьбы-дачи. Отметим, что при типологизации загородных усадеб купцов мы исходили в первую очередь не из анализа планировочного решения архитектурного ансамбля, а принимали во внимание социокультурные характеристики. В последнее десятилетие XIX в. четко прослеживается эволюция купеческой усадьбы от патриархальной, основанной на крестьянских устоях, к буржуазной с характерными для нее техническими и технологическими новшествами.

Торговому дому «Григория Стахеева сыновья» принадлежала пристань Дербёшка на реке Кама и одноименный затон на озере Азебей (по другим источникам Азибей). Эти владения имели выгодное географическое положение – место впадения реки Белой в Каму, что давало возможность отправлять грузы по воде в сторону Уфы и далее в Предуралье. На пристани Дербёшка производилась перегрузка грузов (зерно, лес) с камских судов на большие барки длиной до 50 м и шириной в 10 м. Одна барка могла принять груз в 20 тыс. пудов. Крупный исследователь хлебной торговли XIX в. М.И. Роднов относит пристань Дербёшки к прикамскому хлебному рынку.

Объем перевозок грузов через пристань был довольной большой. Например, в конце апреля 1903 г. пароход «В. Стахеев» отбуксировал от пристани Дербёшки в Рыбинск 277 344 пуда хлеба[5]. Стахеевский затон «Дербёшка» представлял собой небольшое на 25 дворов владение, в котором проживали 506 мужчин и 82 женщины[6]. Численный и гендерный состав населения позволяет предположить, что затон был своего рода рабочим поселком, в котором жили люди, выполнявшие работы по подготовке грузов, обслуживанию пристани и судов, жизнеобеспечению работников. Поскольку затон – это место, где зимуют суда и пароходы с баржами, то его деятельность преимущественно обеспечивали мужчины. При Стахеевском затоне действовала одна конная крупянка (крупяная мельница) с сушилкой, кузнечно-слесарная мастерская и две торговые лавки. После революционных событий 1917 г. Стахеевский затон был преобразован в рабочий поселок Дербёшки, в котором располагались судоремонтные мастерские, считавшиеся старейшим промышленным предприятием Актанышского района.

Земельные владения, представлявшие собой хозяйственный комплекс, состоящий из пристани, мукомольных и обдирочных предприятий, сушилок и амбаров, получили распространение среди предпринимателей, занимавшихся зерновой торговлей. Так, на реке Сюнь, расположенной в 3–3,5 км от реки Белой, находилось сразу два подобных купеческих владения: пристань Чуганяк братьев Дедюхиных и Стахеевская пристань Чуганяк.

Береговая полоса у пристаней использовалась не только для загрузки и разгрузки товаров, но и для их складирования на определенное время. Поэтому во владении Дедюхиных, помимо непосредственно пристани, была сушилка и шесть амбаров для хранения зерновых. Рядом с пристанью Стахеевых также была сушилка и пять амбаров для хранения зерна. Для проживания рабочих, обеспечивающих деятельность каждой пристани, предприниматели построили по три больших дома, в которых проживало от 30 до 45 человек[7]. Обе пристани были расположены недалеко от деревни Чуганак, в которой проживало около 400 жителей. Но предприниматели, дабы избежать рисков простоя грузов ввиду занятости

[4] *Карсон Т.* Воспоминания о русской семье. Краснодар, 2009.
[5] *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 145.
[6] Полный список населенных мест Уфимской губернии… С. 213.
[7] Там же. С. 215.

местного населения сельскохозяйственными работами, предпочитали иметь собственных рабочих, обеспечивающих бесперебойную работу на пристани.

Еще одно землевладение Стахеевых располагалось у деревни Смыловка (Каськи) Старо-Кашировской волости Мензелинского уезда. Хозяйственное устройство этого имения отличалось тем, что оно было как бы рассредоточено на большой земельной территории. В состав этого владения Стахеевых входили пять лесных караулок[8], мельница, четыре хутора и винокуренный завод. Во владении этими землями прослеживается внутрисемейная история купеческой династии Стахеевых. Скупку земель в Мензелинском уезде Стахеевы начали в конце 1870-х гг. и проводили сделки от имени торгового дома «Григория Стахеева сыновья», учредителями которого были два брата Иван и Василий Григорьевичи.

Но после внезапной смерти Василия Григорьевича Стахеева в 1896 г. его наследники решили вести самостоятельный бизнес. С этого времени самостоятельную предпринимательскую деятельность вели сыновья Василия Григорьевича Стахеева и Иван Григорьевич Стахеев с детьми. В Смыловке еще в период деятельности торгового дома «Григория Стахеева сыновья» был построен винокуренный завод, который впоследствии упразднили. Но в дальнейшем уже Иван Григорьевич Стахеев от имени торгового дома «И.Г. Стахеев и наследники» возобновляет деятельность винокуренного завода, который в списке винокуренных предприятий предпринимателя получил порядковый номер 27. В 1912 г. на заводе работало 16 рабочих, а годовой оборот составлял 37 450 руб. Отметим, что, по масштабам Стахеевых, это был совсем небольшой завод. Например, в Елабуге наследникам И.Г. Стахеева принадлежал пиво-медоваренный завод с годовым оборотом 149 262 руб., а производство обслуживали 66 рабочих[9].

Скорее всего, Стахеевы решили возобновить деятельность винокуренного завода по двум причинам: во-первых, были в наличии производственные помещения; во-вторых, имелось сырье. Дело в том, что наследники И.Г. Стахеева в 1896 г. построили в Смыловке механическую мельницу-крупянку по производству ржаной муки и крупы. В сезон 1901–1902 гг. мельница работала с 20 сентября по 1 апреля, а крупянка – с 24 сентября до 28 февраля. В этот сезон предприятие работало 24 часа в сутки в четыре смены по 6 часов каждая. Работу мельницы обслуживали 196 рабочих, крупянки – 84.

Заводская администрация предприятия состояла из управляющего с окладом 600 руб. в год, конторщика (300 руб. в год), приказчика (200 руб. в год) и кассира (180 руб. в год). Сырье к мельнице доставляли гужевым транспортом. Из Заинска, расположенного в 38 км, стоимость доставки составляла по 4 коп. с пуда. Из Кузайкино, расположенного в 75 км, стоимость доставки возрастала до 7 коп. с пуда. Предприятие производило гречневую и манную крупу, ржаную муку. Готовая продукция сбывалась в Рыбинске[10]. Применение на предприятии новейшей техники позволило довести объемы производства до 150 000 пудов в год[11]. К 1912 г. годовой оборот предприятия составлял 693 235 руб.[12]

Этот сюжет подчеркивает специфику организации предпринимательской деятельности Стахеевых: имея земли, сырье, рабочие руки, купцы старались организовать производственный процесс и логистику так, чтобы получать наибольшую прибыль.

Еще одним направлением в предпринимательской стратегии Стахеевых следует считать организацию хуторских хозяйств. В 1896 г. в Мензелинском уезде, согласно «Полному списку населенных мест Уфимской губернии», Стахеевым принадлежало девять хуторов. Исследователь российского землепользования начала XX в. И.В. Шафров, изучая историю появления хуторов, отмечает, что хуторское хозяйство пришло в Россию с Запада в 20-х гг. XIX в. К основным плюсам хуторского хозяйства исследователь относит отсутствие череспо-

[8] Лесными караулками называли небольшие домики, в которых жили лесники-сторожа, в обязанности которых входила охрана частного лесного угодья (прим. авт.).
[9] Список фабрик и заводов Российской Империи. СПб., 1912. С. 153, 253.
[10] Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2112. Л. 1–1 об.
[11] Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. Предприятия по обработке питательных продуктов. № 2369.
[12] Список фабрик и заводов Российской Империи… С. 153, 253.

лосицы, что позволяет домохозяевам, собравшим «свои угодья в один окружающий его усадьбу участок … вести на нем улучшенное хозяйство при наименьшей затрате сил и средств»[13].

Подобная практика как нельзя лучше соответствовала предпринимательским принципам Стахеевых – реализации индивидуальных хозяйственных стратегий за счет собственных капиталов, сырья и других материальных ресурсов. Все хутора Стахеевых состояли из земельных участков, обеспеченных водой (река, природный источник, пруд) и удобными местами для поселения. Названные хутора можно условно разделить на две группы в зависимости от сферы занятий их обитателей: 1) хутора, население которых занималось исключительно земледельческими работами; 2) хутора, где крестьяне, помимо земледелия, были заняты на подработках на находившихся поблизости предприятиях.

Например, на большом хуторе Каськи проживало 118 крестьян, которые занимались земледелием. А на Стахеевском Петровском хуторе в Афанасовской волости располагался хлебный амбар, водяная мукомольная мельница и кузница. На хуторе проживали 41 мужчина и 26 женщин, которые с сентября по апрель обеспечивали работу названных производств, а в весенне-летний период активно занимались земледелием[14]. Хутор позволял организовать процесс хозяйствования таким образом, что его хозяин самостоятельно решал, какие земли разработать под пашню, а какие оставить под пастбища.

Это явление проанализировал И.В. Шафров: «От увеличения количества пашни увеличивался запас зимнего корма, а от этого, в связи с увеличением кормления скота, увеличивается количество навоза. Близость же пашни от двора дает возможность равномерно распределять навоз на все места и содействует улучшению ухода за землей вообще, а отсюда, как прямое последствие, является сильное повышение урожайности»[15]. Кроме того, хутора реже страдали от пожаров. Выращенный на хуторах урожай зерновых по логистическим транспортным цепочкам поступал на перерабатывающие предприятия Стахеевых либо на принадлежавшие им пристани для переправки на хлебный рынок.

В составе землевладений Стахеевых были обширные лесные массивы, поэтому рачительные хозяева уделяли особое внимание охране леса. В Мензелинском уезде Стахеевым принадлежало десять лесных караулок и сторожек. Основная функция сторожей – защита частного леса от вырубки, а лугов от потрав, и предотвращение лесных пожаров.

Делать выводы о том, как развивались купеческие имения, при принятых в Российской империи методах статистики сложно. Земельные владения предпринимателей представляли собой расположенные поблизости от завода или мельницы имения многих членов семьи – родителей, братьев, сестер, племянников. Иногда статистики учитывали их как одно имение, но чаще при записи дробили их по собственникам, при этом указав только фамилию, без уточнения имени и отчества конкретного владельца.

Согласно «Полному списку населенных мест Уфимской губернии», в 1896 г. Стахеевым принадлежало три усадьбы у села Ново-Никольское Старо-Каширской волости. Устные воспоминания и сохранившийся в частной коллекции фотоальбом усадьбы в Ново-Никольском свидетельствуют, что имение представляло собой единое земельное владение. Можно предположить, что Стахеевы покупали эти земли в разное время и на имя разных владельцев. Например, собственником двух участков были физические лица И.Г. и В.Г. Стахеевы, а один из участков имения принадлежал юридическому лицу – торговому дому «Григория Стахеева сыновья». В 1896 г. в имении было 30 дворов и постоянно проживало 311 человек.

После раздела бизнеса в 1896 г. имение отошло наследникам Василия Григорьевича. К началу XX в. имение в Ново-Никольском представляло собой крупное агропромышленное угодье, включающее пахотные земли, четыре мукомольные мельницы, винокуренный завод, несколько скотных дворов, комплекс складских и хозяйственных помещений, земскую

[13] *Шафров И.В.* Община и хутор. 1908. М., 1908. С. 21.
[14] Полный список населенных мест Уфимской губернии… С. 239, 281.
[15] *Шафров И.В.* Община и хутор. 1908. М., 1908. С. 22–23.

школу. В центре имения располагался большой трехэтажный дом с четырехколонным портиком, галереями и двумя большими балконами. Перед домом была разбита небольшая парковая зона.

В стороне, отделенной от имения небольшой полосой леса, располагался Ново-Никольский винокуренный завод № 19 торгового дома «В.Г. Стахеева наследники». Рядом с трехэтажным корпусом завода размещались склады для хранения сырья и готовой продукции и другие промышленные постройки. В начале XX в. завод обслуживали 33 рабочих, а годовой оборот составлял 84 813 руб.[16]

По всему земельному владению были разбросаны многочисленные двухэтажные амбары для хранения зерна – в виде строений с галереей (балконом), с наружным взвозом на второй этаж, куда могла подниматься подвода с зерном. В имении было несколько скотных дворов, поэтому строились также амбары-конюшни, на первых этажах которых были помещения для хранения повозок и разной упряжи и одновременно здесь размещали лошадей, а на втором этаже располагались сеновал и закрома для хранения кормов.

Крестьянские одноэтажные избы строились хаотично, находясь поодаль от главного дома владельцев. Обязательным элементом усадьбы были бани, располагавшиеся, в целях пожарной безопасности, в стороне от основных построек, ближе к реке Ирна.

Усадьбу Стахеевых недалеко от села Языкова (современный Сармановский район Республики Татарстан) в 1890-е гг. описал П.П. Семёнов-Тян-Шаньский в «Полном географическом описании нашего отечества»: «Имение торгового дома “Григория Стахеева сыновья” (4 155 ½ десятин земли). В имении заведено полеводство, организовано лесное хозяйство и скотоводство (конный завод выездных лошадей, крупный рогатый скот, овцы, свиньи), а также технические производства – винокуренный завод, кирпичный завод и три водяные мельницы»[17].

Речь идет о Петровском хуторе, где располагался одноименный винокуренный и спиртоочистительный завод с годовым оборотом более 99 000 руб.[18] Согласно официальной статистике, в Языковской волости Стахеевым принадлежала еще и усадьба на реке Игине, при которой по понедельникам проходили базары. На базарной площади располагались бакалейная лавка, три торговых лавочных помещения, три ряда винных лавок владельцев поместья[19].

Самое богатое и благоустроенное имение Стахеевых – Святой Ключ на реке Каме. В разные временные промежутки в состав имения были включены землевладения десяти представителей династии Стахеевых. Это имение было куплено в 1882 г. на имя торгового дома «Григория Стахеева сыновья». Удобное месторасположение на берегу судоходной Камы, где берег порос живописным густым лесом, способствовало тому, что в этом владении Стахеевы стали строить загородные дачи.

Еще одной причиной пристального внимания богатых дельцов к этому землевладению был расположенный на камском берегу источник родниковой воды, который издревле почитался как целебный. А.Н. Радищев в своих путевых записках описывал это место так: «Отъехав несколько верст, выезжали смотреть святой ключ, находящийся в лесу в середине горы. Ключ течет из вышины изобильной водою. Часть оного проведена вроде бассейна или ямы, окладенной известным камнем, подле оного часовня, кружка для сбора, а из ямины сделан проток гребнем, в три пальца шириною и в два вершка глубины, по которому вода стекает в Каму. Вода весьма чистая и вкусная. По ключу растет крес (многолетнее растение, произрастающее по берегам. – *Прим. авт.*), который уже цвел; тут были и другие ключевые травы»[20].

---

[16] Список фабрик и заводов Российской Империи… С. 253.
[17] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5. С. 534.
[18] Список фабрик и заводов Российской Империи… С. 253.
[19] Полный список населенных мест Уфимской губернии… С. 281.
[20] *Радищев А.Н.* Дневник путешествия из Сибири // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 2 т. СПб., 1909. Т. 2. С. 382.

Об этом природном источнике писали и в путеводителях XIX в. Например, в популярном путеводителе Д.К. Зеленина сообщалось: «В 12 верстах от Елабуги на левом берегу р. Камы, в имении г.г. Стахеевых – Святой Ключ служащий местом поклонения как для православных, так и для магометан»[21].

Описания дач Стахеевых не раз попадали на страницы путевых очерков. Публицист и писатель А.А. Городков (литературный псевдоним А. Макк) в 1913 г. опубликовал травелог «По Каме», в котором описал свои яркие впечатления от имения Стахеевых: «Красивый уголок этот носит название “Святого ключа”… имение принадлежит Стахеевым. Собственно, мне следовало бы, еще говоря о Челнах или Елабуге, упомянуть эту фамилию местных крезов. Но я умышленно отложил это до Святого Ключа, чтобы не повторять через строчку имя этих королей среднего Прикамья… У них денег множество… они чем только не занимаются: хлебное дело у них, винокурение, мануфактура, бакалея, своих баржей до сотни, пароходов свыше десятка. В имении у них электричество, и лодки моторные и автомобили»[22].

Имение представляло собой настоящий дачный городок, состоящий из дач, принадлежавших различным представителям династии Стахеевых. Можно было провести условную черту в имении: с одной стороны, селились представители династической ветви «Григорьевичей», с другой – «Васильевичей».

Специфика изучения дачного отдыха купечества заключается в том, что он не находил отражения в официальных документах, поэтому чаще всего источниковой базой служат изобразительные источники (фотографии, рисунки), эго-документы и дошедшая до наших дней садово-парковая среда. Сохранившиеся фотографии и воспоминания позволяют реконструировать внешний вид и внутреннее устройство дачи Петра Васильевича Стахеева.

Господский дом представлял собой деревянную двухэтажную виллу с центральной башней в три этажа. Этот причудливый коттедж был выстроен в популярном в то время стиле дачной архитектуры столичных пригородов с включением стилизованных готических элементов, разнообразной формы балконов и веранд, эркеров. Дочь Петра Васильевича, Татьяна Карсон, в своих воспоминаниях писала: «Мой отец построил наш дом в начале века, вскоре после своей свадьбы. Дом был обшит натуральным деревом, спальни были светло-кремового клена, гостиные из грецкого ореха и дуба. Впереди и сзади дома располагались огромные террасы, занавешенные кремовыми льняными шторами с красной бахромой. Дом был обвит диким виноградом, который созревал осенью»[23]. Кухни располагались в стороне от главного дома и соединялись с ним крытым переходом. Пищу готовили два повара: главный занимался приготовлением блюд для хозяев, второй повар пек хлеб и «кашеварил» для прислуги. В имении готовили квас и варили пиво. Отдельная работница приезжала к сезону сбора ягод, фруктов и варила варенье.

Вокруг главного дома был разбит огромный сад со множеством цветов, садовых деревьев и кустарников. Садоводство было любимым занятием хозяйки поместья Веры Ивановны Стахеевой, которой помогал получивший профессиональное образование садовник, имевший помощника. Для выполнения вспомогательных работ в саду нанимали десять деревенских девочек, которые пололи клумбы, подметали садовые дорожки, занимались поливом. Вера Ивановна относилась к садоводству серьезно: в теплице выращивала рассаду цветов и плодовых деревьев. Семена и черенки она привозила из европейских поездок и заказывала по каталогам. В.И. Стахеева любила розы, о чем упоминает мемуаристка: «В садах их было тысячи. Некоторые из них, такие как леди Мэри Фитцвильям – огромная розовая чайная роза, привезли из Англии… Из-за зимних холодов и заморозков осенью многие розы выкапывали и хранили в теплицах, а весной снова сажали. Черную вишню, персики и абрикосы выращивали в высоких стеклянных теплицах»[24].

[21] *Зеленин Д.К.* Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 49.
[22] *Макк А.* По Каме. Путевые впечатления // Светоч и Дневник писателя. 1913. Декабрь. С. 24–25.
[23] *Карсон Т.* Воспоминания о русской семье. Краснодар, 2009. С. 40.
[24] Там же. С. 29.

Позади сада располагалась сосновая аллея, некогда посаженная стараниями Василия Григорьевича Стахеева. Учитывая, что в семье Петра Васильевича было семеро детей, на даче была устроена детская площадка с качелями для детей и взрослых, песочницей, площадкой для крокета и теннисным кортом.

На берегу Камы была устроена купальня – маленький деревянный домик, к которому вел небольшой мостик. Внутри находились два бассейна: один мелкий – для малышей, другой побольше – для плаванья. Вода в бассейны подавалась по деревянным желобам прямо из Камы.

Петр Васильевич построил дачу рядом с дачей своей матери Г.Ф. Стахеевой. Дачный дом Глафиры Федоровны был двухэтажным, деревянным, с мезонином и резными террасами. Отделанная под мрамор парадная лестница, дополненная вазонами с живыми цветами, создавала ощущение солидности и добротности. В доме имелось электричество, проведен телефон и устроен водопровод. Перед крыльцом были разбиты цветники, затем начинался пейзажный парк. Фруктовая оранжерея, теплица, каретный сарай, дом для прислуги, конюшня, погреб, ледник, баня – эти неотъемлемые составляющие каждой из дач Святого Ключа делали летний отдых купеческой семьи комфортным и запоминающимся.

Каждый из представителей династии Стахеевых устраивал свое имение в соответствии со своими интересами и увлечениями. Например, на даче Николая Дмитриевича была большая псарня, в которой он содержал до 40 борзых для охоты. А Петр Васильевич, отец большого семейства, привез на дачу осликов и трех пони для катания младших детей.

Несмотря на то, что на Святом Ключе были и летние, и зимние дачные дома, в холодный сезон дачи в основном пустовали и поручались присмотру управляющего или сторожа. Купеческая усадьба «зимовала» с одетой в чехлы мебелью. Чтобы поддерживать порядок в оранжереях, парках, хозяйственных постройках, в усадьбе на зимний период оставляли необходимое количество прислуги.

Невзирая на то, что Святой Ключ представлял собой дачный поселок династии Стахеевых, это имение имело и торгово-промышленное назначение. Ежегодно 9 мая и 7 июня при даче Ивана Григорьевича Стахеева проходили торжки. Торжки относились к периодическим формам торговли и, в отличие от ярмарок, проходили в течение одного дня, на них съезжались торговцы из ближайшей округи. Кроме того, при даче работала паровая мукомольная мельница и крупянка с годовым оборотом 208 500 руб., которую обслуживали 36 рабочих[25]. В имении Святой Ключ на реке Каме располагалась одноименная пристань, которая была звеном хлебной речной торговли династии Стахеевых. В 1902 и 1903 гг. с пристани было отгружено 480 и 1 609 пудов хлеба соответственно[26].

Среди собственного речного флота был у елабужских предпринимателей и буксирный колесный одномачтовый пароход «Святой Ключ». В 1885 г. пароход сормовской постройки приобретен торговым домом «Григория Стахеева сыновья», но в 1900 г. им владел уже И.Г. Стахеев. В начале XX в. пароход ходил по маршрутам Рыбинск – Пермь – Уфа – Вятка, а в ходе Гражданской войны (1918–1920 гг.) был реквизирован, а потом перешел из рук «белых» в руки «красных». В советскую эпоху пароход и имение «Святой Ключ» получили новое название «Красный Ключ»[27].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в последние десятилетия XIX в. сельские усадьбы предпринимателей стали заметным явлением не только в центральных губерниях, но и в регионах России. Избрав предметом исследования изучение сельских усадеб елабужских купцов Стахеевых, мы проанализировали процесс перераспределения дворянских земельных владений в Мензелинском уезде Уфимской губернии.

В условиях капиталистической модернизации и развития рынка Стахеевы выкупили в Мензелинском уезде 17 земельных угодий и использовали их в первую очередь для расши-

[25] Список фабрик и заводов Российской Империи… С. 119.
[26] *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка… С. 145.
[27] *Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Коробейников А.В.* Камские пароходные магнаты (1846–1918 гг.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2020. № 1 (39). С. 253.

рения семейного бизнеса. Сконцентрировав в своих руках значительные капиталы, елабужские дельцы инвестировали их в земельную собственность, реализуя при этом новую для себя предпринимательскую стратегию. Стратегия эта предполагала контроль за всеми этапами оборота капитала в период операционного цикла (от получения сырья до поставки готовой продукции покупателю), что позволяло сократить внешние предпринимательские риски.

Рис. 2. Дача Петра Васильевича Стахеева в имении Святой Ключ. Начало XX в.

Помимо закупки зерна, Стахеевы, став владельцами сельскохозяйственных имений, производили зерно самостоятельно, обеспечивая сырьем собственные винокуренные, мукомольные, крупяные предприятия. На купленных под сырьевые базы землях Стахеевы создавали хутора, в которых применялся принцип рационального хозяйствования. Наличие собственных пароходств и пристаней позволяло четко и быстро организовывать логистику движения грузов, связывая между собой принадлежавшие купеческой династии сырьевые базы, склады, промышленные предприятия и торговые точки. Стабильности бизнеса способствовал факт наличия постоянных наемных работников и формирование корпоративной культуры.

Среди загородных владений выделялось имение Святой Ключ, состоящее из 10 дач Стахеевых, устройство которых по уровню комфорта и благоустройства приближалось к городской инфраструктуре.

Каждое загородное имение Стахеевых представляло собой фактически самостоятельную систему, где на постановку дела значительно влияла личность и предпринимательские интересы владельца. Учитывая, что в усадьбах устраивались школы, строились храмы, они становились административными и культурными центрами сельской провинции.

Однако, приобретя загородные имения, а значит сделав шаг в сторону повышения своего не только экономического, но и социального статуса, Стахеевы не утратили прежней социальной природы купцов-предпринимателей, которая ярко проявлялась как в семейном укладе, так и в хозяйстве и быте сельского имения. Следуя сложившимся традициям ведения бизнеса, они реально оценивали сложившуюся экономическую ситуацию и ориентировали свои «деревенские» владения на рынок.

Литература

Зеленин Д.К. Кама и Вятка: путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев: Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.

Карсон Т. Воспоминания о русской семье / пер. Е.В. Третьяковой. Краснодар, 2009. 85 с.

Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Коробейников А.В. Камские пароходные магнаты (1846–1918 гг.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2020. № 1 (39). 320 с.

Макк А. По Каме. Путевые впечатления // Светоч и Дневник писателя. 1913. Декабрь. С. 24–25.

Радищев А.Н. Дневник путешествия из Сибири // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Изд. М.И. Акинфеева, 1909. Т. 2. С. 366–393.

Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 225 с.

Савинова Е.Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей. Конец XIX – начало XX в. М.: Изд-во гл. архив. управ. г. Москвы, 2008. 408 с.

Ульянова Г.Н. Принцесса на песке. Сахарном // Родина. 2020. № 11. С. 106–109.

Шафров И.В. Община и хутор. 1908. М.: Типо-лит. Рус. тов-ва печ. и изд. дела, 1908. 39 с.

References

Zelenin, D.K. (1904). *Kama i Vyatka: putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikamskogo kraya* [Kama and Vyatka: Guidebook and Ethnographic Description of the Kama Region]. Yuriev, Tipografiya Ed. Bergmana. 180 p.

Karson, T. (2009). *Vospominaniya o russkoy sem'e* [Memories of a Russian Family]. Krasnodar. 85 p.

Lapshin, R.V., Mityukov, N.V., Korobeiynikov, A.V. (2020). Kamskie parokhodnye magnaty (1846–1918 gg.) [Kama Shipping Mmagnates (1846–1918)]. In *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii.* No. 1 (39). 320 p.

Makk, A. (1913). Po Kame. Putevye vpechatleniya [By Kame. Travel Impressions]. In *Svetoch i Dnevnik pisatelya.* Dekabr', pp. 24–25.

Radishchev, A.N. (1909). Dnevnik puteshestviya iz Sibiri [Travel Diary from Siberia]. In *Radishchev A.N.. Polnoe sobranie sochineniy*. T. 2. St. Petersburg, Izdatelstvo. M.I. Akinfeeva, pp. 366–393.

Rodnov, M.I. (2012). *Prostranstvo khlebnogo rynka (Ufimskaya guberniya v kontse XIX – nachale XX vv.)* [The Space of the Grain Market (Ufa Province in the Late 19th – Early 20th Centuries)]. Ufa. 225 p.

Savinova, E.N. (2008). *Sel'skie usad'by moskovskikh predprinimateley. Konets XIX – nachalo XX v.* [Rural Estates of Moscow Entrepreneurs. Late 19th – Early 20th Century]. Moscow, Izdatelstvo glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy. 408 p.

Ul'yanova, G.N. (2020). Printsessa na peske. Sakharnom [Princess on the Sand. Sugar]. In *Rodina*. No. 11, pp. 106–109.

Shafrov, I.V. (1908). Obshchina i hutor. 1908 [Community and Farm. 1908]. Moscow, Tipolit. Rus. tov-va pech. i izd. dela. 39 p.

С.В. Аброськин*

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕКЛАМА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1896–1913 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-17
УДК 336.789.345(571.1)"1896/1913"

Выходные данные для цитирования:
Аброськин С.В. Коммерческая реклама на страницах периодических изданий Томской губернии (1896–1913 годы) // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 241–250. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-17.pdf

S.V. Abroskin*

COMMERCIAL ADVERTISING ON THE PAGES OF PERIODICALS OF TOMSK PROVINCE (1896–1913)

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-17

How to cite:
Abroskin S.V. Commercial Advertising on the Pages of Periodicals of Tomsk Province (1896–1913) // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 241–250. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-17.pdf]

Abstract. The article reveals the information content of commercial announcements as a means of promoting goods and services in the local market, published in the periodicals of the Tomsk province (1896–1913). Advertising was especially strong with product sales and informed readers about the range of products, current prices, new arrivals, sales and discounts. According to publications, non-food products were widely represented on the local market, among which the leading positions were occupied by the cultural and household products, residential and industrial premises, household and baggage and saddlery goods, clothing (clothing and knitwear), hats, shoes, hosiery and leather goods. Then, by a large margin, food products followed among which the most advertised were mineral waters, non-alcoholic and alcoholic drinks, tobacco, confectionery, groceries flavoring products, and meat products. The class of medical goods included advertising of medical devices and supplies and medicines. Advertising for agricultural products represented trade in horses, piglets, grain, seeds and hops. The most advertised services included the following points: subscription to newspapers and magazines, rental of housing and industrial premises, hired work, medical and educational services, and insurance. Announcements on the pages of periodicals indicate that Siberian and metropolitan entrepreneurs offered a diverse range of goods and services to the population of the Tomsk province. The advertisement presented not only the general idea on the economic and socio-cultural specifics of the region, but also the system-wide changes which were characteristic on the all-Russian level.

Keywords: commercial advertising, periodicals, Tomsk province, trade, entrepreneurs, goods, services.

The article has been received by the editor on 29.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье выявляется информационное содержание коммерческих объявлений, опубликованных в периодических изданиях Томской губернии (1896–1913 гг.), как средства продвижения товаров и услуг на местном рынке. Реклама была непосредственно связана с реализацией продукции и информировала читателей об ассортименте товаров, текущих ценах, новых поступлениях, распродажах и

* **Сергей Васильевич Аброськин,** аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, e-mail: abroskin1997@bk.ru
Sergey Vasil'evich Abros'kin, Post-Graduate Student, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: abroskin1997@bk.ru

скидках. Согласно публикациям, на местном рынке были широко представлены непродовольственные товары, в ряду которых лидирующие позиции занимала продажа культурно-бытовой продукции, жилых и производственных помещений, хозяйственных и обозно-шорных товаров, одежды (швейной и трикотажной), головных уборов, обуви, чулочно-носочных и кожевенных изделий. Затем с большим отрывом следовали продовольственные товары, в числе которых самыми рекламируемыми являлись минеральные воды, безалкогольные и алкогольные напитки, табачные, кондитерские изделия, бакалейные вкусовые товары, мясные продукты. Класс медицинских товаров включал в себя рекламирование приборов и средств медицинского назначения и лекарств. Реклама сельскохозяйственных товаров была представлена торговлей лошадьми, поросятами, зерном, семенами и хмелем. К числу самых рекламируемых услуг относились: подписка на газеты и журналы, аренда жилья и производственных помещений, наемная работа, медицинские и образовательные услуги, страхование. Рекламные объявления на страницах периодических изданий свидетельствуют о том, что сибирские и столичные предприниматели предлагали населению Томской губернии разнообразный ассортимент товаров и услуг. В рекламируемой продукции отображалась не только экономическая и социокультурная специфика региона, но и общесистемные изменения, характерные для общероссийского уровня.

Ключевые слова: коммерческая реклама, периодические издания, Томская губерния, торговля, предприниматели, товары, услуги.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023 г.

Реклама является одним из важных источников по истории социально-экономических процессов, протекавших в российском обществе в конце XIX – начале XX в. Анализ рекламных объявлений в периодических изданиях Томской губернии позволяет расширить наши представления о производственной деятельности и торговле в регионе, охарактеризовать практические интересы населения, раскрыть мир коммерции и отношение к нему общественного мнения, а также выявить системные изменения, происходившие в сибирском обществе конца XIX – начала XX в.[1] Реклама являлась важной частью информационного пространства и становилась каналом прямого общения предпринимателя с потенциальным потребителем.

Цель представленного исследования – выявление информационного содержания коммерческих объявлений как средства продвижения товаров и услуг на местном рынке. Работа велась по объявлениям, опубликованным в периодических изданиях Томской губернии (1896–1913 гг.).

В начале XX в. выходила инструктивно-профессиональная литература, в которой были представлены практические советы по рекламе различных товаров. Авторы указывали на то, что следует продвигать рекламные технологии в провинциальные города, так как реклама является верной гарантией успеха в каждом торгово-промышленном деле[2].

В советское время интерес к изучению рекламы в качестве исторического источника начался в 70–80-е гг. XX в. В учебном пособии И.Д. Ковальченко предлагались новые подходы к исследованию периодической печати, что привело к выделению такой новой группы источников, как рекламные объявления[3]. Историю рекламы исследовали Л.В. Корни-

[1] *Аброськин С.В.* Коммерческая реклама на страницах первых частных периодических изданий Томска // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29 (№ 2). С. 82.

[2] *Верховой Н.В.* Реклама в XX веке как необходимость и единственная верная гарантия успеха в каждом торгово-промышленном деле. Ярославль, 1902; *Ратнер А.* Техника рекламы объявлениями. СПб., 1909; *Айзенштейн К.А.* Как рекламировать с успехом. СПб., 1912; *Хойновский В.* Успешная реклама и как ею пользоваться: Советы для объявителей. Киев, 1913.

[3] *Ковальченко И.Д.* Источниковедение истории СССР: учеб. пособие. М., 1973.

лов и Н.Б. Фильчикова[4], Н.М. Богачева[5]. В данных работах реклама характеризовалась как историческое явление, которое по мере развития экономики расширяло сферы своего влияния. Историю газетной рекламы рассматривали Б.И. Есин, А.Н. Боханов, А.П. Киселев и др. А.Н. Боханов одним из первых установил размер дохода от рекламы в бюджете газеты с помощью анализа рекламного материала на страницах периодического издания[6]. А.П. Киселев указывал на то, что реклама послужила своего рода катализатором существенных трансформаций, происходивших в газетном деле во второй половине XIX – начале XX в.[7]

На постсоветском этапе продолжают исследования газетной рекламы в качестве исторического источника А.Г. Голиков, А.А. Степанов, Л.М. Дамешек, С.В. Малых, Н.И. Шелкоплясова и др.[8] Диссертация С.Ф. Галанина посвящена изучению газетной рекламы как исторического источника по материалам казанских газет. В работе он выделяет правовой статус и социокультурное значение рекламы в конкретном регионе[9].

Отдельные вопросы становления и развития периодической печати Томской губернии конца XIX – начала XX в. изучали В.В. Шевцов, Н.В. Жилякова, О.А. Сутягина и др. Н.В. Жилякова исследовала рекламные тексты на страницах томских газет в контексте общественно-политической жизни и истории журналистики в регионе, специально не акцентируя ее значимость в становлении рыночных отношений[10].

Таким образом, в историографии специально не рассматривались место рекламы на страницах периодических изданий Томской губернии, информационное содержание объявлений и степень влияния рекламных публикаций на развитие торговли, не выявлены отличительные черты в рекламировании местной и иногородней продукции.

Источниковую базу статьи составляют как официальные, так и первые частные периодические издания Томской губернии. К первой группе относятся «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.)[11], ко второй – «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885–1905 гг.)[12], «Томский листок» (1895–1897 гг.)[13], «Сибирская жизнь» (1897–1919 гг.)[14], «Сибирские отголоски» (1906–1910 гг.)[15], «Утро Сибири» (1911–1917 гг.)[16], «Ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства» в Барнауле

---

[4] *Корнилов Л.В., Фильчикова Н.Б.* От глашатая до неона. М., 1978.

[5] *Богачева Н.М.* Реклама, ее возникновение и некоторые сведения из истории развития. М., 1969.

[6] *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.

[7] *Киселев А.П.* История оформления русской газеты (1702–1917 гг.). М., 1990.

[8] *Голиков А.Г.* Проблемы источниковедческого изучения рекламы в периодической печати России XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Golikov.pdf (дата обращения: 04.05.2023); *Степанов А.А.* История объявлений: газетная реклама в России XVIII–XX вв.: моногр. СПб., 2007; *Дамешек Л.М., Малых С.В.* Реклама как источник изучения потребностей горожан Восточной Сибири в последней четверти XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1. С. 86–91; *Шелкоплясова Н.И.* Источниковая база исследования истории провинциальной рекламы XIX – начала XX вв. (на примере Тульской губернии) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2–3 (26). С. 79–87.

[9] *Галанин С.Ф.* Газетная реклама как исторический источник (по материалам казанских газет второй половины XIX века): дис. … канд. ист. наук. Казань, 1999.

[10] *Жилякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX в.): становление и развитие. Томск, 2011.

[11] Томские губернские ведомости (1857–1917 г.), Томск [Электронный ресурс] // Научная библиотека Томского государственного университета. URL: https://lib.tsu.ru/mminfo/000349050/djvu/ (дата обращения: 15.04.2023).

[12] Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (1885–1905 гг.), Томск / Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349027/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[13] Томский листок (1895–1897 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[14] Сибирская жизнь (1897–1919 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[15] Сибирские отголоски (1906–1910 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2018/000417640/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[16] Утро Сибири (1911–1917 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2012/000349043/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

(1895–1901 гг.)[17], «Алтайская газета» (1909–1911 гг.)[18], «Жизнь Алтая» (1911–1918 гг.)[19], «Обская жизнь» (1909–1912 гг.)[20], «Алтайское дело» (1912–1917 гг.)[21]. Выбор указанных периодических изданий связан с тем, что они выходили длительный период, что открывает возможность для более детального рассмотрения социально-экономических процессов, протекавших в Томской губернии.

Работа опирается на теорию модернизации, понимаемой как процесс перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, который носит комплексный характер и охватывает все сферы жизнедеятельности. В экономике появляются основы построения рыночной системы, индустриализации и утверждения городского образа жизни, сопровождающиеся активным развитием рекламы, что обеспечивает необходимые условия для ее превращения в конце XIX – начале XX в. в неотъемлемый институт российского общества не только в центральных городах страны, но и в провинциальных. В методологическом плане продуктивным представляется использование историко-системного метода, который позволил получить целостное представление о рекламной деятельности в Томской губернии (1896–1913 гг.).

В последней четверти XIX – начале XX в. в Томской губернии происходил рост товарно-денежных отношений, развивались дорожно-транспортная инфраструктура и банковская система, что способствовало организации бесперебойной круглогодичной торговли в губернских и уездных городах, в крупных торгово-промышленных селах региона, на узловых транспортных пунктах. Развитие торгово-промышленных отношений в регионе было связано с развертыванием постоянного движения по железнодорожным линиям Транссибирской магистрали, проходившим через Томскую губернию, таким как Челябинск – Омск – Новониколаевск (движение открыто в 1896 г.) и Обь (Новониколаевск) – Красноярск (движение открыто в 1898 г.)[22]. В 1898 г. была запущена железнодорожная ветка Томск – Таежный (ныне – станция Тайга), которая соединяла Томск с Транссибирской магистралью. В 1890-е гг. в Томской губернии происходило увеличение количества пароходов, что объяснялось высокой прибылью, которую они приносили владельцам, и заинтересованностью в них предпринимателей региона[23].

В этих условиях активными темпами шел процесс формирования единого торгового пространства как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Неотъемлемой частью рыночных отношений становилась реклама в периодических изданиях, которые выполняли функцию информирования потенциальных покупателей об ассортименте товара, о новых поступлениях, ценах, распродажах и т.п. Процесс перехода к рыночным отношениям в России протекал в тесной взаимосвязи с развитием средств массовой информации. Со второй половины 1890-х гг. в Томской губернии наблюдалось возникновение новых частных периодических изданий, а типографии оснащались передовым техническим оборудованием, позволявшим выполнять типографские работы любой сложности. Данный факт привел к возникновению конкуренции среди газет, издатели которых стремились к формированию массовой

[17] Ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства в Барнауле (1895–1901 гг.) // ГААК. Ф. Газет. Оп. 6. Д. 58-б.

[18] Алтайская газета (1909–1911 гг.), Барнаул // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2019/000349118/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[19] Жизнь Алтая (1911–1918 гг.), Барнаул // Алтайская краевая учебная научная библиотека им. В.Я. Шишкова [Электронный ресурс]. URL: http://akunb.altlib.ru/zhizn-altaya/ (дата обращения: 15.04.2023).

[20] Обская жизнь (1909–1912 гг.), Новониколаевск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2017/000539814/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[21] Алтайское дело (1912–1917 гг.), Новониколаевск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2016/000349130/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[22] Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1911 год. Томск, 1912. С. 1.

[23] *Метелкин А., Титов Г.* Купечество и развитие пароходства в Сибири // Сибирская старина. 1998. № 13 (18). С. 32.

и постоянной целевой аудитории. В итоге у рекламодателей появилась возможность в выборе наиболее привлекательного периодического издания, которое предлагало наилучшие условия для печати рекламных объявлений.

В данной статье целесообразным представляется использование общей товароведной классификации, которая основана на выделении классов товаров[24] и группы услуг. В рассматриваемый период на страницах периодических изданий Томской губернии печатались рекламные объявления таких классов товаров, как продовольственные и непродовольственные товары, сельскохозяйственные и медицинские продукты.

Проанализируем коммерческую рекламу на страницах важнейшей официальной газеты Томской губернии – «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.). Всего было проанализировано 126 номеров газеты за 1896–1913 гг. и выявлено 606 коммерческих объявлений[25]. С учетом их повторяемости, на наш взгляд, указанная выборка является репрезентативной.

В «Томских губернских ведомостях» рекламировали широкий спектр товаров и услуг. Подробнее остановимся на рекламных публикациях, которые, согласно заявленной классификации, принадлежали к классу непродовольственных товаров – к ним относятся 29,8 % от всех выявленных коммерческих объявлений (проценты указаны от общего количества коммерческих объявлений, относящихся к данному классу). Лидирующие позиции в рекламе непродовольственных товаров занимала культурно-бытовая продукция (всего 48,35 %), представленная печатными изданиями (книгами, брошюрами, открытками, атласами) – 31,4 %, канцелярскими принадлежностями (бумагой, тетрадями, письменными принадлежностями) – 7,1 %, музыкальными инструментами, игрушками и фототоварами – 6,4 %, а также товарами для физической культуры, спорта и охоты – 3,45 %.

Значительная часть коммерческих объявлений была посвящена продаже жилых и производственных помещений – 18,25 %. Важное место среди рекламных публикаций занимало анонсирование хозяйственных товаров (посуда, бутылки, мебельная фурнитура, обои, зеркала, свечи, бытовая химия, лакокрасочные изделия, нефтепродукты) – 10,3 %. Большую группу коммерческих объявлений в классе непродовольственных товаров составляла реклама парфюмерно-косметических изделий – 5,92 %. Существенная доля рекламных публикаций относилась к продаже станков, оборудования промышленного назначения и сельскохозяйственной техники – 5,3 %. Незначительная доля рекламных объявлений касалась продажи ювелирных изделий и часов – 2,4 %. Реклама одежды (сшитой и вязаной, т.е. трикотажной), головных уборов, обуви, чулочно-носочных и кожевенных изделий составляла 2,14 %. Небольшую долю занимали коммерческие объявления о продаже обозно-шорных изделий (телег, экипажей, саней, колес, дышел, колесной мази) – 1,96 %. Реклама текстильных товаров (ткани, белья, одеял), а также ковров и ковровых изделий, скатертей составляла по 1,35 % соответственно. Коммерческие объявления о продаже мебели занимали 1,2 %, затем следовали меховые, шерстяные и галантерейные товары (гардинно-тюлевые изделия, дорожки, бюстгальтеры, галстуки, зонты, сумки, принадлежности для бритья), на долю которых приходилось по 0,74 % соответственно.

Проанализируем коммерческую рекламу на страницах «Томских губернских ведомостей», посвященную классу продовольственных товаров (в рамках заявленной классификации), – к ней относились 2,7 % объявлений. Основная часть рекламных публикаций приходилась на продажу бакалейных вкусовых товаров (сахара, соли, чая, какао, кофе, специй) – 58,1 %. Реклама кондитерских изделий составляла 23 %. Значительное место в рекламных публикациях отводилось рыбным продуктам – 11,5 %. Небольшая часть коммерческих объявлений относилась к продаже муки и хлебобулочных изделий – 7,4 %. Рекламные публикации других групп продовольственных товаров в «Томских губернских ведомостях» в рассматриваемый период не были представлены.

[24] Перечень потребительских товаров [Электронный ресурс]. URL: https://www.fr.gov.by/upload/21-1/perechen_potr_tov-15.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

[25] Томские губернские ведомости (1857–1917 г.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://lib.tsu.ru/mminfo/000349050/djvu/ (дата обращения: 15.04.2023).

Реклама класса сельскохозяйственных товаров в «Томских губернских ведомостях» составляла 0,53 % и все публикации относились к торговле лошадьми. Другие товары не были представлены.

Рассмотрим коммерческую рекламу на страницах «Томских губернских ведомостей», которая в рамках заявленной классификации принадлежала к классу медицинских товаров (0,9 %). Рекламные объявления, относящиеся к продаже приборов и средств медицинского назначения, а также лекарственных средств, составляли по 50 % соответственно.

Реклама группы услуг в «Томских губернских ведомостях» составляла 66,07%. Основная часть объявлений (86,4 %) приходилась на подписку на газеты и журналы. Важное место в рекламных публикациях занимали банковские услуги – 6,3 %. Значительная часть коммерческих объявлений представляла рекламу страхования – 2,1 %. Существенная доля рекламных публикаций сообщала о найме на работу – 1,6 %. Реклама типографских и литографических работ, изготовления вывесок, плакатов, штемпелей – 1,32 %. Небольшую долю занимали коммерческие объявления образовательных услуг – 1,2 %. Только 1 % рекламных публикаций посвящался пассажиро- и грузоперевозкам. На последнем месте (0,18 %) стояли коммерческие объявления торгово-комиссионных услуг (купля-продажа предпринимателем товара по поручению покупателя за вознаграждение) и представительства (представление интересов либо отдельного человека, либо торгового заведения).

В «Томских губернских ведомостях» основная часть коммерческих объявлений давалась столичными предпринимателями (фирмы Москвы и Петербурга) – 58,1 %. Доля публикаций томских рекламодателей составляла около 27,7 % от общего количества рассмотренных объявлений. Реклама иногородних предпринимателей (из Иркутска, Самары, Екатеринбурга, Перми, Варшавы) не выходила за пределы 13,22 %, а иностранных (из Германии, Вены) – 0,98 %.

Таким образом, по нашим подсчетам, коммерческая реклама за период 1896–1913 гг. в процентном соотношении по классам товаров и группе услуг в «Томских губернских ведомостях» распределялась следующим образом: непродовольственные товары (29,8 %), продовольственные товары (2,7 %), сельскохозяйственные – продукты скотоводства (0,53 %), медицинские (0,9 %), услуги (66,07 %).

Рассмотрим рекламу в частных периодических изданиях Томской губернии. Нами проанализирован 351 номер газет, в которых выявлено 6680 коммерческих объявлений, а именно: «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885–1905 гг.) – 68 номеров (1 448 объявлений)[26]; «Томский листок» (1895–1897 гг.) – 12 номеров (252 объявления)[27]; «Сибирская жизнь» (1897–1919 гг.) – 110 номеров (2248 объявлений)[28]; «Сибирские отголоски» (1906–1910 гг.) – 31 номер (549 объявлений)[29]; «Утро Сибири» (1911–1917 гг.) – 18 номеров (292 объявления)[30]; «Ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства» в Барнауле (1895–1901 гг.) – 38 номеров (643 объявления)[31]; «Алтайская газета» (1909–1911 гг.) – 19 номеров (336 объявлений)[32]; «Жизнь Алтая» (1911–

[26] Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (1885–1905 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349027/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[27] Томский листок (1895–1897 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[28] Сибирская жизнь (1897–1919 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[29] Сибирские отголоски (1906–1910 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2018/000417640/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[30] Утро Сибири (1911–1917 гг.), Томск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2012/000349043/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[31] Ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства в Барнауле (1895–1901 гг.) // ГААК. Ф. Газет. Оп. 6. Д. 58-б.

[32] Алтайская газета (1909–1911 гг.), Барнаул // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2019/000349118/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

1918 гг.) – 21 номер (284 объявления)[33]; «Обская жизнь» (1909–1912 гг.) – 24 номера (450 объявлений)[34]; «Алтайское дело» (1912–1917 гг.) – 10 номеров (178 объявлений)[35]. С учетом повторяемости рекламных публикаций указанную выборку можно характеризовать как репрезентативную.

Далее остановимся детально на коммерческой рекламе в частных периодических изданиях, относящейся к классу непродовольственных товаров, – 39,46 % от всех выявленных коммерческих объявлений. Лидирующие позиции в рекламе занимала культурно-бытовая продукция (20,9 %), представленная музыкальными инструментами, игрушками, материалами для украшений и фототоварами – 9,95 %, печатными изданиями (книгами, брошюрами, открытками, атласами) – 9,48 %, товарами для физической культуры, спорта и охоты – 0,8 %, а также канцелярскими принадлежностями (бумагой, тетрадями, акварелями) – 0,67 %. Необходимо отметить, что данная группа товаров в частных периодических изданиях по сравнению с официальными изданиями в процентном отношении меньше на 27,45 %, что объясняется рекламированием в «Томских губернских ведомостях» большого количества печатных изданий – 48,35 против 9,48 %. Значительная часть коммерческих объявлений относилась к продаже жилых и производственных помещений – 19,41 %, что превышает аналогичные показатели в официальной газете на 1,16 %. Важное место в рекламе отводилось хозяйственным товарам (таким как посуда, бутылки, мебельная фурнитура, обои, зеркала, свечи, бытовая химия, лакокрасочные изделия, нефтепродукты) – 13,96 % (на 3,66 % больше, чем в официальном издании). Большая группа объявлений касалась обозно-шорных изделий – 11,4 % (превышение на 9,44 % в сравнении с «Томскими губернскими ведомостями»). Продаже одежды (шитой и вязаной, трикотажной), головных уборов, обуви, чулочно-носочных и кожевенных изделий посвящено 5,42 % объявлений, продаже галантерейных товаров – 5,11 %, продаже мебели – 4,6 %, продаже парфюмерно-косметических изделий – 4,12 %, что в основном превышало долю аналогичных объявлений в «Томских губернских ведомостях». Незначительную долю составляли объявления о продаже ювелирных изделий и часов – 4 %. Реклама строительного материала (леса, кирпича, цемента), столярного инструмента составляла 3,65 % (в «Томских губернских ведомостях» данная группа товаров не представлена). Отдельное место занимали рекламные публикации по продаже станков, оборудования для промышленного назначения и сельскохозяйственной техники – 3,45 %, что в сравнении с аналогичными показателями в официальной газете меньше на 1,85 %. Реклама текстиля (тканей, белья, одеял) составляла 1,6 %, меховых и шерстяных изделий – 1,25 %, ковров и скатертей – 1,13 %, т.е. доля рекламы данных товаров соответствовала в процентном соотношении рекламе в официальной прессе.

Таким образом, по сравнению с официальной газетой в частных периодических изданиях наблюдалось значительное разнообразие рекламы непродовольственных товаров. Основное отличие заключалось в соотношении рекламы печатной продукции. По другим группам непродовольственных товаров реклама в частных газетах существенно превышала показатели официального издания.

Проанализируем коммерческую рекламу продовольственных товаров на страницах частных периодических изданий (она составляла 9,65 %). Основная часть публикаций рекламировала минеральные воды, прочие безалкогольные и алкогольные напитки, табачные изделия – 29,25 %. (В «Томских губернских ведомостях» подобная реклама отсутствовала.) Также 24,33 % объявлений сообщали о продаже кондитерских изделий (на 1,33 % выше, чем в официальной газете). 21,3 % публикаций рекламировали бакалейные товары (сахар, соль,

[33] Жизнь Алтая (1911–1918 гг.), Барнаул // Алтайская краевая учебная научная библиотека им. В.Я. Шишкова [Электронный ресурс]. URL: http://akunb.altlib.ru/zhizn-altaya/ (дата обращения: 15.04.2023).

[34] Обская жизнь (1909–1912 гг.), Новониколаевск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2017/000539814/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

[35] Алтайское дело (1912–1917 гг.), Новониколаевск // Научная библиотека Томского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2016/000349130/index.html (дата обращения: 15.04.2023).

чай, какао, кофе, специи, уксусную эссенцию), 11,2 % – мясную продукцию (такой рекламы в «Томских губернских ведомостях» не было). Незначительная доля коммерческих объявлений касалась продажи муки и хлебобулочных изделий – 4,89 % (ниже аналогичных показателей в официальной газете на 2,51 %). Реклама крупяных, бобовых и макаронных изделий составляла 3,87 %. Рекламные публикации по продаже молочных продуктов составляли 3,17 %. На последнем месте шла реклама плодово-овощной продукции – 1,99 %. Таким образом, в классе продовольственных товаров на страницах частных газет реклама преимущественно относилась к продаже чая, кофе, уксусной эссенции, шоколада, кондитерских, колбасных изделий, алкогольных напитков и табачной продукции, которые по количеству рекламных публикаций значительно превышали аналогичные показатели в официальном издании.

Реклама класса сельскохозяйственных товаров в частных периодических изданиях составляла 2 % и в основном (три четверти объявлений) сообщала о торговле крупным рогатым скотом, лошадьми и другими домашними животными и торговле зерном (четверть объявлений) – пшеницей, овсом, рожью, гречихой и др.

Также рекламировались медицинские товары (доля в рекламе 2,75 %), в том числе лекарства, приборы медицинского назначения.

Реклама группы услуг в частных периодических изданиях составляла 46,14 %. Лидирующие позиции по количеству коммерческих объявлений занимала подписка на газеты и журналы – 38,98 % (в официальной газете доля была вдвое меньше). Важное место в рекламе занимали объявления об аренде жилых и производственных помещений – 20,36 % (в «Томских губернских ведомостях» они отсутствовали) и о наемной работе – 10,78 %; о медицинских услугах – 6,8 % (в «Томских губернских ведомостях» отсутствовали); об образовательных услугах – 5,2 %; о страховании – 5 %; о банковских услугах – 3,4 %; о типографских работах, изготовлении вывесок и плакатов – 3,28 %; о перевозках пассажиров и грузов – 3,2 %; о торгово-комиссионных и представительских услугах – 1,68 %; о юридических услугах – 0,75 %; о фотосъемке – 0,57 %.

Интересен вопрос о местожительстве рекламодателей. Удалось установить, что доля рекламодателей Томской губернии в частных периодических изданиях составляла 68 %, их основную часть (66,38 %) занимали представители Томского уезда, затем с большим отрывом следовали предприниматели Барнаульского и Бийского уездов (0,98 %), безуездного города Новониколаевска (0,52 %), Кузнецкого и Мариинского уездов (0,12 %). Наиболее часто в коммерческих объявлениях встречаются следующие имена ведущих томских предпринимателей: В.В. Михайлов и П.И. Макушин (владельцы книжного магазина, типографии), Н.И. Тельных (владелец аптекарского магазина, универсальная торговля), Э.Г. Фельзенмайер (владелец бакалейных и галантерейных магазинов), Я.И. Панфилов (владелец мехового магазина), И.Г. Гадалов (торговля бакалейными, галантерейными, мануфактурными товарами), П.Н. Рукавишников (торговля мебелью), П.А. Толкачев (владелец ружейного и часового магазинов), В.Е. Ельдештейн (владелец универсального магазина, ссудной кассы, пароходов), Г.И. Ливен (универсальная торговля) и др.

В процентном соотношении в рекламе в частных газетах наблюдается высокая доля местных предпринимателей (превышение на 40,3 % по сравнению с аналогичными показателями в «Томских губернских ведомостях»). Столичные рекламодатели в частных периодических изданиях давали около 22 % от общего числа объявлений. Реклама предпринимателей из Иркутска, Нерчинска, Екатеринбурга, Саратова, Одессы, Казани, Курска, Перми, Варшавы, Омска, Тобольска не выходила за пределы 10 %, а иностранных (фирмы Германии, Нью-Йорка) составляла 0,19 %.

Внимание покупателей в рекламных объявлениях на страницах частных газет, в отличие от официальных изданий, привлекалось с помощью игры шрифтами (жирным, заглавным, узорным), применением изобразительных элементов (указательного пальца, виньеток и др.). В ряде рекламных публикаций содержались изображения товаров. Объявления постоянных рекламодателей печатались в едином стиле.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о расширении предпринимательской активности в Томской губернии в 1896–1913 гг., что сопровождалось ростом числа рекламных объявлений на страницах официальных и частных газет. Реклама была непосредственно связана с реализацией продукции и информировала читателей об ассортименте товаров, текущих ценах, новых поступлениях, распродажах и скидках. Анализ содержания рекламных объявлений на страницах официальных и частных периодических изданий свидетельствует о том, что местные, столичные, иногородние и зарубежные предприниматели предлагали жителям Томской губернии разнообразный ассортимент товаров и услуг. Так, по нашим подсчетам, основная часть коммерческой рекламы на страницах периодических изданий за изучаемый период распределялась по классам следующим образом: непродовольственные товары – 57,4 %, услуги – 19,6 %, продовольственные товары – 14,8 %, сельскохозяйственная продукция – 4 %, медицинские товары – 4,2 %.

Литература

Аброськин С.В. Коммерческая реклама на страницах первых частных периодических изданий Томска // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 2. С. 82–88.

Айзенштейн К.А. Как рекламировать с успехом. СПб., 1912. 110 с.

Богачева Н.М. Реклама, ее возникновение и некоторые сведения из истории развития. М.: Министерство торговли СССР. Международный совет по рекламе, 1969. 120 с.

Боханов А.Н. Буржуазная пресса в России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.

Верховой Н.В. Реклама в XX веке как необходимость и единственная верная гарантия успеха в каждом торгово-промышленном деле. Ярославль: Типография Губернского правления, 1902. 12 с.

Галанин С.Ф. Газетная реклама как исторический источник (по материалам казанских газет второй половины XIX века): дис. … канд. ист. наук. Казань, 1999. 322 с.

Голиков А.Г. Проблемы источниковедческого изучения рекламы в периодической печати России XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Golikov.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

Дамешек Л.М., Малых С.В. Реклама как источник изучения потребностей горожан Восточной Сибири в последней четверти XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1. С. 86–91.

Жилякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX в.): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.

Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702–1917 гг.). М.: Издательство МГУ, 1990. 192 с.

Ковальченко И.Д. Источниковедение истории СССР: учеб. пособие. М., 1973. 558 с.

Корнилов Л.В., Фильчикова Н.Б. От глашатая до неона. М.: Знание, 1978. 126 с.

Метелкин А., Титов Г. Купечество и развитие пароходства в Сибири // Сибирская старина. 1998. № 13 (18). С. 32–34.

Ратнер А. Техника рекламы объявлениями. СПб.: типолитография К. Биркенфельда, 1909. 16 с.

Степанов А.А. История объявлений: газетная реклама в России XVIII–XX вв.: моногр. СПб.: РИАЛ – Пронто-Петербург, 2007. 143 с.

Хойновский В. Успешная реклама и как ею пользоваться: Советы для объявителей. Киев: Издательство конторы объявлений «Реклама» В.В. Хойновского, 1913. 40 с.

Шелкоплясова Н.И. Источниковая база исследования истории провинциальной рекламы XIX – начала XX вв. (на примере Тульской губернии) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2–3 (26). С. 79–87.

References

Abros'kin, S.V. (2022). Kommercheskaya reklama na stranitsakh pervykh chastnykh periodicheskikh izdaniy Tomska [Commercial Advertising on the Pages of the First Private Periodicals of Tomsk]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* Vol. 29, No. 2, pp. 82–88.

Ayzenshtein, K.A. (1910). *Kak reklamirovat' s uspekhom* [How to Advertise Successfully]. St. Petersburg. 110 p.

Bogacheva, N.M. (1969). Reklama, ee vozniknovenie i nekotorye svedeniya iz istorii razvitiya [Advertising, its Emergence and Some Information from the History of Development]. Moscow, Ministerstvo torgovli SSSR. Mezhdunarodnyy sovet po reklame. 120 p.

Bokhanov, A.N. (1984). *Burzhuaznaya pressa v Rossii i krupnyy kapital. Konets XIX v. – 1914 g.* [Bourgeois Press in Russia and Big Capital. End of the 19th Century – 1914]. Moscow, Nauka. 152 p.

Dameshek, L.M., Malykh, S.V. (2012). Reklama kak istochnik izucheniya potrebnostey gorozhan Vostochnoy Sibiri v posledney chetverti XIX – nachale XX vv. [Advertising as a Source for Studying the Needs of the Citizens of Eastern Siberia in the Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1, pp. 86–91.

Galanin, S.F. (1999). *Gazetnaya reklama kak istoricheskiy istochnik (po materialam kazanskikh gazet vtoroy poloviny XIX veka)* [Newspaper Advertising as a Historical Source (Based on Kazan Newspapers of the Second Half of the 19th Century)], Cand. hist. sci. diss. Kazan. 322 p.

Golikov, A.G. (2007). *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya reklamy v periodicheskoy pechati Rossii XIX–XX vv.* [Problems of Source Study of Advertising in Russian Periodicals in the 19th–20th Centuries]. Available at: URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Golikov.pdf (date of accesses 12.04.2023).

Khoynovskiy, V. (1913). *Uspeshnaya reklama i kak eyu pol'zovat'sya: Sovety dlya ob'yaviteley* [Successful Advertising and How to Use It: Tips for Advertisers]. Kiev, Izdatel'stvo kontory ob'yavlenii "Reklama" V.V. Khoinovskogo. 40 p.

Kiselev, A.P. (1990). *Istoriya oformleniya russkoy gazety (1702–1917 gg.)* [The History of the Design of the Russian Newspaper (1702–1917)]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 192 p.

Kornilov, L.V., Fil'chenkova, N.B. (1978). *Ot glashataya do neona* [From Herald to Neon]. Moscow, Znanie. 126 p.

Koval'chenko, I.D. (1973). *Istochnikovedenie istorii SSSR: uchebnoe posobie* [Source Study of the History of the USSR: Textbook]. Moscow. 558 p.

Metelkin, A., Titov, G. (1998). *Kupechestvo i razvitie parokhodstva v Sibiri* [Merchants and the Development of Shipping in Siberia]. In *Sibirskaya starina*. Tomsk, TOO "Delo". No. 13 (18), pp. 32–34.

Ratner, A. (1909). *Tekhnika reklamy ob'yavleniyami* [Advertisement Technique]. St. Petersburg, Tipolitografiya K. Birkenfel'da. 16 p.

Shelkoplyasova, N.I. (2016). Istochnikovaya baza issledovaniya istorii provintsial'noy reklamy XIX – nachala XX vv. (na primere Tul'skoy gubernii) [Source Base for Research on the History of Provincial Advertising in the 19th – Early 20th Centuries (On the Example of the Tula Province)]. In *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. No. 2–3 (26), pp. 79–87.

Stepanov, A.A. (2007). *Istoriya ob'yavleniy: gazetnaya reklama v Rossii XVIII–XX vv.* [History of Ads: Newspaper Advertising in Russia in the 18th–20th Centuries]: monografiya. St. Petersburg, RIAL – Pronto-Peterburg. 143 p.

Verkhovoy, N.V. (1902). *Reklama v XX veke kak neobkhodimost' i edinstvennaya vernaya garantiya uspekha v kazhdom torgovo-promyshlennom dele* [Advertising in the 20th Century as a Necessity and the Only True Guarantee of Success in Every Commercial and Industrial Business]. Yaroslavl, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 12 p.

Zhilyakova, N.V. (2011). *Zhurnalistika goroda Tomska (XIX – nachalo XX v.): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the City of Tomsk (19th – Early 20th Century): Formation and Development]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 446 p.

В.П. Шахеров*

СУДЬБА ИРКУТСКОГО КУПЦА ИВАНА БЕЧЕВИНА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И СИБИРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-18
УДК 94(571.5)+323.328"1850/1855"

Выходные данные для цитирования:
Шахеров В.П. Судьба иркутского купца Ивана Бечевина в контексте взаимоотношения власти и сибирского предпринимательства середины XVIII века // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 251–261. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-18.pdf

V.P. Shakherov*

THE FATE OF THE IRKUTSK MERCHANT IVAN BECHEVIN IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN GOVERNMENT AND SIBERIAN ENTREPRENEURSHIP IN THE MIDDLE OF THE 18TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-18

How to cite:
Shakherov V.P. The Fate of the Irkutsk Merchant Ivan Bechevin in the Context of the Relationship Between Government and Siberian Entrepreneurship in the Middle of the 18th Century // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 251–261. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-18.pdf]

Abstract. The article tells about the tragic fate of the Irkutsk merchant Ivan Bechevin, who faced the arbitrariness and extortion by the crown authorities. He was one of the richest Siberian merchants, engaged in wine buying in the Lena Region, participated in projects for the commercial development of islands in the Pacific Ocean. Being an active member of the city society, he was engaged in charity work. At his expense, three churches were built in Irkutsk. Everything collapsed in one piece. Having come under investigation for wine purchases, he was tortured, and died. The merchant's capital and property were confiscated. His particular case clearly shows that the presence of property, capital, influence in society in no way guaranteed the observance of basic human rights and even life. Nevertheless, such blatant arbitrariness of the authorities could not remain without consequences and was used by the merchants as an excuse to declare their rights and guarantees for property and life. Protests against lawlessness contributed to the consolidation of the estate, the development of certain requirements and civil rights. Given the growing role of entrepreneurship in the country's economy, in an effort to protect the merchant class from the most egregious cases of arbitrariness, the government was forced to take certain steps to find a social compromise and partnership, endowing the elite of the third estate with elementary civil rights and guarantees.

Keywords: Siberia, Irkutsk, Russian America, merchants, merchant estate rights, fur trades, wine buying, arbitrary power.

The article has been received by the editor on 14.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассказывается о трагической судьбе иркутского купца Ивана Бечевина, столкнувшегося с произволом и вымогательством коронной власти. Он был одним из богатейших сибирских купцов, занимался винными откупами в Ленском крае, участвовал в проектах по промысловому освоению островов в Тихом океане. Будучи активным членом городского общества, занимался благотворитель-

* **Вадим Петрович Шахеров,** доктор исторических наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: wodalis@yandex.ru
Vadim Petrovich Shakherov, Doctor of Historical Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: wodalis@yandex.ru

ностью. На его средства в Иркутске было сооружено три церкви. Все рухнуло в одночасье. Попав под следствие по винным откупам, был подвергнут пыткам и скончался. Капиталы и имущество купца были конфискованы. Его частный случай наглядно показывал, что наличие собственности, капиталов, влияния в обществе никоим образом не гарантировало соблюдения элементарных человеческих прав и даже жизни. Тем не менее подобный вопиющий произвол властей не мог оставаться без последствий и использовался купечеством как повод заявить о своих правах и гарантиях на имущество и жизнь. Протесты против беззакония способствовали консолидации сословия, выработке некоторых требований и гражданских прав. Учитывая растущую роль предпринимательства в экономике страны, стремясь оградить купечество от наиболее вопиющих случаев произвола, правительство было вынуждено сделать определенные шаги к поиску социального компромисса и партнерства, наделив элиту третьего сословия элементарными гражданскими правами и гарантиями.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, Русская Америка, купечество, сословные права купечества, пушные промыслы, винные откупа, произвол власти.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023 г.

Процесс формирования купеческого сословия достаточно сложен и противоречив. Уже с 1721 г. значительная часть городских обывателей была объединена в группу «регулярных граждан», состоявшую из двух гильдий. В 1742 г. к ним добавилась третья гильдия, что привело к тому, что почти все дееспособное население, занимавшееся торговлей, промыслами и ремеслом, составило сословие купцов. По данным первой переписи населения Иркутска 1722 г., которую проводил прибывший из Тобольска князь Гавриил Солнцев, общее число жителей составляло 3 447 чел. Из них, по данным 1724 г., в купечестве состояло почти 2,5 тыс., т.е. 72,5 % всех горожан[1]. Но размытый правовой статус сословия, формальная запись в него, а самое главное – передача этих прав по наследству независимо от имущественного положения, не способствовали консолидации предпринимательских кругов и их влиянию в городском обществе. Отсутствие элементарных гражданских прав, отнесение купечества к податным слоям населения приводили к тому, что даже наиболее состоятельные из купцов, имеющие недвижимость и капиталы, авторитет среди горожан, были бессильны перед злоупотреблениями местной власти. Президент тобольского магистрата купец Я.Н. Маслов в 1734 г. жаловался императрице Елизавете Петровне, что сибирское купечество «от губернаторов и воевод имеет без заступничества многие обиды … отчего пришло в немалый упадок и истощение»[2].

Иркутское купечество также постоянно терпело обиды и притеснения от местной администрации. Так, статский советник Алексей Жолобов за свое трехлетнее пребывание в должности вице-губернатора Иркутской провинции (1731–1733) смог правдами и неправдами нажить почти 35 тыс. руб. Своих противников, а среди них были чиновники и торговые люди, он «пытал безвинно и при пытках жег огнем»[3]. Сменивший его полковник Андрей Плещеев был «вспыльчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драл плетьми и кнутом и притеснял приказных служителей; приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна»[4]. Подобной жесткостью и взяточничеством отличался иркутский губернатор бригадир Ф.Г. Немцов, о котором ходили слухи, что он покровительствовал разбойникам, которые делились с ним награб-

[1] Второе столетие Иркутска: сборник документов XVIII века из фондов ОГКУ ГАИО. Иркутск, 2016. Кн. 2. С. 8.
[2] *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 70.
[3] Иркутская летопись. Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова. Иркутск, 1911. С. 47.
[4] *Пежемский П.И.* Панорама Иркутской губернии. Иркутск, 2020. С. 243.

ленным. Следующий губернатор Ф.Н. Кличка назвал его «гонителем и разорителем» жителей губернии[5]. Подобных примеров можно привести еще много. Ярко и эмоционально в свое время высказался о злоупотреблениях и произволе сибирской администрации декабрист В.И. Штейнгейль в знаменитой статье «Сибирские сатрапы», основанной на материалах иркутской летописи. Давая характеристику деятельности иркутских властей, он отмечал: «Все это чиноначалие просто деспотствовало»[6].

Не только местные администраторы, но и заезжие чиновники из столицы порой терроризировали все население города, творя произвол и беззаконие. Чего стоит один «крыловский погром», который со страхом вспоминало не одно поколение иркутян. Депутат от Иркутска А.М. Сибиряков, рассказывая о преступлениях следователя П.Н. Крылова в Уложенной комиссии, отметил, что Иркутску этим следствием по винным откупам был нанесен ущерб на 300 тыс. руб.[7] Ни одно стихийное бедствие не принесло городу столь ощутимых последствий. По сути дела, следствие коллежского асессора Крылова было одним из первых масштабных примеров, выражаясь современным языком, рейдерства в России. Он был направлен в Иркутск обер-прокурором Сената А.И. Глебовым, чтобы любыми средствами заставить иркутских купцов отказаться от винных откупов в пользу влиятельного вельможи.

От произвола столичного следователя пострадали самые состоятельные и предприимчивые иркутские купцы. Всего к следствию было привлечено 74 купца, а допросам и пыткам подвергались не только они, но и члены их семей. Не только потеря капиталов, но телесные наказания и пытки, оскорбленное достоинство и порушение семейных ценностей требовали защиты высших властей и церкви. Вот почему иркутские купцы несколько лет упорно добивались осуждения Крылова. Для них это была борьба за свою честь и достоинство, определенный этап в консолидации городского общества. В 1761 г. в столицу с челобитной на «крыловский погром» были отправлены выборные от купеческого общества Петр Мальцев и Иван Верховцев[8]. Поднимался вопрос о Крылове и на заседаниях Уложенной комиссии. Этот опыт отстаивания своих прав и достоинства наглядно проявился в наказе от города Иркутска. Кроме чисто сословных требований, в нем много места уделялось ограждению чести и достоинства купцов и содержалось требование «положить за бесчестие денежное взыскание». Итогом многолетней борьбы городского населения за свои права и сословные гарантии, существенную лепту в которую внесли иркутские предприниматели, стала гильдейская реформа 1775 г. и Жалованная грамота городам, среди прочего отменившая телесные наказания для купцов первой и второй гильдий.

Надо отметить, что следствие Крылова и его произвол в Иркутске неоднократно освещались в научной и краеведческой литературе. Нас же оно интересует в контексте судьбы иркутского купца Ивана Степановича Бечевина, для которого все закончилось трагически. Не выдержав пыток, он скончался 13 декабря 1759 г., а значительная часть его капиталов и имущества была изъята в казну. Со смертью купца пресекся весь его род. Но не менее интересной и насыщенной оказалась его посмертная история, превратившаяся в исторические легенды и запечатленная в материальном наследии Иркутска.

О происхождении И. Бечевина (фамилия его писалась иногда как Бичевин) и жизни до 1740-х гг. известно крайне мало. Еще в 1680-х гг. в иркутском остроге на службе числились новоповерстанные казаки Бечевщики или Бечевины[9]. Сама фамилия говорит о том, чем они занимались. Бечевником называли береговую линию, по которой тянули вверх по течению бичевой речные суда или плоты. Бечевниками иногда называли также прядильщиков, изготовлявших крепкие канаты или бичеву – крученую толстую веревку. Известно, что отец Ивана Бечевина – Степан Арсентьевич Бечевин происходил из казаков, в 1694 г. был

[5] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 4–4 об.
[6] *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. Записки и статьи. С. 185.
[7] *Головачев П.М.* Сибирь в екатерининской комиссии: этюды по истории Сибири XVIII века. М., 1889. С. 28.
[8] *Шахеров В.П.* Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины X1X в. Иркутск, 2013. С. 211.
[9] *Черепанов А.В.* Родословный справочник Иркутска 1661–1775 годов. Иркутск, 2022. С. 61.

поверстан в пешую казачью службу и с 1714 г. был записан как казак-прядильщик. Сам Иван Степанович родился в 1701 г. (по другим данным – в 1704 г.), с 1730 г. был записан в иркутский посад. О его занятиях до 1740-х гг. ничего неизвестно.

Можно предположить, что он занимался скупкой пушнины в Ленском крае и обменом ее на китайские товары. Но уже в начале 1740-х гг. он вкладывает накопленные средства в наиболее выгодные тогда операции, связанные с винными откупами. Из документов городской ратуши известно, что в марте 1744 г. крупные винные откупщики Михаил и Максим Глазуновы, И. Елезов, И. Бечевин, В. Ворошилов и А. Мясников взяли подряды на производство и поставку в Якутск простого вина: первые двое по 1 000, остальные по 1 500 ведер ценою по два рубля за ведро. Всего 8 тыс. ведер на 16 тыс. руб.[10] В другом документе от 5 апреля 1744 г. указывалось, что И. Бечевин, М. Глазунов, А. Мясников подрядились на своих винокуренных заводах из своего сырья произвести и поставить в Якутск вина двойного первые двое по 750, последний 100 ведер. Всего 1 600 ведер по цене в 4 руб. за ведро[11]. Отметим объемы поставок у И. Бечевина и наличие собственных винокуренных заводов. Более того, на 1744 г. он был избран иркутским купеческим обществом на должность бурмистра иркутских винных сборов в кружечный двор[12]. Кружечными дворами назывались в России казенные питейные заведения, в отличие от кабаков занимавшиеся продажей напитков навынос. По некоторым источникам, в 1749 г. он взял на откуп «питейное дело» в Илимском уезде Иркутской провинции (48 кабаков), заплатив за это казне 6 236 руб.[13] Судя по всему, производством вина и откупами на его реализацию И. Бечевин к тому времени занимался уже несколько лет.

Как и остальным купцам, ему приходилось участвовать в сборе средств на подарки и подношения местным властям и приезжим чиновникам. Они выражались как в денежных суммах, так и в съестных припасах. Так, в феврале 1744 г. он вместе с другими купцами, исполняя указ Елизаветы Петровны, участвовал в сборе 3 600 руб. в качестве подарка камергеру двора в чине генерал-майора А.Г. Жеребцову и его свите, доставившей в Иркутск известие о заключении мира со Швецией[14]. Нередко в желании угодить первым лицам государства предпринимателям приходилось расщедриваться на гораздо большие суммы, и этим иногда пользовались проходимцы и авантюристы разных мастей.

В 1742 г., в связи с воцарением Елизаветы Петровны, почти анекдотичная история случилась в Иркутске. Героем ее стал живший в городе шляхтич Петр Мирович. Когда-то он служил секретарем при «царевне», но в 1732 г. за связи с осужденными украинцами и поляками был сослан в Тобольск и определен в дети боярские. Через два года он сопровождал Витуса Беринга до Якутска в качестве комиссара по обеспечению Второй Камчатской экспедиции подводами. Через год повздорил с ним и объявил на него «слово и дело». Для проведения следствия его привезли в Иркутск. Обвинение не было доказано, но его оставили на положении ссыльного, употребляя к разным делам.

С воцарением Елизаветы у него появилась надежда на прощение и возвращение ко двору. Он организовал в городе торжества с различными картинками и иллюминацией по случаю воцарения и предложил бургомистру М. Глазунову и местным купцам – винным откупщикам преподнести в качестве подарка императрице 40 тыс. руб.[15] Мирович был помилован и в 1743 г. его определили на службу в качестве енисейского провинциального воеводы. А вот иркутяне оказались в сложном положении, так как собрать такую сумму оказалось непросто. Из столицы потребовали срочно привезти обещанные деньги в кабинет

[10] Второе столетие Иркутска: сборник документов XVIII века из фондов ОГКУ ГАИО. Кн. 4 [Электронный ресурс] // Государственный архив Иркутской области. URL: http://гаио.рф/upload/Второе столетие Иркутска.pdf (дата обращения: 14.03.2023).
[11] Там же. С. 131.
[12] Там же. С. 166.
[13] Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1: А–Л. С. 79.
[14] Второе столетие Иркутска: сборник документов XVIII века из фондов ОГКУ ГАИО. Иркутск, 2017. Кн. 3. С. 143.
[15] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

Ее Императорского Величества. От питейного сбора удалось получить чуть более 11 тыс. руб. Собрать деньги с прочих купцов оказалось сложнее. В ответ на запросы иркутской провинциальной канцелярии они отвечали, что «при обещании бывшего бургомистра Максима Глазунова не были и о согласии их ни от кого не слыхали»[16]. Поэтому остальную сумму пришлось добирать самим откупщикам еще несколько лет. Только в июле 1744 г. в Петербург отправилась целая депутация из Иркутска во главе с Глазуновым. В ее составе были также именитые купцы М. Манков, И. Бечевин, В. Сибиряков. С ними еще поехали сын Манкова Даниил и брат Сибирякова Михаил[17].

В 1750-х гг. Иван Бечевин был одним из богатейших людей Иркутска. В 1754 г. он состоял купцом первой гильдии. Даже спустя столетие, в XIX в., среди иркутян ходило предание о том, что он хранил в подвале своего дома золотые и серебряные монеты в бочонках, а медные – в бочках, прикованных цепями к стенам кладовой. Усадьба его находилась в самом центре Иркутска в приходе старой деревянной Тихвинской церкви. Крыловский погром застал его в рассвете сил и планов по выходу на новые промысловые рынки. В эти годы, после первых успешных плаваний сибирских и российских предпринимателей на острова Тихого океана, освоение тамошних пушных ресурсов считалось самым прибыльным делом. Примеры иркутских купцов Н. Трапезникова и Е. Югова, селенгинского купца А. Толстых побуждали многих предприимчивых людей вкладывать капиталы в доходный бизнес.

Еще в январе 1757 г. И. Бечевин представил сибирским властям развернутый проект исследования морского пути из Камчатки в северную часть Тихого океана для поиска новых земель и островов. С этой целью предполагалось отправить два судна: одно – «вокруг Чукотских мысов до рек, впадающих в Ледовитый океан», второе – к Алеутским островам. Планы иркутского купца получили поддержку. В рапорте Сенату от 7 декабря 1758 г. сибирский губернатор Ф.И. Соймонов указывал, что дал разрешение на отправку двух кораблей, предоставив руководителю экспедиции возможность набрать, кроме приказчиков и поверенных, «вольных работных людей как в Ыркуцке, так при Охоцку и в Камчатке… до 50 человек»[18]. Ему также было отпущено две медные пушки с запасом ядер и пороха и с якутского кружечного двора до 100 ведер двойного вина[19].

О первом судне, направленном к Алеутским островам, как отмечал В. Берх, сведений о названии, мореходе, грузе и плавании не сохранилось[20]. О втором корабле известно значительно больше. Построенный в Охотске бот «Святой архистратиг Гавриил» имел в длину 62 фута (почти 20 м). На нем могли разместиться 60 промысловиков, в то время как на обычных промысловых судах могло находиться не более 35–40 чел. Таких больших судов еще не было на Тихом океане, а по ходовым качествам бот заметно превосходил все морские суда того времени[21]. Одним из строителей бота был яренский промышленный человек Осип Зинин, которого владелец просил отпустить в плавание для «всяких поделок и починки». Во сколько обошлось Бечевину строительство такого судна и снаряжение экспедиции – неизвестно. В среднем подобное предприятие обходилось до 10 тыс. руб. и более. Строительные материалы, кроме леса, доставляли из Восточной Сибири, в лучшем случае сплавом до Якутска, а далее по лесным дорогам на лошадях. Железо стоило 20 руб. за пуд, пеньковые канаты – 16 руб. за пуд. Громоздкие якоря и канаты доставлялись по частям, а на месте в Охотске скреплялись и сращивались[22].

---

[16] Второе столетие Иркутска… Кн. 3. С. 209.
[17] Там же. С. 13.
[18] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. док-тов. М., 1989. С. 47.
[19] Там же.
[20] *Берх В.Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества. СПб., 1823. С. 41.
[21] *Ведерников Ю.В.* Российское мореплавание на Тихом океане за триста семьдесят пять лет своей истории. Хроника судоходства и кораблекрушений, 1639–2014 годы. Владивосток, 2016. С. 11.
[22] Там же.

Кроме постройки собственных судов, И. Бечевин вложил средства в промысловую компанию московского купца И. Никифорова, тобольского купца И. Снигирева, вологодского купца И. Буренина, снарядивших на Алеутские острова бот «Святой Иулиан», который под руководством морехода, яренского мещанина Ст. Глотова, в 1758–1762 гг. производил успешные промыслы на вновь открытых островах Умнак и Уналашка. В литературе иркутским участником этой компании назывался Н. Трапезников, но скорее всего это ошибка[23]. Так, в указе Екатерины II от 21 сентября 1764 г. о награждении купцов этой компании за открытие новых островов в Тихом океане упоминается их умерший товарищ иркутский купец Иван Бечевин и указывается, что его доля от собранной пушнины составляла 70 лисиц[24].

В качестве вознаграждения за сделанные открытия купцам была возвращена собранная с них казенная десятина. При этом указывалось, что причитающуюся Бечевину десятину «выдать тому, кто по наследству или по праву имевшего с ним общего купечества с надлежащим в доказательство тому письменным видом явится»[25]. Компаньоны также были награждены только что учрежденной золотой медалью на Андреевской ленте «в знак всемилостивейшего удовольствия нашего похвальными и полезными той компании трудами и ревностию». На лицевой стороне медали был изображен портрет Екатерины II, а на обороте помещена надпись: «За полезные обществу труды 1762 году августа 31 дня». Указанная дата отмечала день возвращения промысловиков на камчатский берег. Если бы не преждевременная смерть из-за незаконного следствия, И. Бечевин мог стать первым из иркутян, получившим столь высокую награду.

Не менее удачным было плавание бота «Св. Гавриил», отправившегося к Алеутским островам в начале 1760 г. из Большерецка. На судне находилось 40 русских промышленников и 20 камчадалов. От владельца компании были отправлены три артельщика (А. Жданов, Я. Шарыпов, П. Лобашков) и два приказчика (Н. Голодов и А. Осколков). Руководил плаванием опытный мореход – плававший еще с В. Берингом сержант Охотского порта Гавриил Пушкарев. В течение 1760–1761 гг. промысловики побывали на островах Атха и Умнак, а потом поднялись севернее и впервые достигли Аляски. На обратном пути в сентябре 1762 г. уже вблизи камчатских берегов корабль попал в шторм и, потеряв мачты, руль и значительную часть такелажа, укрылся в маленькой бухте севернее Шипунского мыса. Бухта с тех пор стала называться Бечевинская. Весной следующего года участники вояжа вернулись в Большерецк. Ими был доставлен груз в 900 бобров и 350 лисиц, оцененный в 52 570 руб.[26]

Все эти плавания были совершены уже в то время, когда их организатора не было в живых. Привлеченный к следствию Крылова, летом 1759 г. он был арестован и подвергнут пыткам. Несколько месяцев он отвергал все обвинения, но, будучи поднят на дыбу, пытаясь остановить мучения, вынужден был себя оговорить и пообещать выплатить 15 тыс. руб. Под угрозой новых пыток эта сумма увеличилась в два раза. Кроме того, следователь изъял личного имущества и ценностей семьи Бечевиных на большую сумму. Пережить издевательства, оговоры и телесные наказания он не смог и умер 13 декабря 1759 г. Похоронен Бечевин в каменной Тихвинской церкви, к строительству которой имел самое непосредственное отношение. Если бы не трагическая смерть, его имя по праву осталось бы среди наиболее деятельных и успешных первооткрывателей Русской Америки. Кто знает, какие еще свершения и проекты могли быть реализованы этим деятельным и успешным человеком.

Со смертью И. Бечевина этот купеческий род Иркутска пресекся. Жена его, Марья Ивановна (род. 1716), умерла в этом же году, правда неизвестно, до или после смерти мужа. Детей у Бечевиных не было. В семье воспитывалось четыре незаконнорожденных ребенка, два мальчика и две девочки, в разное время подброшенных в дом купца. Известно, что пыта-

[23] *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 57.
[24] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана… С. 84.
[25] Там же.
[26] *Берх В.Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов… С. 44.

лись претендовать на наследство без особого успеха дальние родственники – отставной казак Илья Бечевин и солдат драгунского полка Степан Бечевин[27].

После пребывания под следствием и смерти И. Бечевина на все его имущество был наложен арест. Дом, заимки и другая недвижимость были проданы с торгов. В документах ничего не говорится про его винокуренные заводы и кабаки. Вероятно, они были конфискованы еще во время следствия. Отдельный запрос был направлен капитану Охотского порта капитан-лейтенанту В. Ртищеву. Ему поручалось собрать сведения об имуществе, товарах и кораблях И. Бечевина в Охотске и на Камчатке. В итоге было обнаружено припасов и имущества на 10 663 руб. 18 коп.[28] Находившиеся у его приказчиков на Камчатке С. Долговского и Е. Муравинского «шездесят шесть бобров камчацких больших восемь маток, восемь кашлаков да две парки бобровые камчацкие» по получению указа от следственной комиссии и Иркутской канцелярии были описаны, запечатаны казенной печатью и переданы для доставки в Иркутск купцу Н. Кандакову[29].

Указом Елизаветы Петровны от 18 апреля 1760 г., адресованным в иркутский магистрат, было предписано старосте В. Сибирякову объявить среди местного и приезжего купечества о возможности купить корабли и другое морское имущество Бечевина и «за них по тамошней оценке надлежащую цену в казну заплатить и своим коштом оные содержать в дозволенные места следовать с пользою государственною…»[30]. Собранные таким образом после реализации имущества купца средства в сумме 22 413 руб. 26 коп. были употреблены губернской канцелярией в свой доход[31].

Во второй половине XVIII в. в условиях практического отсутствия кредитной системы в стране подобные экстраординарные суммы иногда использовались в виде ссудного капитала, раздаваемые купечеству в виде небольших кредитов. Таким образом, оставшийся после И. Бечевина капитал впервые был использован на общественные нужды. Позднее появились и другие примеры. Например, так называемая «пелопонесовская сумма». Купец Егор Пелопонесов из нежинских греков участвовал в организации экспедиций на Алеутские острова на судне «Св. Андриан и Наталья» в 1767–1772 гг. и боте «Св. Иоанн Предтеча» в 1768 г. После неудачных плаваний он задолжал казне 2 тыс. руб. и был вынужден продать свои суда в 1779 г. компании Г.И. Шелихова и И. Голикова[32]. После его смерти в 1787 г. капитал в размере 16,8 тыс. руб. за неимением наследников поступил в ведение иркутского сиротского суда[33]. По просьбе купечества было разрешено использовать его как ссудный капитал. За тридцать с лишним лет только за счет процентов наследство Пелопонесова выросло на 2 тыс. руб. и составило к 1823 г. почти 19 тыс. руб. Из этой суммы брали ссуды как крупные иркутские купцы К. Сибиряков (5 тыс. руб.), Е. Литвинцев (4 тыс. руб.), так и многие мелкие торговцы города. Их займы колебались от 70–80 руб. до 300–500 руб.[34]

Деятельность любого предпринимателя интересна не только объемами капиталов и сферами их приложения, но и общественным служением и делами на благо общества. В памяти иркутян образ И. Бечевина оказался не только связан с его трагической судьбой, ставшей в какой-то степени одним из символов борьбы купечества за свои права, и легендами о его богатствах, но и с его нравственными качествами и значительными пожертвованиями на благо церкви. Он не только оказывал помощь бедным и воспитывал подброшенных детей. По его инициативе и при активном участии в Иркутске были построены три крупных каменных храма. Первый из них в честь Тихвинской Пресвятой Богоматери был начат строением 5 июня 1754 г. по соседству с домом Бечевина[35]. Для середины XVIII в. это одна из самых величественных двухэтажных каменных церквей

[27] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.
[28] ГАИО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.
[29] Там же.
[30] Там же. Л. 125.
[31] ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 68. Л. 1 об.
[32] *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане… С. 118.
[33] ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2164. Л. 50.
[34] Там же. Л. 51–51 об.

города, давшая название прилегавшей к ней главной площади Иркутска. Нижний главный престол был освящен в честь явления в г. Тихвине иконы Божией Матери, боковой – во имя пророка Ильи. На втором этаже располагались храм в честь Воскресения Христова и придел во имя Иоанна Богослова. Еще при жизни Бечевина, в 1756–1758 гг., для церкви были отлиты три колокола и произведена роспись наружных стен. Как богатый прихожанин, Бечевин не пожалел средств на ее украшение. По богатству икон, большинство которых украшено серебряными и позолоченными ризами, а также богослужебной утвари и ризницы, она стала одной из самых богатых в городе Иркутске[36]. Главная часть храма освящена 12 октября 1759 г. уже после ареста храмоздателя, остальные достраивались еще более десяти лет.

Второй церковью, которая начала строиться на средства И. Бечевина по данному ему из Иркутской духовной консистории указу 1757 г., была одноэтажная каменная с колокольней во имя Знаменья в одноименном женском монастыре. Достроена она была на монастырские деньги уже после смерти Бечевина. Первоначально она задумана двухпрестольной: к главному Знаменскому храму с северной стороны примыкал придел во имя Николая Чудотворца, освященный в мае 1761 г. Еще один престол во имя Казанской Божией Матери начали строить в мае 1770 г.[37]

Любопытна история строительства каменной Благовещенской церкви. Ее здание строилось и благоустраивалось довольно продолжительное время. Считалось, что заложена она была еще в 1758 г., но в иркутской летописи 13 апреля 1785 г. записано, что начата постройка Благовещенской церкви, в которой к осени уже был готов один престол Трех святителей и освящен 15 ноября[38]. Несколько поясняет ситуацию письмо иркутского епископа Михаила от 1 июня 1784 г. В нем епископ сообщает, что к нему обратились иркутские купцы М. Сибиряков, Д. Сизых и Н. Мыльников с просьбой достроить церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, заложенную еще покойным купцом И. Бечевиным с благословения также уже умершего преосвященного Софрония.

Причина остановки строительства, как предполагает Т. Крючкова, была связана с преждевременной кончиной иркутского купца и разграблением его имущества[39]. Есть данные, что после ареста П.Н. Крылова часть собранных с купцов средств была возвращена владельцам. Но осталось около 15 тыс. руб., которых некому было вернуть. Возможно, это были деньги И. Бечевина, у которого, как отмечалось, не оказалось наследников. Их и было решено направить на строительство храма. В результате строительство растянулось на несколько десятилетий. Главный холодный придел в честь Благовещения Пресвятой Богородицы был освящен 29 октября 1804 г. Два теплых придела, располагавшиеся с западной стороны, освящены в 1785 и 1789 гг. соответственно. Третий придельный храм под колокольнею в честь святых Сергия Радонежского, Макария Унженского и Макария Калязинского достроен только в августе 1821 г.

Удивительным образом все три храма, построенные на средства И. Бечевина, оказались связаны с историей освоения островов в Тихом океане. В Тихвинской церкви захоронен сам храмоустроитель и зачинатель первых плаваний на Алеутские острова. За алтарем Знаменской церкви упокоился один из вдохновителей будущей Российско-Американской компании «Колумб Росский» Г.И. Шелехов. А Благовещенская церковь оказалась связана с именем будущего епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, святителя Иннокентия (Вениаминова). В 1821 г., после окончания Иркутской семинарии, он был рукоположен в священника этой церкви, где прослужил два года, открыв воскресные «христианские уроки» для детей прихожан. Именно отсюда он отправился в свой далекий многолетний путь в Русскую Америку. В последующие посещения Иркутска, в том числе в свой последний

[35] *Крючкова Т.А.* «…Усердием и капиталом». О меценатстве при строительстве иркутских церквей // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 80.
[36] *Кротов В.А.* Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. Иркутск, 2013. С. 67.
[37] Там же. С. 68.
[38] Там же. С. 365.
[39] *Крючкова Т.А.* «…Усердием и капиталом»… С. 68.

визит 1868 г. уже в ранге митрополита Московского и Коломенского, он обязательно бывал в Благовещенской церкви.

Печальный конец жизни И. Бечевина, конечно, выделяется даже на фоне самых жестких притеснений и гонений власти того времени. Многие шли на компромисс и ценой потерь капиталов и имущества сохраняли жизнь. Были и такие, которые шли на сделку с совестью и сотрудничали со своими обидчиками. Во время следствия Крылова одним из первых проявил малодушие бургомистр Николай Бречалов, оговоривший себя и своих компаньонов, а купец И. Елезов в обмен на свободу для себя и домашних стал одним из деятельных пособников следователя. Тем не менее пример преследования Бечевина, как и других вопиющих бесчинств и злоупотреблений власть имущих, с одной стороны, содействовал консолидации купеческого сословия, выработке общественной позиции и требований. С другой стороны, стремясь предотвратить подобные проявления самовластия на местах, правительство постепенно шло на уступки и пыталось выработать некоторые правовые гарантии для третьего сословия. Учитывая эти пожелания, местная администрация постепенно переходила от насилия к поиску компромисса и даже к партнерству.

Литература

Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.

Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества. СПб.: В типографии Н. Греча, 1823. 170 с.

Ведерников Ю.В. Российское мореплавание на Тихом океане за триста семьдесят пять лет своей истории. Хроника судоходства и кораблекрушений, 1639–2014 годы: моногр. Владивосток: Издатель Ю.В. Ведерников, 2016. 347 с.

Второе столетие Иркутска: сборник документов XVIII века из фондов ОГКУ ГАИО / сост. О.Т. Базалийская, Н.С. Войтович, Е.Н. Щапова. Иркутск: Оттиск, 2016. Кн. 2. 280 с.

Второе столетие Иркутска: сборник документов XVIII века из фондов ОГКУ ГАИО / сост. О.Т. Базалийская, Н.С. Войтович, Е.Н. Щапова. Иркутск, 2017. Кн. 3. 232 с.

Второе столетие Иркутска: сборник документов XVIII века из фондов ОГКУ ГАИО / сост. О.Т. Базалийская, Н.С. Войтович, Е.Н. Щапова. Кн. 4 [Электронный ресурс] // Государственный архив Иркутской области. URL: http://гаио.рф/upload/Второе столетие Иркутска.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

Головачев П.М. Сибирь в екатерининской комиссии: этюды по истории Сибири XVIII века. М.: Тип. В.Ф. Рихтера, 1889. 127 с.

Иркутская летопись. Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова / предисл., добавления и примеч. И.И. Серебренникова. Иркутск: Паровая типография И.П. Казанцева, 1911. 418 с.

Кротов В.А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / сост. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Сибирская книга, 2013. 448 с.

Крючкова Т.А. «…Усердием и капиталом». О меценатстве при строительстве иркутских церквей // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 66–75.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968. 200 с.

Пежемский П.И. Панорама Иркутской губернии / подгот. текста Н.В. Каликаускене. Иркутск: Артиздат, 2020. 400 с.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. док-тов / сост. Т.С. Федорова и др. М.: Наука, 1989. 400 с.

Черепанов А.В. Родословный справочник Иркутска 1661–1775 годов. Иркутск: Репроцентр+, 2022. 796 с.

Шахеров В.П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины X1X в.: моногр. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 256 с.

Штейнгейль В.И. Сочинения и письма / изд. подгот. Н.В. Зейфман, В.П. Шахеровым Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Т. 2. Записки и статьи. 447 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012. Т. 1: А–Л. 450 с.

References

Akishin, M.O. (2003). *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian Absolutism and the Governance of Siberia of the 18th Century: The Structure and Composition of the State Apparatus]. Moscow, Novosibirsk, Drevlekhranilishche. 408 p.

Bazaliyskaya, O.T., Voytovich, N.S., Schapova, E.N. (Comp.). (2016). *Vtoroe stoletie Irkutska: Sbornik dokumentov XVIII veka iz fondov OGKU GAIO* [The Second Century of Irkutsk: Second Century of Irkutsk: Collection of Documents of the 18th Century from the Funds of the OGKU GAIO]. Book 3. Irkutsk, Ottisk. 280 p.

Bazaliyskaya, O.T., Voytovich, N.S., Schapova, E.N. (Comp.). (2017). *Vtoroe stoletie Irkutska: Sbornik dokumentov XVIII veka iz fondov OGKU GAIO* [The Second Century of Irkutsk: Second Century of Irkutsk: Collection of Documents of the 18th Century from the Funds of the OGKU GAIO]. Book 3. Irkutsk, Ottisk. 232 p.

Bazaliyskaya, O.T., Voytovich, N.S., Schapova, E.N. (Comp.). (2022). *Vtoroe stoletie Irkutska: sbornik dokumentov XVIII veka iz fondov OGKU GAIO. Kn. 4* [The Second Century of Irkutsk: Second century of Irkutsk: Collection of Documents of the 18th Century from the Funds of the OGKU GAIO]. Available at: URL: http://гаио.рф/upload/Второе столетие Иркутска.pdf (date of accesses 14.03.2023).

Berh, V.N. (1823). *Khronologicheskaya istoriya otkrytiya Aleutskikh ostrovov ili podvigi rossiyskogo kupechestva* [Chronological History of the Discovery of the Aleutian Islands or the Exploits of Russian Merchants]. St. Petersburg, V tipografii N. Grecha. 170 p.

Cherepanov, A.V. (2022). *Rodoslovnyy spravochnik Irkutska 1661–1775 godov* [Genealogical Directory of Irkutsk in 1661–1775]. Irkutsk, Reprotsentr+. 796 p.

Fedorova, T.S. et al. (Comp.). (1989). Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tihogo okeana vo vtoroy polovine XVIII v. Sbornik dokumentov [Russian Expeditions to Study the North Pacific Ocean in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 400 p.

Golovachev, P.M. (1889). *Sibir' v ekaterininskoy komissii: etyudy po istorii Sibiri XVIII veka* [Siberia in the Catherine Commission: Studies on the History of Siberia of the 18th Century]. Moscow, V.F. Richter's Printing House. 127 p.

Krotov, V.A. (2013). *Letopis' goroda Irkutska. 1652–1856 gg*. [Chronicle of the City of Irkutsk. 1652–1856]. Sost. N.V. Kulikauskene. Irkutsk, Sibirskaya kniga. 448 p.

Kryuchkova, T.A. (1996). "…Userdiem i kapitalom". O metsenatstve pri stroitel'stve irkutskikh tserkvey ["…With Diligence and Capital". About Patronage in the Construction of Irkutsk Churches]. In *Zemlya Irkutskaya*. No. 5, pp. 66–75.

Makarova, R.V. (1968). *Russkie na Tikhom okeane vo vtoroy polovine XVIII v*. [Russians in the Pacific in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 200 p.

Pezhemskiy, P.I. (2020). *Panorama Irkutskoy gubernii* [Panorama of Irkutsk Province]. Podgotovka teksta N.V. Kalikauskene. Irkutsk, Artizdat. 400 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2012). *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce of Siberia]. Novosibirsk, Geo. Vol. 1: A–L. 450 p.

Serebrennikov, I.I. (1911). *Irkutskaya letopis. Letopisi P.I. Pezhemskogo i V.A. Krotova* [Irkutsk Chronicle. Chronicles of P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov]. Irkutsk, Parovaya tipografiya of I.P. Kazantseva. 418 p.

Shakherov, V.P. (2013). *Sotsiokul'turnye protsessy v gorodskoy srede Baykal'skoy Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.: monografiya* [Socio-Cultural Processes in the Urban Environment of Baikal Siberia 18th – the First Half of the 19th Century]. Irkutsk, Izd-vo IGU. 256 p.

Shteyngeyl, V.I. (1992). *Sochineniya i pis'ma. T. 2. Zapiski i stat'i* [Essays and Letters. Vol. 2. Notes and Articles]. Eds. N.V. Zeifman, V.P. Shakherov. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 447 p.

Vedernikov, Yu.V. (2016). *Rossiyskoe moreplavanie na Tihom okeane za trista sem'desyat pyat' let svoey istorii. Hronika sudohodstva i korablekrusheniy, 1639–2014 gody: monografiya* [Russian Navigation in the Pacific Ocean for Three Hundred and Seventy-Five Years of Its History]. Vladivostok, Izdatel' Yu.V. Vedernikov. 347 p.

Е.А. Кашапова*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.П. БАТОЛИНА (1878–1939) В ЭМИГРАЦИИ В 1918–1925 ГОДАХ

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-19
УДК 323.326(67-05)"1918/1925"

Выходные данные для цитирования:
Кашапова Е.А. Предпринимательская деятельность П.П. Батолина (1878–1939) в эмиграции в 1918–1925 годах // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 262–275. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-19.pdf

E.A. Kashapova*

THE ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF P.P. BATOLIN (1878–1939) IN EXILE IN 1918–1925

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-19

How to cite:
Kashapova E.A. The Entrepreneurial Activity of P.P. Batolin (1878–1939) in Exile in 1918–1925 // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 262–275. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-19.pdf]

Abstract. After the collapse of the Russian Empire, Russian entrepreneurs who were in emigration considered the situation in the country to be a “temporary inconvenience”. Prokopy Petrovich Batolin (1878–1939), being part of the business elite of the Russian Empire, was on his business trip to Japan and the United States between the two revolutions and supposed that this time could be used as a period to establish contacts with partners and time to gain experience. Acting on behalf of the Partnership “I. Stakheev and C°.”, Prokopy Batolin signed contracts with American entrepreneurs. His partners were: Cyrus McCormick, Jr., Edsel Ford, Samuel McRoberts, E.P. Rosenbaum and Percy Rockefeller. During the trip, in the context of Russian-American relations, the “People’s Industrial Trading C°.”, a non-profit organization whose purpose was anti-Bolshevik activities, was created. P. Batolin did not exclude the possibility of working in cooperation with the Soviet government, his relationships included: L. Trotsky, L. Krasin, N. Krestinsky, F. Dzerzhinsky. The cosmopolitan approach of the entrepreneur and the desire to restore the country’s economy were used by the Soviet government as a way to obtain information and investments. Conclusion of contracts by the Partnership “I. Stakheev and C°.” with the Japanese company Mitsubishi, as well as the ownership of the Chinese Eastern Railway and the concession right for Sakhalin oil and coal became the subject of international negotiations and disputes. The facts presented in the article are the result of a study in Russian and foreign archives, which make it possible to present the entrepreneurial activity of P. Batolin in exile more fully.

Keywords: anti-Bolshevik activity, Soviet government, concessions, America, Japan, emigration, entrepreneurship, business elite.

The article has been received by the editor on 04.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. После краха Российской империи находящиеся в эмиграции русские предприниматели воспринимали происходящее в стране как «временное неудобство». Входящий в круг бизнес-элиты Российской империи Прокопий Петрович Батолин (1878–1939) с лета 1918 по весну 1919 г. находился в деловой поездке в Японии и США и считал, что этот период можно использовать как время для налаживания контактов с партнерами и приобретения опыта. Действуя от лица Товарищества «И. Стахеев и К°»,

* **Екатерина Александровна Кашапова,** аспирант, Елабужский институт Казанского федерального университета; Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Елабуга, Россия, e-mail: egmz-expo@mail.ru
Ekaterina Aleksandrovna Kashapova, Postgraduate Student, Yelabuga Institute of Kazan Federal University; Yelabuga State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve, Yelabuga, Russia, e-mail: egmz-expo@mail.ru

Прокопий Батолин заключил договоры с американскими предпринимателями о поставках автомобилей и сельскохозяйственных машин, а также о строительстве элеваторов. Его партнерами стали Сайрус МакКормик-младший, Эдсел Форд, Сэмюэл МакРобертс, Е.П. Розенбаум, Перси Рокфеллер и др. В ходе поездки была создана компания Peoples' Industrial Trading Co., являющаяся некоммерческой организацией, назначением которой была антибольшевистская деятельность. П.П. Батолин не исключал возможности работы во взаимодействии с советской властью, в круг его общения входили Л.Д. Троцкий, Л.Б. Красин, Н.Н. Крестинский, Ф.Э. Дзержинский. Космополитический подход предпринимателя и желание восстановить экономику страны использовались советским правительством как способ получения информации и инвестиций. Заключение договоров Товарищества «И. Стахеев и К°» с японской фирмой Mitsubishi, а также право собственности на Китайско-Восточную железную дорогу и концессионное право на сахалинские нефть и уголь стали предметом для противоречивых международных переговоров. Данные, представленные в статье, выявлены в российских и зарубежных архивах, что позволяет более полно представить предпринимательскую деятельность П.П. Батолина в эмиграции.

Ключевые слова: предпринимательство, эмиграция, бизнес-элита, антибольшевистская деятельность, советское правительство, концессии, Америка, Япония, КВЖД.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023 г.

В период Гражданской войны и первые годы эмиграции российская бизнес-элита, оторванная от своей страны, продолжала позиционировать себя как социально значимую силу, которая, имея экономический и хозяйственный опыт, после освобождения страны от большевизма будет не просто востребована в экономической системе, а займет полагающееся ей место в деловом и политическом пространстве обновленной России. Вопрос бизнес-адаптации эмигрантов, их способность мимикрировать – вступать в контакт с представителями советской власти и одновременно закрепиться на европейских и западных территориях – все эти аспекты попали в сферу интересов как отечественных, так и зарубежных исследователей[1].

Примером предпринимательской деятельности представителя российской бизнес-элиты в условиях эмиграции первой волны 1918–1920 гг. является деятельность одного из соучредителей фирмы «И. Стахеев и К°» Прокопия Петровича Батолина (годы жизни 1878–1939). Торгово-промышленная деятельность Батолина фрагментарно попадала в поле зрения российских исследователей, изучавших историю деятельности концерна Стахеева-Путилова-Батолина в 1914–1918 гг.[2] Но деятельность П.П. Батолина в эмиграции не изучалась, что подчеркивает новизну проводимого исследования.

Прокопий Батолин, выходец из семьи государственных крестьян Вятской губернии, получил первый предпринимательский опыт, поступив в 1897 г. на службу приказчиком по хлебному делу к елабужскому купцу-миллионеру И.Г. Стахееву (годы жизни 1837–1907). К 1901 г. в силу общих интересов и взглядов он сдружился с сыном владельца фирмы И.И. Стахеевым (годы жизни 1868–1919) и совместно с ним в мае 1912 г. учредил торгово-промышленное Товарищество «Иван Стахеев и К°». Обладая уникальным предпринимательским чутьем и финансовой хваткой, П.П. Батолин к 1914 г. вошел в круг промышленной и финансовой элиты Российской империи. Журналисты прозвали П.П. Батолина

[1] *Шацилло М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008. С. 342; *Shmelev A.* In the Wake of Empire: Anti-Bolshevik Russia in International Affairs, 1917–1920. Hoover Institution Press, 2021. P. 472.

[2] *Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969; *Маслова И.В.* Иван Стахеев – представитель дореволюционной бизнес-элиты Российской империи // Экономическая история: Ежегодник. 2021. М., 2022. С. 28–41.

«хищной столичной акулой»[3], а вместе с К.И. Ярошинским и А.И. Путиловым эту троицу называли «Большой тройкой Санкт-Петербурга» или «Нечестивой тройкой Империи»[4].

Воспринимая внутреннюю неразбериху времен Гражданской войны как кратковременное неудобство, Прокопий Петрович Батолин, уверенный, что политические неурядицы необходимо решать не силой, а путем экономического воздействия, в июле 1918 г. отправился в мировое турне с посещением Японии и Америки, которое, однако, впоследствии переросло в вынужденную эмиграцию[5].

Планы по сотрудничеству и созданию совместных проектов с американскими компаниями были обозначены еще в 1917 г. Примечательно, что стартовой площадкой для сотрудничества послужила торговля хлебом – именно она была своеобразным ядром в деятельности Товарищества «И. Стахеев и К°».

Посредником между предпринимателями США и П.П. Батолиным выступил Байрон Брукс (Byron Brooks), представитель нью-йоркской машиностроительной компании «Джеффри мануфакчуринг компани» (The Jeffrey Manufacturing Company), гражданин США, проживавший в Петрограде[6]. После февраля 1917 г. американские бизнесмены с уверенностью ожидали, что Россия превратится в страну спроса и предложения и появится огромная возможность инвестировать капитал и наладить новые каналы торговли.

Для изучения продуктового рынка в Россию от синдиката National City Bank of New York был отправлен Луис Гай Майкл (годы жизни 1877–1967) – сельскохозяйственный эксперт по выращиванию кукурузы, который на протяжении шести лет (1910–1916) культивировал кукурузу в Бессарабии. Задача, которую перед ним ставило руководство National City Bank of NY в 1916–1917 гг., состояла в том, чтобы создать сводный отчет о зерновом потенциале России на примере самой крупной в Российской империи зерновой компании – Товарищества «И. Стахеев и К°»[7].

Документ был подготовлен и содержал карты каждого из крупных портов Черного моря с указанием доков и пирсов с обозначением глубины вдоль них, на картах были отмечены склады, элеваторы и железнодорожные подъездные пути. Отчет Л.Г. Майкла охватывал довоенный период и включал диаграммы и таблицы, показывающие перегрузочные мощности, количество зерна, экспортируемого из каждого порта, а также пункты назначения экспорта и импорта по странам. Среди подготовленных материалов содержались карты, показывающие дефицит или избыток урожая зерна в каждой провинции, в тексте также описывалось, где сосредоточены излишки пяти основных зерновых культур и куда они были отправлены[8]. За подписью народного комиссара по иностранным делам Л.Д. Троцкого Л.Г. Майклу были выданы справки на вывоз данного пакета документов из России в Америку в нескольких экземплярах. Один комплект был передан П.П. Батолину, фрагменты подробного отчета Луиса Майкла отрывочно встречаются в российских и зарубежных архивах[9].

Персона Л.Г. Майкла интересна еще и потому, что в 1918–1919 гг. американской стороной он был назначен советником российской капиталистической группы (в состав группы входили П.П. Батолин и А.И. Путилов). Л.Г. Майкл в качестве переводчика участвовал в переговорах П.П. Батолина с совладельцем Armour Grain Company, представителями

[3] *Пыжиков А.В.* Питер – Москва. Схватка за Россию. М., 2014. С. 434.
[4] *Cowles V.* 1913 // An End and a Beginning. N.Y., 1968. P. 135.
[5] *Creech G.B.* A Russian Businessman in Washington: P.P. Batolin and U.S. Russian Relations in Late 1918 // Revolutionary Russia. 2020. Vol. 33, No. 1. P. 67–87.
[6] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2178. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
[7] *Michael L.G.* More Corn for Bessarabia / Corn industry – Bessarabia (Moldavian S.S.Rand Ukraine). Michigan, 1983. P. 245.
[8] Там же.
[9] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture // Columbia University, Boris Aleksandrovich Bakhmeteff Papers, 1914–1951, Box 52, Ivan Stakheyeff 1918–1919. P. 73; Box 16, Correspondence P.P. Batolin Folder 1, box 1. P. 49.

Государственного департамента, Ford Motor Company и различными компаниями по производству сельскохозяйственной техники[10].

На самом деле круг встреч и интересов, который попал в сферу деятельности П.П. Батолина в 1918 г., был намного шире. Особую роль сыграло знакомство через американского атташе США в России Уильяма Чаплина Хантингтона с профессором Чикагского университета, специалистом по России Самюэлем Харпером (годы жизни 1882–1943). Самюэль Харпер, разделявший взгляды П.П. Батолина о необходимости воздействовать на ситуацию в России экономически, содействовал продвижению русского коммерсанта не только в промышленных кругах, но и в дипломатической и политической среде[11]. С.Н. Харпер был сторонником экономической помощи России и выступал за создание специальной комиссии. В состав комиссии должны были войти деятели Государственного департамента, основная задача которых – консультировать администрацию президента Вильсона в вопросах политики и предоставлять России существенную экономическую помощь. Взгляды С.Н. Харпера разделяли Джером Лэндфилд (аналитик Российского бюро Госдепартамента), У.Ч. Хантингтон и Ч.Р. Крейн.

Когда Л.Г. Майкл заболел, то С.Н. Харпер взял на себя роль переводчика на встречах П.П. Батолина со многими ведущими бизнесменами, среди которых были: Александр Легг, генеральный директор International Harvester; медиамагнат Роберт МакКормик; Кларенс М. Вулли, президент Американской радиаторной компании (American Radiator Company). Фигура русского предпринимателя была так популярна, что и Джон Д. Рокфеллер-старший выразил желание увидеть Батолина[12].

Высшее руководство Америки было в курсе передвижения и контактов П.П. Батолина, Прокопий Петрович провел переговоры с неофициальными советниками президента В. Вильсона – судьей Л.Д. Брандейсом (годы жизни 1856–1941) и полковником Э.М. Хаусом (годы жизни 1958–1938).

П.П. Батолин поддерживал тесные контакты с Чарльзом Р. Крейном, одним из советников В. Вильсона по внешней политике. Ч.Р. Крейн – наследник крупного состояния, сын промышленника Р.Т. Крейна. Благодаря широким бизнес-интересам участвовал в государственной и международной политике, имел привилегированный доступ ко многим влиятельным фигурам на верхних уровнях власти. Много путешествовал, с 1890 по 1930 г. побывал в России 25 раз, снабжал сведениями об этой стране официальный Вашингтон и американскую общественность[13].

Осенью 1918 г. Ч.Р. Крейн и П.П. Батолин неоднократно встречались в Вашингтоне и вместе ездили на несколько дней в Нью-Йорк на встречу с директором National City Bank of New York Сэмюэлем МакРобертсом. В целом Крейн разделял позицию Батолина по экономическому влиянию на политическую ситуацию и регулярно передавал президенту США предложения Прокопия Петровича об экономической помощи и комиссии по России, создавая, таким образом, опосредованную связь между Вудро Вильсоном и Прокопием Батолиным[14].

Такой уровень внимания и круг общения повышали статус Прокопия Петровича. Сыграл свою роль в продвижении П.П. Батолина на дипломатической арене и Борис Александрович Бахметев (годы жизни 1880–1951). Бахметев, отправленный в Америку Временным правительством как глава миссии по приобретению сельскохозяйственной техники и инвентаря и ставший с 1917 г. официальным послом Временного правительства в

[10] *Michael L.G.* More Corn for Bessarabia / Corn industry – Bessarabia (Moldavian S.S.R and Ukraine). Michigan, 1983. P. 245.

[11] *Creech G.B.* A Russian Businessman in Washington: P.P. Batolin and U.S. – Russian Relations in Late 1918 // Revolutionary Russia. 2020. Vol. 33, No. 1. P. 67–87.

[12] *Harper S.N., Harper P.V., Thompson R.B.* The Russia I Believe // The Memoirs of Samuel N. Harper, 1902–1941. Chicago, U.S.A. P. 279.

[13] См.: *Иванян Э.А.* Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М., 2001.

[14] *Creech G.B.* A Russian Businessman in Washington: P.P. Batolin and U.S. – Russian Relations in Late 1918 // Revolutionary Russia. 2020. Vol. 33, No. 1. P. 78–79.

Соединенных Штатах, являлся одной из самых значимых фигур в современных американо-российских отношениях и с симпатией относился к Батолину. Несмотря на свое неприятие российской дипломатии, на официальных встречах в Японии П.П. Батолин демонстративно обошел стороной русского посла В.Н. Крупенского, а по приезду в Америку во всеуслышание заявлял: «Мой план – ничего общего с посольствами не иметь»[15]. П.П. Батолин на протяжении всей поездки с середины лета 1918 г. по весну 1919 г. находился в активной переписке с Б.А. Бахметевым[16]. Благодаря его рекомендации Прокопий Петрович совершил поездку по штатам с целью ознакомления с производством и промышленными сооружениями.

Находясь в гостинице «Jefferson Hotel» в г. Феникс (штат Аризона), Батолин с восторгом писал Б.А. Бахметеву: «Применение человеческой энергии настолько захватило меня всего, что я нахожусь всецело под влиянием грандиозности от совершающейся здесь работы»[17]. Жадный до знаний, энергичный и любознательный сын крестьянина, Батолин стремился вникнуть во все нюансы организации дела, узнать все до последних мелочей. Так, в штате Оклахома его интересовали нефтяные месторождения и то, как организована работа на них, в штатах Аризона и Майами – рудники и способы обработки и выплавки меди.

Особый интерес П.П. Батолина вызвала знаменитая Рузвельтовская дамба и система ирригации на Соленой реке близ города Феникс. Этот интерес был связан с планами П.П. Батолина на проведение оросительных работ в Туркестане. Товарищество «И. Стахеев и К°» имело тесные связи с эмиром бухарским Алим Ханом через политического агента в Бухарском эмирате – А.Я. Миллера (годы жизни 1868–1940)[18]. Осенью 1916 г. Товарищество «И. Стахеев и К°» получило исключительные права на возведение в пределах бухарских владений заводов, фабрик, приобретение недвижимости и приступило к строительству системы оросительных каналов. Основные работы по ирригации и эксплуатации земельных массивов, купленных у бухарского правительства, были намечены на 1918 г. В общей сложности планировалось оросить до 20 тыс. дес. земли[19].

После прихода к власти большевиков 17 мая 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об ассигновании пятидесяти миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ»[20]. По декрету было создано особое Управление ирригационных работ в Туркестане «Иртур» под руководством профессора Г.К. Ризенкампфа.

К октябрю 1918 г. экспедиция в Туркестан была сформирована, из-за начавшейся британской интервенции путь пришлось проложить через Самару с намерением далее следовать в Оренбург. В Самаре губернская чрезвычайная комиссия 2 декабря 1918 г. арестовала весь личный состав экспедиции, более 230 человек, по подозрению в контрреволюционной деятельности и заключила их в Самарскую губернскую тюрьму. В ходе следствия по делу «Иртура» при участии члена РВС (Революционного военного совета) и политического комиссара 4-й армии Г. Линдова (Гавриил Давидович Лейтейзен) и заместителя председателя ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана В.В. Куйбышева утверждалось, что в состав экспедиции «Иртура» входит гидротехнический состав концерна Стахеева, а непосредственно Товарищество «И. Стахеев и К°» является представителем американского капитала в Средней Азии. Один из допрашиваемых по делу, барон Бильстром (по другим данным Бистром) (*так в источнике. – Е. К.*), во время следствия в декабре 1918 г. заявил, что Товарищество «И. Стахеев и К°» существует на американский капитал. Этот факт косвенно

[15] Цит. по: *Шмелев А.В.* Деятельность П.П. Батолина в годы Гражданской войны. Кемерово, 2009. С. 249.
[16] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture // Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Boris Alexandrovich Bakhmeteff Papers, Box 16, Folder 2. Письмо Батолин – Бахметеву от 18 октября 1918 г. P. 12–14.
[17] Там же.
[18] Батолин о судьбах России // Заря (Харбин). 1939. № 208. С. 3.
[19] Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб., 2007. С. 293–294.
[20] Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 274–278.

подтвердили и другие участники экспедиции. Указывалось, что основной задачей Управления ирригационных работ в Туркестане была подготовка почвы для фирмы Стахеева. Самарская ЧК доложила все данные в Совнарком РСФСР с рекомендацией разобраться в деле, но уже 25 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) принял постановление о прекращении дела по обвинению «Иртура» в контрреволюционности[21].

Любопытно, что в ходе следствия было обозначено, что совладелец Товарищества «И. Стахеев и К°» П.П. Батолин в настоящее время находится в Америке. По всей видимости, Прокопий Петрович предлагал варианты участия американского бизнеса в освоении Туркестана в контексте существующих экономических и политических реалий. Попытки по взаимодействию группы «Иртура» с американскими промышленниками предпринимались и в мае 1919 г., вопрос о закупке разных материалов через Центросоюз на сумму 500 млн руб. поднимался на заседании партии большевиков 12 мая 1919 г. Такие торговые операции заместитель народного комиссариата продовольствия РСФСР, член правления Центросоюза М.И. Фрумкин назвал «дутыми затеями и сомнительным предприятием» и требовал сотрудничество прекратить, по итогу заседания было предложено М.И. Фрумкину вынести этот вопрос на обсуждение в Совнарком[22].

После осмотра американских ирригационных систем П.П. Батолина заинтересовало хлопководство: он осматривал мелкие мануфактуры и фабрики, что, бесспорно, согласовывалось с планами развития Бухары и Средней Азии, обозначенными Товариществом «И. Стахеев и К°» еще до революции. Западным партнерам варианты по развитию и инвестициям в этот регион были представлены П.П. Батолиным как «Семиреченский проект»: «Из двадцати пяти миллионов основного капитала предлагаемого объединения, по оценкам, не более пяти миллионов необходимо для ведения торговли зерном»[23].

В документе указывалось, что цель состоит не в том, чтобы немедленно построить элеваторы в этом районе, а в том, чтобы дождаться стабилизации политической ситуации и только потом начинать инвестировать. «В настоящее время спрос в Туркестане настолько велик, говорилось в тексте, а рабочая сила настолько дешева, что применение примитивных методов принесет большую прибыль. Также в проекте было отмечено, что регион изобилует говядиной и бараниной, вопрос поставки которых еще не рассматривался в упаковочном бизнесе»[24]. П.П. Батолин отмечает, что создание рефрижераторной линии из этого региона в Москву следует позиционировать как необходимость ближайшего будущего.

Итогом представленного Семиреченского проекта стало подписанное П.П. Батолиным в начале 1919 г. соглашение с Американской международной корпорацией, предоставляющей фирме «И. Стахеев и К°» доступ к капиталу в 5 млн долларов. В январе 1919 г. был подписан контракт с Armour Grain Company и J Rosenbaum Grain Company о строительстве мельниц и элеваторов сроком на пять лет[25].

Особый интерес, проявленный П.П. Батолиным к деятельности и устройству крупнейшей американской продовольственной фирмы Armour Company, а именно к его дочерней компании Armour Grain Company, основным направлением деятельности которой была торговля злаками, понятен, поскольку именно «хлебное дело» было делом, на котором он построил карьеру.

Знакомство П.П. Батолина с Сайрусом МакКормиком (годы жизни 1859–1936), сыном известного изобретателя и совладельца International Harvester Company, способствовало

[21] *Зевелев А.И.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959. С. 95–97.
[22] Повестка дня заседания ПБ ЦК РКП(б) от 12 мая 1919 г. (протокол) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–3.
[23] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture // Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Boris Aleksandrovich Bakhmeteff Papers, 1914–1951, Box 16, Correspondence P.P. Batolin. P. 15–18.
[24] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture // Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Boris Aleksandrovich Bakhmeteff Papers, 1914–1951, Box 16, Correspondence P.P. Batolin. P. 17–18.
[25] *Шмелев А.В.* Деятельность П.П. Батолина в годы Гражданской войны. Кемерово, 2009. С. 252–253.

тому, что предприниматель обратил внимание на проблему механизации сельского хозяйства. Результатом встреч с С. МакКормиком-младшим стало заключение договора о поставке 400 единиц сельскохозяйственной техники[26].

После осмотра шахт по добыче железной руды в районе Ржавого пояса (Rust Belt – индустриальный район, простирающийся к западу от Нью-Йорка до территорий вокруг Великих озер) П.П. Батолин отправился в Детройт на завод по производству автомобилей Форда. Весной 1919 г. Прокопий Петрович заключил договор с Ford Motor Company на поставку автомобилей марки «Model T». В рамках соглашения фирма «И. Стахеев и К°» становилась полномочным представителем Ford Motor Company в Европейской России, Сибири и Средней Азии и получала исключительные права на все переговоры и сделки о продажах или производстве там этих автомобилей[27].

В переписке с Генри Фордом Прокопий Петрович выражал надежду на возможность американо-японского сотрудничества на российской площадке. Визуальным свидетельством встречи двух бизнесменов является коллективное фото русско-американской группы, в составе которой находились П.П. Батолин и Г. Форд, сохранившееся в архивах исследовательского центра при музее Г. Форда в Детройте[28]

Российская группа на заводе Г. Форда в Детройте 19 марта 1919 г.
(Research center The Henry Ford museum / Acc. 62 Records Moved to the Engineering Laboratory in 1919 series, Box 109, Russia, p. 189.1A)

Среди лиц, запечатленных на фото, У.Б. Мэйо (годы жизни 1866–1944) – консультант и советник Эдсела Форда и руководитель Ford Motor Company Ч.Э. Соренсен (годы жизни 1881–1968), фактически курировавший производство компании.

Чтобы удостовериться в надежности и финансовой состоятельности П. Батолина, перед заключением договора Генеральный секретарь Г. Форда Эрнест Густав Либольд (годы жизни 1884–1956) отправлял в Петроградское отделение National City bank of NY запрос о подтверждении благонадежности П.П. Батолина. Ответ из Петрограда телеграфировали: «Ссылаясь на ваше письмо от 29 марта (1919 г.) с вопросом о вышеупомянутом джентльмене, мы хотим заявить, что г-н Батолин имеет счет в этом учреждении и имеет интересы по всей России, включая Сибирь; также, что мы считаем его надежным и финансово ответственным, по край-

[26] *Шмелев А.В.* Деятельность П.П. Батолина… С. 247–254.
[27] *Шпотов Б.М.* Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2005. С. 384.
[28] Research center “The Henry Ford Museum” / Acc. 62 Records Moved to the Engineering Laboratory in 1919 series box 109 Russia. P. 144, 145, 189.

ней мере в отношении России, поскольку он является директором нескольких российских банков и корпораций»[29].

Продолжением партнерских отношений стало учреждение в июне 1919 г. международной торговой фирмы Peoples Industrial Trading Corporation of the US («Народное общество» – в сокращенном русскоязычном варианте). Уставной капитал фирмы составляли в равных долях русско-американские средства. Финансовая часть российской стороны в сумме 500 тыс. долларов выражалась в акциях Товарищества «И. Стахеев и К°». Долю американского капитала внесли Сэмюэль МакРобертс, Е.П. Розенбаум, Armour Grain Company и Перси Рокфеллер[30].

В официальных документах и соглашении об основании фирмы указано основное назначение компании – международная торговля, однако проведенное исследование показало, что скрытая цель фирмы – экономическая борьба с большевистским режимом. Руководителем некоммерческой торговой корпорации Peoples' Industrial Trading Co., организованной для борьбы с большевиками со штаб-квартирами в Риге (Латвия) и Таллине (Эстония), в 1919–1920 гг. был назначен Луис Гай Майкл. Выяснилось, что Л.Г. Майкл являлся агентом ЦРУ (Центральное разведывательное управление США) по особым поручениям в области продовольствия и сельского хозяйства, в 1950-е гг. он был награжден медалью от ведомства за особые заслуги[31]. Что касается П.П. Батолина, то его роль в этой корпорации предстоит выяснить. Однако известно, что Прокопий Батолин владел недвижимостью в местечке Палдийски (в 50 км от Таллина), что давало ему возможность принимать участие в деятельности таллинской штаб-квартиры корпорации Peoples' Industrial Trading Co.[32]

С развитием масштабов дела и увеличением дохода Прокопий Петрович стал признавать, что чем крупнее бизнес, тем больше он зависит от политической ситуации. Батолин – свидетель революционных потрясений в России 1917 г. – осознавал, что российским предпринимателям следовало серьезнее относиться к сложившейся в те годы политической ситуации. В 1939 г. он писал: «Мы, хозяйственники старой России, должны были больше заботиться о Государстве. То, что мы платили наши налоги и жертвовали миллионы на благотворительность, не было достаточно. Мы так же должны были больше заботиться о народном образовании и социальных вопросах страны. Если удалось такому Распутину влиять на Правительство, почему же нам не удалось бы наше влияние распространить на Государство и помочь Правительству. Но мы тогда эту нашу задачу не понимали, мы просто сторонились всяких правительственных вопросов»[33].

Вместе с тем, имея огромный опыт совместного управления крупнейшим в Российской империи Товариществом «И. Стахеев и К°» в 1912–1918 гг., деятельность которого обеспечивала более 800 тыс. рабочих и служащих, Батолин предложил свой план действий по экономическому возрождению страны в постреволюционный период. Предприниматель предлагал собрать разрозненные части, влить иностранный капитал в промышленность, предоставить концессионное право зарубежным инвесторам соединить восток и запад путем совместных торговых и промышленных операций[34].

После визита в Соединенные Штаты Америки П.П. Батолин направляется в Японию и Китай, а уже оттуда в Париж. Целью поездок было налаживание экономических и финансовых контактов с зарубежными фирмами. Подтверждение тому мы находим в личной переписке Батолина: «Несмотря на падение целого ряда русских правительств, завя-

[29] Research center "The Henry Ford Museum" / Acc. 62 Records Moved to the Engineering Laboratory in 1919 series box 109 Russia. P. 159.
[30] *Шмелев А.В.* Деятельность П.П. Батолина в годы Гражданской войны… С. 252–253.
[31] *Michael L.G.* More Corn for Bessarabia // Corn industry – Bessarabia (Moldavian S.S.R and Ukraine). Michigan, 1983. P. 244.
[32] Национальный архив Эстонии (ERA). Ф. 1357. Оп. 2. Д. 15556. Batolin. Procofi. P. 140.
[33] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 43. Л. 1–5.
[34] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture // Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Boris Aleksandrovich Bakhmeteff Papers, 1914–1951. Box 52. Ivan Stakheyeff 1918–1919. P. 57–62.

занные мною за границей деловые отношения нисколько не теряют своего значения, напротив того, эти отношения становятся яснее и активнее»[35].

Для обширной деятельности необходим труд целой команды, в числе служащих Товарищества «И. Стахеев и К°» сохранялась группа надежных людей, совместная работа с которыми была начата еще в начале XX в. Одним из таких доверенных лиц был инженер, специалист по железным дорогам Б.В. Остроумов (годы жизни 1879–1943), который участвовал в постройке Бухарской, Южно-Сибирской, Семипалатинской железных дорог, входивших в сферу деятельности Товарищества[36]. Кроме того, Борис Васильевич состоял в родственных связях с династией Стахеевых, первым браком был женат на одной из дочерей И.Г. Стахеева. Б.В. Остроумов, располагая доверенностью от фирмы «И. Стахеев и К°», приехал в Соединенные Штаты в 1920 г. с целью изучения железнодорожного дела и ознакомления с опытом производства вагонов. Приобретенные знания он должен был воплотить на практике в Китае, где, благодаря влиянию директоров Русско-Азиатского банка (в состав которого входили П.П. Батолин и А.И. Путилов), был назначен директором Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)[37].

Перед назначением, которое официально состоялось в начале 1921 г., Борис Васильевич провел огромную работу, инкогнито инспектируя состояние железной дороги. Именно при нем железная дорога преобразилась: используя тактику «административного террора», он сумел из больного предприятия с огромным дефицитом и погрузившимися в апатию рабочими и служащими преобразовать КВЖД в активно работающую и высокодоходную железную дорогу. Уже в 1921 г. дорога дала 2030 тыс. зол. руб. чистой прибыли, в 1922 г. – 5 598 тыс., в 1923 г. – 7 251 тыс., за 1924 г. – более 12 млн. зол. руб.[38]

Б.В. Остроумов активно взялся за реализацию планов Батолина по переустройству КВЖД: у американских промышленников были закуплены транспортные вагоны[39], организована транспортировка соевых бобов по железной дороге из Китая в Англию[40].

Но развернуться в полной мере не удалось. В октябре 1924 г. КВЖД перешла из-под контроля финансовой группы Русского-Азиаткого банка в советско-китайское управление.

В 1924 г. Б.В. Остроумов вел переговоры с советским правительством и предлагал свои услуги в работе на КВЖД в качестве управляющего, но был уволен и даже некоторое время находился под арестом[41].

В краткой автобиографии в 1936 г. П.П. Батолин с сожалением писал: «Руководство деятельностью Китайской Восточной железной дороги по причинам, от меня не зависящим, было для меня непродолжительно, так как китайское правительство вошло в соглашение с советским и устранило от этого частного коммерческого предприятия его владельцев-акционеров»[42].

Находясь в эмиграции, П.П. Батолин продолжал надеяться на возвращение (реституцию) капиталов и предприятий товарищества «И. Стахеев и К°».

Согласно документам, к середине 1922 г. наметились позитивные изменения, Прокопию Петровичу со стороны советского правительства была обещана реституция трех четвертей его имущества[43]. Для этого П.П. Батолину необходимо было представить наркому финансов Н.Н. Крестинскому (годы жизни 1883–1938) полный список людей и фирм, которые остались в России и могут быть вовлечены в работу с описанием проекта; кроме

[35] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture // Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. Boris Aleksandrovich Bakhmeteff Papers, 1914–1951. Box 16, Correspondence P.P. Batolin. P. 17–18.
[36] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 35177. Л. 17; Д. 3196, Л. 14.
[37] “The Far Eastern Review”. Shanghai. August, 1925.
[38] Цит. по: *Мелихов Г.В.* Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003.
[39] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 343 (микрофильмы).
[40] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
[41] *Наземцева Е.Н.* «Возвращение» СССР на КВЖД в первой половине 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 16–24.
[42] ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
[43] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1922 (In Two Volumes). Washington, 1938. P. 827–837.

того, необходимо самому приехать в Советскую Россию и на месте оказать услуги по экономическому восстановлению страны[44].

Одновременно наметился прогресс во взаимодействии советского правительства с американскими инвесторами по концессионным проектам. В августе 1922 г. между советской стороной, которую представляли народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин и полпред и торгпред в Великобритании Л.Б. Красин, и американским послом США в Германии Алансоном Бигелоу Хоутоном состоялись неофициальные переговоры. Российское правительство было вполне готово допустить в страну любых американских бизнесменов для ведения переговоров по концессионным, торговым и другим экономическим вопросам[45].

Однако американский бизнес не торопился вкладывать средства, поскольку не был уверен в стабилизации политической ситуации в Советской России. П.П. Батолин тоже выбирал тактику выжидания. После смерти В.И. Ленина в 1924 г. влияние наркома Л.Б. Красина (давнего знакомого А.И. Путилова) ослабевает, планы по реституции рушатся, и П.П. Батолин смещает вектор своего внимания к северо-востоку от Китая – в Японию.

П.П. Батолин надеялся, что соперничество между Соединенными Штатами и Японией за концессионное право на разработку угольных шахт и нефтяных месторождений на дальневосточном направлении сыграет ему на руку. Тем более что подобную игру удалось провернуть перед отъездом в Америку летом 1918 г.: японскому правительству стало известно, что П.П. Батолин планирует продать концессионное право по добыче каменного угля на Сахалине американцам, и они перехватили инициативу, в итоге перед отъездом Батолина на Запад с японцами была достигнута договоренность[46].

В 1920 г. между «И. Стахеев и К°» и токийской фирмой Mitsubishi был заключен и подписан договор на эксплуатацию угольных месторождений, соглашение от лица доверенного фирмы «И. Стахеев и К°» подписал инженер Леонид Платонович Кашин[47]. Л.П. Кашин считал Сахалин спасением от красных и потому решил, ввиду оккупации острова Японией еще в 1920 г., образовать акционерное общество с японской фирмой для эксплуатации месторождений, принадлежащих компании Стахеевых. По истечении трехлетнего срока в сентябре 1922 г. был найден новый партнер и состоялось заключение договора Товарищества «И. Стахеев и К°» с консорциумом «Хокусин-Кай» (фактически Mitsubishi).

14 ноября 1922 г. Народное собрание Дальневосточной Республики приняло решение о самороспуске и воссоединении с Советской Россией. Оккупированный японцами Северный Сахалин административно был отнесен к Приморской губернии. 16 декабря 1922 г. Приморский губревком опубликовал постановление об аннулировании всех дореволюционных прав прежних владельцев на недра. В связи с изменившейся ситуацией Л.П. Кашин в установленный срок подал заявление о признании за «И. Стахеев и К°» преимущественного права на дальнейшую эксплуатацию недр на арендных началах, причем в заявлении «Стахеевская» фирма значилась как единственный владелец площадей. Разрешение от Дальревкома производить работы в том же порядке, в каком они велись ранее, было получено. Совместные с обществом «Хокусин-Кай» геологические исследования и разведки были продолжены[48].

14 мая 1924 г. в Пекине начались длительные официальные переговоры между СССР и Японией об освобождении Северного Сахалина. В октябре месяце переговоры вступили в окончательную, но самую сложную фазу, так как Япония старалась максимально выгодно решить вопрос с контрактами на нефтяные концессии. Загвоздка состояла в том, что выделение концессионных участков велось в шахматном порядке, участки не должны были соприкасаться, а площадь разработанных совместно с Товариществом «Стахеев и К°» земель значительно превышала выделяемые советским правительством территории. Японцы хотели

[44] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 343. Л. 14.
[45] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1922 (In Two Volumes). Washington, 1938. P. 827–837.
[46] Ои Канэтака. Авторы: Масаки Рёити, Татэока Митио. Национальная парламентская библиотека (The National Diet Library). Токио, 1960. С. 113–128 (из личного архива проф. Юка Курата).
[47] ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2945. Л. 5.
[48] *Лисицына Е.Н.* Товарищество «И. Стахеев и К°» и сахалинская нефть // Клио. 2014. № 5. С. 66–69.

максимально захватить участки, которые уже изведаны или разрабатываются ими. Чтобы умерить аппетиты японских промышленников, П.П. Батолин через Л.П. Кашина предлагал советскому правительству создать на самых освоенных и прибыльных территориях с выходом к морю совместное советско-японское или советско-американское смешанное акционерное предприятие в традиционных половинных долях с государственным участием. Американское присутствие в этом триумвирате было выгодно Советам: во-первых, американский капитал помогал решить вопрос инвестирования; во-вторых, после известной истории с Синклером предоставленные американцам концессии помогли бы сгладить ситуацию; в-третьих, американское присутствие, бесспорно, усмирило бы аппетиты японской стороны.

Инженер Л.П. Кашин писал председателю главного концессионного комитета при СНК СССР Л.Д. Троцкому: «Подходя к разрешению этого вопроса с чисто практической и деловой стороны, при полном всестороннем и точном знании всех деталей дела, я позволю себе представить на Ваше благоусмотрение вопрос о признании прав всех прежних владельцев недр на Сахалине. Хотя бы даже номинально, по крайней мере на тот период времени, пока вопрос о получении японцами концессии не будет окончательно урегулирован. Этим путем будет забронирована передача в руки японцам всех лучших месторождений Сахалина, кроме запретной казенной полосы»[49]. В своих перспективных планах Л.П. Кашин заглянул в далекое будущее и выполнил расчеты по добыче угля и нефти на Сахалине до 1978 г. включительно. Несмотря на пошаговую детализацию и подробные проекты, советское правительство не пошло на уступки и не признало имущество Товарищества «И. Стахеев и К°». Как отмечал А.А. Иоффе (годы жизни 1883–1927), бывший заместителем Л.Д. Троцкого в Главконцесскоме: «признание прав Стахеева равносильно денационализации, что принципиально недопустимо как прецедент»[50].

При обсуждении деталей на деловой встрече о концессионных контрактах японская сторона первой завела разговор о фирме «И. Стахеев и К°» и, получив от советского правительства твердое заверение, что «Стахеев» никаких прав на данные участки не имеет, в свою очередь также ответила, что ни одна японская фирма ни работы, ни действующего договора со Стахеевым не ведет[51]. Детали переговоров по вопросу концессий от 16 сентября 1925 г., безусловно, стали известны П.П. Батолину, так как переводчиком с японской стороны выступал профессор русской литературы, переводчик произведений Л.Н. Толстого на японский язык, толстовец Кониси Масутаро (годы жизни 1862–1940), друг П.П. Батолина[52].

Примечательно, что вне зависимости от исхода переговоров о концессиях для разрешения проблемы нефтяных отводов фирма «Хокусин-Кай» заплатила Товариществу «И. Стахеев и К°» около полумиллиона иен отступных[53]. Несмотря на все трудности, 14 декабря 1925 г. председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский подписал с японскими фирмами три концессионных (против планируемых четырех) договора на эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений Северного Сахалина[54]. Нефтяное дело было проиграно товариществом «И. Стахеев и К°», тем важнее представлялась борьба за отводы по каменному углю. Казалось, что и здесь все пойдет по уже проверенному сценарию – советское правительство и японские предприниматели просто исключат такого неудобного посредника, как «И. Стахеев и К°». Тем не менее «Бюллетень иностранной и русской прессы» № 6 от 9 марта 1926 г. сообщал: «…предоставление советским правительством торговому дому “Стахеев и К°” концессии на Северном Сахалине поразило некоторые японские круги… Стахеев надеется необходимый для работы капитал получить от американской компании Standard Oil. Оста-

[49] ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2946. Л. 75.
[50] Там же. Д. 2945. Л. 125.
[51] АВП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 2–21.
[52] 倉田有佳函館に眠る Р.Р.バトーリン// 2020 年 9 月 7 日 Postedin 会報 Курата Ю. П.П. Батолин, покоящийся в Хакодатэ // Бюллетень Общества истории связи между Японией и Россией в Хакодатэ. 2020. № 41. 3 марта.
[53] *Лисицына Е.Н.* Товарищество «И. Стахеев и К°» и сахалинская нефть // Клио. 2014. № 5. С. 66–69.
[54] *Шалкус Г.А.* Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91.

ется открытым вопрос, действительно ли дело обстоит так, или же Стахеев полагает, что японская концессионная компания купит его концессию? Передают, что Стахеев получил концессию на 50 лет. К Стахееву отошли нефтяные участки в Оха, старые участки Стахеева и другие участки, относящиеся к району Шахматного распределения»[55]. Японский журналист, сопровождавший П.П. Батолина в 1918 г. и поддерживавший с ним отношения и после 1930 г., когда Прокопий Петрович приехал в Японию, в своих заметках указывал на тот факт, что уголь стал объектом совместной разработки с акционерной компанией «Карафуто Когё», созданной Mitsubishi после 1925 г.[56] Невыясненным остается факт долевого участия П.П. Батолина в японской компании как акционера или же была осуществлена перепродажа концессионного права, как об этом говорилось в прессе. Информация о концессиях для «И. Стахеев и К°» и дальнейшее развитие нефтяного и угольного дела после 1926 г. требуют дополнительного детального изучения.

В сложившихся в 1918–1925 гг. геополитических условиях на фоне всеобщей неразберихи, бесспорно, потрясает масштаб предпринимательской деятельности П.П. Батолина. Примеряя на себя роль своеобразного «перекидного моста» между экономическими пространствами западных и восточных держав, он не оставлял надежды сохранить влияние в экономическом пространстве России. Желание включить в финансовый мир разрушенную Гражданской войной и проводимой политикой экономику Советской России, стремление следовать вектору технологизации и индустриализации в промышленности, сельском хозяйстве и торговле говорят об аполитичных взглядах П.П. Батолина.

Потеря капитала оказалась настолько значительной, что его не удалось восполнить, несмотря на аналитический ум предпринимателя, его умение рассматривать проекты в долгосрочной перспективе, не помогли связи российского предпринимателя с зарубежной бизнес-элитой. После правового признания Советского государства странами Европы и позднее всего Запада отпала необходимость в посреднической миссии П.П. Батолина, а вместе с ней произошло ослабление позиций и частичная утрата его социально-экономического статуса в среде эмигрантов и в финансовом пространстве стран-реципиентов.

Литература

Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. 685 с.

Зевелев А.И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. С. 95–97.

Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л.: Наука, 1969. 180 с.

Лисицына Е.Н. Товарищество «И. Стахеев и К°» и сахалинская нефть // Клио. 2014. № 5 (89). С. 66–69.

Маслова И.В. Иван Стахеев – представитель дореволюционной бизнес-элиты Российской империи // Экономическая история: Ежегодник. 2021. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 28–41.

Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Рус. Путь, 2003. 438 с.

Наземцева Е.Н. «Возвращение» СССР на КВЖД в первой половине 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 16–24.

Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / М.Н. Барышников, В.Ю. Гессен, А.Л. Дмитриев, Т.М. Китанина, А.А. Семенов; под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. СПб.: Высшая школа менеджмента; Издат. дом СПбГУ, 2007. С. 172–369.

Пыжиков А.В. Питер – Москва. Схватка за Россию. М.: Олма-Пресс, 2014. 464 с.

[55] ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2946. Л. 75

[56] Ои Канэтака. Авторы: Масаки Рёити, Татэока Митио. Ассоциация по изданию трудов Ои Канэтака // Национальная парламентская библиотека (The National Diet Library). Япония Токио, г. Коганэи Маэхара 3 – 1 – 662 Дата издания: 20 ноября 1960 г. С. 113–128. (Из личного архива проф. Юка Курата); *Шалкус Г.А.* Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91.

Шалкус Г.А. Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91.

Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 342 с.

Шмелев А.В. Деятельность П.П. Батолина в годы Гражданской войны // История белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. (Кемерово, 28–29 сентября 2009 г.). Кемерово, 2009. С. 252–253.

Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М.: КДУ, 2005. 384 с.

Cowles V. 1913 // An Endanda Beginning. N.Y.: Harper&Roy, 1968. 135 p.

Creech G.B. A Russian Businessman in Washington: P.P. Batolin and U.S. – Russian Relations in Late 1918 // Revolutionary Russia. 2020. Vol. 33, No. 1. P. 67–87.

Harper S.N., Harper P.V., Thompson R.B, The Russia I Believe In: The Memoirs of Samuel N. Harper, 1902–1941, Copyright 1945 by The University of Chicago. Published 1945. Composed and printed by the University of Chicago Press, Chicago, Illinois, U.S.A. 279 p.

Michael L.G. More Corn for Bessarabia // Corn industry – Bessarabia (Moldavian S.S.R and Ukraine). History Published by Michigan State University Press, 1983. 245 p.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1922 (In Two Volumes). Washington, 1938. P. 827–837.

Shmelev A. In the Wake of Empire: Anti-Bolshevik Russia in International Affairs, 1917–1920. Hoover Institution Press, 2021. 472 p.

References

Baryshnikov, M.N., Gessen, V.Y., Dmitriev, A.L., Kitanina, T.M., Semenov, A.A. (2007). *Ocherki istorii rossiyskikh firm: voprosy sobstvennosti, upravleniya, khozyaystvovaniya* [Essays on the History of Russian Firms: Issues of Ownership, Management, and Mmanagement]. St. Petersburg, Vysshaya shkola menedzhmenta, Izdat. dom SPbGU, pp. 172–369.

Cowles, V. (1968). 1913. In *An End and a Beginning.* NY, Harper&Roy. 262 p.

Creech, G.B. (2020). A Russian Businessman in Washington: P.P. Batolin and U.S. – Russian Relations in Late 1918. In *Revolutionary Russia.* Vol. 33, No. 1, pp. 67–87.

(1959). *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Vol. II. March 17 – July 10, 1918. Moscow, Politizdat. 685 p.

Harper, S.N., Harper, P.V., Thompson, R.B. (1945). The Russia I Believe. In *The Memoirs of Samuel N. Harper, 1902–1941, Copyright 1945 by The University of Chicago.* Chicago, Illinois, U.S.A, Composed and printed by the University of Chicago Press. 279 p.

Kitanina, T.M. (1969). *Voenno-inflyatsionnye kontserny v Rossii 1914–1917 gg. Kontsern Putilova – Stakheeva – Batolina* [Military-Inflationary Concerns in Russia. 1914–1917. Concern Putilov – Stakheev – Batolina]. Leningrad, Nauka. 180 c.

Lisitsyna, E.N. (2014). Tovarishhestvo “I. Stakheev i K°” i sakhalinskaya neft’ [Partnership “I. Staheev & Co.” and Sakhalin Oil]. In *Klio*. No. 5 (89), pp. 66–69.

Maslova, I.V. (2022). Ivan Stakheev – predstavitel dorevolyutsionnoy biznes-elity Rossiyskoy imperii [Ivan Stakheev – Representative of the Pre-Rrevolutionary Business Elite of the Russian Empire]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik-2021*. Moscow, IRI RAN, pp. 28–41.

Melikhov, G.V. (2003). *Belyy Kharbin. Seredina 20-kh* [White Harbin. Mid-20s]. Moscow, Rus. put’. 438 p.

Michael, L.G. (1983). More Corn for Bessarabia. In *Corn industry – Bessarabia (Moldavian S.S.R and Ukraine).* History Published by Michigan State University Press. 245 p.

(1938). *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1922 (In Two Volumes)*. Washington, pp. 827–837.

Pyzhikov, A.V. (2014). *Piter – Moskva. Shvatka za Rossiyu* [St. Petersburg – Moscow. The Fight for Russia]. Moscow, Olma-Press. 464 p.

Shalkus, G.A. (2008). *Sozdanie I deyatel'nost' yaponskikh kontsessiy na Severnom Sakhaline v 1925–1944 gg.* [Creation and Activity of Japanese Concessions on Northern Sakhalin in 1925–1944]. In *Sibirskiy torgovo-ekonomicheskiy zhurnal*. No. 7, pp. 87–91.

Shatsillo, M.K. (2008). *Rossiyskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoy voyny i pervye gody emigratsii. 1917 – nachalo 1920-kh godov* [The Russian Bourgeoisie during the Civil War and the First Years of Emigration. 1917 – the Beginning of the 1920s]. Moscow, Nauka. 342 p.

Shmelev, A. (2021). *In the Wake of Empire: Anti-Bolshevik Russia in International Affairs, 1917–1920.* Hoover Institution Press. 472 p.

Shmelev, A.V. (2009). *Deyatel'nost' P.P. Batolina v gody Grazhdanskoy voyny* [Activity of P.P. Batolin during the Civil War]. In *Istoriya beloy Sibiri: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Kemerovo, September 28–29, 2009, pp. 252–253.

Shpotov, B.M. (2005). *Genri Ford: zhizn' ibiznes* [Henry Ford. Life and Business]. Moscow, KDU. 384 p.

Zementseva, E.N. (2017). "Vozvrashchenie" SSSR na KVZHD v pervoy polovine 1920-kh godov [The "return" of the USSR to the CER (Chinese-Eastern Railway) in the First Half of the 1920s]. In *Voenno-istoricheskiy zhurnal.* No. 8 (688), pp. 16–24.

Zevelev, A.I. (1959). *Iz istorii grazhdanskoy voyny v Uzbekistane* [From the History of the Civil War in Uzbekistan]. Tashkent, Gosizdat UzSSR, pp. 95–97.

В.В. Гермизеева*

ХРАНЯ ПРОШЛОЕ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д.И. ПЕТИНА «ИСТОРИЯ ОМСКОГО РОДА БАТЮШКИНЫХ»**

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-20
УДК 801:929.5(571.1)

Выходные данные для цитирования:
Гермизеева В.В. Храня прошлое во имя будущего: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 276–286. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-20.pdf

V.V. Germizeeva*

KEEPING THE PAST FOR THE SAKE OF THE FUTURE: REVIEW OF THE MONOGRAPH BY D.I. PETIN “THE HISTORY OF THE BATYUSHKIN’S FAMILY IN OMSK”

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-20

How to cite:
Germizeeva V.V. Keeping the Past for the Sake of the Future: Review of the Monograph by D.I. Petin “The History of the Batyushkin’s Family in Omsk” // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 276–286. [Available online: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-20.pdf]

Abstract. The article is an analytical review of the monograph “The History of the Batyushkin’s Family in Omsk” by Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Dmitry Igorevich Petin, presented to the academic community in January 2022. The book, written in a local history format, is dedicated to the century-and-a-half family saga of the Batyushkin family, shich was influential in pre-revolutionary Omsk. The monograph, using a particular example, also touches upon everyday life, reflecting the numerous transformations of socio-economic and socio-political institutions caused by the turning events of Russian history. The relevance of the research is associated with the high interest of modern historiography in local developments, in which, along with local history stories, there is access to large-scale academic problems. The purpose of our publication is to show the research and practical significance of the work, to highlight and comment on the controversial aspects in the author’s interpretation of events. We emphasize that the reviewed publication compares favorably with the developments of historiography on the topic, thanks to the complex of sources used and methodology. The principles of consistency and determinism, problematic and comparative historical methods allow us to analyze the book novelty, to consider it a phenomenon of scientific life, having its own prehistory and content while at the same time being a part of the general system of knowledge on Siberian local lore. The specifics of the topic and the genre of the publication determined the form of our narrative. Along with the key advantages of the monograph, the review reflects our critical judgments, which are seen as possible steps to improve upon the scientific problem in the future. These comments do not reduce the appreciation of the work addressed to a wide range of readers. The author of the review concludes that D.I. Petin has prepared an original and qualitative study, replete with factual material, including the one on the socio-economic history of Omsk of the 19th – early 20th centuries. The review is addressed to a wide range of readers, including, first of all, researchers of historical science, historiography, socio-economic history, local history and practical genealogy.

Keywords: history of entrepreneurship, former people, Civil War, A.V. Kolchak, local history, Batyushkin’s Family, Omsk.

The article has been received by the editor on 24.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктория Викторовна Гермизеева,** кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, Омск, Россия, e-mail: vika-germ@mail.ru
Victoria Victorovna Germizeeva, Candidate of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: vika-germ@mail.ru

** *Петин Д.И.* История омского рода Батюшкиных. Омск, 2021.

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор монографии кандидата исторических наук, доцента Дмитрия Игоревича Петина «История омского рода Батюшкиных», представленной академической общественности в январе 2022 г. Книга, написанная в краеведческом формате, посвящена полуторавековой семейной саге влиятельного в дореволюционном Омске рода Батюшкиных. Монография на частном примере затрагивает и повседневность, отражающую многочисленные трансформации социально-экономических и общественно-политических институтов, вызванные переломными событиями российской истории. Актуальность исследования связывается с высоким интересом современной историографии к локальным наработкам, в которых наряду с краеведческими сюжетами имеется выход на масштабные академические проблемы. Цель нашей публикации – показать исследовательскую и практическую значимость работы, выделить и прокомментировать дискуссионные аспекты в авторской трактовке событий. Подчеркнем, что рецензируемое издание выгодно отличается от многих предшествующих работ по теме благодаря комплексу использованных источников и методологии. Принципы системности и детерминизма, проблемный и сравнительно-исторический методы позволили проанализировать книжную новинку, рассматривая ее как явление научной жизни, обладающее своей предысторией и содержательной частью и в то же время входящее в общую систему знаний по сибирскому краеведению. Специфика темы и жанр публикации определили форму нашего повествования. Наряду с ключевыми достоинствами монографии, в обзоре нашли отражение наши критические суждения, каковые видятся как возможные шаги к совершенствованию проблематики в дальнейшем. Данные замечания не снижают высокую оценку работы, адресованной широкому кругу читателей. Автор обзора в заключении приходит к выводу о том, что Д.И. Петин подготовил оригинальное и качественное исследование, изобилующее фактическим материалом, в том числе по социально-экономической истории Омска XIX – начала XX в. Обзор адресован для широкого круга читателей, в их числе прежде всего исследователи исторической науки, историографии, социально-экономической истории, краеведения и практической генеалогии.

Ключевые слова: история предпринимательства, бывшие люди, Гражданская война, А.В. Колчак, краеведение, Батюшкины, Омск.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023 г.

Биографии людей – бесценная летопись истории страны, ведь в них преломляется все прошлое государства: военные и политические конфликты, экономические реформы, репрессии, надежды и разочарования. Изучение человеческих судеб в переломные эпохи является необходимым условием для осознания важности тех или иных событий периода. Антропологический поворот, состоявшийся в исторической науке, – яркое тому свидетельство. Вместе с тем в современной историографии все больший интерес специалистов вызывают локальные исследования, нацеливающие внимание на историческое существование отдельных населенных пунктов, районов, улиц и даже зданий. А придание подобным наработкам «человеческого лица» в значительной степени уже даже чисто на психологическом уровне приближает их к читателю, делая научное повествование доступнее для максимального осознания.

В конце XIX – начале XX в. активизировалась не только экономическая, но и общественно-политическая жизнь в Российской империи. Революции, русско-японская и Первая мировая войны стали событиями, приковавшими внимание многих людей того времени. Они особо волновали социум, порой кардинально меняя человеческий уклад, заставляя наших сограждан делать, подчас неоднократно, судьбоносный выбор. В то же время в экономической сфере расширялись возможности для развития предпринимательской деятельности. Во многом об этом на примере одной семьи, известной в дореволюционном Омске,

повествует монография «История омского рода Батюшкиных», подготовленная кандидатом исторических наук, доцентом Д.И. Петиным.

Интерес академических историков к развитию Омского региона в начале XX в. активно обозначился в 1990-е гг. Объекты исследований весьма разнообразны: проблемы экономического развития, административного управления, общественно-политическая жизнь Западной Сибири и Степного края, периодическая печать и др. Данная тенденция в большей степени связана с увеличением публикаций краеведческого характера и активным изучением локальной истории региона в переломный для России период. В числе наиболее популярных сюжетов для исследований оказалась личность А.В. Колчака и все то, что связывало его с Омском. Как следствие, в поле зрения историков попал ставший для адмирала казенной квартирой знаменитый особняк на берегу Иртыша и семья первых владельцев здания[1]. При этом отдельные факты приводились в работах порой без документальных подтверждений.

Рецензируемая монография нацелена на преодоление имеющихся неточностей при рассмотрении данного вопроса. Автор книги скрупулезно в течение нескольких лет разрабатывал проблематику, представляя промежуточные итоги в докладах на конференциях, в научных статьях, «придерживаясь» современного историографического веяния, выражающегося в стабильном интересе к исследованиям по практической генеалогии[2]. Эти работы свидетельствуют о том, как непросто и скрупулезно шла динамика исследования, ставшего книгой. Выявление источников буквально по крупицам заняло порядка восьми лет, сделав весьма основательной и репрезентативной источниковую базу.

Готовя монографию, Д.И. Петин обращался преимущественно к фондам Исторического архива Омской области (проработаны особо тщательно, что логично), Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, государственных архивов Новосибирской, Томской и Кемеровской областей, Хабаровского края. Документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центрального государственного архива Республики Казахстан и частных архивов привлечены в большей степени для фрагментарных дополнений.

Активно используя мемуары и справочную литературу, автор монографии стремился свести воедино жизнь членов семьи, волею судьбы в ходе Гражданской войны оказавшейся разобщенной не только географически, но и идеологически – по разные стороны от новой советской власти. Параллельной линией выстроено столь же непростое историческое бытование «родового гнезда» Батюшкиных – здание не раз за столетие меняло хозяев. Задействовав не только многочисленные традиционные письменные источники, Д.И. Петин

---

[1] См., напр.: *Вибе П.П.* Особняк Батюшкина // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 192; *Лосунов А.М.* Омский адрес верховного правителя. Омск, 2011; *Коновалов И.Л.* Вторая реставрация дома Батюшкина // Недбаевские исторические чтения. Омск, 2012. С. 95–102; *Коновалов И.Л.* Экскурсия по дому адмирала А.В. Колчака // Недбаевские исторические чтения. Омск, 2012. С. 88–95; *Шишкин В.И.* Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всерос. заочной науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 161–173; *Киселев А.Г.* Батюшкины // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1: А–Л. С. 62; *Сушко А.В., Петин Д.И.* Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17; *Стельмак М.М.* Омский род Батюшкиных: к истории архивно-фондового пополнения (2017) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы III Всерос, науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления советской власти в Сибири (Омск, 13–14 ноября 2019 г.). Омск, 2019. С. 240–244.

[2] *Петин Д.И., Коновалова Н.А.* Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2015. С. 118–125; *Петин Д.И.* Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282; *Петин Д.И.* Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 2017. С. 263–271; *Петин Д.И., Стельмак М.М.* «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

также активно использовал фотографии, запечатлевшие представителей семьи Батюшкиных, их особняк, связанных с ним деятелей. В итоге в четырех главах в хронологической последовательности мы наблюдаем проиллюстрированную омскую жизнь сквозь призму перипетий во власти и экономической ситуации начиная с 1827 г. до наших дней.

Первая глава монографии повествует о событиях до 1914 г., получивших отражение в жизни и деятельности Алексея Андреевича Батюшкина и его родных. В это время Омск постепенно превращался в крупный экономический и административный центр. С 1882 г. город стал столицей Степного генерал-губернаторства, а в связи со строительством Транссибирской магистрали и развитием железнодорожного сообщения оживилась торговля, расширилась банковская сфера и промышленность. Сын солдата А.А. Батюшкин начал службу по военному ведомству, но после выхода в отставку унтер-офицером занялся торговым делом, вошел в купеческое сословие. Это открывало новые возможности для его детей, родившихся в браке с Ульяной Тимофеевной Козминой: сыновей – Петра, Капитона и Алексея, дочерей – Александры, Анны, Марии, Фелицаты.

По стечению обстоятельств, после смерти Алексея Андреевича в 1879 г., Капитон остался единственным продолжателем своего рода и носителем фамилии. Именно с его деятельностью и связано появление в 1902 г. знаменитого особняка. Капитон Алексеевич, окончив Омскую учительскую семинарию, с началом преподавательской деятельности вышел из купеческого сословия. К 1888 г., уже на службе в городе Кузнецке Томской губернии, он дослужился до чина коллежского асессора, женился в 1891 г. на Е.Г. Тереховой (дочери состоятельного омского купца), а в конце 1896 г., выйдя в отставку, вернулся в Омск.

Стоит отметить, что город сильно преобразился к тому времени, строительство Транссиба открывало новые возможности для развития торговли, предпринимательства, увеличивало мобильность людей. Будучи центром Степного края, Омск располагал большим количеством административных, финансовых, образовательных учреждений. Французский путешественник Жюль Легра, побывавший в городе в конце XIX в., оставил о нем следующие заметки: «Толстосумы здесь далеки от того, чтобы задавать тон; здесь образованное общество, интеллигенция, как говорят русские, составляет ядро, которое лежит в основе общественной жизни… Омск – это центр, где ведут беседу, спорят, где некоторые еще верят в силу прогресса и где принимают близко к сердцу деятельность многочисленных обществ, которые заполняют лакуны в службах местной администрации»[3].

Как человек образованный, Капитон Алексеевич принимал активное участие не только в семейном бизнесе, но и был вовлечен в общественную жизнь города. Более 20 лет, не занимая должности сотрудника в каких-либо казенных структурах, он стабильно находился «около власти»[4]. Это явно способствовало развитию коммерции Батюшкиных (доходные дома, торговля колониальными товарами, продажа зерна и скота, выращиваемых в загородном имении). Ведь в многочисленных попечительских советах, комитетах и иных подобных собраниях общественности заседали главным образом высшие государственные сановники региона и предприниматели.

В конце XIX – начале XX в. состоятельные горожане, занятые в торговле и промышленности, строили основательные дома, это было составным элементом их статуса и влияния. В продолжение этой традиции в 1902–1906 гг. Батюшкины возводят одноэтажный особняк, построенный с учетом всех достижений того времени: «многоскатная крыша, большие окна, ажурная лепнина, позолота, гризайль и многие другие элементы архитектуры и внутренней отделки здания позволяли по меркам Сибири назвать его настоящим дворцом»[5]. Судьба здания в дальнейшем будет связана не только с историей семьи, но и с событиями государственного значения и ролью в них Омска. Это был некий период стабильности, когда жизнь в городе шла своим чередом. Подобные тенденции развития

[3] *Легра Ж.* В Сибири [Дневник французского путешественника. 1897]. Тюмень; Томск, 2021. С. 43.
[4] *Петин Д.И.* История омского рода… С. 20.
[5] Там же. С. 26.

Омска и Степного края в целом отчетливо прослеживаются в сохранившихся документах официального характера. В материалах конца XIX – начала XX в. обращалось внимание на активное развитие промышленности, увеличение объемов торговли в регионе. В документах указывалось, что если прежде города Степного края едва влачили свое существование, то теперь многие из них стали жить по-новому[6]. В генерал-губернаторских отчетах этого периода встречается следующее описание социально-экономического развития региона: «Торговля, промышленность с каждым годом растут; Сибирская магистраль, новые железные дороги, пароходства, улучшение путей сообщения, прилив массы переселенцев, все это дало толчок всем отраслям жизни, городское население пробудилось и зажило новой жизнью»[7].

Особым событием в социально-экономической жизни Омска стало проведение Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки. Как отмечал степной генерал-губернатор Е.О. Шмит, она стала лучшей иллюстрацией развития края[8]. Выставка открылась 15 июня 1911 г. и проработала два месяца, произведя неизгладимое впечатление на местных жителей и гостей города. В газете «Омская жизнь» в публикации по случаю открытия выставки отмечалось, что она представляет из себя «торжество смотра культурных завоеваний человека во всех областях жизни»[9]. Примечательно, что Капитон Алексеевич входил в состав распорядительного комитета и принимал активное участие в решении ряда организационных вопросов[10].

Для семьи Батюшкиных, очевидно, 1911 год был спокойным и успешным в их деятельности периодом – Капитон Алексеевич принимал непосредственное участие во многих мероприятиях регионального значения, дети учились в омских гимназиях, облагораживалась загородная усадьба. Но вскоре многое изменили события, последовавшие за летом-осенью 1914 г.

Вторая глава посвящена драматичному периоду, в ходе которого произошла не только смена власти в стране, но и потеря имущества и кардинальные изменения в привычном жизненном укладе Батюшкиных. Несомненно, что они начались под влиянием ряда факторов, одним из которых стала Первая мировая война. Автор оставляет вне повествования то, каким было экономическое положение семьи в этот период, давая лишь общие указания о том, что Батюшкины продолжали жить «размеренной жизнью до лета 1918 г.»[11]. Между тем война оказала влияние на занятия и доходы населения Западной Сибири. Предприниматели, «занятые в отраслях экономики, работающих на оборону страны, увеличивали свои прибыли за счет больших государственных заказов», а «остальные лишились дела или вынуждены были его переориентировать»[12].

Д.И. Петин обращает внимание не только на социально-экономические условия жизни семьи, но пишет и о влиянии военных событий на жизненный путь детей Капитона Алексеевича и Елизаветы Георгиевны. Их старший сын Александр оказался на военной службе, окончил Николаевское кавалерийское училище, но проследить его судьбу после 1918 г. не представилось возможным. Второй сын Николай, начав обучение в Петроградском университете в условиях военного времени, в марте 1916 г. был призван в армию. Учился во 2-й Петергофской школе прапорщиков, после чего служил некоторое время в Омске, к началу 1917 г. оказался в действующей армии, а после демобилизации в январе 1918 г. вернулся в родной город. Можно согласиться с субъективным выводом автора монографии

[6] *Гермизеева В.В., Глазунова Т.В.* Отражение проблем социально-экономического развития Степного края в отчетах генерал-губернаторов в начале XX века // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 5. С. 30.

[7] Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1910. С. 2.

[8] Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1911. С. 19.

[9] Открытие Первой Западно-Сибирской выставки // Омский вестник. 1911. № 127. 16 июня.

[10] *Петин Д.И.* История омского рода… С. 22.

[11] Там же. С. 38.

[12] *Шумилова Э.Е.* Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург, 2020. С. 83.

о том, что прохождение начального периода службы молодыми офицерами Александром и Николаем Батюшкиными в родном Омске – результат «негласного вмешательства» их влиятельных родителей, стремившихся, насколько это возможно, законными методами через связи уберечь сыновей от попадания на фронт[13].

Раскол, который произошел во власти в ходе революционных событий 1917 г., отразился и на Батюшкиных. Перед членами семьи стоял серьезный выбор – кого поддержать, как относиться к переменам в общественно-политической жизни страны. Николай не принял советскую власть и стал участвовать в белогвардейском подполье. А в июле 1918 г. особняк Батюшкиных заняла канцелярия Министерства снабжения Временного Сибирского, а затем Временного Всероссийского (Директории) и Российского правительств. Меняется быт семьи, вынужденной переехать в другой дом, старшая дочь Мария поступает на службу счетоводом. Николай же принимает участие в перевороте в ночь на 18 ноября 1918 г., когда к власти пришел адмирал Колчак. С 15 декабря 1918 г. в особняке Батюшкиных была организована Личная резиденция Верховного правителя, которая располагалась там вплоть до 12 ноября 1919 г. В ноябре 1919 г. членам семьи вновь потребовалось сделать новый выбор: в связи с тяжелым положением белой армии встал вопрос об эвакуации столицы. В этих условиях многим жителям Омска, в том числе Батюшкиным, нужно было принять решение, но Капитон Алексеевич и Елизавета Георгиевна не стали покидать родные места. Вдали от Омска и семьи оказались лишь упомянутые выше их сыновья-офицеры.

В третьей главе с символичным названием «Бывшие люди или жизнь заново» идет повествование об «обретении себя» Батюшкиными в советском обществе. С приходом новой власти особняк семье не вернули – они вынуждены были снимать жилье и жить гораздо скромнее, чем до революции. В данной части монографии также речь идет о судьбе уже бывшего особняка Батюшкиных, неоднократно менявшего владельцев – среди них Сибирское управление военно-учебных заведений РККА, детский дом № 21, Омский окружной отдел ОГПУ. Национализирована была также загородная заимка Батюшкиных, и в монографии документально прослеживается судьба имения. Семья Батюшкиных была вынуждена выживать в крайне непростых условиях.

Глава семьи до 1926 г. являлся советским служащим, преподавал на вечерних курсах. Выйдя на пенсию, Капитон Алексеевич вплоть до своей смерти в 1927 г. принимал активное участие в жизни религиозной общины Градо-Омской Пророко-Ильинской церкви. Примечательно, что супруги Батюшкины и их дети оказались в счастливом числе граждан, избежавших как лишения избирательных прав, так и репрессий в годы Большого террора. В данной главе прослеживается судьба младших детей Капитона и Елизаветы Батюшкиных. Как и многие в то время, они умалчивали о своем происхождении, но смогли встроиться в советский социум. В частности, Алексей Капитонович Батюшкин (младший из сыновей) служил счетоводом, бухгалтером, добровольцем ушел в РККА на фронт в 1942 г., дошел с боями до Берлина. С этой судьбой контрастирует жизнь в Харбине белоэмигранта, бывшего ротмистра белой армии Николая Капитоновича Батюшкина (старшего из сыновей).

Несмотря на трудности, Батюшкиным удалось «стабильно обрести себя»[14]. Можно сказать, что представителям данной семьи повезло, они смогли адаптироваться в советской действительности, хотя не достигли профессиональных высот, часто находясь на второстепенных ролях. Но они избежали преследований коммунистическим режимом. В книге есть данные и об отдельных родственниках Капитона Алексеевича, например о семье его родной сестры Анны (в замужестве Николаевой). Подобная информация дополняет характеристику рода Батюшкиных. В 1930-е гг. в связи с репрессиями и разными взглядами по отношению к советской власти стала нарушаться связь и преемственность поколений. В данном случае ситуации, представленные Д.И. Петиным в монографии на примере конкретной семьи, довольно показательны.

[13] *Петин Д.И.* История омского рода… С. 34.
[14] Там же. С. 80.

Финальная глава повествует о судьбе дома Батюшкиных в 1930–2010-е гг., о нахождении в здании костно-туберкулезного санатория, картографической фабрики, отдела ЗАГС. Шли годы, менялись жизни первых жильцов дома. Их бывший особняк со временем стал терять свое великолепие, ранее отличавшее его. Пережить годы забвения зданию помогла реставрация 1989 и 2011 гг. Современность обозначила новую страницу истории дома. Так, особый акцент Д.И. Петин сделал на общественных спорах вокруг особняка, а также на возникновении в 2012 г. и текущей деятельности Центра изучения истории Гражданской войны – уникальной в своем роде дискуссионной площадки в структуре Исторического архива Омской области, созданной для проведения выставок и научных мероприятий. Особняк вновь стал местом притяжения омичей и гостей города. Но нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «омская семья Батюшкиных и их дом на берегу Иртыша не стали бы столь широко известны за пределами Омска, если бы не события Гражданской войны и политическая фигура адмирала Александра Васильевича Колчака»[15]. Информация о судьбе семьи оказалась востребована посетителями Центра: данное обстоятельство, а также исследовательский интерес автора обусловили появление монографии.

В целом несомненное достоинство исследования – значительный объем методично собранной и обработанной информации, выявленной из разных источников (в том числе территориально рассредоточенных), что восполняет представления об экономической, общественно-политической и повседневной истории Омска. В рецензируемой монографии тесно увязаны между собой две сюжетные параллели – история рода Батюшкиных и история их «родового гнезда». Д.И. Петин, прослеживая жизнь одной семьи за период новейшей истории, смог показать, как благополучный быт, складывавшийся долгие годы, оказался стремительно разрушен эпохой социальных катаклизмов. Судьба семьи во многом показательна как пример последующей жизни ранее зажиточных горожан, принимавших активное участие в социально-экономической и общественной жизни Омска до падения монархии, а впоследствии вынужденных покинуть родные места, пойти на службу в советские учреждения, приспосабливаться к новым, подчас ментально чуждым условиям. Оставшиеся в СССР Батюшкины стали относить себя к числу городских обывателей, отойдя от участия в жизни региона, а со временем «растворились» в советской действительности, не вспоминая открыто о своем происхождении. Таким образом, исследование посвящено и сценариям социальной адаптации представителей «бывших людей» в раннем постреволюционном российском обществе.

Отметим особое бережное отношение автора монографии к прошлому. Петин не допускает вольных неаргументированных трактовок, равно как и всякого идеологического ангажирования в суждениях. Рассуждая об истории, он упорно «цепляется» за всякое полезное историческое свидетельство. На наш взгляд, затрагивая исторических персоналий как всероссийского, так и локального уровней, отражая в истории семьи и их особняка коллизии эпохального отрезка времени, охватывающего почти два века, Д.И. Петин постарался сделать книгу максимально полезной, в равной степени ценной и для профессиональных историков, и для краеведов. Немаловажно, что слог повествования отличается одновременно и легкостью, и выдержанностью в традициях исторического академизма. Причем автор позаботился о своем читателе, предусмотрев в издании обширный научно-справочный аппарат, включающий именной, предметный и географический указатели, а также список сокращений и комментарии, размещенные в подстрочных сносках. Все перечисленное объясняет тот факт, что за первый год с момента выхода в свет и презентации, состоявшейся 26 января 2022 г.[16], работа Д.И. Петина нашла довольно серьезный отклик в научных кругах[17].

---

[15] *Петин Д.И.* История омского рода… С. 103.

[16] *Федотова И.В.* Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179–204.

[17] См., напр.: *Штырбул А.А.* «На семи лихих продувных ветрах…» (О книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 69–73; *Блинова О.В., Стельмак М.М.* От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1. С. 245–271; *Антошин А.В.*

Однако выделим отдельные замечания. Во-первых, автору следовало шире использовать информационные возможности региональной печати, чтобы более атмосферно показать ситуацию, сложившуюся в Омске, особенно это актуально для событий начала XX в., ведь пресса активно описывала и экономическую, и повседневную жизнь города. Автору монографии это прекрасно известно[18]. По тексту книги мы находим отдельные примеры использования материалов омской периодики с упоминанием К.А. Батюшкина. Вполне вероятно, что более тщательное изучение подшивок прессы могло дать некую долю дополнений и частностей, важных для общей линии повествования.

Во-вторых, в монографии четко переплетаются между собой два направления – история семьи Батюшкиных и их особняка. Но в названии работы (весьма простом) данное обстоятельство автором не отражено, и понимание полного содержательного смысла книги, как и авторской задумки, происходит только в процессе прочтения. В этом отношении четвертая глава выделяется из общего контекста повествования. Вероятно, это направление стоило вынести отдельно и представить как самостоятельное исследование.

В-третьих, излагая семейное прошлое Батюшкиных, Д.И. Петин делает небольшие отступления. Они логичны, поскольку объясняют различные взаимосвязи семьи с тем или иным учреждением или событием (например, о Пророко-Ильинской церкви Омска, о поэте Юрии Сопове, о реконструкции здания и др.). Согласимся, это позволяет более обстоятельно смотреть на отдельные аспекты, но в некоторых случаях отступления и пояснения можно было бы сократить в объеме или вынести в качестве примечаний в сноски.

Однако высказанные замечания не умаляют значимость работы. Исследование выполнено на высоком профессиональном уровне, адресовано широкому кругу читателей (в их числе, по нашему мнению, не только историки, но и культурологи). Мы выражаем надежду, что Д.И. Петин не оставит без внимания избранный сюжет омского прошлого, а критические мнения коллег натолкнут на мысль для дальнейших архивных открытий.

Литература

Антошин А.В. Дом и семья как зеркало прошлого страны: рецензия на книгу Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 82–86.

Блинова О.В., Стельмак М.М. От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1. С. 245–271.

Вибе П.П. Особняк Батюшкина // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 192.

Гермизеева В.В., Глазунова Т.В. Отражение проблем социально-экономического развития Степного края в отчетах генерал-губернаторов в начале XX века // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 5. С. 27–31.

Гермизеева В.В., Петин Д.И. Социально-экономическое развитие Степного края в 1907–1914 гг. в зеркале официальной омской периодики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 114–126.

Киселев А.Г. Батюшкины // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2012. Т. 1: А–Л. С. 62.

Дом и семья как зеркало прошлого страны: рецензия на книгу Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 82–86; *Коршунков В.А.* Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279; *Комлева Е.В.* Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск, 2021. 140 с. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. № 1. С. 161–167.

[18] См., напр.: *Гермизеева В.В., Петин Д.И.* Социально-экономическое развитие Степного края в 1907–1914 гг. в зеркале официальной омской периодики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 114–126.

Комлева Е.В. Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Тип. «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. № 1. С. 161–167.

Коновалов И.Л. Вторая реставрация дома Батюшкина // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост. А.М. Лосунов, В.А. Недбай, Н.П. Парыгин, Е.А. Сидоренко. Омск: ОмГПУ, 2012. С. 95–102.

Коновалов И.Л. Экскурсия по дому адмирала А.В. Колчака // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост. А.М. Лосунов, В.А. Недбай, Н.П. Парыгин, Е.А. Сидоренко. Омск: ОмГПУ, 2012. С. 88–95.

Коршунков В.А. Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279.

Лосунов А.М. Омский адрес верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 212 с.

Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.); под ред. Д.И. Петина. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.

Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.

Петин Д.И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.) / редкол. Д.И. Петин (отв. ред.) и др. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271.

Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А. В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.

Стельмак М.М. Омский род Батюшкиных: к истории архивно-фондового пополнения (2017) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления советской власти в Сибири (Омск, 13–14 ноября 2019 г.) / отв. ред. Д.И. Петин. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 240–244.

Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17.

Федотова И.В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179–204.

Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всерос. заочной науч.-практ. конф. / под ред. Д.И. Петина, Т.А. Терехиной. Омск, 2013. С. 161–173.

Штырбул А.А. «На семи лихих продувных ветрах…» (О книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 69–73.

Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны: моногр. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.

References

Antoshin, A.V. (2022). Dom i sem’ya kak zerkalo proshlogo strany: retsenziya na knigu D.I. Petina “Istoriya omskogo roda Batyushkinykh” [Home and Family as a Mirror of the Country’s Past: A Review of D.I. Petin’s Book “The History of the Batyushkin’s Family in Omsk”]. In *Omskiy nauchny’y vestnik. Seriya: Obshhestvo. Istoriya. Sovremennost*’. Vol. 7, No. 4, pp. 82–86.

Blinova, O.V., Stel'mak, M.M. (2022). Ot primet vremeni k istoricheskoy pamyati: retsenziya na monografiyu D.I. Petina "Istoriya omskogo roda Batyushkinykh" [From the Time to Historical Memory: A Review of D.I. Petin's Monograph "The History of the Batyushkin's Family in Omsk"]. In *Sibirskiy arkhiv*. No. 1, pp. 245–271.

Fedotova, I.V. (2022). Otmetiv pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [Celebrating the First Anniversary: A Review of Scientific Events in Omsk for the 10th Anniversary of the Center for the Study of the History of the Civil War]. In S*ibirskiy arkhiv*. No. 2, pp. 179–204.

Germizeeva, V.V., Glazunova, T.V. (2019). Otrazhenie problem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Stepnogo kraya v otchetakh general-gubernatorov v nachale XX veka [Reflection of the Problems of Socio-Economic Development of the Steppe Region in the Reports of Governors-General at the Beginning of the 20th Century]. In *Manuskript*. Vol. 12, No. 5, pp. 27–31.

Germizeeva, V.V., Petin, D.I. (2022). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Stepnogo kraya v 1907–1914 gg. v zerkale ofitsial'noy omskoy periodiki [Socio-Economic Development of the Steppe Region in 1907–1914 in the Mirror of the Official Omsk Periodicals]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 481, pp. 114–126.

Kiselev, A.G. (2012). Batyushkiny [Batyushkiny]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri.* Novosibirsk, In-t istorii SO RAN. Vol. 1: A–L, p. 62.

Komleva, E.V. (2023). Sud'ba strany cherez sud'bu dinastii. Retsenziya na knigu: Petin D.I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh. Omsk: Tip. "Zolotoi tirazh" (OOO "Omskblankizdat"). 140 p. [The Fate of the Country Through the Fate of the Dynasty. Book Review: Petin D.I. The History of the Omsk Batyushkin Family, Omsk, Zolotoi Tirazh (Omskblankizdat) Publ., 2021, 140 p.]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. Vol. 10, No. 1, pp. 161–167.

Konovalov, I.L. (2012). Ekskursiya po domu admirala A.V. Kolchaka [Tour of the House of Admiral A.V. Kolchak]. In *Nedbaevskie istoricheskie chteniya*. Omsk, OmGPU, pp. 88–95.

Konovalov, I.L. (2012). Vtoraya restavratsiya doma Batyushkina [The Second Restoration of the Batyushkin House]. In *Nedbaevskie istoricheskie chteniya.* Red.-sost. A.M. Losunov, V.A. Nedbai, N.P. Parygin, E.A. Sidorenko. Omsk, OmGPU, pp. 95–102.

Korshunkov, V.A. (2022). Arkhivnyy poisk v lokal'noy i semeynoy istorii: gorod Omsk i novoe v izuchenii ego proshlogo [Archive Search in Local and Family History: The City of Omsk and the New in the Study of its Past]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 1271–1279.

Losunov, A.M. (2011). *Omskiy adres verkhovnogo pravitelya* [Omsk Address of the Supreme Ruler]. Omsk, Amfora. 212 p.

Petin, D.I. (2016). Nikolay Batyushkin: biograficheskie istochniki v rekonstruktsii zhiznennogo puti kharbinskogo beloemigranta [Nikolay Batyushkin: Biographical Sources in the Reconstruction of the Life Path of the Harbin White Emigrant]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 249–282.

Petin, D.I. (2017). Genealogiya omskoy sem'i Batyushkinykh v svete ocherednykh arkhivnykh nakhodok [Genealogy of the Omsk Batyushkin Family in the Llight of the Next Archival Finds]. In *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie*: *Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Omsk, OmGTU, pp. 263–271.

Petin, D.I. (2021). *Istoriya Omskogo roda Batyushkinykh* [The History of the Batyushkin's Family in Omsk]. Omsk, Tipografiya "Zolotoi tirazh" (Omskblankizdat). 140 p.

Petin, D.I., Konovalova, N.A. (2015). Kapiton Batyushkin: dopolnyaya istoricheskiy portret [Kapiton Batyushkin: Complementing the Historical Portrait]. In *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rrossii: ob'ektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, Amfora, pp. 118–125.

Petin, D.I., Stel'mak, M.M. (2021). "Ubity pri vzryve v dome Verkhovnogo pravitelya": k analizu aktovykh zapisey o smerti chinov konvoya admirala A.V. Kolchaka 27 avgusta 1919 g. ["Killed in an Explosion in the House of the Supreme Ruler": To Analyze the Records of the Death

of the Ranks of the Convoy of Admiral A.V. Kolchak on August 27, 1919]. In *Vestnik arkhivista*. No. 3, pp. 725–740.

Shishkin, V.I. (2013). Vzryv v usad'be Verkhovnogo pravitelya 25 avgusta 1919 g. [Explosion in the Estate of the Supreme Ruler on August 25, 1919]. In *Grazhdanskaya voyna v Sibiri: materialy Vserossiyskoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, pp. 161–173.

Shtyrbul, A.A. (2022). "Na semi likhikh produvnykh vetrakh…" (O knige D.I. Petina "Istoriya omskogo roda Batyushkinykh") ["On Seven Dashing Blowing Winds…" (About D.I. Petin's book "The History of the Batyushkin's Family in Omsk")]. In *Omskiy nauchny'y vestnik. Seriya: Obshhestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 7, No. 2, pp. 69–73.

Shumilova, E.E. (2020). *Povsednevnaya zhizn' krupnykh gorodov Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny* [Daily Life of Large Cities of Western Siberia During the First World War]. Yekaterinburg, Izdatel'skie resheniya. 178 p.

Stel'mak, M.M. (2019). Omskiy rod Batyushkinykh: k istorii arkhivno-fondovogo popolneniya (2017) [Omsk Batyushkin Family: Towards the History of Archival and Stock Replenishment (2017)]. In G*razhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu vosstanovleniya sovetskoy vlasti v Sibiri*. Omsk, OmGTU, pp. 240–244.

Sushko, A.V., Petin, D.I. (2019). Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A.V. Kolchaka v Omske [Battles for Memory: On the Issue of Memorialization of the Name of Admiral A.V. Kolchak in Omsk]. In *Omskiy nauchny'y vestnik. Seriya: Obshhestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 4, No. 4, pp. 9–17.

Vibe, P.P. (1994). Osobnyak Batyushkina [Batyushkin 's Mansion]. In *Vibe P.P., Mikheev A.P., Pugacheva N.M. Omskiy istoriko-kraevedcheskiy slovar'*. Moscow, Otechestvo, p. 192.